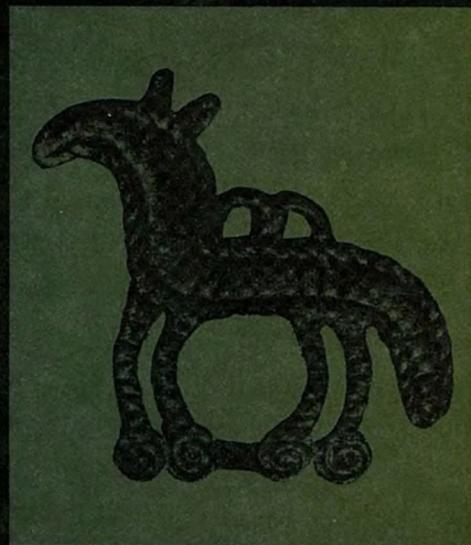

Р.Д. Голдина

**ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ
УДМУРТСКОГО
НАРОДА**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ
ПРИ УДМУРТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Р.Д. ГОЛДИНА

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ
УДМУРТСКОГО НАРОДА

ИЖЕВСК
2004

ББК 63.4(2Р36-6У)2+63,4(2Р36-6У)32

Г 601

Рецензенты:

*доктор исторических наук, профессор Э.А. Савельева; доктор исторических наук,
ст. научный сотрудник В.В. Напольских*

Федеральная целевая программа «Культура России»
(Подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Издание второе, переработанное

Голдина.Р.Д.

Г 601 Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 422 с. + вкл.

ISBN 5-7029-0112-6

В книге впервые на основании археологических, лингвистических, антропологических, этнографических и других материалов изложены основные этапы древней и средневековой истории удмуртского народа. Большое внимание уделено контактам, взаимодействию удмуртского этноса с другими народами. Адресована преподавателям вузов и школ, студентам и всем интересующимся историей и культурой удмуртского народа и народов Удмуртии.

ISBN 5-7029-0112-6

© Р.Д.Голдина, 2004

© Издательский дом «Удмуртский университет», 2004

*Многим поколениям
удмуртского народа,
народа-труженика
посвящается...*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема происхождения и древней (дописьменной) истории народов – одна из самых актуальных и важных в исторической науке. Любой народ, даже самый немногочисленный, имеет право знать свои истоки, все перипетии своей исторической судьбы. И долг каждого историка внести свой посильный вклад в этот нескончаемый процесс познания. До тех пор пока будет существовать человечество, интерес к истории и стремление ее узнать, как среди обычных людей, так и среди профессионалов-историков, будет расти.

Мне посчастливилось жить и работать в республике Удмуртия, в которой на протяжении тысячелетий вместе с другими народами живут удмурты. Это один из многих народов уральской (финно-угро-самодийской) лингвистической общности, объединяющей коми-пермяков, коми-зырян, марийцев, мордву, хантов, манси, венгров и другие народы (рис. 1). Сейчас численность удмуртов составляет около 750 тысяч человек. Как показали археологические исследования, предки этого народа издревле жили в Камско-Вятском междуречье.

Судьбе было угодно, что, став археологом, я изучала древние памятники, оставленные многими поколениями этого народа и его далекими предками. Их богатство и своеобразие были так велики, что, возникнув сначала на уровне любопытства, мой интерес к этим памятникам и людям, создавшим их, оформился в профессиональную необходимость исследова-

вания истории этого народа. Мне повезло и в том, что ко времени моей жизни, усилиями многих поколений ученых были накоплены уникальные материалы по лингвистике, этнографии, мифологии, фольклору, антропологии и археологии удмуртов. Появилась реальная возможность, изучив все доступные мне материалы в области археологического знания, систематизировать и проанализировать их методами современной науки. Изучение достижений смежных наук в области этногенеза и древней истории удмуртского народа позволило использовать их для взаимодополнения, взаимопроверки фактов и гипотез этих дисциплин и воссоздания древней истории удмуртского этноса, основанной на комплексном применении данных различных наук. При таком подходе удалось несколько скорректировать некоторые крайние точки зрения и выработать более объективную, основанную на многообразии фактов разных областей знания концепцию древней истории.

В процессе исследования неоценимое влияние на оформление моих представлений об истории удмуртского народа оказали лингвисты: д. ф. н. М.Г. Атаманов, д. ф. н. В.К. Кельмаков, к. ф. н. Р.Ш. Насибуллин, д. ф. н. И.В. Тараканов, этнографы: д. и. н. В.Е. Владыкин и д. и. н. В.В. Напольских, антрополог к. б. н. М.С. Акимова, археологи – мои учителя: д. и. н. О.Н. Бадер, д. и. н. В.Ф. Генинг, д. и. н. В.А. Оборин, мои коллеги: к.и.н. Л.И. Аших-

мина, к. и. н. Т.М. Гусенцова, д. и. н. М.Г. Иванова, к. и. н. К.И. Корепанов, С.Н. Кореньюк, к. и. н. Л.А. Наговицын, д. и. н. Т.И. Останина, В.А. Семенов, мои ученики и друзья: В.Г. Базанова, Л.Н. Береснева, В.В. Ванчиков, Н.В. Володаго, к. и. н. С.Р. Волков, к. и. н. Е.В. Голдина, Н.П. Девятова, к. и. н. Г.Н. Журавлева, Р.М. Закирова, к. и. н. А.Г. Иванов, к. и. н. В.А. Кананин, к. и. н. О.А. Казанцева, Л.В. Князева, Т.А. Лаптева, к. и. н. Н.А. Лещинская, Л.И. Липина, к. и. н. Л.Д. Макаров, И.Г. Маргасова, к. и. н. О.М. Мельникова, к. и. н. И.Ю. Пастушенко, С.Е. Перевошиков, А.В. Прокопов, Н.Л. Решетников, Д.А. Салангин, Л.А. Сенникова, к. и. н. Е.М. Черных, к. и. н. И.Г. Шапран, Н.Ф. Шишкина, Н.Ф.

Широбокова, д. и. н. Н.И. Шутова, к. и. н. Т.К. Ютина и другие. Я глубоко признательна всем ученым, чьи труды помогли мне написать это исследование. Вряд ли эта книга состоялась бы без бескорыстной помощи студентов и преподавателей исторического факультета Удмуртского государственного университета и его ректоров проф. Б.Н. Шульги и проф. В.А. Журавлева.

Хочу поблагодарить также ученых, взявших на себя труд прочесть первый вариант книги, высказать свою оценку ее и критические замечания, д. фил. н. М.Г. Атаманова, к. и. н. С.В. Кузьминых, к. и. н. Ю.А. Зеленива, к. и. н. О.М. Мельникову, д. и. н. В.А. Иванова, д. и. н. Г.Т. Обыденнову, к. и. н. Е.М. Черных и др.

ГЛАВА I

ВОЗМОЖНОСТИ И ВКЛАД РАЗЛИЧНЫХ НАУК В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ УДМУРТСКОГО НАРОДА

Как показала эволюция гуманитарного знания, проблема происхождения и история удмуртского народа, равно как и других, может быть решена только на основе комплексного подхода с использованием данных различных наук – языкознания, археологии, антропологии, этнографии, фольклористики и т. д.

Каждая из этих наук имеет свой предмет исследования, свои подходы, задачи и собственные методы решения этих задач. И было бы неверно искусственно подгонять результаты, полученные одной из наук под выводы других. Более правильным представляется путь, когда заключения каждой науки основаны на собственных материалах и методах и лишь в процессе осмысления данных всех наук и обобщений, сопоставления полученных результатов происходит выработка общей концепции этногенеза (В.В. Седов, 1994, с. 60–61).

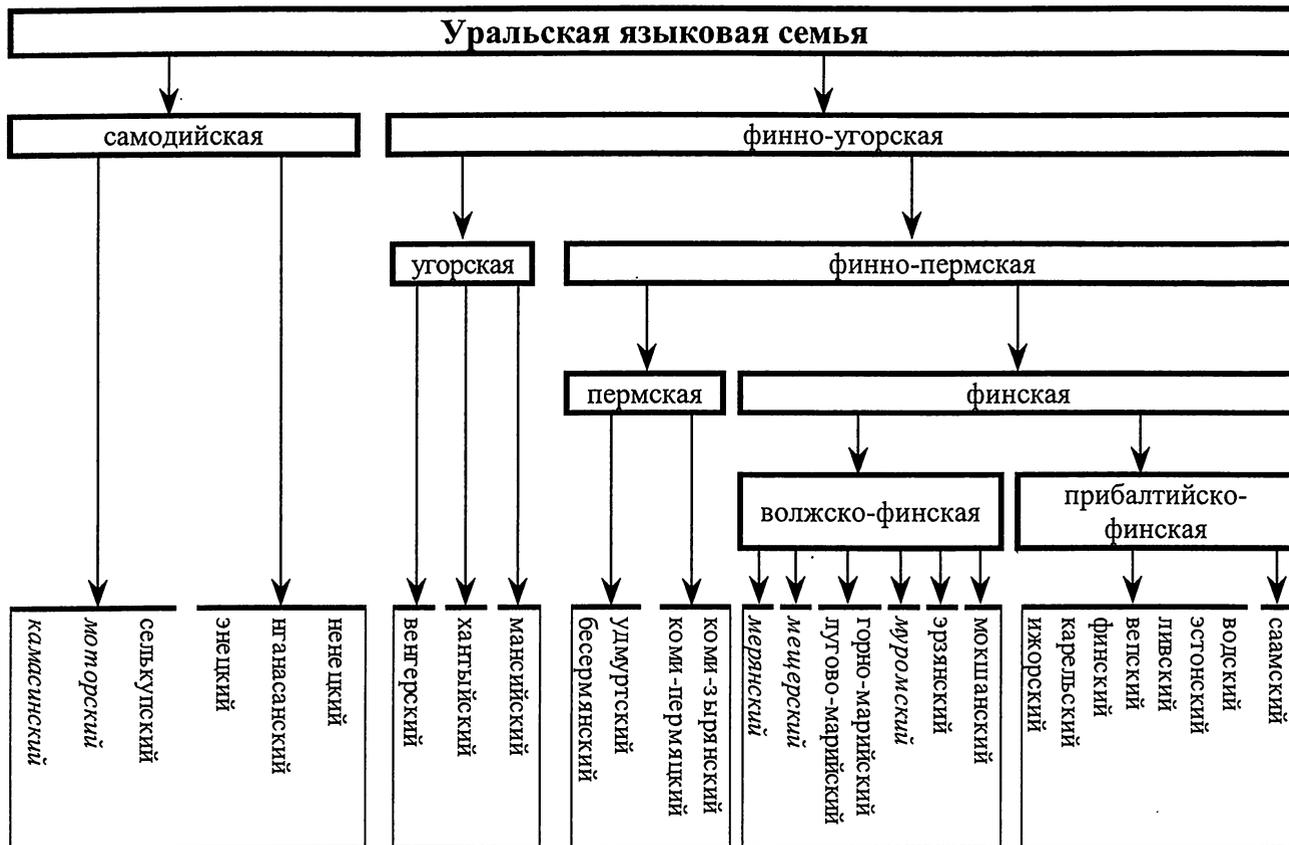
Один из возможных вариантов решения данной задачи, применительно к ранней и средневековой истории удмуртского народа, и предлагается в этой книге.

1.1. Языкознание и этногенез удмуртов

Долгое время языкознание было единственной отраслью науки, изучающей этническую историю финно-угорских народов, в том числе и удмуртского. Первое знаком-

ство с образцами удмуртской речи у мира состоялось благодаря путешественникам-энциклопедистам – Д.Г. Мессершмидту (1685–1735 гг.), Ф. Страленбергу, И. Фишеру (1697–1771 гг.), Г. Миллеру (1705–1783 гг.), Л. Шлецеру (1735–1809 гг.), П. Палласу (1741–1811 гг.) и другим в начале и середине XVIII в. (Т.И. Тепляшина, 1966). Капитан шведской армии Ф. Страленберг, попавший в плен под Полтавой в 1709 г., прожил 13 лет в Сибири, изучая живые языки. Ф.Страленберг первым обратил внимание в 1730 г. на родство мордовского, марийского, коми, удмуртского, мансийского, хантыйского, венгерского, финского, саамского и эстонского языков (П. Хайду, 1985, с. 345).

В 1775 г. в Петербурге была издана первая удмуртская грамматика, в которой было использовано 1400 удмуртских слов. Одним из первых российских академиков, изучавших удмуртский язык, был И. Шёгрэн (1794–1855 гг.), посетивший в 1827–1829 гг. Приуралье. Он обозначил наиболее крупные группы удмуртского этноса и описал погребальный обряд и женский костюм северных удмуртов (А.Е. Загребин, 1997, с. 75–81). Его современник, выдающийся исследователь алтайских и финно-угорских языков и народов М.А. Кастрен (1813–1852 гг.), побывавший у удмуртов весной 1845 г., указал на родственность удмуртов и коми-пермяков и

живые языки
вымершие языки

Рис 1. Схема развития уральской языковой семьи

выдвинул одну из первых гипотез объяснения термина «удмурт».

Накопление лингвистического материала довольно успешно продолжалось в конце XIX и начале XX в. в связи с деятельностью этнографов и фольклористов – Б. Гаврилова, Н.Г. Первухина, В. Кошурникова, Г.Е. Верещагина, Г.Н. Потанина, И.Н. Смирнова, И. Васильева и других, а также появлением церковной и учебной литературы на удмуртском языке, издаваемой в Казани и Вятке.

Начало систематического научного изучения финно-угорских, в том числе удмуртского, языков относится ко второй половине XIX в., когда стал активно развиваться сравнительно-исторический метод в языкознании.

Именно в это время в России, Финляндии и Венгрии сложились крупные лингвистические школы, которые стали заниматься изучением языков уральской семьи. Среди этих ученых особое место занимает Ф.И. Видеманн (1805–1887 гг.), преемник академика Шёгрена по Российской Академии наук. Академик Ф.И.Видеманн, эстонец по происхождению, успешно работал над проблемой урало-алтайского языкового родства, его перу принадлежит несколько грамматик, в том числе и удмуртская (1851), словари удмуртского и коми языков (1880).

Высококачественный лингвистический материал среди удмуртов был собран в конце XIX в. профессионалами-языковедами

финнами Т.Г. Аминоффом и Ю. Вихманном в поездке 1891–92 гг. и 1894 г. в Приуралье, А. Генецом, а также венгром Б. Мункачи в путешествии 1885 г. Б. Мункачи опубликовал большой словарь удмуртского языка (1890–1896). Материалы, собранные Ю. Вихманном, позволили ему выполнить важные исследования о вокализме первого слога в пермских языках (1897), а также о чувашских заимствованиях в этих языках (1903). Именно в последней работе Ю. Вихманном был сформулирован тезис о позднем, не ранее VIII в., распаде общепермской языковой общности на основании распространения болгаризмов в этих языках. Общими для пермских языков являются около 20 слов болгарского происхождения, однако в удмуртском число их достигает около 200. Отсутствие этих слов в языках коми, по Ю. Вихманну, следствие отделения коми от удмуртов и миграции их на территорию современного расселения. В настоящее время выдвинута иная гипотеза (Р.Ш. Насибуллин, 1992).

В 1897 г. издательством Казанского университета был выпущен «Краткий славяно-вотский словарь», содержащий свыше 800 слов.

Выдающиеся заслуги в области финно-угроведения принадлежат финну Э.Н. Сетяля (1864–1935 гг.), который занимался историей родства всех финно-угорских и самодийских языков. Он создал единую систему фонетической транскрипции для финно-угорских языков, которая используется и сейчас.

Благодаря усилиям многих поколений ученых (глубокие историографические обзоры финно-угорского языкознания на русском языке выполнены Я. Гуйей – Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 55–97 и академиком П. Хайду – 1985, с. 341–390) языкознание остается одной из наиболее исследованных областей финно-угроведения вообще и этногенеза финно-угорских народов в частности. Сейчас наиболее признана концепция, соглас-

но которой удмуртский и коми языки разделились довольно поздно – после VIII в. н. э. До этого времени они образовывали прапермское единство (рис. 2), существовавшее синхронно с прафинно-волжскими языками, от которых оно отделилось приблизительно в середине II тыс. до н. э. Прафинно-угорский язык существовал с конца IV тыс. до н. э. до конца III тыс. до н. э. и, наконец, на прауральском языке люди говорили, вероятно, не позднее VI–IV тыс. до н. э.

Прародина уральских и финно-угорских народов, по мнению П. Хайду, исходя из анализа слов, обозначающих понятия ‘ель’, ‘пихта’, ‘кедр’, ‘лиственница’, ‘вяз’, ‘пчела’, ‘мед’, сохранившихся в финно-угорских языках, а также палинологических данных, располагалась восточнее Урала, а в финно-угорский период – западнее Урала, в Прикамье (1985, с. 159).

Успехи сравнительно-исторического языкознания позволили определить характер и историческую динамику связей финно-угорских языков с другими: индоевропейскими, алтайскими, юкагирскими языками, общие и особенные черты отдельных языков и языковых групп, лексику определенных хронологических эпох и многие другие проблемы.

В России после революции 1917 г. возникла настоятельная необходимость языкового строительства, и для выработки удмуртского литературного языка проводились научные совещания и конференции (1920, 1937, 1947 гг.). Появились различные удмуртско-русские словари: В.Д. Крылова – 1919 г., И.В. Яковлева – 1919 г., Т. Борисова – 1932 г., С.П. Жуйкова – 1936 г. (И.В. Тараканов, 1987 а, с. 8–9), создана удмуртская грамматика (А.И. Емельянов, 1927).

В 1929 и 1930 гг. в Удмуртии работали лингвистические экспедиции под руководством Д.В. Бубриха и Н.Я. Марра. Начиная с 1931 г. эти материалы стали собирать ученые Удмуртского педагогического института, а с 1936 г. – Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. В 1954 г. был опубликован новый

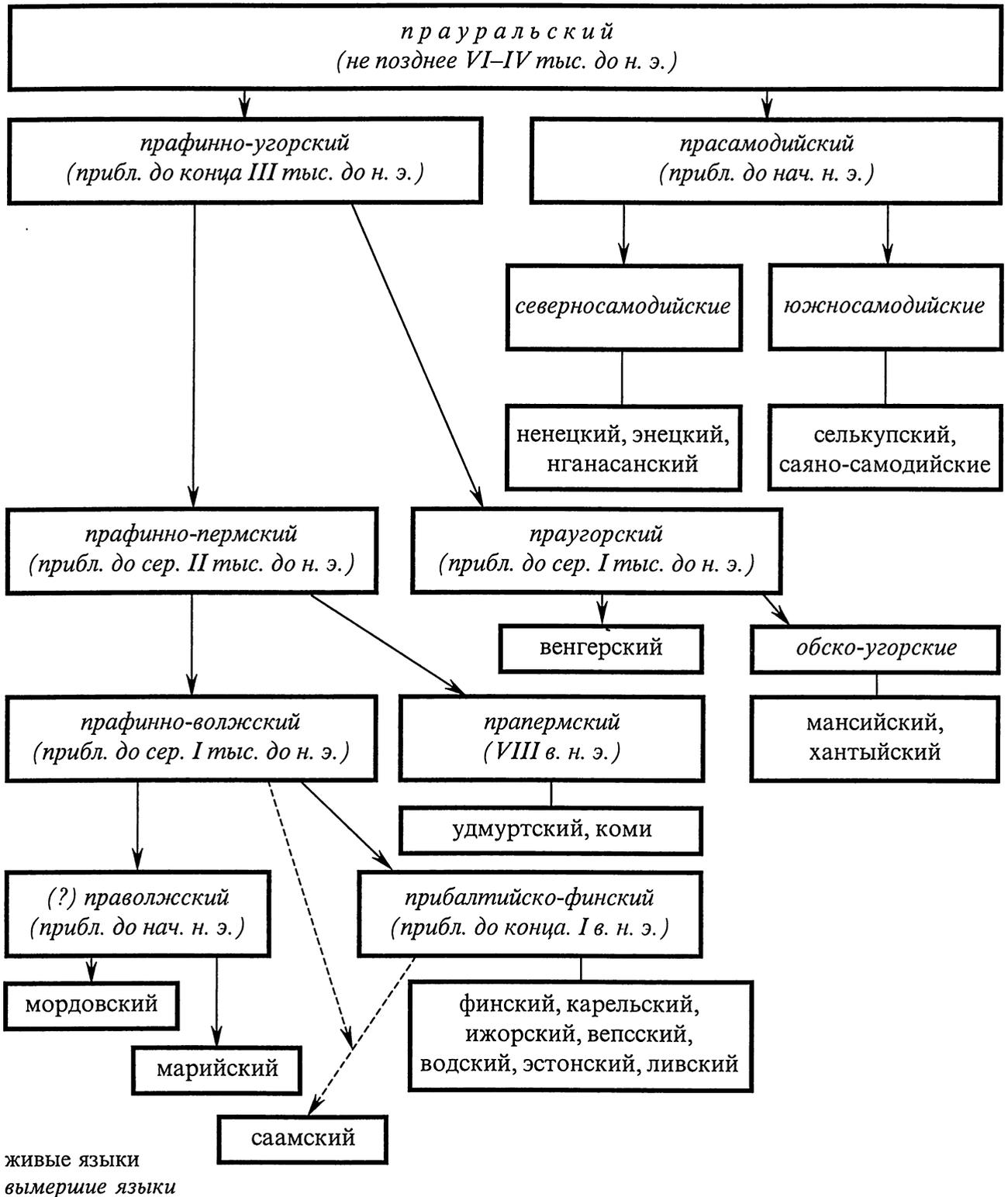

Рис. 2. Схема развития прауральской языковой семьи (по П. Хайду)

проект правил удмуртского правописания, а в 1959 г. И.В. Таракановым и А.С. Беловым был издан новый удмуртский орфографический словарь.

В 60–90-е гг. удмуртское языкознание развивалось очень быстрыми темпами (И.В. Тараканов, 1987, с. 11–17). Историческая фонетика удмуртского языка разработана трудами отечественных лингвистов: В.И. Лыткина, В.К. Кельмакова, Б.А. Серебренникова, И.В. Тараканова, Р.Ш. Насибуллина; финнов: Т. Уотила, Э. Итконена; венгров: К. Редеи, Ф. Мольнара, Т. Микола, Д. Лако; американца Р. Хармса и других. Была восстановлена прапермская и праудмуртская система гласных (Д.В. Бубрих, В.И. Лыткин, Э. Итконен, Р. Хармс, В.К. Кельмаков), обозначена природа и история удмуртского ударения (Э. Итконен, В.И. Лыткин, И.В. Тараканов, В.К. Кельмаков, В.Н. Денисов), выявлены причины возникновения и развития отдельных фонетических процессов (В.И. Лыткин, И.В. Тараканов, С.К. Бушмакин, Т.И. Тепляшина). Система согласных в удмуртском языке анализировалась Т. Уотилой, Д.В. Бубрихом, Д. Лако, В.К. Кельмаковым и другими. Вопросы исторической морфологии рассматривались, начиная с работ Ф.И. Видеманна и Т. Уотилы, также Э. Беке, Э. Васойя, К. Редеи, Б.А. Серебренниковым, В.И. Алатыревым, К.Е. Майтинской, Д. Лако, В.И. Лыткиным, П.Н. Перевощиковым, И.В. Таракановым, В.К. Кельмаковым, Р.Ш. Насибуллиным, М. Кевеши, Д.Р. Фокош-Фуксом, Л.И. Калининой, А.Ф. Шутовым и другими. Синтаксис удмуртского языка исследован в работах Г. Стипы, П.Н. Перевощикова, Л.И. Калининой, В.М. Вахрушева, Г.А. Ушакова, А.Ф. Шутова, Р.И. Яшиной, В.Г. Калашниковой и других. Вопросы ономастики изучались К. Гердом, Т.И. Тепляшиной, М.Г. Атамановым, С.К. Бушмакиным, С.В. Соколовым, В.К. Кельмаковым и др.

Особое значение для изучаемой проблемы имеет исследование вопросов языкового контактирования. Например, индоиранские заим-

ствования анализировали Б. Мункачи, А. Йоки, К. Редеи, В.И. Лыткин и другие. Булгарские и татарские контакты с удмуртами по данным языка изучали после Х. Паасонена и Ю. Вихманна – В.И. Лыткин, М.Р. Федотов, И.В. Тараканов, М. Ряснен, К. Редеи, А. Рона-Таш, Ш. Чуч, В.И. Алатырев, В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин и другие. Русские заимствования в удмуртском языке стали предметом исследования Б. Мункачи, П.Н. Перевощикова, В.И. Алатырева, Ш. Чуча, В.К. Кельмакова, А.А. Алашеевой, Р.Ш. Насибуллина и других (И.В. Тараканов, 1987, с. 15).

Среди фундаментальных работ по пермистике особое место занимают работы Д.В. Бубриха, основоположника советского финно-угроведения, который исследовал историческую фонетику удмуртского языка (1948), академика АН СССР Б.А. Серебренникова, изучавшего как методологию языкознания, так и историческую морфологию пермских языков (1963), категории времени и вида этих языков (1960). Велики достижения в этой области профессора В.И. Лыткина, создавшего труды «Древнепермский язык» (1952) и «Исторический вокализм пермских языков» (1964). В.И. Лыткиным совместно с Т.И. Тепляшиной написан большой раздел по пермским языкам в монографической работе «Основы финно-угорского языкознания» (1976). Большим вкладом в отечественное финно-угроведение явилась работа Т.И. Тепляшиной «Язык бесермян» (1970).

Следует особо отметить, что за последние 40 лет в Удмуртии сложилась собственная достаточно мощная школа языковедов, которая хорошо известна своими успехами в области финно-угроведения. Изданы сотни статей и монографий (Библиография научных трудов кафедры..., 1988; В.К. Кельмаков, 1990, 1995), среди которых выделяются своей значимостью «Грамматика современного удмуртского языка» в трех томах (1962, 1970, 1974), «Иноязычная лексика в современном удмуртском языке» (Ижевск, 1981), «Заимствованная лексика в удмуртском языке (удмуртско-тюр-

ские языковые контакты)» (И.В. Тараканов, 1982, 1993), «Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков» (Г.А. Ушаков, 1982), «Образцы удмуртской речи» (В.К. Кельмаков, 1981, 1990), «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» (В.К. Кельмаков, 1993а), «Обратный словарь удмуртского языка» (Р.Ш. Насибуллин, В.Ю. Дудоров, 1992) и другие работы.

Однако остается еще ненаписанной история удмуртского народа по данным языка, а обращение исследователей к отдельным аспектам этой проблемы отличается редкостью и эпизодичностью. Поэтому особый интерес вызывают исследования Р.Ш. Насибуллина о времени распада общепермской языковой общности (1990, с. 153–158; 1992, с. 81–95). Он, в отличие от Ю. Вихманна и его последователей, отрицает миграцию коми на север после VIII в. н. э., полагая, что булгаризмы проникали в пермскую среду через предков южных удмуртов постепенно. Приток их в коми язык был ограничен в XI–XII вв. вследствие насыщения лексики этих народов русскими словами, а поскольку усвоение русских слов шло достаточно интенсивно, то булгаризмы и не были востребованы народами коми.

Благодаря развитию финно-угорского языкознания стали известны многие явления древней и средневековой истории удмуртского народа. Однако, несмотря на то, что язык является одним из надежных этнических признаков, возможности этой науки несколько ограничены отсутствием хронологических и конкретно-исторических реперов. Попытки выработать собственные методы определения хронологии (глотохронология) подвергаются справедливой критике (П. Хайду, 1985, с. 174–176).

1.2. Историки и этнографы о происхождении и древней истории удмуртов

Проблема происхождения удмуртов встала уже при первом знакомстве с ними в XVIII в. историков, путешественников, географов.

Большинство исследователей, пытаясь сопоставить удмуртов с уже известными народами или областями, искали их истоки далеко за пределами их современного обитания. Так, В.Н. Татищев (1686–1750 гг.), П.И. Рычков (1712–1777 гг.) (1762), Д.Н. Островский (1873) и другие, основываясь на сопоставлении терминов *вотши* – *вотья* и *водь*, считали, что удмурты переселились в Прикамье из Водской пятины (район Нарвы и Ладоги), населенной водью, одной из прибалтийско-финских народностей. В противовес этой родилась гипотеза восточного происхождения удмуртов. Например, Г.Ф. Миллер (1791) предполагал, что они пришли с берегов Енисея, где жил народ арины (*ар* – тюркское название удмуртов). Эту точку зрения поддержал позже В.С. Кошурников (1879). Э.И. Эйхвальд развивал гипотезу, согласно которой родина удмуртов – Забайкалье, бассейн р. Уда, откуда они переселились сначала в прикаспийские степи, а оттуда – в Прикамье (1855). По мнению В.М. Бехтерева, древние удмурты с Алтая дошли до берегов Ладоги и Нарвы, а оттуда начали обратное движение на восток в места современного обитания (1880).

Пожалуй, первым историком, утверждавшим европейское происхождение удмуртов, был вятский историк А.И. Вештомов, но и он видел их прародину не в Камско-Вятском междуречье, а на р. Оке (1908).

К теориям восточного происхождения удмуртов примыкает и точка зрения первого этнографа-удмурта Г.Е. Верещагина, который видел истоки своего народа в Индии, откуда удские племена продвинулись на север Азии и затем на северо-запад, в область Биармию, оставляя на своем пути близкие названия (Уда, Верхне-Удинск, Удинск, Удинский острог и др.) (1926, с. 8–24).

Несмотря на обилие работ дореволюционных этнографов (А.А. Фукс, М. Бух, Г.Н. Потанин, П. Богаевский, И.Н. Смирнов, И. Васильев, С.К. Кузнецов и другие), вопросы происхождения и ранней истории удмуртов в них либо не рассматривались, либо отража-

ли полуфантастические представления исследователей о далекой восточной прародине.

Значительная группа ученых советского времени разделяла кавказскую гипотезу происхождения удмуртов (И.С. Михеев, К. Герд, Н.Я. Марр). К. Герд находил сходство в названиях удмуртов и народа удины, обитавшего на территории Азербайджана (1926, с. 91–95).

Интерес представляет исследование А. Пинт, посвященное истории домостроения удмуртов (1931), в котором она аргументировала древность построек типа куала и кенос и считала более поздним явлением избу удмуртов.

Народную одежду удмуртов с точки зрения выделения этнографических групп и их происхождения анализировала В.Н. Белицер (1947, 1947а, 1951). На основании собранных материалов исследователь выделила основные типы удмуртской одежды, головных уборов, украшений, а также их комплексы и высказала свои суждения о происхождении отдельных локальных групп удмуртов, а также бесермян.

В монографии К.И. Козловой «Этнография народов Поволжья» (1964) рассмотрены основные этнографические особенности – жилище, одежда, община, семейные обычаи и обряды, религиозные верования, народное творчество, хозяйство различных народов Поволжья – мордвы, марийцев, чувашей, татар, башкир и удмуртов. Истоки удмуртского этноса автор видит в ананьинской, пьяноборской и гляденовской археологических культурах, определяет исторические причины деления удмуртов на северных, южных и бесермян.

На этнографических материалах построено исследование видного отечественного исследователя Т.А. Крюковой «Удмуртское народное изобразительное искусство» (1973), в котором автор рассматривала все виды народного искусства: узорное тканье и ковроткачество, узорное вязание, многоцветную вышивку, резьбу по дереву и тиснение по бересте, определяя локальные варианты, связи искусства удмуртов с соседними народами. Истоки изобразительного искусства удмур-

тов Т.А. Крюкова видела также в искусстве ананьинской эпохи.

Локальные варианты одежды, орнамента, ткачества, домостроения и других особенностей материальной культуры удмуртов в разной степени освещены В.А. Семеновым (1964, 1967, 1983), С.Н. Виноградовым (1973, 1974, 1976), К.М. Климовым (1979, 1984, 1988) и другими учеными.

Интерес представляет работа С.Х. Лебедевой и М.Г. Атаманова (1987), в которой предпринята попытка не только подробно охарактеризовать и локализовать (рис. 3) костюмные комплексы удмуртов, но и выяснить их возможные истоки и последовательность формирования. Анализ погребального обряда удмуртов, как одного из наиболее консервативных элементов традиционной культуры, выполнен Л.С. Христолюбовой (1978), а также М.Г. Атамановым и В.Е. Владыкиным (1985), показал глубокие истоки отдельных черт погребальной обрядности, уходящие в ананьинско-пьяноборское время, а также синкретический характер религиозных представлений удмуртов.

Особую важность представляет монографическое исследование Р.Г. Кузеева (1992), посвященное народам Среднего Поволжья и Южного Урала, в котором на широком территориальном и хронологическом фоне нарисована картина этнической истории татар, башкир, чуваш, мордвы, марийцев, удмуртов и русских. Автором предложена периодизация этноисторических процессов в указанном регионе, определена динамика основных направлений этнокультурных контактов, высказана собственная оценка многих дискуссионных вопросов (например, о ранних тюрках на Средней Волге и Южном Урале). Вместе с тем, поскольку в работе анализируется огромное количество проблем, древней этнической истории удмуртов уделено не так уж и много внимания. Кроме того, в оценке истории финно-угорских народов Приуралья II тыс. до н. э. – I тыс. н. э. автор стоит на позициях, преувеличивающих роль миграций восточных угорских и самодийских народов в Приуралье (1992, с. 24–29, 34).

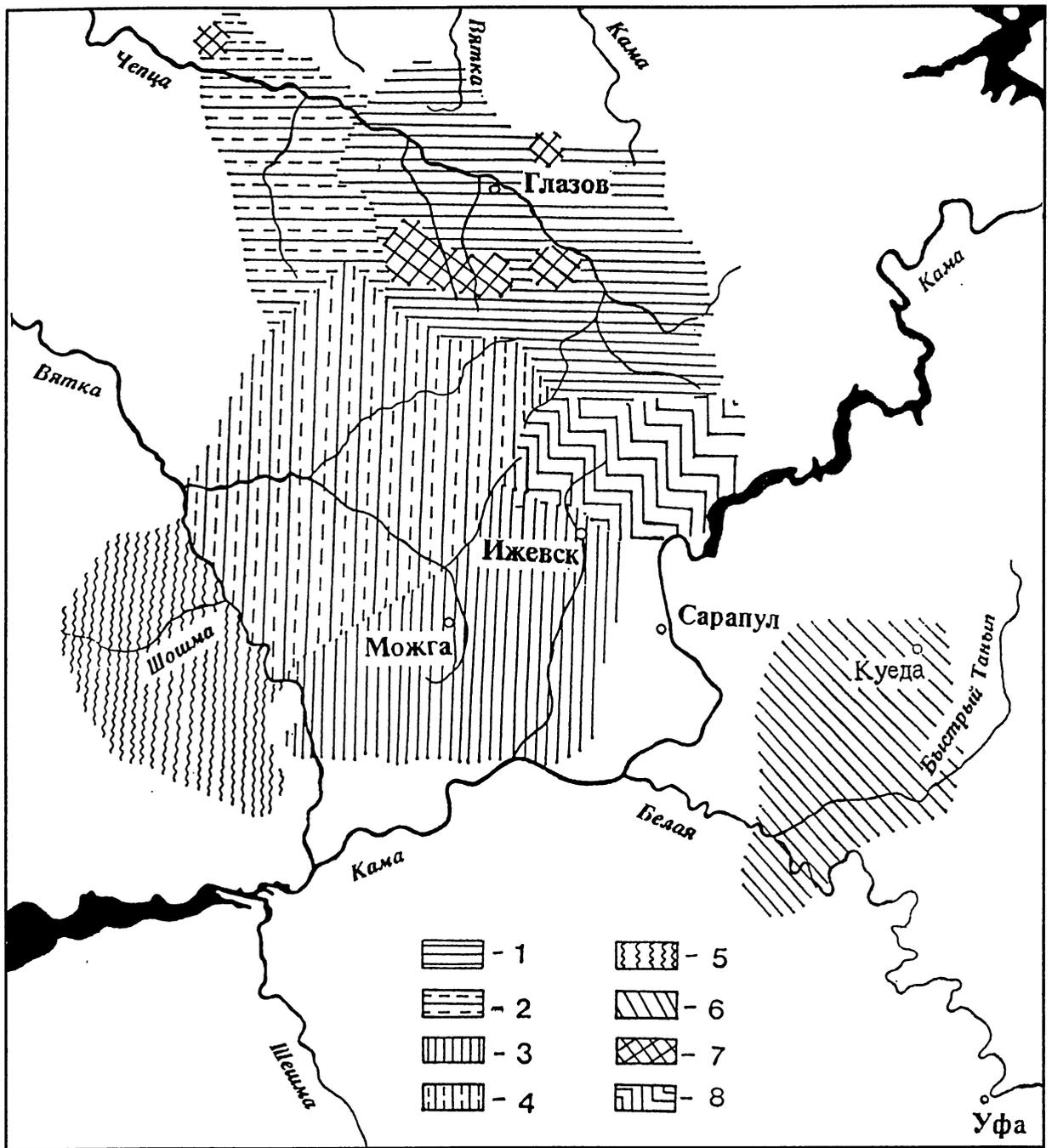

Рис. 3. Распространение костюмных комплексов удмуртов (по С.Х. Лебедевой и М.Г. Атаманову).
 Североудмуртский костюмный комплекс: 1 – верхнечепецкий (выллацьес); 2 – нижнечепецкий (уллацьес).
 Южноудмуртский костюмный комплекс: 3 – собственно южноудмуртский; 4 – калмезский;
 5 – завятский (арский); 6 – закамский. Бесермянский костюмный комплекс:
 7 – бесермянский; 8 – переходный (шарканско-якшур-бодьинский)

Вслед за А.А. Спицыным, привлекая археологические, а также этнографические, антропологические и лингвистические материалы, В.Е. Владыкин предположил, что основной областью проживания древних удмуртов был бассейн Вятки, откуда на рубеже I и II тыс. н. э. они были вытеснены древнемарийскими племенами. Часть удмуртского населения переселилась на юг (арская группа), другая – на рр. Кильмезь, Валу (калмезы) и на р. Чепцу (Ватка) (В.Е. Владыкин, 1969, 1970).

Бесспорной заслугой этого ученого и его неизменного соавтора Л.С. Христолюбовой является не только определение своеобразных черт удмуртского этноса (1991, 1997), но и его локальных групп: ватка – нижние и верхние, бесермяне, калмезы, удмурты со смешанной этнической структурой (1997, с. 15).

Накопленные на протяжении нескольких столетий этнографические материалы позволяют отчетливо выделить три группы удмуртов: южную, северную и бесермянскую, что проявилось в особенностях костюма, домостроения, некоторых других элементах материальной и духовной культуры. Большинство ученых считают это деление следствием условий расселения, исторических судеб и иноэтнических воздействий.

Но с сожалением следует констатировать, что, несмотря на обилие работ по конкретной этнографии (В.Е. Владыкин, Л.С. Христолюбова, 1984, с. 86–141), исследований по этногенезу удмуртов, основанных на комплексном использовании этнографических материалов, нет. Однако возможности этнографических источников для решения проблем этногенеза далеко не исчерпаны. Хотелось бы иметь четко обозначенные с помощью картографирования ареалы распространения не только некоторых элементов культуры (одежды, украшений), но всех известных этнографических особенностей удмуртского этноса. Кроме того, весь этнографический материал может быть проанализирован с точки зрения его исторической динамики, что даст возможность выявить его наиболее древние пласты и обозначить возможные истоки.

1.3. Роль диалектологии в изучении истории удмуртского народа

Значительны достижения в области изучения диалектологии удмуртского языка. Начало научного изучения удмуртских диалектов относится к середине XIX в., когда академик Ф.И. Видеманн (1858) выделил по письменным памятникам шесть диалектов удмуртского языка: елабужский, глазовский, малмыжский, сарапульский, оренбургский и казанский. Диалектные особенности живого языка стали предметом изучения финских и венгерских ученых Т.Г. Аминоффа (1896), Ю. Вихманна (1893, 1901), Б. Мункачи (1887, 1880–1896, 1952), Э.Н. Сетяля (1906) и др. Накопленные материалы по удмуртскому фольклору позволили отдельным ученым представить свои варианты диалектного членения удмуртского языка (И.В. Яковлев, 1920, Т.К. Борисов, 1932, Т.Е. Uotila, 1933, С.П. Жуйков, 1935). Эта область знания особенно активно стала развиваться с конца 50-х гг. в связи с общими успехами лингвистической финно-угристики. В различной степени вопросы диалектологии явились предметом исследования В.И. Лыткина и Т.И. Тепляшиной (1959, 1976 – рис. 4), Т.И. Тепляшиной (1961, 1962, 1966, 1970, 1970а, 1973), И.В. Тараканова (1959, 1959а, 1963, 1967), С.К. Бушмакина (1968, 1969, 1971, 1972), Г.А. Архипова (1962, 1978, 1981, 1982), Р.Ш. Насибуллина (1972, 1972а, 1972б, 1972в, 1973, 1977, 1978), М.Г. Атаманова, Б.Ш. Загуляевой (1978, 1980, 1980а), А.А. Алашеевой (1987), Л.Л. Карповой и других. Особое значение имеют исследования Р.Ш. Насибуллина по представлению материалов диалектов удмуртского языка в лингвистический атлас Европы (ALE, 1983, 1986 и др.).

Наиболее значительные результаты в этой области были получены В.К. Кельмаковым, который, начиная с конца 60-х гг., вел систематическую работу по сбору, систематизации и вводу в науку новых лексических данных и на основе всего накопленного как предшественниками, так и им самим материала про-

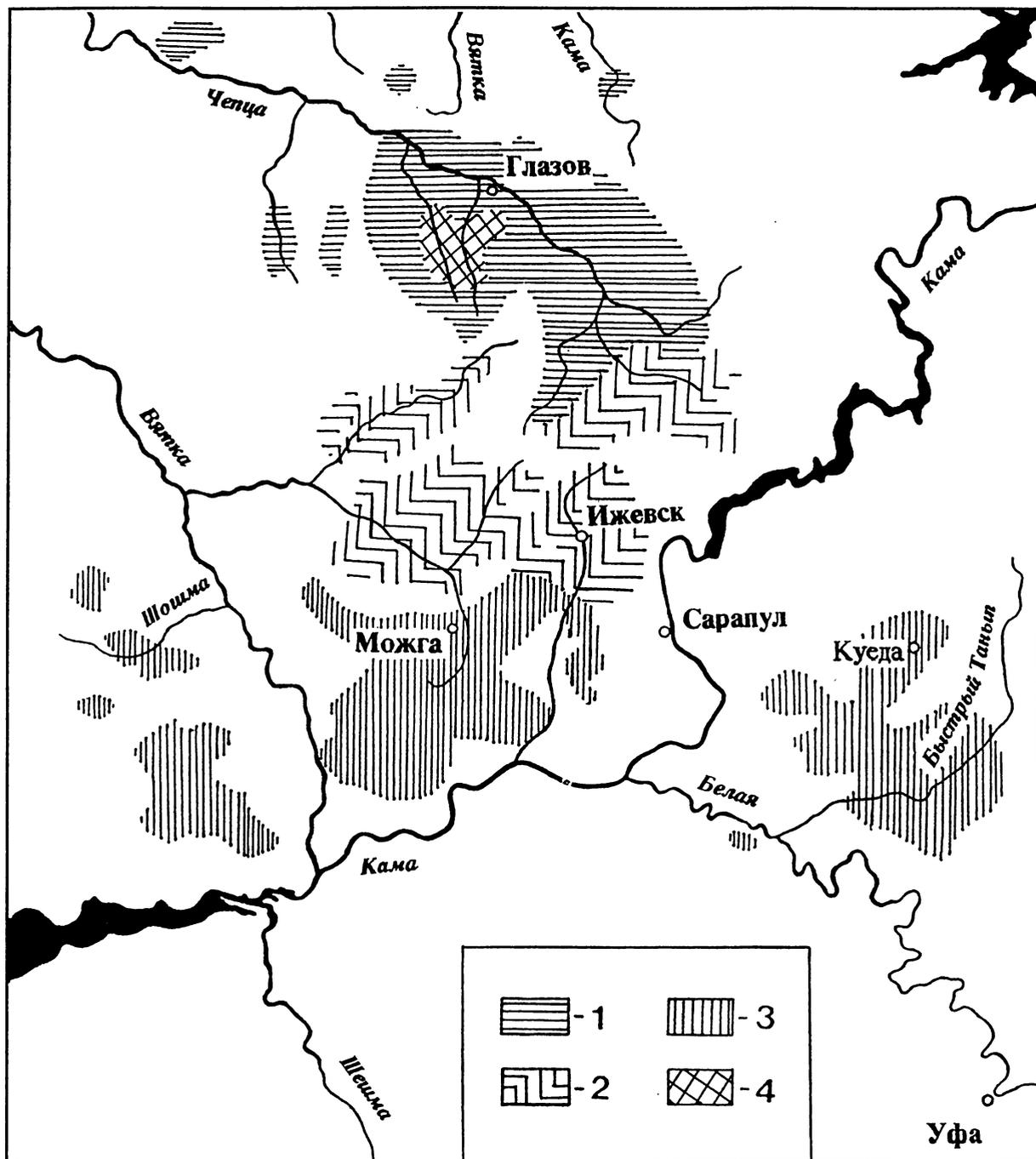

Рис. 4. Схематическая карта удмуртских диалектов (по Т.И. Тепляшиной и В.И. Лыткину):
 1 – северное наречие; 2 – середи́нные (переходные) говоры; 3 – южное наречие; 4 – бесермянские говоры

вел огромную работу по сравнительному описанию отдельных диалектов и наречий удмуртского языка (В.К. Кельмаков, 1981, 1990, 1992, 1993). В результате было выделено три наречия: 1) северное, 2) южное, подразделявшееся на два диалекта: а) собственно южный или центральный диалект, б) периферийно-южный, диалект с шошминским, бавлинским, кукморским, буйско-таныпским, татышлинским, красноуфимским и другими говорами, 3) бесермянское наречие. Между северным и южным наречиями располагаются срединные говоры переходного характера (В.К. Кельмаков, 1987, с. 26–51; 1993, с. 13).

Исследователем доказано, что фонетическая система каждого из удмуртских диалектов сложилась как в результате органического слияния архаичных явлений, воспринятых от праудмуртского, прапермского состояний языка, так и позднейших новообразований. В.К. Кельмаков полагает, что в удмуртском языке нельзя определить какой-либо ключевой диалект, так как каждый из говоров имеет черты архаики и более поздних наслоений. Однако наиболее традиционным он считает говор д. Варклет-Бодья Агрызского района Татарстана (южное наречие), а наиболее трансформированным – канлинский говор. Остальные диалекты располагаются, по его мнению, между этими двумя полюсами (1993, с. 46–47).

Заслугой В.К. Кельмакова является обоснование периодизации фонетического строя удмуртского языка (1976, 1993, с. 14), в которой автор выделяет три периода. I период – прапермский (общепермский) (середина II тыс. до н. э. – IX в. н. э.), в котором фонетические изменения имели одинаковые последствия во всех пермских языках. В эту эпоху в фонетике пермских языков был создан мощный фонд, сблизивший удмуртский и коми языки, но отдаливший их от других финно-угорских языков. II период – праудмуртский (дописьменный удмуртский) (X–XVII вв.) с двумя подпериодами: а) ранний праудмуртский (X–XIV вв.), когда фонетические процессы имели общеудмуртский характер и оста-

вили сходные следы во всех диалектах, б) поздний праудмуртский (XV–XVII вв.), в котором фонетические явления имели разный в отдельных диалектах результат. III период – современный удмуртский (XVIII в. – настоящее время), характеризующийся фонетическими изменениями случайного и периферийного типа (1993, с. 14).

Несмотря на значительный прогресс в области удмуртского диалектоведения, следует все-таки отметить, что до сих пор не до конца решены важнейшие задачи: четко не определены границы наречий, диалектов и говоров, нет общепринятой системы диалектного членения, не опубликованы подробные карты диалектов и т. д. Но, учитывая мощный потенциал удмуртских диалектологов, решение этих проблем – дело ближайшего будущего.

1.4. Топонимика и ранняя история удмуртов

Топонимика – это раздел лексикологии, посвященный изучению географических названий, истории их создания и исторической динамики. Она может представлять раздел не только языкознания, но и географии, биологии, истории и других наук. Второе значение термина «топонимика» – совокупность географических названий какого-либо края, местности, региона. В пределах топонимики могут быть выделены: гидронимия – названия рек, озер, водоемов, ойконимия – названия населенных пунктов, оронимия – названия элементов рельефа – возвышенностей, котловин, равнин, хребтов, гор и других объектов.

Первые источники по топонимии народов, обитающих в Приуралье, в том числе в Камско-Вятском междуречье, стали накапливаться в результате деятельности географических экспедиций 1733–1743 и 1768–1774 гг., побывавших среди южных удмуртов. Свидетельства П.С. Палласа, П.Н. Рычкова, И.Г. Георги, Г.Ф. Миллера послужили началом для сбора топонимических материалов удмурт-

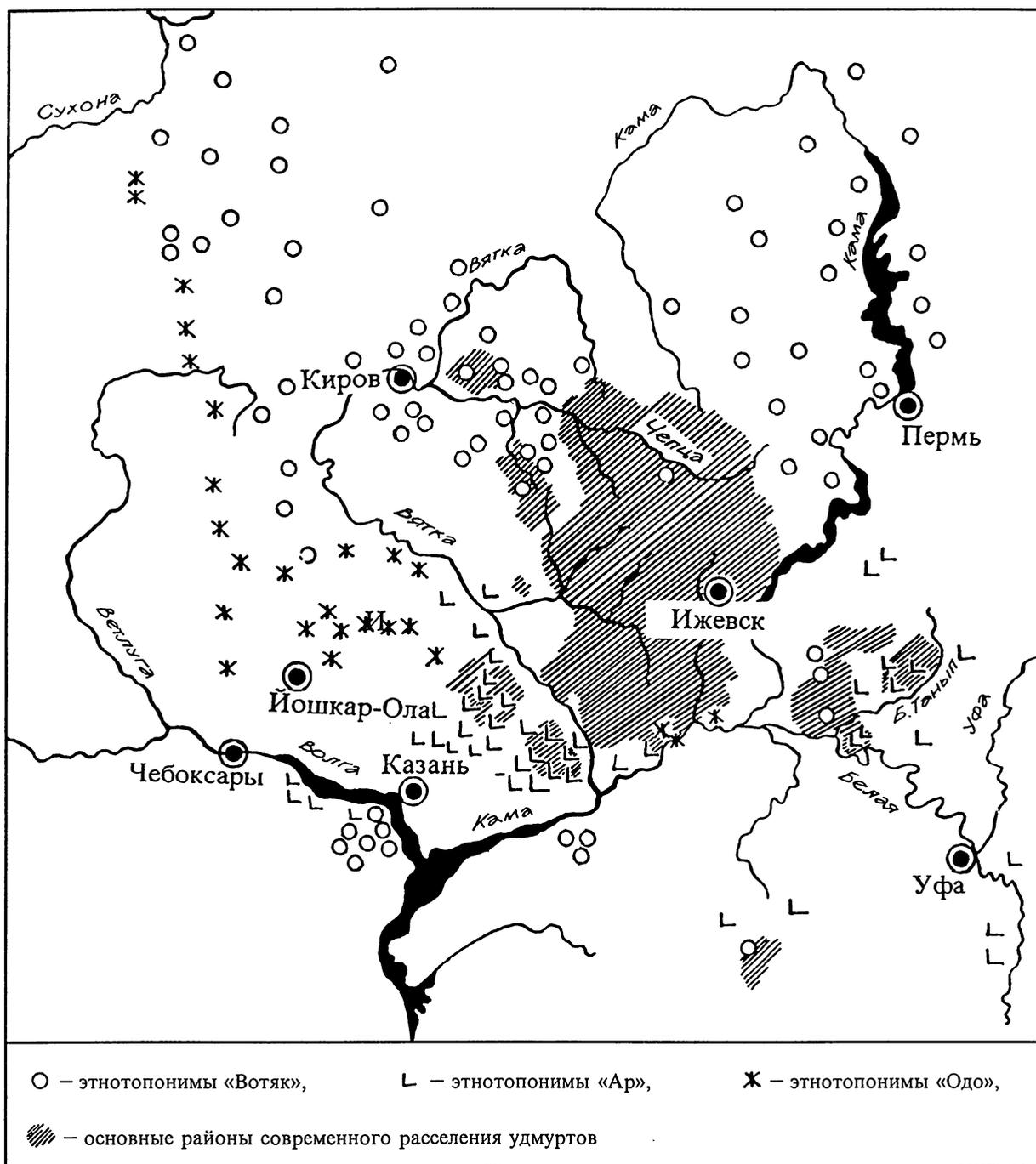

Рис. 5. Основные районы современного расселения удмуртов и распространения удмуртских этнотопонимов (по М.Г.Атаманову)

ского края и первых вариантов его интерпретации.

Однако следует указать, что до середины XX столетия данные топонимики, ставшие известными этнографам, историкам, археологам, использовались лишь как иллюстрация к гипотезам, основанным на материалах этих наук. Первые статьи по собственно удмуртской топонимии появляются в начале 60-х гг. XX в. Это работы Г.А. Архипова (1963, с. 49–54), С.К. Бушмакина (1969, с. 166–176; 1970, с. 168–176; 1971). Классик удмуртского языкознания Т.И. Тепляшина работала и в этой сфере, опубликовав более 10 статей по удмуртской и бесермянской топонимике (например, 1965, 1965а, 1967 и др.).

В наши дни вопросы топонимики разрабатывают многие ученые. В частности Л.В. Вахрушевой обстоятельно изучены топонимы бассейна р. Иж (1976, 1979, 1980, 1983), Л.В. Калининой – один из аспектов финно-угорских контактов с иранскими народами (1967, с. 109–113), Л.Е. Зверевой – микротопонимия юго-западных районов Удмуртской Республики (1979, 1980, 1982, 1983 и др.), Л.Е. Кирилловой – микротопонимия бассейна р. Валы (1992).

Однако ведущее место в исследованиях по этнотопонимике принадлежит М.Г. Атаманову. Именно он взял на себя труд собрать все доступные ему источники по топонимике и этнотопонимике, проанализировать их с точки зрения исторической картины расселения удмуртов, динамики и характера изменения этнической территории, им обозначены границы формирования удмуртского этноса (рис. 5). Ему удалось выяснить, что этноним *одо*, как называли удмуртов марийцы, распространен в Вятско-Ветлужском междуречье, очерчивая границу по р. Ветлуге. Южная граница выявлена по этнониму *ар*, который известен в низовьях Вятки и по среднему течению р. Белой и ее притокам. Северо-западная граница проходит, судя по ареалу этнонима *вотьяк*, по восточным районам Вологодской, югу Республики Коми, а северная – по верховьям р. Вятки, Лузы, Ветлуги,

низовьям р. Сухоны (М.Г. Атаманов, 1988, с. 9–16). М.Г. Атамановым выделены и описаны в соответствии с его представлениями исторические пласты удмуртской топонимии: прапермский, собственно удмуртский, русский, а также топонимические элементы: угорские, самодийские, тюркские и марийские. Им выявлен и подробно описан удмуртский пласт топонимов в Волго-Уральском регионе, располагающийся за пределами современной Удмуртии (М.Г. Атаманов, 1988, 1996, 1997). Особую важность имеют его исследования в области микроэтноимики, а именно названий воршудно-родовых объединений удмуртов. Благодаря интенсивному изучению языка и быта удмуртов во второй половине XIX и начале XX в. сохранились уникальные сведения о принадлежности удмуртских семей к определенным воршудно-родовым объединениям, которых выделено около 70. Этой проблеме посвящена значительная этнографическая и лингвистическая литература (Н.Г. Первухин, 1888, эскиз 1; Б. Гаврилов, 1880; Г.Е. Верещагин, 1889; П.М. Богаевский, 1888; А.А. Спицын, 1888; И.Н. Смирнов, 1890; М.Г. Худяков, 1920; С.К. Бушмакин, 1969, 1970; Д.К. Зеленин, 1980; М.Г. Атаманов, 1980, 1982, 1988 и др.). Воршуд – это семейно-родовое божество, хранитель счастья и благополучия коллектива кровных родственников, пользовавшихся его покровительством и образовавших экзогамное объединение (М.Г. Атаманов, 1988, с. 23). Люди, поклоняющиеся одному воршуду, нередко селились отдельными деревнями, улицами и имели свое родовое святилище – куалу, в которой проводили в честь воршуда до 70 молений в год. При этом представители определенного воршудно-родового образования помнили истоки своего происхождения и уверенно сообщали, откуда они переселились к месту своего нынешнего расселения. К настоящему времени этот источник утрачен, так как экспедиционные обследования последних лет показали забвение воршудов. Именно поэтому изучение воршудных имен,

предпринятое М.Г. Атамановым, и его результаты занимают особое место в рамках ономастических исследований.

Ему удалось выяснить, что довольно многочисленную группу составляют воршуды, известные в большинстве удмуртских регионов и представляющие наиболее крупные и многочисленные роды (Бигра, Бодья, Вамья, Докья, Дурга, Жикья, Затча, Зумья, Какся, Монья, Пельга, Поска, Пурга, Салья, Турья, Уча, Чабья, Чола, Чудьзд, Эгра и другие). Значительна группа родов северных удмуртов, не известных в других районах (Апья, Бонья, Вортча, Кушья, Ташья, Чуйя, Удя, Уля, Эбга). Южные удмурты представлены родами Бия, Венья, Зезья, Кибья, Конья, Котья, Куарса, Маля, Можга, Норья, Омга, Поколь, Сьолта, Чунча, Юсь (М.Г. Атаманов, 1980, 1997, с. 75–77).

Из 70 воршудно-родовых имен удмуртов, 15 обнаружены в качестве компонентов топонимов на территории Коми-Пермяцкого национального округа (Апья, Бодья, Вамья, Лекма, Можга, Норья, Пельга, Пудга, Пурга, Чабья, Чанья, Читья, Шудья, Юмья), а также на территории Республики Коми (Абья, Турья, Кышья). Предполагается, что это реликты общепермской системы родового деления (М.Г. Атаманов, 1988, с. 46–47).

Что касается оценки этимологии воршудно-родовых имен удмуртов, то М.Г. Атаманов считает, что в основе большинства из этимологизированных микроэтнонимов лежат названия птиц (глухарь, сойка, цапля, ворона, орел, перепелка, рябчик, цыпленок, королек, соловей, тетерев, сова, стриж), насекомых (водяной паук, кузнечик, блоха, пчела, овод), пушных зверей (белка, норка, куница), рыб (щука, пескарь), моллюсков (улитка), что является следствием тотемистических воззрений древних удмуртов (1988, с. 24–45). При этом исходные зоонимы восходят к уральской, финно-угорской или пермской языковой общности. Более половины из воршудно-родовых имен, по мнению М.Г. Атаманова, не находят удовлетворительного объяснения из

удмуртского языка (1988, с. 45). Часть микроэтнонимов имеют инородное (неудмуртское) происхождение (Эгра, Пурга, Можга, Чудья, Чудна) (М.Г. Атаманов, 1988, с. 45).

Результаты изучения М.Г. Атамановым воршудно-родовой системы удмуртов и ее исторической динамики бесспорно представляют огромный интерес в деле изучения удмуртской этногонии. Однако далеко не все выводы автора бесспорны, а некоторые требуют дальнейшей аргументации. В частности, видимо, возможно выделение не только воршудно-родовых названий, характерных для крупных групп (общеудмуртские, северные и южные удмурты), но и более мелких – нижние и верхние ватка, южные удмурты, калмез, завятские, закамские, тем более что материалы для этого у автора есть (М.Г. Атаманов, 1997, с. 78–79). Кроме того, имеет определенные перспективы дальнейшая работа над этимологиями. Вероятно, возможно и новое толкование уже известных этимологий воршудов. Особое внимание должно быть уделено определению времени формирования топонимических пластов, выяснению их временной стратиграфии и обозначению древнейших и позднейших топонимов.

1.5. Фольклористика и мифология о древней истории удмуртов

В условиях позднего оформления письменности (первая грамматика была опубликована в 1775 г.) особую важность для изучения ранней истории удмуртского народа имеют произведения устного народного творчества – мифы, легенды, сказания о богах, героях, духах, сотворении мира, природе, человеческом бытии. Они стали объектом изучения нескольких дисциплин, из которых наиболее значительны достижения фольклористики и мифологии. Благодаря вниманию историков и этнографов к материальной и духовной культуре удмуртов в конце XIX в. в местах их обитания Б. Гавриловым (1880), Г.Н. По-

ганиным (1884), Г.Е. Верещагиным (1886, 1889), Н.Г. Первухиным (1889), Б. Мункачи (1887), Ю. Вихманном (1901) и другими было записано множество легенд и сказаний. Эта работа была продолжена в начале XX столетия К. Гердом (1926а), М.Г. Худяковым (1986), а в середине нашего столетия А.Н. Клубковым (Удмуртские народные сказки, 1948), Н.П. Кралиной (Сто сказок удмуртского народа, 1961; Удмуртские народные сказки, 1976; Мифы, легенды и сказки удмуртского народа, 1986) и др.

С позиций фольклористики устное народное творчество удмуртов анализировалось П.К. Поздеевым, Н.П. Кралиной, А.К. Микушевым, П. Домокошем, Т.Г. Перевозчиковой (Владыкиной), М.Г. Хрущевой, Г.Н. Шушковой, Л.Н. Долгановой, И.М. Нуриевой и другими. Особенно велики заслуги в этой области Д.А. Яшина, опубликовавшего целый цикл работ на эту тему (1982, 1983, 1986, 1986а, 1987, 1987а и др.). Именно им обращено внимание на локальный характер удмуртских преданий, на отражение в них некоторых стадий общественного развития древнеудмуртского общества – матриархата, патриархата, разложения первобытнообщинных отношений (1990, с. 4–9). Однако внимание литературоведов в большей степени привлекали жанровые и сюжетные особенности, характеристика образов и художественных средств, определение общего и особенного в анализируемых произведениях. Историческая же оценка ограничена лишь констатацией присутствия элементов историзма и соотношением произведений народного творчества со временем существования Булгарского государства (X–XIII вв.) и монгольского нашествия (История удмуртской советской литературы, ч. I, с. 11–12).

Первым ученым, обратившимся к фольклору как к источнику по этногонии удмуртов, был В.Е. Владыкин (1983), который, хорошо сознавая всю сложность источника, обозначил его возможности для реконструкции этногенетической концепции. По его мне-

нию, фольклорные материалы позволяют четко локализовать этническую территорию удмуртов, так как в преданиях, песнях, пословицах, поговорках часто встречались названия рек Камы, Вятки, Чепцы, Валы, Кильмези (1983, с. 104). Устное народное творчество сохранило и сведения об этнических группах удмуртов: ватка, калмез, их расселении, о контактах удмуртов с другими народами – марийцами, коми, индо-иранцами, тюрками, славянами (там же, с. 105–108). В.Е. Владыкиным и Т.Г. Перевозчиковой (Владыкиной) (1987, с. 164–189) проанализированы семантика и эволюция некоторых образов удмуртской мифологии и фольклора, связанных с потусторонним миром – реки, воды, водяного и подземного быка, водоплавающих птиц, рыб и других существ. Важны и методологические установки, обозначенные этими авторами – «проникновение в глубины фольклорно-мифологической памяти таит в себе очень много еще до конца не разработанных проблем методологического и методического характера. Все это обязывает с достаточной корректностью пользоваться материалами фольклора и мифологии, взаимопроверяя и дополняя их выводы другими источниками» (там же, с. 183).

Весьма результативным оказалось обращение к героическим преданиям А.Г. Иванова (1992). На основании сопоставления легенд о героях с археологическими объектами ему удалось обозначить хронологические рамки сложения этих героических сказаний второй половиной I – первой половиной II тыс. н. э., еще раз уточнить круг народов, с которыми пришлось контактировать удмуртам (марийцы, болгары, русские, татары), более четко обрисовать занятия и социальное устройство удмуртского общества времени сложения героических преданий, выявить причины незавершенности формирования удмуртского героического эпоса. Столь многосторонняя оценка героических преданий удмуртов стала возможной благодаря комплексному подходу к источнику, который предпринял А.Г. Иванов.

Большим успехом удмуртоведения является монографическое исследование В.Е. Владыкина «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов». В нем автором были определены основные структурные уровни религиозно-мифологической картины мира дореволюционных удмуртов, достаточно четко обозначены такие сложные мировоззренческие проблемы, как общее и особенное в системе язычества удмуртов, религиозный синкретизм, воршудная организация, культовая иерархия, традиционные представления об идеальном устройстве мира и т. д. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов – результат единства исторической судьбы народов Приуралья, тесного культурного взаимодействия с другими народами. В пантеоне божеств удмуртов, как считает В.Е. Владыкин, имеется целый ряд заимствований, усвоенных через тюркское посредничество (1993, с. 98–100), среди которых особое место занимает Кереметь (Шайтан) – творец зла (там же, с. 104, 109–110). Он проник в удмуртскую сферу, по мнению автора, через болгар из ислама. Знакомство с системой сакрализации верховной власти, характерной для Булгарского государства, по представлениям В.Е. Владыкина, способствовало оформлению у удмуртов идеи единобожия. Автором намечены и особенности воздействия на язычество удмуртов и христианской религии, но наиболее целенаправленно оно, как считает исследователь, ощущается лишь с XVIII в. Несмотря на обстоятельность анализа, в этой бесспорно талантливой работе лишь намечены хронологические реперы формирования духовной культуры удмуртов и слабо просматриваются локальные особенности религиозно-мифологической картины мира удмуртского народа.

На мифологических источниках выполнена работа молодого талантливого ученого В.В. Напольских «Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф)» (1991). Основываясь на многочисленных вариантах ми-

фов уральских народов о возникновении земли, автор предпринял оригинальную попытку реконструкции элементов духовной жизни уральского пранарода и сумел доказать, что прауральская общность реально существовала в первобытности как этническая единица, не только как носитель уральского праязыка, но и определенной духовной культуры. В.В. Напольских доказал, что миф о творении мира из яйца, в котором небо, земля, солнце и т. п. появляются из яйца, снесенного птицей среди вод первичного океана, известен только у финно-пермских народов и наиболее характерен прибалтийским финнам. Миф же о ныряющей птице, в котором водоплавающая птица ныряет и приносит со дна первичных вод кусочек земли, из которого потом вырастает суша, имеет практически пануральское распространение, но наиболее яркие его варианты сосредоточены восточнее Урала (В.В. Напольских, 1993, с. 36–37).

Исследование В.В. Напольских представляет собой один из первых вариантов системной исторической реконструкции центрального пласта прауральской мифологии. При этом обозначены не только основные характеристики мифологической подсистемы прауральцев, но ее истоки и эволюция. Им выделены 3 уровня уральских космогонических мифов: доуральский, раннеуральский и прауральский, проведено их географическое и хронологическое сопоставление с имеющимися лингвистическими и археологическими схемами и предложен свой вариант этноисторической концепции древней истории уральской общности. Эта работа В.В. Напольских показала значительную перспективность мифологических источников для изучения процессов этногенеза.

1.6. Антропология и этногенез удмуртов

Успешно развивающаяся в текущем столетии наука о физическом облике человека, его изменениях во времени и в пространстве –

антропология и ее различные отрасли (соматология, краниология, одонтология, дерматоглифика, палеодемография и др.) позволяют использовать и этот источник для реконструкции этногенетических процессов.

Но как показала история этой интереснейшей науки, не следует особенно идеализировать возможный результат, так как антропологические особенности далеко не всегда соответствуют языковым семьям и этносам: антропологическая специфика не выражена ярко у индоевропейской семьи и совсем не обозначена у тюркской.

Первые известия о проведении антропологических исследований среди удмуртов относятся к концу 70-х гг. XIX в. Казанский ученый Н.М. Малиев опубликовал сообщение об изучении раскопанных им 15 черепов из Ошторминского могильника Мамадышского уезда Казанской губернии. Характеристика серии весьма лаконична: черепа отличались коротким продольным, широким поперечным диаметром, брахикранностью (круглоголовостью), узким прямым лбом, широким лицом, выдающимися скулами, глубокой клыковой ямкой, сильно выраженным прогнатизмом (сильным выступанием челюстей вперед), широким, низким переносьем, значительной величиной сосцевидных отростков (Н.М. Малиев, 1872; 1874, с. 42–43, табл. XIII).

В 1873 г. Н.М. Малиев обследовал 100 человек из разных удмуртских деревень Глазовского и Сарапульского уездов (1875) и пришел к заключению, что удмурты преимущественно брахикефалы (короткоголовы, круглоголовы), русоволосы, около половины – голубоглазы, со средней шириной глаз и приплюснутым носом (Н.М. Малиев, 1874 а, с. 11–13).

Начало научного изучения антропологии удмуртов связано с именем П.И. Зенкевича, под руководством которого в 30-е гг. были обследованы три группы удмуртов – кильмезская, чепецкая, ижевская и одна бесермянская (П.И. Зенкевич, 1941, с. 21–81; 1941а, с. 23). По заключению П.И. Зенкевича удмурты характеризовались невысоким ростом, брахике-

фальностью или мезокефальностью (среднеголовостью), широким, средней высоты лицом, невысоким, широковатым носом, вариативной складкой верхнего века, средневыраженным волосяным покровом. П.И. Зенкевич отмечал неоднородность удмуртов: чепецкую выборку отличали более высокое переносье, выпуклая спинка носа, более темная пигментация; ижевскую – слабая пигментация и менее развитый эпикантус (складка внутреннего угла глаза человека); кильмезскую – низкое переносье и уплощенное лицо. При сравнении с татарами бесермяне обнаружили значительное сходство с ними.

Классиком урало-поволжской антропологии, является М.С. Акимова (1915–1971 гг.), которая изучала как палеокраниологические серии, так и современных представителей народов Приуралья (1961, 1961а, 1962, 1962а, 1963, 1964), и выполнила первую обобщающую работу по антропологии этого региона (1968). Ею изучены многочисленные материалы из могильников Приуралья, датирующихся от эпохи бронзы до XIX в. (Акозинский, Ново-Мордовские, Подгорно-Байларский, Кумысский, Луговской, Чегандинский, Камышлы-Тамакский, Суворовский, Азелинский, Биктимировский, Больше-тарханский, Танкеевский, Митинский, Деменковский, Мыдлань-шай, Поломский, Кушулевский, Бирский, Кушнаренковский, Аксашурский, Буринский, Можгинский и др.).

Именно М.С. Акимовой описаны краниологические серии конкретных памятников, даны обобщающие характеристики населения отдельных культур – ананьинской, чегандинской (рис. 6–1), мазунинской (рис. 6–2), ломоватовской и других, а также антропологических типов у прикамских народов, в том числе и у удмуртов (рис. 6–3, 4). По ее мнению, в основе финно-угорских народов Приуралья и прежде всего удмуртов лежит антропологический тип пьяноборской культуры (1968, с. 34–37), характеризующийся долихокранной, средневысокой головой, средневысоким, нешироким, умеренно профилированным в го-

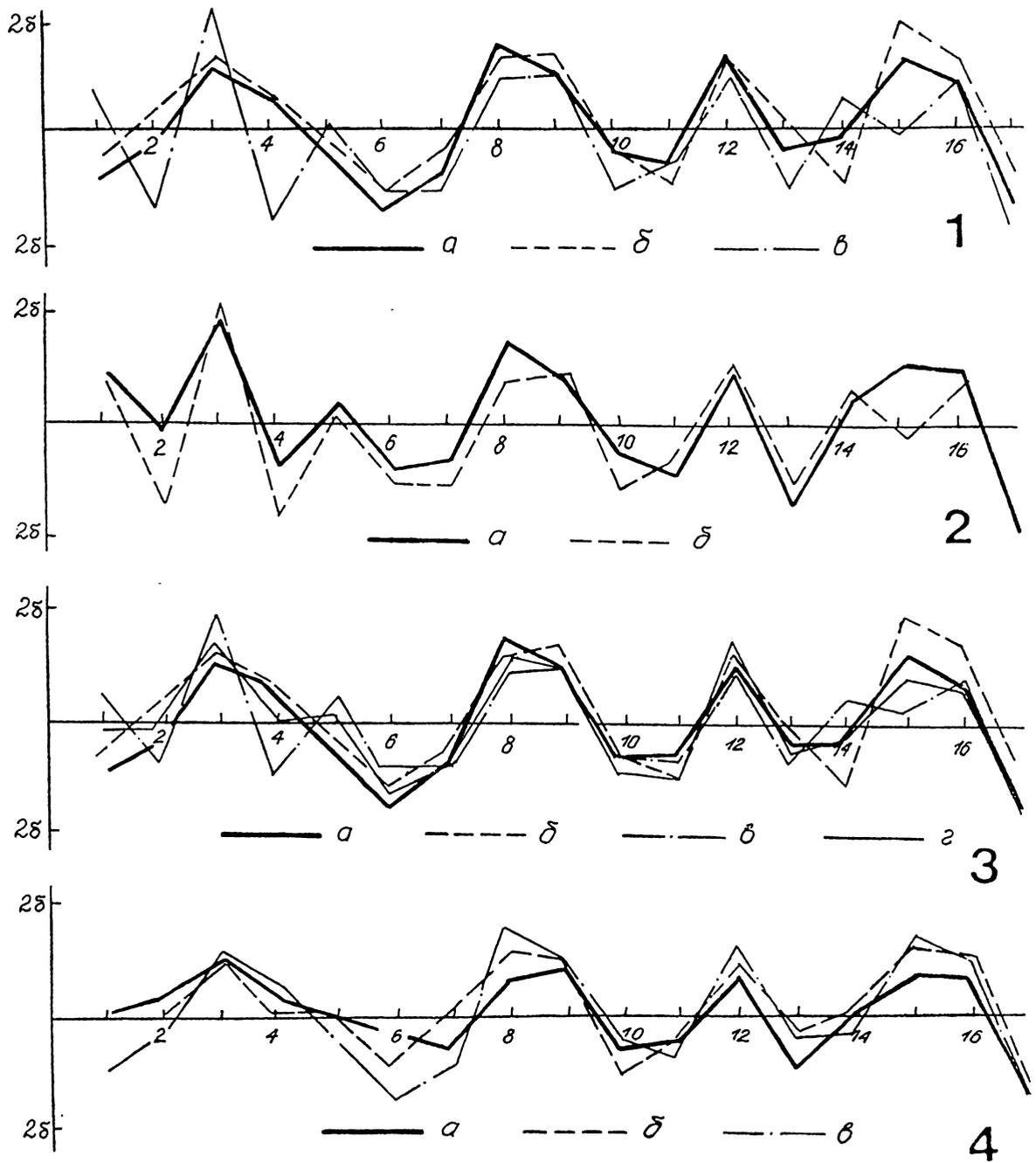

Рис. 6. Антропологические характеристики некоторых серий, связанных с удмуртами (по М.С. Акимовой):
 1 – черепа южных (а) и северных (б) удмуртов в сравнении с черепами из Чегадинского могильника (в);
 2 – черепа из могильников мазунинской культуры (а) в сравнении с черепами из Чеганды (б);
 3 – черепа южных (а) и северных (б) удмуртов в сравнении с черепами горных мари (в) и мордвы-эрзи (з);
 4 – черепа северных башкир (а) в сравнении с черепами чувашей (б) и южных удмуртов (в);
 везде основа – хаитские черепа

ризонгальной плоскости лицом, умеренно выступающим носом. Среди черепов, поломской культуры (северная Удмуртия) М.С. Акимова выделила 2 типа: долихокранный (Мыдланьшай) и брахикранный (Полом), обозначив их аналогии и происхождение. Исследовательница неоднократно отмечала близость антропологического типа удмуртов и марийцев. Работы М.С. Акимовой в области палеоантропологии представляют собой наиболее полное обобщение материалов Приуралья конца 60-х гг.

Прикамский антропологический материал был проанализирован и В.П. Алексеевым на фоне краниологических данных по народам Восточной Европы (1969). По его заключению все финноязычные народы Поволжья могут быть объединены в особый, субуральский антропологический тип. Характерными представителями его являются удмурты и марийцы, у которых при ярко выраженной европеоидности хорошо просматриваются монголоидные особенности. Формирование же субуральского типа восходит к неолитическому времени (В.П. Алексеев, 1969, с. 158). Время появления очага брахикрании, отмеченной как в коми-пермяцких, так и удмуртских материалах, В.П. Алексеевым определено не позднее середины I тыс. н. э. (там же, с. 152).

Некоторые исследования краниологических материалов, полученных из памятников Удмуртии в 70–80-е гг., выполнены казанским исследователем Р.М. Фаттаховым. Речь идет об Ижевском, Покровском и Чепанихинском могильниках III–V вв. н. э. Черепа, полученные при раскопках этих могильников, характеризуются долихокранностью, умеренной уплощенностью лица, средним выступанием носовых костей. Несколько выбивается из общей системы серия Чепанихинского могильника, но в целом, по заключению Р.М. Фаттахова, основным населением остается местное, имеющее ананьинско-пьяноборские истоки (1982, с. 78–79).

Значительные исследования удмуртов провела К.Ю. Марк, которой в 1958–1962 гг. были

изучены 1363 человека из 14 локальных групп удмуртов и 138 человек из 2 групп бесермян (1974, 1987, с. 37–58). По мнению К. Марк, удмурты, как и многие другие финно-угры, занимают промежуточное положение между европеоидной и монголоидной расой, а именно: в целом общий европеоидный облик народа дополнен монголоидной примесью, что проявляется в более слабой оволошенности, уплощенности лица и носа, выступании скул, наличии эпикантуса, низком переносе и других признаках. При этом К. Марк отметила и локальные различия. Индекс монголоидности (ниже 20 – чистые европеоиды, выше 100 – абсолютные монголоиды) у удмуртов варьирует от 34 до 50 (К.Ю. Марк, 1987, с. 38–39). Исследовательница отнесла удмуртов, бесермян, коми-пермяков и марийцев к сублапоноидному типу уральской расы (К.Ю. Марк, 1987, с. 40–41). И, таким образом, она вступила в развернувшуюся дискуссию о происхождении древней уральской расы, характеризующейся смешанностью признаков как европеоидных, так и монголоидных. Одна группа ученых: Г.Ф. Дебеч (1956, 1961), Н.Н. Чебоксаров (1952), К.Ю. Марк (1956, 1964), В.П. Алексеев (1969), считали, что уральская раса возникла в результате наложения монголоидной расы на европеоидную в районе Зауралья и Урала и последующей экспансии типа, несущего примесь монголоидности на запад. Время формирования метисированного субуральского населения отнесено к эпохе неолита (В.П. Алексеев, 1969, с. 158).

В противовес этой гипотезе В.В. Бунаком была сформулирована другая, согласно которой уральская раса представляла собой древнейший особый антропологический комплекс, не связанный ни с европеоидным, ни с монголоидным стволом, сформировавшийся в восточном Приуралье на основе местных верхнепалеолитических племен в условиях холодного влажного климата лесной зоны (1956, с. 140–141). Дискуссия на эту тему близка к завершению.

Новые данные по истории древнеуральской расы были получены в 70–80-е гг. Г.М. Да-

выдовой, которая, анализируя антропологические материалы манси, пришла к мысли о том, что именно манси представляют собой сохранившийся классический вариант древнеуральской расы, необычно сочетающей в себе признаки как монголоидные (слабый рост бороды, низкое переносье, уплощенное лицо, узкая и наклонная глазная щель, повышенная частота эпикантуса и т. д.), так и европеоидные (светлая пигментация волос и глаз). Древнейшим районом формирования древнеуральской расы Г.М. Давыдова считает Урал и прилегающие к нему районы (1975, 1989, 1989а).

Близка этой точке зрения и концепция А.Г. Козинцева, исследовавшего этническую краниоскопию – расовую изменчивость дискретных признаков черепа современного человека (1988), который убежден, что большинство уралоязычных народов имеют общие специфические черты, которые можно объяснить лишь их общим происхождением. Эта гипотеза нашла свое подтверждение и в работах В.Г. Моисеева, который, изучая краниологические особенности уралоязычных народов в связи с вопросами их происхождения, подтвердил мысль о существовании связи языков уральской семьи с антропологически очерчиваемой древнеуральской расой (1997, с. 21). Центр концентрации «уральских» признаков находится, по его расчетам, в районе Средней Оби (среднеобские ханты, манси). По мере удаленности от центра «уралоидные» признаки уменьшаются. Представляет интерес и наблюдение В.Г. Моисеева об отсутствии существенного уральского антропологического компонента у коми-зырян, карел и южных удмуртов (там же).

Кстати, к подобному выводу пришла и Г.М. Давыдова, которая, отмечая особенности, отличающие удмуртов от других финно-угорских народов – более высокое переносье, отсутствие понижения поперечного профиля спинки носа, а также более четко выраженные монголоидные особенности строения глаз, – сформулировала мысль о том, что

признаки древнеуральской расы характерны преимущественно для северных групп удмуртов: кезской, дебесской, игринской (Г.М. Давыдова, 1989, с. 124–128).

Заслуживают пристального внимания и результаты исследования А.И. Дубова (1989, с. 94–107), обследовавшего осенью 1984 г. 532 мальчика-удмурта и 87 мальчиков-бесермян в возрасте 13,2 – 14,1 лет, преимущественно из северной Удмуртии: удмуртов в Ярском районе – 66 человек, Юкаменском районе – 71, Кезском – 121, Игринском – 103, в Зуре – 96, а также в Слободском районе Кировской области – 75 человек; бесермян – 87 человек из разных районов республики. Им анализировались антропологические признаки: форма головы, цвет глаз и волос, наклон лба, высота переносья, профиль и высота верхней губы, форма мочки уха, тип ушной серы и др. Оказалось, что все обследованные группы гомогенны (однородны), бесермяне по этим признакам не отличаются от удмуртов, неотличимы от удмуртов и южные коми, образуя с ними один антропологический тип. Среди удмуртов очень высока (7,3–21,1%) доля рыжеволосых индивидуумов. В целом изученная серия оценена как европеоидная с очень незначительной примесью особенностей восточного ствола.

В одной из последних работ по палеокраниологическим источникам С.Г. Ефимова (1991), детально изучающая палеоантропологию волжских булгар, провела сопоставление их особенностей со всеми известными к этому времени антропологическими сериями Приуралья. Ей удалось четко определить слагающие компоненты булгарского населения: местные прикамские финно-угры и тюркоязычные булгары из южнорусских степей, которые включили в свой состав множество племен разных антропологических типов: население салтово-маяцкой культуры с исходным краниологическим типом, характерным для кочевников-сармат; группы населения, близкие саргатской культуре Зауралья; долихокранное, резко европеоидное население,

имеющее аналогии в средневековых сериях из могильников Северного Кавказа и другие группы. С.Г. Ефимовой обозначен и ареал субстратного антропологического типа (Верхнее Прикамье – могильники Деменки, Полом; Среднее Прикамье – мазунинские могильники, Бирск, болгарские могильники – Танкевка, Биляр, Измерский).

Интересны и результаты анализа удмуртов с точки зрения одонтологии – науки, изучающей зубную систему человека. Выяснено, что зубы определенных рас имеют весьма характерные особенности, которые могут быть выявлены по более чем 50 признакам. Одонтологи по сходству признаков выделяют одонтологические типы и стволы. Такие исследования проведены в 1981 г. на территории Удмуртии московским исследователем Г.В. Рыкушиной. Ею обследованы 599 удмуртов в возрасте 6–16 лет: из пос. Кез (184 человека), с. Юски этого же района (118 человек), д. Якшур Завьяловского района (172 человека) и из с. Завьялово (125 человек) (Г.В. Рыкушина, 1987, с. 49).

В результате выяснилось, что по некоторым признакам зубной системы северные и центральные удмурты различаются. У населения центрального района Удмуртии преобладают черты средневропейского одонтологического типа, а у жителей севера более четко выражен финский комплекс (там же, с. 51). Особенности зубной системы жителей пос. Кез, с. Юски, д. Якшур дали возможность Г.В. Рыкушиной выделить особый вятско-камский вариант северного грацильного типа, свидетельствующий об общем антропологическом пласте населения этих районов.

По особенностям зубной системы Г.В. Рыкушина выделила среди удмуртов 4 компонента: средневропейский, североевропеоидный реликтовый, северный грацильный и вятско-камский. В целом же она отнесла удмуртов к западному одонтологическому стволу с некоторыми чертами восточного, указав на сходство удмуртов с коми-пермяками и коми-зырянами и мордвой-эрзя.

Удмурты изучались антропологами и с точки зрения особенностей кожного рельефа – дерматоглифики. Первые исследования были проведены М.С. Акимовой среди удмуртов, проживающих в Башкирии (1972), Н.А. Долиновой в 1971 г. были обследованы группы жителей пос. Кез и с. Юски Кезского района, а также с. Можга (1974). В 1984 г. Г.В. Рыкушина работала по сбору дерматоглифических данных у слободских удмуртов (с. Светозарево и Карино), в с. Зура, Чутырь, Лонки-Ворцы Игринского района, в Юкаменском районе, в д. Дизьмино Ярского района, а также среди бесермян в с. Ежово, Жувам и Юкаменское Юкаменского района и в с. Юнда Балезинского района. Обобщение всех полученных материалов было выполнено Н.А. Долиновой (1989, с. 108–122).

Выяснено, что в мужских сериях удмуртов наблюдается нарастание монголоидных признаков с севера на юг. Северный тип удмуртов максимально близок волго-камскому антропологическому типу, отличаясь от него невысоким монголоидным комплексом, показатель которого (44–46) несколько ниже, чем в волго-камском (52, 3). Группы южного типа характеризуются усилением монголоидных черт и более близки уральской и южно-сибирской расам (там же, с. 117–118). В целом мужская выборка оценивается как метисная. Женские же группы более однородны и их отличает близость к волго-камской локальной расе. Что касается бесермян, то здесь европеоидный компонент выражен сильнее, чем у удмуртов. Они обнаруживают значительное сходство с чувашами, мордвой, казанскими татарами. В женской группе бесермян отчетливо проявляются черты, характерные для южных европеоидов (переднеазиатской, каспийской и расы Среднеазиатского между-речья) (там же, с. 121).

В 1986 г. по инициативе Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка и литературы были проведены среди удмуртов антропогенетические исследования. Их цель – характеристика генофонда уд-

муртского народа по системам иммунологических, биохимических и физиологических маркеров, установление степени генетической общности между удмуртами и другими финно-угорскими народами, а также отличий между удмуртами и другими не финно-угорскими народами – русскими, татарами, башкирами (Ю.В. Шнейдер и др., 1989, с. 130–146). Материалы были собраны у слободских удмуртов (д. Светозарево), северных (с. Адам Глазовского района), центральных (с. Югдон Селтинского района) и южных (д. Кузюмово Алнашского района Удмуртии) и с. Ципья Балтасинского района Татарии.

Полученные результаты в целом подтверждают данные других отраслей антропологии – удмурты наиболее близки из всех финно-угорских народов коми-пермякам, коми-зырянам и марийцам. Кроме того, удмурты значительно близки и народам Приуралья не финно-угорского происхождения – башкирам, татарам, русским, что свидетельствует о длительном и интенсивном обмене генами между ними. Обращает на себя внимание и тот факт, что, по мнению генетиков, удмурты вместе с коми-зырянами и коми-пермяками занимают центральное место в финно-угорском мире не только географически, но и генетически (там же, с. 140–141).

В результате интенсивного накопления как древних, так и современных антропологических источников и их настойчивого изучения достаточно четко выяснена близость удмуртов по антропологическому типу к марийцам и южным коми, определены характерные черты внешнего вида представителей удмуртского этноса: при явной европеоидности присутствуют признаки монголоидности. Сочетание этих особенностей таково, что антропологи до сих пор затрудняются в определении места удмуртов в классификационной системе рас мира. Некоторые из них считают, что удмурты представляют собой локальный вариант волжско-камского типа среднеевропеоидной расы западного (европеоидного) ствола (А.И. Дубов), другие отно-

сят удмуртов к субуральскому типу уральской расы (В.П. Алексеев) или варианту древнеуральской расы (Г.М. Давыдова, В.Г. Моисеев).

Антропологические исследования позволяют разделить удмуртов на северных и южных, обозначив их характерные черты. Однако оценка положения каждого из локальных вариантов неоднозначна. По данным одних ученых северные удмурты характеризуются как европеоиды с незначительной монголоидной примесью (К.Ю. Марк, А.И. Дубов, Н.А. Долинова, С.В. Рыкушина), другие ученые находят присутствие уральского компонента древнеуральской расы (Г.М. Давыдова, В.Г. Моисеев) в большей степени в составе северных удмуртов, чем южных. Южные удмурты отличаются от северных большей темноволосостью (К.Ю. Марк), отсутствием уральского компонента (В.Г. Моисеев), более сильной монголоидностью (Н.А. Долинова). Бесермяне оцениваются как наиболее европеоидная группа по сравнению с удмуртами (Н.А. Долинова). Таким образом, оценка антропологами степени монголоидной примеси у разных групп удмуртов несколько противоречива.

Что касается палеоантропологии, то здесь в числе важнейших достижений антропологов следует отметить выявление различных типов у ананьинского населения: европеоидного (В.П. Алексеев, 1969, с. 145–147), монголоидного (Т.А. Трофимова, 1941, 1954) и смешанного (В.П. Алексеев, 1981, с. 55, 61–62), формирование к рубежу эр особого местного антропологического типа у населения пьяноборской общности, близкого к облику современных удмуртов, и сложение на его основе различных вариантов населения местных культур эпохи средневековья (М.С. Акимова). Кроме того, антропологам удалось доказать участие больших групп финно-угорского населения в сложении Волжской Булгарии, выяснить их истоки, определить примерный состав антропологических типов населения этого государства (С.Г. Ефимова). В среде автохтонного населения антропологами выделено два типа: доли-

хокранный, узколиций (Мыдланьшай, Варни) и мезокранный, широколицый (Полом, Деменки, Мазунино, Бирск, Танкеевка и др.). Однако оценка этих типов различна. М.С. Акимова считала тип могильника Мыдланьшай местным, а Поломского могильника – пришлым, С.Г. Ефимова пришла к противоположному мнению, полагая, что поломско-деменковские черепа принадлежат местному населению, а мыдланьшайско-варнинские – пришлому, привнесшему в приуральскую среду южный европеоидный компонент (1991, с. 61–64), Р.М. Фаттахов писал, что оба эти типа следует связывать с местными аборигенными группами (1982, с. 80).

В целом, несмотря на достигнутые успехи как в области палеоантропологии, так и самотологии, применение современных отраслей – дерматоглифики, одонтологии, генетики для изучения этногенетических процессов у удмуртов, эта область знания не столько дает нам ответы, сколько ставит новые вопросы. Остаются открытыми ввиду отсутствия антропологических материалов огромные хронологические лакуны в палеисточниках (палеолит, мезолит, неолит, энеолит и частично эпоха бронзы). Далек не все территориальные группы (северные, южные, арские удмурты, бесермяне) обеспечены в равной степени антропологическим материалом. Неоднозначна, а часто противоречива оценка некоторых антропологических типов, их происхождения. Очевидно, следует констатировать, что возможности этой науки в деле изучения этногенеза удмуртского народа далеко не реализованы и это оставляет нам надежду на их перспективность в будущем.

1.7. Археология и древняя история удмуртов

Первая научно обоснованная концепция автохтонного происхождения пермских народов принадлежит выдающемуся русскому археологу А.А. Спицыну (1858–1931 гг.), который обследовал множество археологических

памятников Камско-Вятского края. Прекрасное знание разнообразных и многовариантных местных древностей, ясное видение их развития во времени убедили А.А. Спицына в том, что эта богатейшая древняя культура принадлежала местным коренным финно-угорским народам. Широкая эрудиция А.А. Спицына, знакомство с греческими памятниками Северного Причерноморья, славянорусскими древностями средней России позволили А.А. Спицыну четко идентифицировать прикамские материалы с живущими здесь финно-угорскими народами – удмуртами, коми-пермяками, марийцами. А.А. Спицын, основываясь прежде всего на археологических материалах, вместе с тем впервые осуществил комплексный подход к решению проблемы, используя этнографические, фольклорные и топонимические материалы. Благодаря этому древняя история удмуртского народа стала обретать все более обоснованные, аргументированные контуры.

Согласно концепции А.А. Спицына, древние удмурты делились на три локальные группы. Первая группа, называемая ватка, обитала в среднем течении р. Вятки от устья р. Моломы до р. Чепцы, а также в ее низовьях до устья р. Косы. Объединение калмез занимало правобережные притоки Вятки – Пижму, Тужу и прилегающее побережье р. Вятки. Третья значительная группа – арские удмурты – располагалась в Нижнем Прикамье (А.А. Спицын, 1888, с. 207–232). Заселение р. Чепцы произошло, как считал А.А. Спицын, в период расцвета болгарской эпохи (VII–X вв. н. э.) выходцами с Верхней Камы, а именно с ее правобережных притоков – Обвы и Иньвы, тогда наиболее изученных (1889, с. 18).

Вятскую гипотезу происхождения удмуртов разделял археолог и историк М.Г. Худяков, видевший в арской группе один из центров формирования удмуртского этноса (1923, с. 48).

Наиболее доказательным положение о прямой связи пермских народов коми-пермяков и удмуртов с ананьинской археологической

культурой раннего железного века и последующих средневековых стало после опубликования работы М.В. Талицкого «Верхнее Прикамье в X–XIX вв.» (1951). Этот же тезис отстаивала в своей монографии, посвященной ананьинской культуре, А.В. Збруева (1952), успешно применяя метод ретроспекции.

Аналогичную идею развивал и А.П. Смирнов, много сделавший для изучения древностей железного века Прикамья и Поволжья, который утверждал, что удмуртская народность развилась из культур ананьинско-пьяноборского типа. А.П. Смирнов впервые связал происхождение удмуртов с памятниками поломско-чепецкого круга (1952, с. 244). Заселение р. Чепцы, по А.П. Смирнову шло с Вятского побережья (там же, с. 170).

В работах В.А. Оборина (1970, 1972) и совместной с О.Н. Бадером (1958) отражены основные сюжеты их видения этногенеза пермских народов. Пермская ветвь финно-угорских народов просуществовала до конца I тыс. до н. э., когда она разделилась на праудмуртов (пьяноборская культура) и пракоми (гляденовская культура). Затем генезис удмуртского народа шел через азелинскую, поломскую и чепецкую культуры к исторически известным группам удмуртов – южным и северным. На основе гляденовской культуры в эпоху средневековья развивались две линии – ломоватово – роданово – коми пермяки (Верхнее Прикамье) и ванвиздино – вымь – коми-зыряне (бассейн рр. Вымь и Вычегда).

Много внимания этногенезу удмуртского народа уделил В.Ф. Генинг. Организовав в 50-х гг. в Камско-Вятском междуречье большие работы по изучению памятников железного века и получив значительные новые материалы, он имел возможность выработать свою гипотезу происхождения удмуртского народа. С присущей ему фундаментальностью В.Ф. Генинг для аргументации своих положений использовал не только археологический, но и накопившийся антропологический, лингвистический, этнографический материал. Развивая далее положение А.П. Смирнова,

В.Ф. Генинг более категоричен в определении территории формирования удмуртов. Он считал, что ядром этногенеза удмуртского народа был бассейн р. Чепцы, а именно поломско-чепецкие памятники. Все остальные районы – малмыжско-кильмезский, елабужско-можгинский, ижевско-шарканский – были в этом процессе как бы второстепенными (В.Ф. Генинг, 1967, с. 271–278). Заселение р. Чепцы, как он неоднократно утверждал, шло со Средней Камы, с территории осинской культуры (В.Ф. Генинг, 1959, с. 198–200; 1967, с. 274–276; 1988, с. 220–221), или осинского варианта гляденовской культуры, по Ю.А. Полякову (1932–1992 гг.) (1967, с. 213–215).

Правда, в поздних работах В.Ф. Генинг был уже более осторожен, так как бросалась в глаза некоторая диспропорция – «чепецкая археологическая культура не распространяется за пределы р. Чепцы (бывш. Глазовский уезд), в то время как современные удмурты занимают почти все Камско-Вятское междуречье» (В.Ф. Генинг, 1988, с. 222).

Шарканские, воткинские, ижевские удмурты, по мнению В.Ф. Генинга, в некоторой степени сложились на чегандинско-мазунинской основе (1967, с. 277–278). При этом мазунинские группы он считал первоначально пришлыми из Западной Сибири (1967б, с. 53, 61), позже признал их местный пермский характер (1972, с. 240). Часть мазунинцев вошла в состав северных башкир (племя еней) (В.Ф. Генинг, 1967, с. 278).

Чегандинские истоки имели, согласно гипотезе В.Ф. Генинга, и азелинские племена, жившие в III–V вв. н. э. на нижней и средней Вятке (1963). Отрицая прямую связь между азелинцами и марийцами, В.Ф. Генинг не видел ее и с вятскими удмуртами. Он считал, что отдельные группы азелинского населения могли участвовать лишь в сложении удмуртов бассейна р. Кильмезь (1963, с. 91–95). Несколько позже он предположил без особой аргументации, что вятское население под названием Одо-, встретившееся в Вятско-Ветлужском междуречье с марийцами в IX–X вв.,

представляло собой потомков азелинских племен (1970, с. 209). Ошибочная установка на прямое сопоставление полемско-чепецкого населения и северных удмуртов привела В.Ф. Генинга к недооценке роли пьяноборского массива в этногенезе удмуртов. К числу заблуждений В.Ф. Генинга следует отнести и отрицание отношения группы аров к предкам удмуртов (1967, с. 277), и преувеличение роли угорско-самодийского компонента в истории удмуртов, который, по В.Ф. Генингу участвовал в сложении не только северных удмуртов (1967, с. 275 и др.), но и племенного объединения Ватка (1970, с. 203–204), а также излишний миграционизм – преувеличение роли внешних миграций, преимущественно восточного направления в этнической истории пермских народов.

Эта непоследовательность этногенетической концепции В.Ф. Генинга способствовала появлению совершенно не соответствующей источникам и логике исторического процесса гипотезы А.Х. Халикова (1985, 1991), основные положения которой сводятся к следующему. Ананьинская общность принадлежит не только пермянам, но и волжским финнам (марийцам, мордве). Отделение пермян от волжских финнов произошло с выделением из ананьинской культуры гляденовских племен (III в. до н. э.). Пьяноборские и постпьяноборские племена в этногенезе удмуртов прямого участия не принимали (А.Х. Халиков, 1995, с. 80). До XV–XVI вв. областью обитания пермских финнов, по мнению А.Х. Халикова, была не Кама и не Чепца, а районы севернее и северо-западнее современного расселения удмуртов, междуречье рр. Вятки и Вычегды (1991, с. 84).

Общепермскими археологическими культурами А.Х. Халиков считал ванвиздинскую (IV–IX вв.) и вымскую (X–XIV вв.) в бассейне р. Вычегды. А.Х. Халиков утверждал, что распад общепермского языка на удмуртский и коми произошел не ранее XV–XVI вв. (1991, с. 81), а на другой странице – в X–XIV вв. (1991, с. 88), что археологически выразилось

в обособлении культуры вычегодской перми – вымской от лузско-вятских могильников древних удмуртов. Вместе с тем, он полагал, что в это время удмурты не только отделились от коми, но и разделились на северных (бассейн р. Лузы, Лоемский могильник) и южных (бассейн р. Чепцы, Маловенижский могильник) (1991, с. 84–85). Носители полемской и ломоватовской культур не связаны с пермо-финским этносом и представляют тюркоязычное или угро-тюркоязычное население (там же, с. 80–81). В бассейне Чепцы преобладали памятники типа могильников «бигершай», которые считаются не удмуртскими, а татарскими или бесермянскими, а бассейн Ижа был занят тюрко-угорским населением типа племен «байлар», «еней», «гайна» (там же, с. 81).

Заблуждением А.Х. Халикова представляется отрицание пьяноборской основы в этногенезе удмуртского народа. Утверждавшееся им положение, что пьяноборское население через азелинский вариант принимало участие лишь в сложении луговых марийцев (1991, с. 63), совершенно игнорирует территориальное размещение пьяноборского массива (низовья р. Белой, Среднее и удмуртское Прикамье, бассейн р. Вятки). Остается неясным, куда делось столь многочисленное население, оставившее огромное число разнообразных археологических памятников? Худяковско-азелинское население составляло лишь западную провинцию пьяноборского мира.

Спозиций гипотезы А.Х. Халикова необъяснима и историческая судьба, и этническая принадлежность гляденовской культуры Среднего и Верхнего Прикамья. Следуя логике А.Х. Халикова, утверждавшего пермскую этническую принадлежность для гляденовского населения бассейна рр. Вычегды и Печоры, надлежало бы считать пермским и гляденовское население Средней Камы, послужившее основой для ломоватово-родановских племен. Однако это обстоятельство А.Х. Халиковым никак не рассматривается, так как в случае признания линии гляденово-

ломоватово-роданово, принадлежащей пермскому этносу, сразу же отпадают любые предположения об их угро-тюркоязычности.

Что же касается оценки гляденово-ванвиздинско-вымских памятников как недифференцированных пермян, то она вызывает еще один ряд вопросов. Когда же все-таки пермяне разделились на коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов: в IX в., в XIV в. или в XV–XVI вв.? Почему гляденово-ванвиздино-вымские памятники оцениваются А.Х. Халиковым как принадлежавшие пермянам, а близкие им гляденово-ломоватово-родановские как древности тюркоязычных или угро-тюркоязычных народов? Как случилось, что неразделившиеся пермяне, давшие исток трем народам Приуралья – коми-зырянам, коми-пермякам и удмуртам, оставили лишь около 40 памятников эпохи средневековья (32 могильника, два селища, 2 городища и одно святилище – Э.А. Савельева, 1995, с. 8), а от многочисленных средневековых памятников Верхнего Прикамья, число которых уже перевалило за 500, отнесенных А.Х. Халиковым к угро-тюркоязычным народам, не сохранились какие-либо ощутимые следы в материальной и духовной культуре народов Приуралья.

Вызывает недоумение и факт отождествления А.Х. Халиковым северных удмуртов с населением, оставившим Лоемское поселение и могильник на р. Лузе (Э.А. Савельева, 1972), правом притоке р. Юг, которые исследователем этих памятников рассматриваются как свидетельство колонизационных процессов на европейском Северо-Востоке, оставленное смешанным славяно-финским населением, исходной территорией которого были северо-западные районы Новгородской земли (Э.А. Савельева, 1995, с. 31–35).

Не меньшее удивление вызывает и отнесение Маловенижского могильника XI–XII вв., расположенного в верховьях одного из левых притоков р. Чепцы, р. Убыти и раскопанного М.Г. Ивановой (1982б, с. 52–76), к южным удмуртам. Если уж суждено этому памятнику стать эталоном удмуртской материальной

культуры, по А.Х. Халикову, то почему же южного варианта, а не северного, на территории которого он расположен? Когда и по каким причинам удмурты переселились так далеко на юг в низовья и среднее течение р. Вятки, если, начиная с XIII в. и даже раньше, низовья р. Камы становятся ареной ожесточенных сражений? В результате ощутимы потоки переселенцев, бегущих из мест активных боевых действий, в основном на север и северо-восток, а также с запада на север и восток. Все указанные выше обстоятельства не позволяют считать научной гипотезу А.Х. Халикова о ранней и средневековой истории пермских народов, но дают возможность прибегать к ней лишь для демонстрации примера из области фантастики.

В последние десятилетия значительные новые материалы получены при раскопках средневековых памятников V–XIII вв. бассейна р. Чепцы. Ведущий исследователь этих объектов М.Г. Иванова интерпретирует их как североудмуртские (1987а, с. 59–79; 1987б, с. 70–83; 1989, с. 5–19), считая именно их своеобразным ядром формирующейся общности удмуртов (1996, с. 43).

Вопрос о происхождении памятников полумско-чепецкого типа неоднократно рассматривался В.А. Семеновым (1967а, 1979а, 1980, 1982, 1989). Если первоначально он поддерживал мнение В.Ф. Генинга о появлении первых поселенцев на р. Чепце в III в. н. э. с территории осинского варианта гляденовской культуры (1967а, с. 292–293), то в последующем сформировалась его собственная позиция, согласно которой полумская культура представляется многокомпонентной. На рубеже III–IV вв. н. э. бассейн р. Чепцы был заселен, как считает В.А. Семенов, азелинским населением из бассейна р. Вятки (1989, с. 23). В V–VI вв. в верховьях Чепцы появилось верхнекамское население ломоватовской культуры, в результате взаимодействия которого с постазелинскими группами и образовалась оригинальная полумская культура (1980, с. 64–65; 1989, с. 23–24). На рубеже

VIII–IX вв. на р. Чепце ощущаются следы пришедших угро-самодийских племен, которые также внесли некоторое своеобразие в формирование особенностей материальной культуры полемско-чепецкого массива (В.А. Семенов, 1989, с. 30–31). Однако основным ядром полемского населения были местные пермоязычные племена – потомки пьяноборских и гляденовских групп (там же, с. 31).

Таким образом, в изучении древней истории удмуртского народа заслуги археологической науки довольно велики. За последние 50 лет этой наукой накоплены богатейшие материалы, характеризующие все исторические эпохи, позволяющие не только сделать реальностью написание древней и средневековой истории удмуртского народа, но и выполнить эту работу на качественно новом научном уровне. Использование принципиально новых материалов, новых подходов к исследованию этих данных, осуществление комплексного применения результатов других наук позволит, как мне кажется, наполнить конкретным содержанием различные этапы древней истории удмуртского этноса. Разумеется, далеко не все периоды в равной степени обеспечены источниками, где-то они почти отсутствуют (например, палеолит на территории Удмуртии), где-то они только начинают появляться (раннехудяковские материалы на р. Вятке), для других же периодов памятники и многочисленны и неплохо изучены (например, полемско-чепецкая группа V–XIII вв. в бассейне р. Чепцы). Однако имеющиеся сейчас в распоряжении исследователей материалы позволяют осуществить задуманное и предложить читателю один из первых вариантов концепции древней и средневековой истории удмуртского народа.

Я далека от мысли, что люди, жившие на Урале в эпоху каменного века, имели непосредственное отношение к удмуртскому народу, понимая, сколь сложен путь историчес-

кого развития и как много тысячелетий разделяют первые остатки человеческой деятельности на Урале и современный удмуртский народ. Однако средневековые этапы истории удмуртского народа, когда наиболее интенсивно шли процессы консолидации этноса, неотделимы от предшествующих, и для понимания их необходимо знание самых глубоких истоков.

Что касается возможностей археологической науки решать проблемы этногенеза и истории того или иного народа, то известный скепсис по этому поводу ученых – не археологов — в значительной степени поубавился. Появились работы, которые хорошо демонстрируют возможности применения на археологических материалах ретроспективного метода, позволяющего выяснить через серию взаимосвязанных цепочек элементов материальной культуры и археологических культур весьма глубокие истоки современных народов (например, о славянском этногенезе – В.В. Седов, 1994, 1995; о древней истории коми-зырян – Э.А. Савельева, 1971, 1995 и др.).

Массовость археологического материала, разнообразие отраженной в нем материальной и духовной культуры народов позволяют по набору характернейших особенностей (керамика, погребальный обряд, женские украшения и костюм, домостроение, планиграфия поселений и т. д.) выявить этнические черты и идентифицировать их этнический облик с помощью этнографических особенностей современных народов. Кроме того, обращение к возможностям и результатам изучения этноса иными науками – лингвистикой, топонимикой, фольклористикой, мифологией, антропологией и другими позволяет археологии с ее хронологически очерченными археологическими культурами и системностью их развития выступать своеобразным стержнем в синтезе данных множества наук, определяющим направление развития того или иного этноса.

ГЛАВА II

ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬЯ

2.1. Первоначальное заселение Урала древними людьми

Вряд ли будет правильным думать, что можно вести генезис удмуртского народа прямо от самых древнейших этапов истории человечества – каменного века. Слишком длительный путь разделяет временные вехи: современность и каменный век. За это время в Приуралье произошло бесчисленное множество событий, повлиявших на судьбу живущих здесь людей, о некоторых из них мы и не подозреваем. Но убеждена, что люди, освоив пригодное для жилья пространство, не покидали его без особой нужды. Чаще всего это происходило только под угрозой жизни своей или своих сородичей. Однако в последние десятилетия появляется все больше работ антропологов, этнографов, лингвистов, археологов, утверждающих, что уже в позднем палеолите по данным каждой из этих наук явно ощущается неоднородность человечества и истоки современных народов лежат в очень глубокой древности.

Вопрос о происхождении любого народа связан со сложнейшей проблемой происхождения человечества на Земле. По этому поводу существует по меньшей мере три гипотезы. Наиболее древним является представление о божественном происхождении человека. Согласно мифам удмуртского народа, первого человека создал удмуртский бог Инмар, хозяин верхнего мира – неба (В.Е. Владыкин,

1994, с. 321–322). Практически во всех мировых религиях эта идея существует в различных многообразных вариантах. Близка ей и концепция космического происхождения жизни, в том числе и человека на земле, согласно которой человек возник в результате импульсов какой-то космической энергии.

Эволюционная, материалистическая гипотеза была высказана уже в I в. до н. э. римским философом и поэтом Лукрецием Каром, написавшим поэму «О природе вещей». В ней он утверждал, что люди появились «из земных утроб», предполагая тем самым происхождение человека в результате эволюции животного и растительного мира. Л. Кар предлагал разделить длительную историю человечества на каменный, бронзовый и железный века. В последующем человечество накопило многочисленные как биологические, так и археологические подтверждения этого факта. В настоящее время эта теория представляется наиболее аргументированной.

Прародиной человечества была, вероятно, центральная, восточная и южная Африка. Именно здесь, начиная с 1924 г., находят останки древнейших гоминид, называемых учеными австралопитековыми.

В Восточной Африке, в области Афарской депрессии – низменного района на севере Эфиопии, в 1973–1976 гг. франко-американской экспедицией обнаружен один из ранних видов австралопитека – афарский. Среди находок широкую известность приобрел ске-

лет миниатюрной (рост 108 см) женской особи, названной исследователями «Люси». Ее геологический возраст около 3 млн. лет (Е.Н. Хрисанфова, П.М. Мажуга, 1997, с. 37).

Наиболее известны из австралопитековых зинджантроп (австралопитек бойсовский) и презинджантроп (*homo habilis*, человек умелый), остатки которых найдены в начале 60-х гг. в раннечетвертичных (2–1,7 млн. лет) слоях Олдувайского ущелья (Танзания, Восточная Африка) семьей археологов Лики – Льюисом и Мери (П.И. Борисковский, 1977, с. 29–31).

Позднее останки других видов австралопитековых были обнаружены в районе оз. Рудольфа (Кения) и в других местах. Серия стоянок на восточном берегу оз. Рудольфа была открыта одним из самых удачливых исследователей палеолита Африки – директором Национального музея в Найроби Ричардом Лики, сыном Л. и М. Лики. Здесь, начиная с 1968 г., им было открыто более 200 остатков ископаемых гоминид. На местонахождении Кооби-Фора им были найдены остатки 90 гоминид и 300 изделий из камня. Слой имеет калий-аргоновую дату – 2,6 млн. лет. Это древнейшие из известных человеческих орудий (Г.П. Григорьев, 1977, с. 79–83).

Судя по сохранившимся костям, австралопитеки были небольшого роста (около 1,0–1,6 м), весили от 12 до 37 кг, имели объем головного мозга 300–600 см³, массивные челюсти, покатый лоб, сильно выраженные надбровные дуги. Однако зубная система этих гоминид была ближе к человеческой, кроме того, они передвигались на задних конечностях, были прямоходящими и охотились на травоядных животных и павианов.

Причины, вызвавшие эволюцию обезьян, пока еще не выяснены. Возможно, это связано с изменением физико-географических условий существования некоторых их видов, вынужденных приспосабливаться к новым условиям существования – скалистым предгорьям или безлесным степям. Судя по африканским находкам, вид человека умелого просуществовал до 1,6–1,5 млн. лет лет (Е.Н. Хрисанфова, П.М. Мажуга, 1997, с. 40).

Более близок человеку по физическому облику питекантроп (*homo erectus*, человек прямоходящий, архантроп). Он также был небольшого роста – около 1,5 м, имел объем мозга больше, чем у австралопитеков (900–1200 см³). Для него характерны прямохождение, покатый лоб, развитые надбровные дуги и отсутствие подбородочного выступа. Остатки питекантропов обнаружены в разное время в восточной (Олдувай, слой II) и северной (Тернифин и Сиди Абдуррахман) Африке, на Дальнем Востоке (о. Ява) и в Европе (Гейдельберг – Германия, Вертеш-селлош – Венгрия). Рядом с костями питекантропов найдены галечниковые орудия, чопперы, на некоторых стоянках – ручные рубила (П.И. Борисковский, 1977, с. 32–35).

Более развитый вариант питекантропов – синантроп (китайский человек). В пещере Чжоукоудянь, недалеко от Пекина (П.И. Борисковский, 1977, с. 33), обнаружено более 40 скелетов мужчин, женщин и детей. В слоях пещеры собраны и более 100 тысяч каменных, преимущественно кварцевых орудий, в том числе и рубила. Синантропы умели охотиться на оленей, диких лошадей и даже носорогов, использовали для защиты от холода и зверей природный огонь – найдены остатки 10 очагов, а слой золы в пещере достигал в некоторых случаях более 6,5 метра. Имеются и следы каннибализма – часть костей синантропов расколота на мелкие части в целях добычи костного мозга.

Археологические материалы – находки из стратифицированных слоев, представляющие каменные орудия и кости животных соответствующего времени, – свидетельствуют о том, что заселение архантропами южных районов Русской равнины произошло около 600 тыс. лет назад до начала максимального днепровского (рисского) оледенения (250–200 тыс. лет назад), в эпоху, называемую археологами ашель (Палеолит СССР, 1984). В это время были освоены скальные убежища (навесы, гроты, пещеры), а также открытые террасы Кавказа и Закавказья. К ашельской

эпохе относятся местонахождения у с. Лука-Врублевская на Днестре, Герасимовка в Приазовье и др.

Расселение архантропов по Европе происходило в условиях изменяющихся физико-географических условий, определяемых довольно резкими колебаниями климата, чередованием холодных и теплых периодов, а также наступлением и отступлением ледников. Периоды похолоданий иногда сопровождались оледенениями и расширением границ ледника, покрывающего щитом всю Скандинавию и прилегающие области, а периоды потеплений (интерстадиалы) вызывали отступление ледника из южных областей. Во время таяния ледника образовавшаяся масса воды формировала русла древних рек. Самым ранним покровным оледенением было миндельское (окское), которое доходило до гор на юге Германии (Палеолит СССР, 1984, с. 24). Примерная датировка этого оледенения – 500–375 тыс. лет назад. Максимальным по площади распространения (5764 тыс. кв. км) было рисское (днепровское) оледенение, которое двумя большими языками по Днепру и Дону доходило до широты гг. Днепропетровск и Калач (рис. 6). Следы жизни в это время древнего человека сохранились только в самых южных районах нашей страны: у хут. Хрящи и Михайловское в устье Северского Донца.

Щит именно этого оледенения частично покрывал области Камско-Вятского междуречья. Кромка его проходила приблизительно по устью Пижмы, низовьям Чепцы, верховьям Вятки и Камы (возле с. Афанасьево Кировской области). В процессе таяния днепровского ледника возникла древняя полноводная река – Пракама. Некоторые исследователи выделяют самостоятельное московское оледенение, большинство же ученых считают его позднейшей стадией рисского (днепровского) оледенения. Последнее вюрмское (валдайское) оледенение (70–10 тыс. лет назад) было менее масштабным. Площадь его щита не превышала 2655 тыс. кв. км, а граница в Восточной Европе проходила по Северной Двине значи-

тельно севернее г. Котласа. Хотя это оледенение занимало меньшую площадь, оно было наиболее суровым. Причины чередования похолоданий и потеплений заключались в тектонически обусловленных преобразованиях поверхности земли и влиянии на нее солнечной радиации (К.К. Марков, 1965).

Более прогрессивным видом гоминид, чем *homo erectus*, был ископаемый неандертальский человек (палеоантроп, архаический сапиенс), скелеты которого найдены в Африке, на Дальнем и Ближнем Востоке, Центральной и Средней Азии, Казахстане, на большей части Европы, не затронутой ледником (в Англии, Бельгии, Германии, Франции, Испании, Италии, Швейцарии, Югославии, Чехословакии, Венгрии, Украине, России). Неандертальцы были более высокорослы, чем питекантропы, и имели сильное телосложение с хорошо развитой мускулатурой. Кисти рук у них были грубее и массивнее, чем у современного человека. Объем головного мозга колебался от 1200 до 1600 см³. Таким образом, объем мозга неандертальцев был близок к объему мозга человека (1400–2000 см³), но у неандертальских людей были слабо развиты лобные доли, важные для функции мышления, а также центры торможения. Черепная коробка неандертальцев была невысокой, надглазничный валик выражен очень сильно, а подбородочный выступ, свидетельствующий о появлении речи, едва намечен (рис. 7).

Неандертальцы – преимущественно европейская форма ископаемого человека и представляют собой, вероятно, не столько всеобщую эволюционную фазу антропогенеза, сколько отдельную самостоятельную ветвь в пределах вида *homo sapiens* (А.А. Зубов, 1994, с. 25–26). Некоторые антропологи считают, что многие (но не все) неандертальцы развились в современных людей. Другие отрицают какие-либо исключения: по их мнению, такой путь прошли все неандертальцы. Третьи же (они остались в заметном меньшинстве) утверждают, что все неандертальцы вымерли и их сменили современные люди,

которые произошли от неведомой генетической линии (Дж. Констэбл, 1997, с. 90).

Археологически неандертальская эпоха называется средним палеолитом, или мустье (100–40 тыс. лет назад). В эпоху мустье сформировались первые региональные общности, развивающиеся в сходных физико-географических условиях и отличающиеся некоторыми особенностями материальной культуры, что проявлялось в обособлении археологических культур, например молодовской в бассейне Днестра и белогорской в Крыму (Палеолит СССР, 1984, с. 110–111). Неандертальцы жили в пещерах и на открытых местах. Наряду с местами обитания – поселениями, стоянками – существовали и специальные мастерские по первичной обработке камня, расположенные в местах его выхода на поверхность. В это время техника изготовления каменных орудий стала более совершенной. Наряду с рубилами известно несколько десятков дифференцированных орудий: остроконечников, скребел, скобелей, различных острий, отщепов с ретушью и др. В эпоху мустье появился вторичный прием обработки камня – ретушь, с помощью которой предмету придавалась определенная форма и укреплялся рабочий край. Неандертальцы научились использовать для своих нужд новый материал – кость. На Украине на стоянке Молодова I раскопано одно из древнейших в мире жилищ, представлявшее собой круглое в плане наземное сооружение площадью 40 кв. м, каркас которого был сооружен из костей мамонта и покрыт шкурами. На возведение каркаса были использованы 12 черепов, 34 лопатки и тазовые кости, 51 кость конечностей, 14 бивней и 5 нижних челюстей мамонтов (А.П. Черныш, 1965). В разных частях жилища обнаружены следы 15 костров. Внутри жилища собрано огромное количество орудий и обломков камня: 1–2 тысячи предметов на 1 кв. м.

Об умении неандертальцев выделывать шкуры свидетельствует и широкое распространение кремневых скребков, которыми снимали шкуры, соскабливали жир и мездру. Оче-

видно, в это время появилась и первая одежда из шкур. На некоторых стоянках (Рожок I возле Таганрога) найдены кремневые проколки для сшивания шкур. Появление жилищ, одежды, умение поддерживать огонь обеспечили неандертальцам возможность выжить в условиях очень холодного климата во время вюрмского оледенения.

Неандертальцы жили праобщинами, состоящими, вероятно, из 20–30 взрослых членов. Сплочение такой праобщины осуществлялось на основе коллективной загонной охоты на крупных животных: мамонтов, пещерных медведей и львов, лошадей, кабанов, зубров, – дававшей значительные запасы мясной пищи. Коллективная охота, поддержание огня, совместная защита от хищных зверей и врагов способствовали консолидации коллектива, развитию сначала инстинктивных, а затем осознанных форм взаимопомощи его членов. В это время у неандертальцев появились первые зачатки мышления и звуковых сигналов – речи. Неандертальские люди уже хоронили своих умерших, преимущественно в удобной позе спящего – на боку, со слегка согнутыми руками и ногами (рис. 7). Возможно, в этот период у древних людей возникли первые религиозные представления, рядом с погребенными находят орудия и кости животных.

В мустьерскую эпоху неандертальцы, несмотря на суровость климата, распространились по Русской равнине значительно севернее. Памятники этого времени обнаружены около 52° северной широты в бассейне р. Десны севернее Брянска (Хотылево), на Волге – севернее Самары (Красная Глинка). Почти на всех крупных реках, текущих на юг, обнаружены поселения или местонахождения неандертальцев.

Хотя автор раздела, освещавший эпоху мустье в коллективной монографии «Палеолит СССР» (1984), Н.Д. Праслов считает, что Урал, вероятно, в эту эпоху не был заселен, так как на карте основных местонахождений раннего палеолита Русской равнины (рис. 37) уральская зона вообще отсутствует, ураль-

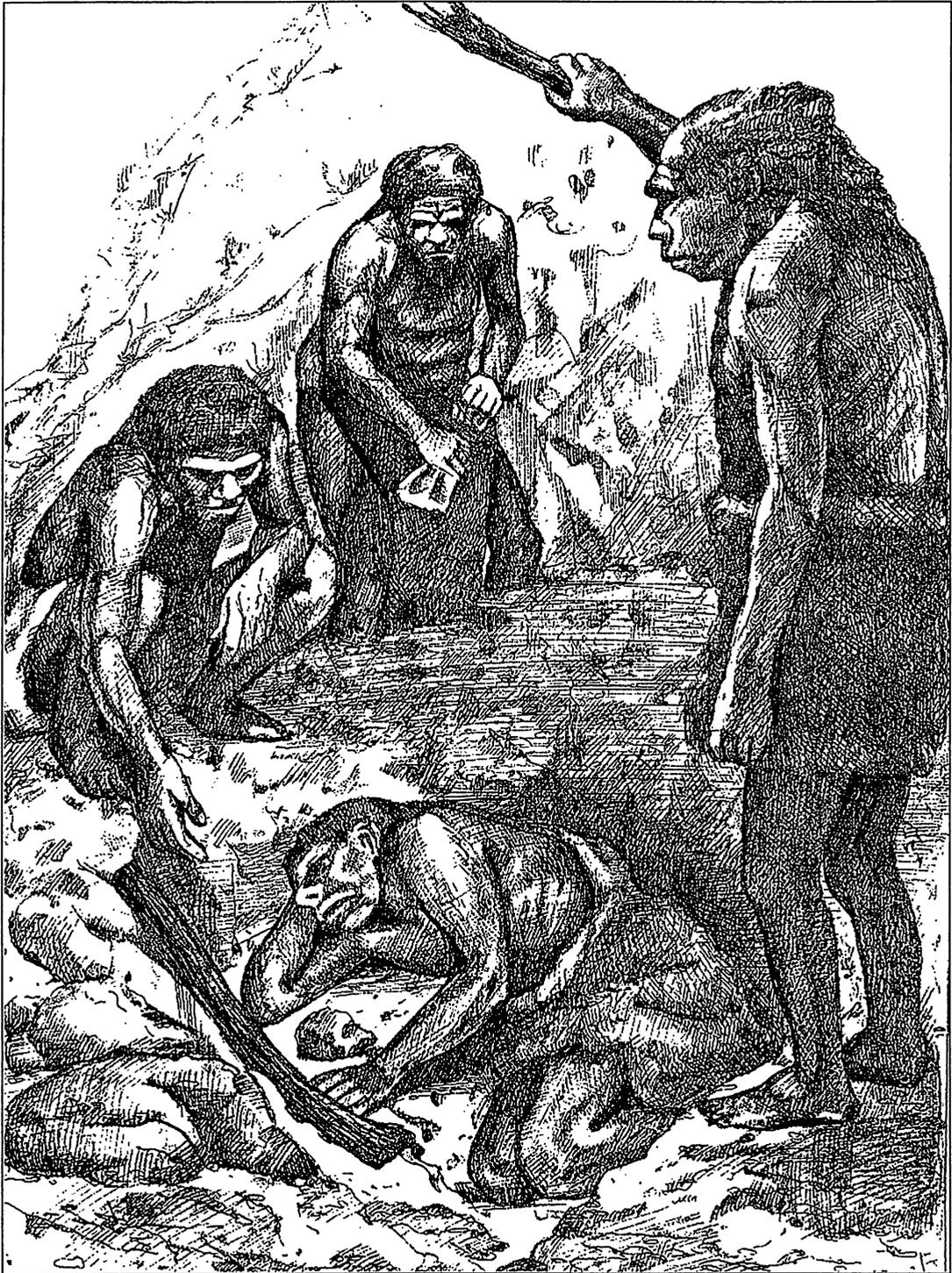

Рис. 7. Погребение юноши неандертальца в пещере Ле Мустье (Франция) (по З. Буриану)

ские же археологи убеждены, что имеется достаточно убедительных свидетельств освоения Урала людьми еще в раннем палеолите.

Изучение палеолита на Урале связано с именем крупнейшего советского палеолитчика О.Н. Бадера. Он первым высказал предположение об освоении Урала древним человеком в ашель-мустьерское время (1947, с. 97–131), наметил пути возможного проникновения людей на Урал, исследовал палеогеографические условия и особенности материальной культуры этого времени. В заселении севера Европейской части России в раннем палеолите был убежден и С.Н. Замятнин (1961, с. 20–28). О.Н. Бадером были изучены такие уникальные памятники палеолита, как Островская стоянка на Чусовой и Каповая (Шульганташ) пещера в Башкирии, единственная в нашей стране, содержащая великолепные образцы полихромной живописи (1947, с. 108–112; 1948; 1960; 1967; 1965). В изучении уральского палеолита велики заслуги В.И. Канивца (1976) и Г.Н. Матюшина (1979).

В 1939 г. в урочище Пещерный лог на р. Чусовой М.В. Талицким были найдены несколько отщепов, мустьерский остроконечник, а также кости мамонта, носорога, слона и быка (1946, с. 9–12). Кроме того, на оз. Карабалыкты, расположенном в бассейне р. Урал, в 40 км от Магнитогорска, обнаружена стоянка Мысовая, на которой собрана большая коллекция весьма архаичных орудий из кремня и яшм: остроконечники, бифасы, нуклеусы, нуклевидные обломки и другие предметы. Г.Н. Матюшин считал, что на памятнике присутствуют два разновременных комплекса – ашельский и мустьерский (1979, с. 37). О.Н. Бадер датировал Мысовскую стоянку эпохой мустье.

В последние два десятилетия в Прикамье создались особые условия, способствующие открытию палеолитических объектов. Воды Камского и Воткинского водохранилищ интенсивно размывали основания высоких надпойменных террас и коренных берегов. В образовавшихся обнажениях стали видны отложения ниже- и среднелепесточеновой поры. Большие

специализированные разведочные работы по поиску материальных остатков палеолита были проведены в 80-90-е гг. П.Ю. Павловым, В.П. Денисовым, Е.П. Блинецовым, А.Ф. Мельничуком, С.Н. Коренюком, Э.Ю. Макаровым, Ю.Ю. Цыгановым и другими и дали положительные результаты. В частности удалось выявить несколько объектов раннепалеолитической поры.

В 1983 г. в 0,9 км к западу от д. Ельники, на левом берегу р. Сылвы, А.Ф. Мельничуком были обнаружены кости трогонтериевого слона (челюсть, зубы, бивень и обломки костей) и кварцитовое орудие типа чоппинга. Находки сделаны в верхней части сине-серых глин, слагающих цоколь террасы высотой 32–35 м. Еще один кварцитовый отщеп обнаружен на поверхности пляжа. Трогонтериевый слон не мог существовать позже лихвинского межледниковья (примерно 250 тыс. лет назад) (Б.И. Гуслицер, П.Ю. Павлов, 1987, с. 6–7).

К этому же времени относится и местонахождение Харута в нижнем течении р. Адзъва (Архангельская область), где также обнаружены остатки трогонтериевого слона и три массивных отщепа из кварцита (Б.И. Гуслицер, П.Ю. Павлов, 1989, с. 44).

К несколько более позднему времени относится пещера Большая Глухая на р. Чусовой, где в нижнем культурном слое найдены выполненные из кварцитопесчаника серо-желтого цвета чоппер (рис. 8–8), три отщепа (рис. 8–5–7) и осколок. В одном слое с ними находились зубы млекопитающего с искусственными пропилами (рис. 8–1–4), а также кости пещерного медведя, северного оленя, тигрольва, песца, зубра, копытного и обско-го леммингов, узкочерепной, темной, лесной полевок, полевки-экономки, пищухи, степной пеструшки, сурка. Состав фауны и палинологические данные свидетельствуют о существовании в это время тундро-лесостепного ландшафта. Авторы раскопок относят слой к позднеднепровскому времени (около 200 тыс. лет назад) (Б.И. Гуслицер, П.Ю. Павлов, 1987, с. 16–20; они же, 1989, с. 44).

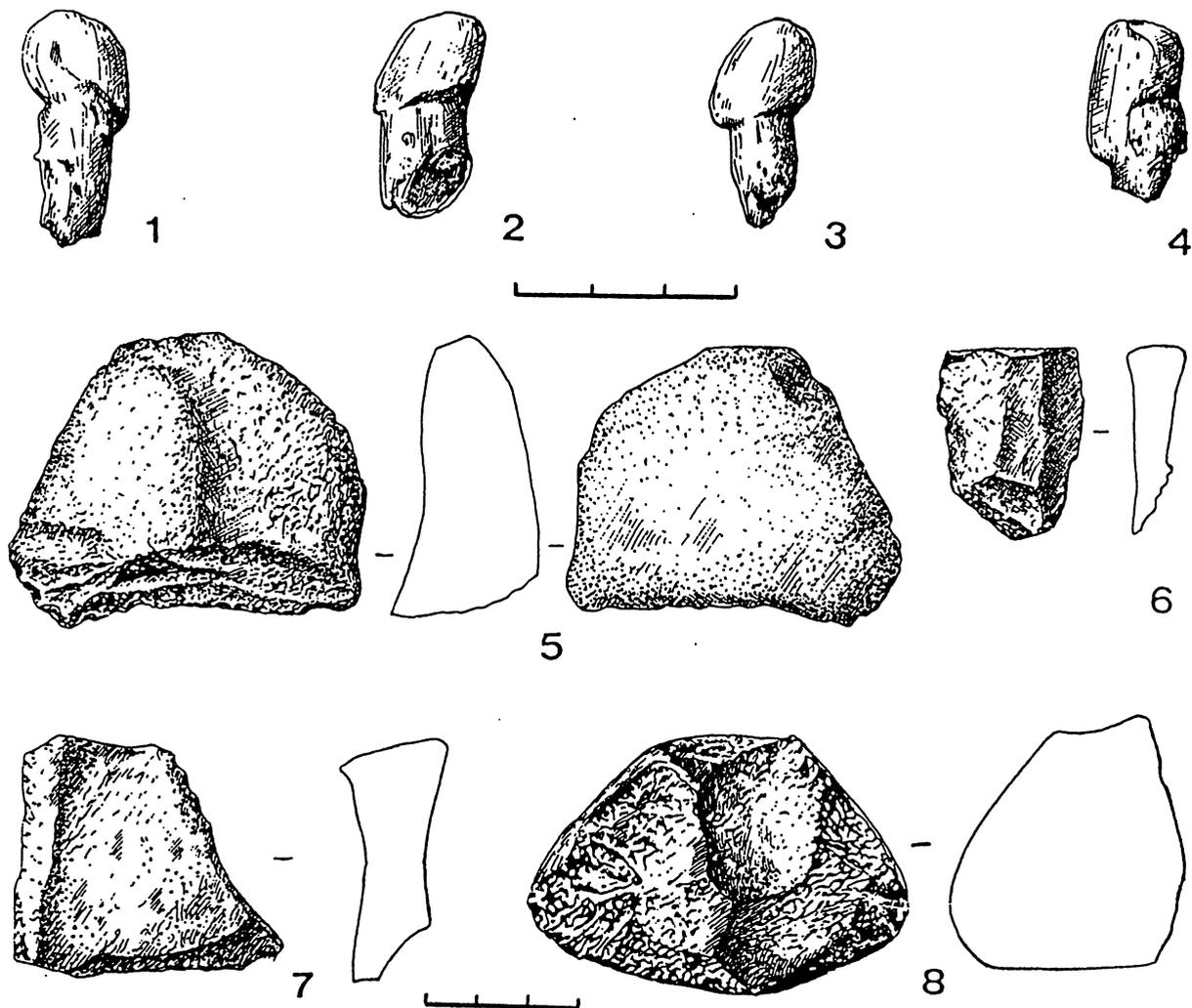

Рис. 8. Находки раннего палеолита из нижнего культурного слоя грота Большой Глухой (по Б.И. Гуслицеру и П.Ю. Павлову). 1-4 – зубы млекопитающего с искусственными(?) пропилами; 5-7 – отщепы; 8 – чоппер. 1-4 – кость; 5-8 – камень

Сходные по типологическим формам предметы обнаружены в 1982–1983 гг. В.П. Денисовым и А.Ф. Мельничуком на правом берегу р. Камы, недалеко от устья р. Обвы (Ганичата I и II). Находки, происходящие с пляжа и из слоя в основании обнажения террасы высотой 32–35 м, весьма многочисленны: на первой стоянке найдено 500, на второй – около 1000 экземпляров. Предметы выполнены из желто-серого кварцитопесчаника. Зафиксированы дисковидные, плоские, параллельного

скалывания, шаровидные, а также аморфные нуклеусы. В коллекции имеются чопперы, чоппинги, продольные и поперечные скребла (Б.И. Гуслицер, П.Ю. Павлов, 1987, с. 6). Морфологические особенности инвентаря позволяют отнести их к раннему палеолиту.

Появление мустьерского человека на Урале было, по-видимому, многократным, эпизодичным и исходило из разных источников. Один из путей шел, вероятно, из Средней Азии, по восточному побережью Каспия, затем по

р. Урал на Южный Урал (Мысовая), затем вдоль западных отрогов Урала в Верхнее Прикамье (Ельники II, пещера Большая Глухая). Другой путь намечен по Волге (Сухая Мечетка у Волгограда, Красная Глинка у Самары) на среднюю и верхнюю Каму (Пещерный Лог).

Следующая археологическая эпоха – поздний палеолит (40–10 тыс. лет назад) – характеризуется заключительной фазой вюрмского (валдайского) оледенения. Но поскольку границы ледяного щита проходили по среднему течению Северной Двины и Печоры, то возможность дальнейшего освоения Урала была весьма реальной. В это время Камско-Вятское междуречье было покрыто околледниковой лесостепью, где обитали мамонты, шерстистые носороги, северные олени, пещерные медведи и другие виды животных. Климат был достаточно суровым. Средние июльские температуры не превышали 6–8°C (В.А. Зубаков, И.И. Борзенкова, 1983, с. 167).

В позднем палеолите завершился процесс антропогенеза – появился человек современного физического типа. Наиболее значительные изменения по сравнению с неандертальским человеком произошли в строении головы. Увеличилась высота черепной коробки, выпрямилась лобная кость, исчезли надглазничные валики, произошла некоторая перестройка лицевого скелета, образовался подбородочный выступ. Интенсивное развитие передних отделов головного мозга, регулирующих тормозящие реакции, способствовало формированию начал коллективизма и созданию достаточно прочных постоянных коллективов. Ими стали кровнородственные общины, в которых значительную роль играла женщина. Она принимала участие во всех хозяйственных делах, исключительно она заботилась о детях, о поддержании огня, о домашнем хозяйстве. В условиях, когда охота давала продукты питания нерегулярно, главным была даже не добыча их, а сохранение этих запасов и правильное их распределение, чтобы продуктов хватило до следующей охо-

ты, а именно этим занималась женщина. Кроме того, счет родства (филиация) велся по материнской линии. Таким образом, ранний род – это хозяйственный коллектив родственников, связанный происхождением по материнской линии, материнский род. Не случайно на многих позднепалеолитических поселениях часто находят каменные, костяные и глиняные женские статуэтки с намеренно подчеркнутыми признаками пола – изображения хранильниц домашних очагов.

Каждый род имел свою достаточно четко ограниченную территорию, своего рода пророчную базу. От величины ее зависела и численность рода. В случаях, когда база была не в состоянии обеспечить потребности родового коллектива, он либо сокращался естественным путем (вымирали наиболее слабые его члены), либо делился и искал новые свободные пространства.

Утверждение в первобытном обществе начал первобытнообщинного коллективизма способствовало значительному подъему производительных сил, что отразил археологический материал. Появилась новая техника обработки камня. От правильно ограненных призматических нуклеусов вместо грубых отщепов и аморфных пластин люди научились откалывать длинные, тонкие и легкие пластины, которыми можно было выполнять режущие действия. С помощью тонкой ретуши им придавали желаемую форму и укрепляли рабочий край. Новый способ требовал значительно меньше камня и позволял охотникам уходить довольно далеко от мест обитания с небольшим запасом каменного сырья. Кроме того, новая техника предоставила возможность создать многочисленные новые формы специализированных орудий: скребки, резцы, скобели, ножи, острые и легкие наконечники копий. Каменные орудия стали насаживать на деревянные или костяные рукояти. Появилось множество вариантов составных орудий, сделанных из кости, рога, дерева и камня. Использование более пластичных материалов – кости и рога привело к появлению гарпунов,

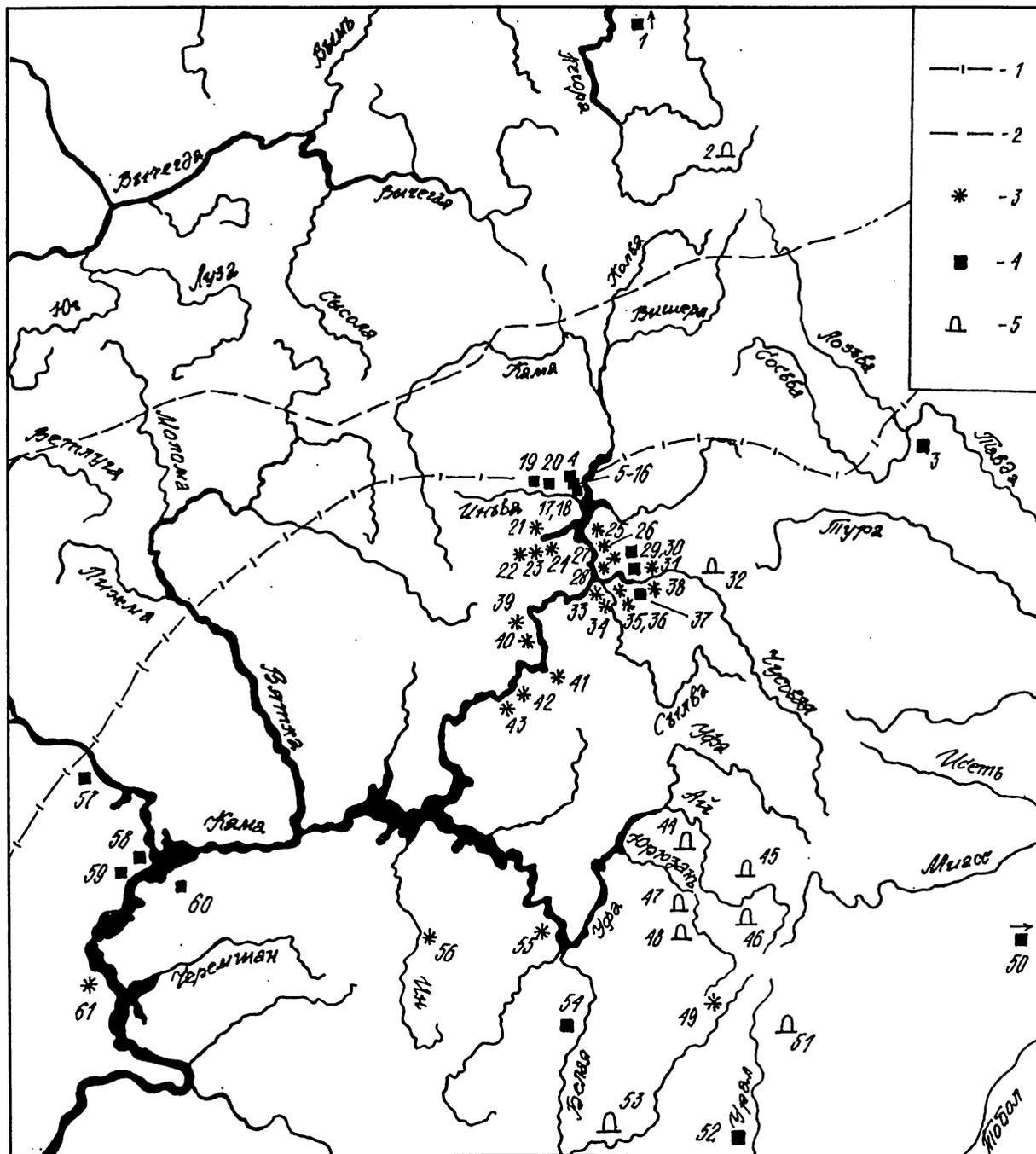

Рис. 9. Карта размещения памятников палеолита Урала и Прикамья.

1 – южная граница днепровского оледенения (250–200 тыс. лет назад); 2 – южная граница московского оледенения (150–125 тыс. лет назад); 3 – находки отдельных предметов; 4 – стоянки; 5 – пещеры. Карта составлена по работам разных авторов Л.Д. Макаровым, дополнена Э.Ю. Макаровым и Р.Д. Голдиной. 1. Бызовая; 2. Медвежья; 3. Гаринская; 4. Лемпиха; 5–9. Усть-Поюва I–VI; 10–16. Гарчи I–VII; 17, 18. Емельяниха I, II; 19. Дорошево; 20. Рогозино; 21. Слудка II; 22. Чубарки I; 23. Тупицы; 24. Борисово;

используемых для охоты и рыбной ловли, шилев, игл, наконечников мотыг, копьеметалок, лошил и других нужных человеку предметов. С новыми видами оружия охота стала более результативной, а коллективная загонная охота – источником постоянных запасов пищи. На Амвросиевском косте в Донецкой области Украины на площади 190 кв. м (длина 33, ширина 6 м, мощность до 1 м) были обнаружены костные остатки 983 зубров всех возрастов. На 14 костях выявлены следы надрезов кремневыми орудиями. В слое костей найдены 22 костяных наконечника стрел длиной 10–25 см, сотни тонких каменных микропластинок, несколько сотен ножевидных пластинок, используемых для резания (Палеолит СССР, 1984, с. 178).

По-видимому, уничтожение некоторых видов животных на обитаемой территории, прогресс в области производства орудий труда и оружия, улучшение условий существования, рост населения на территории Евразии способствовали расселению людей верхнего палеолита в пустынные области Европы и Азии. В позднем палеолите были заселены Сибирь, Дальний Восток, через Берингов пролив – Америка, Австралия. В процессе расселения и приспособления людей к особым климатическим условиям возникли расовые особенности человечества, которые фиксируются уже в материалах позднего палеолита.

На Урале памятников позднего палеолита довольно много и с каждым годом обнаруживаются новые. Они разновременны и представлены как пещерными и открытыми поселениями, так и местонахождениями, и жертвенными местами.

Наиболее северной стоянкой на Урале является Бызовая, исследованная В.И. Канив-

цом (1976, с. 56). Она расположена выше 65° северной широты. Остатки стоянки залегали на протяжении 80 м вдоль берега Печоры (рис. 9). Здесь собрано более 3000 костей животных: мамонтов, шерстистых носорогов, мускусных овцебыков, лошадей, северных оленей, волков и медведей. Судя по костям, мамонт принадлежал крупной породе. Выявлено скопление костей, расположенных дугообразной полосой площадью около 22 кв. м. Возможно, это остатки наземной постройки. На стоянке собрано 136 каменных предметов, из которых 76 имеют следы вторичной обработки или изношенности. Среди орудий представляют интерес двуконечное листовидное острие – «мясной нож», скребла, скребки, острия и проколки, комбинированные орудия, отбойники и др. По мнению В.И. Канивца, наиболее вероятная дата стоянки – 25–29 тыс. лет тому назад.

Несколько южнее, чуть выше 62° северной широты, была обнаружена пещерная стоянка – Медвежья (В.И. Канивец, 1976). Просторная и сухая пещера была обитаема длительное время. В окрестностях стоянки люди добывали сырье и изготавливали из него орудия. По числу каменного инвентаря (732 экз.) пещера является одной из самых насыщенных. Среди них большую часть составляют отходы производства – отщепы, а также 23 нуклеуса и их обломка. Из орудий труда найдены отбойник, 7 ретушеров, комбинированные орудия, ножи, скребла, скобели, скребки и другие предметы. Обитатели Медвежьей пещеры специализировались на охоте на северного оленя, кости которого составили более 40% всех определимых костей. Кроме того, охотились на зайца, песка, пещерного медведя, лошадь, мускусного овцебыка и мамон-

25,26. Гапичата I, II; 27. Малая Дивья; 28. Ельники II; 29. Горная Талица; 30. Островская им. Талицкого; 31. Пещерный Лог; 32. Большая Глухая; 33. Шалашные I–IV; 34. Ромахино I–III; 35,36. Конец Гор I, II; 37. Заозерская; 38. Пеньковская; 39,40. Ягодное I, II; 41. Драчевское; 42. Сосновка III; 43. Рязановский Лог; 44. Игнатиевская; 45. Идрисовская; 46. Ключевская; 47. Бураповская; 48. Усть-Катавская; 49. Турляиское; 50. Шикаевка II; 51. Смеловская II; 52. Мысовая; 53. Капова; 54. Ильмурзино; 55. Горнова; 56. Муллино; 57. Юнга-Кушерга; 58. Камское Устье II; 59. Сюкеевский Взвоз; 60. Беганчик; 61. Красная Глинка

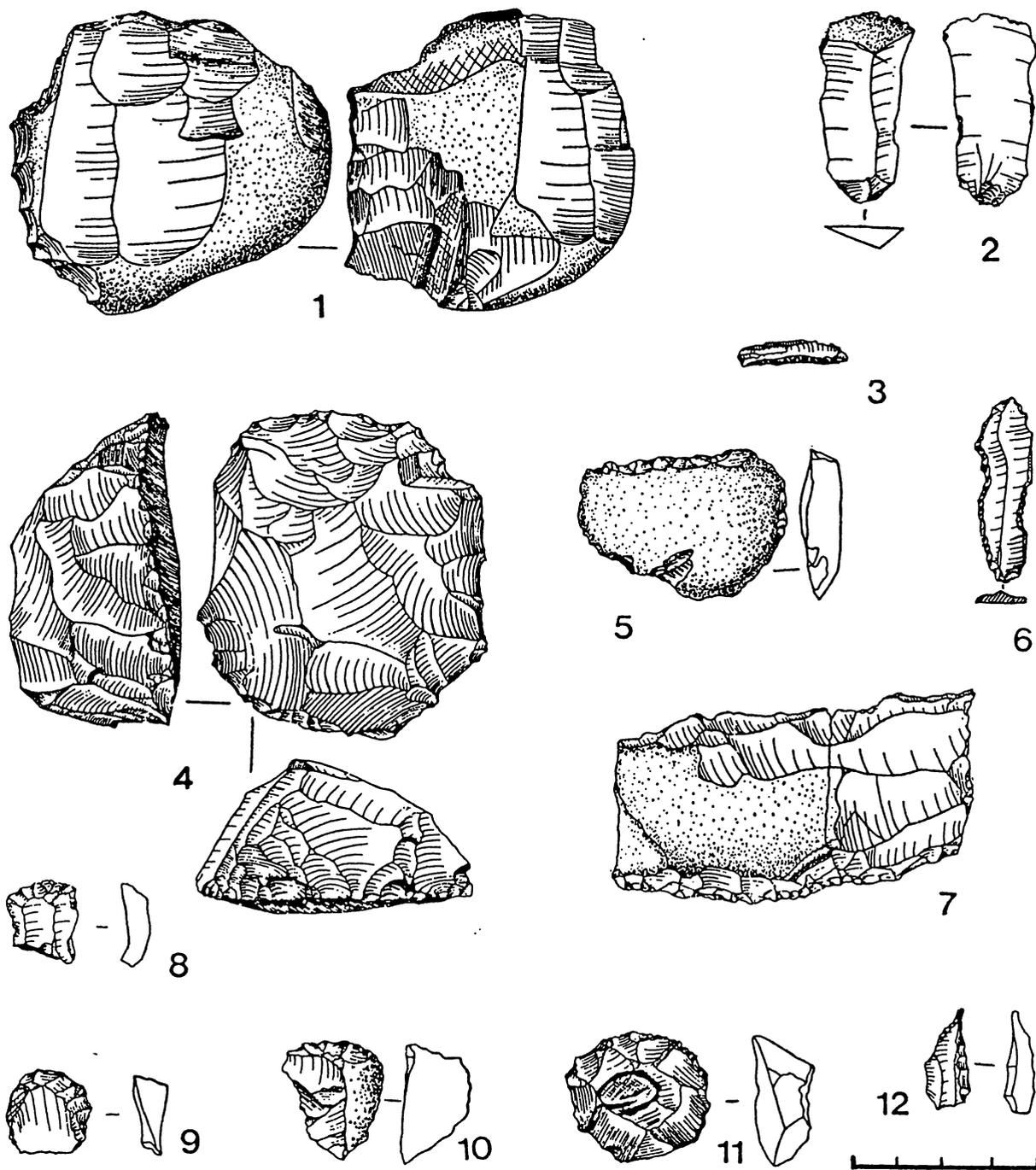

Рис. 10. Каменный инвентарь Островской стоянки им. М.В. Талицкого (по О.Н. Бадеру).
 1 – нуклеус; 2, 3 – пластины с ретушью; 4 – скребло; 5, 8–11 – скребки; 6 – выемчатое орудие (скобель);
 7 – нож; 12 – проколка

та. По-видимому, люди, жившие в этой пещере, использовали для загонной охоты рельеф местности – обрывистый берег реки.

Известным памятником позднего палеолита Камского бассейна является Островская стоянка (им. М.В. Талицкого) в низовьях р. Чусовой. Она была открыта в 1938 г. М.В. Талицким, исследована в 1942 г. М.П. Грязновым, а в 1945–1948, 1950–1952 гг. – О.Н. Бадером (Т.И. Щербакова, 1994). Культурный слой располагался на глубине 12,5 м от поверхности и в 4–5 м над летним уровнем реки, площадь его около 300 кв. м. Судя по остаткам, на стоянке располагались три наземных жилища, в каждом из которых было по 2–3 очага-ямы котлообразной формы диаметром 0,7 и глубиной 0,2 м. Они были заполнены доверху костным углем. Около очагов лежали каменные плиты и были вбиты в пол кости мамонта. В очажном слое обнаружены следы минеральных красок – красной, желтой, синей. В культурном слое собрано несколько тысяч отщепов, пластин, нуклеусов и их обломков, скребков, скобелей, резцов, рубящих орудий из кремня, кремнистого сланца, песчаника, хрусталя и яшмы (рис. 10). Из костяных изделий наиболее замечательны наконечник копья со вставными кремневыми лезвиями, тщательно обработанная, но сломанная игла и 2 бусины из тонких трубчатых костей. Стоянка им. М.В. Талицкого существовала около 20 тыс. лет назад. О.Н. Бадер предполагал (1960, 1978), что население Островской стоянки по некоторым особенностям материальной культуры близко восточноазиатскому миру позднепалеолитических культур. Однако А.Н. Рогачев (1961, с. 45), А.А. Формозов (1977, с. 109–111), а также А.Н. Рогачев и М.В. Аникович (Палеолит СССР, 1984) считают, что Островская стоянка наиболее близка костенковско-городцовской культуре позднего палеолита Русской равнины.

В последние десятилетия число открытых памятников позднего палеолита в Верхнем и Среднем Прикамье значительно возросло.

Это случилось в известной мере благодаря размытию прибрежных террас Камским и Воткинским водохранилищами. Сейчас в Пермской области зафиксировано около 80 позднепалеолитических объектов (Э.Ю. Макаров, 1995, 1995а). Только в районе устья р. Иньвы обнаружено более двух десятков разновременных памятников (Лемпиха, Емельяниха I, II, Гарчи I–VII (рис. 11), Усть-Пожва I–VI, Дорошево, Рогозино, Широфаново I–VI (рис. 12), Усть-Иньва и др.). Кроме правобережных известны местонахождения и на левом берегу р. Чусовой – Заозерье (В.П. Денисов, П.Ю. Павлов, 1993, с. 5–17) и ее притоке Сылве – Усть-Сылва, Усть-Громатуха и другие (С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, 1985, с. 154–155). Значительная группа палеолитических местонахождений обнаружена на левобережье Среднего Прикамья: Сосновка III, Рязановский Лог, Ягодное I и II (С.Н. Коренюк, Ю.Ю. Цыганов, 1989, с. 67–69). Именно эти памятники обнаруживают территориальную близость к региону, где исторически формировался удмуртский народ – Камско-Вятскому междуречью, включая как левобережные притоки Среднего Прикамья – Ик, Белую, Буй, так и правобережные притоки р. Вятки – Пижму, Молому и др. Возможно, со временем палеолитические объекты будут обнаружены и на этой территории. Однако отсутствие памятников палеолита собственно в Камско-Вятском междуречье делает необходимым привлечение материалов эпохи палеолита и мезолита с территории Приуралья. Кроме того, именно древнейшие эпохи характеризуются слабо диагностирующимися с точки зрения выявления этнических особенностей признаками, так как материальная культура этого времени достаточно однообразна (каменные изделия, остатки жилищ), в ней отсутствуют такие яркие элементы, как погребальный обряд, глиняная посуда, металлические украшения и т. д.

Достаточно известны и позднепалеолитические памятники на Южном Урале, где они располагаются преимущественно в пещерах

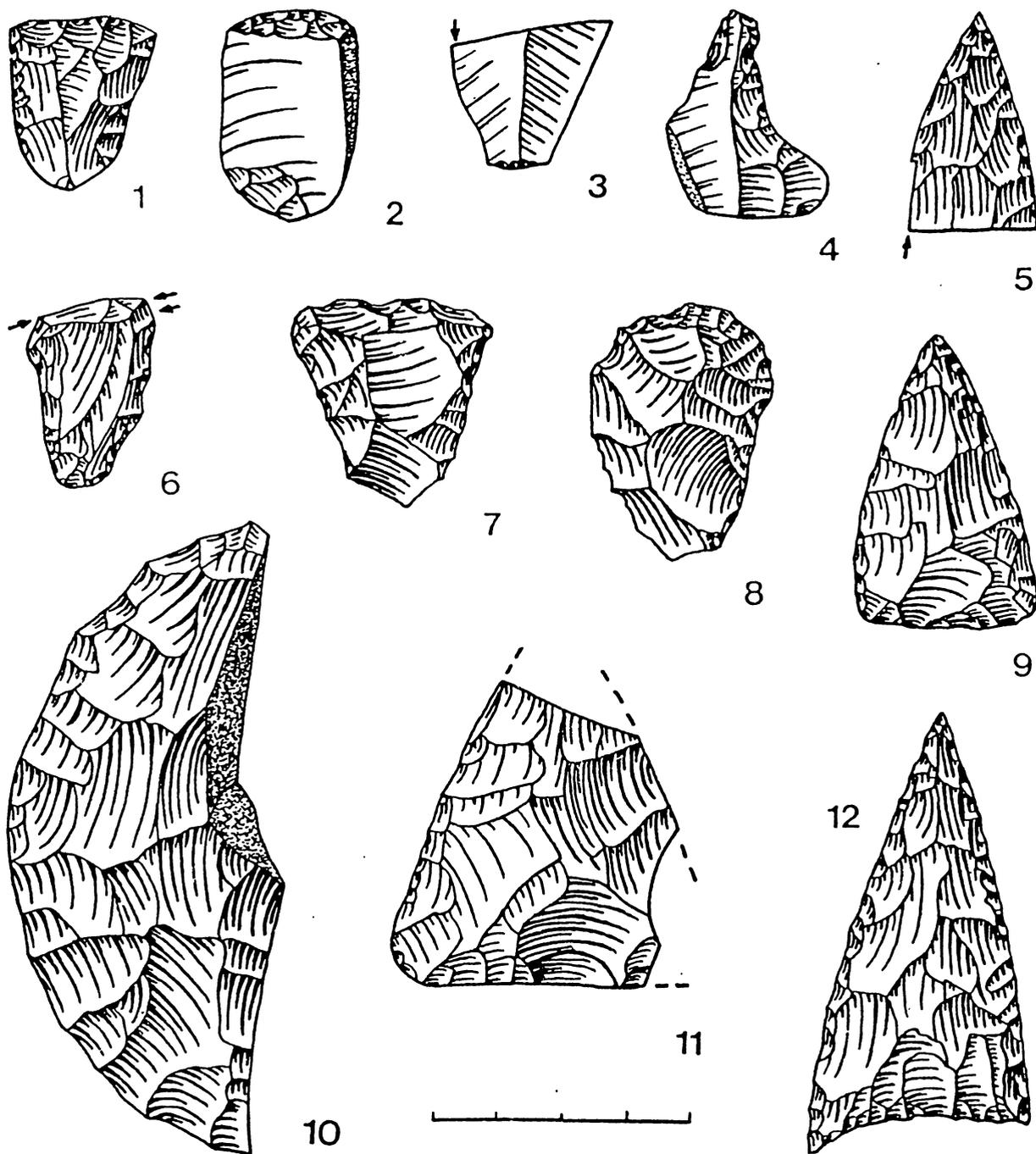

Рис. 11. Каменный инвентарь ранней поры верхнего палеолита стоянок Гарчи I и V (по Э.Ю. Макарову).
 1, 2, 7, 8 – скребки; 3, 5, 6 – резцы; 4 – сверло; 9, 11, 12 – наконечники; 10 – пюж

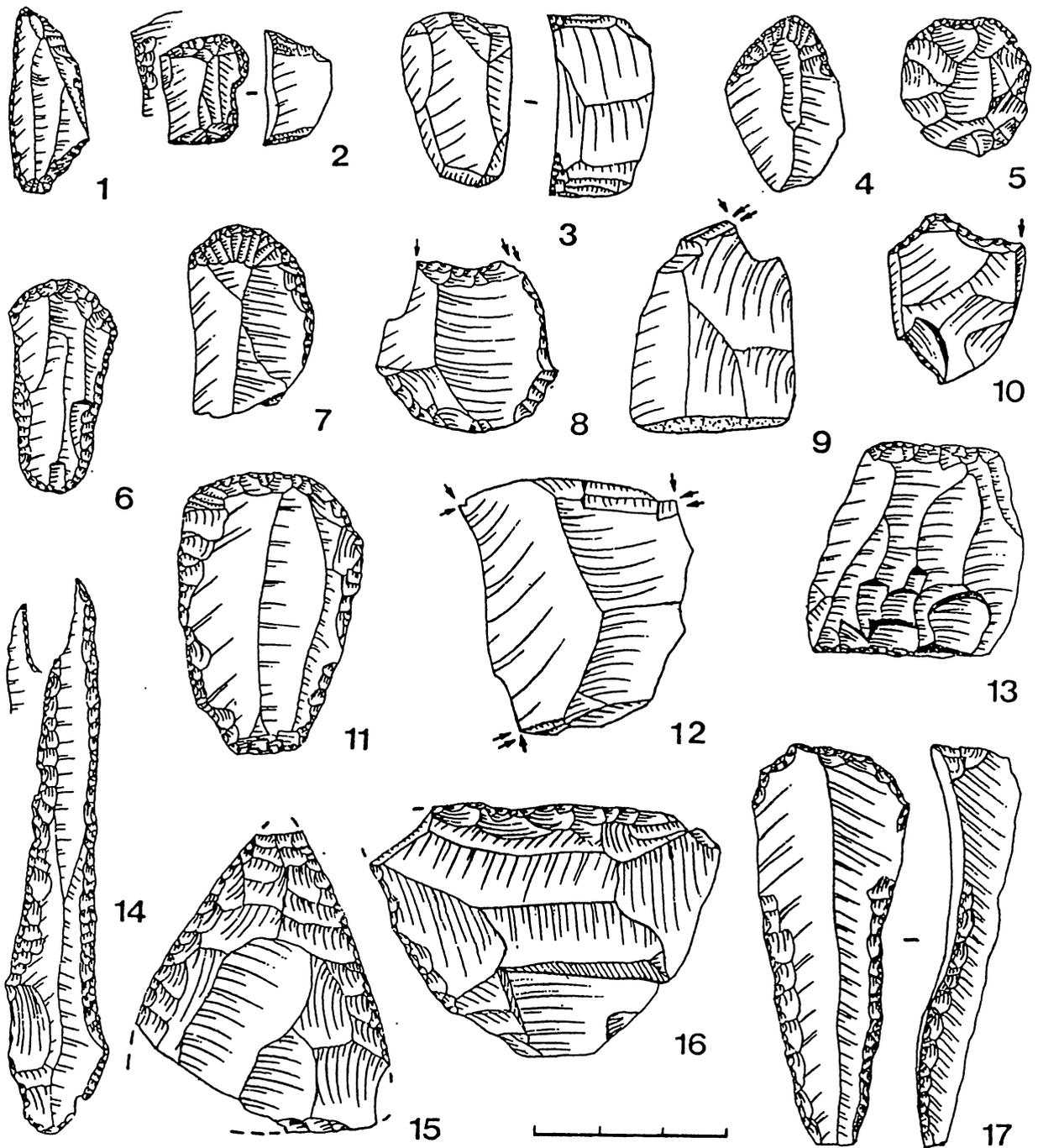

Рис. 12. Каменный инвентарь средней поры верхнего палеолита стоянки Шированово II (по Э.Ю. Макарову). 1-7, 11, 17 – скребки; 8-10, 12 – резцы; 13 – долотовидное орудие; 14 – острие; 15 – строкопечник; 16 – скребло

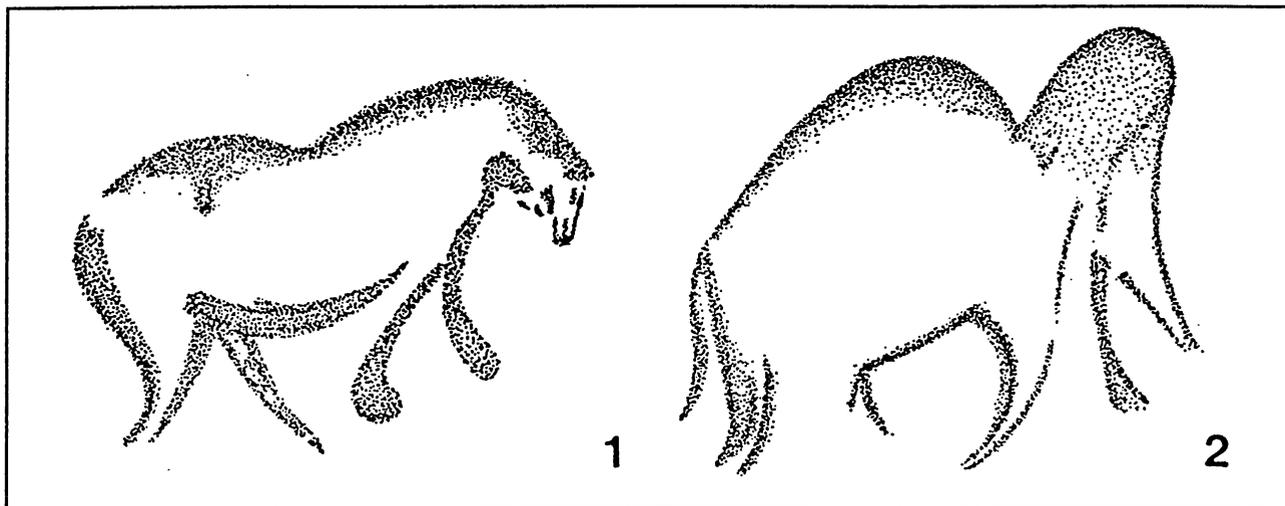

Рис. 13. Наскальные изображения Каповой (Шульганташ) пещеры (по О.Н. Бадеру).
1 – лошадь; 2 – мамонт

(Смирновская, Бурановская, Ключевская, Гребневская, Усть-Катавская I и II и др.). Однако совершенно уникальной является Каповая (Шульганташ) пещера, в которой в 1959 г. зоологом Башкирского заповедника А.В. Рюминным были открыты палеолитические рисунки. Научное изучение их было проведено О.Н. Бадером. В 1980 г. в пещере побывали известные русские палеолитоведы З.А. Абрамова, П.И. Борисковский, В.П. Любин, А.К. Филиппов. На двух этажах пещеры обнаружено около 40 изображений. На верхнем этаже выявлены 2 группы профильных, контурных или силуэтных одноцветных изображений мамонтов (рис. 13–2), лошади (рис. 13–1), носорога. Рисунки на нижнем этаже несколько иные – стилизованные, геометрические, но и среди них есть 2 изображения лошади и одно антропоморфной фигуры. Подобные изображения хорошо известны в пещерах франко-кантабрийского круга на юге Франции. Их отделяет от Каповой более 4000 км. О.Н. Бадер считал, что в соответствии с законами исторического развития на одной и той же ступени его в весьма отдаленных районах могли возникнуть сходные явления социальной и культурной жизни (1965, с. 22). Несколько

изображений палеолитического времени и остатки святилища открыты также в Игнатьевской (Ямазы-Таш) пещере (А.П. Окладников, В.Т. Петрин, 1983, с. 47–58).

Памятник подобного типа обнаружен Б.И. Гуслицером и исследован П.Ю. Павловым в гроте Большом Глухом на р. Чусовой. На восточной стенке грота и в основании слоя этого времени были замечены пятна красной и желтой охры. Возле собраны костяные изделия и украшения, в частности пронизки, изготовленные из позвонков различных видов животных – змеи, амфибии, птицы и мелкого млекопитающего. Отсутствие каменных орудий и отходов их производства также указывает на особый характер этого объекта. По-видимому, описанные пещеры представляют собой святилища, где производились различные магические обряды.

Таким образом, в позднем палеолите были заселены почти все области Урала. Как и ранее, возможны, по меньшей мере, 2 пути продвижения человека на Урал: с юго-запада через Русскую равнину по Волге и Каме, а также из Средней Азии на Южный Урал и по восточному склону в Северное Зауралье. Следует отметить, что сюда продвигались не бро-

дичие охотники, а племена с оседлым образом жизни, имевшие развитое охотничье-собирательское хозяйство, жившие материнскими родовыми коллективами, умевшими строить теплые жилища и шить одежду из шкур, изготавливать каменные и костяные орудия. Они отличались весьма сложной духовной жизнью, о чем свидетельствуют остатки святилищ с яркими образцами палеолитической живописи. В эпоху позднего палеолита оформились основные черты уральской общности, что проявилось, возможно, и в сложении особого антропологического комплекса – древнеуральской расы, необычно сочетающей в себе как монголоидные, так и европеоидные признаки, а также в оформлении основных черт прауральского языка.

2.2. Население Камско-Вятского междуречья в эпоху мезолита (VIII–VI тыс. до н. э.)

Около 13,5 тыс. лет назад началось глобальное потепление климата, в процессе которого наблюдались значительные потепления – фазы беллинг (13200–12300 лет назад) и аллерд (11900–10300 лет назад), когда летние температуры в Европе были близки современным (В.А. Зубаков, И.И. Борзенкова, 1983, с. 169). Наряду с потеплениями отмечены и фазы похолоданий (ранний, средний и поздний дриас), при которых на территории Европы климат был подобным максимуму последнего вюрмского (валдайского) оледенения (там же, с. 167).

Палеогеографические и палеоклиматологические исследования показывают, что приблизительно 10,3 тыс. лет назад, на рубеже плейстоцена и голоцена, это потепление все усиливалось и было весьма значительным. Климатические изменения привели к исчезновению степей и лесостепей и широкому распространению смешанных лесов, в нашей зоне – елово-широколиственных с липой, вязом, орешником и березой (Н.А. Хотинский, 1977). Изменения растительного мира сказались и на

состоянии фауны. В это время вымерло не менее десятка представителей мамонтового комплекса – мамонты, носороги и другие животные. Некоторые виды значительно сократили свои ареалы, дикие лошади и быки ушли из лесов на юг (Мезолит СССР, 1989, с. 11). Территорию Камско-Вятского междуречья населили лоси, северные олени, кабаны, бобры, косули, медведи, волки, лисы, а также современные виды птиц и рыб.

Именно в этот период реки Кама, Вятка, Волга приняли современный вид, только были более полноводными, чему способствовали прибрежные густые леса. Реки Приуралья сильно врезаны в долину – на 20–50 м и имели берега с 4–5 террасами. У крупных рек – Камы, Вятки – широкие долины, берега асимметричные. Пойма почти всегда прослеживается вдоль левого берега, но отдельные ее участки имеются и на правом. Она делится на 2 уровня: высокий (3,5–7 м) и низкий (1,5–3,5 м). Такой вид поймы сформировался именно в раннем голоцене, до эпохи неолита.

С изменением растительного и животного мира произошли значительные перемены в организации жизни людских коллективов. Охота на мелких и средних животных стала возможной не только в загонной или облавной формах. Появились стрела и лук, с помощью которых человек мог настичь зверя на расстоянии. Дальность полета стрелы достигает 300–450 м. Кроме того, опытный лучник выпускает в минуту до 20 стрел. Эти характеристики в мезолите были, конечно, несколько ниже. Новые формы охоты не требовали большого коллектива, и поэтому группы людей эпохи мезолита стали меньше по численности и более подвижны, возможно, потому, что передвигались следом за кочующими стадами животных. Как следствие, поселения эпохи мезолита были небольшие по площади с культурным слоем малой мощности. Число жилищ на памятниках Прикамья не превышало двух. В мезолите повсеместно распространилась микролитическая техника обработки камня. Маленькие пластины часто без дополнитель-

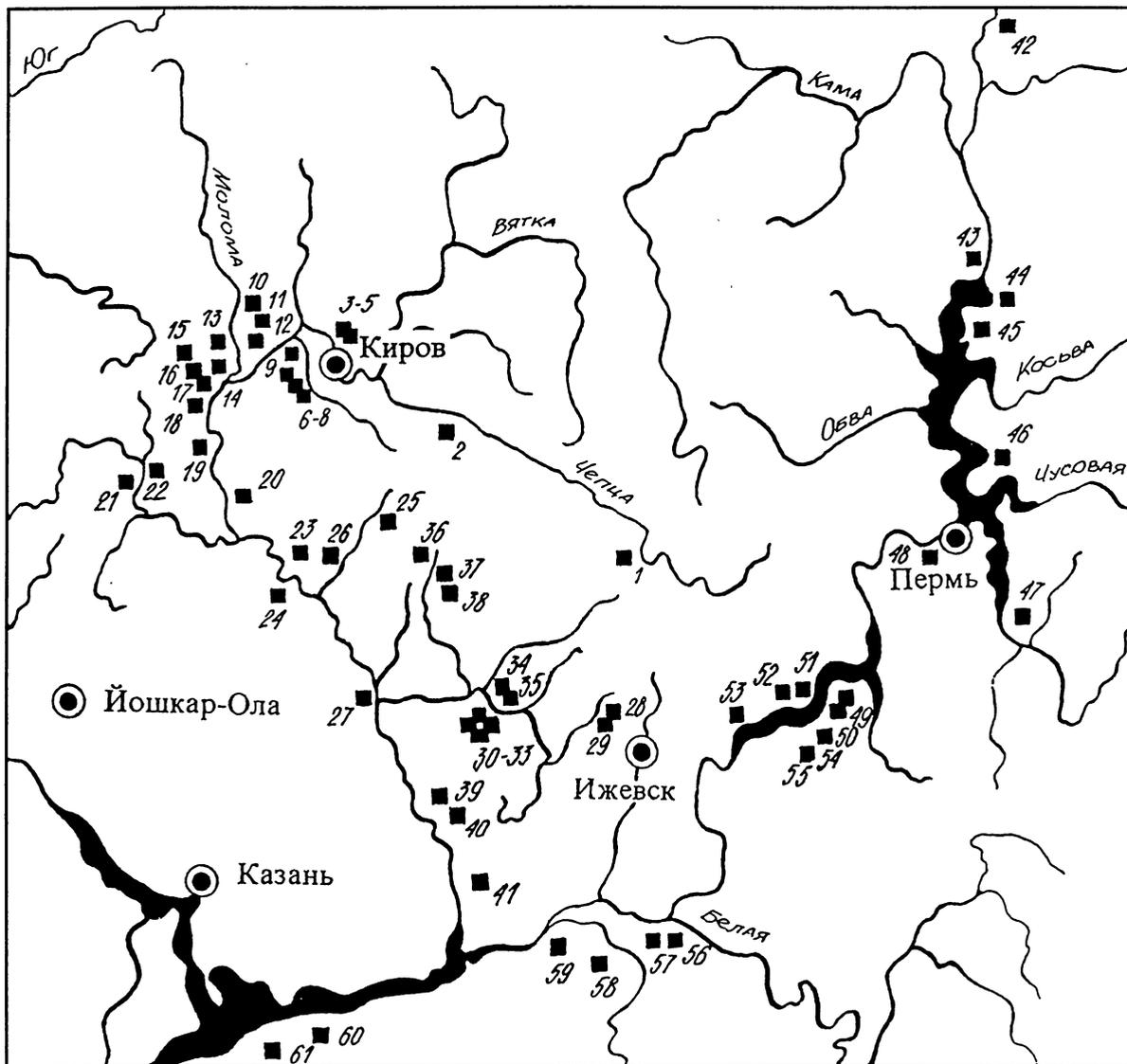

Рис. 14. Карта основных стоянок эпохи мезолита Прикамья.

1. Тылыс; 2. Городищенская, 3-5. Чирки I-III; 6-8. Студенцы I-III; 9. Меренская; 10. Слуда;
11. Большежсдаповская; 12. Кипеневицкая; 13. Черяницкая; 14. Ковровское городище;
15. Четверяковицкая; 16. Щенишки; 17, 18. Шестаково I, II; 19. Криушинская;
20. Нижнекороповская; 21, 22. Мари-Кугалки II, III; 23. Шуран; 24. Мысы I; 25. Архангельская III;
26. Ботылы III; 27. Черепановский Лог; 28, 29. Кыйлуд II, IV; 30, 31. Тархан II, IV; 32, 33. Барышка I, II;
- 34, 35. Муки-Какси I, II; 36. Хорошевская; 37. Степицы II; 38. Кичаны; 39, 40. Большая Сатпурская I, III;
41. Нышек; 42. Березовская; 43. Огурдино; 44. Мошино; 45. Новожиловская; 46. Нижне-Адищевская;
47. Броды; 48. Левишино; 49. Заозерская; 50. Бойцово I; 51. Ольхово-Первомайская;
52. Барская Пристань; 53. Верхнераздорная; 54. Драчевская; 55. Кама-Жулаповская; 56, 57. Тат-Азибейские III, IV; 58. Деуково II; 59. Юртовская IV; 60. Кузькинская XVIII; 61. Березогривская II

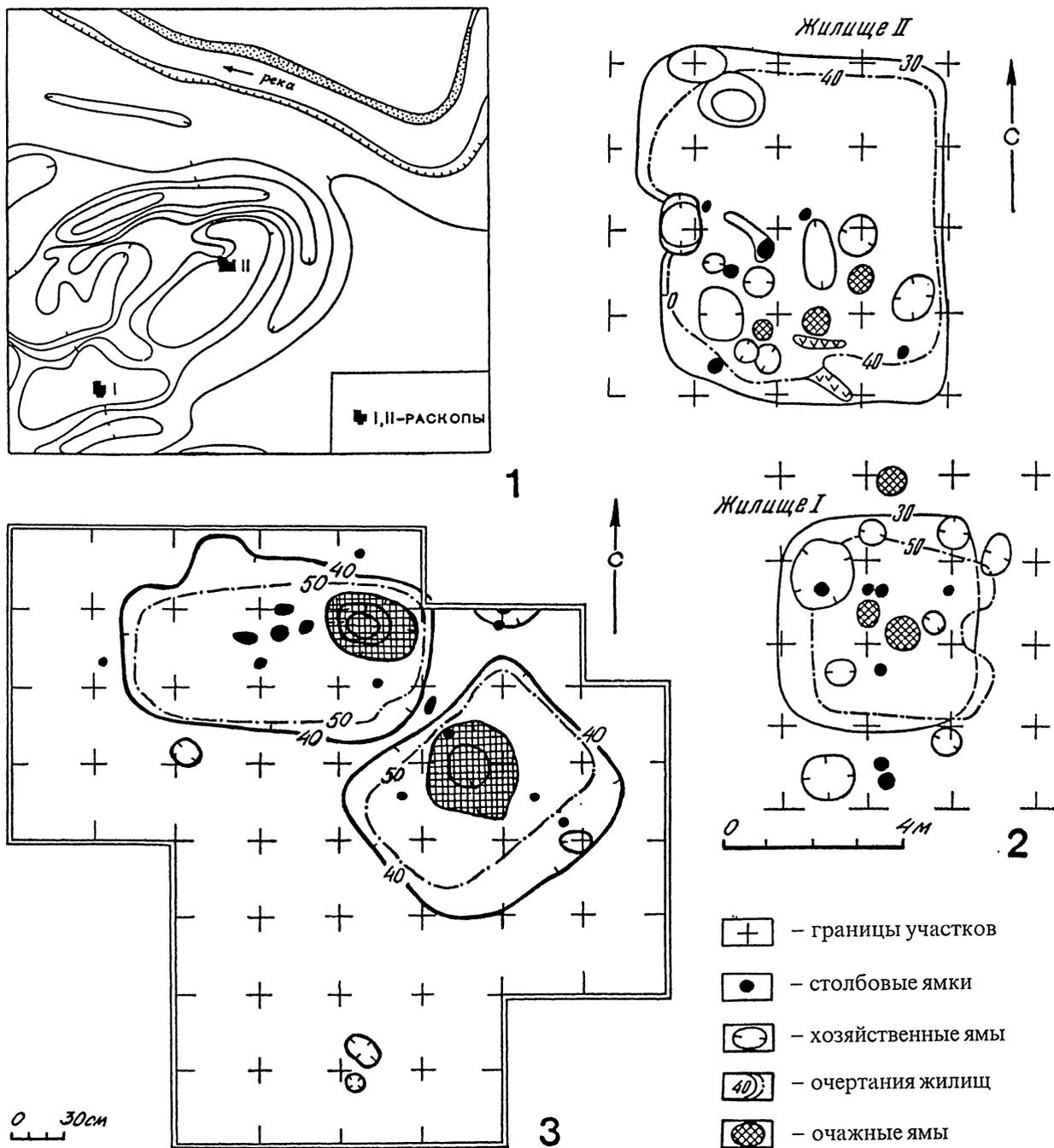

Рис. 15. Поселения Баринка I и II (по Т.М. Гусенцовой).

1 — топографический план; 2 — план жилищ поселения Баринка I; 3 — план жилищ поселения Баринка II

ной обработки, а также геометрически оформленные предметы – трапеции, треугольники, сегменты широко использовались как вкладыши в пазы деревянных, костяных, роговых изделий, образуя наконечники копий, дротиков, ножей. Это были более экономичные орудия и оружие, так как при минимальных затратах камня можно было изготовить длинные рабочие лезвия.

Памятники эпохи мезолита на Урале стали известны науке лишь в последние 40 лет. Честь открытия их принадлежит О.Н. Бадеру. В 1947 г. он при анализе материалов многослойного Нижнеадищевского поселения, расположенного в низовьях р. Чусовой (рис. 14), выделил группу предметов мезолитического времени. Подобный инвентарь был обнаружен и на других памятниках: Огурдинской стоянке близ Березников (раскопки 1951, 1952 гг.), Левшинской в низовьях р. Чусовой (1925), Кама-Жулановской (1951), Ольхово-Первомайской (1953–1954), Бойцовской I (1959) на Средней Каме и др. (О.Н. Бадер, 1960, с. 96–98; 1966, с. 196). И хотя на многих объектах мезолит был обозначен лишь типологически, предвидение О.Н. Бадера подтвердили дальнейшие открытия.

С начала 50-х гг. памятники эпохи мезолита в Северном Приуралье активно исследовали ученые Коми филиала АН СССР. Около 20 объектов были открыты в бассейне Вычегды, в районе оз. Синдор, а позднее на р. Пинеге (Г.М. Буров, 1965, 1967). Наиболее интересна среди них торфяниковая стоянка Вис I, датированная по радиоуглероду концом VII – VI тыс. до н. э. В слое стоянки наряду с изделиями из кремня и сланца были найдены около 200 деревянных изделий: луки, древки стрел, дубинка, полозья саней, лыжи, рукояти, ободы и другие предметы (Г.М. Буров, 1966, с. 157).

Мезолитические стоянки были обнаружены также на Средней Печоре, ее притоке Ижме, на правых притоках Усе, Адзье, Колве (В.И. Канивец, В.Е. Лузгин, 1963; В.Е. Лузгин, 1972, с. 22; Г.А. Чернов, 1954, 1978; И.В. Верещагина,

1973). В последние десятилетия мезолитические коллекции памятников этого региона постоянно пополнялись (Э.С. Логинова, 1985, с. 16–30; И.В. Верещагина, 1989; Л.Л. Косинская, 1988, с. 33–47; Л.Л. Косинская, А.В. Волокитин, 1993, с. 18–29; А.В. Волокитин, 1987, с. 6–15; 1992, с. 72–77; 1995, с. 6–8; А.В. Волокитин, Л.А. Коноваленко, 1988, с. 19–32).

В 1959–1975 гг. значительные работы на Южном Урале проводил Г.Н. Матюшин. Им были открыты многочисленные памятники каменного века, исследовано около 30 мезолитических объектов, из которых наиболее известны стоянки Мысовая, Ильмурзино, Романовка II, III, Янгелька, Карабалыкты V и др. В результате Г.Н. Матюшин не только выявил специфические особенности отдельных памятников мезолита Южного Урала, но и выделил самостоятельные культуры: романовско-ильмурзинскую (южное Предуралье) и янгельскую (южное Зауралье), определил их территорию, характернейшие признаки, место в системе мезолитических культур Евразии, используя методы естественных наук, разработал хронологию памятников и их периодизацию.

Другим ближайшим районом, обитаемым в эпоху мезолита, было устье р. Камы. Именно здесь располагаются памятники усть-камской культуры, впервые выделенные М.Г. Косменко. Они были открыты в 1966–1969 гг. преимущественно П.Н. Старостиным и М.Г. Косменко. Среди них Тетюшская III, Косяковская, Атабаевская VIII, Семеновская IV и V и др. стоянки (М.Г. Косменко, 1972). По мнению М.Г. Косменко, усть-камская культура сложилась на местной позднепалеолитической основе (1977, с. 94). Однако Л.В. Кольцов считает, что памятники усть-камской культуры близки иеневской мезолитической культуре Волго-Окского междуречья и связаны своим происхождением с населением, оставившим памятники этой культуры (Мезолит СССР, 1989, с. 88–89).

Мезолитические памятники Камско-Вятского междуречья, куда входит и территория Уд-

муртии, образуют, очевидно, единый культурно-хронологический пласт. Первые объекты этого рода были выявлены на р. Вятке, когда в 1962 г. И.И. Стефановой были исследованы Черняницкая стоянка и Чирковская кремнеобработывающая мастерская (И.И. Стефанова, 1966, 1967). В 1970–1973 гг. С.В. Ошибкиной были изучены мезолитические стоянки Черепанов Лог в Уржумском районе Кировской области и несколько стоянок Студенец на р. Быстрице – левом притоке р. Вятки (1984). В 1975–1976 гг. Л.А. Наговицын раскопал Городищенскую стоянку эпохи мезолита в бассейне р. Чепцы. Первые мезолитические памятники собственно на территории Удмуртии – Муки-Какси I и II – были открыты в Сюмсинском районе в 1973 г. Л.Д. Макаровым и Г.Н. Аноновой (Журавлевой). В следующем году Л.Д. Макаров обнаружил еще 2 мезолитических поселения на левом берегу р. Валы – Баринку I и II. С 1973 г. в Камско-Вятском междуречье экспедицией Удмуртского университета открыто около 400 памятников каменного века, на 20 мезолитических проведены стационарные раскопки. Основная масса объектов изучена Т.М. Гусенцовой: Баринка I, II (1975–1977), Тархан II (1979), Муки-Какси I, II (1974), Кыйлуд IV (1978), Кичаны (1975), Хороши (1979), Нынек (1976), Архангельская III (1976), Ботыли III (1977), Мари-Кугалки II, III (1979), Моторки II (1986). Несколько памятников исследовано Н.П. Карповой (Девятовой): Тархан IV (1986), Криушинская, Меренская (1987), Четверяковщинская (1989) стоянки, а также Р.Д. Голдиной – Степинцы II (1974), Моторки II (1975), Л.А. Сенниковой – Кипеневщина (1978, 1979), Т.К. Ютиной – Щенники (1979), Л.Д. Макаровым – стоянка на Ковровском городище (1979, 1981). Обобщила полученные материалы Т.М. Гусенцова (1993).

Памятники эпохи мезолита известны как на крупных реках – Вятке, Каме и их значительных притоках – Кильмези, Пижме, Моломе, Быстрице, так и на притоках более мелкого порядка – Лобани, Уве, Вале, Вое, Нылге и других (рис. 14). Более всего их выявлено и раскопано в бассейне р. Валы.

Они располагаются на краю высоких коренных берегов (Муки-Какси I, II – 11,16 м, Нынек – 14 м), на мысах (высотой 3–7 м) первых надпойменных террас (Баринка I – 7 м, II – 5 м, рис. 15–1) или на песчаных дюнах (высотой 1,5–2 м) в поймах рек (Тархан II, Ботыли III, Кипеневщина и др.). Площадь их 400–600 кв.м. Культурный слой незначителен – 20–40 см, достигая в жилищах 70 см и более. На 8 поселениях изучено 12 жилищ эпохи мезолита. В некоторых случаях обнаружено одно (Тархан II, Кыйлуд IV, Степинцы II, Ботыли IV), в других 2 жилища (Баринка I, II, рис. 15–2, 3, Тархан IV, Криуши). Большая часть жилищ представляла собой квадратные полуземлянки, углубленные в грунт на 25–70 см со столбовой конструкцией стен. Размеры жилищ небольшие: 6×6, 7×4,5, 5×5 м. Общая площадь – 25–40 кв. м, полезная значительно меньше (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 220). Лишь жилище на поселении Степинцы II отличается прямоугольным планом и большими размерами – 21×8 м при глубине котлована 18 см.

Жилища отапливались простыми очагами-кострищами. Диаметр их – 0,6–2,4 м, мощность – 0,15–0,7 м. Чаще всего они устраивались в специальных углублениях. Размещение очагов различно: в центре, возле входа, у стены. На Степинцах II очаги располагались по длинной оси (Т.М. Гусенцова, Р.Д. Голдина, 1977, рис. 3). В очагах стоянки Баринка I выявлены углистые включения, большое количество кальцинированных костей животных и обожженные кусочки коры дерева (Т.М. Гусенцова, 1981, с. 136). Для отопления жилища использовались как дрова, так и сырые кости животных. Как показали наблюдения этнографов над бытом северных народов и опыт арктических экспедиций (например, Р. Пристли, 1989, с. 253), кости животных – отличное топливо, быстро разгоравшееся и дающее яркое, равномерное пламя. В жилищах обнаружены и небольшие хозяйственные ямы,⁸ которые были вырыты в полу возле стен, в углах, реже – возле очагов. В ямах найдены кремневые предметы и иногда кос-

ти животных. На поселении Баринка I у очага жилища I располагалось рабочее место мастера, а в жилище II очаги и хозяйственные ямы были сосредоточены в его южной половине. Возможно, северная часть использовалась как спальня.

Входы в жилища устраивались в углах или коротких стенах, обращенных в сторону реки. Ширина их 1,0–1,3 м при длине 0,85–2,0 м. Пол входа слегка наклонен к жилищу или имел ступени. По мнению Т.М. Гусенцовой, наземная конструкция сооружений была выполнена из наклонных столбов типа шатра (1993, с. 221), покрывалась жердями, а затем ветками, дерном, корой, шкурами. В таких жилищах могли жить в зимнее время 7–13 человек, в двух жилищах – 15–20. В жилище Степинцы II площадью 160 кв. м. жили, вероятно, 40–50 человек (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 225).

Кроме долговременных построек, на некоторых сезонных стоянках (Кипеневщина, Кичаны) существовали, видимо, легкие наземные постройки, остатки которых плохо сохранились.

На мезолитических памятниках Камско-Вятского междуречья собран только кремневый инвентарь. Сырье на всех памятниках близко по составу. По мнению петрографа В.А. Верещагина (1977, 1985), большая часть кремня происходит из месторождений на р. Вятке. В частности, им было исследовано Чирковское месторождение кремня в Слободском районе Кировской области. Выяснено, что в уступе первой надпойменной террасы высотой 1,5×2 м обнажаются светло-серые известняки, в которых встречаются конкреции темно-серого кремня размерами 3×12 см и более. Тождество этих желваков и материала, из которого изготовлен каменный инвентарь мезолитических и неолитических памятников Камско-Вятского междуречья, доказано петрографически (В.А. Верещагин, 1985, с. 14–18). Небольшие конкреции диаметром 3–5 см часто встречаются и на мелких притоках, например р. Лобань. Для изготовления орудий использовалась также мелкая речная галька.

В 1976 г. Т.М. Гусенцова раскопала мастерскую по обработке камня близ с. Нынек Можгинского района Удмуртии. Здесь на мысу высокого берега р. Умяк были обнаружены остатки кратковременной стоянки эпохи мезолита. Находки красноречиво свидетельствовали о том, что люди пришли сюда с р. Кильмезь в поисках пригодного для обработки камня. Им удалось найти в ближайшем овраге выход камня на поверхность, но это был доломит. Он значительно мягче кремня и широко использовался в следующей эпохе – неолите – для изготовления шлифованных орудий. Люди мезолитической поры делали первые попытки шлифовать камень, и именно с этим явлением археологи столкнулись на Нынекской мастерской. На стоянке найдены больше десятка нуклеусов в разной стадии скалывания и более 500 краевых и поперечных сколов с нуклеусов и отщепов разной величины. Древний мастер упорно пытался найти удачный вариант оббивки камня.

На стоянках эпохи мезолита в бассейне р. Вятки обнаружено более 20 тыс. различных каменных предметов, что позволяет нарисовать убедительную картину его особенностей. Каменный инвентарь в целом может быть охарактеризован как микролитический (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 59–80). Нуклеусы (ядрища) предельно сработаны, диаметр их площадки – 1,5–3 см, они имеют преимущественно коническую карандашевидную (рис. 17–21, 29; 18–17) форму. Известны и ядрища торцового типа, форма их близка к клиновидной (рис. 19–23, 25; 22–39), а также аморфные нуклеусы со следами снятия пластинок (рис. 16–14, 15; 21–12).

Заготовками для изготовления орудий являлись пластины с правильным ограничением шириной 0,3–0,7 см (28,9%), 0,8–1,0 см (36,3%). Распространены также пластины шириной 1,1–1,5 см (28,4%) и редки предметы шириной 1,6–2,0 см (6,4%). Многочисленны микропластины, пластинки и сечения-вкладыши, оформленные по краю ретушью или резцовым сколом или имеющие следы рабо-

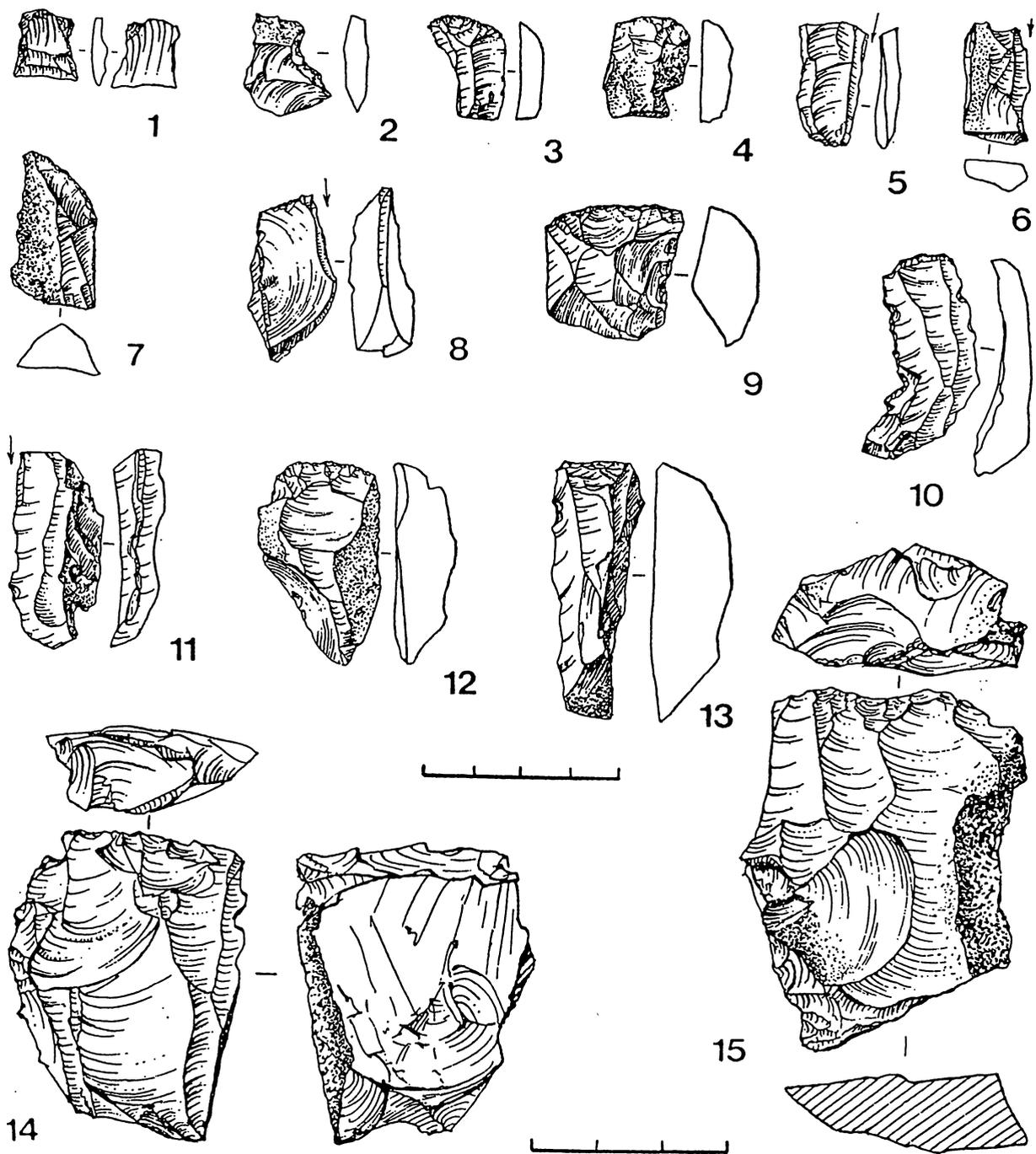

Рис. 16. Каменный инвентарь эпохи мезолита Архангельской III стоянки (по Т.М. Гусенцовой).
 1, 2 – трапеции с ретушью; 3, 4, 9, 12 – скребки; 5, 6, 8, 11 – резцы; 7, 10, 13 – пластины с ретушью;
 14, 15 – пуклеусы

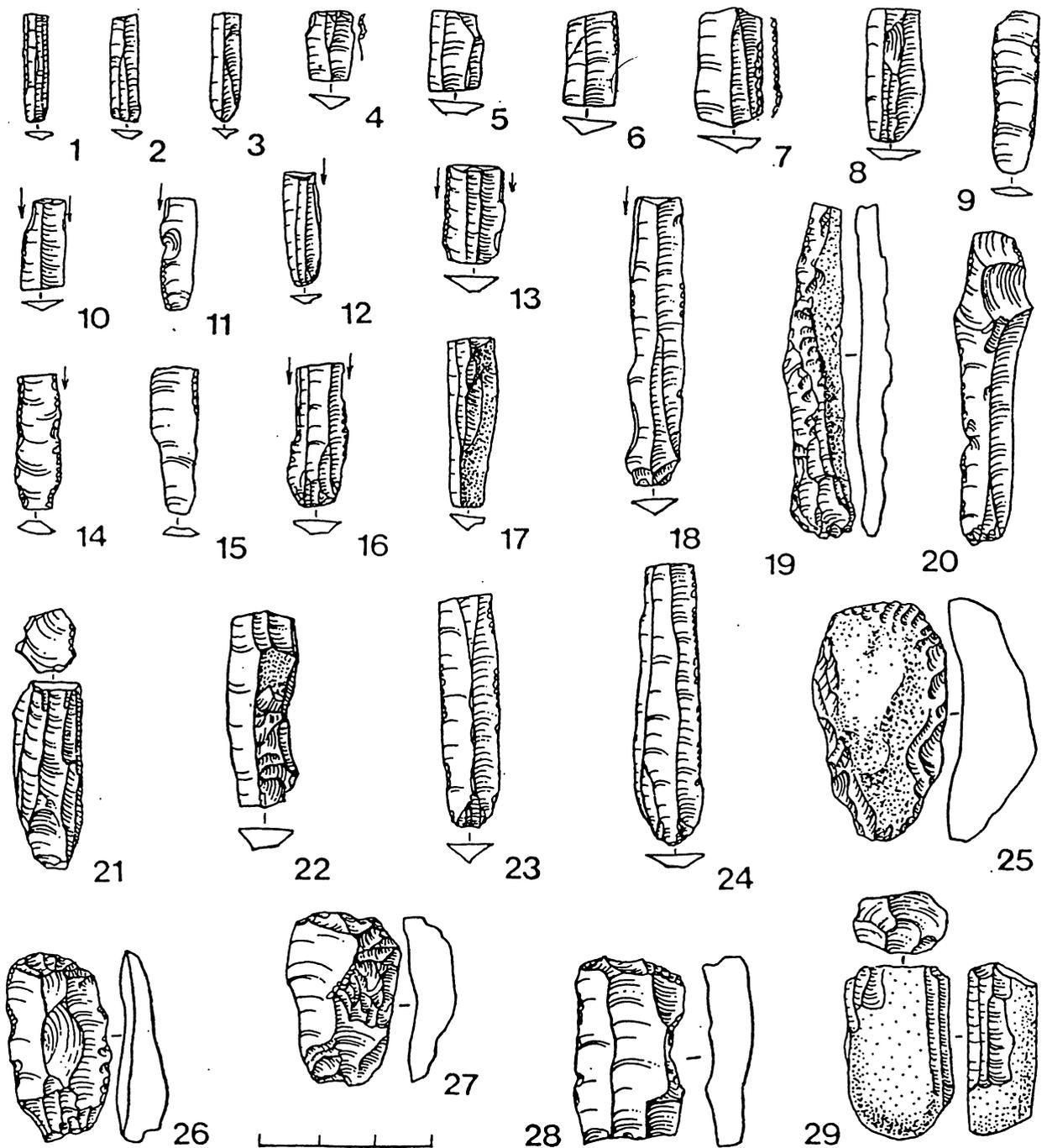

Рис. 17. Каменный инвентарь эпохи мезолита стоянки Баранка II (по Т.М. Гусенцовой).
 1-3, 8, 9, 15, 17, 19, 20, 22, 24 – пластины с ретушью и следами использования; 4-7 – сечения с ретушью;
 10-14, 16, 18 – резцы; 21, 29 – нуклеусы; 25-28 – скребки

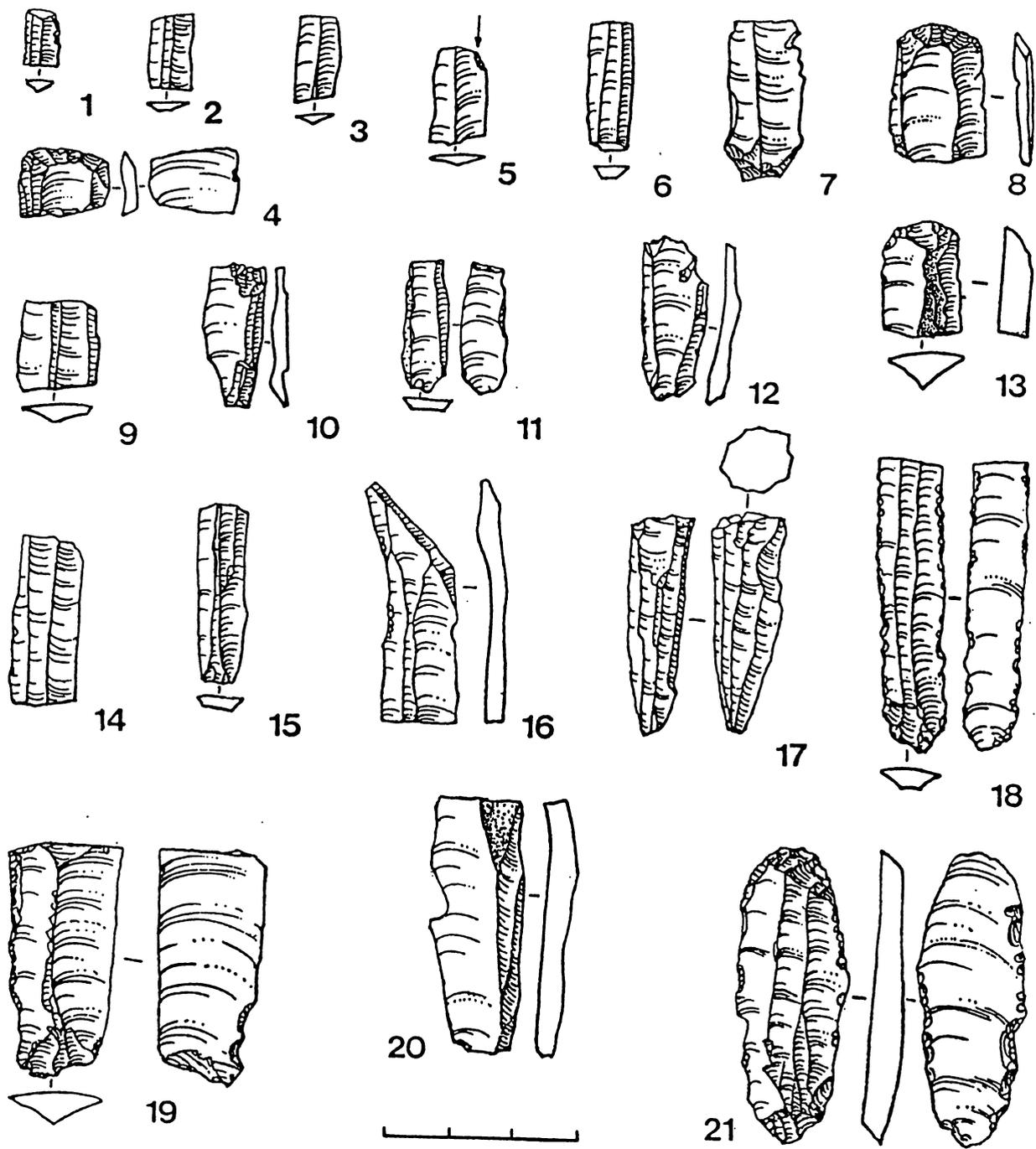

Рис. 18. Каменный инвентарь эпохи мезолита стоянки Муки-Какси I (по Т.М. Гусенцовой).
 1-3, 6, 9 - сечения пластин; 4, 8, 13, 21 - скребки; 5 - резец; 7, 10-12, 14-16, 18-20 - пластины с ретушью и
 следами использования; 17 - пуклеус

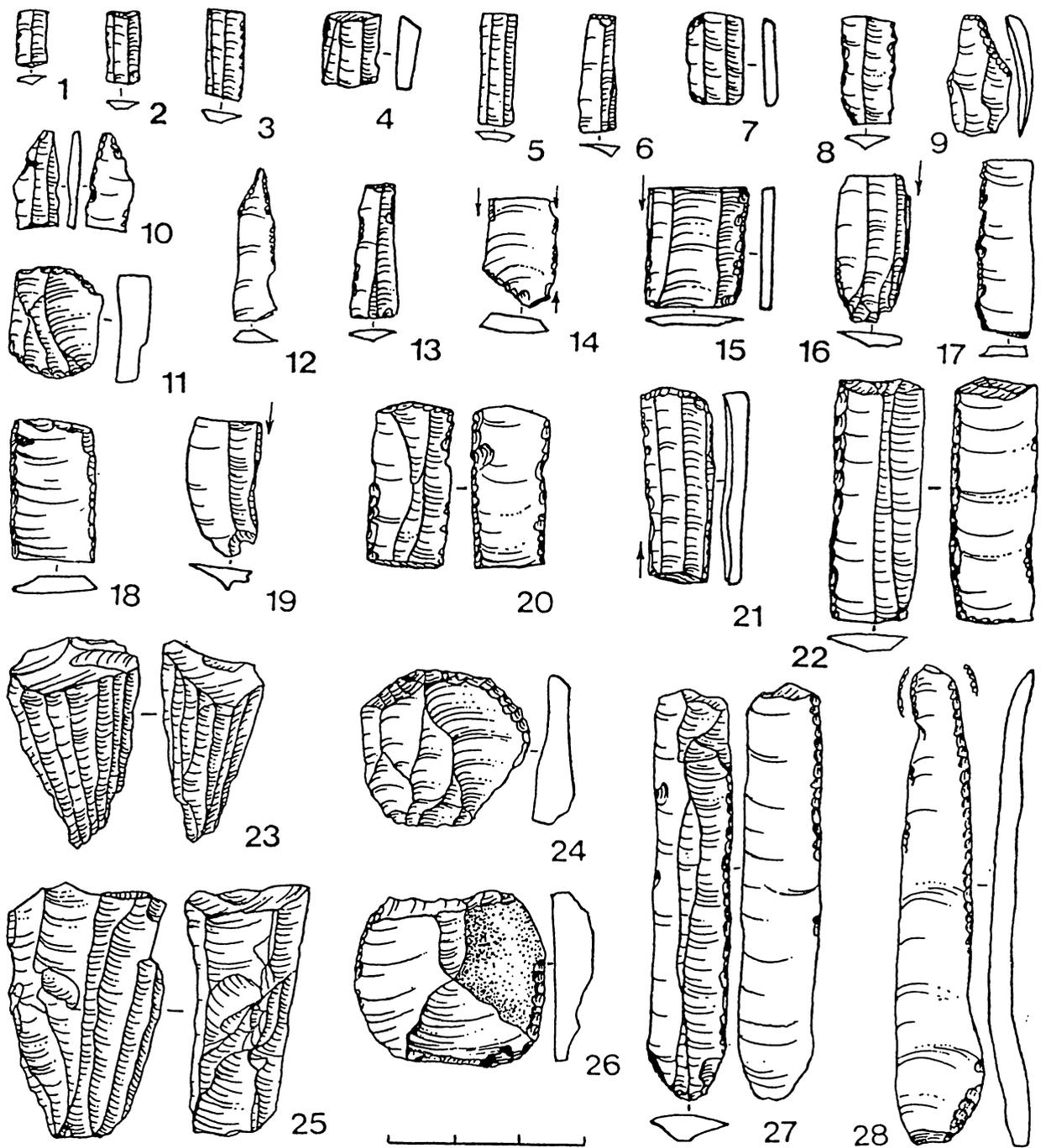

Рис. 19. Каменный инвентарь эпохи мезолита стоянки Баринка I (по Т.М. Гусецкой).
 1-5, 7, 8 - сечения с ретушью; 6, 9, 13, 17, 18, 20, 22, 27, 28 - пластины с ретушью; 10, 12 - проколки;
 11, 24, 26 - скребки; 14-16, 19 - резцы; 21 - скребок-резец; 23, 25 - пуклеусы

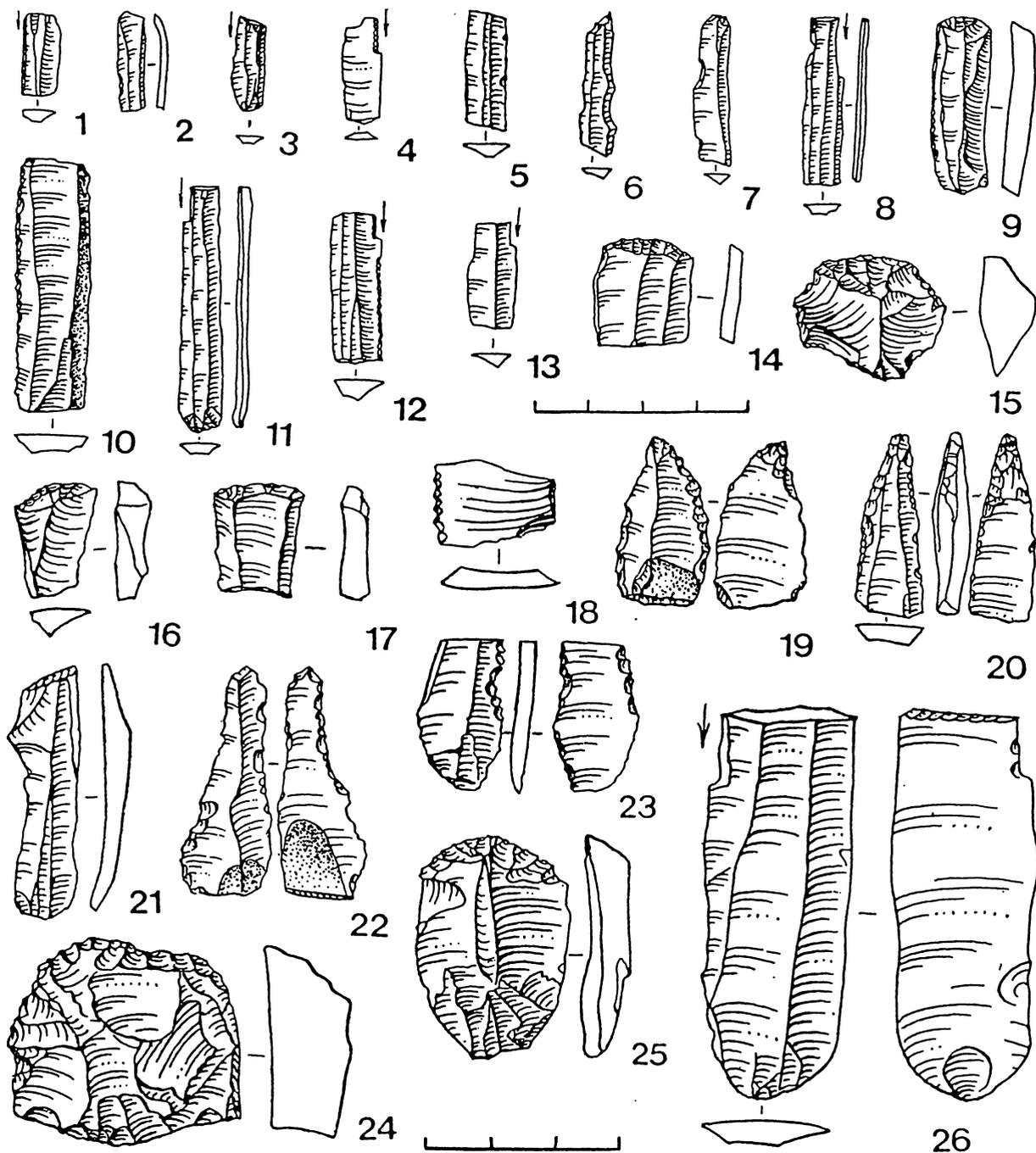

Рис. 20. Каменный инвентарь эпохи мезолита поселения Степицы II.
 1, 3, 4, 8, 11-13, 26 - резцы; 2, 5, 18, 23 - сечения с ретушью; 6 - проколка; 7 - скобель;
 9, 14-17, 24, 25 - скребки; 10, 21 - пластины с ретушью; 19, 20, 22 - сверла

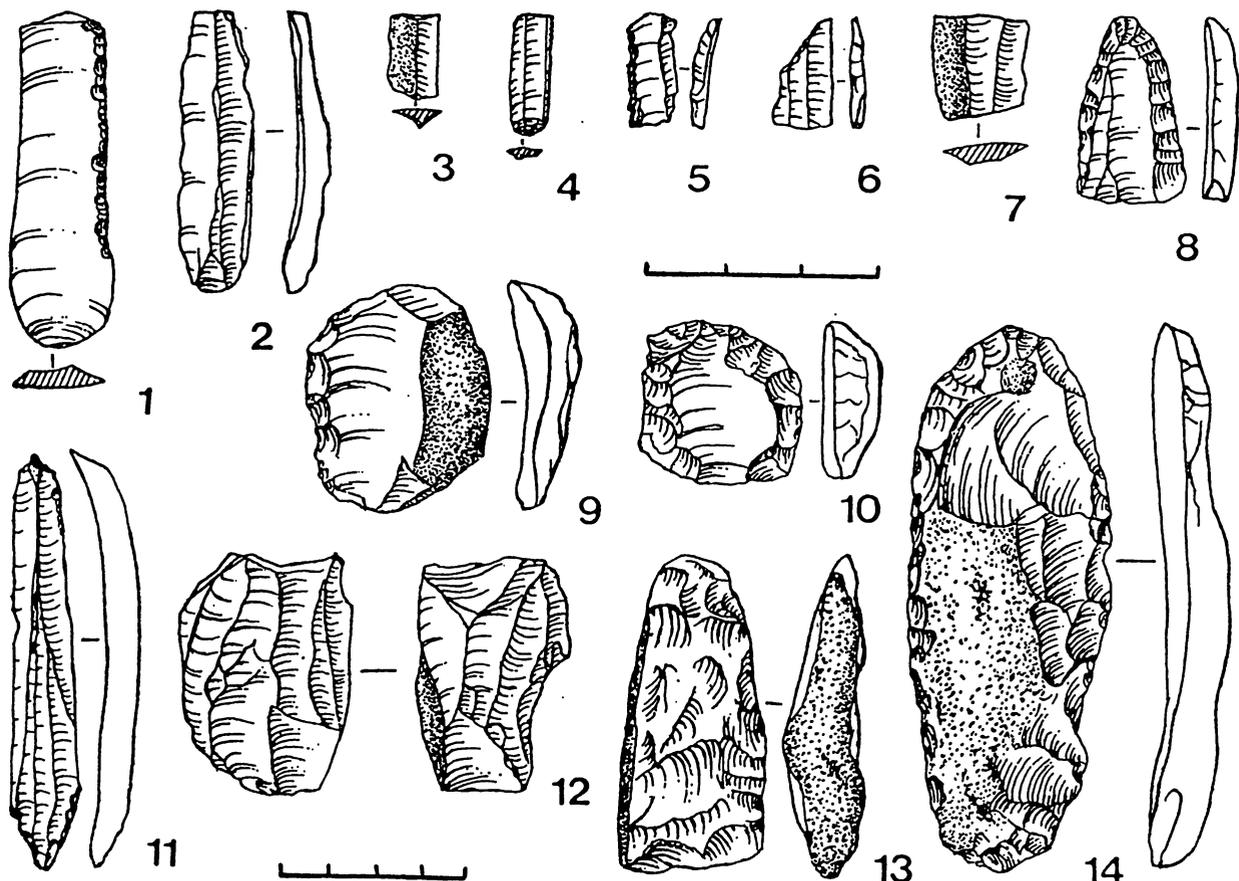

Рис. 21. Каменный инвентарь эпохи мезолита стоянки Нышек (по Т.М. Гусенцовой).
 1 – пластина с ретушью; 2–4, 7 – пластины; 5 – вкладыш; 6 – скошенное острие; 8, 14 – нож;
 9, 10 – скребки; 11 – сверло; 12 – нуклеус; 13 – топор

танности (рис. 17–1–20; 19–1–8, 10–13; 20–1–8; 21–1–5, 7; 22–1–5, 15–17, 19, 21, 24, 30, 37). По трасологическому определению Г.Ф. Коробковой, они использовались как вкладыши охотничьего оружия (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 62). Для мезолита Камско-Вятского междуречья характерны также пластинки с притупленным, выемчатым или скошенным концом (рис. 21–6; 22–6–8, 22). Из орудий, выполненных на микропластинах, известны проколки (рис. 19–12, 13; 20–6); скребки (рис. 20–7; 22–23, 26), сверла (рис. 20–19, 20, 22; 21–11). Отщепы использовались в качестве заготовок редко (14,6%) и главным образом для изготовления скребков, скребков, скребков (рис.

16–9, 12; 17–25; 19–11, 24, 26), топовидных орудий (рис. 21–13). В коллекциях имеются и пластинчатые отщепы с ретушью (рис. 22–29, 32–36). Интерес представляют каменные скульптурные изображения рыб (рис. 22–11, 12). Для вторичной обработки применялись различные виды ретуши: как сплошная, так и частичная, краевая мелкая, полукрутая и крутая затупливающая, а также резцовый скол и редко шлифовка. Особенностью мезолита Камско-Вятского междуречья является малочисленность наконечников стрел (рис. 22–10, 25) и трапеций. Последних найдено 6 экземпляров (стоянка Тархан II и Архангельская III – рис. 16–1, 2). Появление тра-

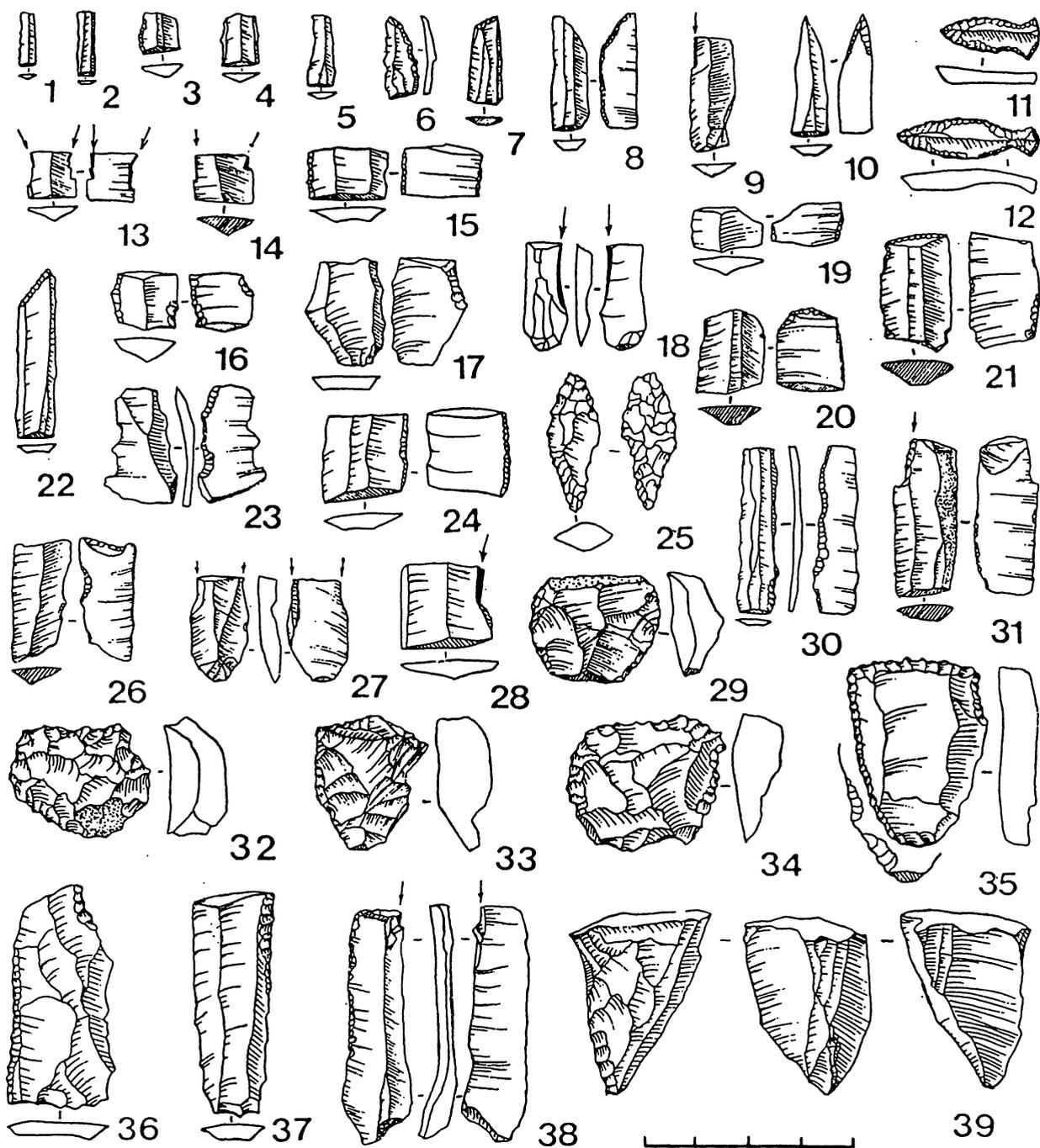

Рис. 22. Каменный инвентарь эпохи мезолита стоянок Студенцы I и II (по С.В. Ошибкиной).
 1-5, 15-17, 19-21, 24, 30, 37 – сечения и пластины с ретушью; 6-8, 22 – пластины со скошенным концом;
 9, 13, 14, 18, 27, 28, 31, 38 – резцы; 10, 25 – наконечники стрел; 11, 12 – изображения рыб; 23, 26 – скребки;
 29, 32-36 – пластинчатые отщепы с ретушью; 39 – ядро

пеций – результат контактов с западными или юго-восточными областями.

Для поселений Баринка I, II, Моторки II (мезолитический слой) имеются радиоуглеродные даты: Баринка II – 8265 ± 130 лет; Баринка I – 7435 ± 170 лет; Моторки II – 7430 ± 80 лет от наших дней. Это дало возможность Т.М. Гусенцовой определить хронологические рамки здешнего мезолита в пределах VIII–VI тыс. до н. э. (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 64) и предложить его периодизацию. К древнему мезолиту ею отнесена Архангельская III стоянка (рис. 16), датированная рубежом плейстоцена и раннего голоцена. Основанием для столь ранней даты ей послужили архаичная техника обработки камня – не отщепление и отжим, а скалывание пластин-заготовок, некоторые типы орудий – боковые резцы, скребки, трапеции, а также аналогии с материалами Горной Талицы на р. Чусовой, относимой тоже к рубежу позднего плейстоцена – раннего голоцена (А.Ф. Мельничук, П.Ю. Павлов, 1987, с. 5–18).

Открытия последних десятилетий предоставляют все больше фактов, подтверждающих сложение уральского мезолита на местной позднепалеолитической основе (М.Г. Косменко, 1977, с. 94; А.Ф. Мельничук, П.Ю. Павлов, 1987, с. 16–17; Мезолит СССР, 1989, с. 142; Т.М. Гусенцова, 1993, с. 66 и др.).

К развитому мезолиту Т.М. Гусенцова относит стоянки Баринка II (рис. 17), Кичаны, Тархан II, Муки-Какси I (рис. 18), II, Кипеневщина, Щенники, Хороши, Мерены. Их отличает высокая степень пластинчатости орудий, преобладание микропластин и вкладышей без вторичной обработки, незначительное число ретушированных орудий (12–28%), широкое применение техники резцового скола (12–23%), немногочисленность скребков (3–10%).

Поздний мезолит представлен материалами стоянок Баринка I (рис. 19), Тархан IV, Степинцы II (рис. 20), Кыйлуд IV, Мари-Кугалки II, III, Нынек (рис. 21). Здесь увеличивается число ретушированных орудий (30, 5–59,7%), а также количество крупных пластин с па-

раллельной ретушью по краю, сокращается число резцов (4,5–8%), становятся более разнообразными скребки и возрастает их число (6,6–27,4%), несколько возрастает процент проколов и сверл, появляются рубящие орудия из мягких пород камня и галек, трапеции симметричной формы (Тархан II) и «сегмент» (Городище), в западных районах появляются единичные наконечники стрел постсвидерского типа (Степинцы II, верхний слой Студенцы II (рис. 22–10, 25), Чирки, Моторки VIII, Мари-Кугалки I).

Подобное хронологическое деление было осуществлено и В.Ф. Старковым, в основном разделившим ведущие положения концепции Т.М. Гусенцовой (Мезолит СССР, 1989, с. 125–129). К памятникам Камско-Вятского междуречья им были присоединены объекты, располагающиеся на Каме и ее притоках. К группе развитого мезолита В.Ф. Старков отнес, кроме Баринки I, Кичан, Муки-Какси I, II, Монинскую, Новожиловскую, Нижне-Адишевскую и Драчевскую стоянки. В группу позднего мезолита входят, по его мнению, наряду с Баринкой I, Степинцами II и камские стоянки – Огурдино, Бойцово I, Броды. Кроме того, Архангельскую III стоянку, наиболее раннюю по Т.М. Гусенцовой, он находит более поздней и относит к позднему мезолиту (вторая группа) (Мезолит СССР, 1989, с. 127). Самыми поздними (переходный этап от мезолита к неолиту, или ранний неолит) В.Ф. Старков считает стоянки Заозерскую и Барскую Пристань (О.Н. Бадер, 1957, с. 61).

По мнению Т.М. Гусенцовой, мезолитические памятники бассейна р. Вятки обнаруживают и некоторые локальные особенности. На западных стоянках, в бассейне р. Пижмы, известны изделия из особого красно-коричневого кремня, здесь меньше микропластин и встречаются скребки с круговым лезвием на небольших отщепах (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 65). Подобной локальной зоной может оказаться район р. Быстрицы, где на стоянках Студенцы обнаружено иное соотношение орудий на пластинах и отщепах, а именно 1:1,

а в нижнем слое Студенцов II отщепы составили 85% находок (С.В. Ошибкина, 1984). При дальнейших исследованиях локальные различия могут быть еще более значительными.

Данных о развитии хозяйства у мезолитического населения Камско-Вятского междуречья, как и Прикамья в целом, пока еще немного. Но они все-таки есть. Так, на стоянке Баринка I собраны кости лося, северного оленя, косули, кабана, бобра (Т.М. Гусенцова, 1981, с. 145). Костные остатки на памятниках этого времени не сохраняются не только вследствие длительности временных реперов, но и вследствие того, что кости животных использовались для отопления.

Подобный набор фауны, только более разнообразный, был на Деуковской II стоянке, в низовьях Белой, где, по определению А.Г. Петренко, выявлены кости домашней собаки, зайца, бобра, медведя, кабана, лося, дикого барана(?), чирковых видов птиц, а также кости карповых рыб и сома (М.Г. Косменко, 1971, с. 78–86; А.Г. Петренко, 1978, с. 143–144). Кости домашней собаки были обнаружены также в мезолитическом слое Кокшаровско-Юрьинской стоянки Среднего Зауралья (В.Ф. Старков, 1980).

Охота велась с помощью лука и стрел. Остатки луков на памятниках Камско-Вятского междуречья не известны, но они хорошо сохранились на стоянке Вис I в бассейне Вычегды. Здесь, в слоях, датированных концом VII–VI тыс. до н. э., собрана серия (31 экз.) луков, в том числе и целых (Г.М. Буров, 1966, рис. 2; 1967, с. 67). Некоторые из них достигали длины 134–156, а также 177, 255, 267 и даже 348 см. Делали луки из ели, сосны, других хвойных и лиственных пород. По этнографическим данным народы Сибири использовали большие луки-самострелы при охоте на крупных животных (Мезолит СССР, 1989, с. 41–42). Мезолитические вкладышевые наконечники стрел длиной 20–27 см и диаметром 8–12 мм известны по материалам пещеры Камень Дыроватый (Ю.Б. Сериков, 1996, рис. 8, 11). По мнению Ю.Б. Серикова, длина стрелы должна быть не менее 120–150 см.

Люди мезолитического времени Приуралья освоили весьма совершенные средства передвижения – лыжи, сани, нарты. Об этом свидетельствуют материалы торфяника Вис I (Г.М. Буров, 1966, с. 157).

О занятиях рыболовством говорит топография размещения памятников: почти всегда они расположены в устьях небольших речек, удобных для сооружения запруд и других приспособлений для ловли рыбы. Кости рыб обнаружены на Деуковской II стоянке. Кроме того, два реалистических кремневых изображения рыб, длиной 19 и 28 мм, были найдены С.В. Ошибкиной в верхнем слое стоянки Студенцы II (1984, рис. 3–1, 2).

С поселения Вис I происходят обломок поплавка, сделанного из коры, и фрагмент сети (Г.М. Буров, 1966, рис. 5–5). Сеть сплетена из веревки толщиной 1,5–2,0 мм, скрученной из корешков, осоки и других растений. Ячейки сети большие – 4,5–5,5 см. Она предназначена, очевидно, для ловли крупной рыбы. Как и в позднем палеолите, в мезолите развивалось собирательство.

Духовная жизнь людей мезолитической поры была весьма сложной. Возникнув в позднем палеолите, продолжали развиваться ранние формы религии: тотемизм, анимизм, фетишизм, различные виды магии: промысловая, вредоносная, охранительная, эротическая, лечебная, семейно-родовой культ святынь и покровителей, погребальный культ и др. Возможно, с промысловым культом связаны каменные изображения рыб с поселения Студенцы II. Они могли использоваться и как рыболовная приманка, и как изделия магического значения. Магический смысл часто отрывался от разумной практики. Так, у хантов, по наблюдениям С.А. Токарева, для увеличения улова изображения рыб клали на берегу по ходу следования рыбы (С.А. Токарев, 1990, с. 229). Вероятно, от этого времени, а, может быть, и более раннего исходят некоторые варианты охотничьих культов – например почитание медведя, сохранившееся в этнографических материалах многих лесных

народов, в том числе и удмуртов (В.Е. Владыкин, 1994, с. 138–139).

Разумеется, вряд ли когда-нибудь удастся восстановить все многообразие духовной жизни мезолитического населения, но даже немногие сохранившиеся свидетельства убеждают в существовании все более усложняющейся системы общественного сознания людей этого времени. Согласно исследованиям В.В. Напольских, в мезолите успешно развивалась космогоническая мифология. В частности уже сформировался миф о возникновении земли, в котором водоплавающая птица (утка, гагара) или у удмуртов – дух воды Вукузё ныряет и приносит со дна первичных вод кусочек земли, из которого затем вырастает суша (1991, с. 46). В это время мир в представлениях людей стал трехярусным: верхний – небесный, звездный, космический, средний – земной, нижний – подземно-подводный. Они взаимосвязаны и образуют систему, в центре которой находился сам человек.

Самые ранние виды религии заключали в себе не только зачатки фантастических, искаженных представлений о мире – веры, но и культовую практику. Последняя в каком-то виде была доступна всем и каждому, другие варианты ее выполнялись специальными людьми – старейшинами или шаманами. Материальным отражением действительного существования у мезолитического населения Прикамья развитых форм культового действия служат различные пещерные святилища, среди которых особое место занимает пещера Камень Дыроватый, расположенная в среднем течении р.Чусовой (Н.А. Прокошев, 1934, 1935; Ю.Б. Сериков, 1996). Святилище находится на отвесной скале (общая высота 60 м) на высоте 20 м от ее подножия. Проникнуть в пещеру без специального снаряжения ни сверху, ни снизу нельзя. Вход пещеры размерами 8×5 м создает впечатление открытого в крике рта, а окружающие неровности скалы подчеркивают это впечатление. На скале видны 2 симметричные округлые выемки – глаза, нос в виде скального высту-

па, выступы в дне пещеры – зубы. И хотя на этом скальном образовании длиной 1 км находилось еще четыре пещеры, именно эта была избрана в качестве объекта жертвоприношений. Как считает один из исследователей памятника Ю.Б. Сериков, узнаваемое «изображение лица» на скале Камень Дыроватый напоминает лица известных по материалам Горбуновского и Шигирского торфяников деревянных идолов (1996, с. 122).

В пещере Камень Дыроватый обнаружено более 18 тысяч наконечников стрел. По мнению Ю.Б. Серикова, к эпохе мезолита относятся 3065 костяных наконечников стрел: вкладышевых, биконических, игловидных, гарпунных и др. Среди них преобладают вкладышевые. 450 наконечников орнаментированы простыми геометрическими узорами, а на одном экземпляре изображена летящая стрела. Почти всегда в орнамент втерта светло-красная охра. В пещере собрано большое число каменных изделий мезолитического времени, использовавшихся как вкладыши к костяным основам. Преобладают микропластины шириной 0,4–0,5 см, большинство пластинок – сечения (Ю.Б. Сериков, 1996, с. 130). Практически присутствуют все типы мезолитического инвентаря: пластинки без ретуши, с ретушью утилизации, с ретушью со стороны спинки или брюшка, с обработанным ретушью концом, резцы, резчики, острия, скошенные острия, геометрические микролиты: асимметричные и симметричные трапеции, прямоугольники, треугольники, предметы, близкие к ромбу. Состав каменного сырья показывает на его происхождение из областей Зауралья, Среднего Приуралья, Южного Урала.

В пещере собраны также тысячи костей животных – северного оленя, зайца, лося, лошади, бобра. Единично встречались кости косули, волка, соболя или куницы, горностая.

Ю.Б. Сериков считает, что пещера стала активно использоваться в эпоху мезолита, а может быть, даже в конце позднего палеолита (1996, с. 135) и продолжала функционировать до X–XV вв. н. э. и даже до современности.

Охотники, проплывая по р. Чусовой, посылали в пещеру стрелы с привязанными или нанизанными на них кусками мяса, шкурками зверьков, амулетами и даже монетами. По положению наконечников, застрявших в потолке и сводах пещеры, Ю.Б. Сериков установил, что стрельба велась главным образом при сплаве вниз по течению, редко – от подножия скалы, с противоположного берега и сверху по течению реки (там же, с. 137). Вариантов оценки этих обрядов может быть множество, и среди них – обычай приношения в жертву наиболее удачливых стрел и кормление духов, магические действия, обеспечивающие успех на охоте, поражение стрелой злого духа, поклонение горам, скалам, пещерам, ритуальное взаимодействие мужского и женского начал и др. (Ю.Б. Сериков, 1996, с. 138).

Этнографическая наука дает немало объяснений возникновению у различных народов культа гор (С.А. Токарев, 1990, с. 602–612). Камень Дыроватый был избран для жертвоприношений не случайно. Река Чусовая – единственная река на Урале, пересекающая горный хребет с востока на запад. И люди, путешествующие с восточных отрогов в Приуралье, миновав половину пути, встречали на пути огромную скалу, на которой явственно читали лицо духа этой реки и этого перевала. Суеверное воображение дорисовывало недостающие детали, и образ духа – хозяина реки-перевала, от милости которого зависел успех будущего путешествия, предстал перед путешественниками весьма красноречиво. Перевальные тропы в горах Южной Сибири и Центральной Азии обычно отмечены каким-либо особым объектом – камнем, кустом, деревом, усыпанным лоскутами материи, камнями, монетами и другими подарками от благодарных путешественников добрым духам за благополучный переход (С.А. Токарев, 1990, с. 604). Неудивительно, что проплывающие по реке, не имея возможности подойти к изображению духа (отвесная скала), да и не осмеливаясь, посылали свои подарки с помощью стрелы. Многие из даров – шкуры, кусочки ткани, де-

ревянные предметы – истлели, но кости, монеты, костяные амулеты и сами наконечники стрел сохранились. Объяснимо и то, почему основная масса стрел была выпущена после того, как лодки миновали уже пещеру, – ведь надо было приготовить подарок: привязать кусок мяса, шкуру или еще что-то. Чаще всего отдаривались, видимо, мясом, поэтому в пещере и обнаружены тысячи костей животных.

Материал и сырье, из которого изготовлены наконечники стрел, указывают на то, что они происходят преимущественно из Зауралья, реже с Южного Урала, что еще раз подтверждает миграционный характер этого жертвенного места. Скорее всего, это был не межплеменной объект, как считает Ю.Б. Сериков (1996, с. 138), а жертвенное место путешествующих преимущественно с восточного склона Урала на западный. Было бы нелогичным отрицать и обратное движение, но оно было, судя по материалам этого памятника, менее интенсивным. Для нас важно, что этот удивительно красноречивый объект – место жертвоприношений на Камне Дыроватом благодаря исследованиям Ю.Б. Серикова предстал перед нами как ярчайшее свидетельство не замкнутости мезолитических общин, а стремления их к постоянным контактам, вследствие которых культурные достижения этого и последующего времени стали распространяться довольно быстро.

Эпоха мезолита ознаменовалась заметными успехами в развитии языка, рациональных знаний, искусства. Источником знаний человека этого времени, как и всегда, была его производственно-трудовая деятельность, в процессе которой шла систематизация и обобщение конкретных фактов и наблюдений, накапливался опыт, выяснялись причины и следствия явлений. Люди знали об особенностях и богатствах своей родины, а именно об элементарных сведениях в области ботаники, географии, зоологии, метеорологии, минералогии, топографии. Они должны были знать полезные и вредные свойства

растений, особенности различных минералов, географию и топографию своей родовой территории, повадки и пути передвижения животных, читать их следы и уметь предугадывать погоду, ориентироваться по звездам и т. д.

В это время, судя по антропологическим материалам, получили распространение примитивные медицинские знания, которые, конечно, сопровождалась различными магическими обрядами. Человек овладел простейшими рациональными приемами залечивания ран, вывихов и переломов, удаления больных зубов, лечения нарывов, простуды, змеиных укусов и других заболеваний.

Согласно гипотезе П. Хайду (1985, с. 155–160), тщательно изучившего лингвопалеонтологическую лексику и историю распространения лесов, прародина уральцев в V–IV тыс. до н. э. располагалась там, где произрастали ель, сибирский кедр, пихта, лиственница, а также одна из широколиственных пород – вяз. Эти породы деревьев в эпоху мезолита были распространены в лесной зоне, располагавшейся значительно севернее Аральского и Каспийского морей. Сибирский кедр неизвестен западнее рр. Камы и Вычегды, а вяз не встречался в лесах восточнее р. Оби. Таким образом, прародина уральцев в это время занимала лесную зону по обе стороны Уральских гор.

Реконструкция быта и занятий уральцев в уральский период, по археологическим материалам, в целом подтверждается данными языка. Носители уральского языка были охотниками и рыбаками, и многие слова убеждают в существовании развитой охоты (лук, стрела, тетива, охотиться), собирательства (ягода, земляника, морошка, яйца), рыболовства (лечь, рыба, затон, река, сеть). Пищу варили и жарили (вариться, гасить, огонь, уголь, жар). Жили в землянках, умели шить иглой одежду с рукавами и поясом. Из орудий были известны топор, сверло, нож, передвигались с помощью лодок, саней, лыж. Древние уральцы умели склеивать с помощью клея, который варили из костей. Ураль-

цы умели считать. Отсчет времени велся по временам года, дням и времени суток. Люди ориентировались по луне и звездам. В уральском праязыке весьма развита терминология родства, свидетельствующая о развитом родовом строе (дочь, дядя, жена, золовка, зять, мать, мужчина, невестка, отец). Об усложнявшейся духовной жизни свидетельствуют слова, передающие состояние страха перед силами природы (бояться), названия звезд и небесных тел (звезда, месяц), а также слово бог, которое первоначально означало – верхний, высокий, небесный (Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 409–411).

Большинству ученых близка мысль о том, что мезолит Камско-Вятского междуречья и бассейна р. Вятки представляет собой локальный вариант приуральской (камско-вычегодо-печорской, включая и бассейн р. Белой) мезолитической культурной общности.

Эти области имеют общие черты как в кремневом инвентаре, так и в особенностях топографии и характере памятников, а также в домостроении. Вместе с тем, мезолит Приуралья близок и мезолитическим памятникам Зауралья (кокшаровско-юринская культура) (Мезолит СССР, 1989, с. 136–140, 198), образуя с ними известное единство, отражающее, очевидно, материальное проявление уральской этнической общности. Однако специалисты говорят о начавшейся ее дифференциации и отделении в конце V тыс. до н. э. прафинно-угорской ветви от прасамодийской.

2.3. Камско-Вятское междуречье в эпоху неолита (V–III тыс. до н. э.)

Начавшееся на рубеже плейстоцена и голоцена и нараставшее по мере приближения к нашему времени потепление привело к установлению к 8,2 тыс. лет назад в Северном полушарии климатического оптимума. Он сохранялся вплоть до 5–4,5 тыс. лет от наших дней. В это время средние летние темпе-

ратуры в центре Русской равнины превышали современные на 2,0–2,5°C (И.Г. Авена-риус и др., 1978). Климат был теплый и влажный. На территории Камско-Вятского междуречья преобладали хвойно-широколи-ственные леса. Анализы древней пыльцы, обнаруженной в торфяниковых стоянках возле Сыктывкара, показали, что в неолите там росли широколиственные породы деревьев – дуб, вяз, орешник. Благоприятные климатические условия способствовали прогрессу всех областей жизни людей. Именно в неолите в южных районах Евразии осуществился переход от присваивающей экономики (охота, собирательство, рыболовство) к производящей (земледелие и скотоводство). Эти процессы обозначены в исторической науке как неолитическая революция. Она произошла на территориях, близких к центрам древневосточных цивилизаций и имеющих благоприятные природные условия для развития мотыжного земледелия, – в Средней Азии, Молдавии и на Украине. В более северных областях, в том числе и Камско-Вятском междуречье, в неолите продолжали развиваться традиционные формы хозяйства: охота, рыболовство, собирательство. Но климатический оптимум оказывал и здесь свое благотворное воздействие на развитие человеческого общества.

Прежде всего совершенствовалось производство каменных орудий. Значительного уровня достигла двусторонняя обработка орудий, типы их становятся все более разнообразными. Появились различные варианты топоровидных орудий: долота, стамески, топоры, тесла и др., свидетельствующие о совершенствовании обработки дерева. Особое распространение получили вещи, выполненные из мягких пород камня – доломита, сланца, шифера – способом шлифования, известного уже в мезолите. Кроме шлифования камня, люди научились его пилить и сверлить. Поскольку нужные виды камня встречались далеко не везде, то создались реальные предпосылки для развития обмена между весьма отдаленными областями. Обменивались не

только каменным сырьем, шел обмен и культурными достижениями, которые распространялись значительно быстрее.

Важнейшим достижением эпохи неолита было изобретение глиняной посуды – керамики, которая возникла, вероятно, от обмазывания глиной плетеных емкостей. Неолитические сосуды имели большие размеры, толстые стенки, как правило, яйцевидную или приближенную к ней форму. Стенки сосудов почти всегда сплошь украшены простым, бесхитрым орнаментом: прочерченными линиями, оттисками гребенчатого штампа, ямками. Гребенчатый штамп – это специальный предмет, напоминающий современную гребенку, расческу: несколько зубцов, вырезанных из кости или дерева. Им делали вдавления в необожженной, мягкой глине и получалось несколько близко расположенных друг к другу ямочек. Эти повторяющиеся оттиски и покрывают, как правило, всю поверхность неолитических сосудов. Посуду изготавливали способом ленточного или жгутового налета, накручивая глиняный жгут по спирали и прилепляя край одного жгута к другому. Глиняная посуда позволяла совершенствовать процесс приготовления лучше усваиваемой пищи и обеспечить качественное хранение ее запасов.

Люди неолитической поры стремились максимально использовать природные материалы. Появилась плетеная одежда и обувь (типа лаптей), а затем и ткани из растительных волокон – крапивы и конопли. Свидетельством возникновения ткачества именно в неолите являются находки глиняных и каменных пряслиц на памятниках этого времени. Пряслица – это круглый утяжелитель с отверстием в середине, который насаживали на конец деревянной палки, прообраз современного веретена. Появление их на памятниках неолита – бесспорное подтверждение умения людей этого времени прясть нити и изготавливать ткани. Искусству ткачества, видимо, предшествовал период плетения полотен. Первые ткани были выполнены из грубых волокон –

крапивы, конопли. Именно поэтому пряслица были массивными и тяжелыми. Более тонкие нити из шерсти и пуха стали использоваться значительно позже, и прядение их стало возможным с помощью легкого деревянного веретена.

Первый неолитический памятник Прикамья был исследован в 1925 г. А.В. Шмидтом. Это была Левшинская стоянка в Чусовском Прикамье (А.В. Шмидт, 1940). Более 20 лет она оставалась единственным неолитическим поселением на Каме. В 1947–1960 гг. Камской экспедицией Пермского университета под руководством О.Н. Бадера были исследованы еще несколько таких поселений в пермском Прикамье (О.Н. Бадер, 1951, 1961; В.П. Денисов, 1960, 1961), что дало возможность достаточно полно охарактеризовать культуру этого времени (О.Н. Бадер, 1951, 1973). Несколько позже на Средней Волге и Нижней Каме были также изучены неолитические поселения камского типа, границы распространения этих памятников были расширены до горьковского течения р. Волги, а сама культура была названа А.Х. Халиковым волго-камской (А.Х. Халиков, 1969, с. 40). Благодаря работам Л.Я. Крижевской, Г.Н. Матюшина и других ученых на территории современной Башкирии, в том числе и в бассейне р. Белой, известно более 100 неолитических памятников, материалы которых обобщены Л.Я. Крижевской (1968). Широкие исследования в последние десятилетия проведены на памятниках неолитической поры Волго-Ветлужского междуречья А.Х. Халиковым, П.Н. Старостиным, В.В. Никитиным, Б.С. Соловьевым и другими учеными. В результате число известных объектов этой поры превысило 100 (В.В. Никитин, Б.С. Соловьев, 1990), а обобщение их материалов, выполненное В.В. Никитиным (1996), делает этот район одним из хорошо исследованных.

Долгое время неолит Камско-Вятского междуречья и бассейна р. Вятки не был известен. Лишь с началом работ Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского

университета (1973) стали проводиться целенаправленные поиски памятников и раскопки их большими площадями. За это время было выявлено несколько десятков поселений эпохи неолита, из них на 15 проведены раскопки. Большая часть объектов раскопана под руководством Т.М. Гусенцовой: Новомултанское (712 кв. м, 1973, 1974 гг.), Тархан I (340 кв. м, 1976 г.), Кыйлуд III (360 кв. м, 1977 г.), Ботыли III, IV (148 кв. м и 278 кв. м, 1977 г.), Кочуровское I (160 кв. м, 1977 г.), Кидалсола I, IX, X (204, 128, 80 кв. м, 1978 г.), Кыйлуд II, IV (140, 284 кв. м, 1978 г.). Отдельные памятники были изучены Н.И. Леконцевой (Шутовой) – Ботыли IV (182 кв. м, 1978 г.), Н.П. Карповой (Девятовой) – Коктыш II (504 кв. м, 1982 г.) и Криушинская стоянка (248 кв. м, 1987 г.). Довольно крупные работы были проведены под руководством Р.Д. Голдиной на многослойном поселении Моторки II (648 кв. м, 1975 г.) и на поселении Чумойтло I (632 кв. м, 1976 г.). Раскопки на этих памятниках были продолжены Т.М. Гусенцовой: на Моторках II в 1986 г. было раскопано 572 кв. м, на Чумойтло I в 1989 г. – 196 кв. м.

Таким образом, на памятниках эпохи неолита Камско-Вятского междуречья экспедицией Удмуртского университета в общей сложности было исследовано 4882 кв. м культурных слоев и обнаружены остатки 19 полностью и 5 фрагментарно изученных жилищ. Эти материалы позволяют выявить характерные особенности материальной культуры Камско-Вятского междуречья в исследуемое время.

Памятники эпохи неолита известны практически на всей территории Камско-Вятского междуречья (рис. 23). Они встречаются в тех же районах, где располагались объекты мезолитической поры, выявлены как на крупных реках – р. Вятке, так и на притоках – р. Вале (Чумойтло, Тархан I), Пижме (Худяки, Коктыш II), так и на более мелких речках – Вою (Ботыли III, IV), Нылге (Кыйлуд II–IV, Кочур I), Уве (Новый Мултан), Идыке (Моторки II). В некоторых случаях

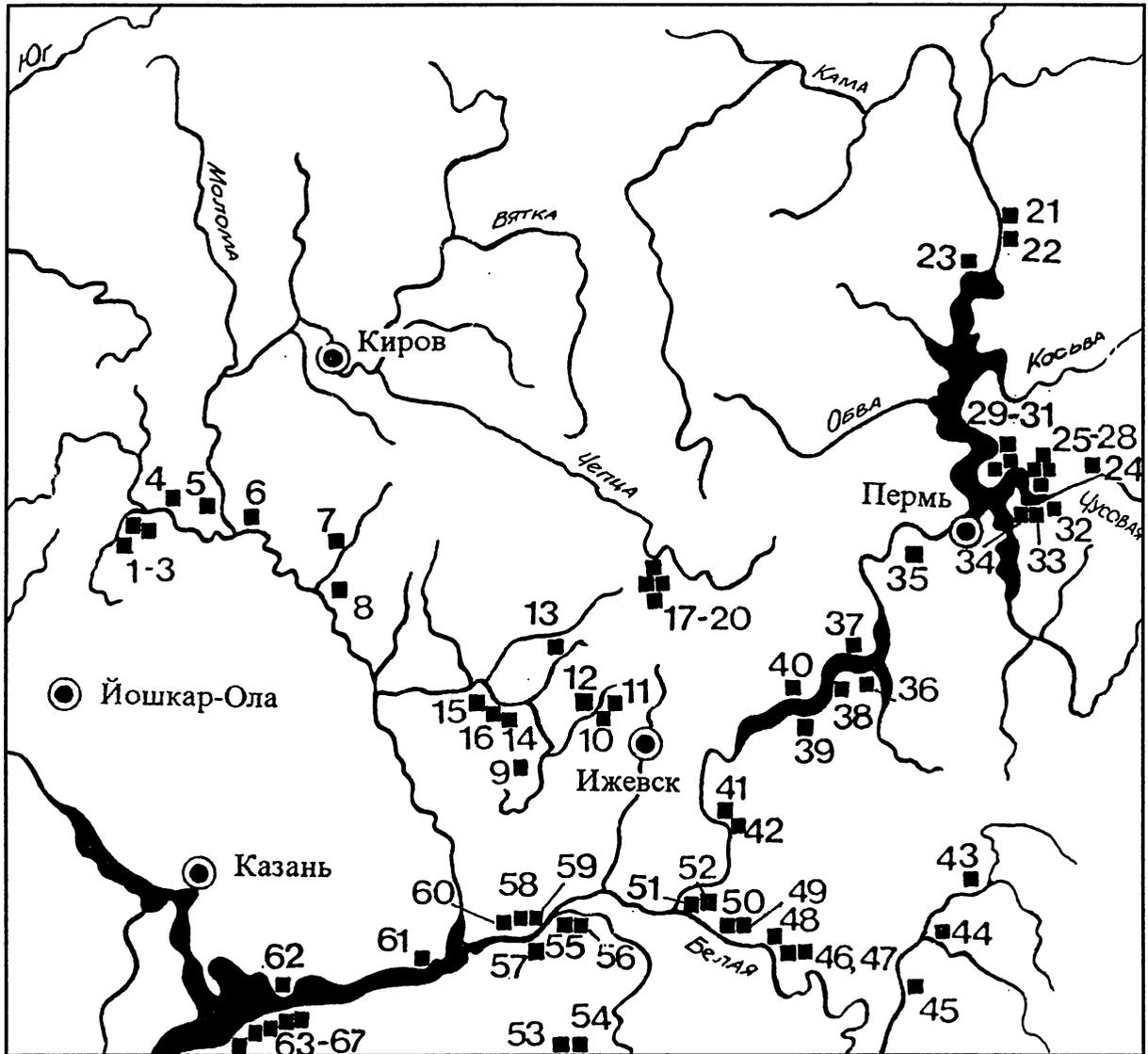

Рис. 23. Карта основных поселений эпохи неолита Прикамья.

- 1-3. Кидалсола I, IX, X; 4. Коктыш II; 5. Боровка II; 6. Усть-Шизьма; 7. Ботылы IV; 8. Буй I; 9. Чумойтло I; 10, 11. Кыйлуд II, III; 12. Кочур I; 13. Новый Мултан; 14. Тархан I; 15, 16. Моторка II, VI; 17-20. Среднее Шадбегово I, II, IV, V; 21. Чашикинское озеро VI; 22. Хуторское; 23. Базов Бор; 24. Толстик; 25-28. Боровое озеро I, V, VI, Бор I; 29-31. Нижнеадищево I, II, Верхнеадищево; 32. Левишино; 33. Астраханцево; 34. оз.Грязное, северное; 35.Запорчим; 36. Кряэс; 37. Первомайское; 38. Черпашка; 39. Бойцово I; 40. Сенное; 41. Непряха; 42. Усть-Армязь; 43. Усть-Ай; 44. Усть-Юрюзань; 45. Айдос; 46, 47. Кюнь II, III; 48. Старо-Буртлюково; 49. Старая Мушта; 50. Бакчи-Тау; 51, 52. Сауз I, II; 53. Муллино II; 54. Какрыбаш; 55, 56. Игимские I, II; 57. Дубовая грива II; 58, 59. Луговские I, II; 60. Апаньинское; 61. Вандовка II; 62. Сорочьи горы; 63. Мурзиха IV; 64. Балахчино VIa; 65.Кузькино XX; 66,67. Лебедино I, II

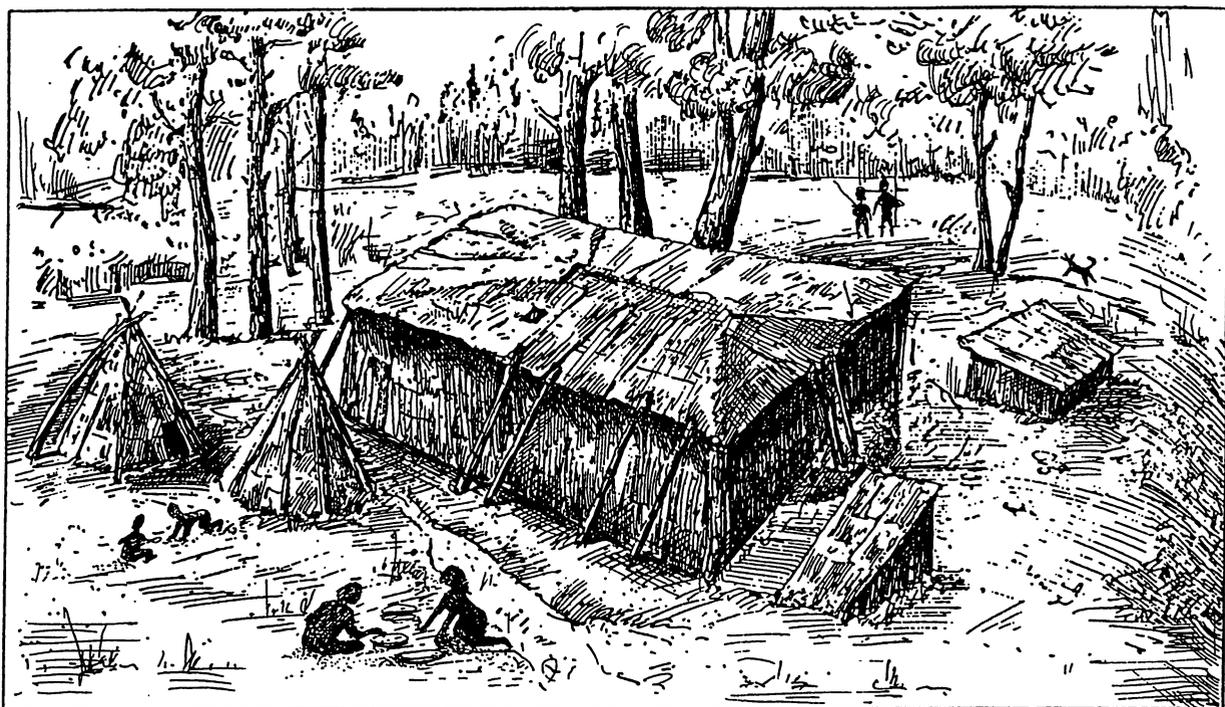

Рис. 24. Реконструкция поселения эпохи неолита Моторки II

слои неолитического времени обнаружены на мезолитических поселениях (Кыйлуд IV, Ботыли III, Криуши, Моторки II и др.), что дает основание полагать, что неолит вырастал на местной мезолитической основе. Обращает на себя внимание приуроченность неолитических поселений к устьям мелких речек, это объясняется, видимо, характером хозяйства. Кроме того, следует отметить размещение их на более низких террасах и даже в поймах рек (Новый Мултан), что отличает их от мезолитических, среди которых часть располагалась на высоких коренных террасах.

Площади поселений колеблются в пределах 400–1600 кв. м (Кыйлуд II–IV, Ботыли III, IV, Криуши, Кочур I, Новомултанское, Тархан I, Кидалсола IX, X, Коктыш II) и 3000–5000 кв. м (Моторки II, Чумойтло). Следы жилищ на поверхности не прослеживались, однако исследования слоя большими площадями (до 1220 кв. м) позволили их обнаружить. Культурные слои (серая и темно-серая супесь) имели мощность 30–110 см. В некоторых случаях, кроме неолитических слоев, на

поселениях зафиксированы и напластования иного времени. Например, на поселении Моторки II обнаружены остатки эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Неолитические слои поселения Чумойтло I были перекрыты довольно мощными отложениями средневекового жертвенного места.

Выделено несколько типов поселений: многослойные долговременные поселки с остатками нескольких жилищ и хозяйственных сооружений (Моторки II, Чумойтло I), постоянно обитаемые поселения со следами не менее двух жилищ (Ботыли IV, Кыйлуд III, Новомултанское) и стоянки с характерным инвентарем и одним жилищем (Коктыш II, Тархан I, Кыйлуд II, Кочуровское I). Судя по размерам жилищ, последний тип также неоднороден, так как наряду с очень маленькими строениями площадью 24–26 кв. м (Коктыш II, Тархан I), оставленными, очевидно, сезонными охотниками, известны и довольно значительные сооружения площадью 56 (Кыйлуд II) и 121 кв. м (Кочуровское I). Столь крупные постройки вряд ли служили для кратко-

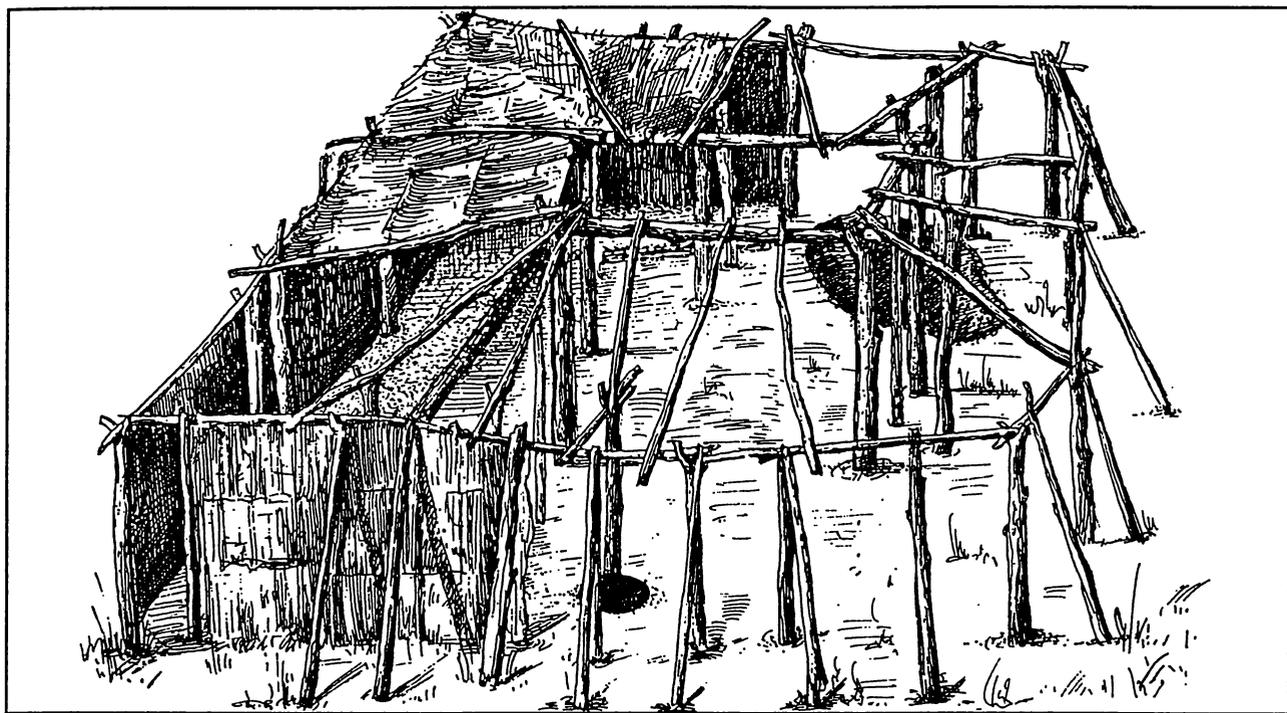

Рис. 25. Реконструкция жилища I эпохи неолита поселения Моторки II

временного жилья, скорее всего, они были предназначены для длительного обитания.

В значительной мере близки мезолитическим поселения с двумя жилищами. Характер жилищ, их размеры, размещение напоминают постоянные места обитания типа Баринки I, II, Криушей и др.

Особый интерес представляют поселки с несколькими сооружениями, образующими довольно сложную, хорошо продуманную систему. Так, поселение Моторки II (рис. 24) расположено в устье небольшой речки Идык, левого притока р. Валы, на песчаной дине высотой 2 м. Центральную часть поселка занимало большое жилище площадью 169 кв. м, вокруг которого по периметру размещались еще 9 жилищ и сооружений, площадь которых варьировалась от 7,8 (сооружение IV) до 45,6 кв. м (сооружение IX). Появление таких поселков бесспорно свидетельствует об увеличении численности коллективов периода неолита и плотности населения Камско-Вятского междуречья. Об успехах в развитии домостроения говорят не только значительные

размеры некоторых сооружений (Моторки II, Новомултанское, Чумойтло I), но и их разнообразие. Среди построек известны как наземные, лишь с несколько выровненным полом (Новый Мултан, Кыйлуд II, III), слегка углубленные – на 25–40 см (Ботыли IV, Коктыш II, Чумойтло, сооружения I, II, IV), так и значительно (до 90–100 см) опущенные в материк (Моторки II, сооружения III, IV). Следует отметить и вариативность форм построек в плане. Наряду с известными уже в мезолите квадратными и прямоугольными сооружениями, встречавшимися почти в равной пропорции, выявлены и постройки округлой формы (Моторки II, сооружения IV и IX).

По реконструируемым верхним частям сооружений можно также судить, как далеко вперед в неолите ушла техника деревообработки и простейшая архитектура. Так, большой дом Моторок II (рис. 25) размером 13×13 м представлял собой достаточно сложную конструкцию: каркас его был выполнен из бревен, основой стен послужили вертикально поставленные через 2–3 м массивные брев-

на, скрепленные в верхней части положенными на них горизонтальными лагами и с наружной стороны подпертые наклонными столбами. В центральной части дома была поставлена квадратная конструкция из вертикальных столбов, скрепленных вверху горизонтально уложенной рамой. На нее и стены крепились основные бревна перекрытия. Получилась четырехскатная крыша с отверстием в центре для выхода дыма. Затем стены и кровля обрешечивались и покрывались жердями, досками, корой, берестой. Устойчивость большой кровли была обеспечена дополнительными столбами-подпорками между стенками и центром. Вероятно, эти же столбы использовались для устройства дополнительных перегородок, разделявших жилище на несколько отсеков. Возле одной из сторон жилища была выявлена канавка, которая могла использоваться для стока дождевой воды, а также для сооружения земляной завалинки при утеплении пола жилища. Жилище имело 2 входа – один был обращен в сторону р. Валы, а другой – в сторону р. Идык. В других углах жилища были устроены ниши для хранения припасов. В пределах жилища располагались хозяйственные ямы. Центральная часть постройки несколько углублена, вероятно, потому, что вдоль стен были устроены спальные настилы – нары. Поскольку сооружение занимало большую площадь, оно должно было отапливаться несколькими очагами. Однако следы лишь одного из них были обнаружены перед северным входом. Возможно, жители Моторок II проводили довольно часто генеральную уборку главного жилища.

Помимо жилищ с четырехскатным перекрытием были известны постройки с двускатной (Чумойтло, жилище V), односкатной (Моторки II, сооружение II) или с конической крышей типа чума (Моторки II, сооружения III, IV, IX).

Интерес представляет жилище V поселения Чумойтло I, где вдоль стен обнаружены два ряда ямок, очевидно, от столбов, несущих крышу. Вдоль одной из сторон зафиксирована вытянутая углистая полоса – остат-

ки сгоревшей деревянной стены. Судя по размещению столбовых ям, крыша сооружения была двускатной. Отмечена концентрация находок керамики возле очага и в северной половине жилища, а кремневых изделий – в его северо-западной части. Поблизости от входа было найдено скопление обычной речной гальки со следами раскалывания. Но галька оказалась плохого качества, и мастер бросил ее куски за ненадобностью прямо в жилище. Здесь же обнаружено еще одно свидетельство поисков людьми эпохи неолита новых материалов для изготовления орудий. Это кусочки окаменевшего дерева со следами сколов. Они представляют собой темно-коричневые брусочки и в огромном количестве встречаются на поверхности в окрестностях поселения. Вероятно, древний мастер принес их в жилище с целью попытаться изготовить из них орудия. Но при ударе они легко расслаивались на пластины толщиной 5–7 мм, не давая острого края. Такие кусочки со следами сколов и были собраны на дне жилища V поселения Чумойтло I.

Остатки микромастерских по обработке кремневого сырья выявлены на многих неолитических памятниках Камско-Вятского междуречья. Так, в жилище II поселения Моторки II найдены 2 крупных нуклеуса темно-серого кремня с негативами скалывания пластин, пластина с желвачной коркой и 7 отщепов. На поселении Тархан I у одной из стен жилища обнаружена яма с кремневыми предметами, а на площади поселения располагалось сажистое пятно и яма размером 3,5×2,7 м с 300 кремневыми отщепами и пластинами. В жилище I поселения Кыйлуд III также обозначилось рабочее место мастера – яма XV с большим числом отщепов и чешуек.

На поселениях имеются и следы изготовления глиняной посуды. В частности, на Новомултанском поселении в жилище раскопана большая яма, наполненная глиной – запас древнего гончара (Т.М. Гусенцова, 1977, с. 66–67). Интересны и следы использования посуды. На поселении Тархан I раз-

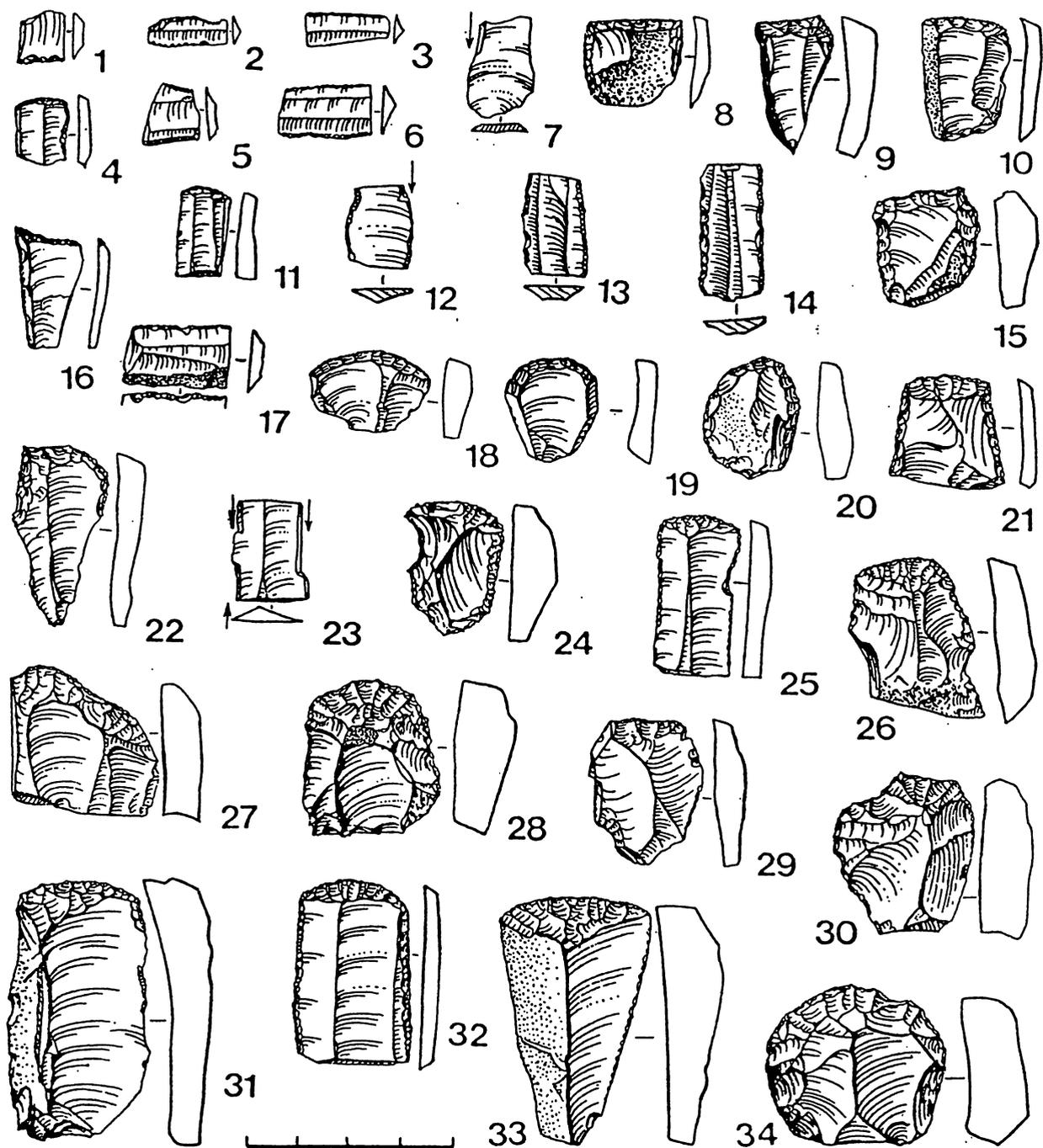

Рис. 26. Каменный инвентарь эпохи неолита поселения Ботлы IV (по Т.М. Гусеницовой).
 1-3, 5, 6, 13, 14, 16, 17 - сечения и пластины с ретушью; 4, 8-11, 15, 18-22, 24-34 - скребки; 7, 12, 23 - резцы

давленный сосуд, а под ним каменный нож обнаружены рядом с очагом в жилище, а на поселении Чумойтло I огромный сосуд, украшенный оттисками «шагающей» гребенки, был поставлен в яму снаружи у одной из боковых стенок жилища V и использовался, видимо, для хранения запасов продуктов.

Т.М. Гусенцовой отмечена преемственность в развитии жилищ от мезолитических к неолитическим. Их объединяют заглубленность в грунт, однокамерность, преимущественно квадратный или прямоугольный план, бревенчатые стены, наличие простых очагов, выходов в виде уступа или коридора (1993, с. 223).

Для изготовления каменных орудий использовался, как и в мезолите, преимущественно различных оттенков серый кремь, реже – голубовато-молочный, красно-коричневый и доломит. Население разных мест отдавало предпочтение определенному сырью. В частности, на Кочуровском I поселении наряду с обычным серым использовался плиточный коричневый кремь. На Кыйлуде III основная масса изделий выполнена из голубовато-молочного кремья. Разноцветная речная галька широко использовалась людьми, жившими на поселениях Кыйлуд II, Чумойтло I (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 182).

Техника производства каменных орудий (рис. 26–34) Камско-Вятского междуречья неолитической поры демонстрирует устойчивую преемственность с мезолитической. Как было выявлено Т.М. Гусенцовой (там же, с. 187), на всех поселениях, кроме Кочуровского I, сохранился высокий процент пластин, соотношение орудий на пластинах и отщепках примерно одинаковое. В технике вторичной обработки камня преобладала краевая ретушь, редко встречались изделия, выполненные двусторонней ретушью, оббивкой и шлифованием. Из орудий наиболее характерны пластинки с ретушью по краям или следами употребления и их сечения (рис. 26–1–3, 5, 6, 13, 14, 16, 17; 27–1, 3–6, 11–14; 29–1–4, 6–8; 30–1–3, 6, 7, 18; 31–4–8, 11, 13–15, 18, 19; 32–

1–6, 8, 10), вкладыши (рис. 31–9, 10), концевые скребки на пластинах (рис. 26–4, 9–11, 18–22, 25, 27, 31, 32; 29–12–14, 16; 30–10, 14, 21; 31–16, 17, 20; 32–16–21; 34–1–6, 9–11, 13) или на отщепках (рис. 26–24, 28, 29, 30, 34; 29–10, 11, 18; 30–12, 13; 32–22–24; 34–7, 8, 12, 14, 15), округлые на сколах поджигления (рис. 26–26), угловые резцы (рис. 26–7, 12, 23; 29–5; 30–4, 5; 32–27). Хорошо известны проколки (рис. 29–9, 15; 31–2, 3; 32–7, 9, 11, 12), скобели (рис. 28–1, 9; 31–1), скребла (рис. 29–17; 31–22). Наиболее характерны для Камско-Вятского неолита бесчерешковые листовидные наконечники стрел на пластинах (рис. 27–8; 33–5, 9, 10), мелкие листовидные с двусторонней ретушью (рис. 27–2, 9; 32–13–15; 33–2, 3, 6–8), черешковые треугольной формы на пластинах с ретушированным пером и черешком (рис. 33–1,4), а также листовидные наконечники копий (рис. 27–15; 33–11). На неолитических памятниках встречаются ножи, выполненные из плиток желто-коричневого кремья листовидной (рис. 28–4, 7; 30–16, 17, 23; 31–21; 32–25; 33–12, 14) и прямоугольной (рис. 28–13; 32–28; 33–13) форм, обработанные двусторонней сплошной или краевой ретушью, а также обычные ножи на пластинах (рис. 28–8, 11; 29–20; 30–8, 9). Известны комбинированные орудия, например ножи-скобели (рис. 32–26). В этих же комплексах обнаружены различные варианты скребков на толстых плитках кремья (рис. 26–8, 33), концевые как на отщепках, так и на пластинах со спинкой, сплошь покрытой ретушью (рис. 26–15), сверла, в том числе с обозначенными «плечиками» (рис. 28–2, 3, 5, 6; 30–15; 32–29). Среди рубящих орудий (рис. 30–19, 22, 25) наиболее популярны тесла (рис. 28–12; 29–21; 31–23), иногда пришлифованные (рис. 28–10; 30–20, 24), а также шлифованные топоры (рис. 29–19). Кремневый инвентарь эпохи неолита, по мнению Т.М. Гусенцовой, близок культурам этого времени Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья (1993, с. 187–188).

На неолитических поселениях бассейна р. Вятки обнаружена и глиняная посуда.

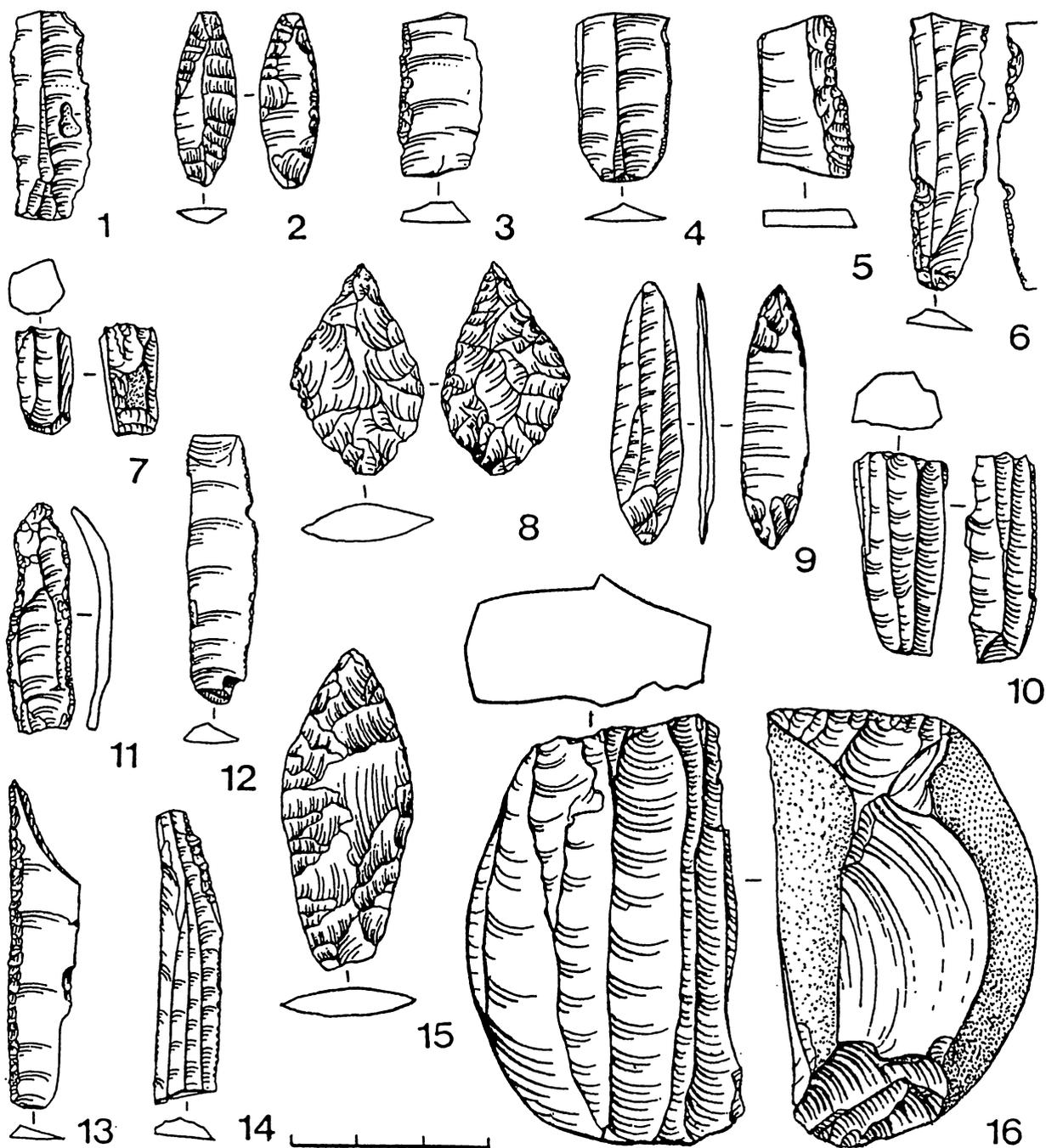

Рис. 27. Каменный инвентарь эпохи неолита поселения Ботыли IV (по Т.М. Гусенцовой).
 1, 3-6, 11-14 – пластины с ретушью; 2, 8, 9, 15 – наконечники стрел и копий; 7, 10, 16 – ядра

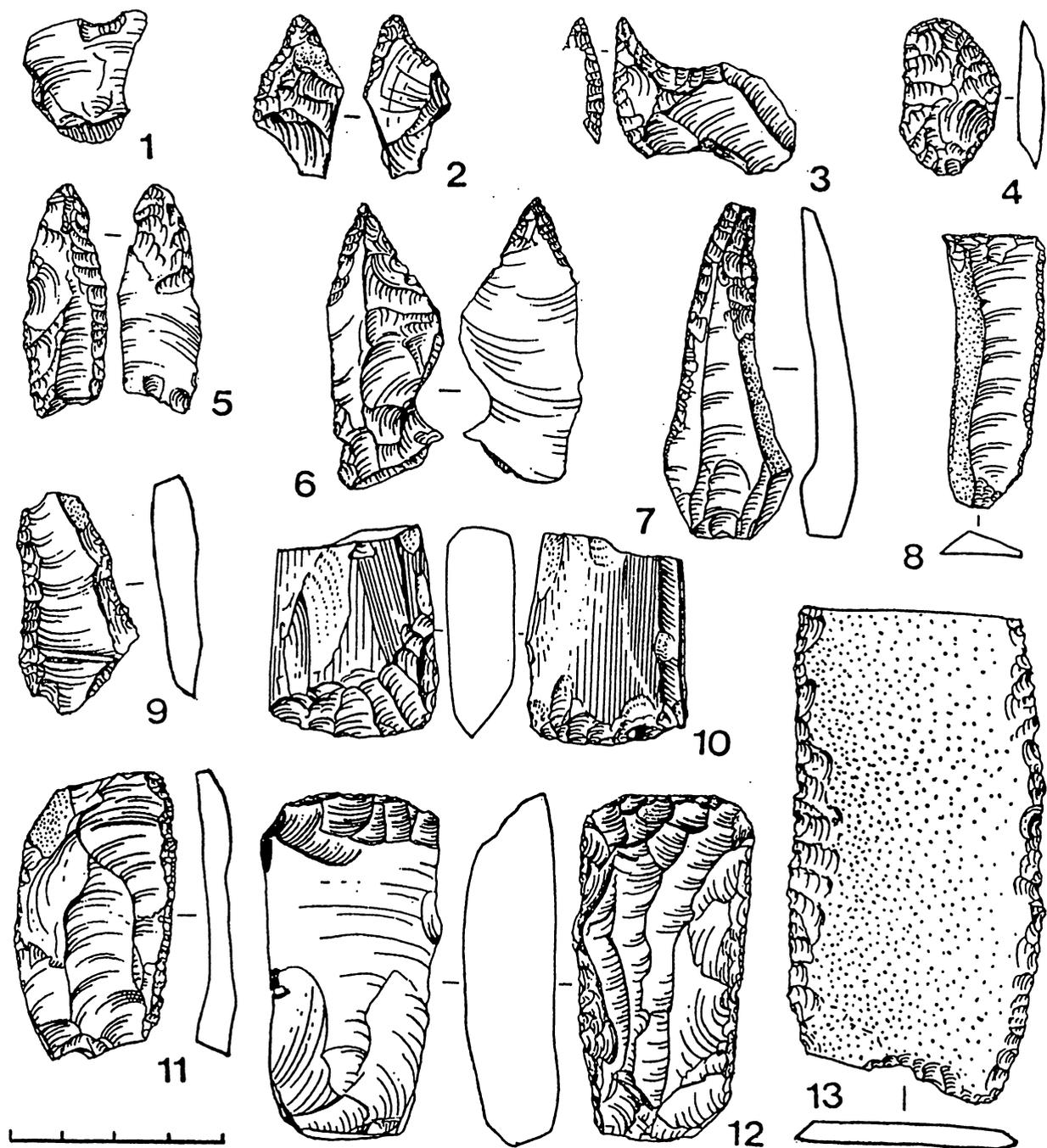

Рис. 28. Каменный инвентарь эпохи неолита поселения Ботлы IV (по Т.М. Гусеицовой).
 1, 9 – скребели; 2, 3, 5, 6 – сверла; 4, 7, 8, 11, 13 – погси; 10, 12 – тесла

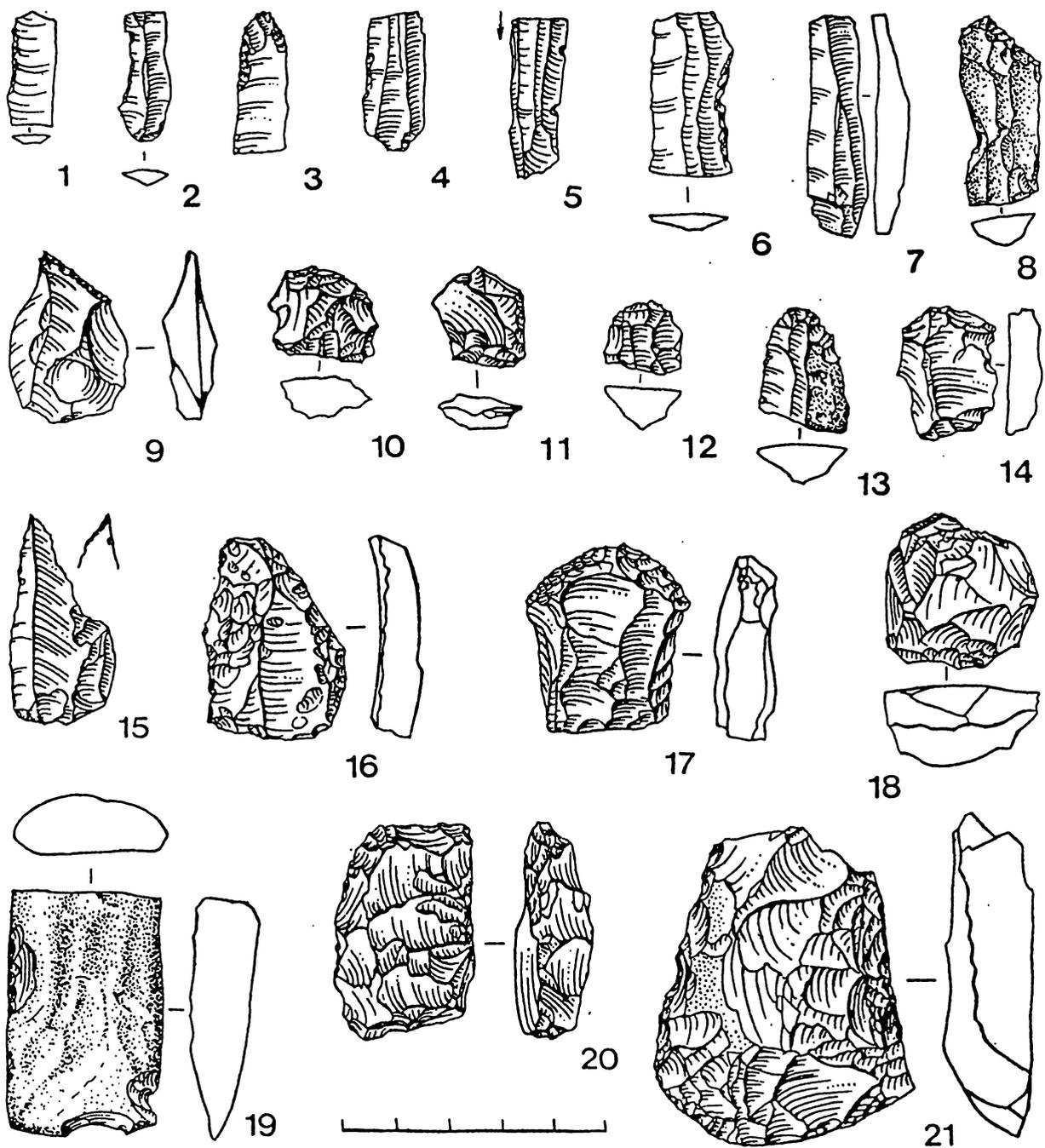

Рис. 29. Каменный инвентарь эпохи неолита Новомултанского поселения (по Т.М. Гусеницовой).
 1–4, 6–8 – сечения и пластины с ретушью; 5 – резец; 9, 15 – проколки; 10–14, 16, 18 – скребки;
 17 – скребло; 19 – топор; 20 – позис; 21 – тесло

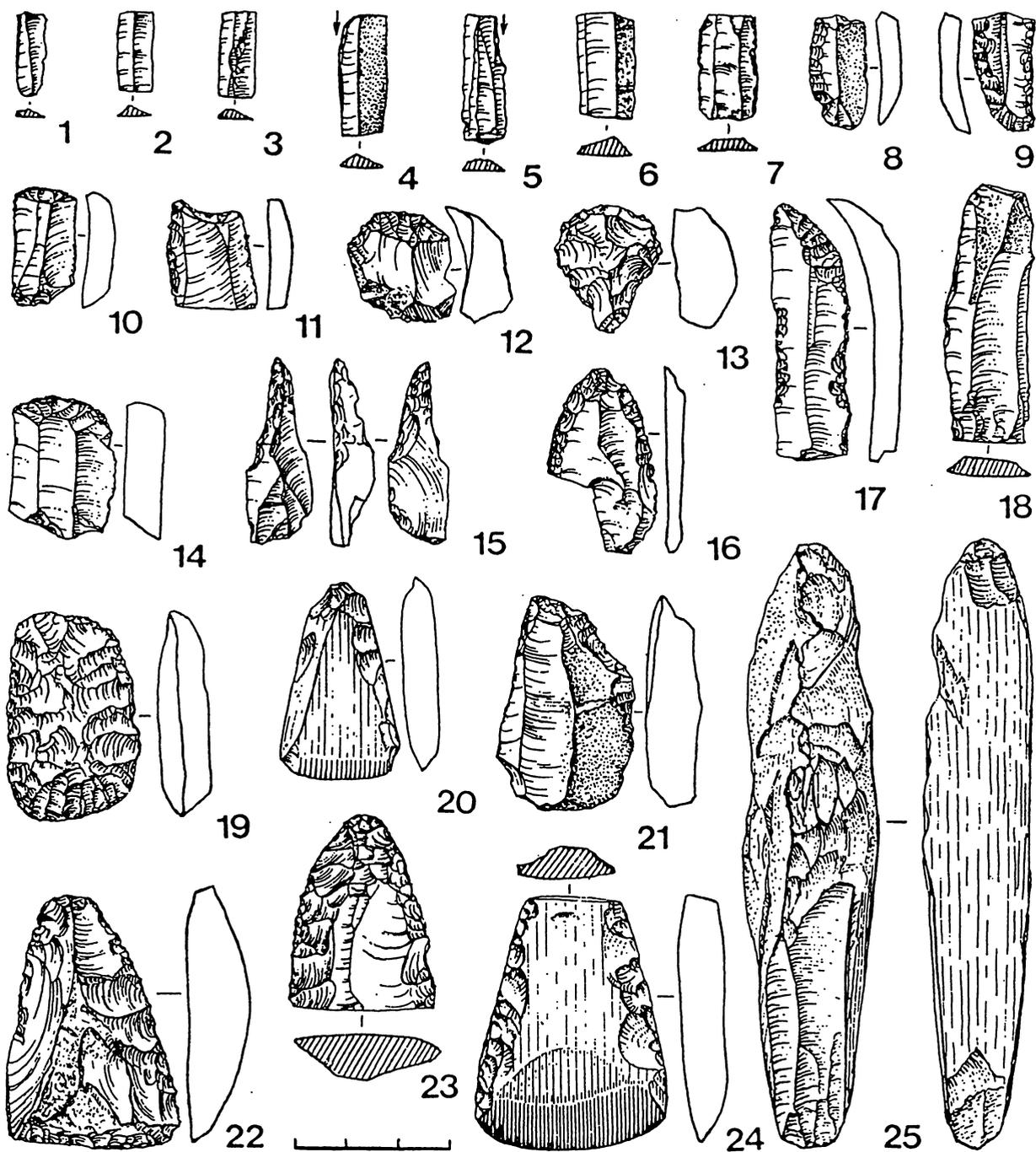

Рис. 30. Каменный инвентарь эпохи неолита поселения Моторки II (по Т.М. Гусенцовой).
 1–3, 6, 7 – сечения пластин; 4, 5 – резцы; 8, 9, 16, 17, 23 – погжи; 10, 12–14, 21 – скребки;
 11 – обломок трапеции; 15 – сверло; 18 – пластина; 19, 20, 22, 24, 25 – рубящие орудия

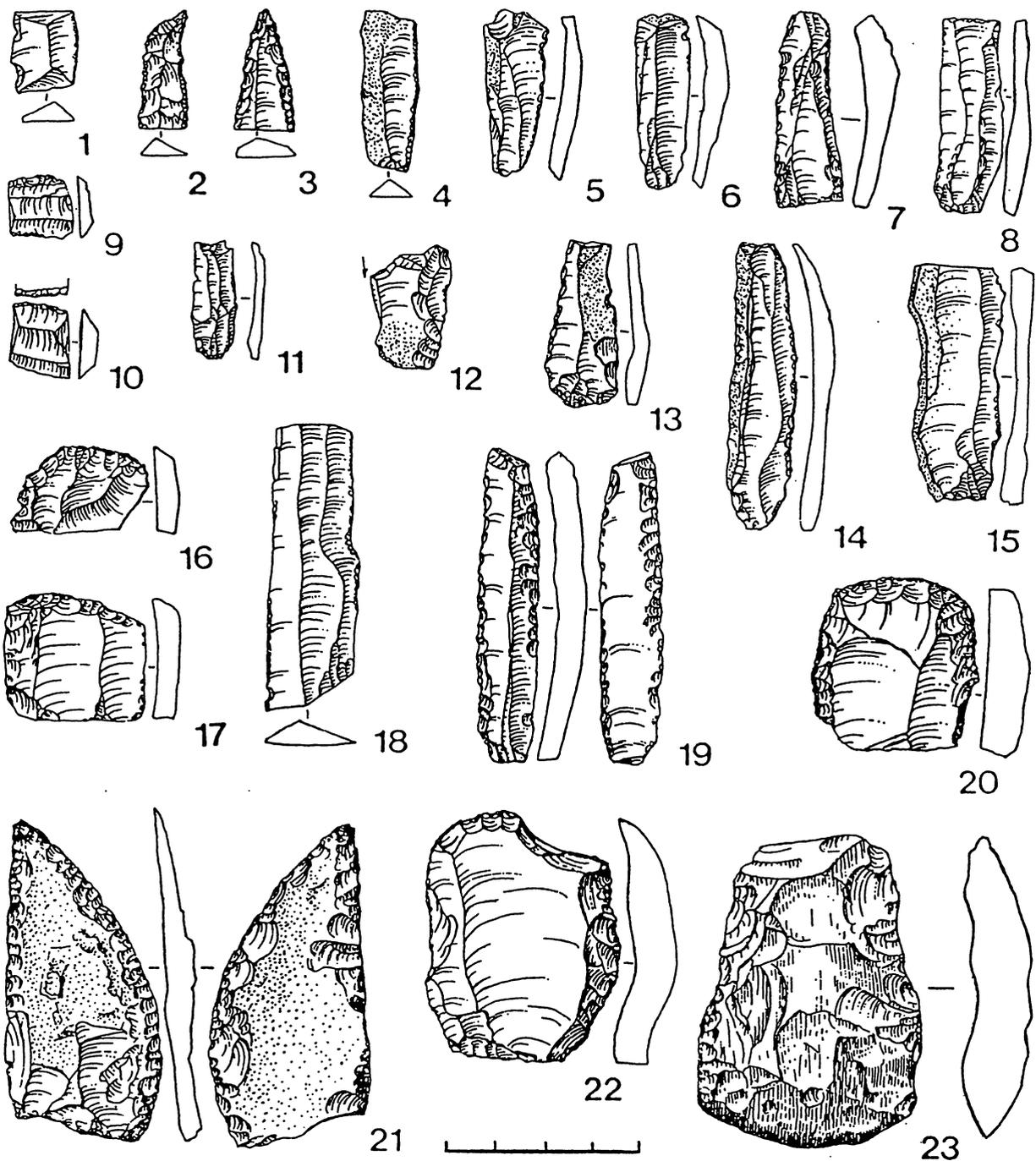

Рис. 31. Каменный инвентарь эпохи неолита поселения Чумойтло I.
 1 – скобель; 2, 3 – проколки; 4–8, 11, 13–15, 18, 19 – пластины; 9, 10 – вкладыши; 12 – резец;
 16, 17, 20 – скребки; 21 – пойс; 22 – скребло; 23 – тесло

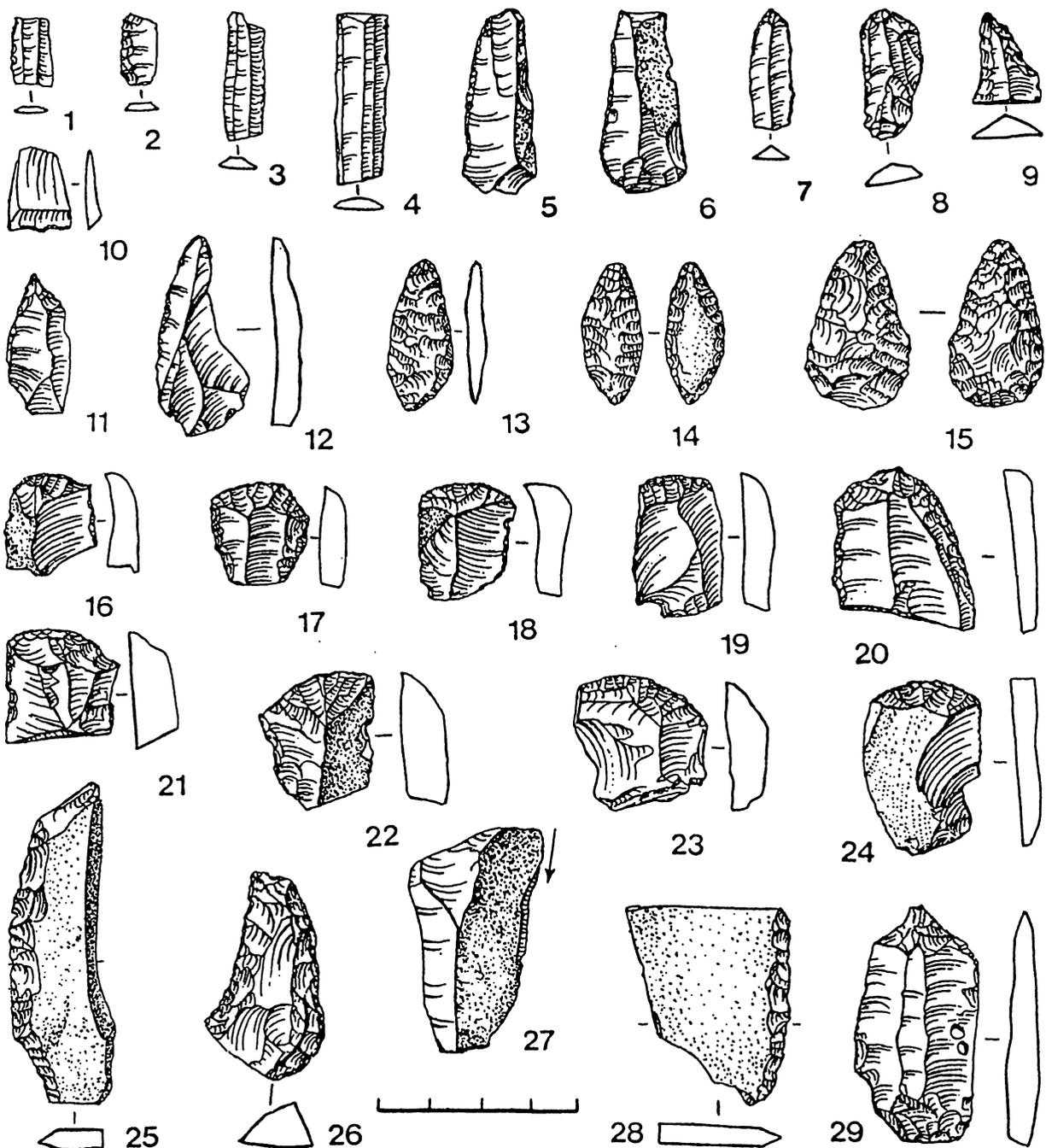

Рис. 32. Каменный инвентарь эпохи неолита поселения Чумойтло I.
 1-6, 8, 10 – сечения и пластины с ретушью; 7, 9, 11, 12, 29 – проколки и сверла; 13-15 – наконечники;
 16-24 – скребки; 25, 28 – ножи; 26 – нож-скобель; 27 – резец

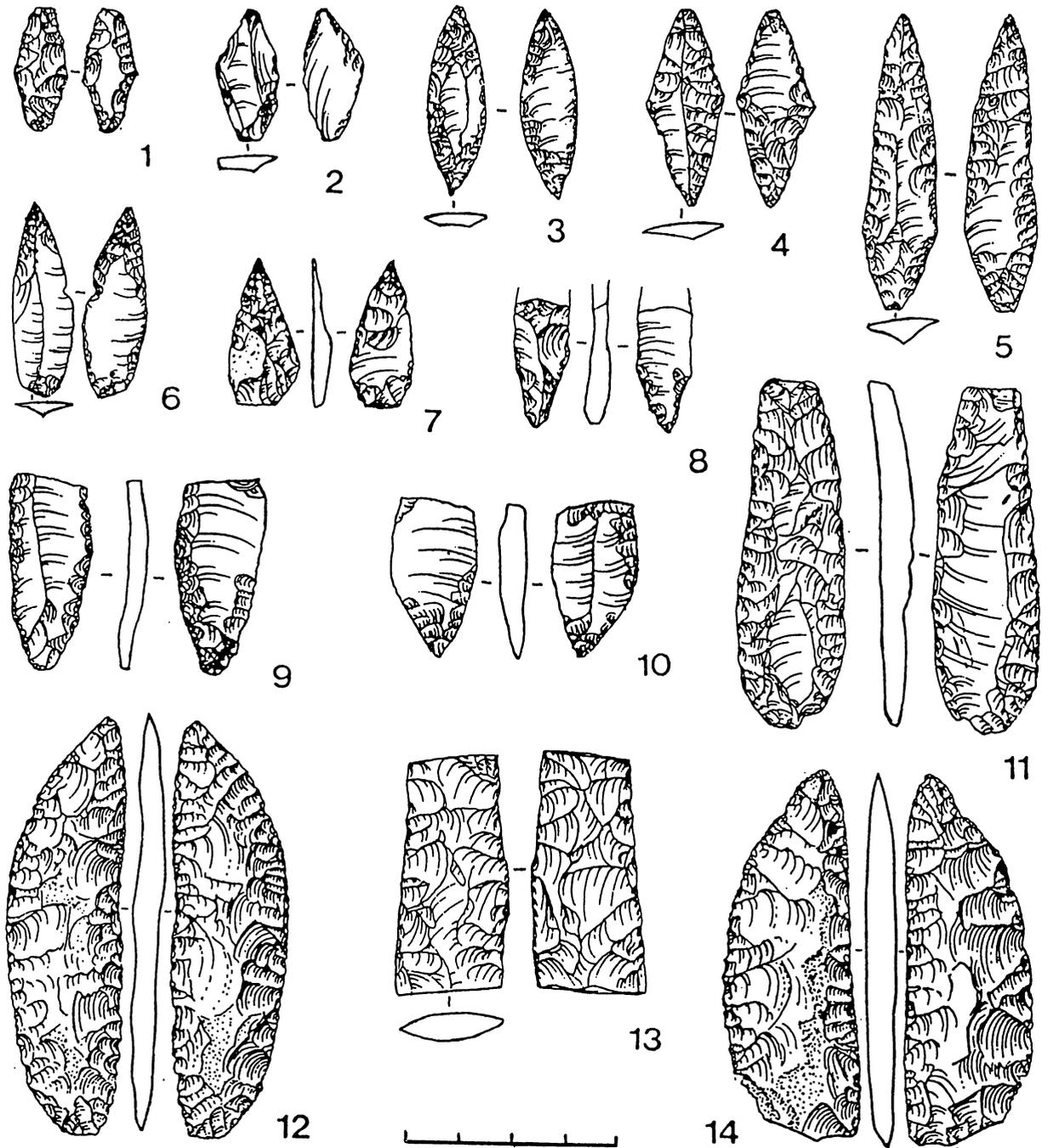

Рис. 33. Каменный инвентарь эпохи неолита поселения Кыйлуд III (по Т.М. Гусенцовой).
 1-11 – наконечники стрел и копий; 12-14 – ножи

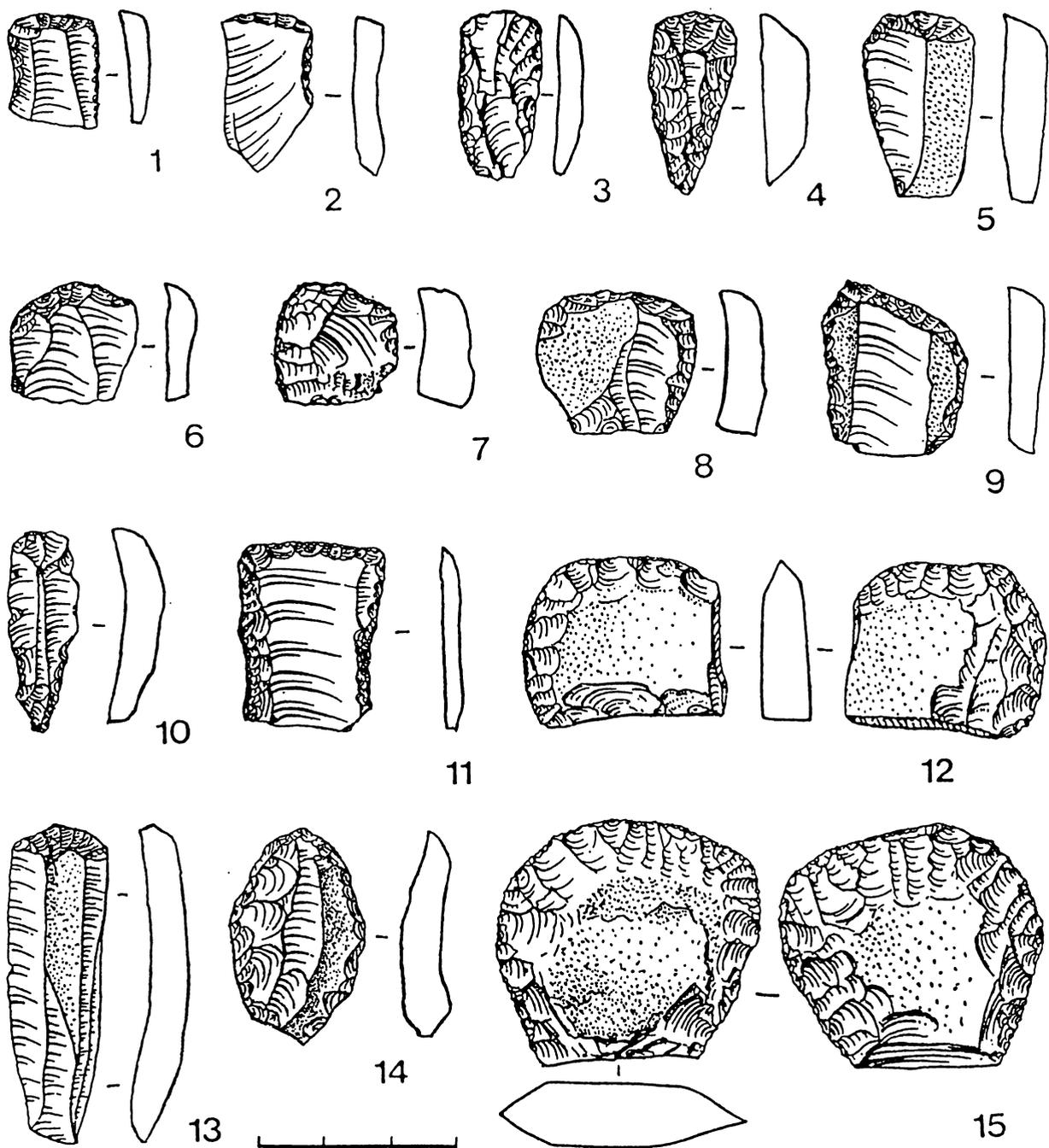

Рис. 34. Скребки эпохи неолита поселения Кыйлуд III (по Т.М. Гусенцовой)

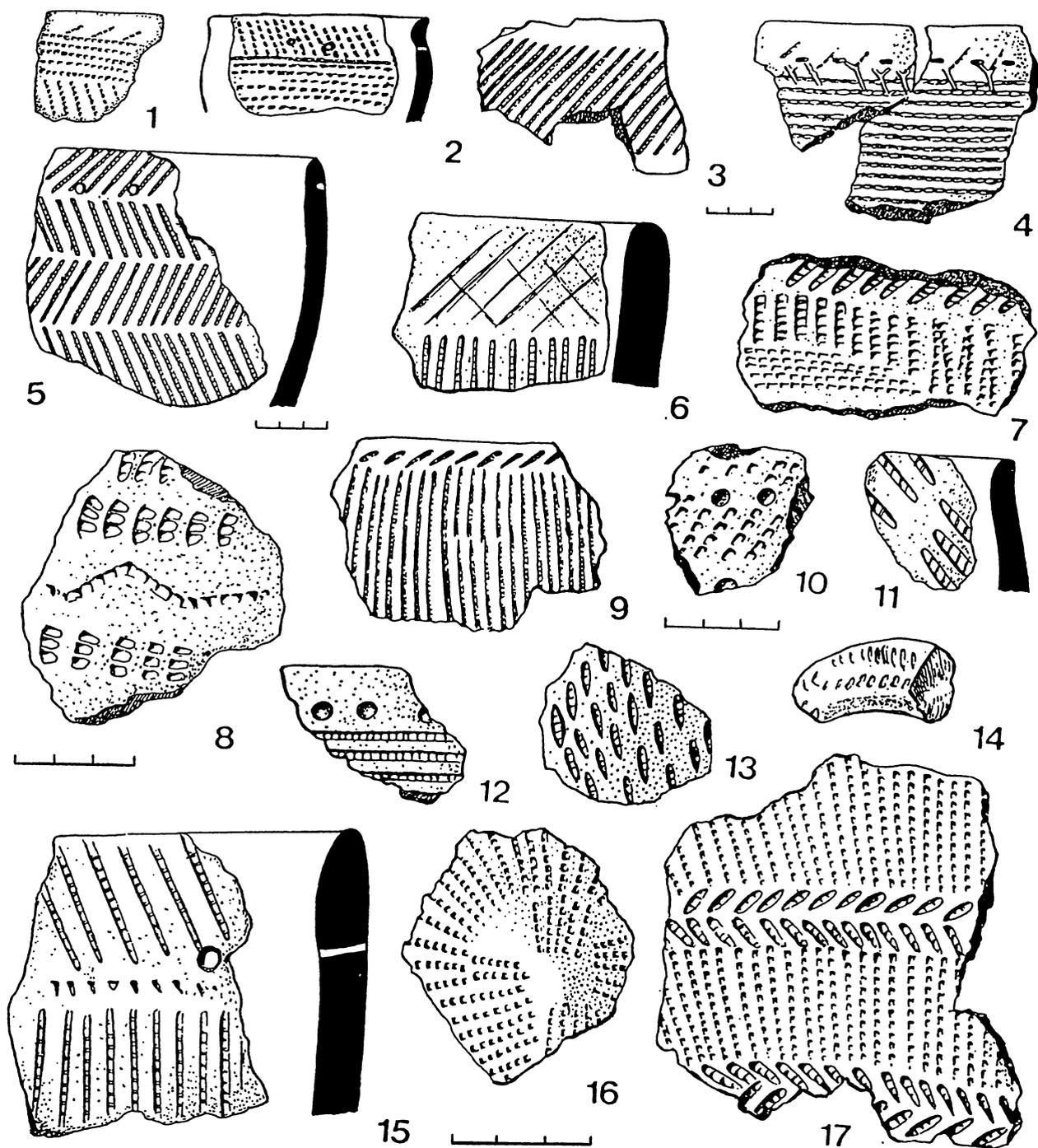

Рис. 35. Глиняные изделия памятников эпохи неолита Камско-Вятского междуречья (по Т.М. Гусенцовой).
 1–13, 15–17 – фрагменты керамики с гребенчатой орнаментацией; 14 – обломок фигурки.
 1, 2, 4, 5, 7 – Кыйлуд III; 3, 9, 13, 14, 16, 17 – Тархан I; 6, 8, 11, 15 – Моторки II;
 10, 12 – Ботлы III поселения

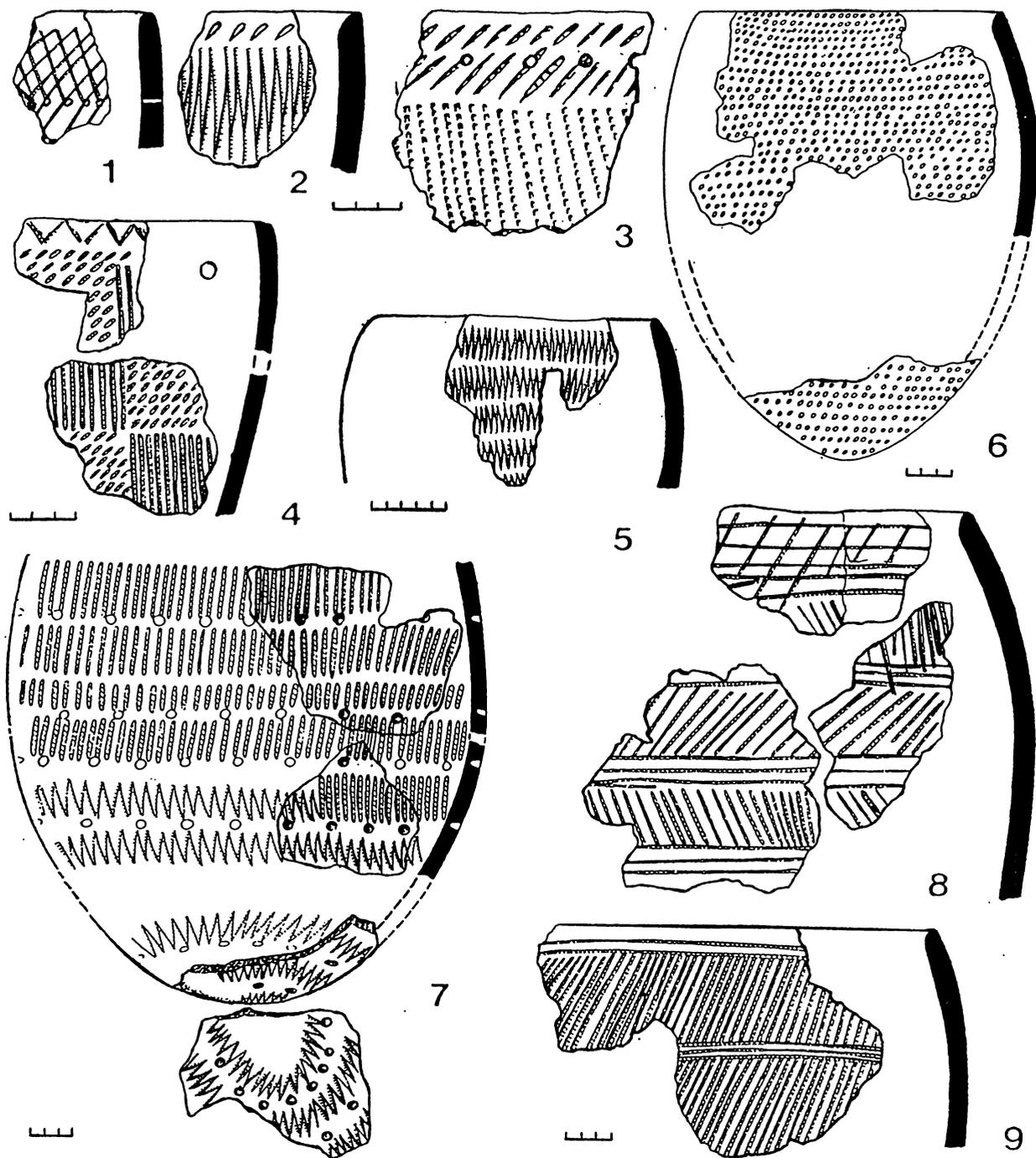

Рис. 36. Фрагменты керамики эпохи неолита памятников Камско-Вятского междуречья (по Т.М. Гусенцовой)
 1–5, 8, 9 – гребенчатая; 6, 7 – ямочно-гребенчатая. 1, 2, 5, 6, 8, 9 – Чумойтло I; 3 – Тархан I;
 4 – Кыйлуд III; 7 – Моторки II поселения

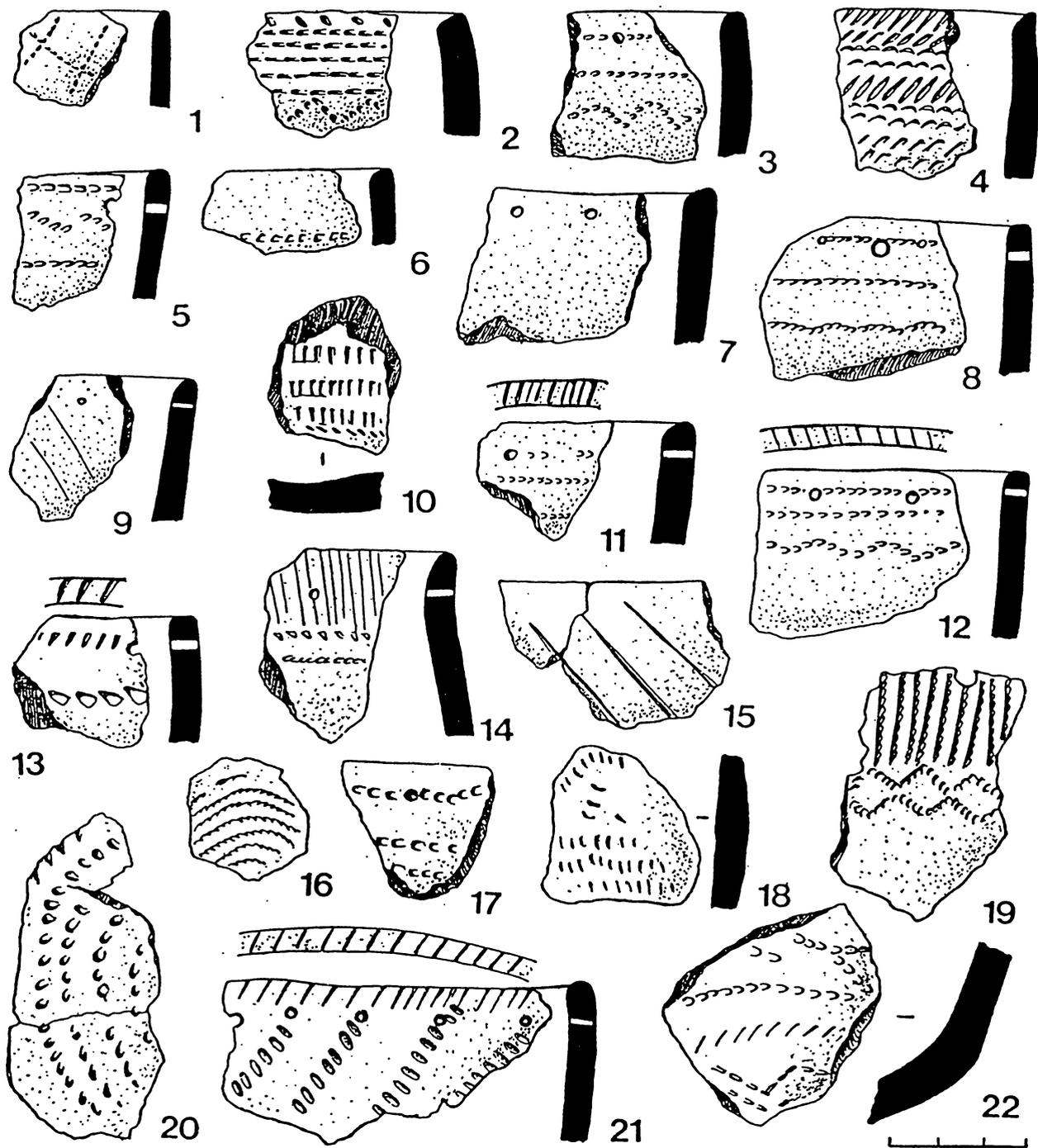

Рис. 37. Фрагменты керамики эпохи неолита с накольчато-прочерченным орнаментом памятников Камско-Вятского междуречья (по Т.М. Гусеицовой).

1, 2, 4, 9, 11, 14–16, 19, 20 – Кыйлуд II; 3, 5–8, 10, 12, 13, 17, 18, 21, 22 – Кыйлуд IV

Т.М. Гусенцова подразделяет ее на 5 групп: гребенчатую, гребенчато-ямочную, ямочную, накольчато-прочерченную, тонко-гребенчатую по типу насечки. Первые три группы она рассматривает вместе (1993, с. 188–190). Большинство сосудов имеют полуяйцевидную форму, округлое или приостренное дно, слегка закрытую горловину, диаметр 30–40 см и высоту, превышающую ее, как правило, на одну треть. Закрытость верха довольно значительна – разница диаметра тулова и горла составляет иногда 4–6 см. Стенки посуды толстые – 0,8–1,2 см. Цвет различных оттенков – от темно-серого до желтого. Изготовлена посуда способом жгутового или ленточного налета. Глиняное тесто содержит, по визуальному определению, шамот, песок и дресву. Поверхность, как внутренняя, так и внешняя, хорошо заглажена, иногда внутри сосуда видны следы заглаживания штампом или травой. На внутренней поверхности имеются следы нагара, образовавшиеся в результате нагревания содержимого сосуда с помощью раскаленных камней. Внешняя поверхность части фрагментов с поселений Кыйлуд III, Тархан I, Чумойтло I окрашена красной краской – охрой. Наружная поверхность сплошь орнаментирована оттисками разных вариантов гребенчатого штампа (рис. 35; 36–1–5, 8, 9): узкого и длинного, двух- и трехзубого, короткого овального, короткого прямого, длинного изогнутого, образующего узоры типа «шагающей гребенки». Иногда сосуды украшены еще и ямками, образующими горизонтальный ряд под венчиком или несколько рядов, выполняющих роль разделителей гребенчатых узоров (рис. 36–7). Иногда ямочные вдавления покрывают всю поверхность сосуда (рис. 36–6). Гребенчатые узоры выполнены в виде поясков из вертикально или наклонно поставленных оттисков, елочки, сетки, зигзага, заштрихованных треугольников.

Последние группы – накольчато-прочерченная (рис. 37) и тонко-гребенчатая по типу насечки как и неорнаментированные фрагменты,

по своим основным особенностям близки и должны, видимо, составлять одну группу. Назовем ее накольчатой. Форма этой посуды несколько иная, чем у гребенчато-ямочной. Она имела преимущественно плоское, иногда вогнутое внутрь, редко округлое дно, и прямые, реже слегка прикрытые или отогнутые наружу стенки. Диаметр днищ, как правило, – 10–14 см, высота и диаметр сосуда – 15–20 см. Венчик прямой или скошен внутрь. Толщина стенок чаще всего 0,7 см. Как наружная, так и внутренняя поверхность тщательно заглажена, иногда залощена. Известны случаи окраски охрой. Цвет фрагментов оранжевый, красно-коричневый или серый. В глиняном тесте видны примеси мелкодробленого шамота, песка, дресвы. Орнамент выполнен наколами преимущественно в технике отступающей палочки, а также изолированными наколами, прочерчиваниями и насечками. Наколы по форме овальные, треугольные, квадратные или в виде короткой, слегка изогнутой линии. Орнамент нанесен по верхней и придонной частям, а по днищу и краю горла сосуда часто фиксировался ряд сквозных ямок. Верхний край сосуда обычно украшен горизонтальным и зигзагообразным одним или несколькими поясками, выполненными наколами. Иногда они покрывают всю верхнюю часть сосуда. С помощью наколов выполнены треугольные, ромбические узоры или ряды прямых и наклонных вертикальных линий. Известен также орнамент в виде волнистых прочерченных линий, сочетающихся с плотными рядами наколов. Подобным образом украшена и придонная часть. Узоры на днищах сосудов представляли собой концентрические круги, параллельные линии, ромбическую сетку и другие геометрические композиции.

Кроме глиняных сосудов, на неолитических поселениях бассейна р. Вятки обнаружены пряслица (Кыйлуд II и IV), обломок грузила (Кыйлуд II) и обломок глиняной фигурки животного (Тархан I – рис. 35–14).

Вопрос о происхождении и соотношении гребенчатой, гребенчато-ямочной и накольчатой керамики эпохи неолита в Приуралье

является одним из остродискуссионных. Гребенчатый комплекс керамики большинство исследователей связывают с Прикамьем и относят к камской неолитической культуре, выделенной, охарактеризованной и очерченной О.Н. Бадером (1951, 1961, 1973).

Археологическая культура – это группа археологических памятников, характеризующихся сходством признаков: особенностями глиняной посуды, погребального обряда, традициями домостроения, украшениями костюма и оружием, расположенных на определенной территории и отражающих состояние одного общественного организма (этнуса) на определенном этапе социально-экономического развития (А.П. Смирнов, 1964а, с. 3–10; И.С. Каменецкий, 1970, с. 18–36; В.Ф. Генинг, 1976а, с. 30 и др.).

Позже, с исследованием новых стоянок в Нижнем Прикамье и на Средней Волге, камская неолитическая культура была названа А.Х. Халиковым волго-камской (1969, с. 40). Она занимала весь бассейн Камы, включая и ее крупные притоки, иногда значительно выходя за его пределы. Так, на севере керамика камского типа известна на средней (Г.М. Буров, 1973, с. 83–94; И.В. Верещагина, 1989) и нижней Вычегде (Л.Л. Косинская, 1988). Западная граница общности проходит по устью р. Оки, а южная – по Самарскому поволжью (А.Х. Халиков, 1973, рис. 1). Восточная граница, обозначенная Уральским хребтом, иногда несколько отдалается от него (О.Н. Бадер, 1973, с. 105). Таким образом, бассейн р. Вятки представляет одну из многочисленных локальных групп археологической общности с гребенчатой орнаментацией керамики, а именно – ее западный вариант.

В последнее десятилетие высказана интересная точка зрения о заимствовании самой идеи и основных технологических приемов изготовления глиняной посуды гребенчатого типа населением камской неолитической культуры у населения юго-западных районов лесостепного Поволжья, в том числе Сурско-Мокшанского междуречья (И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, 1988, с. 41).

Относительно этнической принадлежности носителей гребенчатого неолита Приуралья особого разнообразия мнений нет. О.Н. Бадер последовательно отстаивал их прямое отношение к финно-уграм (О.Н. Бадер, 1973, с. 106), А.Х. Халиков считал волго-камский неолит протофинским (1986, с. 5–6), Д.А. Крайнов – протобалтским (1986, с. 7). Несмотря на полученный в последние годы огромный новый массивный материал, наиболее аргументированной представляется точка зрения О.Н. Бадера.

Как уже выяснилось, на некоторых поселениях Камско-Вятского междуречья гребенчатая посуда обнаружена совместно с посудой гребенчато-ямочного типа. Свое название она получила вследствие того, что имела орнамент, в котором пояски различных гребенчатых узоров были разделены горизонтальными рядами редких круглых ямок. Ее ареал, главным образом, – Среднее Поволжье. Северная граница идет по среднему течению рек Вятки, Ветлуги, Унжи, Костромы, Рыбинскому водохранилищу, северо-западная – по Псковской области, юго-западная – по верховьям Дона, южная – по Пензенской области, восточная – по левобережным притокам Вятки (В.В. Никитин, 1996, с. 73–74). Во многих периферийных районах гребенчато-ямочная керамика сосуществовала с гребенчатой, представляя не всегда делимые стратиграфически комплексы. Такое положение зафиксировано в Сурско-Мокшанском междуречье (В.П. Третьяков, 1987, с. 32–54; В.П. Третьяков, А.А. Выборнов, 1988), в Пензенской области (Р.С. Габяшев, 1982, с. 10–11) и в других местах. Смещение камской (гребенчатой) и волго-окской (гребенчато-ямочной) традиций на некоторых поселениях В.В. Никитин объясняет консолидацией родственного финно-угорского населения под влиянием контактов с пришлым населением с накольчатой керамикой. Он убежден, что на памятниках Марийского Поволжья отразилась сложная картина взаимодействия этих трех основных групп населения неолитического времени (В.В. Никитин, 1996, с. 72).

По данным В.В. Никитина, балахнинские племена (ямочно-гребенчатая керамика) не проникали на восток дальше верховьев р. Илети (1996, с. 69), а появление гребенчато-ямочной керамики в бассейне р. Вятки – результат контактов с населением Средней Волги, изготовлявшим посуду в ямочно-гребенчатой манере (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 196).

Что же касается этнической принадлежности носителей ямочно-гребенчатой керамики, то большинство ученых относят их к финскому этносу (А.Я. Брюсов, 1940, с. 101; 1952, с. 254; М.Е. Фосс, 1952; Н.Н. Гурина, 1961; П.Н. Третьяков, 1966, с. 59–62; А.А. Формозов, 1959, Д.Я. Телегин, 1973, с. 183; Д.А. Крайнов, Н.А. Хотинский, 1977; В.В. Никитин, 1988, с. 7–20). Однако существует и другая точка зрения: культуры ямочно-гребенчатой керамики оставлены палеоевропейцами (В.В. Напольских, 1990, с. 49–51).

Время существования гребенчато-ямочных комплексов в Марийском Поволжье определяется концом IV – началом III тыс. до н. э. (В.В. Никитин, 1996, с. 71). Комплексы гребенчато-ямочного типа в Камско-Вятском междуречье датируются Т.М. Гусенцовой (1981, с. 109–115) серединой IV – третьей четвертью III тыс. до н. э., что подтверждается датой по C^{14} для поселения Чумойтло I (4170±90 лет от наших дней).

Третья группа посуды эпохи неолита Камско-Вятского междуречья – с накольчатой орнаментацией – имела довольно широкое распространение. Традиция украшения посуды наколами в технике отступающей палочки была хорошо известна в Зауралье, Прикамье, Среднем Поволжье, лесостепном Заволжье, Окско-Сурском бассейне и на Дону. Всего в Волго-Камье насчитывается около 130 объектов, содержащих эту керамику, однако среди них лишь чуть более 10 памятников имеют выразительные и многочисленные остатки, в остальных представительность материала весьма ограничена (А.А. Выборнов, 1992, с. 45–46).

А.Х. Халиков в обобщающей работе по неолиту Волго-Камья (1969, с. 49) высказал

суждение, что посуда с накольчато-прочерченным орнаментом маркирует ранний неолит и вырастает из местного мезолита. Это положение вызвало серьезные сомнения (П.Н. Третьяков, 1966, с. 38). В.П. Третьяков (1972, с. 52) обратил внимание на отсутствие местных корней накольчатой керамики и ее южное происхождение. Эта точка зрения была поддержана и О.Н. Бадером (1978, с. 74). Вопрос о соотношении различных групп посуды в Прикамье был обстоятельно исследован И.В. Калининой (1979, с. 5–27), которая, проведя анализ комплексов керамики, пришла к выводу о существенном различии гребенчатой и накольчатой керамики. Ею же была развита мысль о возможном совместном бытовании носителей разных культурных традиций не только на одной территории, но и на одном поселении (1981, с. 34).

В результате исследований последних десятилетий истоки накольчатой керамики исследователи видят в Подонье, где известны комплексы подобного облика как в раннем, так и в позднем варианте (А.Т. Синюк, 1979, с. 63–72, 1986). Продвижение этого населения происходило по р. Оке и ее притокам, что отразилось в материалах рязанского и ульяновского неолита (В.В. Никитин, 1996, с. 107, 111). А.А. Выборнов (1992, с. 53) считает наиболее вероятным исходным районом накольчатых комплексов Волго-Камья нижнее Посурье, Посвияжье или лесостепное Поволжье. География размещения памятников показывает процесс освоения пришлыми группами волго-камской территории. Памятники раннего и развитого неолита концентрируются в устье Камы и в Марийском Поволжье (А.Х. Халиков, 1969; Р.С. Габяшев, 1976, с. 42–46; В.В. Никитин, 1996, с. 76–113), а объекты позднего неолита с накольчатой керамикой – значительно севернее: в Иско-Бельском междуречье (Р.С. Габяшев, 1977, с. 25; А.А. Выборнов, 1992, с. 59), а также в Среднем (В.П. Денисов, 1961, с. 14) и Верхнем Прикамье (А.Ф. Мельничук, Л.В. Пономарева, 1984, с. 55–56; А.А. Выборнов, 1992, с. 64).

Это явление отражает исторический процесс освоения Прикамья лесостепным населением. Памятники с накольчатой керамикой Камско-Вятского междуречья типологически также относятся к развитому и в большей степени к позднему неолиту (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 193). Поздний возраст ее подтверждается и радиоуглеродной датой Чумойтло I – 4170 ± 90 лет от наших дней.

Оценивая в целом характер керамического материала Камско-Вятского междуречья, следует признать, что он демонстрирует довольно сложную картину этнического состава этой области. Основу составляли носители гребенчатой орнаментации керамики, истоки культуры которых уходят в местный мезолит. Известны памятники этого типа как ранней, так и развитой и средней поры (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 192–193). В развитом неолите ощущается опосредованное воздействие на этот массив населения Поволжья, что проявилось в появлении здесь гребенчато-ямочной керамики. В развитом же неолите наблюдается проникновение в местную среду лесостепного населения, принесшего сюда керамику с накольчато-прочерченной (накольчатой) орнаментацией. В процессе внедрения пришлое население, приспосабливаясь к новым условиям и взаимодействуя с местным населением, усваивало его традиции домостроения, особенности местного каменного сырья и техники производства каменных орудий. В результате на многих поселениях накольчатая и местная – гребенчатая и гребенчато-ямочная – посуда образует единый, не разделяемый комплекс.

Что касается абсолютного времени существования эпохи неолита, то оно, очевидно, по современным данным, должно укладываться в пределы V – третьей четверти III тыс. до н. э. (Т.М. Гусенцова, 1993, с. 193–194). Однако верхняя дата может быть несколько удревнена, так как некоторые специалисты считают ее явно омоложенной (В.В. Никитин, 1996, с. 78).

Хозяйство населения эпохи неолита было комплексным, присваивающим с развитием

охоты, рыболовства, собирательства. Состав добываемых животных был в основном тем же, что и в эпоху мезолита. На поселении Кыйлуд III были собраны кости лося, северного оленя, косули, на Новомултанском, Ботылях IV – кости северного оленя, а лося и куницы – на Кочуровском I. Основными промысловыми животными были лось и северный олень. Именно эти виды дважды в год переселялись из Приуралья в Зауралье и обратно, так как снежный покров в Приуралье почти в 2 раза больше, чем в Зауралье. Поэтому в поисках растительной пищи стада животных откочевывали за Урал, а весной возвращались. На пути следования стад устраивались засады, ловчие ямы, загоны, что значительно повышало результативность охоты (А.Е. Теплоухов (1811–1885 гг.), 1880, с. 26).

Орудия охоты – наконечники копий и дротиков – стали более многочисленными и разнообразными по форме и размерам. Например, наконечников стрел обнаружено 85 экземпляров, а подразделены они на 11 типов. Наиболее вариативны эти предметы на поселениях Кыйлуд III (19 наконечников, 7 типов), Моторки II (17 наконечников, 6 типов) и Ботыли IV (21 наконечник, 6 типов) (Т.М. Гусенцова, 1993, табл. 18). В неолите все более совершенствуются орудия для снятия и выделки шкур – скребки. Их собрано 553 экземпляра, среди которых выделено 10 типов (там же, табл. 16). Больше всего скребков на Ботылях IV (147 экз.), Моторках II (114 экз.), меньше в Кыйлуде III (65 экз.), Чумойтло I, раскоп I (58 экз.) и Тархане I (54 экз.). Ножи неолитической поры Камско-Вятского междуречья необычайно дифференцированы (15 типов), и число их весьма значительно (162 экз.) (там же, табл. 17). Довольно много орудий этого типа на Ботылях IV (56 экз.), в Кыйлуде III (43 экз.) и Моторках II (18 экз.). На остальных памятниках эти находки единичны.

Другой важнейшей отраслью хозяйства продолжало оставаться рыболовство. Размещение памятников на низких местах, ближе к воде, в устье мелких речек убеждает в этом.

Основной способ ловли, видимо, сетевой. На некоторых поселениях найдены гальки с перехватом, глиняные биконические грузила. Рыбу ловили и с помощью плетеных приспособлений, на удочку, били острогой. Вероятно, многие приемы охоты, рыбной ловли и бытовой жизни люди заимствовали у наблюдаемого животного мира. Подсмотрев, как крадется за добычей зверь, как ловит рыбу птица, как строит свои хатки бобер, люди, конечно, использовали этот богатейший опыт живой природы. Охотники и рыболовы были оснащены многими средствами передвижения – лодками, лыжами, санями, нартами.

Неолит – это время так называемого климатического оптимума. Не случайно численность неолитического населения резко возросла, много неолитических памятников появилось не только на крупных реках (Каме, Вятке), но и на их притоках: Кильмези, Вале, Уве, Мултанке, Нылге и др. Практически вся территория современной Удмуртии в неолитическую пору была довольно плотно заселена. Сравнительно высокая производительность охоты и рыболовства в условиях климатического оптимума позволила населению Приуралья жить в условиях прочной оседлости. Появились долговременные поселки, оставившие мощные культурные слои, с довольно сложным размещением различных по форме и конструкции жилищ (Моторки II, Чумойтло I). По подсчетам Т.М. Гусенцовой, на одном таком поселении одновременно могли обитать 30–50 человек (1993, с. 25).

Изменение характера поселений вполне закономерно и связано не только с благоприятными условиями среды и увеличившейся численностью населения, но и с производственной деятельностью людей этого времени. Анализ В.Н. Чернецовым (1905–1970 гг.) наскальных изображений Урала, в том числе и неолитических, показал, как много среди них изображений охотничьих и рыболовных сооружений (1971, с. 70–85, рис. 50). Это загоны, ловчие ямы, давящие или запутывающие ловушки, различные изгороди, огороды

или засеки. Этнографические материалы позволяют реально представить себе эти постройки и величину трудовых затрат, необходимых для их функционирования. Так, огороды представляли собой изгородь в одну или две жерди, устраиваемую на лесных тропах, по которым ходили звери, длиной иногда до 20 км. Две такие изгороди ставили параллельно тропе до удобного места, в котором выкапывали глубокую ловчую яму, куда зверь проваливался, или ставили луксамострел. Иногда с помощью таких изгородей загоняли стада оленей и косуль на специальную, огороженную забором площадку, где их и убивали по мере необходимости. Оленьи стада насчитывали до 20–50 и более особей. Достаточно популярными на Урале и в Сибири были засеки: срубленные и поваленные под углом к звериной тропе деревья, которые вынуждали стада копытных двигаться к ловчим ямам, загонам или самострелам. Длина таких засек достигала иногда 70 верст (В.Н. Чернецов, 1971, с. 74). Изготовление ловчих ям также требовало огромного труда. Они были не менее 2 м глубиной и 1,5–2 м длиной и шириной. Кроме того, стенки их надо было укреплять и обновлять, чтоб звери не могли выскочить.

Для рыбной ловли тоже нужно было затратить много сил: расчистить удобные русла речек, соорудить сложные многометровые запруды. Да и строительство больших домов вряд ли было возможно в одиночку или малыми группами. Все это вполне объясняет возросшую численность коллективов и, как следствие, большую площадь поселений и мощность культурных слоев, чем в мезолите.

В это время продолжала развиваться родовая организация, следы которой дошли до конца XIX в. в виде названий родов, сохранившихся в связи с существованием культа родовых святынь – воршудов. Лучше всего этот культ сохранился у удмуртов, где удалось восстановить около 70 названий родов, но воршудная топонимика известна и у коми-пермяков (15 названий) и коми-зырян (3) (И.Н. Смирнов,

1890, с. 39; А.С. Кривошекова-Гантман, 1973, с. 38; М.Г. Атаманов, 1982, с. 125). Воршуд – это семейно-родовое божество, охраняющее благополучие кровных родственников, образующих экзогамное объединение. Судя по этимологиям, предложенным М.Г. Атамановым, некоторые названия родов происходят от названий птиц (глухарь, сойка, дрозд, цапля, ворона, орел, перепелка, рябчик, королек, цыпленок, соловей, тетерев, сова, лебедь, стриж), насекомых (водяной паук, кузнечик, жучок, пчела, майский жук, блоха), пушных зверей (белка, норка, куница), рыб (щука, пескарь) и т. д. (М.Г. Атаманов, 1988, с. 24–45). Отсутствие в наименованиях родов domesticiрованных животных указывает на сложение этой системы задолго до появления производящего хозяйства в Приуралье.

Характеристика этого времени по данным языка финно-угорского происхождения в целом совпадает с характеристикой по археологическим данным, но в отдельных случаях более детально. О занятиях рыболовством свидетельствуют слова – *чешуя, морда, запруда, виды*

рыб. На важную роль охоты указывает разнообразный лексикон: *глухарь, куропатка, еж, утка, журавль, куница, ласка, лебедь, лиса, гусь, соболь, бросать, колоть, толочь, следить, гнать*. Собирательство было одним из важных занятий и отражено общефинно-угорскими словами *пчела, мед, смородина, малина, клюква*. О достаточно сложном домостроении и быте говорят слова: *шалаш, дверь, постель, шкура, на которой лежат*. Уже в те времена людям докучали разнообразные паразиты (*блоха, вошь, древоед, короед, муха, овод, слепень, мышь, червь, червяк*). Домашние занятия людей этой поры были весьма разнообразны, они умели *точить, острить, долбить, резать, рубить, связать, шить*. Обогатилась и терминология родства: *сын, младший брат, младшая сестра, сирота, тесть, свекор*. Весьма показателен набор терминов, отражающих духовную жизнь: *душа, дух, тень, черт, колдун*. От этого времени сохранились числительные: *один, два, три, четыре, пять, шесть, двадцать, сто* (Основы финно-угорского языкознания..., 1974, с. 411–426; 1976, с. 214–215).

ГЛАВА III

НАСЕЛЕНИЕ КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА И БРОНЗЫ

3.1. Эпоха энеолита в Камско-Вятском бассейне (конец III – середина II тыс. до н. э.)

Периоды энеолита и бронзового века характеризуются довольно теплым климатом, сменяющимся несколькими фазами кратковременного похолодания (Н.В. Кинд, 1976, с. 9–11). В это время на севере нашего региона располагалась подзона средней и южной тайги, а на юге – подзона хвойных и широколиственных лесов. В подзоне тайги обитали лось, северный олень, медведь, бобр, белка, бурундук, заяц и другие виды животных, различная боровая (глухарь, тетерев, рябчик) и водоплавающая (гусь, лебедь, утка) дичь. Животный мир хвойно-широколиственных лесов был более богат. Кроме таежных обитателей, здесь водились зубр, косуля, кабан, европейская лесная кошка, выхухоль, соболь.

Энеолит (меднокаменный век, халколит) отличается от неолита прежде всего тем, что в это время люди стали использовать новое сырье, первый металл – медь. Сначала медных изделий было еще очень мало, но постепенно они стали более многочисленными и разнообразными. Древнейшие медные изделия известны на Ближнем Востоке – от Анатолии и Палестины на западе до Иранского нагорья на востоке (Е.Н. Черных, 1972, с. 16–27). Первоначально использовали самородную медь, которую обрабатывали как камень – ковкой. При этом выяснилось, что под

ударами она может принимать определенную форму. Вначале из меди изготавливали преимущественно украшения. Следующий этап – отливка медных изделий в простейших формах. Выявлению этого качества меди – плавиться и принимать иную форму – способствовал, наверное, наглядный пример: случайно упавший в огонь кованный из самородной меди предмет. На следующей ступени люди освоили выплавку металла из руд, но продолжали отливать предметы в простейших, односторонних формах. И лишь на четвертом этапе, продолжая совершенствовать цветную металлургию и металлообработку, мастера создали искусственный сплав – бронзу (сплав меди и олова) и научились отливать объемные предметы в двусторонних формах. Бронза значительно тверже меди и имеет меньшую (700–900°) температуру плавления, чем медь (1084°). Для добычи меди в Приуралье использовали месторождения медистых песчаников по руслу рр. Камы, Белой, Вятки, Волги (рис. 38). Возникновение медной металлургии стимулировало прогресс многих областей жизни населения Приуралья. Оживленные, иногда кровопролитные контакты с соседями привели к распространению у финно-угров не только металлообработки, но и первых навыков скотоводства, а возможно, и земледелия. В связи с появлением новых форм хозяйства шла перестройка всей экономики за счет раз-

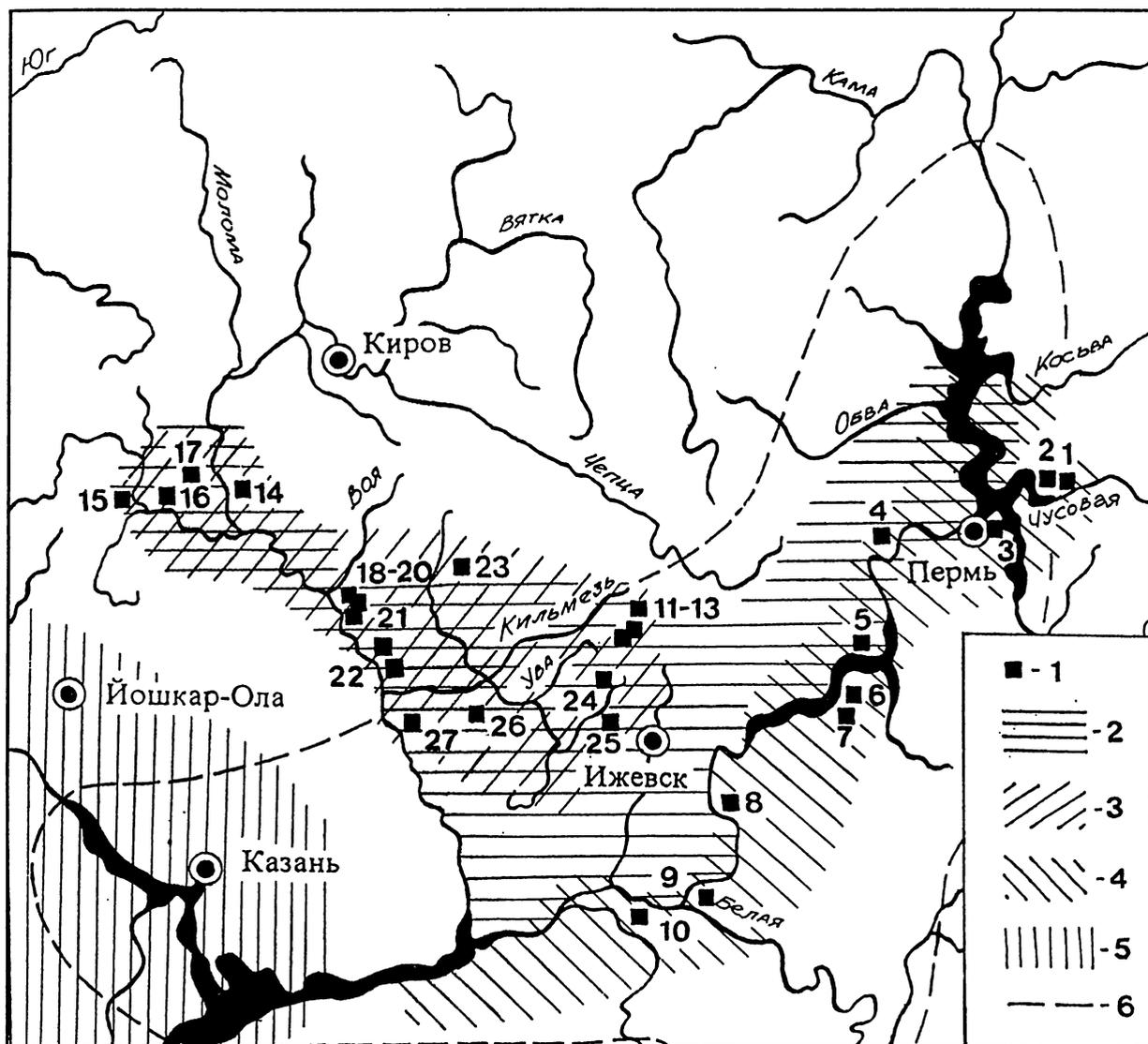

Рис. 38. Карта основных памятников и культур эпохи неолита Камско-Вятского междуречья.

1 – поселение; 2 – поволжская культура; 3 – юртиковская культура; 4 – гаринская культура (по Наговицыну); 5 – восточный ареал волосовской культуры; 6 – границы распространения медистых песчаников Приуралья (по Е.Н. Черных). 1. Бор I; 2. Бор II; 3. Астраханцево; 4. Ново-Ильинское III; 5. Первомайское; 6. Басенький Борок; 7. Тюремка I; 8. Непряха IV; 9. Сауз II; 10. Татарско-Азибейское II; 11–13. Среднее Шадбегово I–III; 14. Чернушка I; 15. Худяковское; 16. Арбажский льнозавод; 17. Усть-Криушицкое I; 18. Усть-Лудяна II; 19. Юртик; 20. Буй I; 21, 22. Аркуль III, IV; 23. Лобань I; 24. Кочуровское IV; 25. Кыйлудское IV; 26. Моторки II; 27. Усть-Курья

вития различных видов деятельности. Экономические изменения повлекли за собой социальные перемены. В энеолите начался процесс распада первобытнообщинных отношений. Этому во многом способствовали контакты финно-угров Приуралья с другими этническими группами.

До 30-х гг. нашего столетия памятники эпохи энеолита в Прикамье не были известны. О существовании этой эпохи свидетельствовали лишь случайные находки, выявляющиеся довольно редко в разных местах Прикамья (О.Н. Бадер, 1961, с. 7–8; Л.А. Наговицын, 1980, с. 3–11). В 1934–1937 гг. Н.А. Прокошев впервые открыл и исследовал энеолитические поселения в устье р. Чусовой – Астраханцевское, Северное, у Гремячего ручья и др. (1935, 1940, 1941). Здесь было изучено 13 жилищ-полуземлянок, по которым впервые воссоздана общая картина энеолитического поселка. Однако настоящий бум открытий энеолитических поселений в Прикамье связан с деятельностью О.Н. Бадера и его учеников. За 13 лет работы (1947–1959) ими было раскопано 55 поселений этого времени, около 30 тыс. кв.м культурных слоев и 163 жилища (1961, с. 10). Опираясь на эти уникальные материалы, О.Н. Бадер (1961) обосновал выделение энеолитической культуры в Прикамье, назвав ее турбинской. Отнеся выделенную культуру к эпохе бронзы, разработал ее хронологию, разделив эти древности на два этапа – гаринский и борский; определил 2 локальных района – чусовской и осинский; рассмотрел вопросы развития хозяйства и происхождения культуры. В дальнейшем тщательный анализ металла Турбинских могильников позволил Е.Н. Черных доказать разновременность их материалов и гаринско-борских поселений (1970, с. 9, 108). Сейчас термин «турбинские» по отношению к ним не используется. Гаринско-борские материалы стали уверенно сопоставляться с эпохой энеолита.

В 60–80-е гг. энеолитические памятники были открыты и исследованы в других районах Прикамья. В частности, еще один локаль-

ный вариант обозначился в устье р. Белой и прилегающем Прикамье (Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин, 1978, с. 148–159; Р.С. Габяшев, 1981, 1982; А.А. Выборнов, 1984, 1992, с. 41–45).

Первые объекты эпохи энеолита на р.Вятке с сохранившимся слоем и остатками жилищ были открыты и исследованы в 1955–1956 гг. В.П. Денисовым (1958) – поселения Буй I, II. В дальнейшем раскопки на поселении Буй I были продолжены М.И. Трефц (1985, с. 124–143). Значительные работы были проведены С.В. Ошибкиной на поселении Юртик, где ею были изучены остатки 5 жилищ (1976, с. 176–192; 1980, с. 29–69). Большие работы на памятниках энеолита в бассейне р. Вятки были проведены Т.М. Гусенцовой, руководившей раскопками в 1973–1981 гг. жилых сооружений на поселениях Лобань I (Т.М. Гусенцова, Л.А. Сенникова, 1980, с. 118–134), Курекгурт III (1980а, с. 143), Кочур IV (1980, с. 70, 95). Самые обширные раскопки были проведены экспедицией Удмуртского университета на Худяковском энеолитическом поселении на р. Пижме, где в разные годы разными исследователями (Л.Д. Макаров, 1976, 1978; Р.Д. Голдина, 1979, 1980; Л.А. Сенникова, 1981) изучено более 2000 кв. м площади и около десятка жилищных впадин. Л.А. Сенниковой были организованы раскопки поселений Этанцы II (Л.А. Сенникова, 1980, с. 141–143) и Лобань III. Энеолитический комплекс обнаружен и при раскопках Буйского городища Л.И. Ашихминой (1976, 1978, 1979) и Н.И. Шутовой (1977). Пожалуй, наиболее целенаправленные работы по изучению энеолита – остатки 11 жилищ на поселениях Усть-Лудяна II, Аркуль III, IV, Чернушка I и Среднее Шадбегово I – на р. Вятке были осуществлены Л.А.Наговицыным (1976, с. 124–139; 1978, с. 129–147; 1980а, с. 96–117 и др.). Им же проведено и обобщение энеолитических материалов бассейна р. Вятки (1983; 1987, с. 28–34). С начала 80-х гг. памятники этого типа продолжает изучать Н.П. Девятова (Карпова): проведены большие раскопки на поселениях Арбажский льнозавод на р. Пиж-

ме (1983–1986, 1988), Усть-Криуша на правом берегу р. Вятки (1988) и Усть-Курья – на левобережье (1989). Накопленные к настоящему времени энеолитические материалы Прикамья и их успешный анализ многими исследователями позволяют довольно полно охарактеризовать этот период.

Гаринская культура занимала территорию Прикамья от устья р. Иньвы до устья р. Вятки (рис. 38). Сейчас известно более 120 памятников этого типа, на 90 из них проведены исследования. Культура имеет фундаментальную источниковую основу. Основные памятники ее – поселения Астраханцевское, Выстелишна, Забойное I и др. Полуземляночные жилища, соединенные углубленными в землю переходами (рис. 39–10), имели подквадратную форму, углублены в грунт до 1 м. Жилища размерами примерно 6×8 м отапливались обычными кострищами. Глиняная посуда гаринцев – округлодонная с открытым устьем (рис. 39–17, 20, 21). Глиняное тесто содержит растительные примеси. Поверхность, как внутренняя, так и внешняя, имеет следы заглаживания гребенчатым штампом. Орнамент сплошь покрывал стенки посуды, образуя горизонтальные пояски из оттисков гребенчатого штампа или простейшие геометрические композиции (ромбы, зигзаги, сетку). Узоры выполнены чаще всего гребенчатым штампом и ямками (О.Н. Бадер, 1961, с. 27–38). На многих гаринских памятниках встречалась глиняная посуда с примесью в тесте талька и слюды. По мнению О.Н. Бадера, она имеет зауральское происхождение. Разнообразен каменный инвентарь: листовидные, ромбические, с усеченным основанием наконечники стрел (рис. 39–1–5), скребки на отщепках (рис. 39–7, 8), ножи разных вариантов, в том числе с «пуговкообразным» черешком (рис. 39–15, 16), короткие шлифованные топоры (рис. 39–9), тесла, долота, стамески. Гаринские памятники примечательны первыми медными изделиями – это ножи (рис. 39–19), шилья (рис. 39–11, 13), крючки (рис. 39–12).

Исследования последних десятилетий привели некоторых ученых к мысли, что гаринские и борские памятники представляют собой не разновременные хронологические стадии, как считал О.Н. Бадер (1961), а скорее всего отражают локальные различия. Проведенные сопоставления показали, что борские памятники демонстрируют набор архаичных признаков по сравнению с гаринскими, имеют не повсеместное распространение, а являются, видимо, небольшим локальным вариантом обширной гаринской общности, расположенным в устье р. Чусовой (Л.А. Наговицын, 1990, с. 82–96; А.Ф. Мельничук, 1990, с. 97–104).

В процессе исследования памятников бассейна р. Вятки, как ее правобережного притока р. Пижмы, так и левобережных – рр. Чепцы и Кильмези, Л.А. Наговицын обосновал выделение самостоятельной юртиковской культуры (1983). В предварительном плане ранее эта проблема была поставлена С.В. Ошибкиной (1976, с. 191–192; 1980, с. 57–65) и Т.М. Гусенцовой (1980, с. 83, 93). По данным Л.А. Наговицына, сейчас известно свыше 40 памятников этого времени, 15 из них исследованы стационарно (1987, с. 32). Однако накопленные материалы позволили аргументированно высказать иную точку зрения. Сопоставление кремневого инвентаря и керамических материалов вятских памятников с волосовскими и гаринскими привело В.П. Третьякова (1940–1985 гг.) к убеждению, что памятники юртиковского типа представляют собой локальный вариант гаринской (гаринско-борской) культуры (1984, с. 73–88). На схожесть с гаринскими некоторых типов металлических изделий, в частности ножей, обращает внимание и С.В. Кузьминых (1980, с. 150). Кроме того, территориальная близость к гаринской общности, относительная немногочисленность памятников (40 – юртиковской и 120 – гаринской), удивительная схожесть материальной культуры заставляют прислушаться к этим суждениям и оценивать юртиковский куст как локальный вари-

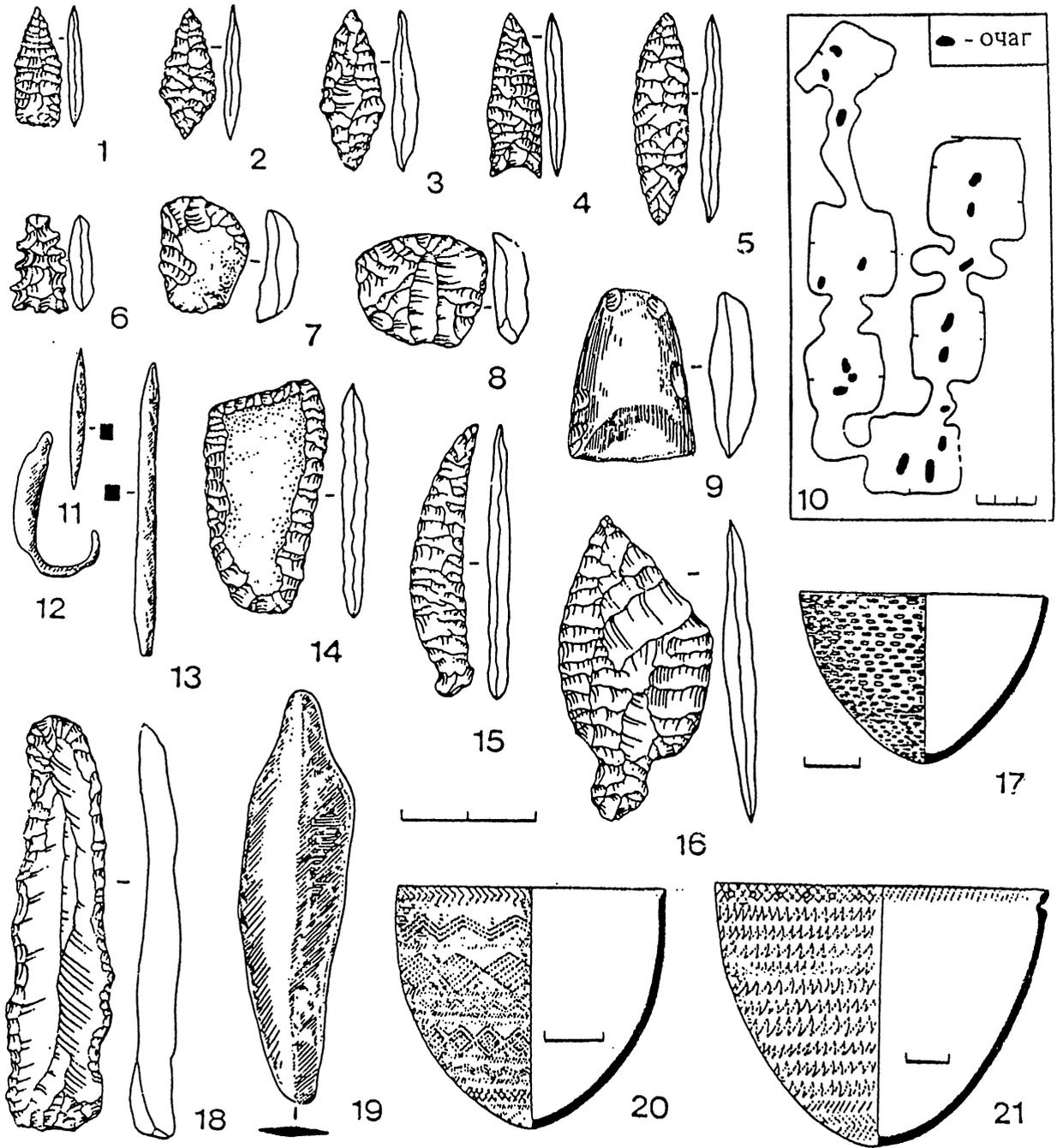

Рис. 39. Поселения камского варианта гаринской культуры (по Л.А. Наговицкому).

1-5 - наконечники стрел; 6 - зооморфная фигурка; 7, 8 - скребки; 9 - топор; 10 - план жилища; 11, 13 - шилья; 12 - крючок; 14-16, 18, 19 - ножи; 17, 20, 21 - сосуды. 1, 6 - Выстелишна; 2, 4, 8, 16, 21 - Бор I; 3, 17-19 - Бор V; 5, 10, 14, 15 - Астраханцево; 7, 9 - Забойное; 11 - Тюремка III; 12 - Камский Бор II; 13 - Баселький Борок; 20 - Первомайское поселение. 1-9, 14-16, 18 - камень; 11-13, 19 - медь; 17, 20, 21 - глина

ант гаринской общности наряду с икско-бельским, осинским и чусовским.

В свое время О.Н. Бадер обратил внимание на неоднородность энеолитических материалов Прикамья. Кроме гаринского, он выделил и особый посленеолитический пласт – новоильинский (1961а, с. 218–226). Эту точку зрения развивает в настоящее время один из ведущих исследователей этой проблемы – А.А. Выборнов, который считает, что «флажковый», саузовский комплекс керамики сосуществует с позднегаринским и относится, видимо, к позднеэнеолитическому времени (А.А. Выборнов, 1984, с. 56). Интенсивные раскопки памятников не- и энеолитической поры в Приуралье, выявление комплексов разного типа, наблюдение за стратиграфией культурных слоев дают возможность другим исследователям иначе оценивать соотношение гаринских и новоильинских древностей, а именно: размещать новоильинские комплексы после неолита, но перед гаринской культурой (рис. 40) (Р.С. Габяшев, 1981, с. 24; И.Б. Васильев, Р.С. Габяшев, 1982, с. 7; Т.М. Гусенцова, 1980, с. 70–72; Л.А. Наговицын, 1984, с. 114–115; Н.П. Девятова, 1993, с. 75–77).

Сейчас в бассейне р. Вятки известно 16 памятников, содержащих посуду новоильинского типа, на 10 из них проведены раскопки. Наиболее многочисленны серии новоильинской керамики получены на Кочуровском IV (3546 фрагментов, 76 сосудов, раскопки Т.М. Гусенцовой), Среднее Шадбегово I (6500 фрагментов, 68 сосудов, раскопки Л.А. Наговицына), Арбажский льнозавод (1412 фрагментов, 150 сосудов, раскопки Н.П. Девятовой), Усть-Курьинском (1630 фрагментов, 78 сосудов, раскопки Н.П. Девятовой) поселениях.

Поселения этого типа располагались на невысоких (3–5 м) надпойменных террасах в устьях небольших речек (Н.П. Девятова, 1993, с. 76). Жилища, вытянутые вдоль края террас и соединенные друг с другом крытыми переходами, имели в плане прямоугольную (рис. 41–1) или подквадратную форму, углублены в грунт на 0,3 – 0,8 м, площадь их – 30–144 кв. м.

Стены были возведены из горизонтально уложенных бревен, закрепленных вертикальными деревянными стояками. Очаги-кострища располагались по осевой линии сооружений. Крыша была, вероятно, двускатной.

Новоильинская посуда сделана из глины с примесью шамота, песка, иногда – органических остатков. Получили распространение сосуды с прямым (рис. 42–5–8, 43–3–9) или незначительно закрытым горлом (рис. 42–4, 9, 10). Днища – конические (рис. 43–9), округлые (рис. 42–11), редко – плоские или слегка уплощенные (рис. 43–10). Поверхность сосудов гладкая, но известна и посуда, обработанная изнутри гребенчатым штампом. Сосуды украшены ямочным (рис. 42–10, 43–4) и гребенчатым штампом (рис. 42–4–11, 43–1–3, 5–10). Узоры более разреженные, чем на неолитической посуде, орнаментальные композиции часто перемежаются свободными зонами. Орнаментация проста, близка неолитической и состоит из поясов параллельных гребенчатых отпечатков, зигзагов, ромбов, треугольников, сетки (Л.А. Наговицын, 1987, с. 30). По мнению Н.П. Девятовой, вятская новоильинская посуда отличается отсутствием «флажковых» узоров, большей геометризацией, большей плотностью орнаментального поля и широким использованием овального зубчатого штампа (Н.П. Девятова, 1993, с. 76).

Орудия изготовлены из серого и голубовато-молочного галечного кремня. Основная масса их выполнена на отщепках. Сохраняется довольно высокий процент пластин. Ножи, скребки, острия сделаны на крупных пластинах (рис. 44–11, 13, 15–17). Выразительны наконечники стрел (рис. 41–9, 16) и копий (рис. 44–12, 14): листовидные, ромбические и треугольно-черешковые. Многочисленны различные варианты скребков (рис. 41–2–8; 44–2, 5–10): трапециевидные, подквадратные, прямоугольные. Характерны саблевидные, трапециевидные, листовидные ножи так называемых фигурных форм. Хорошо известны тесла, долота, топоры из сланца и кремня (Л.А. Наговицын, 1987, с. 30).

Ш тыс. до н. э.		II тыс. до н. э.				I тыс. до н. э.				Тысячелетия	
2 четв.	3 четв.	4 четв.	1 четв.	2 четв.	3 четв.	4 четв.	1 четв.	2 четв.	3 четв.	4 четв.	Четверти
26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15
2700	2600	2500	2400	2300	2200	2100	2000	1900	1800	1700	1600
Века											Годы
0											100
1											200
2											300
3											400
4											500
5											600
6											700
7											800
8											900
9											1000
10											1100
11											1200
12											1300
13											1400
14											1500
15											1600
16											1700
17											1800
18											1900
19											2000
20											2100
21											2200
22											2300
23											2400
24											2500
25											2600
26											2700
Неолит											
Гаринско-борская											
Новоильинская											
Л.А. Наговицын, А.А. Выборонов											
Гаринская											
О.Н. Бадер											
Ерзовская											
В.П. Денисов, А.Д. Вечегомов											
Ананьинская											
Луговская, Бьргыдинская											
Ананьинская											
Л.И. Ашихмина, В.Ф. Генинг											
Бронзовый век											
Ананьинская											
С.В. Ошибкина, Л.А. Наговицын, Л.А. Сенникова, В.В. Ванчиков											
Новоильинская											
Н.П. Девятова											
Поволжье											
Ананьинская											
Волосовская											
Приказанская											
Ананьинская											
А.Х. Халиков											
Чирковская											
А.Х. Халиков											
Волосовская											
Чирковская											
Приказанская											
Ананьинская											
В.В. Никитин, Б.С. Соловьев											
Б.С. Соловьев											
Балановская											
А.Х. Халиков											
Балановская											
Д.А. Крайнов, Б.С. Соловьев											
А.Х. Халиков, А.Д. Прякин											
Абашевская											
Абашевская											
В.С. Горбунов, С.В. Большов											
Абашевская											
Е.М. Черных, С.В. Кузьминых											
Постананьинские А.К.											
Среднее Прикамье											
Бассейн Вятки											
Нижняя Кама											
Поволжье и Прикамье											

Рис. 40. Соотношение датировок разных авторов культур эпохи неолита и бронзы Камско-Вятского междуречья

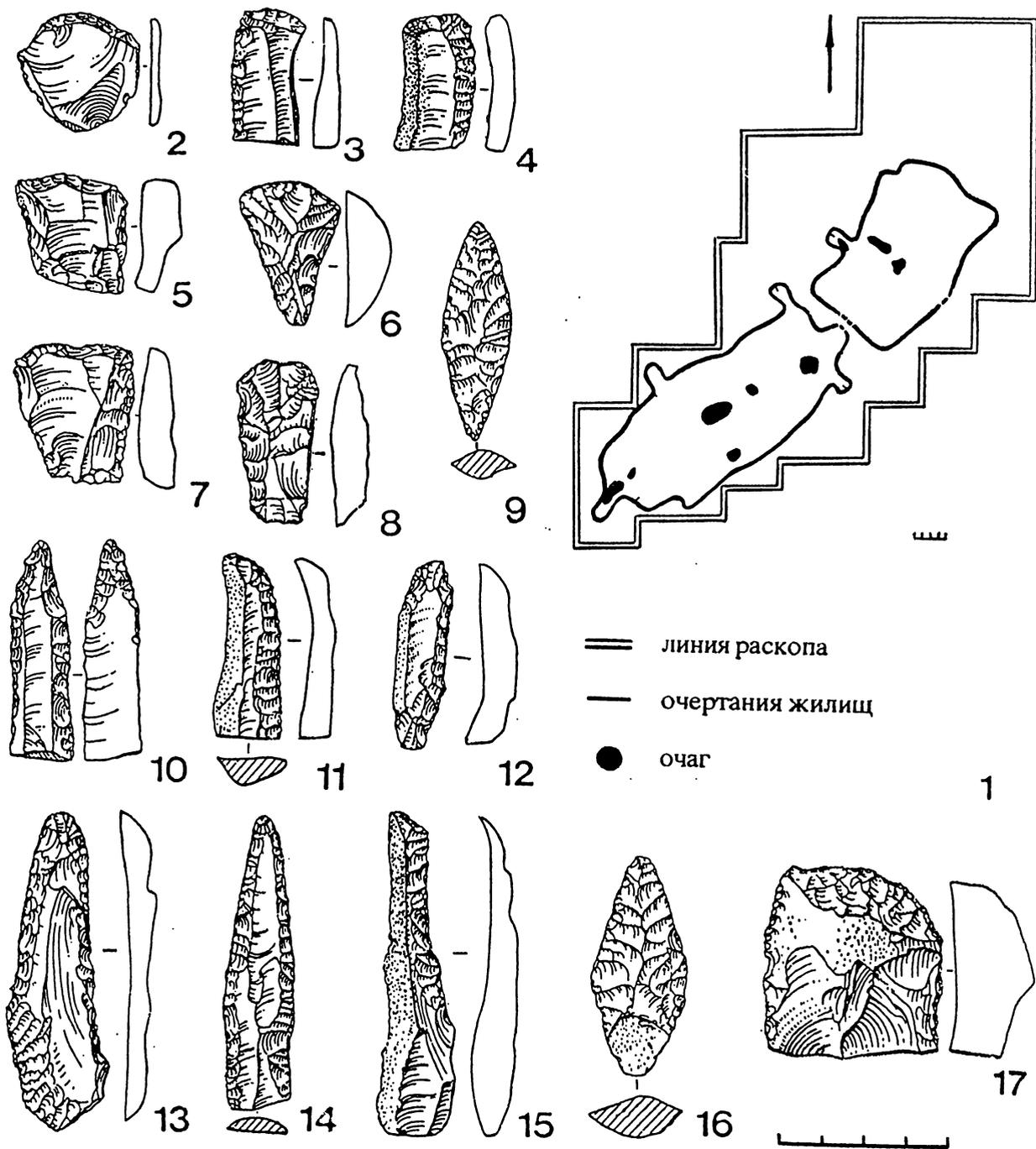

Рис. 41. Кочуровское IV поселение новошльинской культуры эпохи энеолита (по Т.М. Гусенцовой).
 1 – план жилища; 2–8 – скребки; 9, 16 – наконечники стрел; 10 – сверло; 11–15 – ножи; 17 – скребло

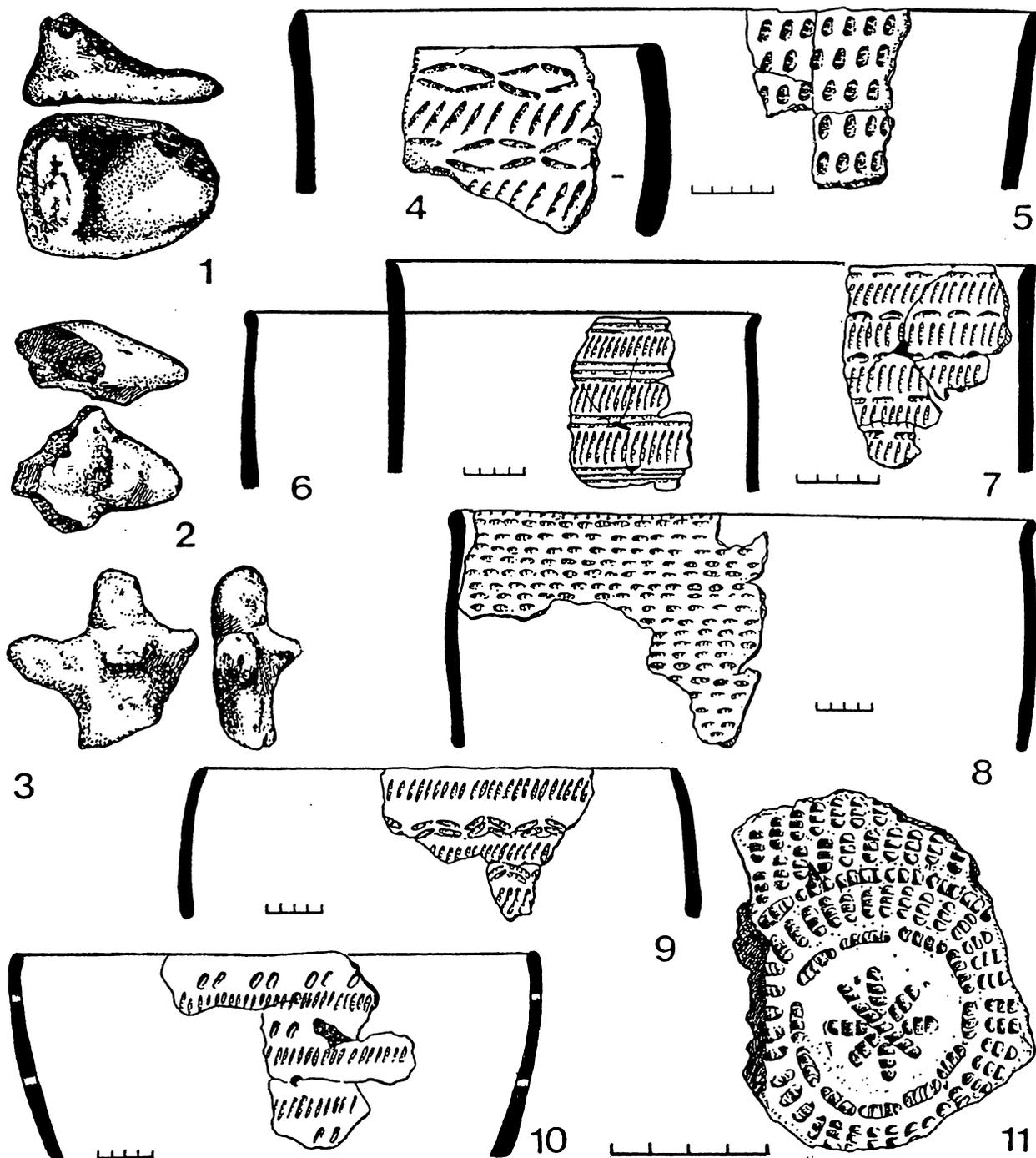

Рис. 42. Глиняные изделия новоильинской культуры эпохи энеолита Кочуровского IV поселения (по Т.М. Гусецкой).

1-3 – обломки фигурок; 4-11 – фрагменты керамики

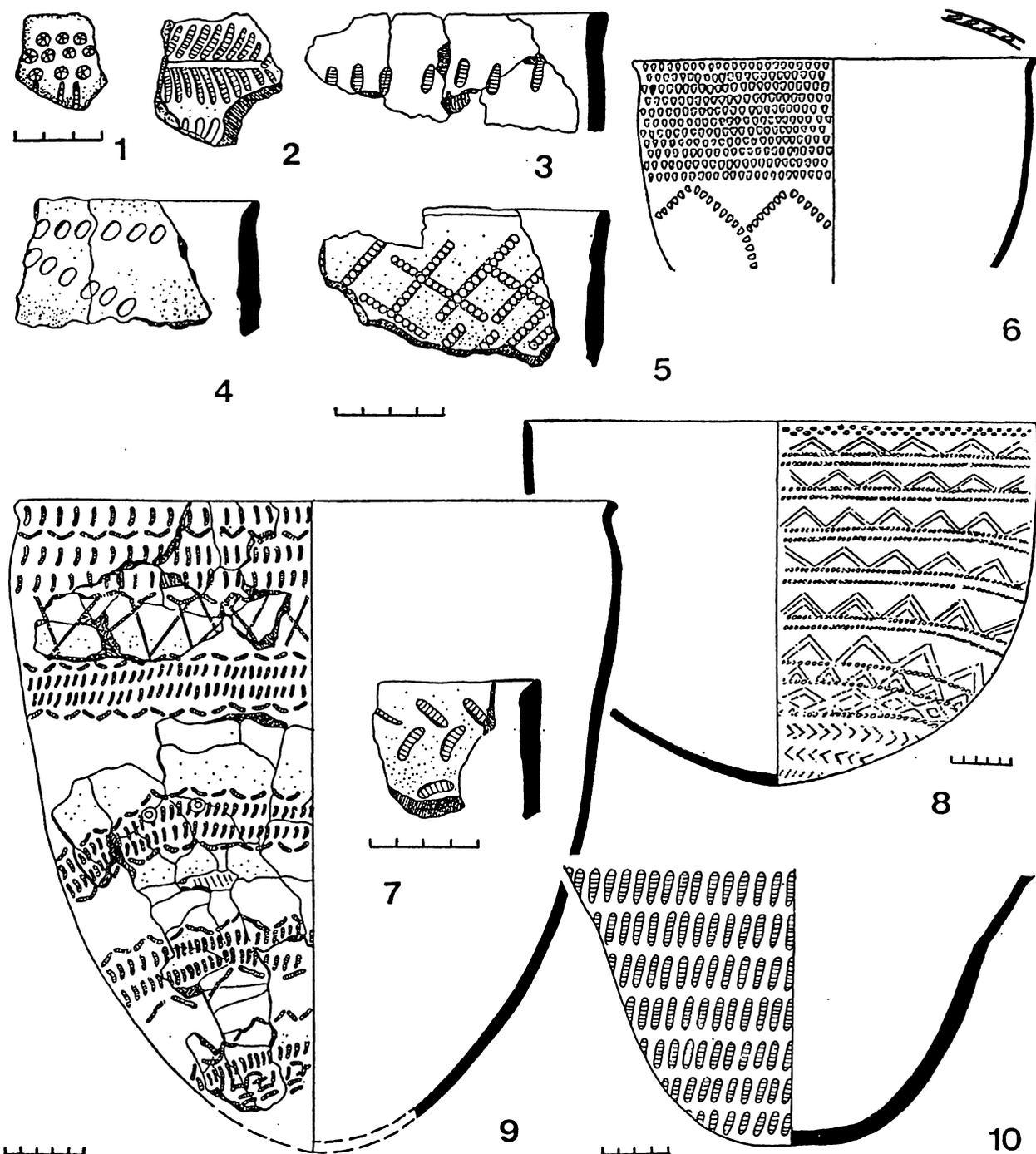

Рис. 43. Глиняная посуда памятников новоильинской культуры эпохи энеолита бассейна р. Вятки
(по Н.П. Девятовой).

1, 6, 9 – Арбажский льозавод поселение; 2–5, 7, 8, 10 – Усть-Курьинское поселение

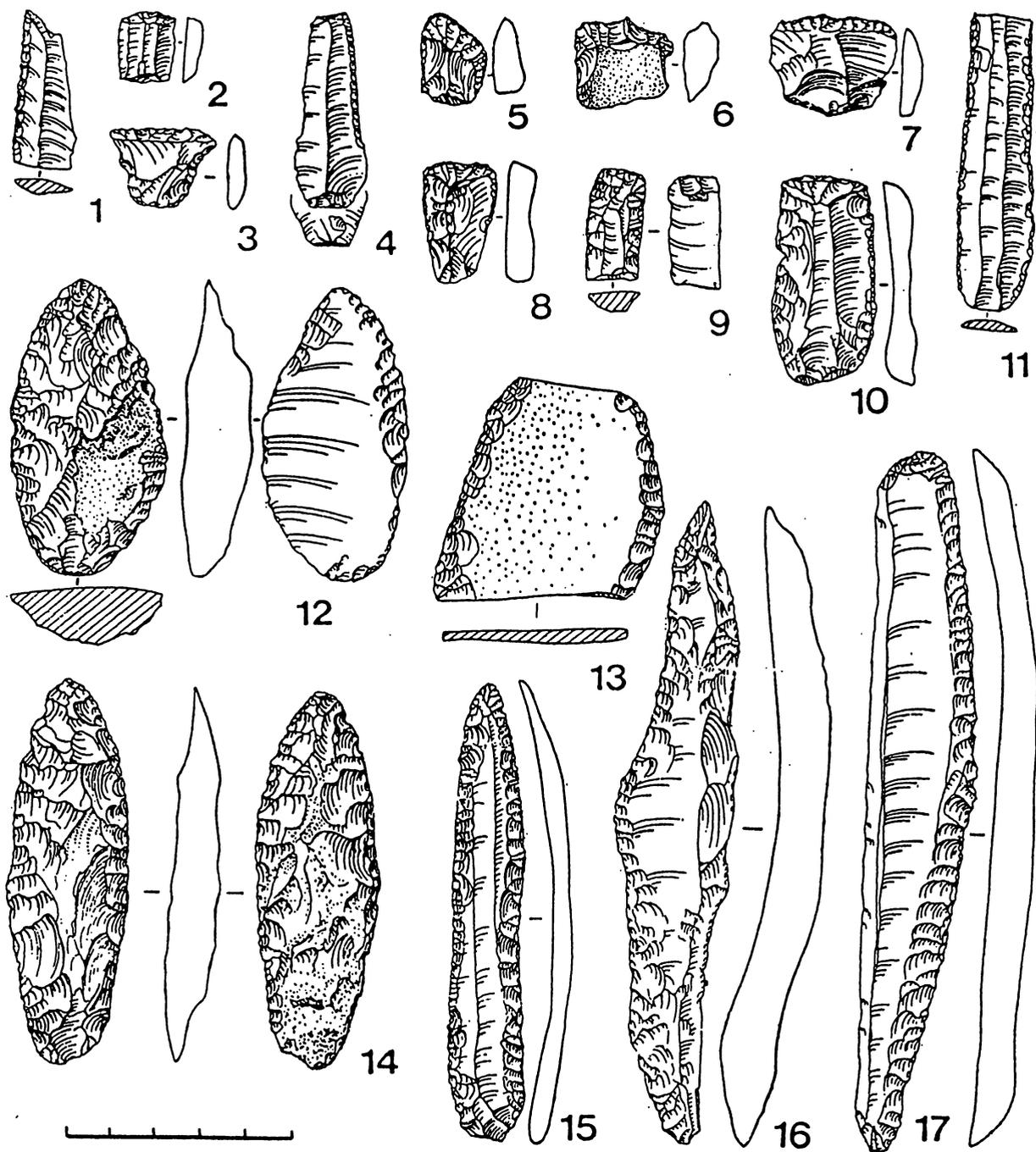

Рис. 44. Кремневый инвентарь новошльинской культуры эпохи энеолита Кочуровского IV поселения
(по Т.М. Гусенцовой).

1, 4, 11 – пластины с ретушью; 2, 5–10 – скребки; 3 – трапеция; 12–15, 17 – ножи; 16 – комбинированное орудие – сверло, нож, скобель

Новоильинская культура обнаруживает генетическое родство с предшествующими неолитическими. О.Н. Бадер предполагал ее сложение в Нижнем Прикамье на основе носителей гребенчатой керамики под влиянием населения с ямочно-гребенчатыми традициями (1961, с. 191, 194–196). Это предположение было подтверждено исследованиями последних десятилетий (И.Б. Васильев, Р.С. Габяшев, 1982, с. 7; Р.С. Габяшев, 1982, с. 32). Как утверждает Л.А. Наговицын, новоильинская культура сложилась одновременно в Прикамье и Вятском крае (1987, с. 31) и имела в каждом регионе свои особенности, определяемые географическим положением и воздействием соседей.

Что касается абсолютного времени существования поселений этого типа, то разброс мнений здесь необычайно широк и следует, очевидно, учитывать дискуссионность проблемы. О.Н. Бадер датировал новоильинские комплексы XVI – началом XIV в. до н. э. (1961, с. 194). В последнее время Л.А. Наговицын настаивает на удревнении их почти на тысячелетие, предполагая время их существования первую половину – середину III тыс. до н. э. (1984, с. 119; 1987, с. 29). Представляется более взвешенной позиция археолога из Марий Эл В.В. Никитина, который датирует финальные материалы неолита, близкие к новоильинским, серединой – третьей четвертью III тыс. до н. э. Это положение подтверждается и радиоуглеродной датой из очага Дубовского VIII поселения (4360 ± 50) (В.В. Никитин, Б.С. Соловьев, 1990, с. 106). Новоильинская культура, очевидно, явилась основой для сложения гаринской культуры эпохи энеолита.

Вятский (юртиковский) локальный вариант гаринской культуры занимал бассейн средней и нижней Вятки. Известно более 40 поселений, на 18 из которых произведены стационарные исследования. Лучше всего изучены поселения Юртик (С.В. Ошибкина, 1980), Аркуль III, Усть-Лудяна II (Л.А. Наговицын, 1983, 1984), Лобань I (Т.М. Гусенцова, Л.А. Сенникова, 1980), Худяки (Р.Д. Гол-

дина, Л.А. Сенникова). Энеолитические поселения часто располагались на площадках памятников предшествующих эпох.

Жилища этого времени (рис. 45–1; 47–1) по конструкции напоминают новоильинские – прямоугольные в плане, площадью 34–164 кв. м с коридорообразными входами, поставлены, как правило, вдоль водоема, с очагами по центральной оси или у входа. Как и новоильинские, углублены в грунт на 0,4–0,8 м.

Глиняная посуда (рис. 46, 48) содержит в тесте растительные примеси. Внутренняя и внешняя поверхность гладкая, иногда со штриховыми полосами. Сосуды с округлым, приостренным или уплощенным дном имеют цилиндрическое или слегка закрытое устье. Венчики плоские или слегка утолщены. В отдельных случаях наблюдается оформление шейки. Орнамент сильно разрежен или вообще отсутствует. Преобладают оттиски гребенчатого штампа, встречаются ямочки, прочерченные линии, насечки. Узоры простейшие – горизонтальные пояски гребенчатых оттисков, зигзаги, елочки.

Каменные изделия (рис. 45–2–22; 47–2–15) выполнены преимущественно на отщепках, пластины обнаружены только в ранних комплексах. Кремь, как и прежде, преимущественно серых оттенков. Типичны листовидные наконечники стрел и копий, реже встречались ромбические и черешковые экземпляры. Из скребков наиболее популярными были квадратные, прямоугольные и трапециевидные. Наборы ножей и топоровидных орудий весьма разнообразны: вспарыватели, ложки, фигурные; желобчатые долота, топоры, крупные и мелкие тесла. Среди находок – проколки, сверла, скобели, отбойники, ретушеры, рыболовные грузила (Л.А. Наговицын, 1987, с. 32–33).

Относительно датировки гаринской культуры, в том числе и ее вятского (юртиковского) варианта, мнения исследователей в основном сходятся. Различия касаются лишь уточнения рубежей, как раннего, так и позднего. О.Н. Бадер датировал гаринско-бор-

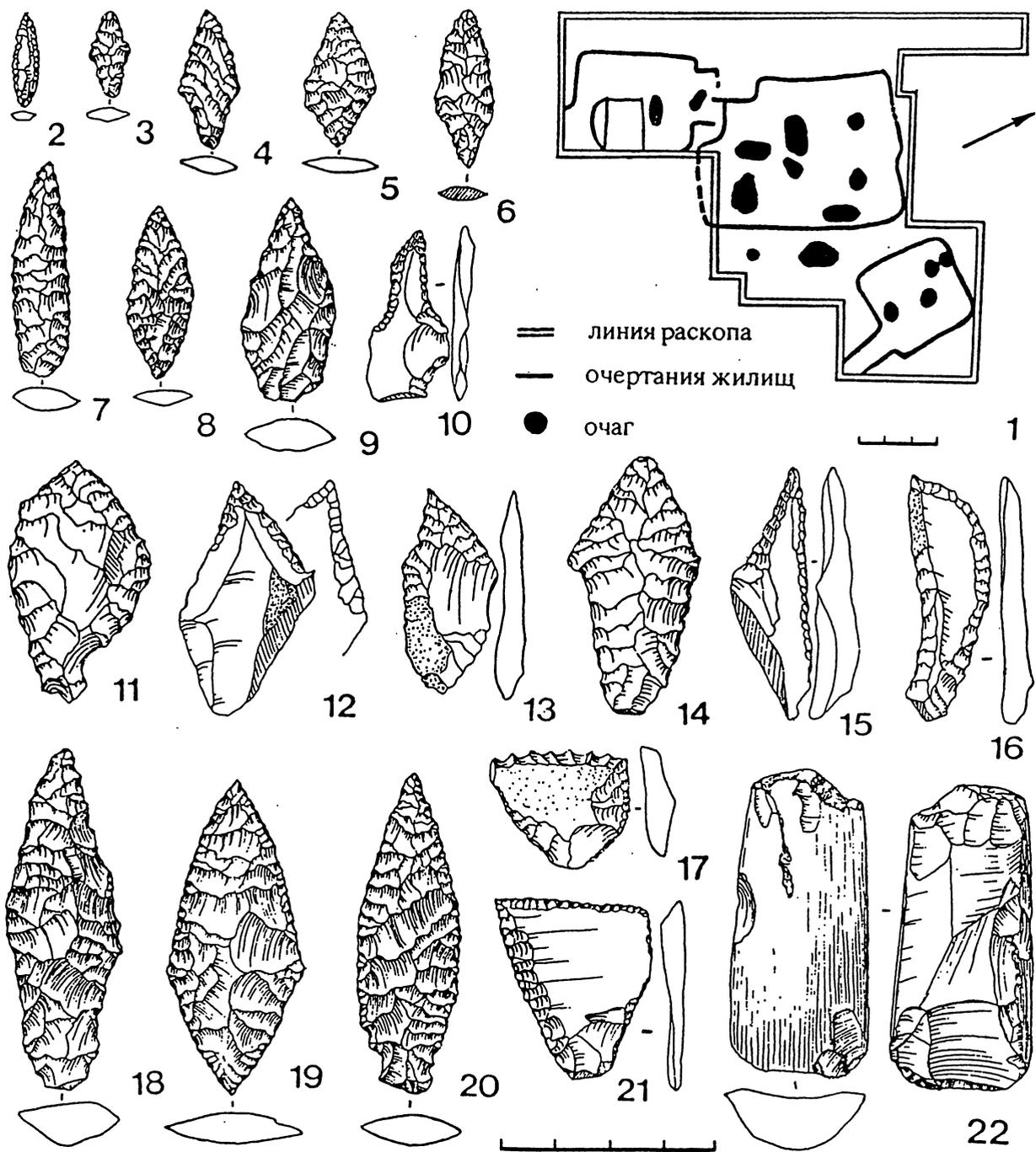

Рис. 45. Материалы эпохи неолита поселения Юртик (по С.В. Ошибкиной).
 1 — план жилища; 2-9, 14, 18-20 — наконечники стрел; 10, 12, 15 — сверла; 11, 13, 16 — нож;
 17, 21 — скребки; 22 — тесло

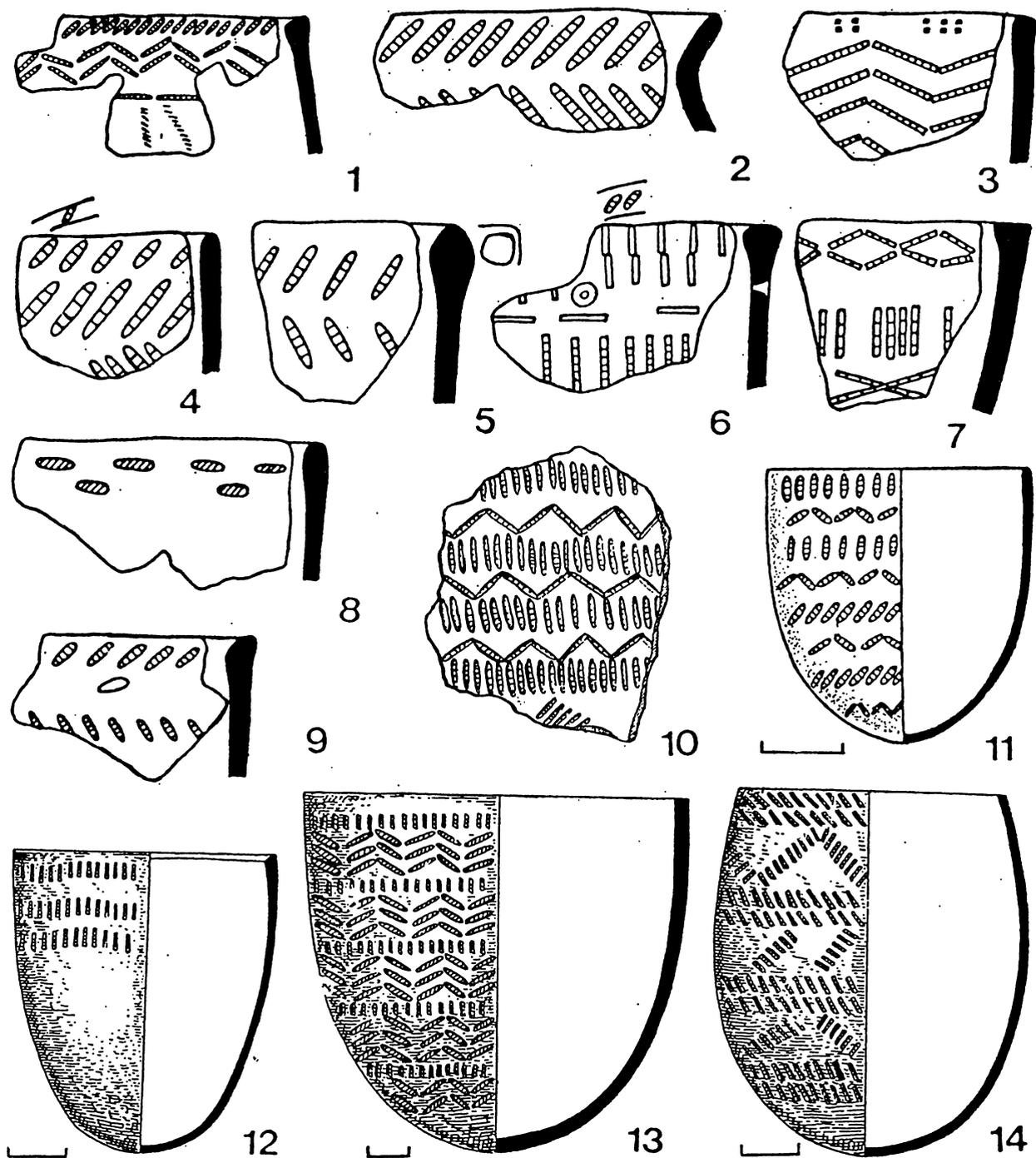

Рис. 46. Глиняная посуда поселений юртиковского варианта гаринской культуры эпохи энеолита.
 1-4 – Аркуль IV (по Л.А. Наговицыну); 5-14 – Юртик (по С.В. Ошибкиной)

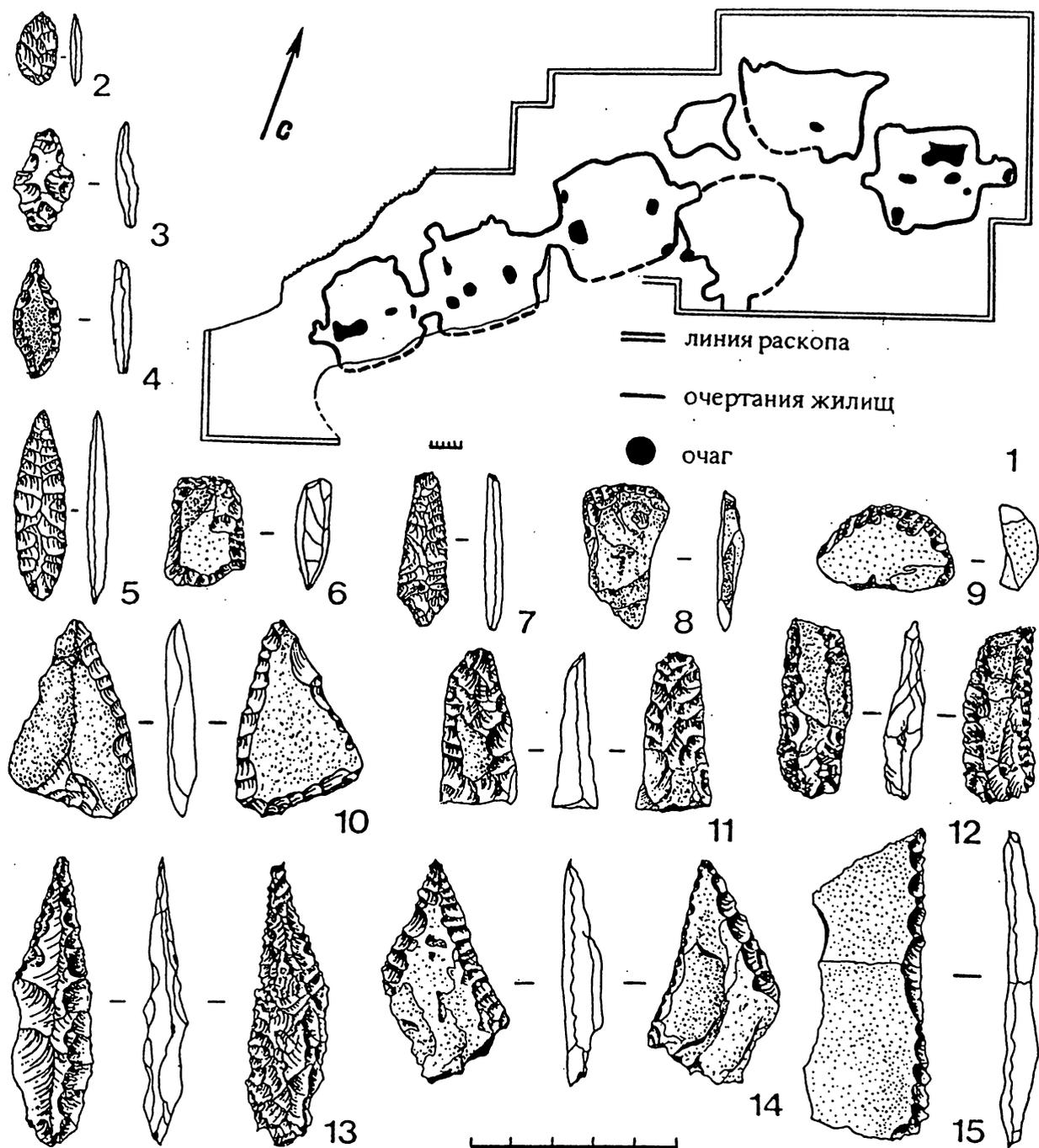

Рис. 47. Материалы юртиковского варианта гаринской культуры эпохи энеолита.
Худяковское поселение.

1 – план жилищ; 2–5, 7, 11 – наконечники стрел; 6, 8, 9 – скребки; 10, 12, 15 – ножи; 13, 14 – сверла

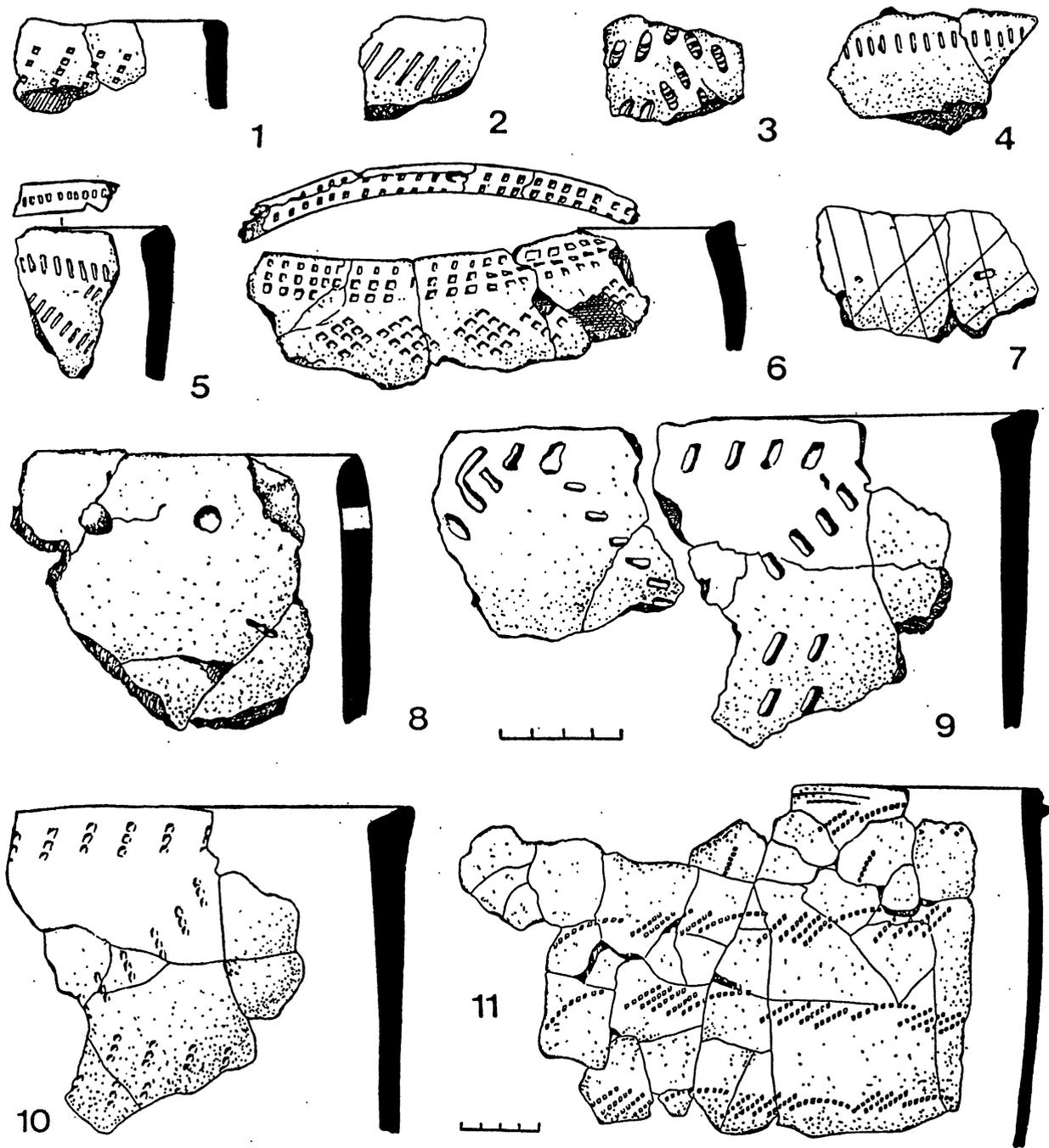

Рис. 48. Глиняная посуда эпохи энеолита Худяковского поселения

скую культуру XX–XII вв. до н. э., гаринский этап – XX–XIV вв. и борский – XIV–XII вв. до н. э. (1961, с. 185). При анализе материалов Юртика С.В. Ошибкина относил его к XX–XVI вв. до н. э. (1980, с. 57), учитывая, кроме аналогов материалам соседних территорий, две радиоуглеродные даты – 3975 ± 80 и 3530 ± 60 , определенные по углю из очага 2 жилища 2 этого поселения. Несмотря на то, что разница дат, выявленных по остаткам одного и того же очага, составляет 445 лет, они дают некоторое основание ориентироваться в абсолютных реперах. Это может быть либо рубеж XXI–XX, либо XVI в. до н. э. Таким образом, даты С.В. Ошибкиной юртиковских материалов близки оценке О.Н. Бадером гаринско-борских памятников. По мнению Р.С. Габышева, памятники волосовско-гаринско-борского времени в Икско-Бельском междуречье существовали не позднее рубежа первой и второй половины II тыс. до н. э. (1982, с. 35).

Л.А. Наговицыным проведена большая работа по абсолютному датированию памятников юртиковского типа. Он собрал довольно много образцов для радиоуглеродного анализа, но несовершенство методик как взятия образцов, так и их анализа привело к тому, что этот богатейший материал был обесценен. Так, в жилище с поселения Чернушка I были взяты 3 образца, датированные 5350 ± 60 (3400 ± 60 лет до н. э.), 4990 ± 50 (3040 ± 50 лет до н. э.), 6870 ± 70 (4920 ± 70 лет до н. э.) (1987, с. 29). Таким образом, разница в датах в пределах одного жилища составляет 1880 лет. Какая из этих дат верна? Типологическое сопоставление материалов различных мест, анализ радиоуглеродных дат сопредельных территорий позволили Л.А. Наговицыну определить даты гаринских памятников вятского бассейна в пределах последней четверти III – середины II тыс. до н. э. (1987, с. 29).

Важное значение для выяснения дат памятников Вятского бассейна имеет информация о соседних регионах, в частности Марийском Поволжье. Здесь в синхроне с юртиковскими

объектами развивались волосовские древности, которые, по мнению В.В. Никитина, датируются серединой III тыс. до н. э. – началом II тыс. до н. э. (1996, с. 151). В первой четверти II тыс. до н. э. здесь появились поселения последующей, чирковской культуры, для которой есть и радиоуглеродная дата (поселение Удельный Шумец, 3710 ± 30), что надежно подкрепляет верхний рубеж волосово – не позже конца первой четверти II тыс. до н. э.

Таким образом, несмотря на некоторое разнообразие мнений, время функционирования памятников юртиковского варианта гаринской общности укладывается в пределы второй половины (скорее всего, последней четверти) III тыс. до н. э. – первой половины II тыс. до н. э. (возможно, его первой четверти).

В Прикамье и в эпоху энеолита совершенствовались присваивающие отрасли хозяйства – охота, рыболовство, собирательство. Труднее всего документировать собирательство. Однако сохранившиеся слабые следы этого вида деятельности все-таки есть. На некоторых поселениях встречаются скопления речных раковин и запеченных моллюсков, употреблявшихся в пищу. Например, такие остатки обнаружены возле очагов 2 и 11 жилища 2 поселения Юртик (С.В. Ошибкина, 1980, с. 36, рис. 4), а также в жилище Усть-Курийского поселения (Н.П. Девятова). Собирали, очевидно, и дикие злаки, орехи, семена, съедобные корни, которые потом растирали в крупу с помощью пестов-терочников, обнаруженных на разных памятниках энеолита Прикамья (О.Н. Бадер, 1961а, рис. 63–2; 85–4; 108–3). На Вятке такие находки известны на поселении Аркуль III (Л.А. Наговицын, 1987, с. 28), Арбажский льнозавод и в других местах.

Некоторые предметы энеолитического времени косвенно свидетельствуют не только о хорошо развитом собирательстве, но и о первых навыках земледельческого труда. Таковы каменные наконечники мотыг (О.Н. Бадер, 1961а, рис. 92–3; В.В. Никитин, 1979,

с. 35–39) и каменные зернотерки со следами сработанности (Арбажский льнозавод). Во всяком случае В.В. Никитин убежден в существовании в Марийском Поволжье в эпоху энеолита примитивного мотыжного земледелия (1979, с. 38). Вероятно, дальнейшие полевые исследования принесут новые подтверждения этой гипотезы.

О развитии охоты свидетельствуют как разнообразие наконечников стрел, так и их возросшее количество. Только на одном поселении Юртик обнаружено 42 целых и 10 обломанных наконечников стрел, а также 8 целых и 3 фрагментарных наконечников дротиков (С.В. Ошибкина, 1980, с. 45–47). Для разделки продуктов охоты требовались различные орудия. О количестве добываемых животных косвенно можно судить по числу этих орудий. На Кочуровском IV поселении, где исследовано всего 2 жилища, обнаружено 140 каменных скребков, 82 ножа, 18 сверл и другие изделия (Т.М. Гусенцова, 1980, табл. Б).

Население продолжало успешно охотиться на крупных копытных животных: больше всего обнаружено костей северного оленя (21 особь) и лося (9 особей) (Л.А. Наговицын, 1987, табл. 1). Встречаются также остатки косуль (1 особь), кабанов (2 особи), зайцев (2 особи), медведя (3 особи), волка (1 особь). Интерес вызывает довольно значительное число костей пушных животных, стало быть, роль пушной охоты возрастала. Так, на всех памятниках найдены в большом числе кости бобра (22 особи), встречаются кости барсука (1 особь), куницы (5 особей), белки (1 особь). Очевидно, именно с эпохи энеолита началось интенсивное истребление человеком бобра, в обилии встречавшегося в лесах Вятского края. Охотились и на различные виды птиц, кости которых также найдены на энеолитических поселениях.

Пока необычайно мало фактов, свидетельствующих о возникновении у гаринцев (юртиковцев) скотоводства. На поселении Усть-Лудяна II обнаружены 2 зуба крупного рогатого скота (Л.А. Наговицын, 1987, с. 117).

Вероятно, это первое подтверждение появления в Вятском крае домашних животных. Вряд ли эти находки имели случайный характер. Скорее всего, они отражают контакты местного населения с населением чирковской культуры, где домашние животные были уже известны (А.Г. Петренко, 1987, с. 145). Покольку в последующее время (приказанская, луговская, ерзовская и другие культуры) животноводство стало одной из важнейших отраслей хозяйства, начало этого процесса лежит, видимо, в энеолитическом времени.

Ведущей отраслью хозяйства в эпоху энеолита было рыболовство. Не случайно все памятники энеолита расположены в устьях небольших речек, удобных для ловли рыбы. В жилищах – в ямах и возле очагов – встречались мощные скопления рыбьей чешуи (Лобань I, Худяки). Кроме того, известны кремневые изображения рыб (рис. 49–13). Начав интенсивно развиваться, рыболовство в эпоху энеолита достигло особенно высокого уровня. Рыбу ловили круглогодично с помощью различных приспособлений. Основным орудием лова была сеть. На поселении Среднее Шадбегово III Л.А. Наговицыным найдено 3 грузила: два – из песчаника и одно – из гальки. Подобные грузила (одно каменное и одно глиняное) обнаружены и на поселении Арбажский льнозавод. Единичность этих находок не должна удивлять, так как этнографами установлено, что еще до недавнего времени в качестве грузил использовались обыкновенные речные гальки, зашитые в бересту. На гаринском поселении Бор I эпохи энеолита, в устье р. Чусовой, собрано около 160 грузил от сетей (О.Н. Бадер, В.А. Оборин, 1958, с. 62). Рыбу ловили с помощью различных плетеных приспособлений, костяных острог и медных гарпунов (Худяки). Видовой состав ихтиофауны на протяжении голоцена не менялся. В реках бассейна р. Вятки водились стерлядь, белуга, осетр, белорыбица, хариус, щука, голавль, язь, линь, лещ, чехонь, сом, налим, судак и другие виды рыб (В.Ю. Захаров, 1997, с. 4–15).

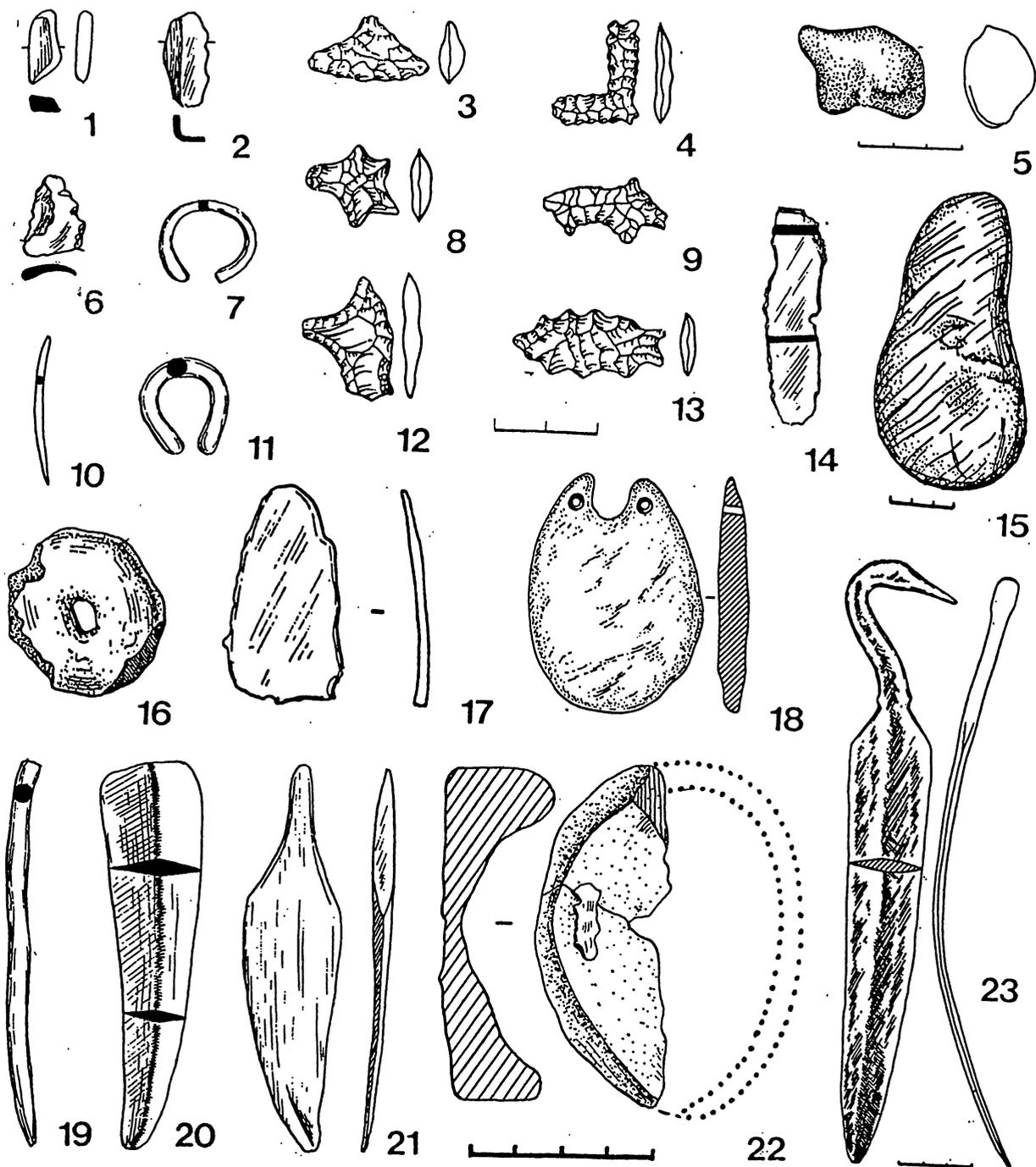

Рис. 49. Вещи памятишников эпохи энеолита бассейна р. Вятки.

1, 2, 6, 10, 17 – фрагменты неопределенных изделий; 3–5, 8, 9, 12, 13 – зооморфные фигурки; 7, 11 – кольца; 14, 20, 21, 23 – ножи; 15 – лоцило; 16 – пряслице; 18 – подвеска; 19 – шило; 22 – обломки тигля.

1, 6, 18, 20, 22 – Лобашь I; 2, 7, 10, 11, 19, 21 – Усть-Лудяна II; 3, 4, 8, 9, 12, 13 – Юртик;

5, 15–17, 23 – Усть-Курья; 14 – Арбажский льнозавод. 1, 2, 6, 7, 10, 11, 14, 17, 19–21, 23 – медь;

3, 4, 8, 9, 12, 13 – кремь; 5, 16 – глина; 18 – сланец; 15, 22 – камень

Появились и специальные орудия для разделки рыбы, в частности особые ножи с острым узким концом, предназначенные для вспарывания (их называют ножи-вспарыватели, рис. 45–2) и разрезания рыбы. Они найдены во всех жилищах поселения Юртик (С.В. Ошибкина, 1980, с. 47).

Совершенствовалась деревообработка, в чем убеждают не только находки разнообразных топоровидных орудий (рис. 45–22), но и довольно сложные жилые и производственные сооружения. Орудия для работы с деревом встречаются повсеместно и в большом количестве. На поселении Юртик собраны 11 тесел, 2 долота, 2 топора (там же, с. 45). В эпоху энеолита совершенствовалось и домостроение: четко повторялись конструкции, размеры, формы, приемы оформления домов. Строили добротные, большие сооружения, площадью до 165 кв. м (например, жилище 2 поселения Юртик). Научились не только возводить теплые стены, но и достаточно прочную крышу, укрепляя рядами дополнительных вертикальных столбов. Рядом с жилыми постройками возводили хозяйственные сооружения для хранения припасов. Жилища и хозяйственные постройки для удобства проживания в зимнее время часто соединяли крытыми переходами, образуя при этом сложный архитектурный комплекс. Такие крытые переходы-коридоры использовались не только для контактов с обитателями соседних жилищ, но и для хранения запасов. В переходе, соединяющем жилища 2 и 3 Юртика, вдоль обеих стен были поставлены глиняные сосуды (С.В. Ошибкина, 1980, с. 40). Новая конструктивная особенность – возведение особых хозяйственных построек рядом с жилищем, соединенных с домом крытым переходом, – обнаружена на поселениях Юртик, Аркуль III, Чернушка I, Худяки. Такие пристройки – прообразы будущих хозяйственных строений.

В жилище 3 поселения Юртик зафиксированы остатки оформления дверного проема – следы от двух вертикальных столбов, поставленных на расстоянии 0,9 м, и остатки порога

– горизонтальной плахи, слегка приподнятой над полом (С.В. Ошибкина, 1980, с. 36). Вероятно, в холодное время года такие проемы закрывались шкурами или рогожей.

В эпоху энеолита во всех областях жизни наблюдался определенный прогресс, но, пожалуй, наибольшие достижения связаны с освоением металла. Следы металлообработки зафиксированы на многих поселениях как новоильинского, так и юртиковского типа.

Первые свидетельства местного производства меди были получены в 1973 г. при раскопках поселения Лобань I. Здесь в жилище были собраны обломки тиглей (рис. 49–22), медные нож (рис. 49–20) и шильце, обломок стержня и кусочки меди (рис. 49–1, 6) (Т.М. Гусенцова, 1980, с. 124). Химический анализ предметов, проведенный С.В. Кузьминых, показал, что предметы изготовлены из чистой меди, полученной из местных медистых песчаников, и сделаны в традициях гаринского металлургического очага (С.В. Кузьминых, Е.Н. Черных, 1976, с. 53).

С новыми исследованиями число медных изделий возросло. Наиболее значительная коллекция: нож (рис. 49–21), проколка (рис. 49–19), кольца (рис. 49–7, 11), заготовки, капли-сплески, корольки с тиглей, кусочки черновой меди (рис. 49–2), а также куски малахита – медной руды – была собрана на поселениях Аркуль III и Усть-Лудяна II (Л.А. Наговицын, 1978, с. 129–147; 1987а, с. 56, 68). В дальнейшем набор медных предметов все более расширялся: толстый стержень неясного назначения (Буй II), гарпун (Худяки), нож, шило и пластина (Среднее Шадбегово II), лопатообразное орудие, мелкие колечки (Среднее Шадбегово III) (Л.А. Наговицын, 1987, с. 40). Уникален медный кинжал, обнаруженный Н.П. Карповой (Девятовой) на Усть-Курьинском поселении (рис. 49–23). Он представляет собой довольно массивный предмет длиной 25,5 см, шириной лезвия в максимуме 3,4 см, его толщиной 0,5 см, а рукояти – 0,9 см. Клинок кинжала имеет длинное (19,3 см) листовидное тело, с четко обозначенным с обе-

их сторон ребром посередине и хорошо выраженными уступчиками при переходе к черешку. Рукоять выполнена в виде реалистично изображенной головы водоплавающей птицы (утки, дикого гуся, лебедя?). Исследование материалов с Усть-Лудяны II, проведенное С.В. Кузьминых, подтвердило высказанное им ранее мнение о существовании собственной металлургии меди в Вятском крае. Изделия этого времени выполнены из чистой меди с естественными примесями серебра (от тысячных до десятых долей процента), с незначительным содержанием олова, свинца, никеля (С.В. Кузьминых, 1980, с. 148). С.В. Кузьминых отмечает отсутствие примесей сурьмы, висмута, мышьяка и золота, что является, по его мнению, важным диагностическим признаком при определении рудных источников. Он убежден, что медь получена из местных медистых песчаников, но попытки привязать ее к конкретным месторождениям оказались безуспешными из-за минимального количества примесей в металле. Очевидно, что рудные источники, давшие энеолитическую медь, находятся на территории Вятского бассейна (там же, с. 149).

Следов выплавки металла из руды на Вятке пока не обнаружено, но скорее всего потому, что этот процесс осуществлялся за пределами поселений. На памятниках лишь расплавляли медь в тиглях и, очевидно, отливали простые предметы в примитивных односторонних формах. Многие вещи выполнены способомковки. По мнению С.В. Кузьминых, некоторые формы медных изделий, характер металлообработки указывают на связь с гаринским металлургическим очагом (С.В. Кузьминых, 1980, с. 150).

Общая оценка деятельности этого очага дана Е.Н. Черных (1966, 1969, 1970) и дополнена С.В. Кузьминых (1977). Они считают, что деятельность гаринского очага отражает самый ранний этап становления и развития металлургии у местного населения края. Он был маломощным, но вполне самостоятельным, не зависящим от поступлений изде-

лий извне. Общий характер литейного дела был весьма примитивен, предметы просты, не отличались разнообразием, и была неизвестна техника литья в составные формы. Однако, несмотря на примитивизм первых медных изделий, это все-таки медные предметы, и сделаны они из местного сырья, что обозначало революционные преобразования, явившиеся основой будущего прогресса.

Одним из важнейших является вопрос: откуда местные племена получили первые импульсы к металлообработке? Скорее всего, впервые познакомились с металлом волосовцы Средней Волги в первой четверти II тыс. до н. э. в результате контакта с балановцами, а позднее с абашевцами (Е.Н. Черных, 1970, с. 97, 98; С.В. Кузьминых, 1977, с. 31). Некоторое влияние на волосовскую металлообработку, возможно, имели племена поздней и полтавкинской культур. Во второй четверти II тыс. до н. э. навыки металлообработки широко распространились в Среднем Поволжье (там же). Очевидно, через контакты с волосовцами, под воздействием балановцев и абашевцев, усвоило первые навыки металлообработки и гаринское население (Е.Н. Черных, 1970, с. 97, 98; С.В. Кузьминых, 1977, с. 33). Сферой деятельности этого очага было все Прикамье, в том числе и бассейн Вятки.

Специалисты считают, что уже на стадии формирования металлообработкой занимались особые группы людей – ремесленники, так как эта отрасль требовала определенной подготовки, знаний, которые вряд ли могли быть усвоены каждым человеком общины (Е.Н. Черных, 1978, с. 282). Нужно было уметь искать и разрабатывать руды, строить плавильные печи, выжигать уголь, знать условия температурного режима плавки, точно сплавлять металлы, изготавливать литейные формы, отливать в них изделия. Все эти процессы требовали больших временных затрат, знаний и умений. Последние накапливались постепенно, держались в секрете, а потому были известны немногим людям и передава-

лись, скорее всего, по наследству. Это была, по мнению Е.Н. Черных, семейная или семейно-индивидуальная форма ремесленного производства, при которой мастера обслуживали общину в силу своей принадлежности к ней (Е.Н. Черных, 1978, с. 282).

Обращает на себя внимание и заметно увеличившаяся численность населения Прикамья в эпоху энеолита. Если в предшествовавшее время число жилищ на поселениях не превышало 3–5, то в энеолитических поселках их было 10 и более (Юртик, Аркуль III, Худяки). На поселении Усть-Лудяна II обнаружены 22 жилищные впадины. Если исходить из среднего размера жилищ этого поселения – 74,3 кв. м (Л.А. Наговицын, 1984, табл. 5), то общая площадь построек составит 1634,6 кв. м. Любопытно, что, по подсчетам В.С. Бузина, средняя площадь жилищ волосовской культуры тоже составила 74 кв. м (1990, с. 35). Если примем, что одному человеку для жилья в эпоху неолита-энеолита требовалось 3–3,5 кв. м (Л.П. Хлобыстин, 1972), то количество обитателей этих жилищ будет равно 467. Даже если учесть, что жилища функционировали не одновременно, то численность поселка в любом случае достигала двух-трех сотен человек. Демографический взрыв произошел, видимо, в гаринское время, чему во многом способствовали достаточно высокий уровень рыболовства и охоты, а также переход к производящим отраслям хозяйства, существенно пополнившим продовольственные запасы населения. Отмечается не только увеличение численности отдельных поселений, но и концентрация их в наиболее удобных местах. Вдоль озер у поселка Аркуль сейчас выявлено 8 поселений, в устье р. Лудяны – 4, а у д. Среднее Шадбегово – 6 (Л.А. Наговицын, 1987, с. 30–31). Вероятно, в энеолите население Прикамья максимально освоило все возможности своей территории, и это обстоятельство обеспечило наиболее благоприятные условия для его обитания.

Судя по характеру, размерам жилищ и поселков, экономическую основу общества со-

ставляла родовая собственность на охотничьи и рыболовные угодья. Другие средства производства могли находиться как в коллективной, так и в индивидуальной собственности, причем роль последней все более возрастала. Отношения собственности в основном совпадали с родовыми и укрепляли единство производственного коллектива. Многие виды производства – рыболовство, охота – требовали коллективных усилий, и потому родовые коллективы существовали еще длительное время.

В том, что производство, как и потребление, было общеродовым убеждает характер поселений. Жилые строения поставлены плотно с учетом особенностей рельефа, как правило, в один или два ряда вдоль края террасы. Впадины редко нарушают друг друга, зачастую соединены переходами. При устройстве выходов учитывалась планировка соседних жилищ. Например, жилища 19 и 20 поселения Усть-Лудяна II были поставлены параллельно друг другу с выходами в одну сторону (Л.А. Наговицын, 1987, с. 47). Вокруг жилищ располагались хозяйственные ямы – погребки, используемые, видимо, всем поселком.

Благоприятные условия жизни способствовали разрастанию родовых общин. Образовывались материнские домовые общины – крупные коллективы ближайших родственников по материнской линии. На многих энеолитических поселениях бассейна р. Вятки исследованные жилища имели различную площадь, что свидетельствует о разной численности обитавших в них людей. Так, на поселении Юртик в самом большом жилище (№ 2) площадью 165 кв. м могло жить 47–50 человек, в двух остальных, значительно меньших, – 14 (№1 – 49 кв. м) и 22–25 (№ 2 – 80 кв. м) человек. Очевидно, по мере разрастания семьи к основному жилищу пристраивались дополнительные помещения. По мнению С.В. Бузина, в каждом таком жилище могла обитать большесемейная община (1990, с. 35).

Интерес представляют индивидуальные кладовки, зафиксированные почти у всех жи-

лищ Юртика, Худяков, Арбажского льнозавода, Кочуровского IV и других поселений. Появление их у отдельных домов свидетельствует, очевидно, о начавшихся процессах дифференциации при разделении припасов. Каждая микрообщина получала возможность иметь какие-то особые запасы для потребления. Размещение остатков в пределах жилищ показало, что в некоторых домах было по несколько очагов и хозяйственных ям. Довольно часто очагу сопутствует хозяйственная яма и вполне возможно, что отдельный очаг мог принадлежать одной парной семье. Соответствие ямы-кладовки очагу указывает на появившуюся некоторую хозяйственную самостоятельность парной семьи.

Этнографические материалы подтверждают, что по мере развития родовой общины хозяйственная и общественная роль женщины все более возрастала. Не случайно их изображения встречаются на памятниках эпохи энеолита Прикамья (рис. 42–3). Прочная оседлость, большая численность коллективов требовали и больших запасов продуктов питания, производства емкостей для их хранения, топлива. Кроме того, женщины готовили еду, воспитывали детей, и это тоже обеспечивало ее высокое положение в обществе. Женщины, занимавшиеся собирательством, поставляли значительную часть продуктов питания растительного происхождения. Именно женщины, ухаживая сначала за дикими растениями, быстрее всех усвоили навыки земледельческого труда, обеспечив, таким образом, переход к одной из производящих отраслей экономики.

В условиях материнского рода, когда счет родства шел по материнской линии, мужчины приходили в семьи своих жен, а сыновья и братья уходили в другие общины. Реальными коллективными собственниками основных, принадлежащих роду средств производства, действительными владелицами родовых земель, территорий, рыбных и охотничьих угодий являлись женщины, связанные кровным родством. Как известно, в овачире ирокезов

вся власть принадлежала совету взрослых женщин-матерей (А.И. Першиц, А.Л. Монгайт, В.П. Алексеев, 1982, с. 142). Совет выбирал опытных правительниц, а те, в свою очередь, организовывали сельскохозяйственные и домашние работы, распределяли припасы, устраивали празднества. Их мужья не имели прав на собственность рода, так как они были пришельцами-чужаками. Братья и сыновья рано или поздно покидали общину и поэтому не могли претендовать на долю собственности. Таким образом, реальное владение и управление оставалось за женщинами.

Пережитки такого состояния полов в обществе сохранялись у удмуртов долгое время. До 20–30-х гг. нынешнего столетия муж называл женщину-удмуртку не по имени, а по названию ее воршуда, лишь позже прибавляя к имени воршуда ее настоящее имя (Чабья-Марья и т. д.). Вероятно, все женщины одного рода в далеком прошлом назывались одним именем. Связь воршуда с родом подтверждается и экзогамностью – браки между членами одного воршуда, как и рода, были запрещены (В.Е. Владыкин, 1994, с. 146).

Не случайно именно в энеолите на поселениях Прикамья найдены первые изображения женщин (рис. 42–3), что является подтверждением существования культа женщин-рожаниц, обеспечивающих плодородие и плодородие, хорошо известного и у других народов (Б.А. Рыбаков, 1981, с. 166–168).

Возможно, в это время возникает божество плодородия – Кылдысин, этимология которого со ссылкой на Т. Утилу приведена В.Е. Владыкиным (1994, с. 181): «кылдись» – создающий, творящий, оплодотворяющий + «ин» в языках коми, води и саамов – жена, женщина, свекровь, мать, самка. Первоначально Кылдысинь означало божество женского рода, обеспечивающее плодородие, плодородие.

Отголоском некогда широко распространенного культа женщины-прародительницы является также многочисленность в удмуртском пантеоне женских божеств: Ву мумы (мать воды), Музьем мумы (мать земли), Ин

мумы (мать неба), Шунды мумы (мать солнца), Гудыри мумы (мать грома), Вожо мумы (мать летнего и зимнего солнцестояния) и т. п. (В.Е. Владыкин, 1994, с. 100–101). В энеолите Прикамья имеется след (рис. 42–11) и культа солнца, дававшего свет, тепло, жизнь природе и человеку.

Род был достаточно прочным объединением, в котором действовали отношения взаимной помощи и защиты, основанные на кровном родстве и коллективной собственности. Род имел определенное имя, как правило, связанное с тотемом. Изображения животных-тотемов – птиц, кабанов и других животных – встречаются на памятниках эпохи энеолита (рис. 49–3–5, 8, 9, 12, 13, 23). Как правило, имена членов рода тоже были связаны с тотемом. Каждый род имел свое кладбище. Очевидно, группы поселений, расположенные близко друг от друга, составляли организацию более высокого класса – племя.

На рубеже III и II тыс. до н. э. прафинно-угорская общность разделилась на 2 ветви: угорскую (Зауралье и Западная Сибирь) и финно-пермскую (Прикамье, прилегающее Поволжье, Припечорье) (Основы финно-угорского языкознания..., 1974, с. 38–39; П. Хайду, 1985, с. 172–175). В соответствии с археологической периодизацией существование финно-пермской общности ограничено эпохой энеолита. Возникнув в ее начале, в конце энеолита она распалась.

Характеристика финно-пермской общности по данным языка представляется более модернизированной и позволяет нарисовать более яркую картину жизни этого населения, чем археологические материалы. Особенно это касается развития производящих отраслей хозяйства. Если археологические материалы лишь намекают на их появление, то лингвистические дают немало оснований говорить о достаточно развитом животноводстве и земледелии. В частности, довольно многочисленны наименования, связанные с животноводством: *бык, вол, доить, жеребец, корова, свинья, поросенок, трава, сено*. О значительном развитии земледелия свидетель-

ствуют следующие слова: *вид злака, полба, колос, ячмень*. Отдельные термины указывают и на способы обработки земли и переработки продуктов земледелия: *мотыга, мотыжить, рига, овин, месить, мука, мякина, мучная приправа, решето, сито*. В этот период появляется и слово *соль*.

Несколько обогатилась лексика, связанная с собирательством и охотой: *орех, калина, смородина, ягода шиповника, белка, бобр, орел, западня, ловушка, капкан, стрелять*. Развитие домостроения отражают термины: *клин, рубить, шест, жердь*, а домашние занятия – слова и словосочетания: *класть, положить заплату, нитка, шить, ручка, посуда из бересты, ткать, вязать*. Для освещения жилищ пользовались светильником из щепы.

Много слов, свидетельствующих о довольно сложной духовной жизни: *ум, разум, настроение, душа, внутренний мир человека, желание*. К финно-пермскому периоду восходит числительное *семь*. Весьма важно появление глаголов, косвенно указывающих на характер общественных отношений: *приказывать, требовать, велеть* (Основы финно-угорского языкознания..., 1974, с. 426–434; 1976, с. 215–216).

На развитие приуральского общества эпохи энеолита огромное влияние оказало пришлое население, известное в археологии как носители культур каменных сверленных боевых топоров. Памятники этих культур известны на огромной территории Северной Европы, включая Данию, Центральную Германию, Польшу, Прибалтику, Украину. Прикамье было восточной и северо-восточной провинцией обширного мира, занимаемого этими культурами в частности, балановской и абашевской. В это же время на развитие племен Прикамья оказало воздействие и население восточного происхождения сейминско-турбинского типа. Эти культуры: балановская, абашевская, сейминско-турбинская по уровню своего развития значительно превосходили местные аборигенные и специалисты относят их к развитому бронзовому веку, но поскольку в Прикамье они функционируют в энеолитичес-

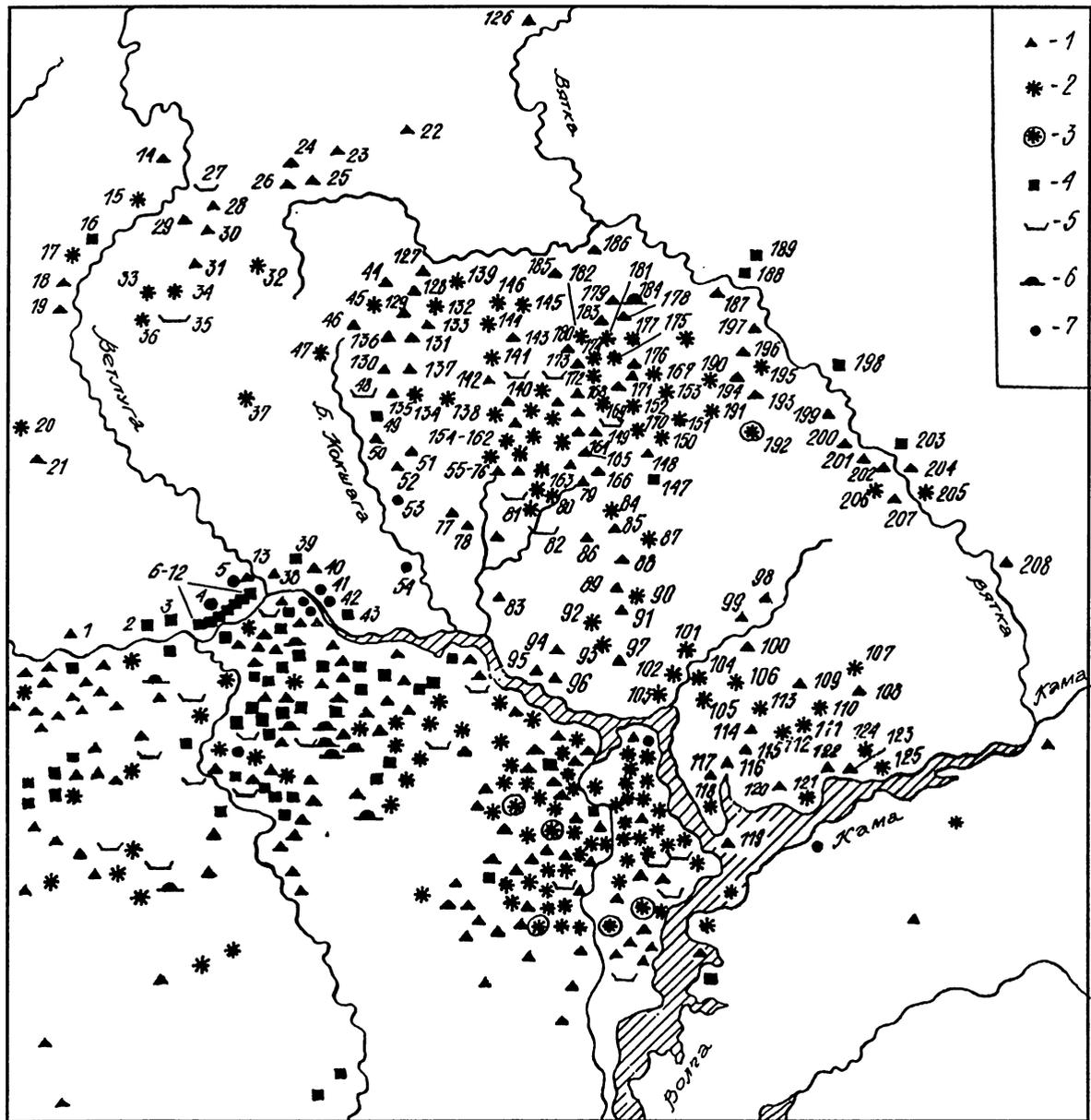

Рис. 50. Карта памятников балановской культуры в Камско-Ветлужском междуречье.

1 – единичная находка каменного топора; 2 – находка нескольких предметов; 3 – находка металлического предмета; 4 – поселение; 5 – могильник; 6 – курган; 7 – находка керамики. 1. Починковская находка топора; 2. Луизковская находка топора; 3. Нижняя Стрелка IV, поселение; 4. Удельное III местонахождение керамики; 5. Сутырское IX местонахождение керамики; 6. Удельный Шумец II, местонахождение керамики и наконечников стрел; 7. Удельный Шумец I, местонахождение керамики; 8. Красный Яр, местонахождение керамики; 9. Удельный Шумец V, местонахождение керамики; 10. Майданское местонахождение керамики; 11. Палянка, местонахождение керамики; 12. Юринское местонахождение керамики; 13. Удельный Шумец VII, поселение; 14. Поломкинская находка топора; 15. Семеновская находка двух топоров; 16. Федоровское II местонахождение керамики; 17. Федоровская I находка двух топоров; 18. Тюриковская находка топора; 19. Никитихинская находка топора; 20. Сельская Маза находка топора; 21. Керзенецкая находка топора; 22. Пижемская находка топора; 23. Тулага Малая, находка двух топоров; 24. Полянская находка топора;

25. Серовская находка топора; 26. Горевое Большое, находка топора; 27. Погревские находки двух каменных и одного медного топоров; 28. Малиновская находка топора; 29. Югарская находка топора; 30. Родихинская находка топора; 31. Буренинская находка топора; 32. Косолаповские находки двух каменных топоров и полировальной плиты; 33. Непряхинская находка трех топоров; 34. Урень I, могильник; 35. Урень II, находка пяти топоров; 36. Устинская находка двух топоров; 37. Барышниковская находка трех топоров; 38. Ахмыловская I находка топора; 39. Ахмыловское II местонахождение керамики; 40. Арда, находка обломка топора; 41. Паратская I стоянка; 42. Паратское V местонахождение керамики; 43. Уржумкинская находка топора и местонахождение керамики; 44. Шудумучаши, находка топора; 45. Шевелевская находка двух топоров; 46. Степановская находка топора; 47. Лоскутовская находка трех топоров; 48. Марийская Лиса, находка топора и местонахождение керамики; 49. Кубашевское поселение; 50. Санчурская находка топора; 51. Юж-Сапаровская находка топора; 52. Юж-Озерная находка бронзового топора; 53. Мазарское местонахождение керамики; 54. Мариерское поселение; 55. Кундыш-Мучаши, находка топора; 56. Манап-Мучаши, находка топора; 57. Тумья-Мучаши, находка двух топоров; 58. Княжнинские находки пяти топоров, долота, ножа, терочника; 59. Кузнецовская находка двух топоров; 60. Корак-Сола, находка двух топоров; 61. Село Старое, находка топора; 62. Кожла-Сола, находка обломка топора; 63. Руй Русский, находки топора, наконечников стрел, скребков; 64. Крестовские находки трех топоров, долота, наконечников стрел, ножей; 65. Кугунур Малый, находки двух топоров, наконечников стрел, долота; 66. Оришнская находка топора и обломка; 67. Оршанинская находка топора; 68. Соза-Курбатово, могильник; 69. Мари-Ертур, находка двух топоров; 70. Чирковские находки шести топоров, молота, ножевидной пластины; 71. Кадамские находки семи топоров, песта-молота, отщепов; 72. Дубовлянские находки 20 каменных топоров, тесел, долота, наконечников стрел, шлифовальной плиты, бронзового топора и наконечника копья; 73. Пуял Большой, находка обломка топора; 74. Чинданурская находка топора; 75. Кремленкинская находка топора; 76. Кугланур Малый, находка топора; 77. Кучкинская находка топора; 78. Лавровская находка заготовки топора; 79. Озигановские находки двух топоров, терочника; 80. Шулюдурские находки двух каменных топоров, двух долот и наконечника стрелы; 81. Березовская находка топора; 82. Ронгинские находки десяти топоров, пестов-терочников, наконечников стрел, скребка; 83. Битчеранская находка топора; 84. Ирмарьские находки трех топоров; 85. Каменная Гора, находка обломка топора; 86. Березинская находка топора; 87. Куфтинские находки топора, ножа и наконечника стрел; 88. Руш-Рода, находка топора; 89. Азьянская находка топора; 90. Мазиково Старое, находка двух топоров; 91. Завод Старый, находка топора; 92. Купсолская находка трех топоров; 93. Карамасские находки двух топоров, шаровидной булавы, песта-молота и двух пестов; 94. Пекозинская находка топора; 95. Мари-Луговская находка топора; 96. Березняковская находка топора; 97. Кульялы Малые, находка топора; 98. Теплый Ключ, находка обломка топора; 99. Сердинская находка топора; 100. Урматская находка топора; 101. Семиозерская находка топора; 102. Сухая Река, находка двух топоров; 103. Караваяевские находки топорика, наконечников стрел, обломка топора, долота; 104. Дербьшики Большие, находки двух топоров, топориков, наконечников стрел; 105. Георгиевская находка топорика и наконечника стрелы; 106. Кабачищенская находка топора и топорика; 107. Ключищенская находки наконечников стрел, ножевидной пластины, топора; 108. Мамалаевская находка топора; 109. Пановкинская находка топора; 110. Казылинские находки каменных орудий; 111. Серда Верхняя (Русская), находка двух топоров; 112. Читинские находки двух топоров, двух наконечников стрел; 113. Селенгушинские находки орудий и обломка топора; 114. Альвединская находка топора; 115. Шалинская находка топора; 116. Дерзавинская находка топора; 117. Пановские находки каменных орудий; 118. Ташкерменские находки каменных орудий; 119. Атабаевская находка обломка топора; 120. Шурапская находка обломка топора; 121. Сорочьи Горы, находки каменных орудий и топора; 122. Масловская находка топора; 123. Рыбная Слобода, находка топора; 124. Девлизерская находка двух топоров; 125. Бетьковские находки топорика и наконечника стрелы; 126. Кожинская находка топора; 127. Олешкинская находка топора; 128. Иванаевская находка топора; 129. Михайловская находка топора; 130. Яранская находка топора; 131. Кучкинская находка топора; 132. Липянская находка топора и ножа; 133. Тубайкинская находка топора; 134. Козловажинские находки каменных орудий; 135. Пахтаевская находка топора; 136. Черепановская находка топора; 137. Опалихинская находка топора; 138. Пекшакпурская находка двух топоров; 139. Шихайкинская находка двух топоров; 140. Кочевская находка топора; 141. Никулиновские находки топора и топорика-тесла; 142. Щеглятская находка топорика; 143. Зыковятская находка топора; 144. Сердежские находки

каменных орудий; 145. Жеребцовская находка топорика; 146. Пиэсанцевские находки каменных орудий; 147. Новоселовское поселение; 148. Туранкинская находка топорика; 149. Каменный Ключ, находка двух топоров и наконечника стрелы; 150. Дубовкинские находки топора, наконечника стрелы и ножевидной пластины; 151. Быковская находка топора и топорика; 152. Золоткинская находка двух топоров; 153. Ляжские находки каменных орудий; 154. Казаковкинская находка обломка топора; 155. Оршинские находки каменных орудий; 156. Кукмарские находки топорика, долота, ножевидной пластины, терочника; 157. Пушкаревская находка топорика; 158. Мосиновские находки каменных орудий; 159. Ветчиновская находка топора и скребка; 160. Самашатская находка топора; 161. Турминская находка двух топоров; 162. Кёрдынская находка топора; 163. Толманские находки топора и топорика; 164. Коряковская находка топора; 165. Торьялы Новые, находка топора; 166. Павлушатский могильник; 167. Тушурские находки кремневых орудий; 168. Помаштурские находки топорика и наконечника стрелы; 169. Черная Грязь, находка топорика; 170. Помашьяльские находки двух топоров и топорика; 171. Куэсмарская находка топора; 172. Волчатские находки топора, булавы, топорика, ножевидной пластины; 173. Коряковцевская находка топора; 174. Вятчинская находка топора; 175. Масканурские I находки каменных орудий; 176. Масканурская II находка топора; 177. Смятские находки наконечника стрелы и обломка топора; 178. Мазуринорская находка топорика; 179. Низ Большой, находка топорика; 180. Медведевская находка топора; 181. Костьлевские находки трех топоров; 182. Макаренковские находки двух топоров, ножа, наконечника стрелы и ножевидной пластины; 183. Олущинская находка топорика; 184. Сицово, курган; 185. Бык, находки каменных орудий; 186. Яснур Большой, курган; 187. Щуколовская, находка топора; 188. Медведок (Буй I), поселение; 189. Медведок (Буй II), поселение; 190. Косолаповская I находка топора; 191. Мари-Турек, находка двух топоров; 192. Меркушевская находка медного топора; 193. Пилешкинская находка обломка топора; 194. Берсенихинская находка топора; 195. Петровские находки топора и песта; 196. Уржумская находка топора; 197. Цепочкинская находка топора; 198. Чернушка II, поселение; 199. Рой Большой, находка топора; 200. Мари-Тушка, находка топора; 201. Наэсивинский хутор, обломок топора; 202. Тушка Новая, находка топора; 203. Усть-Курья, поселение; 204. Элтанкинская находка топора; 205. Мари-Малмыжская находка двух топоров; 206. Гоньбинские находки трех топоров; 207. Таришинская находка топора; 208. Вихоревская находка топора

кое время (рис. 40), поэтому считаю возможным рассмотреть их в этом разделе.

В лесной полосе Восточной Европы, возникнув на рубеже III–II тыс. и развиваясь до середины II тыс. до н. э. (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 72), существовала оригинальная культура, не имеющая местных корней, – фатьяновская. Она занимала территорию от Псковского озера до р. Вятки и от верховьев Десны до границ Вологодской области (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 63). Освоение этого региона шло постепенно с запада на восток. Вятско-Ветлужское междуречье и прилегающие области Поволжья Д.А. Крайнов считает вятско-ветлужским и средневожским (балановским) вариантами фатьяновской общности (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, карта 7). О.Н. Бадер и А.Х. Халиков отнесли эти памятники к особой балановской культуре (О.Н. Бадер, 1950; 1961в; 1963; О.Н. Бадер, А.Х. Халиков, 1976). Фатьяновское население – это северные индоевропейцы, еще не разделившиеся протобалто-славяно-германцы, или протобалты. Исходной областью их расселения была территория между Днепром и Вислой-Одером (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 75).

Балановская культура была выделена О.Н. Бадером (1950), подробная характеристика ее дана им же (1961, 1963), позднее – совместно с А.Х. Халиковым (1976). В последние десятилетия для памятников Поволжья эта проблема активно разрабатывается Б.С. Соловьевым (1987, 1987а, 1991, 1994).

Памятники балановской культуры занимают преимущественно правобережье Волги, но их много и на противоположном, левом берегу Волги – в Вятско-Ветлужском междуречье (рис. 50), где они составляют северо-восточную провинцию балановской общности. Хорошо известны как поселения (Буй I, II, Усть-Курья, Новоселово, Кубашево и др.), так и могильники (Павлушата, Синцово, Урень I, Большой Яснур и др.) этой культуры, но более всего случайных находок каменных сверленных боевых топоров (рис. 51). На

поселении Галанкина гора раскопаны остатки четырех квадратных жилищ, слабо углубленных в грунт, соединенных переходами (рис. 52–1). Стены выполнены в технике сруб-ба (рис. 52–2), крыша односкатная или двускатная, размеры жилищ 16–28 кв. м. На некоторых поселениях: Васильсурском в устье р. Суры и Кубашевском на р. Кокшаге – отмечены следы рвов и валов с частоколом (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 78).

Могильники балановской культуры бескурганые, но известны и курганы. В них обнаружены как индивидуальные, так и коллективные захоронения, совершенные в прямоугольных ямах глубиной до 2 м. Умерших укладывали скорченно на бок: женщин – на левом, мужчин – на правом.

Балановская керамика составляет на поселениях 17–36% (Б.С. Соловьев, 1994, с. 10) и резко отличается от посуды волосовской и гаринской культур хорошей выделкой глиняного теста, примесью в нем песка, тонкими стенками, лощением поверхности. Посуда хорошо обожжена. Форма сосудов оригинальна: тулово шаровидное, дно круглое (рис. 52–8, 12; 53–1, 3, 4, 6, 7, 13, 14, 17, 18), вогнутое (рис. 53–16), иногда уплощенное (рис. 54–11, 13). Устье сосудов хорошо профилировано, иногда резко отогнуто, образуя раструбообразную горловину (рис. 53–5–15, 17, 18; 54–8, 9). Верхняя половина сосудов украшена различными нарядными геометрическими композициями в виде пояса из ромбов, елочки, зигзагов, прямоугольников и других узоров (рис. 53–2, 3, 5, 7–16, 18; 54–1, 4, 6, 8, 9, 13). Кроме того, у балановцев бытовали каменные клиновидные топоры (рис. 55–1–4), декоративные топоры из глины (рис. 55–10, 11), глиняные колеса от повозок-игрушек (рис. 55–5), погремушка (рис. 55–6), ложки (рис. 55–8, 9), каменные ступа и пест (рис. 55–7) и другие вещи.

О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым разработана четырехступенчатая периодизация культуры: балановский этап (первая половина II тыс. до н. э.), атликасинский (XV–XIV вв.

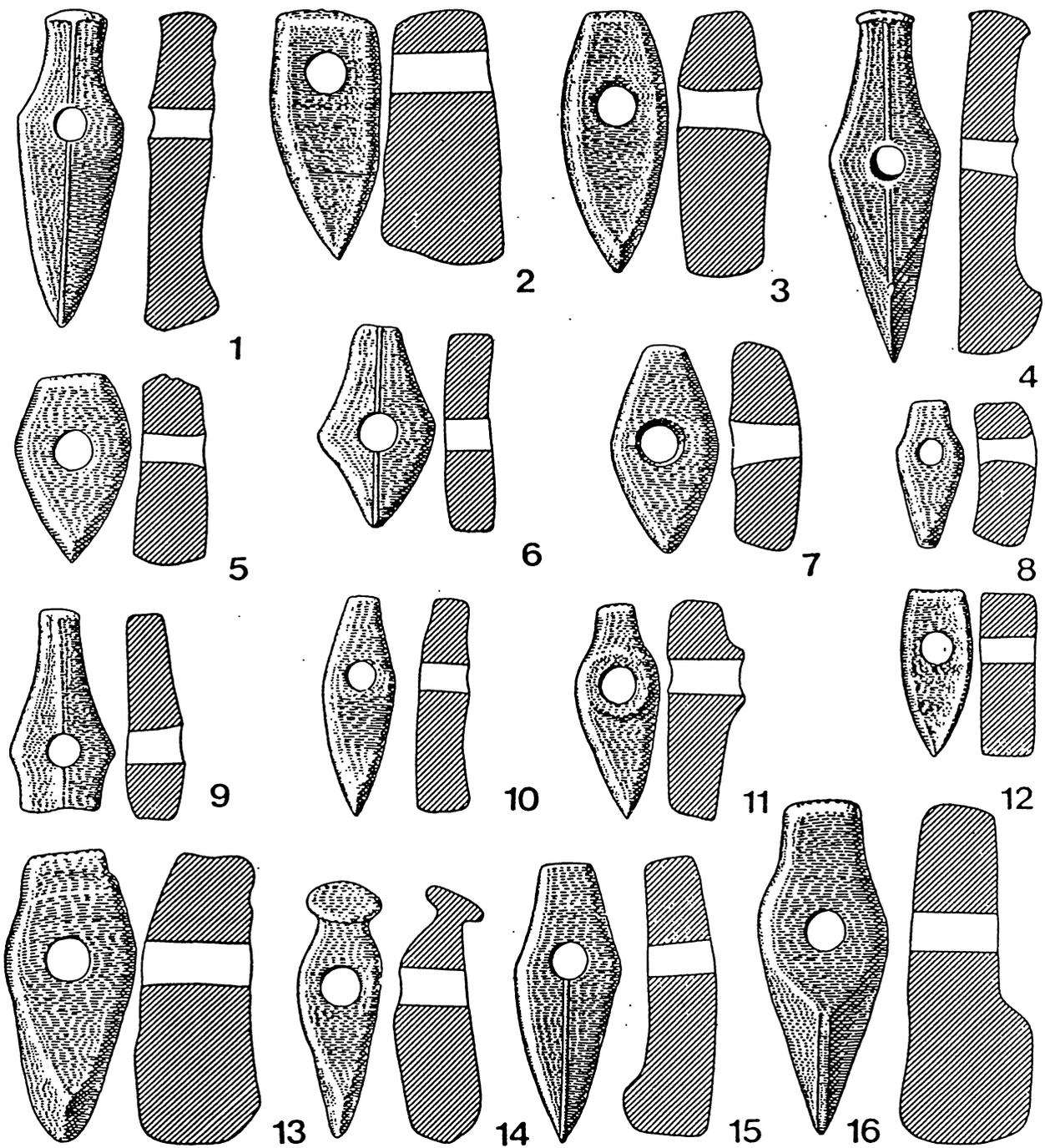

Рис. 51. Типы каменных сверленых боевых топоров балановской культуры (по А.Х. Халикову)

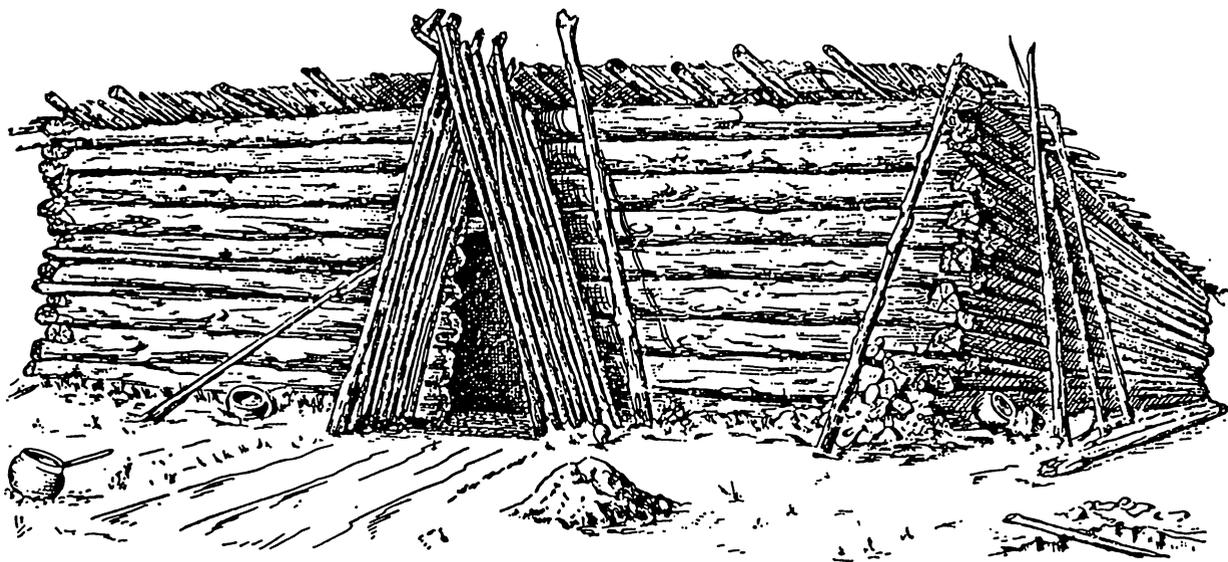
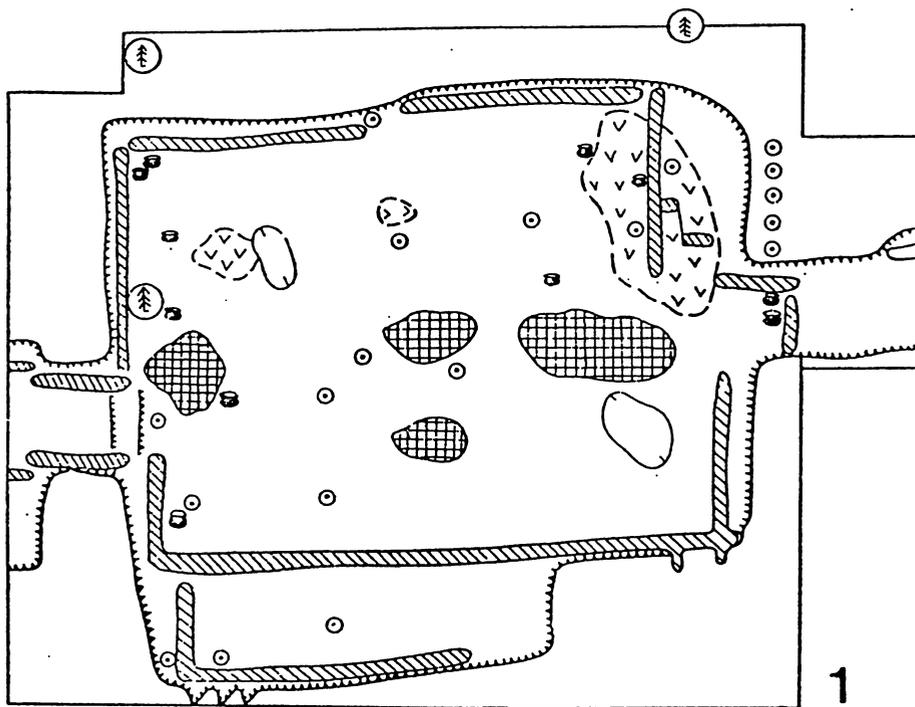

Рис. 52. Жилища балановской культуры.
 1 – план жилища 2 поселения Галанкина Гора; 2 – реконструкция балановского жилища по материалам Васильсурского поселения

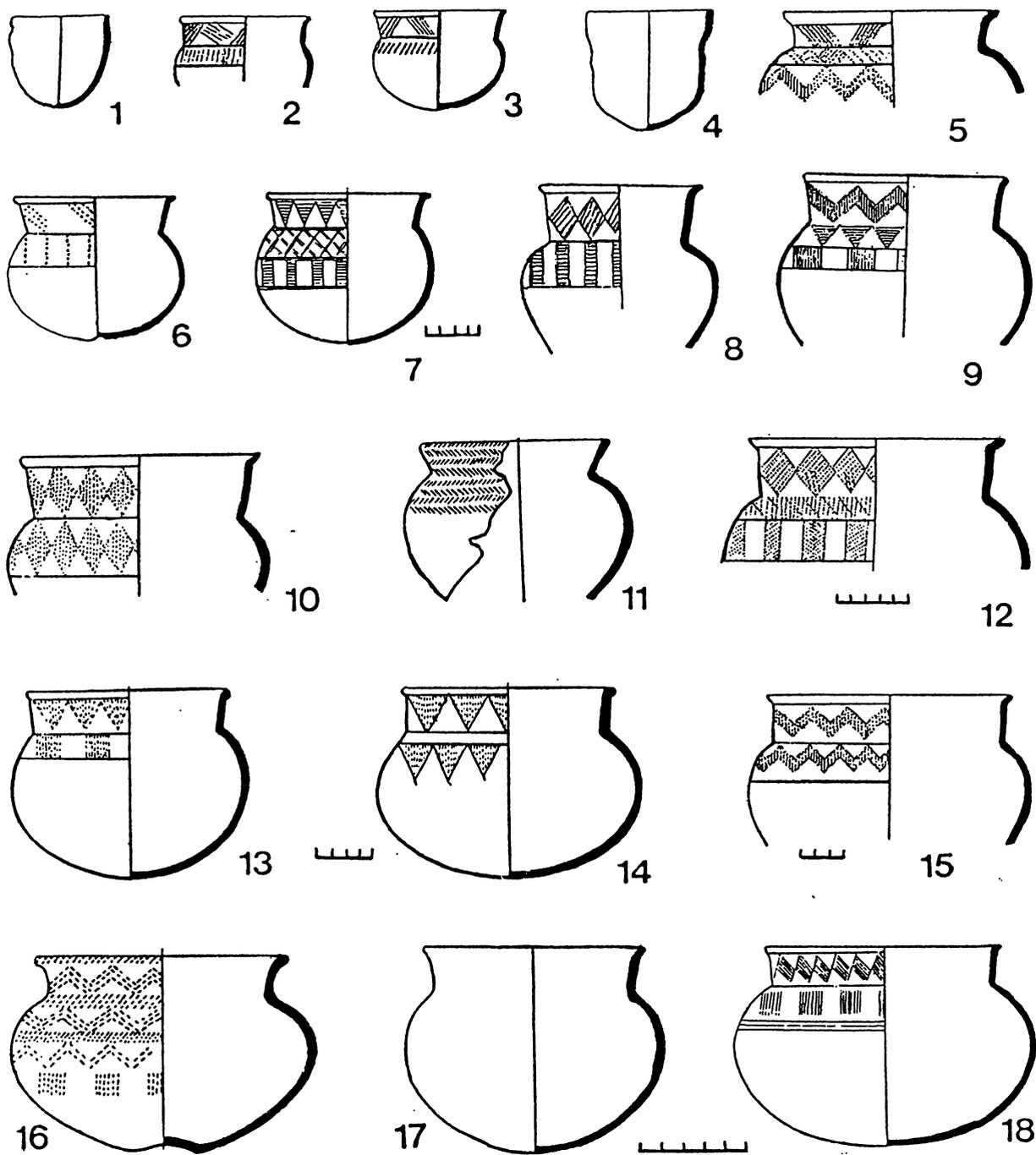

Рис. 53. Глиняная посуда памятников балановской культуры (по О.Н. Бадеру, А.Х. Халикову).
 1-6, 8-10, 12, 15, 18 - Кубашевское поселение; 7 - могильник Марийская Лиса; 11 - Павлушатский
 могильник; 13, 14 - Ситцовский курган; 16 - поселение Буй I

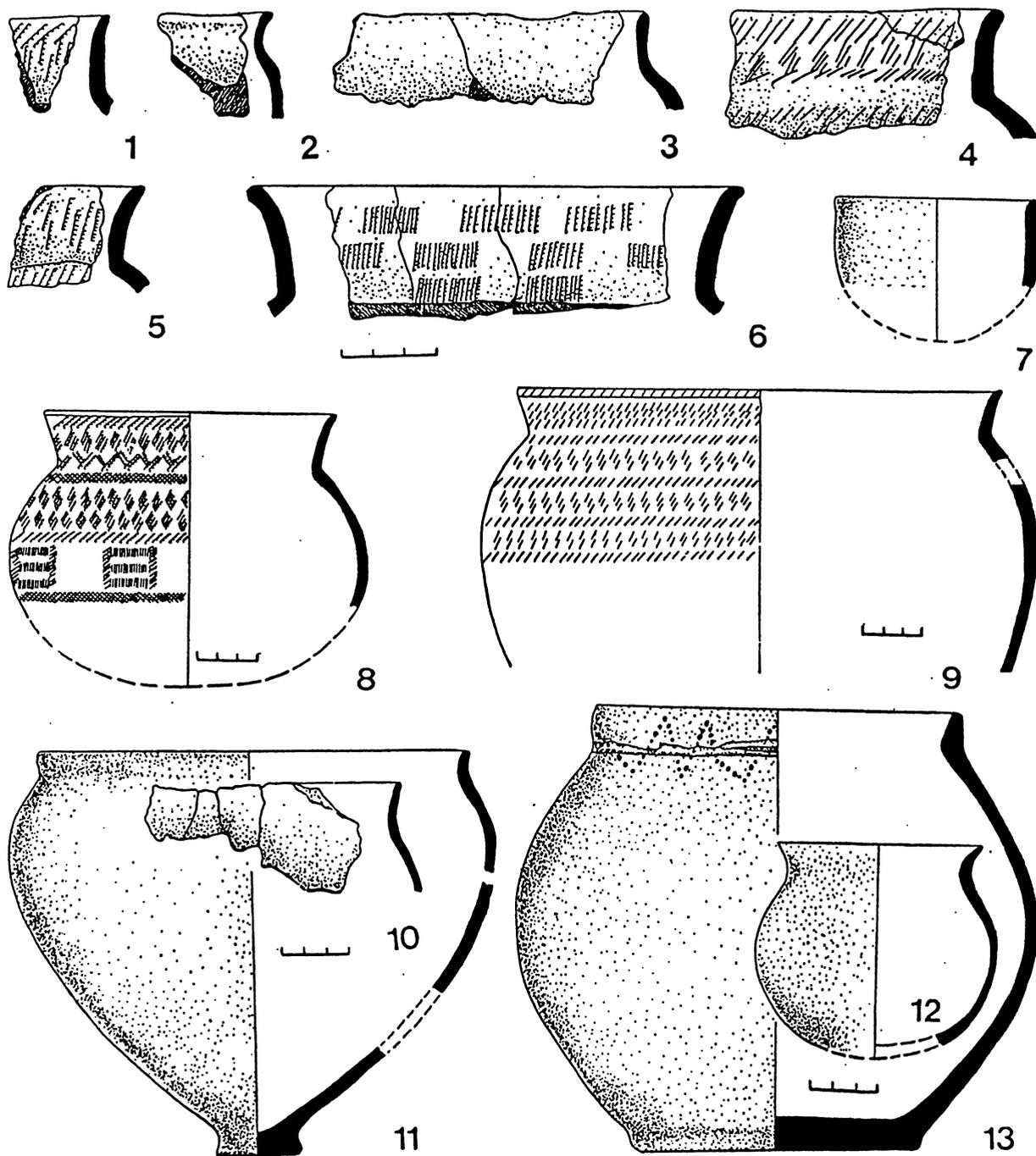

Рис. 54. Глиняная посуда балановской культуры. Поселение Усть-Курья (по Н.П. Девятовой)

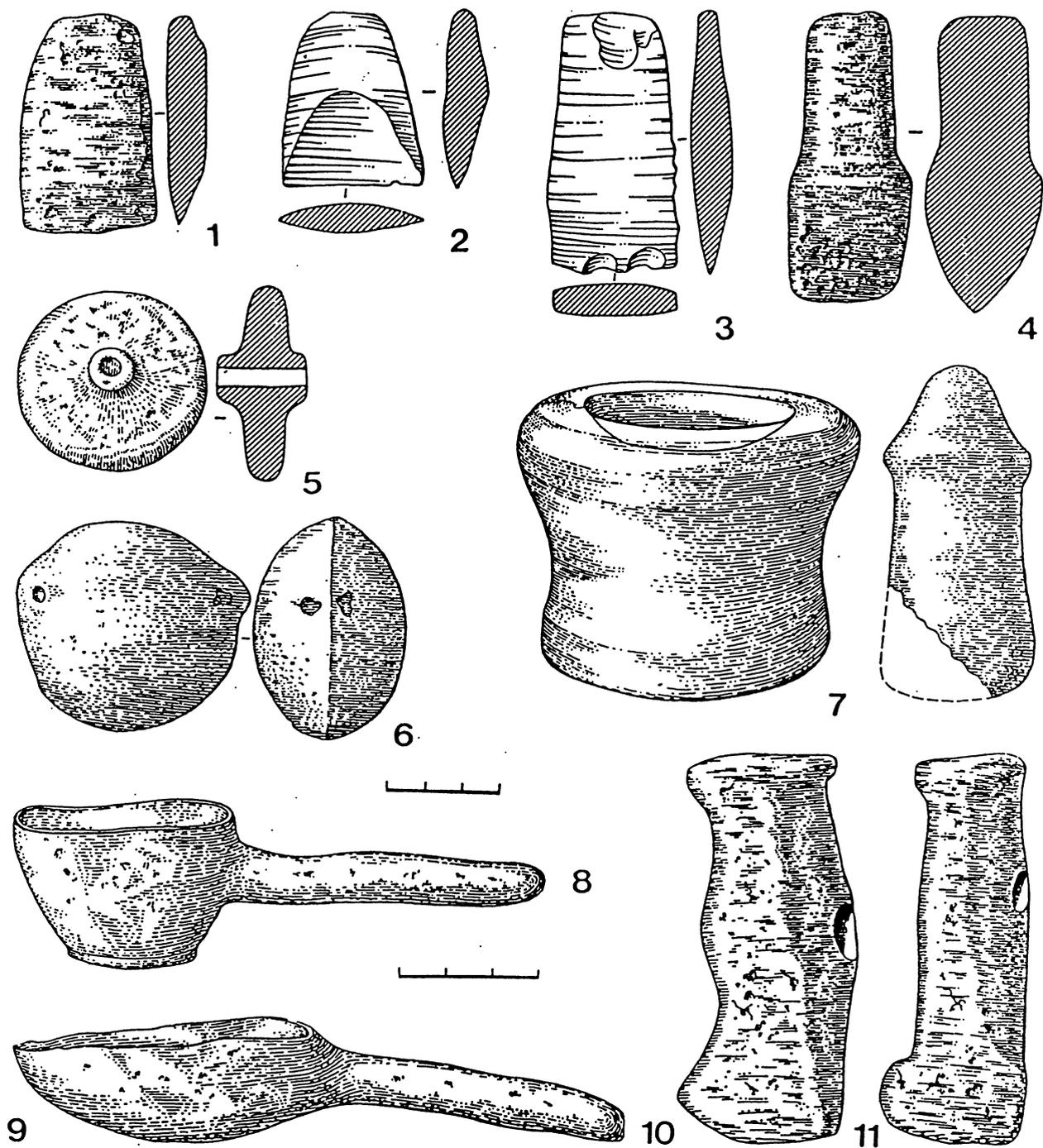

Рис. 55. Вещи памятников балановской культуры (по О.Н. Бадеру и А.Х. Халикову).
 1-4 – клиновидные топоры; 5 – колесо от игрушки повозки; 6 – погремушка; 7 – ступа и пест;
 8, 9 – лозьки; 10-11 – топоры; 1-4, 7 – камень; 5, 6, 8-11 – глина

до н. э.), ошпандинский (XIII–XII вв. до н. э.) и хуласючский (XI–IX вв. до н. э.). По наблюдениям Б.С. Соловьева, первоначально балановцы заняли правобережье р. Волги и возвышенные участки Вятско-Ветлужского междуречья, а местное финно-угорское население обитало преимущественно в низменном Полесье, мало пригодном для скотоводства (Б.С. Соловьев, 1991, с. 59–60). Наверное, это было непростое время как для пришельцев (балановцев), так и для аборигенов – финно-угров (волосовцев). Первым было трудно, потому что они осваивали новые для них территории, вторым было тревожно от неизвестности о намерениях пришельцев. Вероятно, первоначально было и языковое непонимание, и пролившаяся не единожды кровь. Но главный урок – это урок сотрудничества. Не обособленностью, а взаимодействием, не войнами, а мирным сосуществованием, обменом и усвоением достижений соседей обусловлен прогресс. Здравый смысл населения, составившего эти две археологические культуры привел к их ежедневным контактам, завершившимся не истреблением друг друга, а дружбой и взаимопониманием. Постепенно были налажены контакты пришлого и местного населения. Это проявилось в возникновении в конце первой – второй четверти II тыс. до н. э. смешанных баланово-волосовских поселений (Нижняя Стрелка IV и Удельный Шумец VII), расположенных в устье р. Ветлуги, и образованию синкретической чирковской культуры.

В бассейне р. Вятки балановская керамика встречалась на дне жилищ вместе с местной энеолитической гаринской на поселениях Буй I, II (В.П. Денисов, 1958; М.И. Трефц, 1985), Усть-Курья (раскопки Н.П. Девятовой), Чернушка II (раскопки Л.А. Наговицына) и в других местах. Время существования этих памятников укладывается в пределы второй четверти II тыс. до н. э. Памятников балановской культуры двух последних этапов (ошпандинского и хуласючского) в Вятско-Ветлужском бассейне нет (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 77). Культуры, ана-

логичной чирковской, вследствие, вероятно, кратковременности контактов, здесь так и не возникло (Б.С. Соловьев, 1990, с. 52).

Важное значение для дальнейшего развития прапермян имело и формирование в Приуралье балановского очага металлургии, основанного на вятско-казанской группе месторождений медистых песчаников приуральского горно-металлургического центра (Е.Н. Черных, 1966, с. 77). Балановцы не только разрабатывали рудные месторождения, получали металл, но и знали литье медных предметов в формах. Под влиянием балановцев местные финно-угорские народы (волосовцы, гаринско-борское население) уже в первой четверти II тыс. до н. э. ознакомились с первыми навыками обработки меди, а позже у них сформировались собственные, хоть и маломощные, металлургические очаги (волосовский и гаринский), основанные на разработке легко добываемых руд – пермских медистых песчаников и выработке почти из чистой меди немногочисленных, но оригинальных форм изделий, выполненных в техникековки, а также литья в простейшие формы открытого типа. Балановцы умели делать из меди различные украшения (рис. 56–1–6), шилья (рис. 56–7), наконечники копий (рис. 56–8) и втульчатые вислообушные топоры (рис. 56–9). Получать бронзу они еще не умели (Е.Н. Черных, 1970, с. 107).

Балановское население принесло в Приуралье хорошо отработанные навыки животноводства. По мнению А.П. Смирнова, основную роль в переходе финно-угров лесной полосы Восточной Европы к животноводству сыграли именно фатьяново-балановцы (А.П. Смирнов, 1975, с. 184–187). Они разводили домашних животных: в начале II тыс. до н.э. – свиней и мелкий рогатый скот, ближе ко второй четверти II тыс. до н. э. – крупный рогатый скот и лошадей (там же, с. 187; В.В. Никитин, 1979, с. 41). В частности, на Балановском могильнике найдены кости быка, барана, лошади и свиньи (О.Н. Бадер, 1963, с. 277). На Васильсурском поселении, расположенном в устье

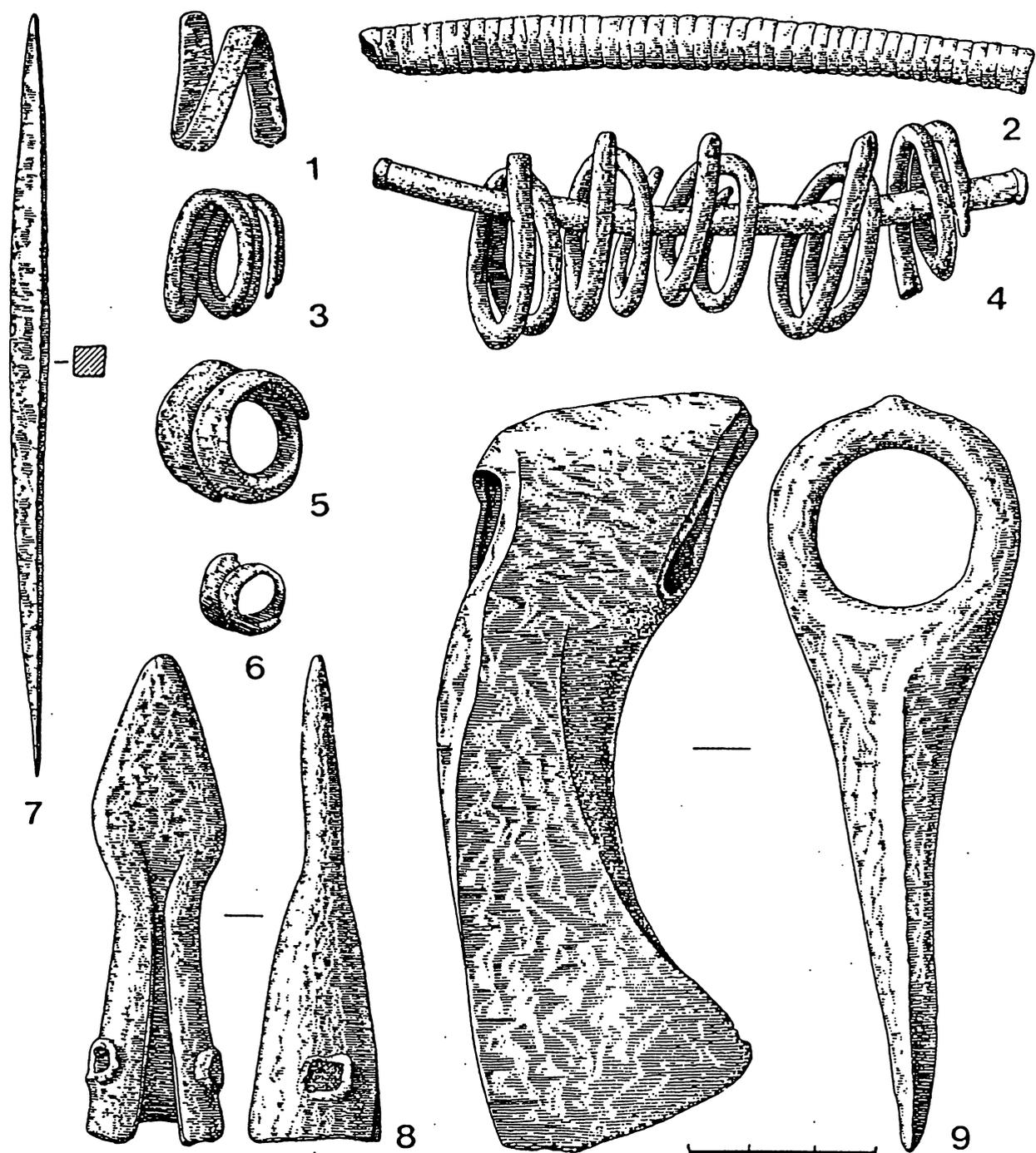

Рис. 56. Медные изделия Балановского могильника (по О.Н. Бадеру и А.Х. Халикову).
 1-6 - украшения; 7 - шило; 8 - наконечник копья; 9 - вислобушный топор

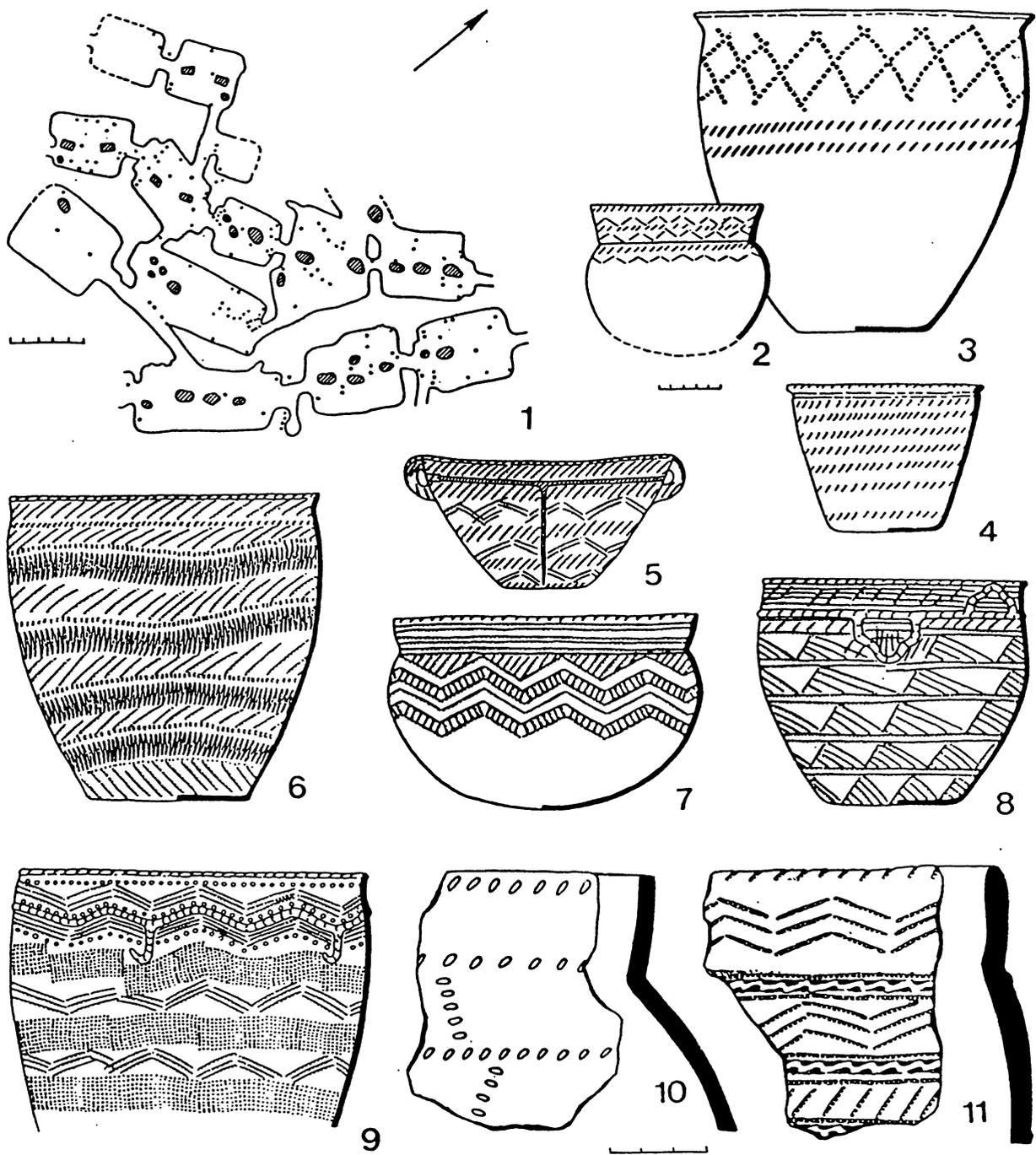

Рис. 57. Поселение Галапкина Гора чирковской культуры (по Б.С. Соловьеву).
 1 – план жилища; 2–11 – глиняная посуда

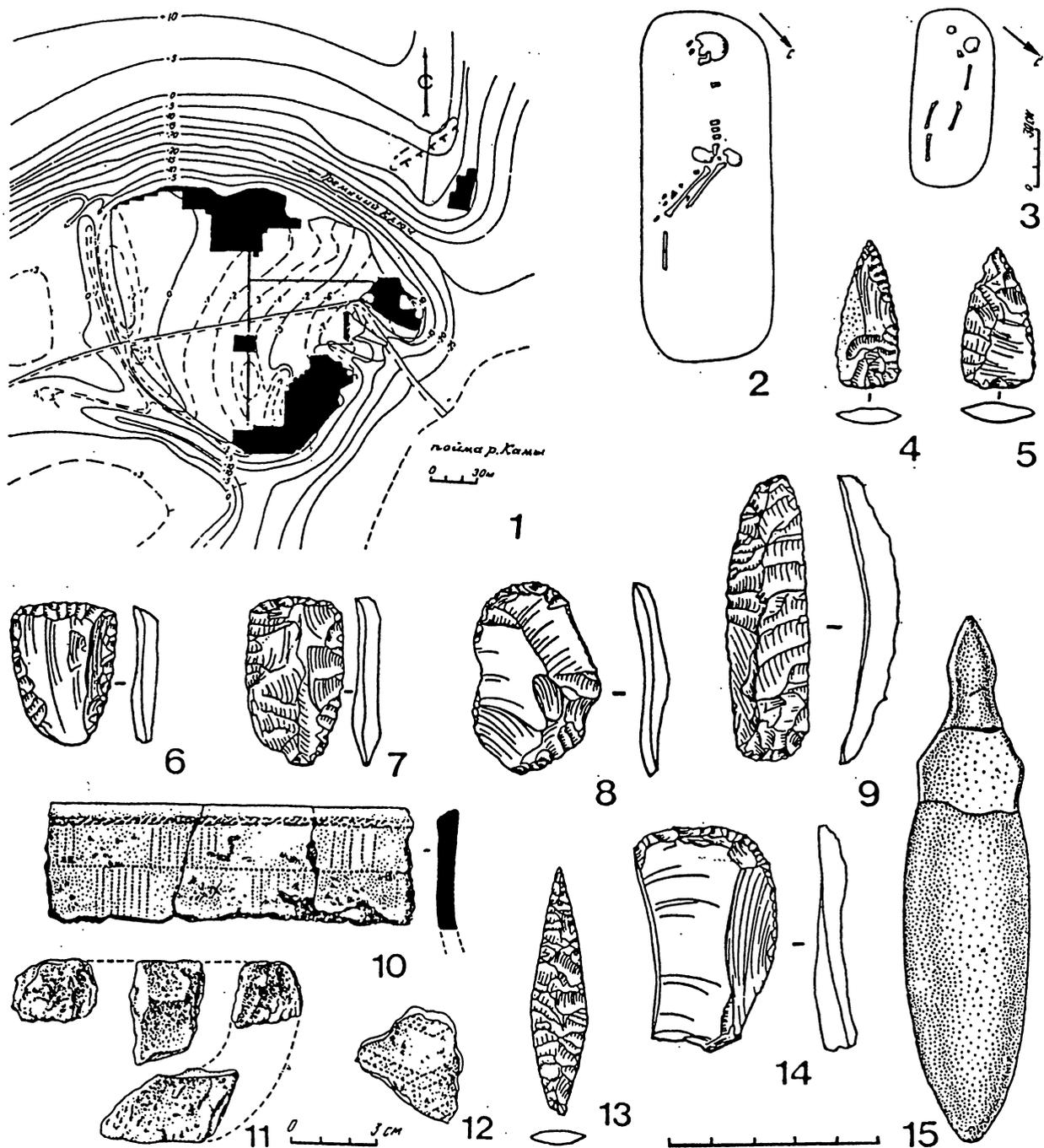

Рис. 58. Зуево-Ключевский могильник (по В.Ф. Генингу).

1 – топографический план городищ и могильника; 2 – план погр. 22; 3 – план погр. 1; 4, 5, 13 – наконечники стрел; 6–9, 14 – скребки; 10, 12 – обломки керамики; 11 – обломки тигля; 15 – нож. 4–9, 13, 14 – кремь; 10–12 – глина; 15 – медь

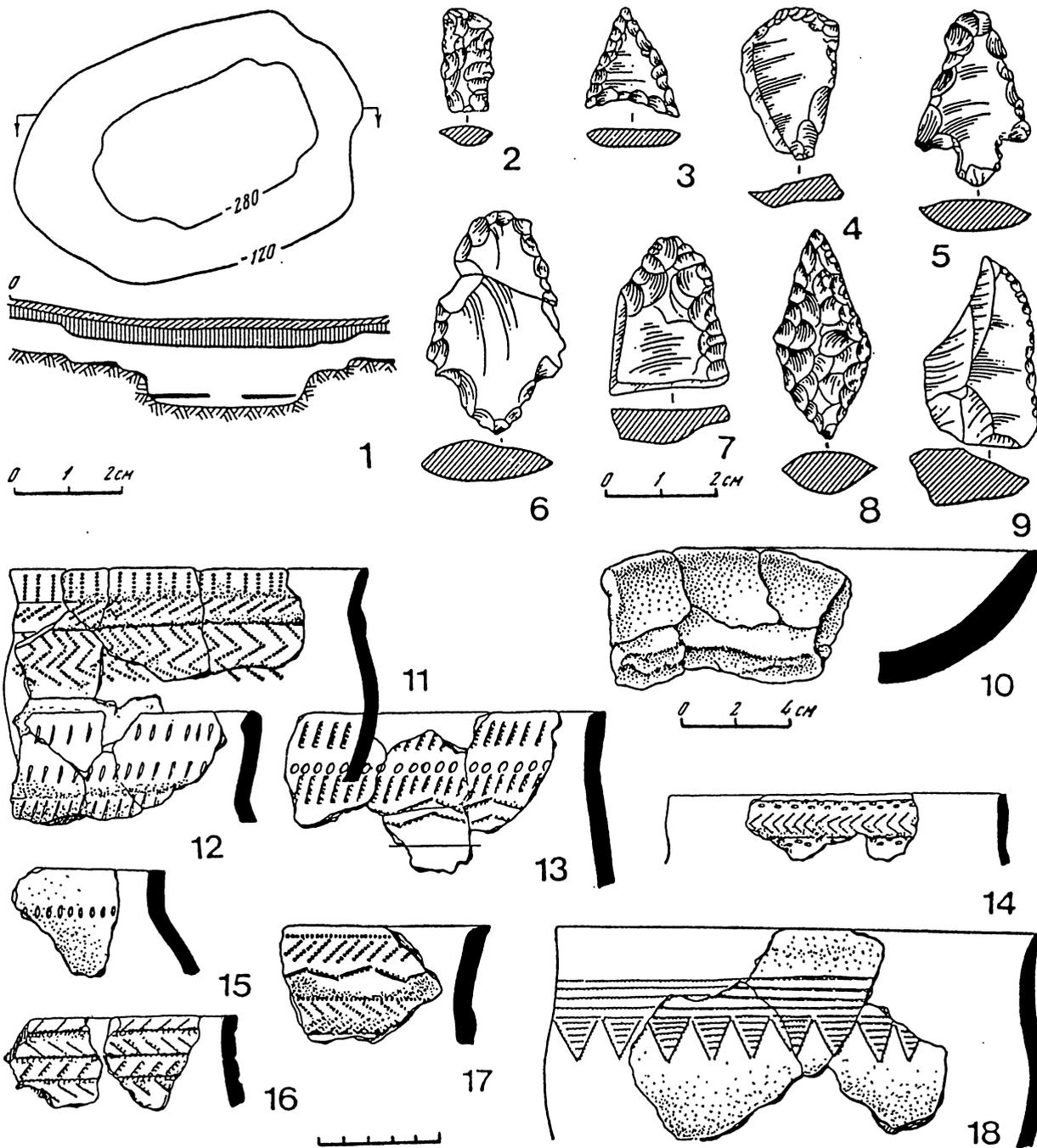

Рис. 59. Зуево-Ключевское поселение (по В.Ф. Гешигу).
 1 – план жилища; 2, 4, 7 – скребки; 3, 5, 6, 8 – наконечники стрел; 9 – нож; 10 – обломок тигля;
 11–18 – глиняная посуда. 2–9 – камень; 10–18 – глина

р. Суры, на правом берегу р. Волги, в слое балановского времени были обнаружены, наряду с остатками диких животных, 195 костей от 33 особей домашних животных – крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей (А.Г. Петренко, 1987, с. 146).

Пришельцы умели использовать быков в качестве тягловой силы, были знакомы с колесным транспортом в виде двухколесных повозок (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 80). Возможно, балановцы были первыми земледельцами в этом крае, культивируя подсечно-огневое земледелие с последующим использованием площадей, расчищенных от леса (Ю.А. Краснов, 1971, с. 17–18). Балановское население привнесло в финно-угорскую среду европеоидный узколиций восточно-средиземноморский антропологический тип (М.С. Акимова, 1963), истоки которого обнаружены в междуречье Днепра и Вислы.

В результате контактов балановцев и волосовцев в Вятско-Ветлужском междуречье и Среднем Поволжье в конце первой четверти II тыс. до н. э. возникла и просуществовала до начала третьей четверти II тыс. до н. э. своеобразная культура, названная чирковской, сочетающая в себе черты исходных культур (рис. 57) (Б.С. Соловьев, 1994). Именно на чирковских памятниках зафиксированы остатки первых сельскохозяйственных животных у финно-угров Поволжья: крупного и мелкого рогатого скота, свиней, лошадей (Б.С. Соловьев, 1991, с. 54). В настоящее время можно считать доказанным, что финно-угорское население Приуралья получило первые практические навыки в разведении домашних животных от фатьяново-балановцев во второй четверти II тыс. до н. э. в Среднем Поволжье, а затем этот опыт был приобретен другими финно-угорскими группами Приуралья.

Интереснейшим памятником удмуртского Прикамья являются поселение и могильник у д. Зуевы Ключи Каракулинского района Удмуртии. Здесь на двух соседних мысах (рис. 58–1) обнаружены следы поселения (северный мыс) и могильника (южный мыс). Жилище пред-

ставляло собой землянку глубиной более 2 м, размером 6×4,5 м (рис. 59–1). На дне ее выявлены остатки углей от костра, собрано около 130 каменных предметов: сколов, отщепов, чешуек, изготовленных из известняка, галечниковых пород и кварцита. Обнаружены и фрагменты глиняной посуды, украшенные оттисками мелкого гребенчатого штампа, насечками, ямками, образующими различные геометрические узоры (рис. 59–11–18). Обращают на себя внимание своеобразные украшения шейки – утолщения и валики по плечикам посуды. Из камня изготовлены 4 скребка (рис. 59–2, 4, 7), 2 ножа (рис. 59–9), 6 наконечников стрел (рис. 59–3, 5, 6, 8). Часть вещей по непонятным причинам побывала в огне.

На южной части площадки соседнего мыса обнаружены 25 могил этого же времени. Очертания могильных ям, заполненных темно-коричневым песком, четко фиксировались после снятия культурного слоя на фоне светло-желтого песка. Могильник раскопан полностью. В большинстве могил костяки не сохранились. В некоторых случаях обнаружены скелеты погребенных, которые лежали на боку с подогнутыми ногами (рис. 58–2, 3). В могилах найдены обломки тигля (рис. 58–11), медный нож (рис. 58–15), каменные наконечники стрел (рис. 58–4, 5, 13), скребки (рис. 58–6–9, 14), ножи, отщепы. Каменные орудия обработаны прекрасной ретушью. Замечателен и двулезвийный медный нож (рис. 58–15): довольно большой (18 см) при ширине лезвия 4 см, с удлиненным фигурным черешком и ромбическим навершием.

Зуево-Ключевские поселение и могильник были оставлены первыми металлургами Прикамья о чем красноречиво свидетельствуют медный нож (рис. 58–15) из могилы 15 и тигель – специальный толстостенный сосуд для плавки металла (рис. 58–11), найденный в погребении 12 могильника, а также обломки медеплавильной чаши, собранные в жилище (рис. 59–10). Именно эти люди научили местных охотников и рыболовов навыкам скотоводства, примитивного земледелия и обработке меди.

В.Ф. Генинг, руководивший раскопками этих памятников, считал, что они принадлежали сейминско-турбинскому и чирковскому населению (1975, с. 216–217). А.Х. Халиков относил их к чирковской культуре (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 136). Но существует и иная точка зрения – материал Зуево-Ключевских объектов более всего соотносится с абашевскими древностями. Основанием для такого мнения служат отсутствие классических сейминско-турбинских форм, а также анализ зуево-ключевского ножа, выявивший, из какого сырья он был изготовлен – высокомышьяковой ташказганской меди, и наибольшую близость его орудиям из уральских баланбашских комплексов абашевской общности (В.П. Денисов, С.В. Кузьминых, Е.Н. Черных, 1988, с. 56–57).

Абашевские племена тоже сыграли важную роль в истории Прикамья. Они появились, как считают А.Д. Пряжин и А.Х. Халиков, в Среднем Поволжье и Вятско-Ветлужском междуречье в середине II тыс. до н. э. и обитали там до конца III четверти. По мнению В.С. Горбунова, абашево во всех районах (Подонье, Поволжье, Башкирия) возникает одновременно и датируется XVII–XVI вв. до н. э. (1986, с. 74). С.В. Большов, специально занимавшийся изучением истории абашевцев в Поволжье, относит их древности к XVIII–XVII вв. до н. э. (1994, с. 18). В Поволжье абашевцы расположились в основном в Волго-Сурском междуречье, однако конфронтация с балановцами и финно-уграми вынудила их предпринять попытки освоить и более северную территорию. Их памятники располагались довольно компактной группой на водоразделах рр. Малой Кокшаги и Немды, левого притока р. Пижмы. Здесь известно около 30 курганов, курганных групп и несколько местонахождений керамики (рис. 60).

К настоящему времени исследовано более 90 абашевских курганов (С.В. Большов, 1994). Число их в группе колеблется от 1 до 50 (Пеленгерский I могильник). Диаметр курганов – 5–38, высота – 0,1–1,85 м. Вокруг насыпей заметны небольшие канавки. Во мно-

гих курганах зафиксированы на уровне погребенной почвы или в насыпи остатки погребальных тризн: следы костров, столбовые ямки от ограды или идола, обломки глиняной посуды, кости животных, кремневые изделия. Под курганами располагалось, как правило, одно погребение. Захороненных укладывали на спине с согнутыми в коленях ногами чаще в прямоугольные, иногда овальные могильные ямы, дно которых было выстлано берестой, деревом, корой. Редко встречалась подсыпка мелом, песком, охрой. В четвертой части могил не было инвентаря, почти в стольких же захоронениях находились лишь сосуды. Иногда в могилах имелись один или несколько сосудов и украшения из металла.

Глиняная посуда абашевцев оригинальна по форме – колоколовидная (рис. 61–18), баночная (рис. 61–19, 21), острорезберная (рис. 61–20). Орнамент выполнен в технике вдавлений, прочерчивания, редко оттисками гребенчатого штампа, образующих сложные геометрические композиции – ромбы, треугольники, заштрихованные прямоугольники, елочки, зигзаги (рис. 61–18–21).

Орудия труда в абашевских могильниках редки: шилья (рис. 61–14–16), нож (рис. 61–10), костяной наконечник мотыги (рис. 61–12), каменный наконечник стрелы (рис. 61–13), глиняная литейная форма для отливки топора (рис. 61–22). Необычайно выразительны и своеобразны украшения головы и головные уборы. Основой их была кожаная или меховая шапочка и налобная повязка, украшенная бляшками – розетками, очковидными подвесками, полусферическими бляшками, бисером и бусами, различными пронизками (рис. 61–23–26).

Абашевские поселения в Вятско-Ветлужском междуречье не известны. Абашевская керамика обнаружена лишь в нескольких случаях на финно-угорских поселениях (Большая Гора, Юринское) (С.В. Большов, 1994, с. 16), а также поселениям Изран на р. Вятке (рис. 62) (Е.М. Черных, 1988, с. 4–19). Отсутствие долговременных поселений, возможно, связано с нестабильной обстановкой в крае. Абашев-

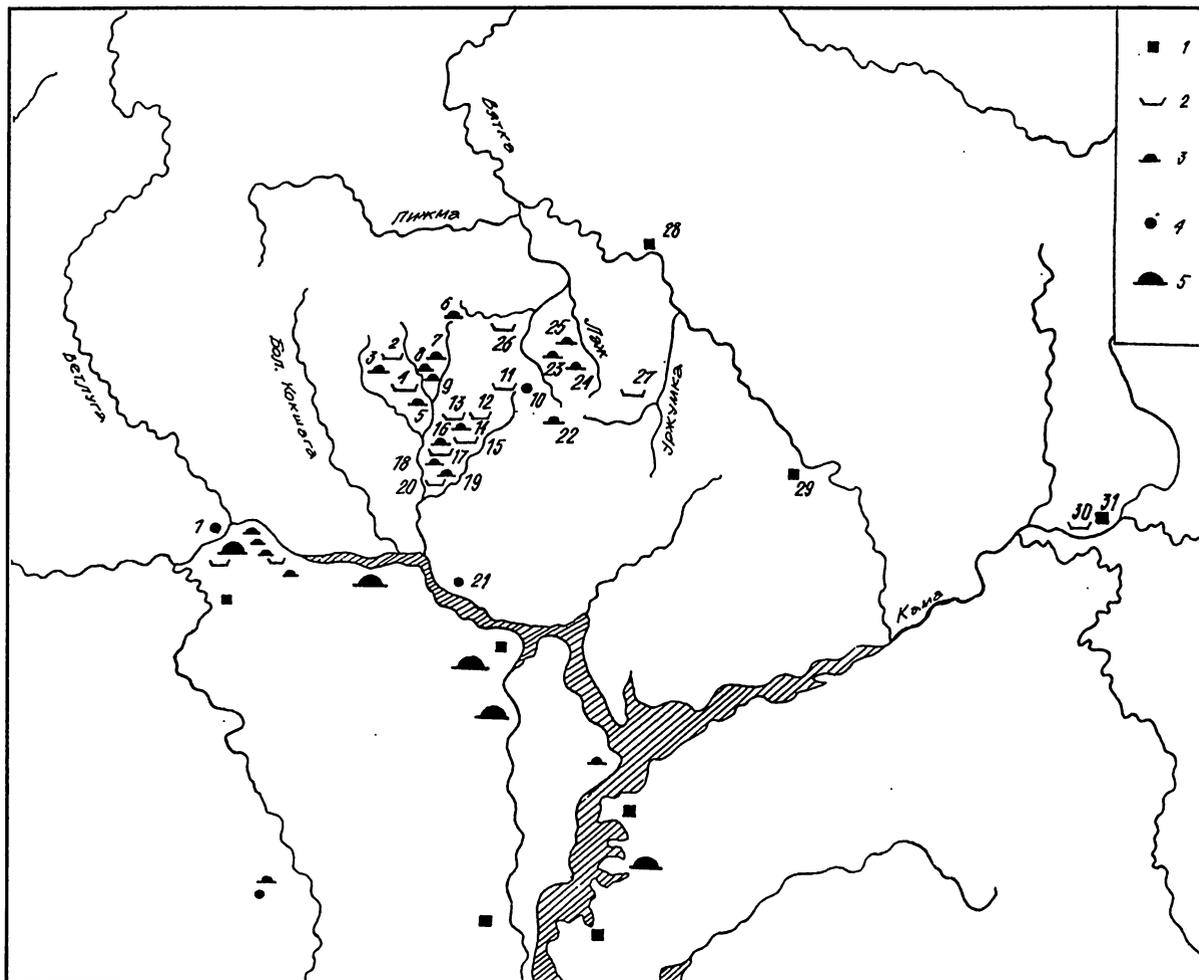

Рис. 60. Карта памятников абашевской культуры в Камско-Ветлужском междуречье.

1 – поселение; 2 – бескурганный могильник; 3 – курганный могильник; 4 – местонахождение; 5 – скопление 6–10 курганных могильников. 1. Юринское местонахождение; 2. Малокугуурский могильник; 3. Покровско-Утишская курганная группа; 4. Пеленгерский I могильник; 5. Пеленгерская II курганная группа; 6. Кугланурская курганная группа; 7. Большепуляльская курганная группа; 8. Великопольская курганная группа; 9. Великопольский курган; 10. Тапшерское местонахождение; 11. Тапшерский могильник; 12. Прокопьевский могильник; 13. Троицкий могильник; 14. Колянурская курганная группа; 15. Семейкинский могильник; 16. Алеевский курган; 17. Сретенский могильник; 18. Акашевский (Ямай-Солишский) курган; 19. Абаспурская курганная группа; 20. Туруновский могильник; 21. Большая Гора местонахождение; 22. Басалаевский курган; 23. Сосновская курганная группа; 24. Шишурская курганная группа; 25. Шукшиерский курган; 26. Вильяльский могильник; 27. Нартасский могильник; 28. Буй I поселение; 29. Израп поселение; 30. Зуевы Ключи могильник; 31. Зуевы Ключи поселение

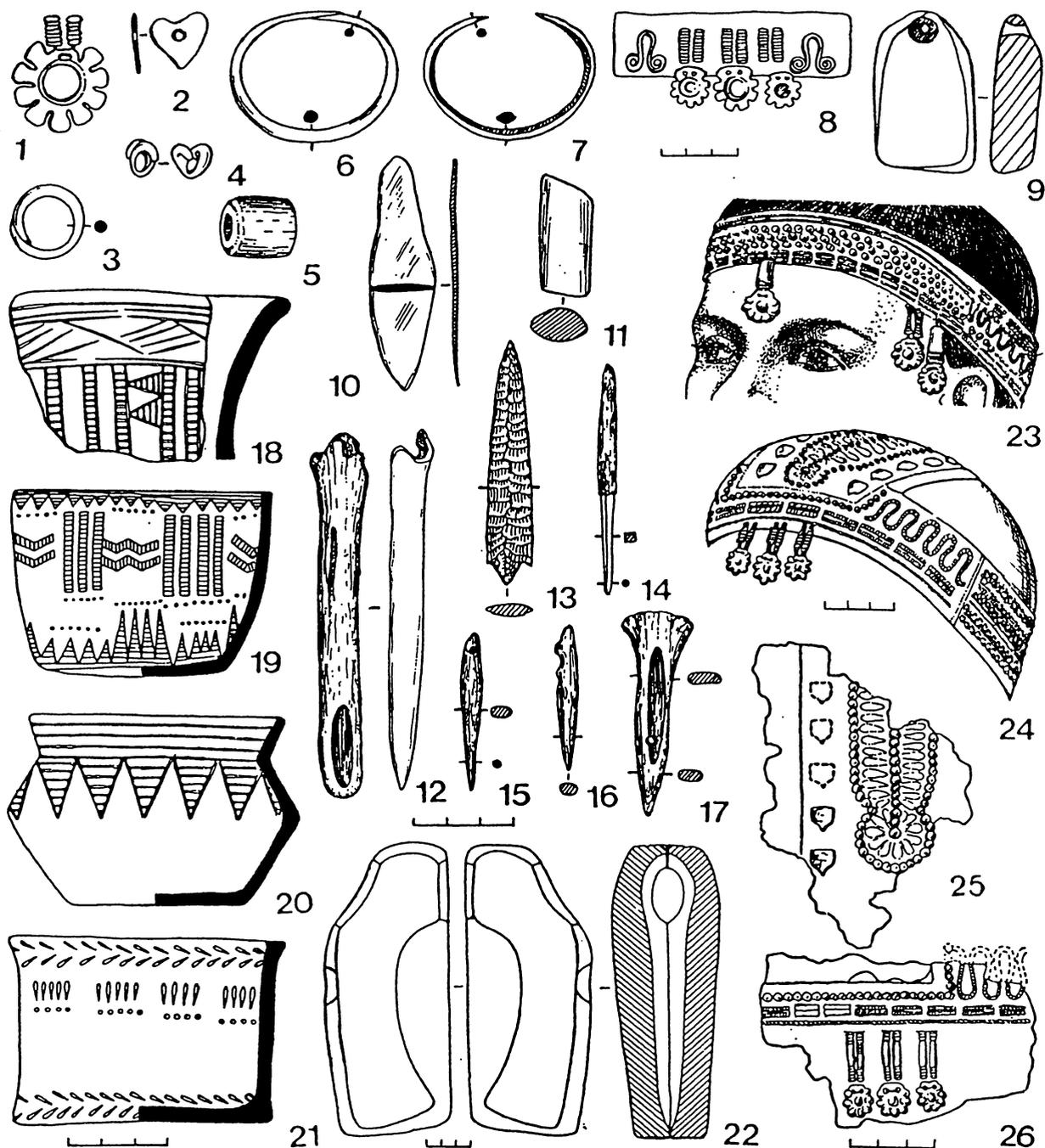

Рис. 61. Материалы абашевских памятников Вятско-Ветлужского междуречья и Среднего Поволжья (по А.Д. Пряхину, А.Х. Халикову).

1-4, 6-8, 23-26 – украшения; 5, 11, 12, 17 – бытовые предметы; 9 – подвеска; 10 – обувь;
13 – наконечник стрелы; 14-16 – шилья; 18-21 – сосуды; 22 – литейная форма.

1, 3-5, 12-17, 22 – Пепкинский курган; 2, 6, 9, 20 – Туруновский I могильник;

7, 8, 19, 23 – Вилатовский II могильник; 10, 11 – Мало-Кугунурский могильник; 18 – Юриское поселение;
21 – Пеленгерский I могильник; 24, 26 – Ташиерский могильник; 25 – Вильяльский могильник.

1-4, 6-8, 10, 14-16 – медь; 5, 11, 12, 17, 25 – кость; 9, 13 – камень; 18-21, 22 – глина; 23-26 – кожа и медь

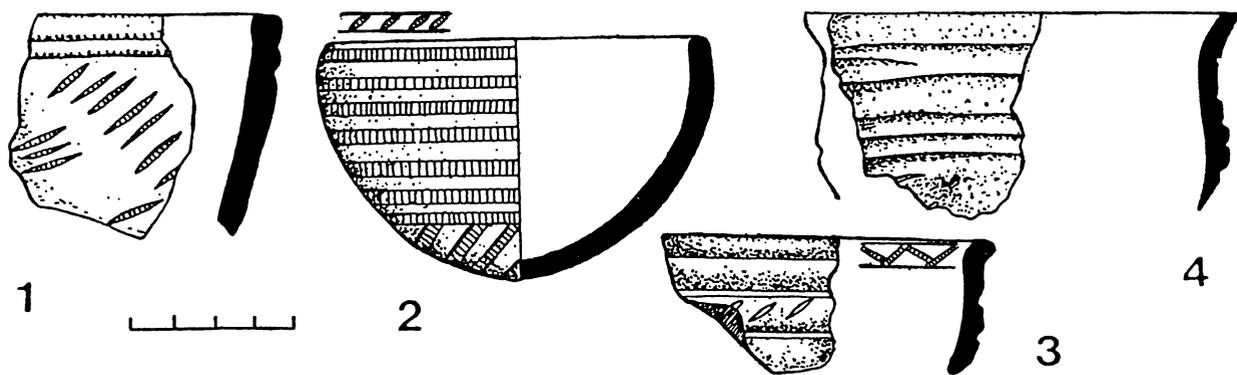

Рис. 62. Глиняная посуда абашевской культуры поселения Изран (по Е.М. Черных)

цам приходилось отвоевывать территории, занятые уже балановцами и финно-уграми (волосовцами и чирковцами). Подтверждают это материалы Пепкинского кургана, расположенного напротив устья р. Ветлуги и раскопанного под руководством А.Х. Халикова (А.Х. Халиков, Г.В. Лебединская, М.М. Герасимова, 1966). Под насыпью были обнаружены 2 индивидуальных и 1 коллективное захоронения, в которых зафиксированы останки 28 мужчин-воинов примерно одного возраста (25–30 лет) со следами смертельных травм. В области грудной клетки 13 скелетов найдены кремневые наконечники стрел, поразившие людей чаще всего со спины. Выстрелом из лука пробит череп скелета 21. Почти все погибшие обезглавлены, у одиннадцати скелетов черепа вообще отсутствуют, а у 7 – черепа лежали рядом. Многие сохранили следы мощных ударов медными топорами с острым лезвием. Вероятно, нападение было внезапным, и погибла довольно большая группа абашевцев. В братской могиле находились 26 глиняных сосудов, каменные, костяные, медные изделия и набор меднолитейщика.

Большой интерес представляет, найденная возле скелета меднолитейщика костяная пластина размером 9,5×6,8×2,1 см, вырубленная из рога лося. На отполированной плоскости ее вырезано изображение мирового дерева с молодым побегом и летящие к солнцу птицы (рис. 61–25), как считает К.И. Корепанов –

души убитых воинов (1992, с. 197). На оборотной стороне пластины также вырезано изображение мирового дерева, на которое с неба падают или на них растут крупные плоды. К.И. Корепанов оценивает эти изображения как космологическую идеограмму (письменный знак) оставшихся в живых абашевцев богествам Верхнего мира с пожеланиями воспроизводства рода и усиления его жизненных сил (там же, с. 196–200). Присутствие абашевцев в Волго-Вятском междуречье вынудило балановцев предпринять определенные шаги к обеспечению собственной безопасности – поселки их располагались в труднодоступных высоких местах и иногда были дополнительно укреплены.

Судя по антропологическим остаткам Пепкинского кургана, поволжские абашевцы были европеоидами (рис. 63–1, 2). Вопрос о происхождении абашевцев спорен, но большинство ученых считают их древними индоиранцами. Культурные особенности этой группы населения выработались, вероятно, в пределах лесостепи – северной периферии ямной исторической общности (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 130). Абашевцы, как и ямники, представляли собой одно из ранних образований индоиранцев (арийцев). Возможно, в результате контактов с ними в языке финно-угров появились арийские заимствования (*сто, мед, пчела, сирота, рог*) (Основы финно-угорского языкознания..., 1974, с. 45). Учитывая, что датировка абашевских мате-

Рис. 63. Древние антропологические типы Приуралья. Скульптурные реконструкции по черепам, выполненные Г.В. Лебединской.

*1 – воин из Пепкинского кургана абашевской культуры; 2 – кузнец из этого же кургана;
3 – мужчина из Полянского II могильника ананьинской общности; 4 – женщина чегандинской культуры;
5 – женщина полемской культуры*

риалов в последнее время несколько удревняется, это предположение становится все более доказательным.

Абашевцы имели развитое скотоводческое хозяйство. В составе стада преобладал крупный рогатый скот при незначительной доле мелкого рогатого и лошадей, отдельные группы разводили свиней. Земледелие в их хозяйстве было развито значительно меньше.

Абашевцы совершенствовали меднолитейное дело и выработали свои формы некоторых орудий труда, предметов вооружения и украшений. Абашевские металлурги снабжали готовыми изделиями и население лесной полосы Восточной Европы. У абашевцев существовали мастера-меднолитейщики, о чем свидетельствуют не только медные изделия, но и набор инструментов такого мастера в Пепкинском кургане: форма для отливки топора, две глиняные чаши-тигля, молот, плита для дробления руды, шлифовальник, каменные и костяные молоточки. Однако, как и балановцы, абашевцы не владели еще секретами получения искусственных сплавов – бронз (Е.Н. Черных, 1970, с. 27–28, 108–111).

Сохранились свидетельства достаточно глубоких астрономических представлений абашевцев о периодичности смены небесных светил, о зависимости от их положения смены дня и ночи, о цикличности временных климатических периодов и т. п. Известно несколько глиняных сосудов, найденных на абашевских памятниках (Пеленгерский, Пепкинский курганы), на орнаментальных композициях которых записан календарь на 360 и 365 дней (В.В. Никитин, 1992. с. 35–41).

Пребывание абашевцев в лесном Привятче было кратковременным, поэтому долговременные поселения абашевцев здесь не обнаружены. Вероятно, враждебные отношения с фатьяново-балановским и чирковским населением привели к миграциям абашевцев Поволжья в более южные районы.

Особую роль в истории древнего населения Приуралья сыграла миграция с востока в XV–XVI вв. до н. э. сейминско-турбинских племен.

Это объединение сложилось в лесостепных предгорьях Алтая, и за короткое время его представители прошли по лесостепным и лесным пространствам на запад, достигнув Приуралья (Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, 1989, с. 266–277). Возле Урала сейминско-турбинцы, по мнению Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, разделились на три потока. Первый, наиболее многочисленный, прошел по Южному Уралу через абашевскую территорию и осел преимущественно на Средней Каме (Турбинские, Усть-Гайвенский могильники, Заосиново IV, Бор-Ленва; рис. 64). Турбинцы вынужденно контактировали с абашевцами: людские потери способствовали взаимоотношениям с абашевскими женщинами, а нехватка металла заставила использовать зауральскую абашевскую мышьяковую медь для отливки оружия. Во время появления турбинцев в Европе в их составе примерно четвертую часть составляли выходцы из абашевской среды, скорее всего, женщины, так как «этническое сейминско-турбинское оружие» – наконечники копий с вильчатым стержнем (рис. 65–20), кельты (рис. 65–7, 8) и кинжалы с металлическими рукоятками (рис. 65–31) – в могилах аборигенов не встречалось.

Второй поток сейминско-турбинцев двигался более южным путем, огибая поселения уральских абашевцев и контактируя преимущественно с населением северной периферии срубно-андроновского мира, и остановился в низовьях Камы, Среднем Поволжье и низовьях Оки. Их центром было, видимо, устье Камы, где они оставили Соколовский могильник. Эту группу представляют отдельные находки, происходящие из разрушенных памятников – Красный Яр, Бозяково III, Мурзиха I, Березовка-Омары, Елабуга. Возможно, небольшая группа турбинцев осела на р. Вятке, о чем свидетельствуют находки в Донаурово и Коршуново (рис. 64). В 1884 г. возле д. Коршуново при добыче глины местными крестьянами были найдены втульчатый топор, наконечник копья, два ножа, два чекана и тесло (рис. 66–1–6). Позже место находки осмотрел А.А. Спицын, но безрезультатно.

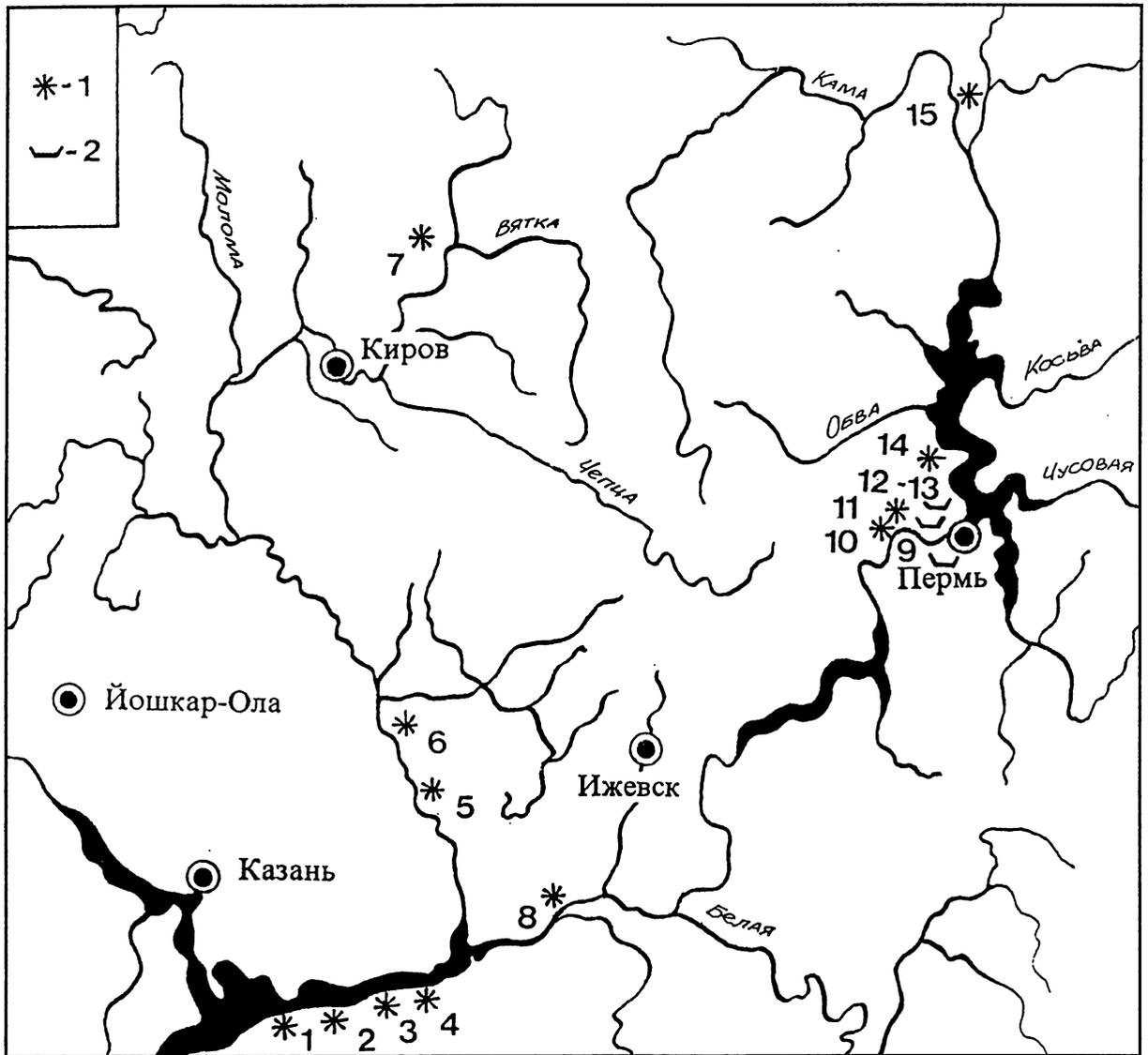

Рис. 64. Карта памятников сейсмико-турбинского типа в Прикамье.
 1 – находка; 2 – могильщик. 1. Соколовка; 2. Базяково III; 3. Мурзиха I; 4. Иняево; 5. б.виш. Вятская губ.;
 6. Донаурово; 7. Коршуново; 8. Елабуга; 9. Заосиново IV; 10. Нытва; 11. Усть-Гайва; 12. Турбино I;
 13. Турбино II; 14. Бор-Ленва; 15. б.виш. Чердынский уезд

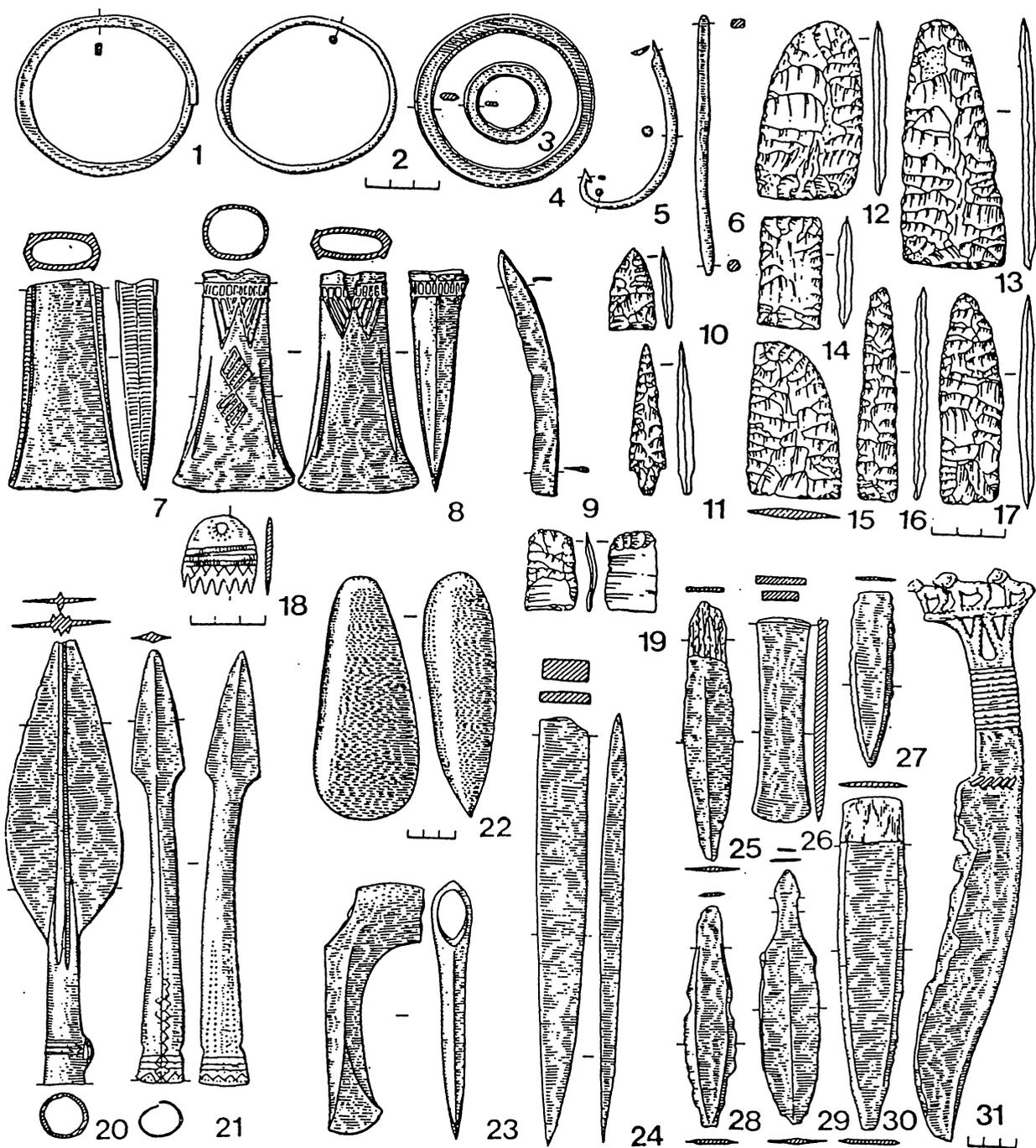

Рис. 65. Погребальный инвентарь Турбинских (1-30 -I; 31 - II) могильников
(по Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых).

1, 2 – браслеты; 3, 4 – кольца; 5 – рыболовный крючок; 6 – стержень; 7, 8 – кельты;
10, 11 – наконечники стрел; 9, 12-17, 19, 25, 28-31 – ножи и кинжалы; 18 – подвеска;
20, 21 – наконечники копий; 22 – каменный топор; 23 – втульчатый топор; 24 – чекан; 26 – тесло;
27 – нож-пилка. 2, 20 – биллон; 3, 4 – нефрит; 10-17, 19 – кремь; 22 – диорит(?); остальное – медь и бронза

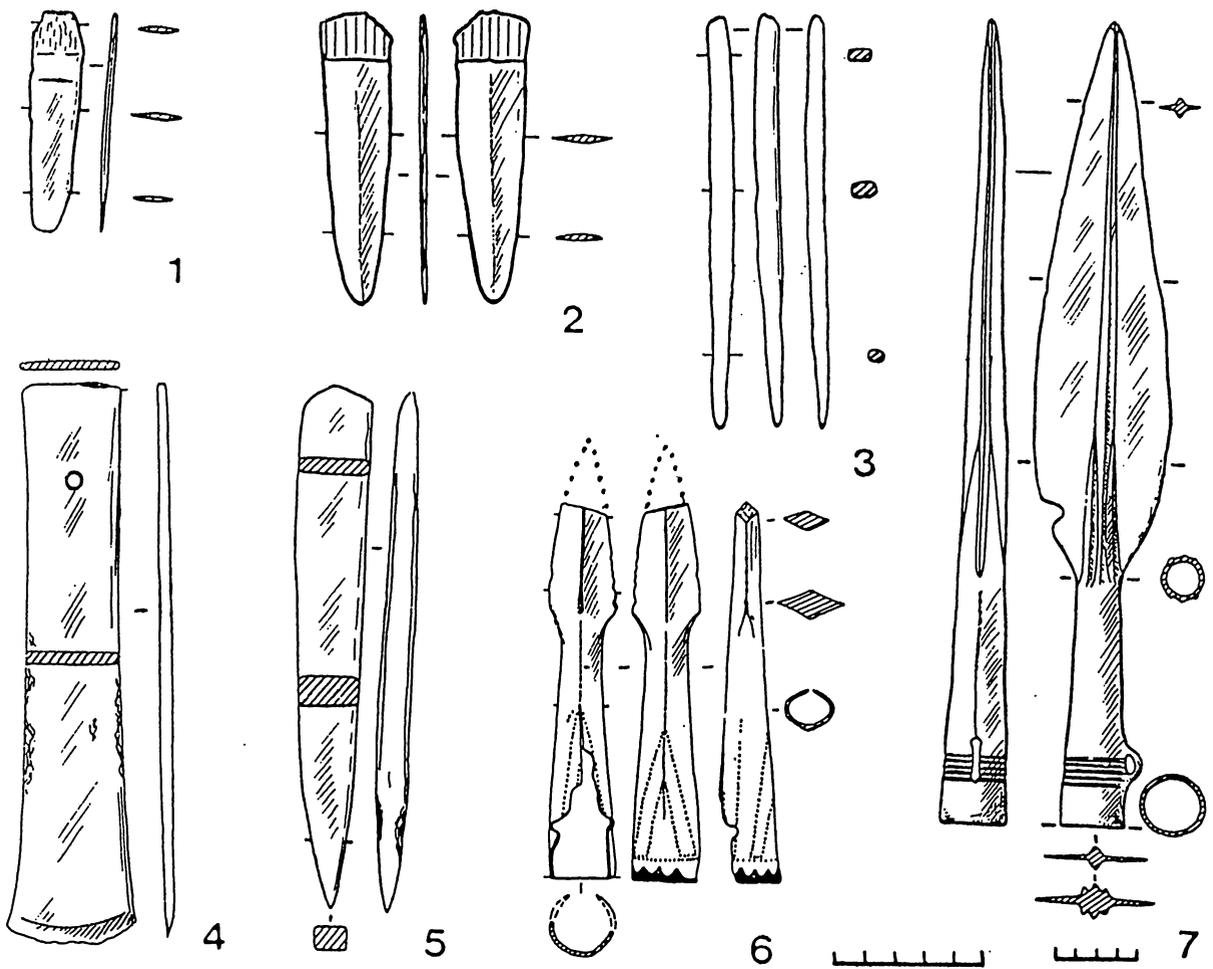

Рис. 66. Бронзовые вещи памятников сейминско-турбинского типа бассейна р. Вятки
(по С.В. Кузьминых).

1, 2 – ножи; 3, 5 – чеканы; 4 – тесло-долото; 6, 7 – наконечники копий.
1–6 – Коршунювские; 7 – Донауровская находки

В Кировском музее хранится наконечник копья (рис. 66–7), происходящий из с. Донаурово Уржумского района, расположенного недалеко от устья р. Кильмези. Анализ показал, что предмет выполнен из оловянной бронзы (Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, 1989, с. 65).

Третья группа сейминско-турбинского населения перешла Урал в его средней, или даже северной, части, избежав контактов с абашевцами, срубно-андроновским массивом, и осела на Печоре (Канинская пещера) (Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, 1989, с. 273–275).

Памятники турбинского типа – явление для Приуралья оригинальное. Главным сре-

ди прочих находок и разрушенных могильников является Турбинский I могильник, расположенный напротив устья р. Чусовой. Раскопки его проводили в 1924–1927 гг. А.В. Шмидт, в 1934–1935 гг. Н.А. Прокошев и в 1958–1960 гг. О.Н. Бадер. Общая раскопанная площадь составила 5118 кв. м. На ней была обнаружена 101 могила. Костей погребенных не найдено. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых считают, что господствовал обычай устройства кенотафов (пустых могил), т. е. не содержащих тел покойных, а сооруженных в память о погибших вдали. Из особенностей обряда следует отметить вот-

кнутые в дно и стенки ямы копья и топоры-кельты. Плани-графический анализ остатков Турбинского могильника позволил Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых выделить три группы захоронений, принадлежавших, вероятно, трем разным кланам и содержащих отличающиеся наборы инвентаря (1989, с. 208).

На могильнике собрано 3128 предметов. Среди металлических предметов – 44 кельта (рис. 65–7, 8), 40 ножей (рис. 65–9, 25, 27, 28–30), 13 наконечников копий (рис. 65–20, 21), 5 чеканов (рис. 65–24), 3 втульчатых топора (рис. 65–23), 23 височных кольца, 9 браслетов (рис. 65–1, 2), подвеска (рис. 65–18), рыболовный крючок (рис. 65–5), тесло (рис. 65–26) и др. Кремневые изделия представляют 189 наконечников стрел (рис. 65–10, 11), 51 вкладышевый нож (рис. 65–12–17), 585 скребков (рис. 65–19), 260 ножевидных пластин. Кроме того, найдены 36 нефритовых колец (рис. 65–3, 4) и другие вещи (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 87). В числе случайных находок на Турбинском II могильнике уникальный кинжал с изображением горных баранов – архаров (рис. 65–31), обитавших на Алтае.

Используя спектральный анализ многих металлических изделий, а также статистико-комбинаторные методы при изучении сейминско-турбинского металла, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых доказали, что это население владело сложнейшей технологией металлургии бронзы. Лишь малая часть изделий (8,3%) была выполнена из чистой меди. Почти половина предметов (41,4%) была отлита из оловянных и оловянно-мышьяковистых бронз, полученных из руд Горного Алтая. Довольно значительна группа мышьяковых (29,7%) и мышьяково-сурьмянистых (6,0%) бронз, которые связываются с уральскими рудными источниками. Из уральских же руд были сделаны вещи, отлитые из медно-серебряных (4,0%) (биллоны) или серебряно-медных (8,0%) сплавов. Кроме того, турбинцы умели не только выплавлять изделия, но и прибегали к особо сложному литью – по воско-

вой модели, позволяющему воспроизводить мельчайшие детали орнамента (например, фигурки баранов на кинжале из Турбино I). Они широко применяли тонкостенное литье при производстве втулок копий, кельтов, вислообушных топоров. Пришельцы значительно превосходили местных жителей даже в производстве каменных орудий. Столь прекрасная выделка кремневых ножей-вкладышей была неизвестна местному населению. У пришельцев был совсем иной уровень военной организации, как наступательного, так и защитного вооружений, средств передвижения и т. д.

Переселение сейминско-турбинцев в Приуралье явилось мощным толчком для прогресса во всех областях жизни древнего приуральского населения, способствующим переходу местных племен к бронзовому веку. Спустя некоторое время достижения сейминско-турбинского населения будут усвоены многими евразийскими народами, в том числе и пермянами Приуралья. По мнению В.В. Напольских, с сейминско-турбинским феноменом связаны заимствования в финно-угорской лексике из прототохарского – одного из индоевропейских языков – *колесо, человек, меч, волк, лошадь, мед, семь, ворона, соль, цветной металл* (В.В. Напольских, 1997, с. 152–156).

Таким образом, эпоха энеолита представляла собой очень важный рубеж в истории финно-пермского населения Приуралья. В это время произошло отделение финно-пермской общности (гаринско-волосовское население) от угорской. Однако четко обозначившееся деление на волосовцев и гаринцев свидетельствует об уже проявившейся тенденции дифференциации общности. Под воздействием балановцев (протобалто-славяно-германцев) и абашевцев (ранних индоиранцев, арийцев) финно-пермяне освоили скотоводство и земледелие, а также металлообработку. В результате этих контактов возникли собственные металлургические очаги в Прикамье (гаринский), в Поволжье (волосовский). Вследствие складывания многоотраслевого

хозяйства резко возросла численность населения. При господстве матриархальных отношений наметились первые свидетельства перехода к патриархату.

3.2. Эпоха бронзы в Камско-Вятском междуречье (XV–IX вв. до н. э.)

В следующем периоде истории Прикамья – бронзовом веке – было освоено искусство получения принципиально новых, неизвестных в природе сплавов – бронз. Этому явлению предшествовало знакомство металлургов с природными сплавами, например мышьяковой медью. Литейные свойства мышьяковой меди, содержащей до 3% мышьяка, были существенно лучше, чем чистой меди, и металл получался значительно тверже. Заметив эту особенность, древние металлурги стали искать искусственные добавки к меди и, найдя их, изобрели качественно новый сплав – бронзу. Металлурги разных мест использовали различные добавки: свинец, серебро, цинк, мышьяк, сурьму, даже серу и другие, но наиболее распространенным было олово. Чем больше добавляли олова, тем тверже становилась бронза. Кроме того, намного меньшая температура плавления бронзы (700–900°), чем меди (1084°), тоже сыграла свою роль в применении и распространении бронзовых сплавов. Как считает крупнейший специалист, изучающий эпоху раннего металла нашей страны, Е.Н. Черных, на Урале сложился один из шести древнейших очагов металлургии. Среди этих шести – кавказский, казахстанский, саяно-алтайский, среднеазиатский, забайкальский. Уральский центр сложился позже кавказского, балкано-карпатского и копетдагского (Е.Н. Черных, 1970, с. 4).

Освоение технологии получения бронзы способствовало появлению многих новаций в первобытных общинах. Металлические изделия стали разнообразнее. Появились качественно новые формы наступательных видов вооружения: различные варианты проушных

и втульчатых топоров, наконечников копий, бронзовых ножей и кинжалов, а также многочисленные украшения: подвески, браслеты, перстни, различные накладки, пояса и другие изделия. Использование бронзовых орудий труда и оружия стало значительно эффективнее.

Общий рост производительности труда способствовал прогрессу производящих отраслей хозяйства, что хорошо подтверждается археологическими материалами. Потребность областей, не обладавших сырьем – медью и оловом, в массовом притоке готовых изделий, металле и технологиях содействовала скорейшему распространению достижений человечества в весьма отдаленных районах и привела к новой ступени развития обмена. Перемены в экономике нашли отражение и в состоянии общественных структур. Не случайно в эпоху бронзы повсеместно, в том числе и в Прикамье, отмечены явления распада родовых отношений и перехода к патриархату с главенствующей ролью мужчины в роде и в семье.

Климат бронзового века характеризовался некоторым потеплением и последующим похолоданием. Подзона елово-широколиственных лесов в Прикамье в это время была сдвинута несколько севернее – в верховья Вятки и Камы, где преобладали ель, сосна и береза. Южнее, в среднем течении Вятки, Камы и Ветлуги, шла полоса широколиственных лесов, располагаясь на 300 км севернее современной границы (В.К. Немкова, 1985).

Бронзовый век Приуралья изучался многими исследователями. Известна собирательская деятельность в дореволюционный период А.Е. и Ф.А. Теплоуховых. А.А. Спицын (1893) и А.А. Штукенберг (1901) опубликовали первые сведения о приуральских находках медно-бронзового века. Два открытых в 1912 г. уникальных памятника – Сейминский могильник на Оке (В.А. Городцов, 1914, с. 360) и Бессарабский (Бородинский) клад в Молдавии (Э.Ф. Штерн, 1914, с. 1) положили начало оформлению сейминской проблемы

(В.А. Городцов, 1916, с. 59–104, А.М. Tallgren, 1915, 1916). В 1924–1927 гг. А.В. Шмидт, а в 1934–1935 гг. Н.А. Прокошев провели раскопки Турбинского I могильника в районе г. Перми, напротив устья р. Чусовой. Выяснилось, что этот памятник имеет прямую связь с Сеймой и Бородиным, и с тех пор этот круг вопросов стал именоваться сейминско-турбинским. Открытие подобного могильника – Ростовка под Омском (В.И. Матющенко, Г.В. Ложникова, 1969), поселения Самусь IV возле Томска (Л.М. Сыркина, В.И. Матющенко, 1969), Канинского святилища (В.И. Канивец, 1964), могильника Решное на Оке (О.Н. Бадер, 1976; 1977) превратили сейминско-турбинскую проблему в трансевразийскую, отдельные вопросы которой вызвали в ученном мире достаточно жесткие дискуссии. Однако монографическое исследование Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых (1989) разрешило многие спорные вопросы и прояснило некоторые сюжеты истории Сеймы и Турбино.

Другие памятники бронзового века Прикамья, принадлежавшие местному населению, стали известны уже в середине прошлого столетия (1858), когда при раскопках Ананьинского могильника близ Елабуги были найдены материалы эпохи бронзы. Значительная коллекция предметов этого времени была собрана археологом-любителем А.Ф. Лихачевым (1891) возле Казани. В 1879–1883 гг. профессора Казанского университета А.А. Штукенберг и Н.Ф. Высоцкий исследовали несколько памятников данного времени под Казанью (1885). А.М. Ефимова и Н.Ф. Калинин в 1938 г. раскопали Казанскую стоянку (Н.Ф. Калинин, 1948). Широкие раскопки на памятниках эпохи бронзы впервые были проведены в конце 40–50-х гг. А.В. Збруевой. Результаты раскопок – 6 полуземляночных жилищ на Луговской I, 5 – на Луговской II стоянках и остатки курганного могильника. Кроме того, здесь была получена большая серия керамического и кремневого инвентаря, по которому эти памятники возведены в разряд эталонных для эпохи бронзы Вятско-Бельского междуречья

(А.В. Збруева, 1950, 1957). В 1950–1954 гг. были проведены значительные раскопки памятников этого времени в Казанском Поволжье (Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков, 1954). На основании полученных материалов А.Х. Халиков назвал памятники этого типа в Прикамье приказанскими, отнес к их кругу уже хорошо известный луговской куст памятников и предложил свою концепцию сложения ананьинской культуры – на приказанской основе (А.Х. Халиков, 1953, 1955). Впоследствии памятники бронзового века стали исследовать на сопредельных территориях разные ученые и в каждом конкретном случае, отмечая их своеобразие, выделяли самостоятельные культуры. Так, В.П. Денисовым в Верхнем и Среднем Прикамье была обозначена ерзовская культура (1960, 1961, 1967), в низовьях р. Белой К.В. Сальниковым – культура курмантау (1954, 1967). А.В. Збруева продолжала настаивать на самостоятельности луговской культуры, занимавшей побережье Прикамья между рр. Белой и Вяткой (1960).

В 1964 г. на IV Уральском археологическом совещании (г. Пермь) А.Х. Халиков в очередной раз пытался отстоять свою гипотезу о позднебронзовых культурах в Прикамье. Однако, как показала дискуссия и последующая публикация материалов совещания (Труды IV УАС, 1967), основные исследователи памятников этого времени, О.Н. Бадер, В.П. Денисов, К.В. Сальников (1900–1966 гг.), А.Д. Вечтомов (1923–1991 гг.), В.А. Оборин и другие остались верны своей точке зрения: в каждом географическом районе развивалась своя культура, имеющая свои особенности, но близкая соседним, в их числе: в устье Камы и прилегающем Поволжье – приказанская; в Верхнем и Среднем Прикамье – ерзовская, в Нижнем Прикамье – луговская, в низовьях р. Белой – курмантау. Однако позиция А.Х. Халикова не изменилась и в последующие десятилетия (1969, 1980; Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 139–146).

В связи с подготовкой к затоплению Нижнекамской ГЭС в конце 70 – начале 80-х гг.

изучение памятников эпохи бронзы в Прикамье заметно активизировалось. Крупные работы были проведены на могильниках Такталачук (Е.П. Казаков, 1978, с. 67–108), Подгорно-Байларском (там же, с. 121–125), Дубовогривской II (Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин, 1978, с. 109–125), Иманлейской, Уразаевских I, II (П.Н. Старостин, Р.Н. Багаутдинов, 1981, с. 25–40), Икских I, III (Л.И. Ашихмина, 1978), Нырғындинской и Быргындинской стоянках (Л.И. Ашихмина, В.Ф. Генинг, 1977) и других памятниках.

В последние 20 лет постепенно накапливался материал по бронзовому веку Прикамья, что дает возможность представить его особенности в этом крае. Памятники эпохи бронзы в разных точках Прикамья и прилегающего Поволжья в последние два десятка лет исследовались Г.А. Архиповым, Л.И. Ашихминой, Р.Н. Багаутдиновым, Е.А. Беговатым, В.В. Ванчиковым, И.Б. Васильевым, А.А. Выборновым, Р.С. Габяшевым, В.Ф. Генингом, Р.Д. Голдиной, В.С. Горбуновым, Т.М. Гусенцовой, Н.П. Девятовой, В.П. Денисовым, В.А. Ивановым, Г.Р. Ишмуратовой, Е.П. Казаковым, Г.Н. Ключевой, С.Н. Коренюком, М.Г. Косменко, С.В. Кузьминых, Л.Д. Макаровым, В.Н. Марковым, А.Ф. Мельничуком, Л.А. Наговицыным, В.В. Никитиным, И.Ф. Обыденновым, Г.Т. Обыденновой, А.Х. Пшеничнюком, Н.Л. Решетниковым, Л.А. Сенниковой, Б.С. Соловьевым, Р.Г. Фахрутдиновым, А.Х. Халиковым, Ф.Ш. Хузиным, Е.М. Черных, Т.К. Ютиной и другими археологами.

К древней истории удмуртов имеют отношение культуры бронзового века Прикамья: *ерзовская* (Верхнее и Среднее Прикамье), *курмантау* (низовья р. Белой). Но ближе всего территориально – *приказанская* (прикамское Поволжье), *луговская* (камское побережье между устьями Белой и Вятки) и ее вятский вариант – *буйская* (Нижняя и Средняя Вятка) (рис. 67).

Ерзовская культура сложилась на основе северного варианта гаринской общности; вы-

делена в 50-е гг. О.Н. Бадером и В.П. Денисовым. Занимала территорию в Прикамье от широты современного с. Елово до р. Березовки на севере (В.П. Денисов, 1967, рис. 1). Наиболее крупные раскопанные поселения – Ерзовка, Заосиново VI, Половинное I. Обнаружен и могильник этой культуры – Залазенский.

Хорошо изучены жилища ерзовской культуры: бревенчатые прямоугольные или квадратные постройки площадью 132–196 кв. м, слегка углубленные в грунт, а на позднем этапе – наземные. Некоторые из них имели хозяйственные пристройки, соединенные с основным сооружением переходами. Население пользовалось глиняной посудой горшковидной формы с округлым или плоским дном, хорошо профилированной шейкой. Орнамент наносили по верхней части оттисками гребенчатого штампа, ямками, прочерчиванием. Узоры характеризуются ярко выраженным геометризмом: треугольники, зигзаги, елочки, решетка, флажки и др. Орудия труда выполнены в основном из камня, бронзовых изделий очень мало (В.П. Денисов, 1967).

В низовьях р. Белой располагались памятники культуры *курмантау*. Первый памятник ее – поселение Курмантау – был изучен М.И. Касьяновым в 1928 г. Характеристика его материалов была выполнена А.В. Збруевой (1959), более подробно описал культуру К.В. Сальников (1967). На поселениях этой культуры много изделий из кремня – наконечники стрел, скребки, ножи, проколки. Бронзовых изделий мало. Глиняная посуда имела чашевидную форму, округлое дно, хорошо профилированную шейку, украшена флажками, сеткой, зигзагами, ромбами, выполненными прочерченными линиями. Весьма распространены пояски из 2–3 ямочных вдавлений. Хоронили умерших в ямах по способу труположения на боку, головой на восток (могильник Урмяк). Сопутствующий инвентарь – глиняные сосуды с пищей, украшения. Население культуры курмантау приняло участие в формировании бельского варианта ананьинской культуры (А.В. Збруева, 1952, с. 189–204).

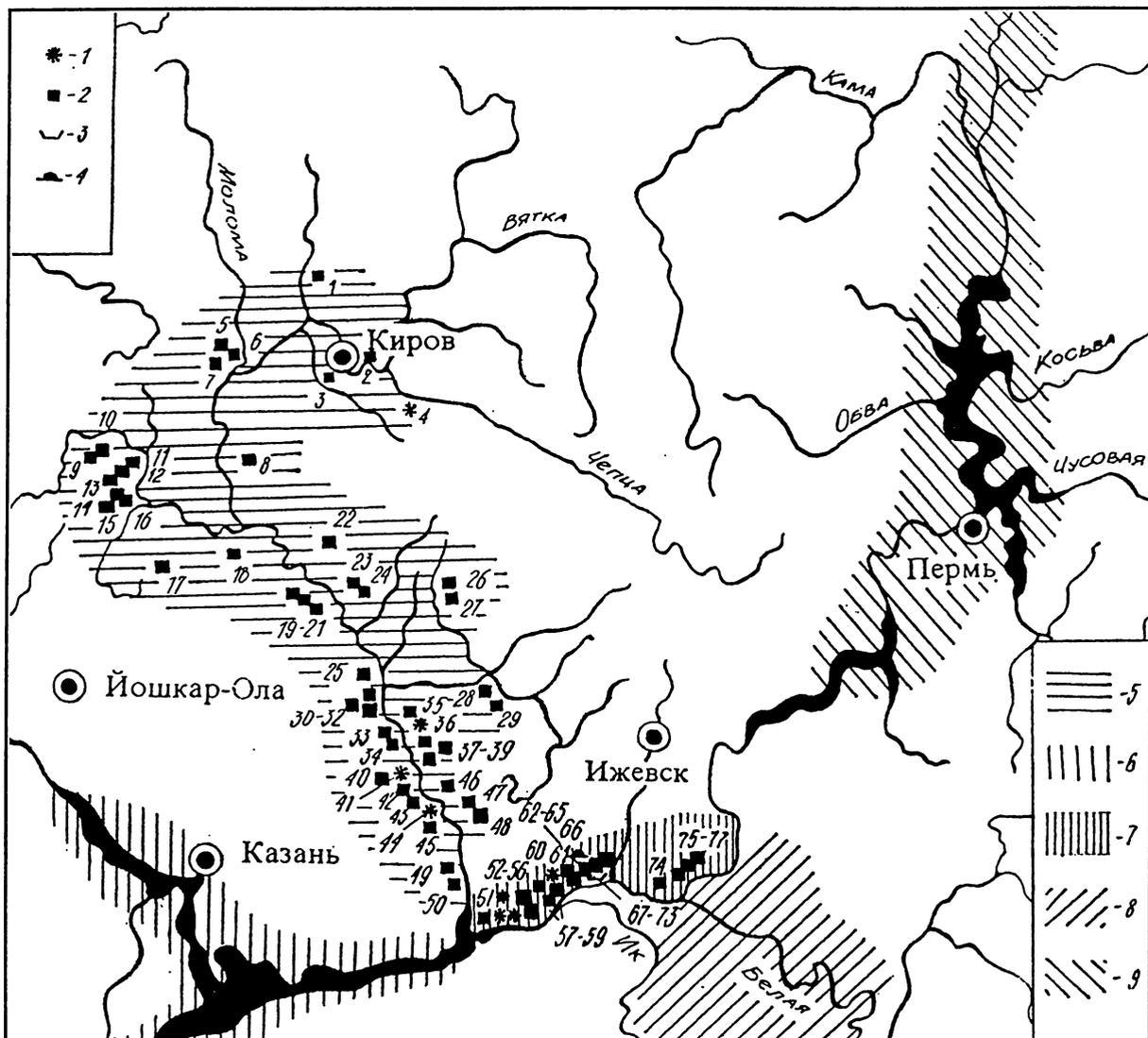

Рис. 67. Карта культур эпохи бронзы Прикамья.

1 – находки отдельных предметов; 2 – поселение (стоянка); 3 – могильник; 4 – курган; 5 – буйская культура; 6 – приказанская культура; 7 – луговская культура; 8 – культура курмантау; 9 – ерзовская культура.

1. Великорецкая стоянка; 2. Никульчинское II поселение; 3. Студенцы III, стоянка; 4. Бобровы, местонахождение; 5. Юбилейное II поселение; 6. Ковровское городище; 7. Искра, поселение; 8. Усть-Шизма II, стоянка; 9. Этапцы III, поселение; 10. Этапцы II, поселение; 11. Мари-Кугалки II, поселение; 12. Акиубень I, поселение; 13. Акиубень II, поселение; 14. Покста II, поселение; 15. Покста III, поселение; 16. Худяковское поселение; 17. Большие ясурская стоянка; 18. Родыгино I, стоянка; 19. Малиновское I поселение; 20. Мысы IV, поселение; 21. Мысы VI, поселение; 22. Ботылинское IV поселение; 23. Буй I, поселение; 24. Медведок, стоянка; 25. Черепановский Лог, стоянка; 26. Лобань I, поселение; 27. Лобань III, поселение; 28. Тархан IV, поселение; 29. Моторки II, поселение; 30. Тюм-Тюмское III поселение; 31. Тюм-Тюмская I стоянка; 32. Тюм-Тюмская II стоянка; 33. Хлопинская стоянка; 34. Солнцевская стоянка; 35. Проходная Лоза, поселение; 36. Проходная Лоза, местонахождение; 37. Длит-

Приказанская культура, как считал А.Х. Халиков, возникла на местной энеолитической основе в среднем Поволжье. По его мнению, ее материалы делятся на 4 этапа: займищенский (XVI–XV вв. до н. э.), балымско-карташихинский (XIV–XIII вв. до н. э.), атабаевский (XII–X вв. до н. э.) и маклашеевский (X–IX вв. до н. э.). Приказанцы селились на надлуговых террасах крупных рек. На ранних этапах преобладали небольшие поселки (до 2000 кв. м), на поздних – крупные (до 15000 кв. м). Ранние поселения состояли из 3–4 полуземлянок площадью 25–40 кв. м, соединенных переходами, на поздних – жилища изолированные, наземные, площадью не менее 100 кв. м. Могильники приказанской культуры расположены также по берегам крупных рек. В могилы с умершими помещали глиняную посуду, редко – оружие, украшения и мясную пищу. Керамика приказанцев, изготовленная без гончарного круга, имела горшковидную форму, плоское или круглое дно, в тесте содержала примесь толченых раковин или растительных остатков. Верхняя половина сосудов орнаментирована резными линиями, оттисками гребенчатого штампа и ямками. Из бронзовых предметов известны плоские двулезвийные ножи, втульчатые топоры – кельты, наконечники копий и дротиков. Многие предметы – орудия и украшения – были выполнены из камня, кости, дерева. Основой хозяйства приказанцев были скотоводство и земледелие, дополняемые охотой, рыболовством и собирательством.

Приказанская культура, по мнению А.Х. Халикова, сформировалась на базе восточных волосовских групп при воздействии более южных прасрубно-абашевских племен (Эпоха бронзы лесной полосы..., с. 144). Однако вопрос о происхождении приказанской культуры требует более глубокого анализа, так как широкие обследования в Поволжье показали, что волосовские памятники сосредоточены главным образом на волжском левобережье (Археологическая карта ТАССР, 1981, с. 10). На Каме эти памятники единичны. По устью р. Камы проходит восточная граница обширной волосовской общности (Эпоха бронзы лесной полосы..., с. 12, карта 1) и вряд ли поздневолосовские объекты были здесь многочисленны. Более того, своеобразие этого района заключалось в смешанном характере энеолитической культуры, в которой волосовские черты соединены с гаринскими особенностями. Преобладание последних и привело к формированию здесь в эпоху бронзы приказанской культуры камского типа и в последующем ананьинской, также отличающейся в большей степени камскими чертами, нежели волжскими.

На раннем, займищенском этапе (по А.Х. Халикову), приказанцы занимали территорию Казанского Поволжья и прилегающего Нижнего Прикамья. На втором этапе они заселили р. Каму до устья р. Белой и Нижнюю Вятку, на третьем – их поселения известны и на Волге – до низовьев р. Ветлуги, а на четвертом, заключительном этапе приказанская экспансия охватила Среднее и Верхнее Прикамье и

риевское поселение; 38. Мелетское II поселение; 39. Називинская стоянка; 40. Малмыжская стоянка; 41. Малмыжское местонахождение; 42. Старо-Бурецкое поселение; 43. Ново-Бурецкая стоянка; 44. Слудка, местонахождение; 45. Изран, поселение; 46. Кордон, поселение; 47. Журавлиный мыс, поселение; 48. Лесная Сторожка; 49. Кулигинская стоянка; 50. Низисне-Шумская стоянка; 51. Свиногорская стоянка; 52. Котловское местонахождение; 53. Танайские находки I; 54. Елабужские находки; 55. Елабужская I стоянка; 56. Елабужская II стоянка; 57. Мальцевская II стоянка; 58. Мальцевская I стоянка; 59. Мальцевская III стоянка; 60. Мальцевское местонахождение; 61. Апапийская стоянка; 62. Икская I стоянка; 63. Икская II стоянка; 64. Икское I селище; 65. Икское III селище; 66. Луговские курганы; 67. Луговская I стоянка; 68. Луговская IV стоянка; 69. Луговская III стоянка; 70. Луговская II стоянка; 71. Отаринская стоянка; 72. Кумысская стоянка; 73. Кумысский могильник; 74. Зуево-Ключевское I поселение; 75. Быргындинская I стоянка; 76. Нырғындынская стоянка; 77. Каракулинское (Партизанское) поселение

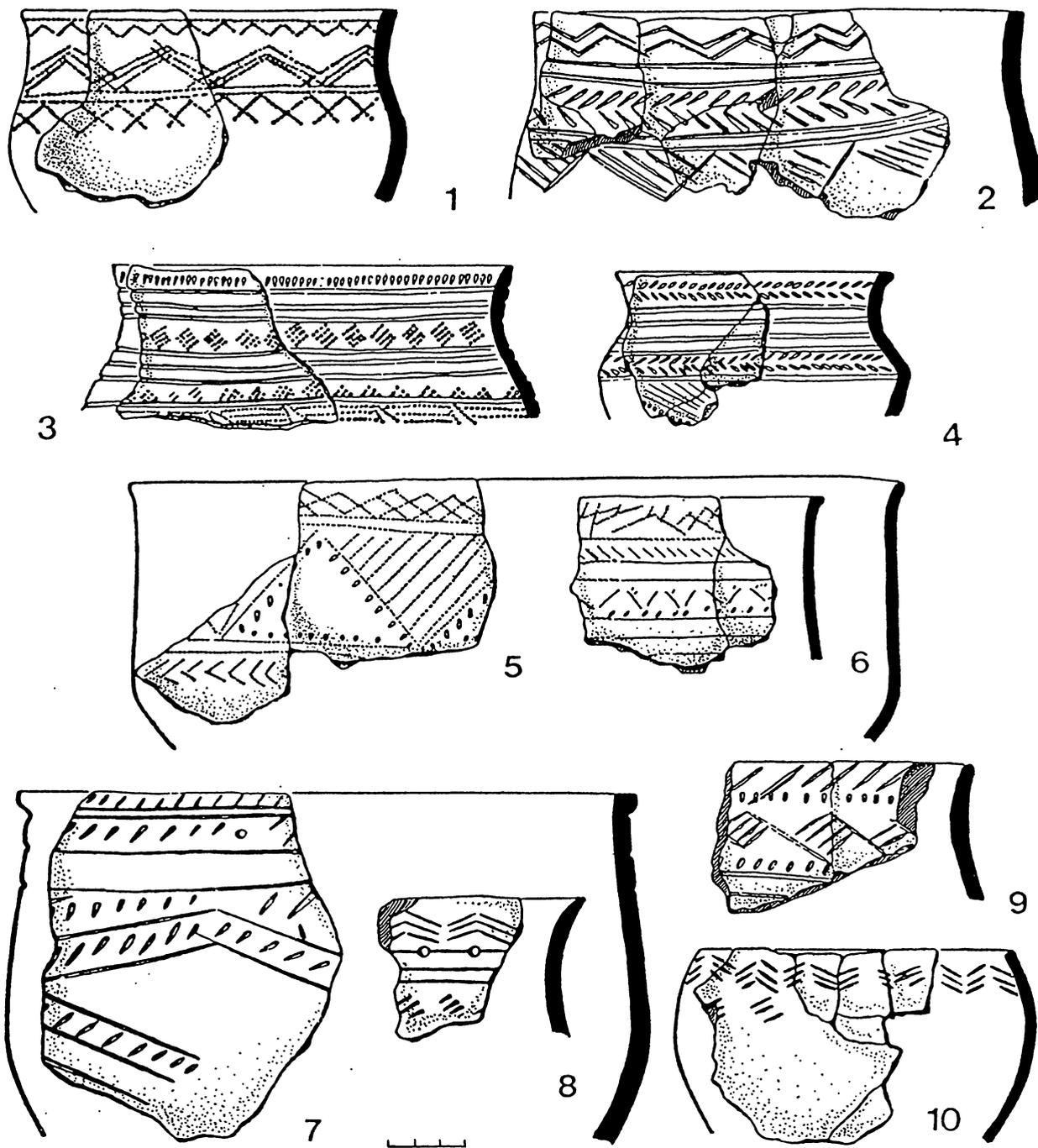

Рис. 68. Глиняная посуда бронзового века Зуево-Ключевской I стоянки
(по В.Ф. Генцигу и Л.И. Ашихминой)

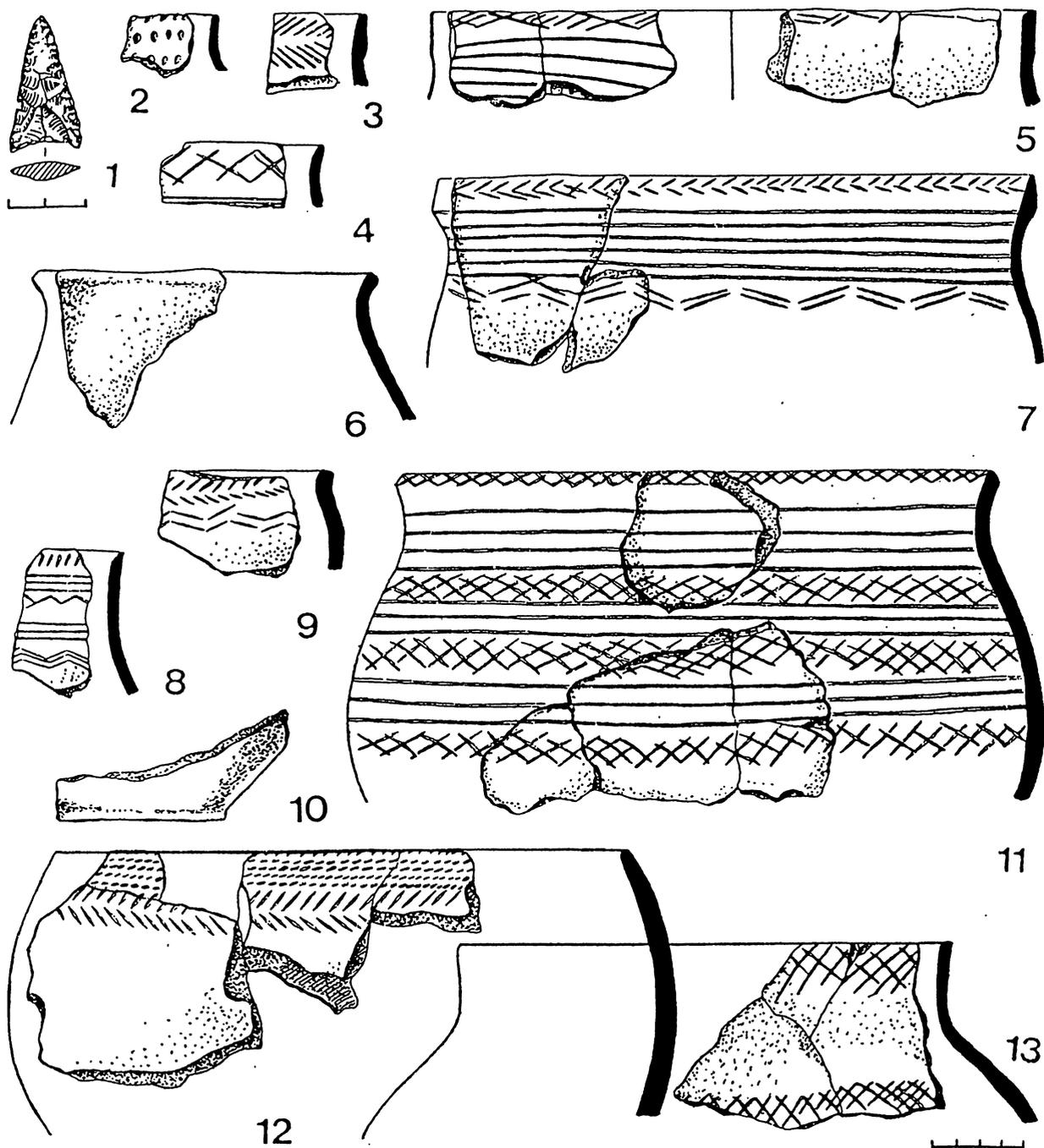

Рис. 69. Материалы бронзового века Нырғындынської стоянки (по Л.И. Ашихминой, В.Ф. Генцигу).
 1 – наконечник стрелы; 12–13 – сосуды. 1 – камень; 2–13 – глина

бассейн нижнего и среднего течения р. Белой. В целом же приказанские племена – местное население Волго-Камья – предки волжских (мари, мордвы) и пермских (удмуртов, коми) финнов (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с. 139–146).

Памятники камского побережья между устьями рр. Белой и Вятки отнесены А.В. Збруевой (1960) к *луговской* культуре, А.Х. Халиковым – к приказанской (1953, 1955, 1980). Некоторые объекты, расположенные на левом берегу р. Камы, М.Ф. Обыденнов относит к межовской культуре (1991). По мнению Л.И. Ашихминой, исследовавшей памятники эпохи бронзы удмуртского Прикамья, они относятся к *луговской* культуре (1985), и сейчас их известно около 40. Эта культура, в отличие от приказанской, складывалась на гаринской основе. Многие памятники содержат комплексы как гаринские, так и луговские. Территории распространения этих культур в пределах Бельско-Вятского междуречья и бассейна Вятки совпадают. Граница между гаринской и волосовской общностями проходила по устью р. Шошмы, одного из левых притоков р. Камы, впадающего чуть ниже по течению устья Вятки (Археологические памятники Центрального Закамья..., с. 7). Хорошо известны луговские поселения. На Зуево-Ключевской и Луговских I, II стоянках раскопаны жилищные комплексы из нескольких полуземлянок, соединенных переходами. На Луговской II и Зуево-Ключевской стоянках таких жилищ было 4, на Луговской I – 6. По своим особенностям – углубленности в грунт, коридорам-переходам – жилые сооружения луговской культуры очень близки гаринским. В боковой стенке жилища 1 Луговской I стоянки выявлена ниша, в которой находились обугленные кости и черепа 19 человек (13 взрослых и 6 детей) (А.В. Збруева, 1960, с. 13).

На Зуево-Ключевской стоянке жилища имели площадь 25, 40, 42, 72 кв. м, общая площадь их составляла 180 кв. м. Вдоль стен располагались нары. Жилища отапливались простыми очагами – кострищами. Обнаруженные остатки свидетельствуют о разыгравшейся

здесь некогда трагедии – все жилища сгорели. Из них почти ничего не успели вынести. На полах остались обломки более 90 глиняных горшков (рис. 68). Все они плоскодонные, верхняя половина орнаментирована различными геометрическими узорами – заштрихованными треугольниками, ромбами, елочкой, меандрами. Узоры нанесены гребенчатым штампом или представлены резными линиями. Одно из жилищ датировано по радиоуглероду 3210 ± 150 лет. По мнению В.Ф. Генинга и Л.И. Ашихминой, Зуево-Ключевские жилища относятся к луговской культуре, датируются XIV–XII вв. до н. э. (В.Ф. Генинг, Л.И. Ашихмина, 1984, с. 137) и характеризуют раннюю стадию развития этой культуры (Л.И. Ашихмина, 1985, с. 8, 22).

Поздняя стадия, датируемая XII–XI вв. до н. э., отражена в материалах Ныргындинской стоянки (Л.И. Ашихмина, В.Ф. Генинг, 1977, с. 93–97). В этот период уменьшается число баночных форм, появляется посуда с «воротничком» и несколько большей профилированностью горловин (рис. 69–3, 5, 7), упрощаются геометрические узоры, используются в качестве разделителей орнаментов свободные зоны (рис. 69–11, 13). Техника орнаментации однообразна: резная, реже – гребенчатая, вдавления и каннелюры.

Л.И. Ашихмина относит к луговской культуре могильники Такталачук, Подгорно-Байларский и часть захоронений Луговских курганов (1985, с. 7). Погребения совершены в ямах прямоугольной формы. Умершие уложены скорченно на боку, редко – вытянуто на спине. В могилах обнаружены кости рыб и животных: лошади, коровы, кабана. Кости найдены в изголовье возле глиняных сосудов или в самих сосудах. Сопровождающий инвентарь – височные подвески, ножи, наконечники стрел и другие вещи (Е.П. Казаков, 1978, с. 85–89). Однако далеко не все ученые разделяют мнение Л.И. Ашихминой. Исследователь могильника Такталачук Е.П. Казаков считает его черкаскульско-абашевским (там же, с. 104).

По наблюдениям Л.И. Ашихминой, в конце XI в. до н. э. в Среднее Прикамье переместилось маклашеевское население из Нижнего Прикамья. В результате взаимодействия его с луговским возникла оригинальная *быргындинская* культура (Л.И. Ашихмина, 1985, с. 8). К ней отнесены 20 поселений и 2 могильника. На поселениях раскопаны жилые сооружения нескольких типов. Гаринскую и луговскую традиции представляют полужемлянки, соединенные переходами. На поселении Дубовая грива II исследовано два комплекса таких сооружений: первый состоял из трех жилищ площадью от 30,6 до 70 кв. м, второй – из двух жилищ площадью 20 и 144 кв. м. Известны также изолированные полужемляночные дома площадью 120 и 144 кв. м. На Быргындинской стоянке раскопано жилище, слабо углубленное в землю, приближающееся по типу к наземным. Этот вариант жилых построек в ананьинскую эпоху станет преобладающим в удмуртском Прикамье.

Глиняная посуда быргындинской культуры отличается своеобразием. Она имеет примесь шамота и толченых раковин в тесте и представлена двумя формами: плоскодонными горшками и круглодонными сосудами. Наряду с посудой с отогнутой шейкой (рис. 70–5, 8, 9, 11, 14, 16, 17) встречаются сосуды с вертикальной прямой горловиной (рис. 70–1–4, 7, 10, 11, 12, 15). Орнамент представлен как горизонтальными зигзагами (рис. 70–1, 5, 14), так и решеткой (рис. 70–4, 11, 15), флажками (рис. 70–2, 3, 6), лесенкой (рис. 70–10, 16), зооморфными фигурками (рис. 70–15). Узоры часто перемежаются горизонтальными рядами наколов (рис. 70–9), ямок (рис. 70–14–16) или несколькими оттисками шнура (рис. 70–5, 14, 15). Встречаются сосуды, украшенные одним рядом редких круглых ямок (рис. 70–8, 12, 13, 17).

Как считает Л.И. Ашихмина, двукомпонентность проявилась и в погребальном обряде (1985, с. 9). Известны 2 типа захоронений: скорченно на боку головой на север (луговской тип) и вытянуто на спине головой к реке (маклашеевский тип). Отмечены следы куль-

та огня. На основе быргындинской культуры сложился местный (удмуртское Прикамье) вариант ананьинской культуры. Следует отметить, что казанский исследователь В.Н. Марков датирует материалы быргындинского типа раннеананьинским временем (VIII–VI вв. до н. э.) (В.Н. Марков, 1988, с. 12).

Несмотря на то, что первый памятник бронзового века на р. Вятке – Малмыжская стоянка была открыта и последована в 1923 г. М.Г. Худяковым (А.Х. Халиков, 1960, с. 149), долгое время она оставалась единственной из изученных. Лишь в 1955 г. В.П. Денисовым было раскопано Буйское поселение (1958). С началом широких работ на Вятке Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета (рук. Р.Д. Голдина), а затем Вятской экспедиции Института археологии АН СССР (рук. С.В. Ошибкина), а также экспедиции УдНИИ (рук. Л.А. Наговицын) удалось выявить десятки памятников и на нескольких из них провести раскопки. Насыщенные находками культурные слои и жилища эпохи бронзы обнаружены на поселениях Буй I (В.П. Денисов, М.И. Трефц), Худяки (Р.Д. Голдина), Лесная сторожка (Л.А. Наговицын), Лобань I (Т.М. Гусенцова), Искра (Л.Д. Макаров), Акшубень II (Н.П. Девятова), Изран (Е.М. Черных), Лобань III, Этанцы II, Старый Бурец (Л.А. Сенникова). Обобщение этих материалов ведется Л.А. Сенниковой (1980, 1994, 1995, 1995а, 1996).

К бронзовому веку в бассейне р. Вятки сейчас относится 50 памятников (рис. 67). Они занимают нижнее и среднее течение р. Вятки и ее притоки – Кильмезь, Пижму, низовья Вои, Моломы, Великой, Шишмы, Быстрицы, Чепцы. Наибольшая концентрация памятников отмечена на Нижней Вятке и Пижме. Меньшее число объектов на Средней Вятке объясняется, скорее всего, недостаточной изученностью этой территории. Среди памятников выделяются однослойные: Акшубень II (Н.П. Девятова, 1988), Изран (Е.М. Черных, 1988), Ново-Бурецкое, Старо-Бурецкое (А.Х. Халиков, 1960), Малмыжское (В.П. Де-

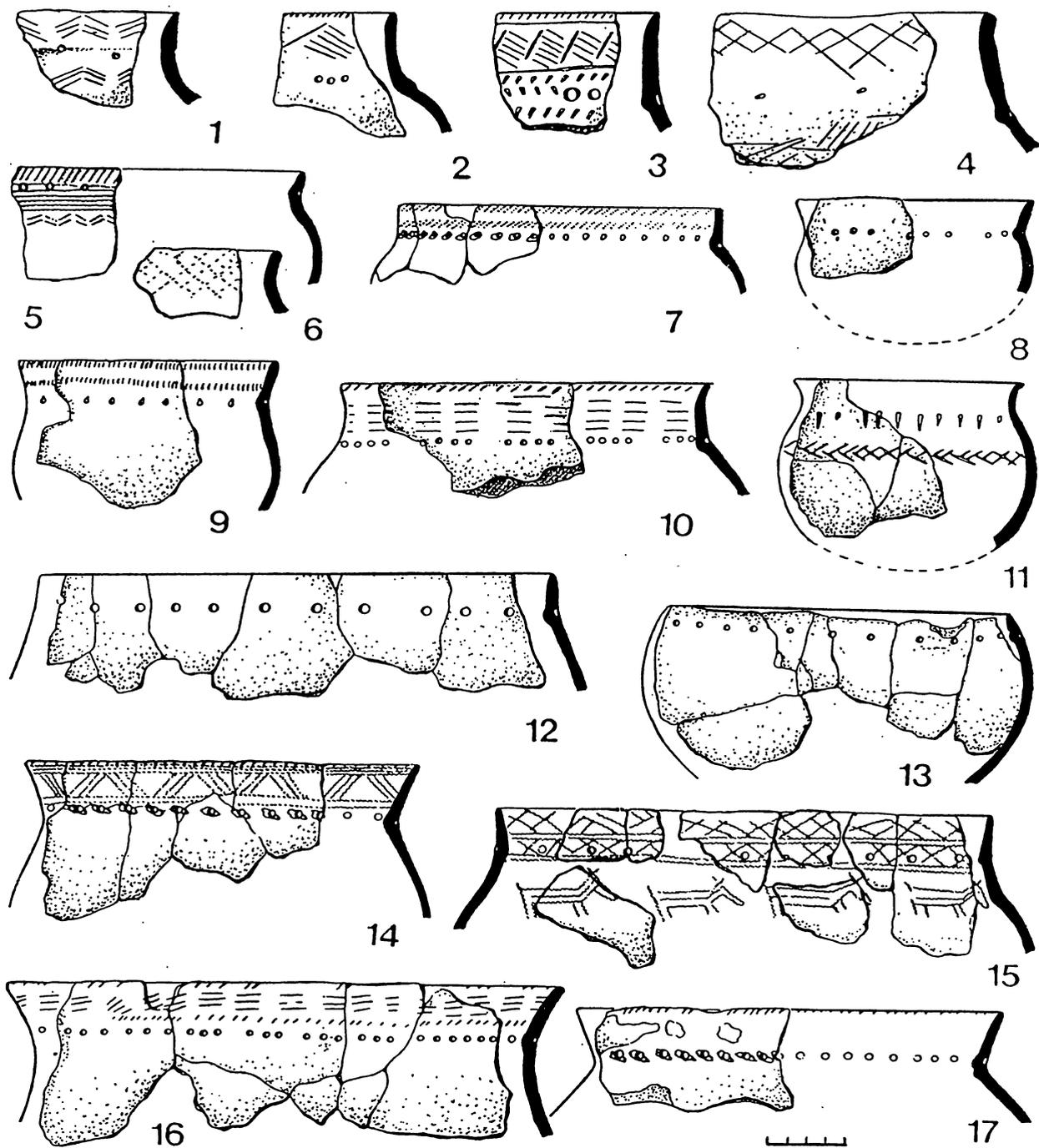

Рис. 70. Глиняная посуда бронзового века Быргындинской стоянки (по Л.И. Ашихминой, В.Ф. Геншгу)

нисов, 1958) – и слои эпохи бронзы на многослойных поселениях: Лобань I (Т.М. Гусенцова, Л.А. Сенникова, 1980), Буй I (В.П. Денисов, 1958; М.И. Трефц, 1985), Этанцы II (Л.А. Сенникова, 1980), Моторки II (Р.Д. Голдина, Т.М. Гусенцова, 1979), Лобань III (Л.А. Сенникова, 1995а) и др. Культурные напластования эпохи бронзы чаще выявляются на энеолитических поселениях (Л.А. Сенникова, 1996), что указывает на преемственность древностей этих эпох в вятском бассейне. Поселения располагаются обычно на краю надпойменных террас высотой 4–6 м или 10–13 м.

Изучено более десятка жилых сооружений. На одном поселении могло быть одно (Лобань I, III, Этанцы II), два (Буй I, Акшубень II) или три (Изран) жилища. Традиции гаринского времени проявились в существовании двух соединенных коридорами жилищ (Худяки, Изран – рис. 71–1). Но основная масса сооружений – изолированные (Акшубень II – рис. 71–3; Этанцы II – рис. 71–4; Лобань I – рис. 71–5). Жилища полуземляночного типа углублены в грунт на 0,25–0,7 м. Судя по остаткам, стены были бревенчатые, укрепленные вертикальными кольями. Площадь жилищ – 50–80 кв. м. Жилища отапливались обычными кострищами, расположенными в центре или у выхода. В некоторых домах обнаружены кладки из плит песчаника (Лобань I, Старый Бурец), следы обмазки (Акшубень II) или деревянного настила на полу (Буй I). Хозяйственные ямы чаще всего вынесены за пределы жилищ.

По наблюдениям Л.А. Сенниковой (1994), керамические материалы этих памятников характеризуются следующими особенностями: к глиняному тесту добавляли шамот, песок, толченую раковину, органические остатки; поверхность сосудов хорошо заглаживали. По форме и орнаментации глиняной посуды Л.А. Сенникова выделила три хронологические группы. К первой, ранней, относится керамика поселений Лобань I (рис. 72), Акшубень II (рис. 73), Изран (рис. 74), Худяки и др. Для нее характерны плоскодонные горшки с

невысокой, слегка отогнутой шейкой. По верхнему краю сосудов иногда наблюдается неширокий «воротничок» (рис. 72–8, 73–13). Орнаментирована, как правило, верхняя часть посуды. Узоры выполнены прочерчиванием, оттисками гребенчатого штампа. Очень популярны были горизонтальные ряды редких круглых ямок. В качестве орнаментальных узоров использовались елочка (рис. 72–7; 73–12, 13, 15), зигзаги (рис. 72–6, 8; 73–5; 74–6, 7, 14, 16), сетка (рис. 72–9; 73–15, 16; 74–6), заштрихованные треугольники (рис. 72–2, 3, 5; 73–16; 74–13), квадраты (рис. 73–15), ромбы (рис. 74–13) и другие геометрические узоры. Интересен орнамент в виде солнца с расходящимися лучами (рис. 73–10). Следующая хронологическая группа представлена керамическими материалами поселений Буй I и Этанцы II (рис. 75) и отличается появлением сосудов с прямой, хорошо выраженной шейкой (рис. 75–1, 7, 12). Для нанесения орнамента больше использовались оттиски гребенчатого штампа, шнура, сгруппированные ямки. В поздней хронологической группе (Моторки II, Лобань III, Малмыж) чаще использовалась гребенчатая и гребенчато-резная техника орнаментации при общем обеднении орнамента.

Основная масса орудий по-прежнему выполнена из камня (Л.А. Сенникова, 1994, 1995а). Сырьем служил валунный и галечный кремль. Техника расщепления – отщеповая. В коллекциях обнаружены скребки (рис. 76–3–13), проколки (рис. 76–1, 2), ножи (рис. 76–14, 15, 19), долотовидные орудия (рис. 76–20), листовидные (рис. 74–3), с усеченным основанием (рис. 74–2; 76–18), треугольные (рис. 74–1), ромбические (рис. 76–16), со слабо выраженным черешком (рис. 76–17) наконечники стрел. Бронзовых изделий еще очень мало. Вероятно, ими дорожили и пускали в переплавку. На Изранском поселении найден бронзовый рыболовный крючок (рис. 74–5).

Материал памятников эпохи бронзы вятского бассейна свидетельствует о близости луговским и в меньшей степени приказанс-

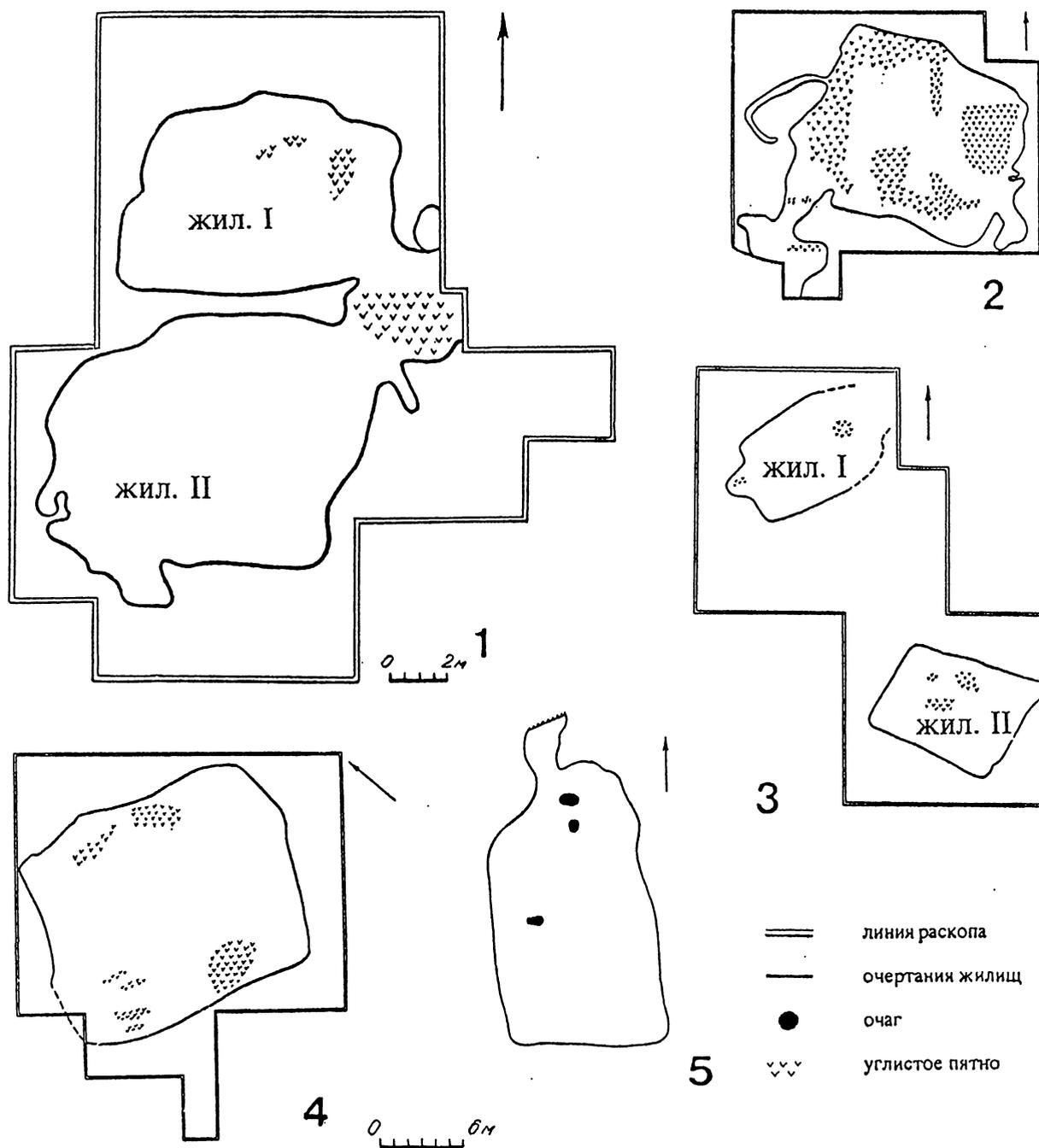

Рис. 71. Планы жилищ поселений бронзового века бассейна р. Вятки.
 1 – Изранское поселение: сооружения I, II; 2 – Изранское поселение: сооружение III;
 3 – поселение Акшубель II: жилища I, II; 4 – поселение Этаны II: жилище I;
 5 – поселение Лобань I: жилище II

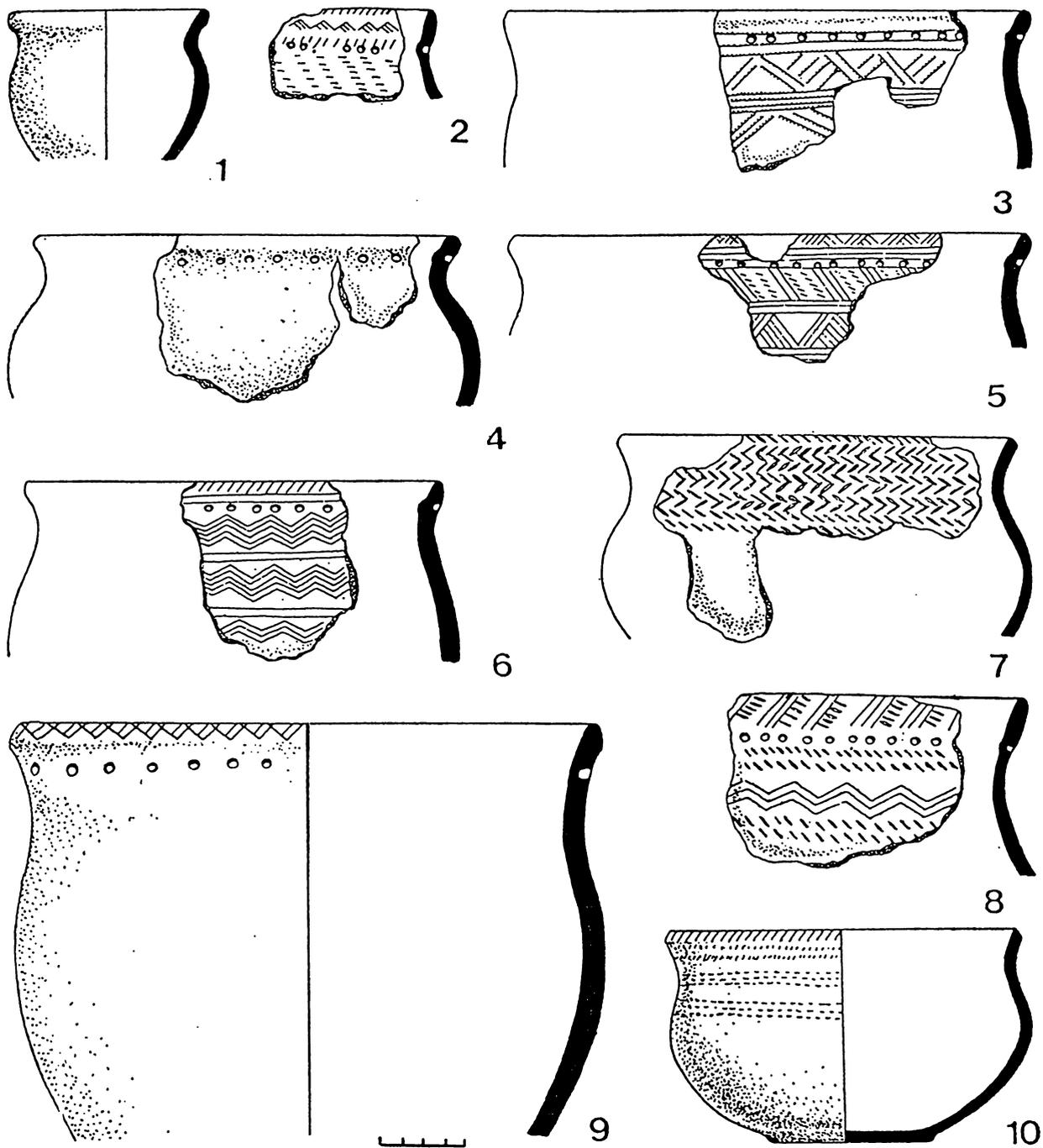

Рис. 72. Глиняная посуда бронзового века поселения Лобань I (по Т.М. Гусецкой, Л.А. Сетниковой)

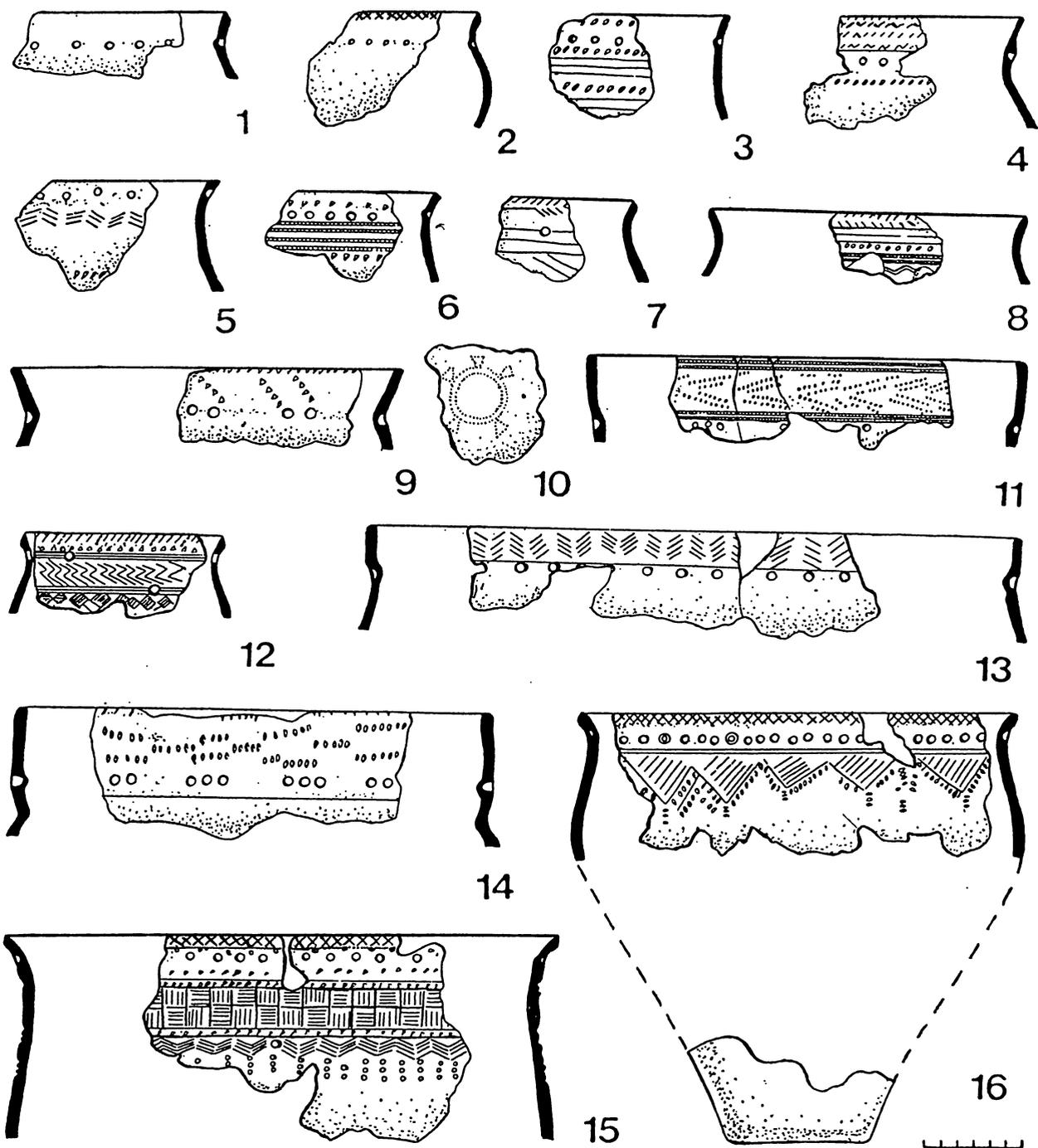

Рис. 73. Глиняная посуда бронзового века поселения Аксиубель II (по Н.П. Девятовой)

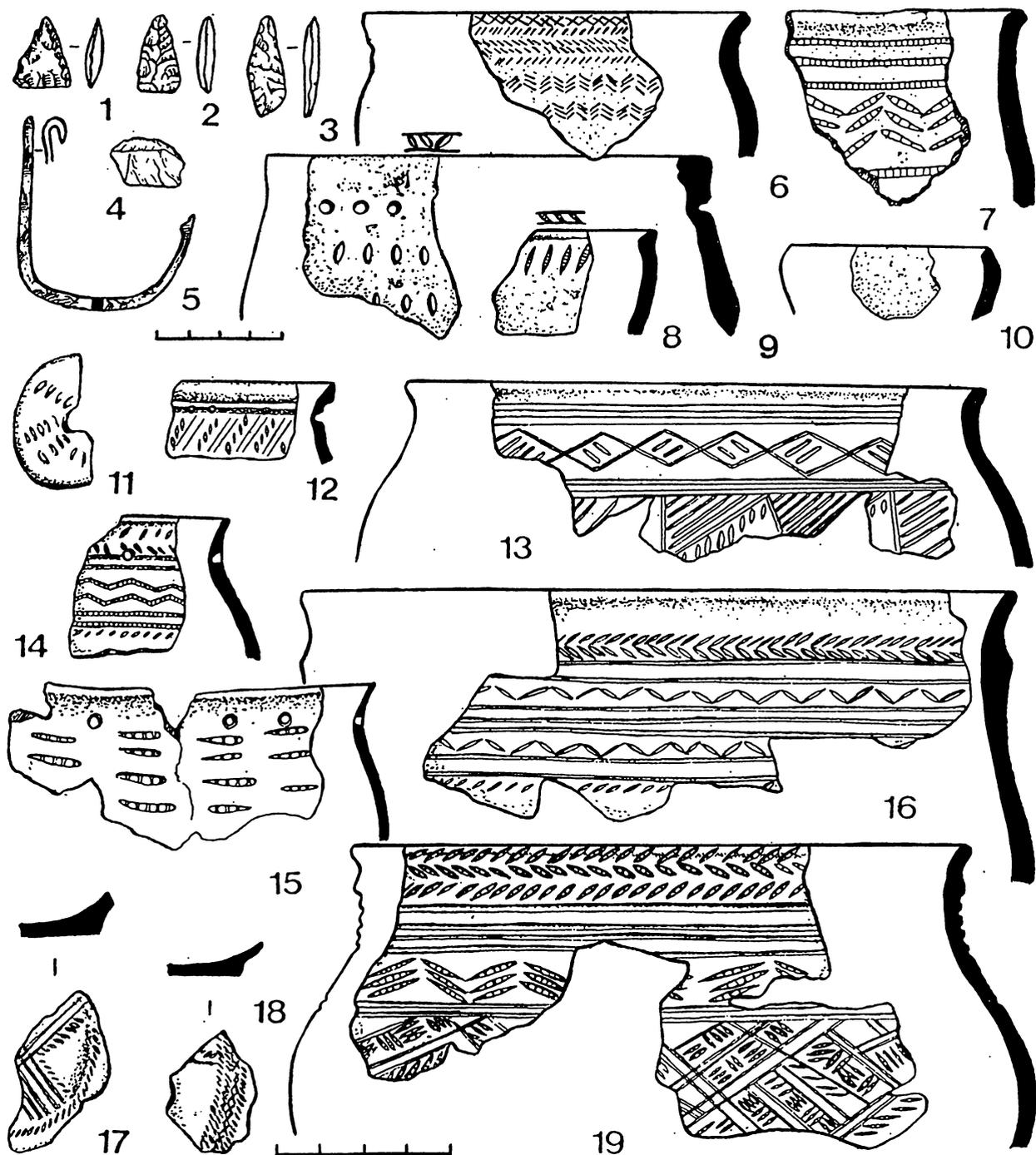

Рис. 74. Материалы бронзового века Израинского поселения (по Е. М. Черных).
 1-3 – наконечники стрел; 4 – скребок; 5 – крючок; 6-10, 12-19 – сосуды; 11 – обломок пряслица.
 1-4 – кремь; 5 – бронза; 6-19 – глина

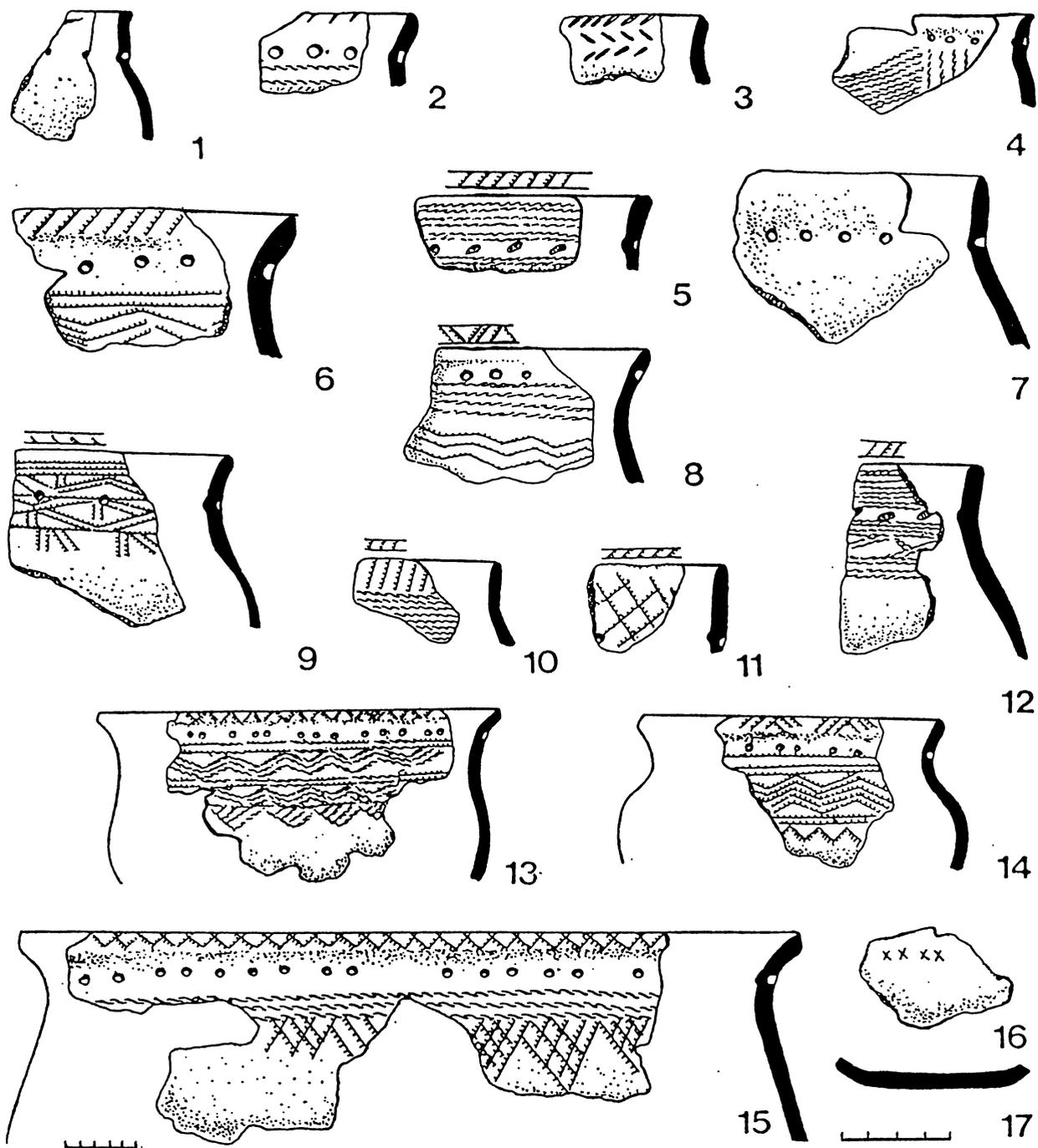

Рис. 75. Глиняная посуда бронзового века поселения Этанцы II (по Л.А. Сетниковой)

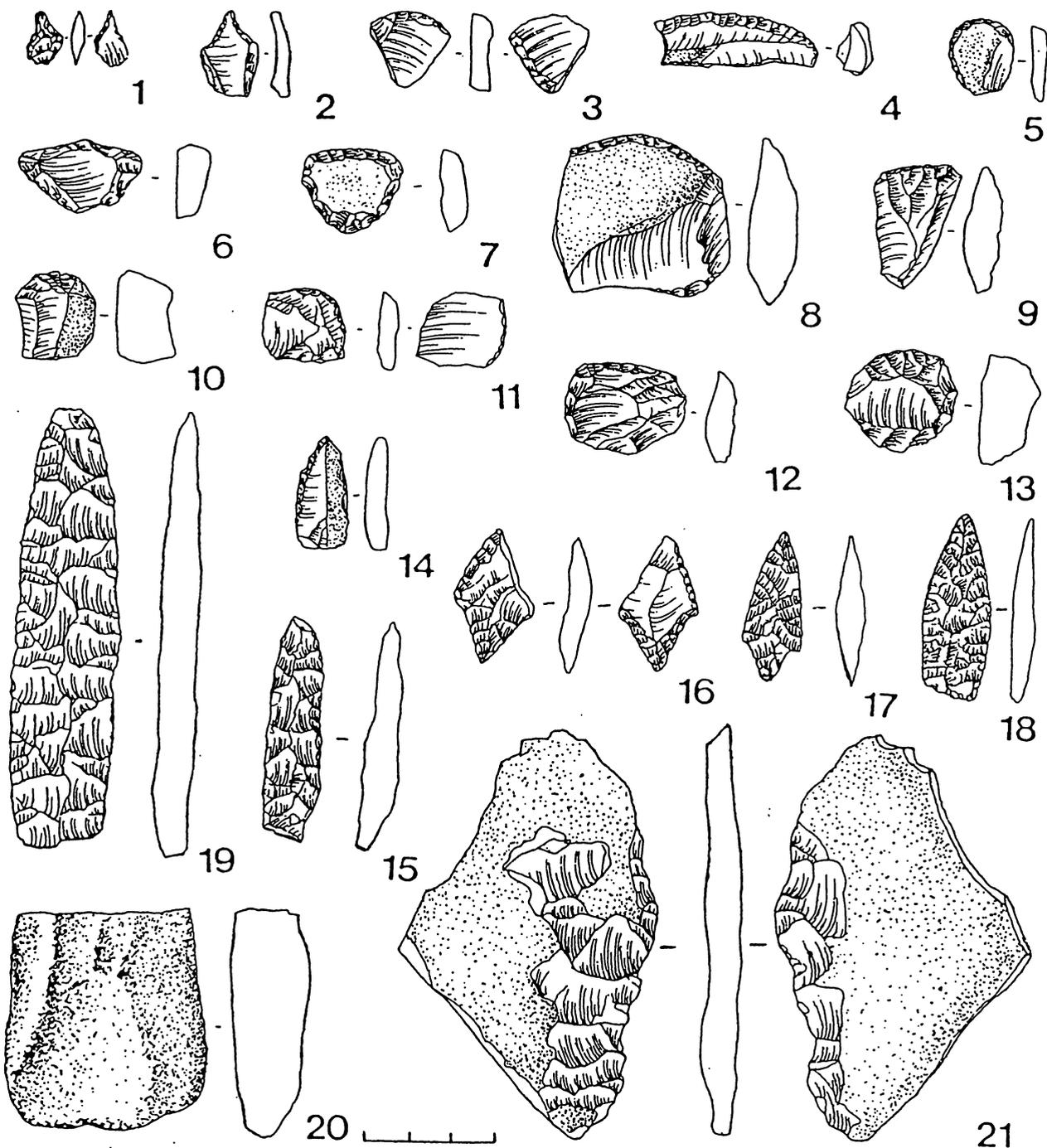

Рис. 76. Каменные изделия бронзового века поселения Аксиубень II (по Н.П. Девятовой).
 1, 2, 14 – проколки; 3–13 – скребки; 15, 19, 21 – ножи; 16–18 – наконечники стрел; 20 – тесло

ким, но при этом он отличается некоторым своеобразием, позволяющим говорить о существовании здесь в изучаемую эпоху собственной археологической культуры. В свое время В.П. Денисов высказывался о необходимости выделения такой культуры, предлагая назвать ее малмыжской (1967, с. 30). На современном уровне археологического знания было бы более правильным назвать вятскую культуру эпохи бронзы буйской по наименованию первого широко исследованного поселения, содержавшего жилые сооружения этого времени и выразительный комплекс материальной культуры. Только при раскопках М.И. Трефц на этом памятнике было собрано около 100 сосудов эпохи бронзы (1985, с. 138, 139). Некоторые памятники бронзового века Вятки содержат и материалы ананьинского времени, что указывает на их преемственность.

Кроме того, настала необходимость объединения всех культур бронзового века Прикамья в одну культурно-историческую общность. К одной культурно-исторической общности, как правило, относят археологические культуры, развивавшиеся в определенных, исторически обособленных географических зонах и обнаруживающих сходство в общем облике материальных остатков, обусловленном тесными контактами, близким уровнем хозяйственного и общественного развития носителей этих культур (Н.Я. Мерперт, 1974; В.Ф. Генинг, 1988).

Основные черты такой общности в Прикамье сформировались уже в эпоху энеолита (гаринская общность). Это определяется тем, что такая общность существовала уже в эпоху энеолита – гаринская. Она занимала все Прикамье, включая Вятку и низовья Белой. В послебронзовое время эта культурно-историческая общность – ананьинская также сохранялась, занимая лишь более обширную территорию, захватывая Среднее Поволжье и бассейн Ветлуги. Таким образом, очевидно, что и в бронзовом веке культуры Прикамья, сложившиеся на гаринской основе, об-

разовывали этническое и лингвистическое единство, подразделяясь на локальные культуры: приказанскую, луговскую, ерзовскую, курмантау, буйскую, отражавшие, вероятно, процесс диалектного членения пермского праязыка. Учитывая, что ядро этой общности составляли ерзовские и луговские группы, а курмантау и буйская являлись ее периферийными образованиями, есть все основания называть эту группу ерзовско-луговской, подразумевая под ней этап развития пермской общности бронзового века.

Основой хозяйства населения Прикамья в эпоху бронзы были скотоводство и земледелие, дополняемые охотой, рыболовством и собирательством. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, режу – свиней и мелкий рогатый скот. Скотоводство было, видимо, придомно-пастушеским со стойловым содержанием минимума скота в зимнее время. О развитии земледелия свидетельствуют находки в очаге жилища 2 Луговского I поселения зерен проса (А.В. Збруева, 1960), а также каменных, костяных, бронзовых мотыг, каменных зернотерок и пестов-терочников.

Развитие скотоводства и металлургии привело к возрастанию в производстве доли мужского труда, что способствовало изменению общественного положения полов. Мужчина постепенно занял господствующее положение в обществе и семье. В эпоху бронзы, таким образом, произошел переход от матриархально-родовых отношений к патриархальным. Внедрение в производство бронзовых орудий труда, рост производительных сил привели к распаду родовых производственных коллективов на более мелкие – патриархальные семьи, состоящие из кровных родственников. Именно эти крупные семьи и составляли основную экономическую ячейку общества эпохи бронзы.

Духовная жизнь населения этого времени все более усложнялась. Наряду с традиционными видами первобытной религии возникают новые. Переход к производящим формам хозяйства, утверждение патриархата вызва-

ли к жизни появление аграрных культов, столь хорошо известных у удмуртов (В.Е. Владыкин, 1994, с. 179–197), и поклонение мужским предкам. Все чаще в качестве жертв использовали домашних животных (коров, лошадей, овец). Такая картина выявлена на поселениях приказанской культуры: Займище III, Балымское, Атабаевское I, где обнаружены культовые площадки, расположенные на наиболее возвышенных участках и представляющие собой серию кострищ, возле которых найдены раздавленные сосуды, наконечники стрел, каменные изделия, кости домашних животных. Возле кострища на поселении Займище III обнаружена большая яма, заполненная костями коров и лошадей. На Балымском поселении жертвенное кострище содержало в большом количестве уголь, золу, обожженные кости, осколки кремня. Вокруг полукругом были вкопаны девять сосудов, а также размещались пять погребений и череп человека (А.Х. Халиков, 1980).

В эпоху бронзы зафиксированы первые следы формирования отдельных семейных святынь. В некоторых жилищах Балымского и Атабаевского I поселений приказанской культуры найдены остатки кострищ на возвышенных площадках, возле которых были сосредоточены лучшие находки – наконечники стрел, бронзовые и медные предметы (А.Х. Халиков, 1980).

Значительное влияние на финно-угров Приуралья в эпоху бронзы оказал степной срубно-андроновский ираноязычный мир. Срубное население в XVI–XIV вв. до н. э. обитало в степной и лесостепной части Волго-Бельского междуречья. Оно сформировалось на основе синтеза носителей полтавкинской и абашевской культур. Срубники оказывали интенсивное воздействие, прежде всего на население приказанской культуры, территориально соприкасавшееся с ними. В контактных зонах наблюдалась взаимная инфильтрация населения. А.Х. Халиков считал, что в отдельных случаях можно говорить об ассимиляции приказанцами некоторых групп

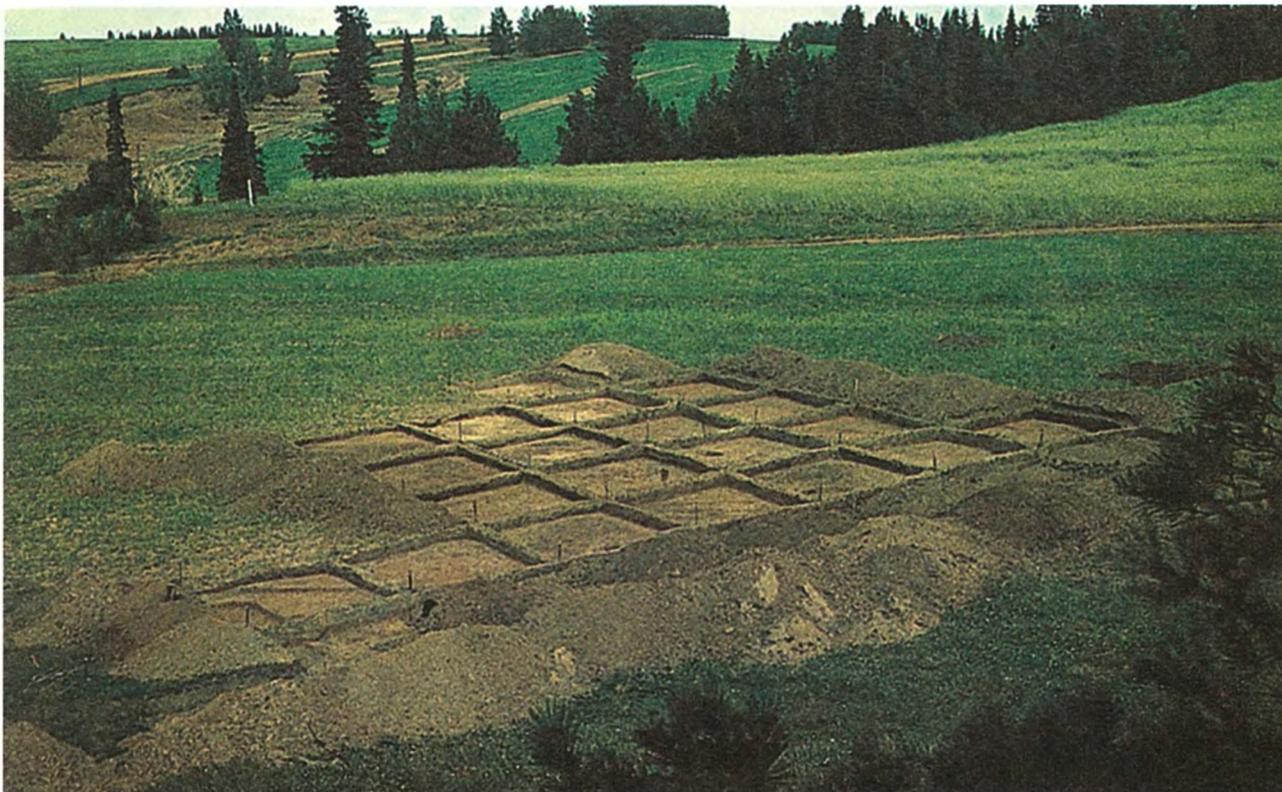
срубного населения (А.Х. Халиков, 1960, с. 163). Под воздействием срубников-индоиранцев у финно-угров совершенствовались отрасли производящей экономики – скотоводство (А.Г. Петренко, 1984, с. 138) и особенно земледелие (Ю.А. Краснов, 1971, с. 41–42). Срубники были первыми настоящими земледельцами в приуральской лесостепи. Урожай собирали с помощью бронзовых серпов, которые по своим механическим свойствам превосходили многие типы железных серпов, бытовавшие в более позднее время (там же, с. 70–71). Возделывали пшеницу, ячмень, просо. Срубники использовали специальные приспособления для размола зерна – каменные зернотерки. Их земледельческие традиции бесспорно повлияли на формирование навыков земледелия у финно-угров.

Вероятно, через срубников финно-угорское население могло ознакомиться с конной запряжкой и легкими колесницами, хорошо известными в евразийских, в том числе и в Волго-Уральских степях, с середины II тыс. до н. э., а с XIII–XII вв. до н. э. с всадничеством – умением уверенно управлять конем с помощью удила и псалий, что оказало огромное воздействие на развитие военного дела (Е.Е. Кузьмина, 1981, с. 28–30). Через срубное население к финно-уграм Приуралья, возможно, поступал столь необходимый металл, и, прежде всего, олово.

К концу эпохи бронзы относятся контакты древних пермян с угорским населением межовского типа, которое появилось в Приуралье на территории современной Башкирии из лесостепного и южнотаежного Зауралья. Почти половина межовских памятников располагалась на поселениях срубной культуры. Поселения смешанного типа сконцентрированы в основном на левобережье Камы и Белой. Некоторые материалы свидетельствуют об их совместном проживании на одном поселении или даже ассимиляции срубного населения межовским и о последующей смене срубного населения межовским (М.Ф. Обыденнов, Г.Т. Обыденнова, 1992, с. 149–151).

Возможно, определенным толчком для изменения характера животноводства у финно-угров Приуралья явилась система животноводства, привнесенная межовскими племенами. В отличие от срубников, у которых в стаде преобладал крупный и мелкий рогатый скот, а свиньи и лошади занимали третье и четвертое места, у межовского населения почти в 2 раза меньше была численность мелкого рогатого скота и в 2 раза больше лошадей, составляя равную долю с крупным рогатым скотом, а также было довольно много

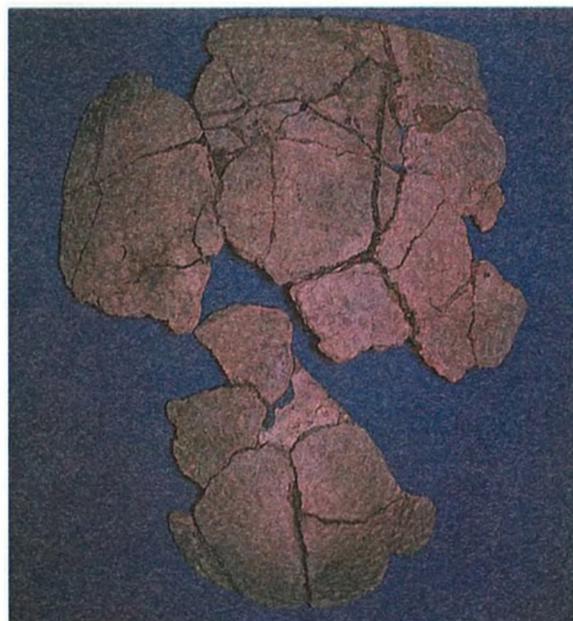
свиней (М.Ф. Обыденнов, 1991, рис. 61). Именно такое соотношение – почти равные доли крупного рогатого скота, лошадей, свиней и незначительное количество мелкого рогатого скота – характерно для последующего ананьинского времени в Прикамье (А.Г. Петренко, 1984, рис. 35). Таким образом, эпоха бронзы Приуралья характеризуется продолжающимся мощным воздействием на финно-пермян индоиранцев (срубно-андроновское население), а также начавшимися контактами с древними уграми (носителями межовской культуры).

Вид раскопок стоянки-мастерской эпохи мезолита у с. Нынек

Поселения Моторки II, Кочуровское IV.
Раскопки Р.Д. Голдиной, Т.М. Гусенцевой.
Каменные шлифованные топоры. Неолит

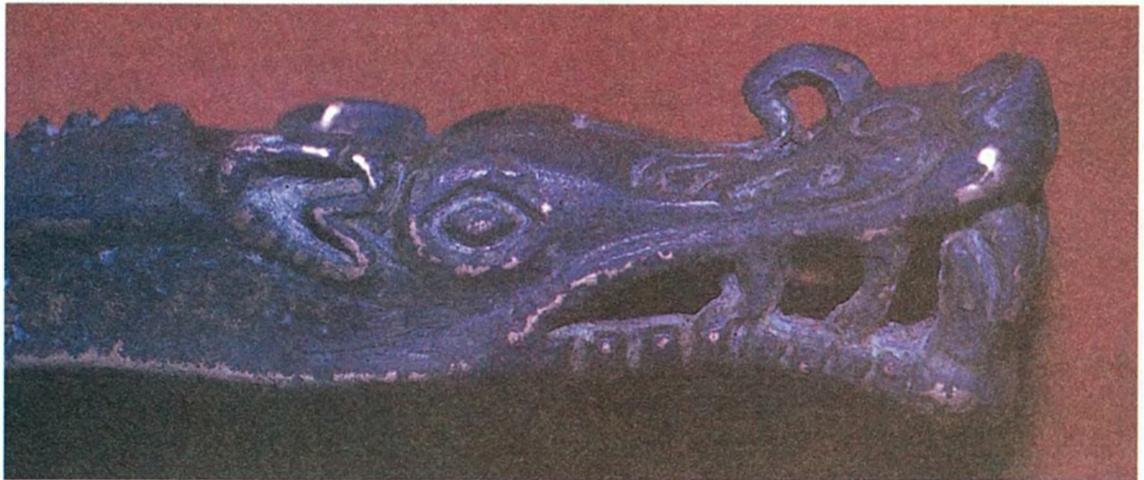
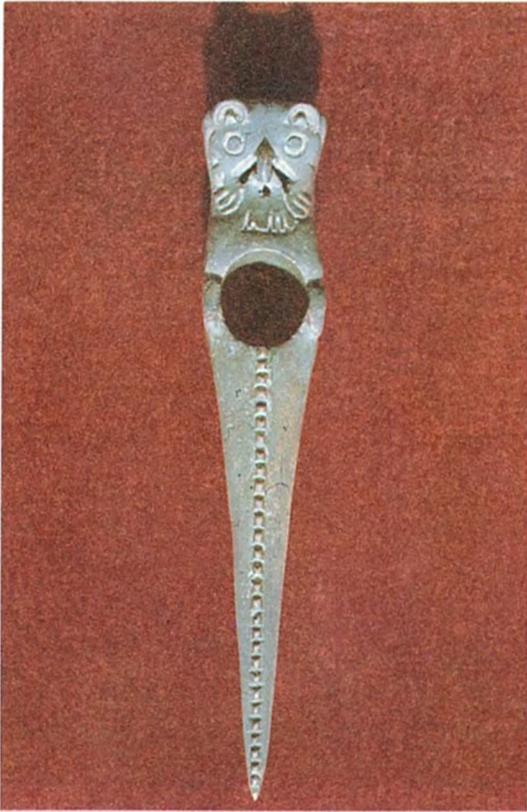
Поселение Чумойтло I.
Обломки глиняного сосуда. Неолит

Усть-Курьинское поселение. Раскопки Н.П. Девятовой.
Медный нож. Энеолит, первая половина II тыс. до н. э.

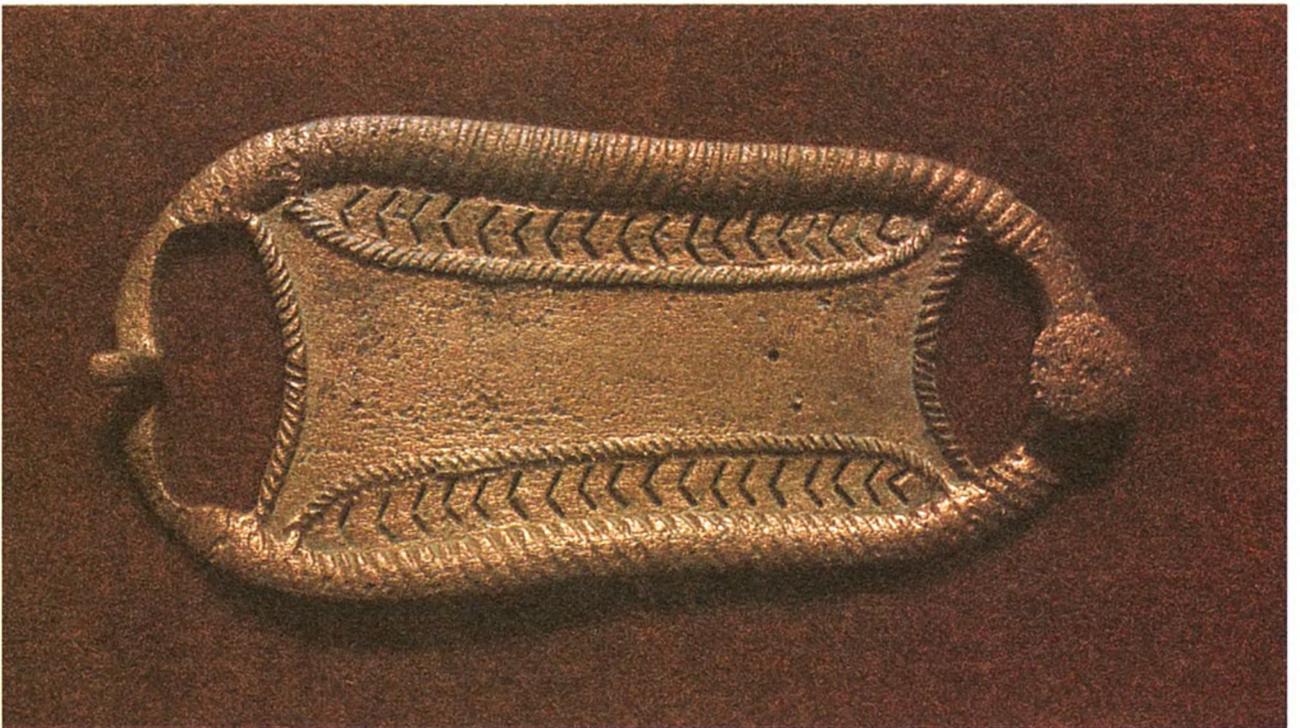
Тарасовское I селище. Глиняные изделия ананьинского времени

Бронзовая секира из с. Галанова. VI–IV вв. до н. э.

Буйское городище. Раскопки Л. И. Ашихминой. Костяные наконечники мотыг ананьинского времени

Тарасовский могильник. Бронзовая застежка пояса. I-II вв.

Ошкинский могильник. Раскопки Н.А. Лещинской.
Бронзовая Эполетообразная застежка. I–II вв. н. э.

Тарасовский могильник. Бронзовая фибула. IV в. н. э.

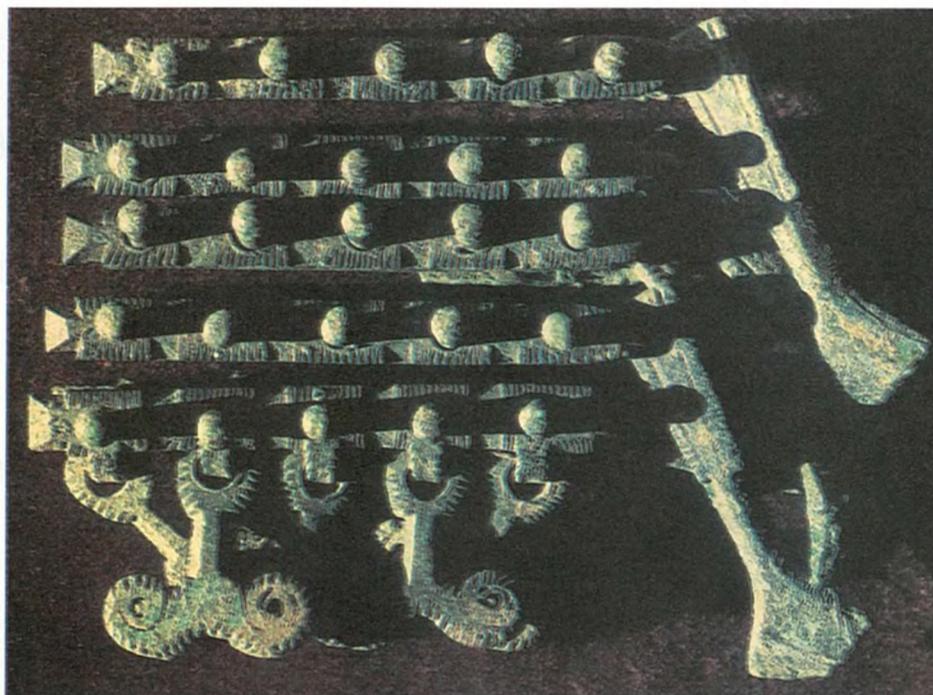
Тарасовский могильник. Бронзовая фибула с привесками. V в.

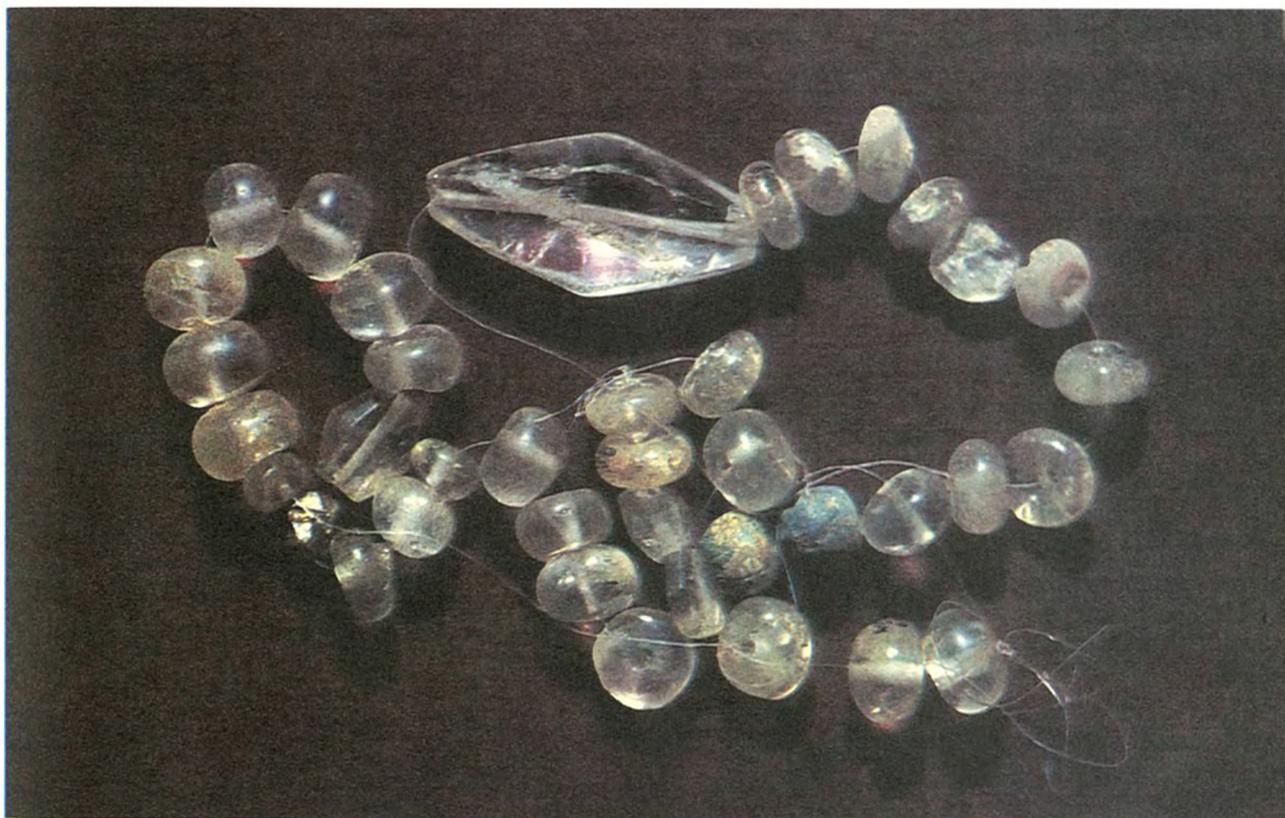
Тарасовский могильник. Бронзовая накладка. I-II вв.

Худяковский могильник. Раскопки Р.Д. Голдиной, Л.Д. Макарова. Бронзовые бляшки, подвески, пронизки. II-IV вв.

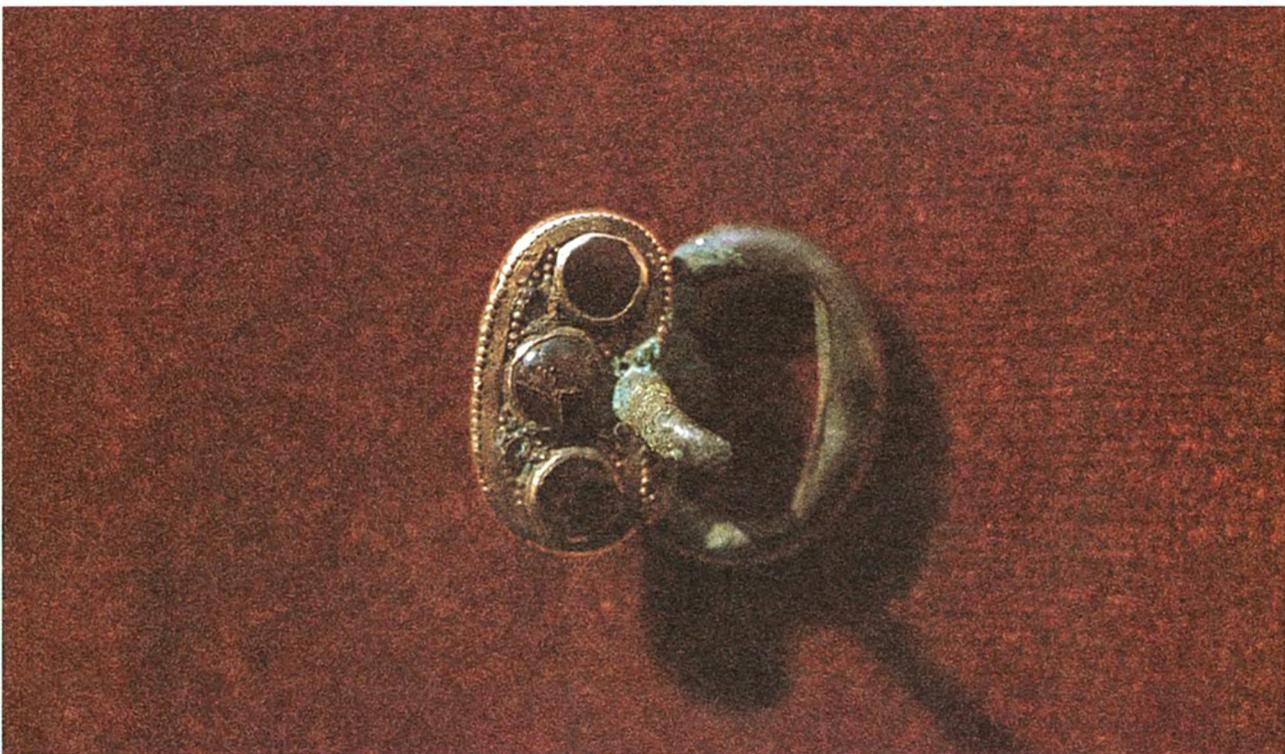
Тарасовский могильник. Бронзовый наконечник пояса. III в.

Тарасовский могильник. Хрустальные бусы. IV–V вв.

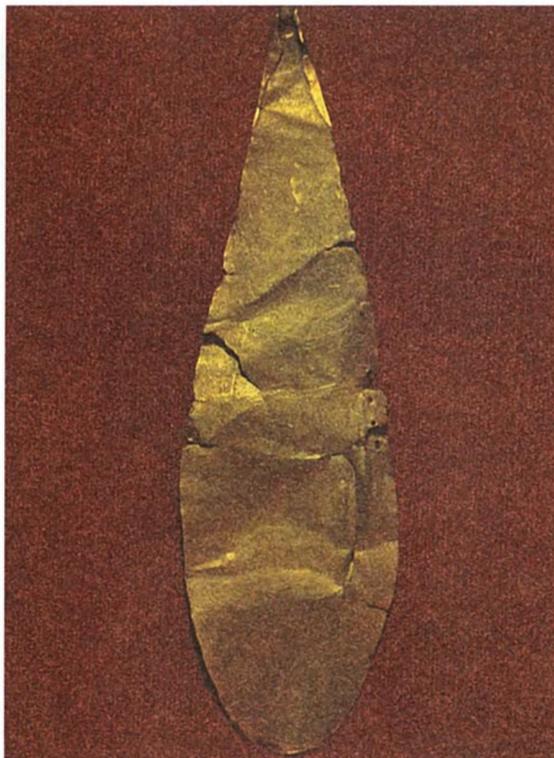

Тарасовский могильник. Бронзовая пряжка. IV в.

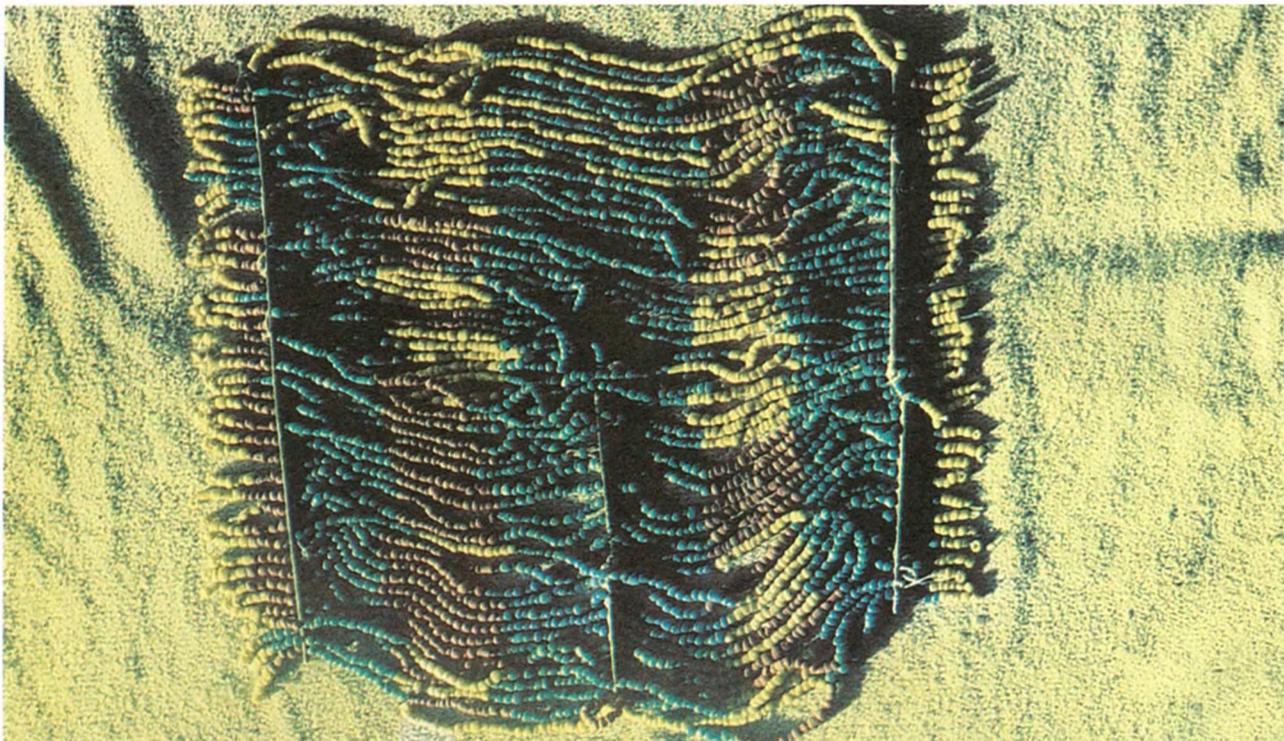

Тарасовский могильник. Бронзовая пряжка с каменными вставками. IV—V вв.

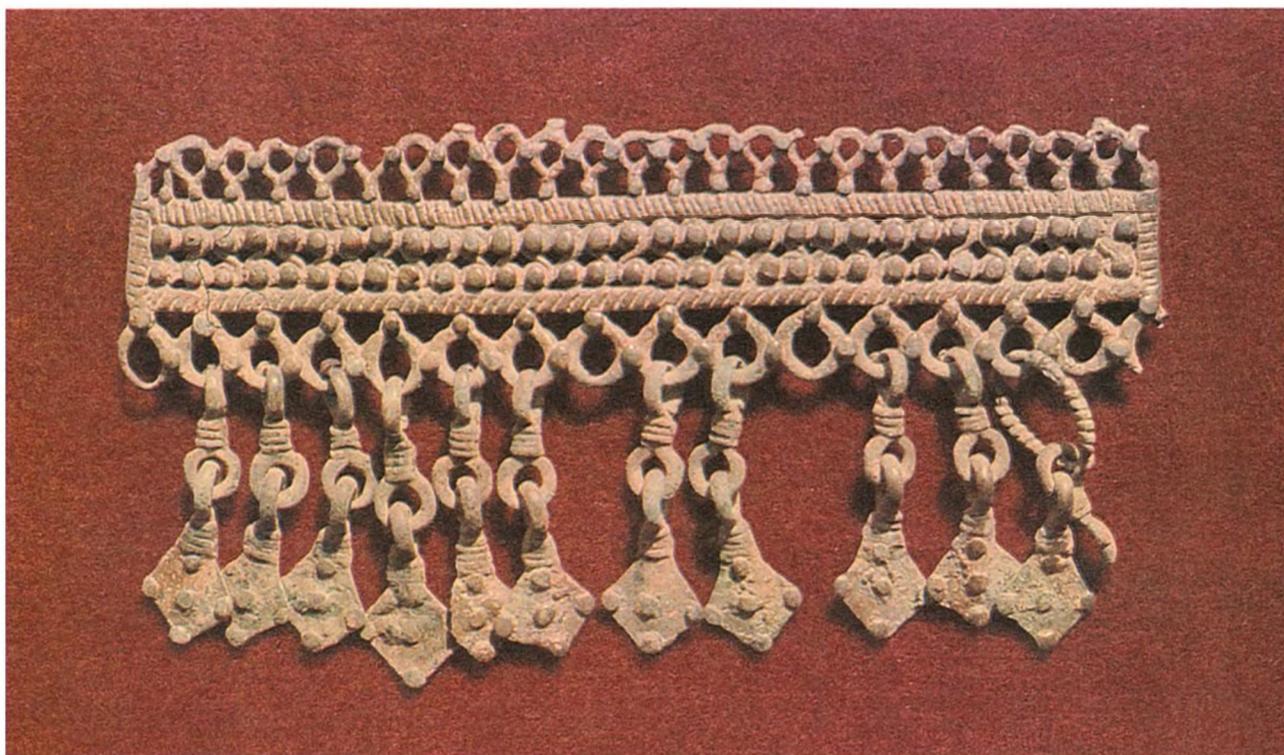
Красноярский могильник. Раскопки О.А. Казанцевой.
Золотая височная подвеска. III–V вв.

Тарасовский могильник, погр. 307.
Бронзовая фибула с эмалью. III в. н. э.

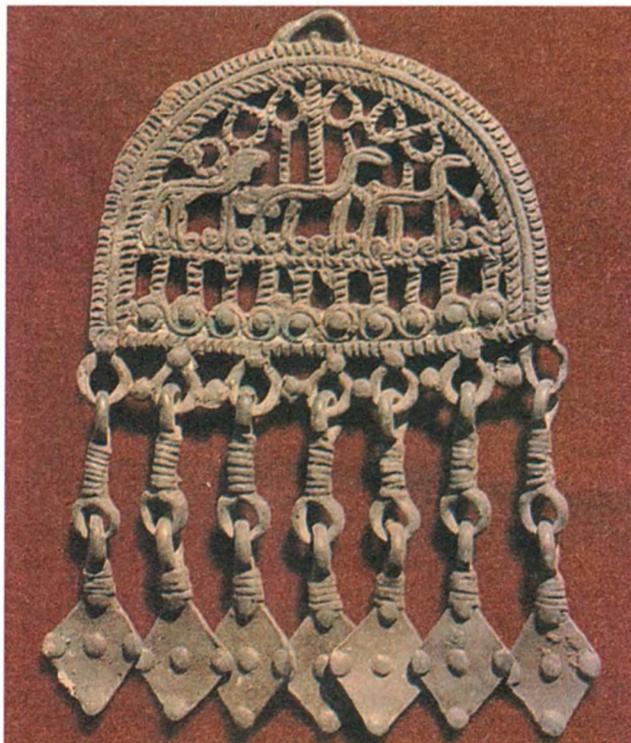

Кудашевский могильник. Раскопки О.А. Казанцевой. Нагрудное украшение из бисера. V в.

Первомайский могильник. Раскопки Л.Д. Макарова. Бронзовая шумящая подвеска. V в.

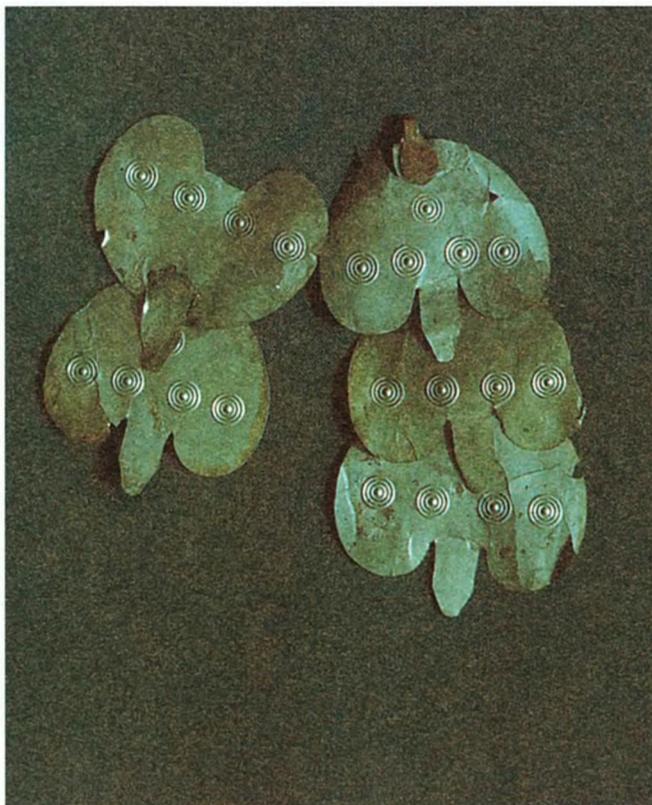
Аргыжское городище. Раскопки Е.М. Черных.
Бронзовая шумящая подвеска. V в.

Первомайский могильник. Раскопки Л.Д. Макарова.
Бронзовая шумящая подвеска. V в.

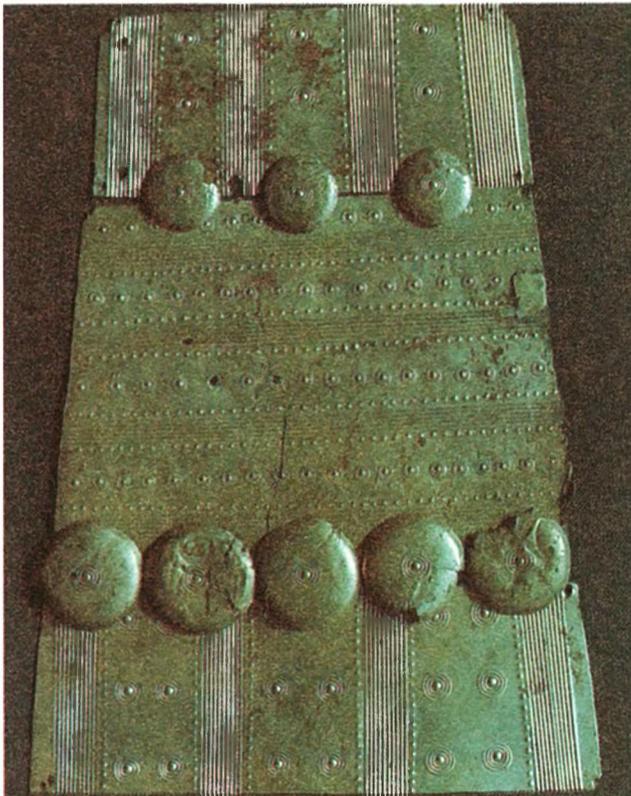
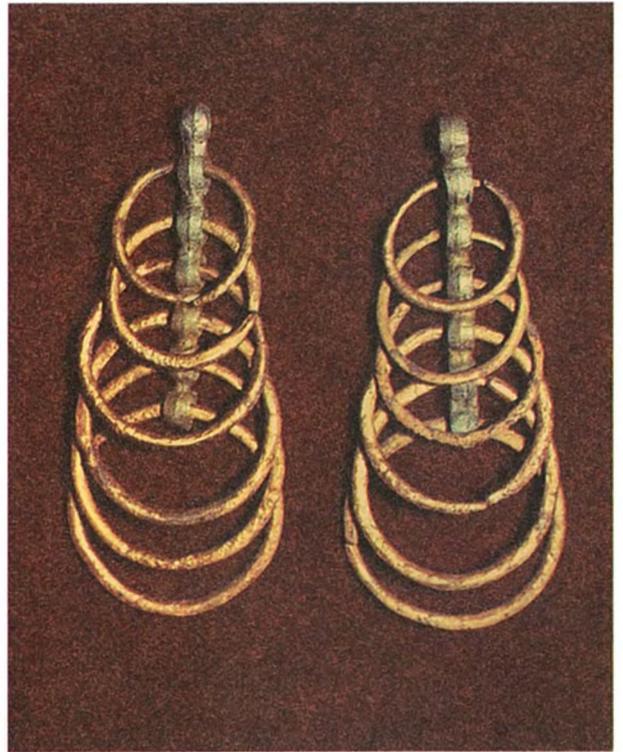

Ошкинский могильник. Раскопки Н.А. Лещинской.
Бронзовая застёжка с изображением птиц. II–III в.

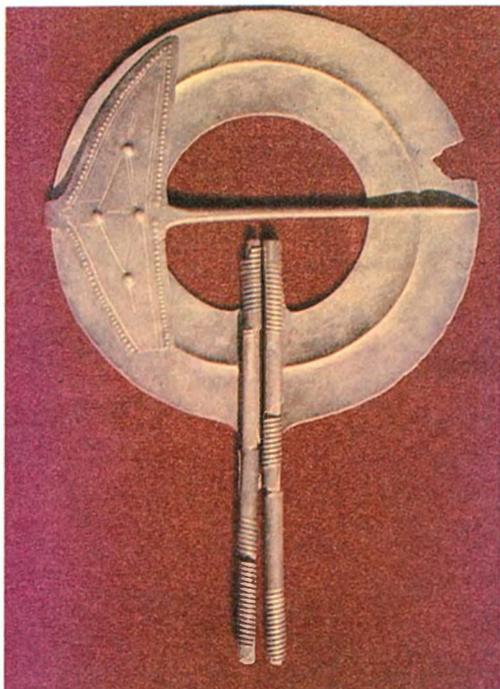

Тат-Боярский могильник. Раскопки Р.Д. Голдиной,
Н.А. Лещинской. Серебряные височные подвески. VIII вв.

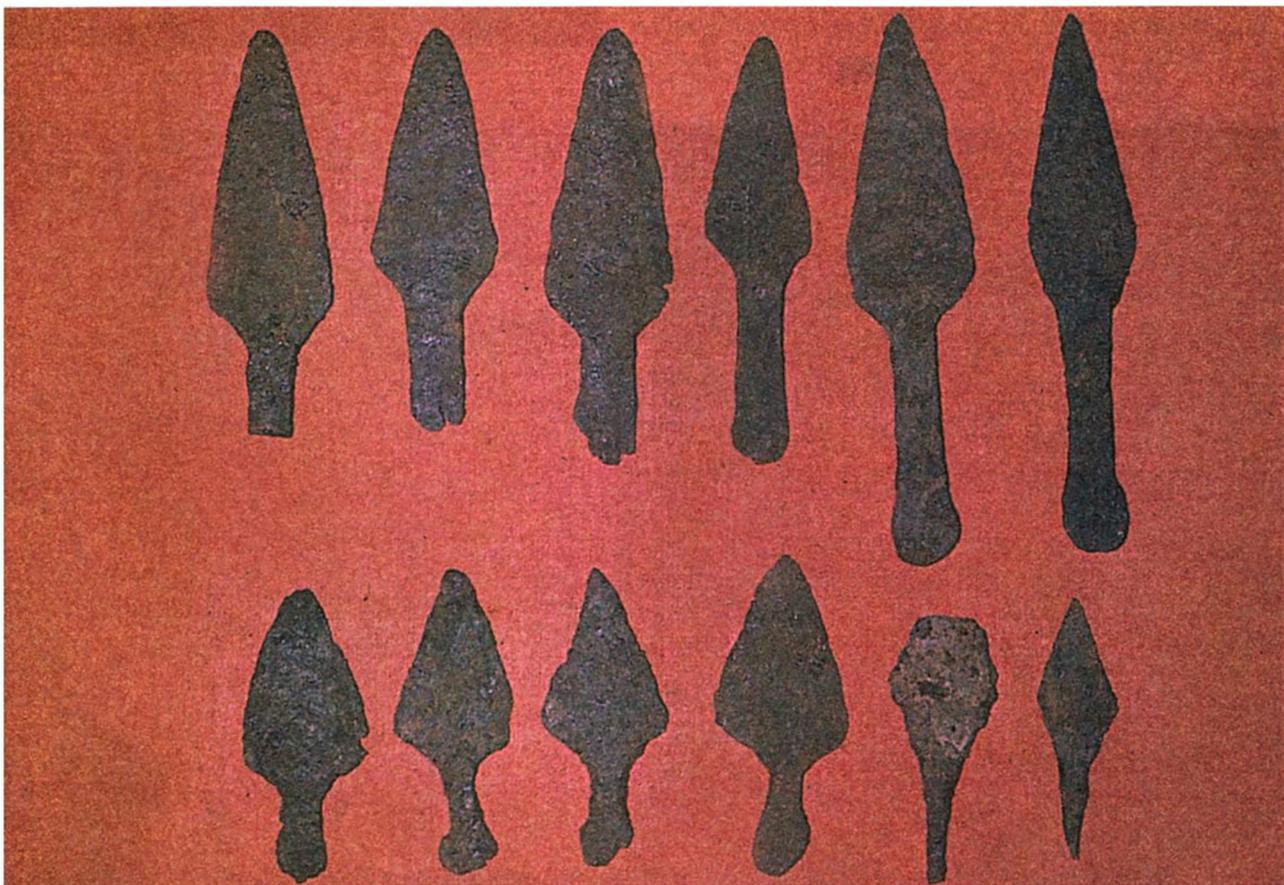
Тат-Боярский могильник. Раскопки Р.Д. Голдиной,
Н.А. Лещинской. Бронзовые височные подвески. VI–VII вв.

Тат-Боярский могильник. Раскопки Р.Д. Голдиной,
Н.А. Лещинской. Серебряный нагрудник. VIII в.

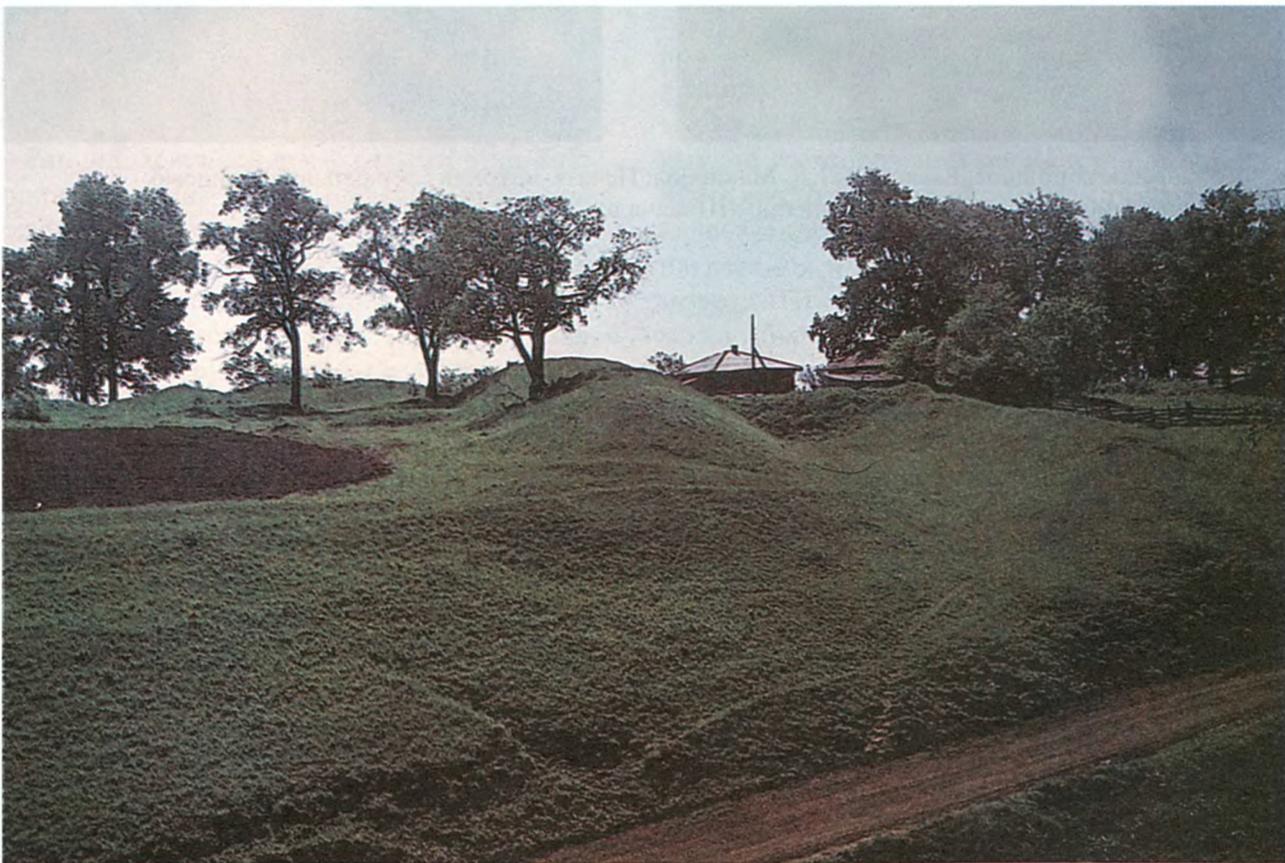
Тат-Боярский могильник. Раскопки Р.Д. Голдиной,
Н.А. Лещинской. Серебряная застежка-фибула. VII в.

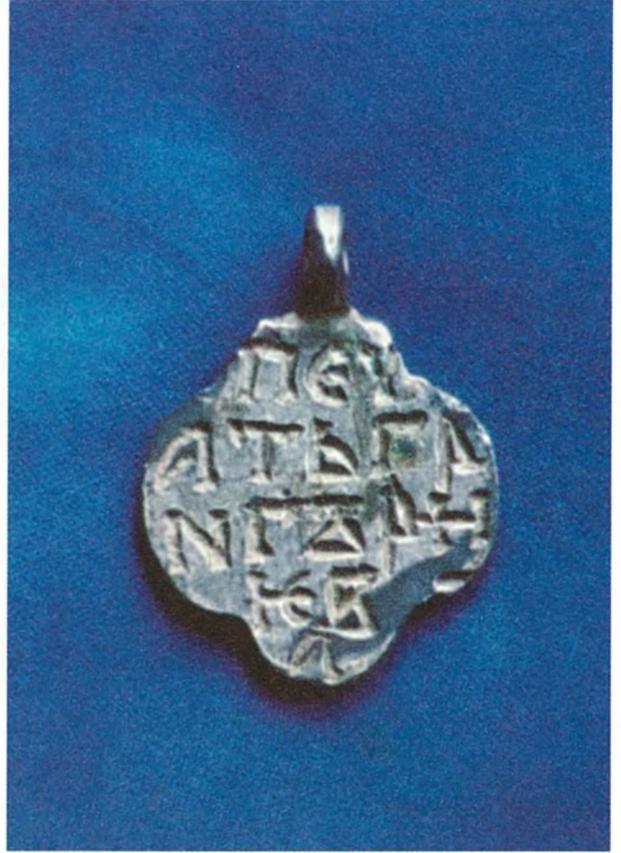
Жертвенное место Чумойтло. Железные наконечники стрел. XII–XIII вв.

Грековский могильник. Раскопки И.Г. Шапран. Русские серебряные монеты. XVI–XVII вв.

Никульчинское городище. Земляные валы древнерусского времени.

Ковровское городище. Раскопки Л.Д. Макарова. Печать-матрица с зеркальной надписью «Печать Григориева». Вторая половина XIII–начало XIV в.

ГЛАВА IV

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (VIII В. ДО Н. Э. – V В. Н. Э.)

4.1. Ананьинская культурно-историческая общность – древняя основа пермских народов (VIII–III вв. до н. э.)

Начало ананьинской эпохи падает на конец последнего периода суббореала (середина II – середина I тыс. до н. э.), для которого характерны резкое похолодание, увлажнение климата, а также связанный с этим сдвиг темнохвойной тайги на юг и запад (Н.А. Хотинский, 1977, с. 163–164).

Ранний железный век – первый этап в истории населения Прикамья, связанный с освоением производства изделий из нового сырья – железа. Железорудные месторождения в лесной полосе были распространены практически повсеместно в виде болотных, озерных и луговых руд. Но добыча железа и производство изделий из него весьма трудоемки. Человечество прошло более чем трехтысячелетний путь экспериментов в бронзолитейном деле, прежде чем научилось изготавливать железные вещи. Освоив производство орудий из железа, люди отказались от каменного сырья. Только железо смогло вытеснить камень из основных материалов производства орудий.

Во второй половине II тыс. до н. э. многие группы степной полосы Восточной Европы ознакомились с технологией добычи и обработки железа (срубники, предкавказский вариант катакомбной культуры и др.) (Б.А. Шрамко, Л.Д. Фомин, Л.А. Солнцев, 1977, с. 58). Процесс получения железа в древ-

ности назывался варкой, так как железо получали не в жидком, а пористом, тестообразном состоянии. При нагревании руды в специальных печах-домницах, интенсивной подаче воздуха (сырое дутье), горении древесного угля, выделявшего окись углерода, из закиси и окиси железа происходил процесс восстановления чистого железа, которое в виде крупиц металла, более тяжелого, чем другие материалы, оседало в придонной части домницы. Восстановленное железо в виде рыхлой тестообразной массы с многочисленными пустотами можно было превратить в качественное только путем многократного нагревания и прессовки сильными ударами молота. Прокованные, сплюснутые крицы можно было использовать для изготовления орудий и оружия. Процесс восстановления железа проходил в домнице при температуре 900–1050°. При сыродутном процессе металлургии не могли достичь температуры 1535°, необходимой для плавления и получения жидкого металла (чугуна). Китайцы умели получать жидкое железо (чугун) уже в V в. до н. э., однако в Европе оно стало использоваться лишь в средние века. Кроме того, изделия из него были очень хрупки.

Кричное железо также имело недостатки: оно было в два раза мягче оловянистой бронзы, и нужно было найти способы его упрочнения. Такой способ был выявлен – науглероживание железа. При нагревании железа и длительном соприкосновении его с раскаленным

углем образовывался слой стали – науглероженного железа.

В VIII в. до н. э. произошел перелом в развитии металлургии и металлообработки железа: увеличилось число железных вещей, они стали более разнообразными и совершенными. Металлурги этого времени уже умели получать металл различного качества – от простого кричного железа до высокоуглеродистой стали. Однако преобладали все же изделия из простого железа. В это время функционировали несколько производственных центров, откуда распространялись как готовые изделия, так и технологический опыт: Северный Кавказ, Среднее Поднепровье, лесостепная и степная Скифия и др. Аналогичный центр металлургии и металлообработки возник на территории ананьинской культуры (там же, с. 72–74). Следует обратить внимание на то, что основная масса действующих металлургических центров Восточной Европы в X–VI вв. до н. э. связана с населением, говорившим на иранских языках. Очевидно, финно-пермяне получили первые навыки добычи и обработки железа от иранских народов, о чем свидетельствуют данные лингвистики: слово *железо* во многих финно-угорских языках заимствовано из иранского (В.И. Абеев, 1972, с. 29).

Изготовление орудий труда из железа привело к революции в материальном производстве: появилась возможность расчищать лес на больших площадях, лучше обрабатывать почву и убирать урожай, земледелие поднялось на принципиально новый уровень. Оружие, сделанное из железа, стало более совершенным, появились длинные мечи, боевые топоры, новые, улучшенные варианты наконечников стрел и копий. Новые виды наступательного вооружения сделали войну успешным занятием. Не случайно ранний железный век – время широкого распространения войны как средства быстрого обогащения. Совершенствовались и защитные средства: панцири, кольчуги, шлемы, щиты и др.

Распространение железа стимулировало дальнейшую специализацию общинников. Начавшееся в бронзовом веке обособление бронзолитейщиков продолжалось, выделились значительные группы производителей металлической продукции: металлургов, черновых и чистовых кузнецов. Только в железном веке стало возможным оформление ремесла в самостоятельную отрасль хозяйства.

Распространение железа способствовало некоторому смягчению монополизации добычи медных руд и изделий из них. Области, не имеющие медных руд, постепенно стали догонять в развитии те районы, которые ушли далеко вперед, располагая большими запасами меди и олова. Появление железа содействовало сложению более продуктивного хозяйства и, как следствие, росту народонаселения, а также развитию обмена, распространению технологического опыта и культурных достижений. Широкое распространение железа повлекло разрушение традиционных норм первобытного общества, зарождение расслоения общества и формирование раннеклассовых отношений.

Ананьинские древности были первыми среди тех, что составили археологическую славу Прикамья. Еще во времена первых научных экспедиций Российской академии наук в восточные губернии России были зафиксированы древние укрепленные городки в этом крае (Н.П. Рычков, 1772; П.С. Паллас, 1788 и др.), часть из которых относится к ананьинскому времени. Однако подлинная известность к Прикамью пришла в 60-х гг. XIX в., когда недалеко от г. Елабуги в устье р. Тоймы московским профессором К.И. Невоструевым и отцом известного русского художника-пейзажиста И.И. Шишкина, елабужским городским головой и купцом И.В. Шишкиным, был открыт Ананьинский могильник. В 1856 и 1857 гг. они предприняли несколько попыток добиться разрешения произвести раскопки на памятнике. Однако земля в с. Ананьино принадлежала Удельному ведомству, распорядившемуся имуществом Императорского

двора. Ходатайство К.И. Невоструева и И.В. Шишкина было отклонено. В 1858 г. управляющий Вятской удельной конторой П.В. Алабин лично в присутствии И.В. Шишкина произвел раскопки могильника и за один день на площади 115 кв. м обнаружил 48 скелетов и 150 предметов погребального инвентаря (ВГВ, 1859, № 27, 30; П.В. Алабин, 1860). В своих заметках об Ананьинском могильнике П.В. Алабин указал на его связь со скифами и отнес его к первым векам нашей эры.

П.В. Алабин хорошо известен своей просветительской деятельностью. Он многое сделал для возрождения Вятского краеведческого музея, к тому времени пришедшего в упадок. При его непосредственном участии в музее было создано 3 отдела: историко-этнографический, земледелия и художественный. Впоследствии (1866–1877 гг.) П.В. Алабин стал управляющим конторой государственных имуществ в Самаре, где также способствовал развитию краеведения и библиотечного дела. При библиотеке Самары по проекту П.В. Алабина был устроен музей, один из известнейших тогда в России, с 12 отделами. Ему П.В. Алабин подарил накопленную в течение многих лет нумизматическую коллекцию и собрание оружия. По завершении русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) он был назначен губернатором Софии (Н. Полунина, А. Фролов, 1993, с. 112).

Ананьинский могильник интересовал многих ученых. В разные годы на нем проводили раскопки П.И. Лерх (1865 г.), К.И. Невоструев и И. Аспелин (1870 г.), П.Д. Шестаков (1878 г.), П.А. Пономарев и Н.П. Лихачев (1881 г.), Ф.Д. Нефедов (1891 г.), А.В. Збруева (1930 г.). Но наиболее результативными были раскопки П.В. Алабина.

Один из авторов раскопок, К.И. Невоструев, считал уместным сравнение Ананьинского могильника с одним из известнейших европейских могильников железного века – Гальштатским, расположенным в юго-западной Австрии. В 1846–1864 гг. этот могильник раскапывал Г. Рамсауер. К концу XIX в.

на нем было исследовано около 2 тыс. погребений. Культура раннего железного века центральной и западной Европы получила свое название – гальштатская – от этого могильника. Сравнение Ананьинского могильника с Гальштатским (К.И. Невоструев), бесспорно, спровоцировало возросший интерес археологов России и Европы к Приуралью. В 1877 г. Ананьинский могильник посетил финский ученый из Гельсингфорса И. Аспелин, в 90-х гг. XIX в. – президент французского национального общества древностей барон де Бай, в 1909-м – финский ученый А. Тальгрэн.

Другие могильники аналогичного Ананьинского облика стали известны в конце XIX в.: Котловский (Ф.Д. Нефедов, 1893–1894 гг.; И.Н. Смирнов, 1895 г.), Каракулинский (И.Н. Смирнов, 1892 г.), Релкинский (Ф.Д. Нефедов, 1894 г.). Кроме того, были обследованы и многие городища бассейна Вятки и Камы (П.В. Алабин, 1859, 1865 гг.; А.А. Спицын, 1887, 1888 гг.), что позволило А.А. Спицыну сопоставить Ананьинский могильник и «костеносные городища» (1893).

Большим событием в изучении ананьинской проблематики стало открытие и исследование А.А. Спицыным Зуевского могильника в Каракулинском районе Удмуртии. Здесь было обнаружено 218 захоронений ананьинской поры (М.Г. Худяков, 1933). До сих пор этот памятник является одним из крупнейших исследованных памятников ананьинского типа в удмуртском Прикамье.

Материалы дореволюционных раскопок, а также исследований, проведенных в первой половине XX в. (работы Л.И. Вараксиной, А.В. Шмидта, Н.А. Прокошева, Н.П. Грязнова, П.П. Ефименко, М.В. Талицкого и др.), были обобщены А.В. Збруевой в монографии, посвященной ананьинской культуре (1952).

Начиная с 50-х гг. и до настоящего времени идет быстрое накопление материалов с памятников раннего железного века нижнего Прикамья и прилегающего Поволжья. Раскопаны богатейшие могильники: Ст. Ахмыловский (937 погребений), Акозинский (110 мо-

гил), I Новомордовский (25 захоронений), II Полянский (30 погребений) и др. Наиболее значителен вклад в дело формирования источниковой базы этого региона А.Х. Халикова, В.С. Патрушева, С.В. Кузьминых, В.Н. Маркова, П.Н. Старостина, Е.П. Казакова, Н.Ф. Калинина, М.Г. Косменко, С.В. Большова, Е.А. Беговатова и др.

Богатейшие материалы, полученные учеными, дали возможность А.Х. Халикову (1977), А.Х. Халикову и В.С. Патрушеву (1982), С.В. Кузьминых (1977, 1983), В.А. Иванову (1984), В.С. Патрушеву (1984, 1986, 1989), Л.И. Ашихминой (1985), В.Н. Маркову (1988, 1994) и другим выполнить ряд оригинальных и очень важных для понимания проблем раннего железного века прикамско-поволжского региона работ.

С введением в научный оборот материалов памятников устья Камы и особенно прилегающего Поволжья изменилась территориальная оценка ананьина. Если по материалам А.В. Збруевой она занимала территорию Прикамья, за исключением верховьев, бассейны рр. Белой, Вятки и Ветлуги (1952, рис. 1), то А.Х. Халиков отнес к ананьинской культуре усть-камское и усть-ветлужское Поволжье, выделив 9 локальных вариантов: западноволжский (Волга I), средневолжский (Волга II), нижекамский I, нижекамский II, вятский, нижебельский, среднекамский, верхнекамский и ветлужский (1977, рис. 1). С изучением памятников раннего железного века на территории Республики Коми в ареал ананьинской общности вошли также бассейны рр. Печоры, Вычегды и Мезени. Однако вопрос о поволжском ананьине остается спорным. В.С. Патрушев относит эти памятники к ахмыловской культуре (1984, 1986, 1989), С.В. Кузьминых же считает, что в Поволжье имело место наложение ананьинской культурной общности на восточную периферию общности с «текстильной» керамикой, что проявилось в чересполосном обитании населения обеих групп и незавершенности процесса культурной консолидации (С.В. Кузьминых, 1983, рис. 1).

В пермском Прикамье процесс накопления ананьинских материалов ускорился в связи с подготовкой к затоплению Камской и особенно Воткинской ГЭС. На конец 60-х гг. этих памятников было известно около 120, предварительное обобщение их было выполнено А.Д. Вечтомовым (1967). К концу 90-х гг. число ананьинских объектов выросло до 200 (Памятники истории и культуры Пермской обл., с. 12). Они выявлены практически во всем верхнем и среднем Прикамье. Наиболее исследованы из них поселение-святилище Гремяча, городище Алтен-Тау, Половинное I, Коцевогор, Заюрчим I и II, Васюково II и др. (раскопки А.В. Шмидта – 1894–1935 гг., О.Н. Бадера, В.А. Оборина, А.Д. Вечтомова, А.В. Збруевой, В.П. Денисова, Е.Н. Черных, А.Ф. Мельничука, С.Н. Коренюка, Н.В. Соболевой, В.А. Борзунова и др.). В отличие от нижней Камы здесь почти не были известны могильники. В последние десятилетия преимущественно С.Н. Коренюком было исследовано около 300 погребальных комплексов на Першинском, Залазнинском, Оханском и других могильниках. Бельский вариант ананьинской общности известен благодаря работам К.В. Сальникова, А.П. Смирнова, Г.В. Юсупова, Р.Б. Ахмерова, Т.Н. Троицкой, Н.А. Мажитова, В.Ф. Генинга, В.А. Иванова, И.Б. Васильева, В.С. Горбунова и др. Среди наиболее известных памятников Бирское поселение, Новокабановское, Аначевское, Биктимировское, Какры-Куль городища, могильник Таш-Елга.

Из всех ананьинских локальных вариантов к формированию древних удмуртов имеют прямое отношение нижекамский (между устьями рр. Белой и Вятки), вятский, среднекамский, бельский, а косвенное – ветлужский и усть-камский.

На камском побережье между устьями рр. Белой и Вятки работы активизировались в связи с подготовкой к затоплению ложа водохранилища Нижнекамской ГЭС. Здесь были проведены большие раскопки на Зуево-Ключевском I и Каменный Лог городищах (рабо-

ты В.Ф. Генинга, Л.И. Ашихминой, Р.Д. Голдиной и др.). Обобщение полученных материалов было выполнено Л.И. Ашихминой (1985). В последние годы ананьинские коллекции пополняются в результате работ Н.Л. Решетникова и И.Ю. Пастушенко на Момылевском городище, Р.Д. Голдиной на Тарасовском I селище и других памятниках.

Вятское ананьино археологи стали изучать во второй половине XIX в. одновременно с нижнекамскими памятниками (работы П.В. Алабина, А.А. Спицына, П.А. Пономарева, М.В. Малахова, Н.Г. Первухина). Эти материалы, как и полученные в первой половине XX в., нашли свое отражение в монографии А.В. Збруевой (1952). Неудивительно, что почти все они происходили с укрепленных поселков-городищ, обнаружить которые было значительно легче. В 50–60-е гг. XX в. работы на этих памятниках были эпизодичны. Так, в 1955 г. было раскопано В.П. Денисовым раннеананьинское поселение Буй I (В.П. Денисов, 1958, с. 111–119). Небольшие раскопки были проведены на Буйском (В.Ф. Генинг), Никульчинском (Л.П. Гуссаковский), Мальковском, Ройский Шихан (Г.А. Архипов) городищах, селище Черепанов Лог (С.В. Ошибкина). Начиная с 70-х гг. материалы ананьинских памятников бассейна р. Вятки в связи с развертыванием здесь работ Вятской, Камско-Вятской экспедиций стали накапливаться быстрее. Были проведены исчерпывающие раскопки Буйского городища (Л.И. Ашихмина), значительные исследования Никульчинского (Л.Д. Макаров) и Аргыжского городища (Е.М. Черных), начаты работы на Кривоборском городище (Н.А. Лещинская). Особое значение имеет открытие самого северного на р. Вятке – Грехневского поселения на р. Кобре (В.В. Ванчиков). Ананьинские материалы были получены с многочисленных поселений: Первомайского, Покста II (Л.Д. Макаров), Боровка I (М.И. Третьяков), Этанцы II (Л.А. Сенникова), Черепанов Лог (С.В. Ошибкина), Худяки (Р.Д. Голдина, Л.А. Сенникова), Арбажский льнозавод, Малиновское I, Усть-

Курьинское (Н.П. Девятова), Ботыли IV (Н.И. Леконцева) и др. Все эти материалы обобщены В.В. Ванчиковым (1992). Интерес представляет и открытие серии ананьинских поселений на правом берегу низовий р. Чепцы А.Г. Ивановым.

Сейчас известно 64 памятника ананьинского времени в бассейне р. Вятки (рис. 77), из них 17 городищ, 34 селища, 2 местонахождения керамики, 11 – бронзовых кельтов. Бронзовые изделия, вероятно, происходят из разрушенных могильников, и целенаправленные поиски со временем приведут к открытию этой категории памятников.

Значительное число памятников располагается на нижней и средней Вятке: от устья Шошмы до устья Пижмы. В более северных районах концентрация объектов слабее, что свидетельствует, скорее всего, о недостаточной изученности этой территории. Памятники расположены как на Вятке, так и на ее притоках – Пижме, Чепце, Уржумке, Вое, Кильмези, Шошме. Городища обустраивались на мысах высотой 12–20 м, образованных руслами рек и оврагами. Размеры площадок – 2500–4000 кв. м. Лишь Мальковское имело площадь более 10000 кв. м. Укреплялись городища одной линией обороны – ровом глубиной 1–3 м и валом, похожим на курганообразное возвышение высотой 2–6 м. Общая высота преграды составляла 2–9 м. По наблюдениям В.В. Ванчикова, для ранних городищ характерны курганообразные или прямые валы с отношением ширины к длине 1:1 или 1:2, а для более поздних – дуговидные валы, существенно превышающие по длине ширину насыпи (В.В. Ванчиков, 1992, с. 78).

Культурные слои, мощностью от 0,15 м (Чутайские) до 2 м (Буйское, Аргыжское, Ройское), сильно насыщены фрагментами керамики, костями животных, золой, створками раковин. На городищах исследованы остатки жилых и хозяйственных сооружений, мастерские, ямы, очаги. На почти полностью изученном Аргыжском городище обнаружено 3 ряда построек (Е.М. Черных, 1995, с. 6–7). Ближ-

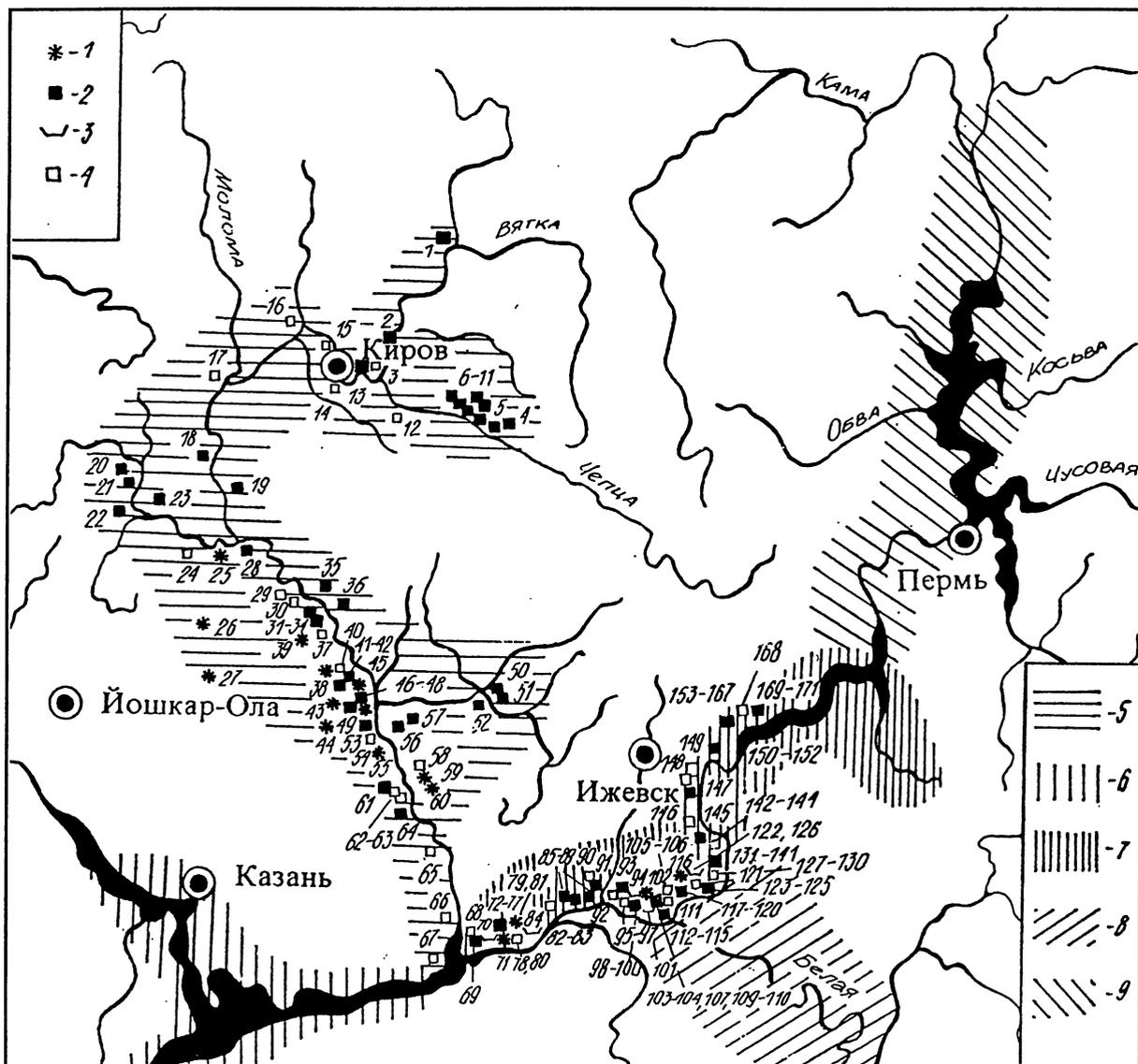

Рис. 77. Карта основных памятников ананьинской культурной общности Камско-Вятского междуречья. 1 – находки; 2 – поселение; 3 – могильник; 4 – городище. Локальные варианты ананьинской культурной общности: 5 – вятский; 6 – нижнекамский; 7 – среднекамский; 8 – бельский; 9 – верхнекамский. 1. Грехневское I поселение; 2. Первомайское поселение; 3. Никульчинское городище; 4. Дерезанцы II, поселение; 5. Яговкицы, поселение; 6. Лютоус I, поселение; 7–10. Градобоево I–IV, поселения; 11. Махны, поселение; 12. Кривоборское (Городишковское) городище; 13. Концовское селище; 14. Чижевское (Марьян кокошик) городище; 15. Наговицынское (Червяковское) городище; 16. Подрельское I (Вересенковское) городище; 17. Скорняковское городище; 18. Боровка I, поселение; 19. Нижнее Коропово, поселение; 20. Этапы II, поселение; 21. Покста II, поселение; 22. Худяковское поселение; 23. Арбайский льнозавод, поселение; 24. Горское городище; 25. Обуховская находка керамики; 26. Юринские (Юринские) находки; 27. Якасурская находка; 28. Пижемское городище; 29. Лебязское городище; 30. Белоглазовское городище; 31. Малиновское I поселение; 32–34. Мысы III–V, поселения; 35. Ботылы IV, поселение; 36. Буй I, поселение; 37. Буйское городище; 38. Федорищевская находка кельта; 39. Марушинские находки; 40. Мальковское городище; 41, 42. Цепочкинское I, II поселения; 43. Петряевская находка кельта; 44. Лопьяльская находка кельта; 45. Варишинская находка кельта; 46. Чере-

ний к мысу ряд образовывали наземные бревенчатые дома площадью 80–100 кв. м прямоугольной формы, отапливались они 2–4 очагами (рис. 78–5, 6). В среднем ряду выявлено 2 сооружения: одно холодное, без очагов, служило, вероятно, для хозяйственных целей (рис. 78–4), второе, культовое (рис. 78–1) – для ритуальных действий, в том числе жертвоприношений. Площадь культовой постройки – 52 кв. м. Оно имело два входа в торцевых стенах. В центре размещалось мощное кострище. Кухонных отбросов, обычных для ананьинских жилищ, здесь не было. Канавка шириной до 1,3 м, выкопанная по всей длине помещения в его юго-восточной половине, была заполнена зольно-углистым слоем, насыщенным известняковой крошкой, сырыми и жжеными костями и обломками керамики. Возле трех ямок от столбов, вкопанных в канаву, обнаружено скопление лежавших грудой человеческих ко-

стей, частично обожженных, принадлежавших трем мужчинам, женщине и ребенку (Е.М. Черных, 1996, с. 92). Третий ряд сооружений, ближний к валу, составляли жилища несколько меньших размеров (рис. 78–2) и небольшая постройка – мастерская (рис. 78–3), в которой обнаружены очаг, шлаки и обломки литейной формы. Хозяйственные ямы были вынесены за пределы жилищ и располагались в ряд вдоль края мыса. Городища являлись, видимо, центрами политической, идеологической и хозяйственной жизни определенных территорий и содержали самые разнообразные сооружения, предназначенные для обслуживания всех сторон жизни коллектива.

В.В. Ванчиков (1992, с. 78) по расположению городищ (20–40 км друг от друга) выделяет две территориальные группы: верхневятскую (от р. Чепцы до р. Моломы) и нижневятскую (от р. Пижмы до р. Шошмы).

паповский Лог, поселение; 47, 48. Тюм-Тюмское III, IV поселения; 49. Тюм-Тюмская находка кельта; 50. Муки-Какси II, поселение; 51. Муки-Какси I, поселение; 52. Моторки II, поселение; 53. Шишкинское поселение; 54. Ройское («Ройский Шихан») городище; 55. Кильерская находка кельта; 56. Усть-Курьинское поселение; 57. Проходная Лоза I, поселение; 58. Аргыжское городище; 59. Називинская находка кельта; 60. Дубровинская находка кельта; 61. Нуриерская находка керамики; 62, 63. Чутайское I, II городища; 64. Старо-Бурецкое поселение; 65. Каракулинское городище; 66. Мамадышское городище; 67. Грохань, городище; 68. Свиногорское городище; 69. Свиногорское селище I; 70. Котловский (Дмитриевский) могильник; 71. Покровское местонахождение; 72. Котловское селище II; 73–77. Тапайские I–V селища; 78. Тапайское городище; 79. Гремячий Ключ, местонахождение; 80. Елабужское (Чертово) городище; 81. Елабужские находки; 82. Анапьянский могильник; 83. Луговской могильник I; 84. Тихогорское городище; 85. Сетяковское селище; 86. Бизякинское селище; 87. Икское III поселение; 88. Икское V селище; 89. Икское I поселение; 90. Благодатское III городище; 91. Благодатское селище; 92. Верхне-Малиновское городище; 93. Муновское селище; 94. Муновский могильник «Релка»; 95. Муновское городище I; 97. Зуево-Ключевское I городище; 98. Зуевоключевское IV селище; 99. Зуевоключевская II стоянка; 100. Зуевоключевское II поселение; 101. Зуевоключевской (Зуевский) I могильник; 102. Зуевоключевская II находка; 103. Дубровское I селище; 104. Ныргындинское IV городище; 105. Ныргындинское I (Ильнешское) городище; 106. Ныргындинское II городище; 107. Святица, селище; 108. Быргындинские I находки; 109. Быргындинское I селище; 110. Быргындинское VI селище; 111. Быргындинское II (Каменный Лог) городище; 112. Усть-Бельское II селище; 113. Барановское II селище; 114. Барановское VII селище; 115. Барановское III поселение; 116. Коростинская находка; 117. Коростинское IV селище; 118–120. Юпъгинские I–III селища; 121. Юпъгинское I городище; 122. Каракулинский (Первомайский, Вятский Клеост) могильник; 123–125. Партизанские I, II, V селища; 126. Вятский (Мошкаровский) могильник; 127. Вятское (Мошкаровское Верхнее) городище; 128. Вятское (Мошкаровское Нижнее) городище; 129. Кухтинское городище; 130. Сухаревское городище; 131. Галановское городище; 132, 133. Галановские I, II селища; 134. Галановская II находка бронзовой секиры; 135. Заборьевское селище; 136–141. Тарасовские I–V, VII селища; 142. Момылевское городище; 143. Мазушинское городище; 144. Мезиновское II городище; 145. Усть-Сарапульское селище; 146. Юшковское городище; 147. Усть-Нечкинское селище; 148, 149. Усть-Нечкинские I–II городища; 150. Сидоровогорское селище; 151. Паздеровское селище; 152. Кремлевское селище; 153. Гавриловское поселение; 154–167. Степановские I–XIV селища; 168. Степановское городище; 169–171. Пламя I–III, селища

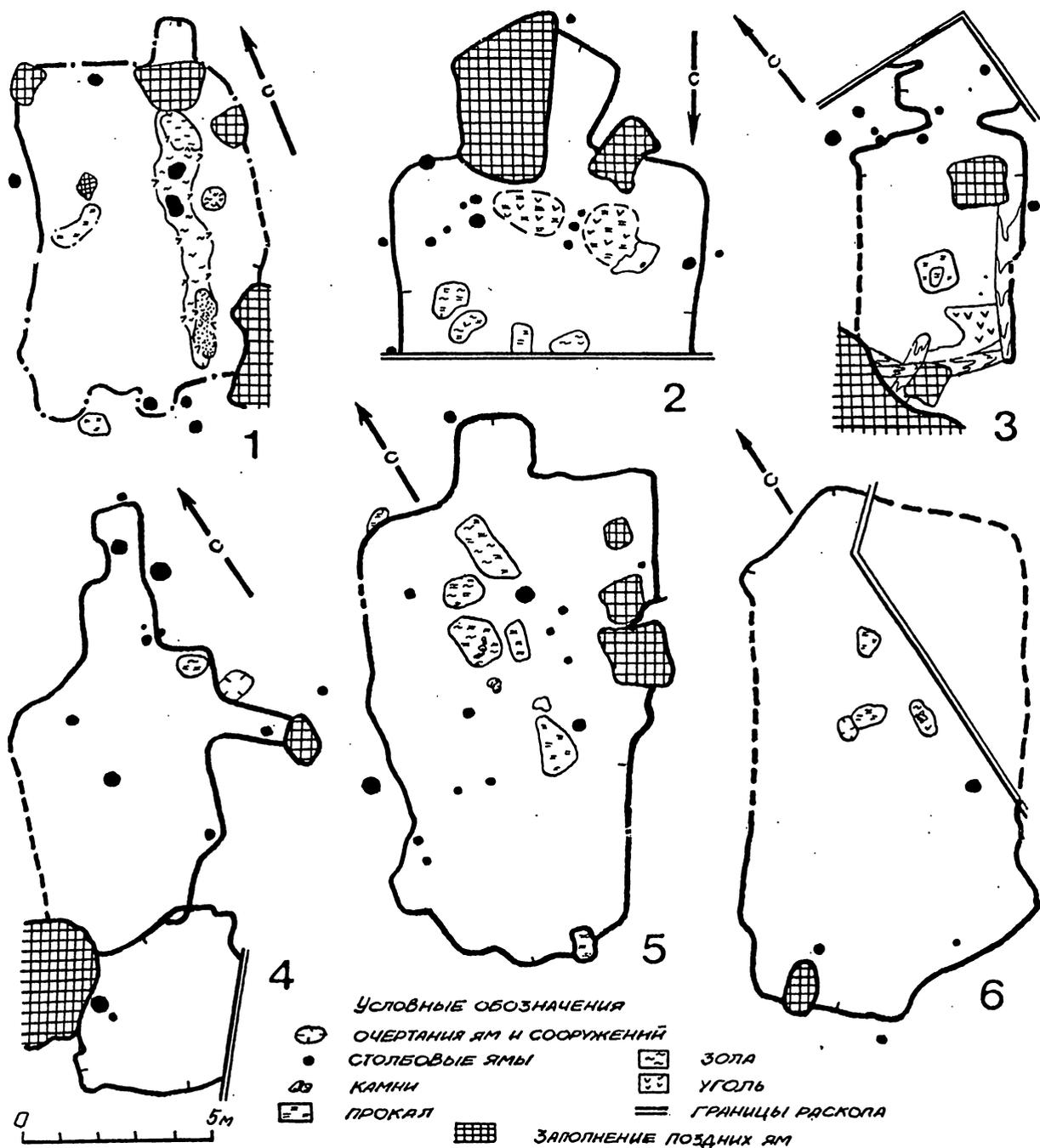

Рис. 78. Планы жилищ и сооружений Аргюзинского городища (по Е.М. Черных).
 1 – сооружение III; 2 – жилище VIII; 3 – жилище IX; 4 – сооружение IV; 5 – жилище I; 6 – жилище II

Селища располагались как на мысах, так и на основном массиве террасы. Высота берега, как правило, 4–5 м. Площадь их колеблется от 1000 кв. м до 8800 кв. м. Культурные слои мощностью 0,1–0,3 м насыщены остатками меньше, чем на городищах. Среди находок – фрагменты керамики, расколотые, часто обожженные гальки, створки раковин, кремневые скребки и отщепы. Железные предметы и шлаки редки. Ананьинские отложения, в основном, перекрыты более поздними и сильно нарушены. Обнаружены лишь очаги-коптища и ямы. Кроме постоянно функционировавших поселений с выявленным культурным слоем (Боровка I, Усть-Курья, Грехнево I), зафиксированы и сезонные, кратковременные, промысловые стойбища, где сооружения и слои отсутствуют, но обнаружены скопления ананьинской керамики или развалы сосудов этого времени (Первомайское, Арбажский льнозавод, Этанцы II и др.).

Возле поселенческих комплексов встречаются бронзовые предметы, прежде всего кельты. Известны не только отдельные находки, но и их скопления. Например, Марушинское местонахождение представлено кельтом, наконечниками стрелы и копья, Тюм-Тюмское – четырьмя бронзовыми кельтами. Эти находки определенно указывают на не найденные пока здесь погребальные памятники.

В удмуртском Прикамье хорошо изучены памятники разных категорий: поселения, городища, селища, а также могильники. Поселения довольно часто содержат слои предшествующего времени, что подтверждает преемственность материальной культуры.

Ананьинские городища (Зуево-Ключевское I, Каменный Лог, Галановское, Момылевское и др.) располагались на высоких, обрывистых берегах рек и укреплялись чаще всего одной или двумя линиями валов и рвов. Раскопки Зуево-Ключевского I городища показали, что первоначально оно возникло как селище. В VIII в. до н. э. жилища располагались лишь в северной части мыса. К VI в. постройками была занята площадь около 30000 кв. м

и только тогда был насыпан вал и выкопан ров. Основной вал неоднократно подсыпался и имел высоту до 3,5 м и ширину до 10 м. Перед валом был выкопан ров шириной 4,2 м и глубиной от уровня древней поверхности 2 м. По гребню вала был сооружен деревянный частокол. Общая высота преграды составляла около 8 м. По наблюдениям В.А. Иванова, укрепленные городища возникали раньше всего в западных районах ананьинской общности в связи с угрозой со стороны южных степных народов и постепенно распространились на север и восток (В.А. Иванов, 1984, с. 42).

Раскопки оборонительных сооружений на других ананьинских объектах (например, Алтен-Тау возле г. Перми) выявили, что ананьинские фортификационные системы были весьма совершенными для своего времени. На городище Алтен-Тау оборонительные системы трижды были разрушены неприятелем, что указывает на необычайно сложный характер отношений того времени. Первое, наиболее раннее ограждение представляло собой стену, сложенную из горизонтально уложенных березовых бревен, укрепленных вертикально вкопанными столбами. Нижние венцы были присыпаны землей. Эта стена сгорела (В.А. Борзунов, 1997, с. 171). Линия укреплений, сооруженная в более позднее время на месте сгоревшей стены, представляла собой вал шириной до 6,5 м и высотой 1,5 м и возведенную на нем стену из горизонтально положенных бревен. Стена окружала всю площадку, а у края террасы была поставлена на древнюю поверхность. У южной оконечности вала были обнаружены остатки постройки (3×2,7 м) типа сторожевой башни. Вторая линия обороны также была разрушена в результате нападения. Спустя некоторое время поверх прежней снова возвели линию укреплений, только более мощную. Как и прежде, по валу шириной до 8,5 м и высотой до 2 м шла бревенчатая стена. Внешняя сторона вала была укреплена каменной кладкой шириной до 3 м. Камни достигали в

максимуме размеров 0,8×0,6×0,4 м и весили до 100 кг. Но и эти укрепления, и синхронный поселок были разрушены (там же, с. 176).

Ананьинские городища имели разную площадь – от 2 до 30 тыс. кв. м. Большая часть их была постоянно обитаема и выполняла роль территориальных центров. Маленькие же городки служили сторожевыми крепостями.

На Зуево-Ключевском I городище исследовано несколько жилищ, выстроенных рядами, их разделяли улицы шириной до 15 м (Л.И. Ашихмина, В.Ф. Генинг, 1986, с. 54). В жилищах – наземных постройках прямоугольной формы площадью 60–70 кв. м – вход делали с юго-восточной или восточной стороны, слева от входа и у стены, противоположной ему, располагали нары. В центре жилища устраивался очаг, иногда на глинобитном основании. Некоторые очаги, чтобы дольше держалось тепло, были обставлены камнями.

Городища были не только административными, но и культовыми центрами. В южной части Зуево-Ключевского I городища располагалось святилище – здесь обнаружено огромное скопление костей животных: лошадей, крупного рогатого скота, которые были принесены в жертву стоящим здесь идолам. Еще один жертвенник находился в северной части городища: в зольном слое ананьинского времени выявлено скопление костей коров и лошадей, окруженное остатками кострищ.

Одним из наиболее изученных ананьинских могильников является Зуевский, расположенный в окрестностях Зуево-Ключевского I городища на террасе высотой около 6 м. Могильник бескурганый, на поверхности отметок не имеет. Ряды захоронений вытянуты параллельно реке. Большинство могил неглубокие – 0,5–0,7 м, ямы глубиной 1,1 м составляют лишь 5% всех могил. Большая часть умерших уложена вытянуто на спине ногами к реке. По наблюдениям А.А. Спицына, иначе – поперек по отношению к остальным – укладывали преимущественно подростков.

На могильнике зафиксировано несколько погребальных обрядов: по способу трупопо-

ложения – индивидуальные и коллективные (в 14 могилах обнаружено 80 костяков, чаще всего женщин и детей). Кроме того, известны впускные захоронения в уже занятую могилу, а также погребения черепов. Обнаружено несколько костяков без черепов. Документированных следов трупосожжений нет, но свидетельств проявления культа огня достаточно: обожженные камни в засыпи могил, следы обжига костей погребенных, вероятно, в результате ссыпания в могилу углей погребального костра.

В четвертой части могил ананьинцев обнаружены предметы вооружения, которые могли использоваться и в повседневной жизни – бронзовые топоры-кельты (рис. 79), копья с бронзовыми (рис. 80–12–21) или железными наконечниками, втоки – наконечники древков (рис. 80–23, 24), боевые топоры-клевцы (рис. 80–22), короткие мечи-акинаки (рис. 80–25), лук и стрелы (рис. 80–1–11). Вероятно, воинами являлись практически все мужчины. Захоронения мужчин были богаче женских, в них найдены наконечники копий и стрел, боевые топоры-секиры, кельты, прекрасные пояса с медными накладками и привесками, шейные гривны и браслеты. Женские погребения сопровождалась медными бляшками, гривнами, браслетами, перстнями, иногда бусами, шильями, иглами. В могилы ставили глиняные сосуды с пищей (чаще всего мужчинам – 1, женщинам – 2) и клали куски мяса: женщинам обычно говядину, мужчинам – конину. В центре могильника зафиксированы следы жертвенника из валунов и плитняка, где, видимо, проводились заупокойные обряды.

Интереснейшие остатки были обнаружены С.Н. Коренюком на Першинском могильнике VIII–VI вв. недалеко от Перми. Здесь в 1988–1990 гг. было раскопано 176 могил индивидуальных, парных и коллективных, совершенных по обычному способу трупоположения (С.Н. Коренюк, 1996, с. 37). Кроме того, были обнаружены остатки трех бревенчатых построек площадью 7–15 кв. м, углубленных

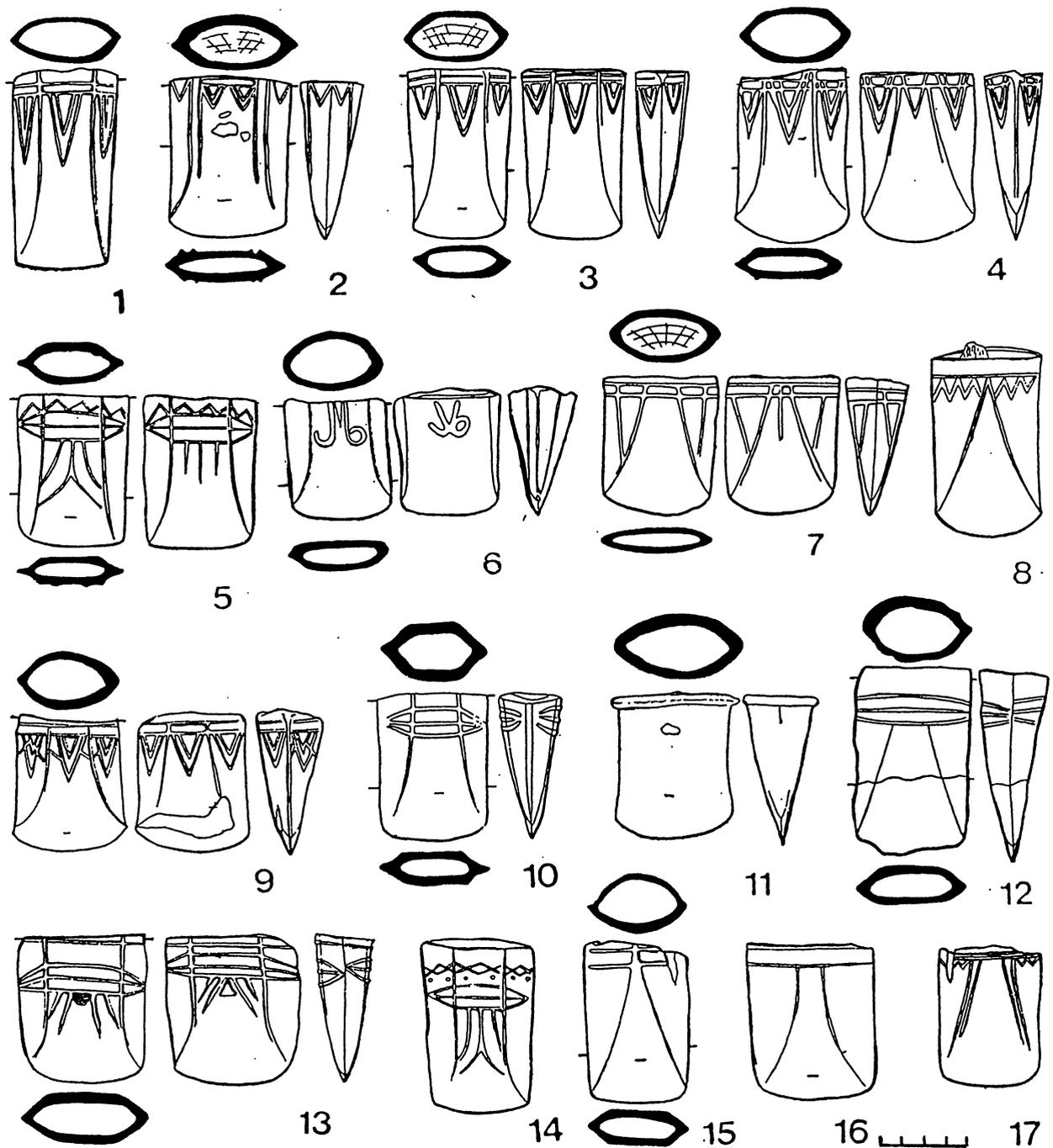

Рис. 79. Бронзовые топоры-кельты ананьинской общности (по С.В. Кузьминых).
 1-15 – Зувевский; 16, 17 – Каракулинский могильники

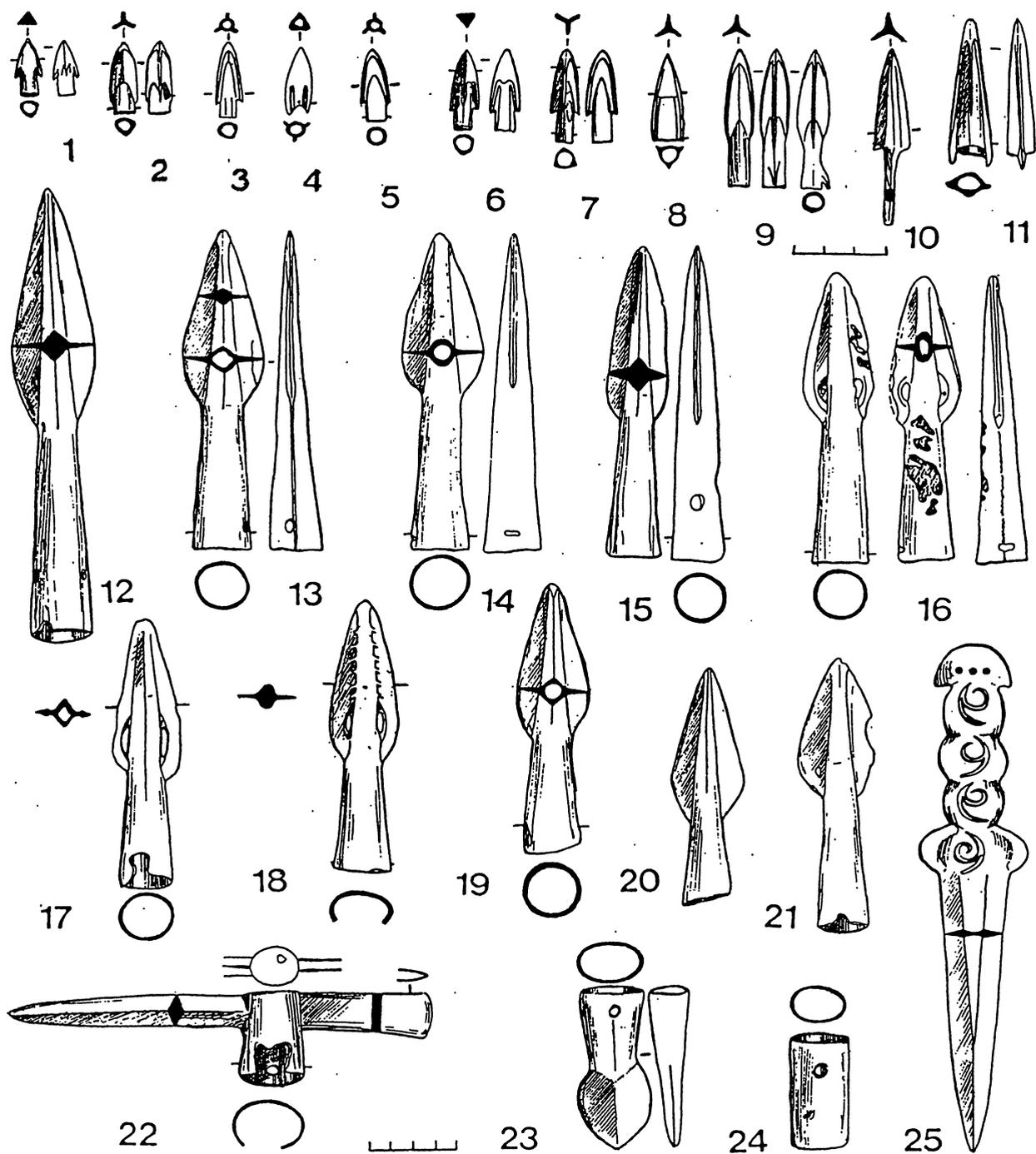

Рис. 80. Бронзовые предметы вооружения анапийской общины (по С.В. Кузьминых).
 1-11 – наконечники стрел; 12-21 – наконечники копий; 22 – чекан; 23, 24 – вток; 25 – кинжал-акшак.
 1-22, 24, 25 – Зуевский; 23 – Каракулинский могильники

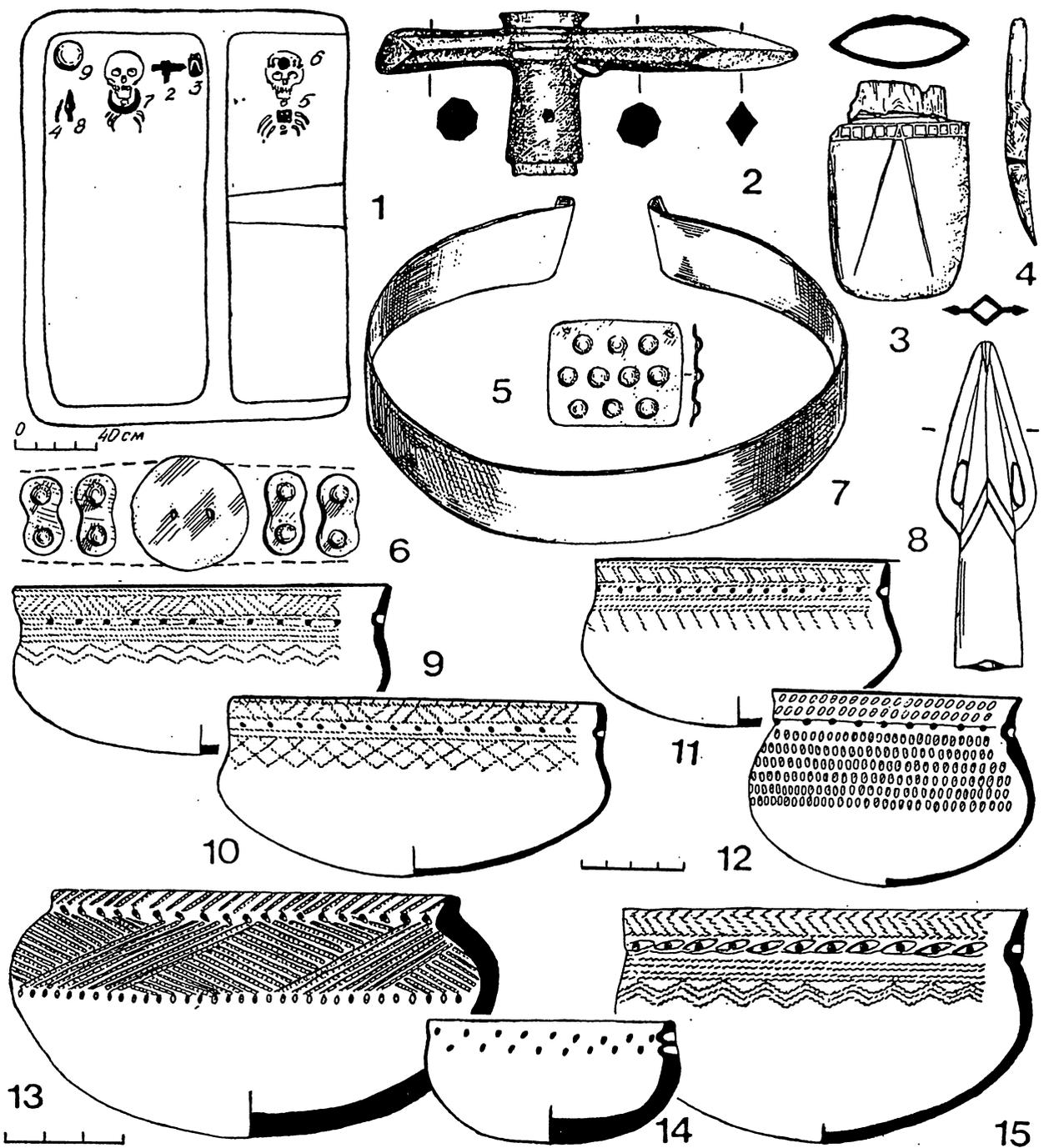

Рис. 81. Перышчінскі могілнік (па С.Н. Корешоку).

1 – планы пагребеній 63 і 64; 2 – чэпак; 3 – кельт; 4 – нож; 5 – нагрудная накладка;
 6 – накладкі лобнага венчыка; 7 – грывіа; 8 – накіпечнік копы; 9–15 – посуды. 1–9 – погр. 63 і 64;
 10 – погр. 128; 11, 13, 14 – погр. 108; 12 – погр. 120; 15 – погр. 175. 2, 3, 5–8 – бронза; 4 – жалеза; 9–15 – гліна

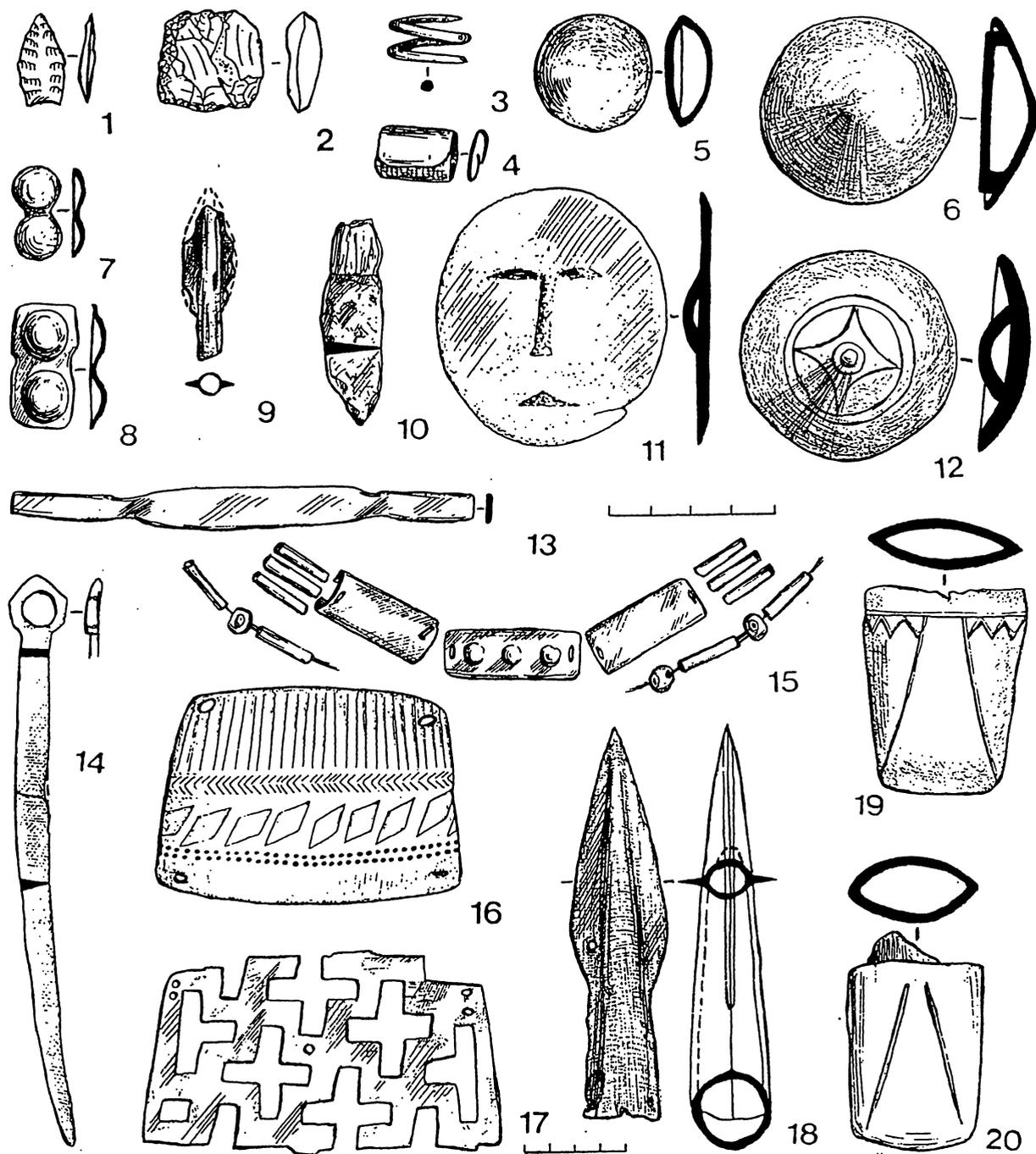

Рис. 82. Перышский могильник (по С.Н. Коретко).

1, 9 – наконечники стрел; 2 – долотовидное орудие; 3, 4 – пронизки; 5, 7 – бляшки; 6, 8, 11, 13 – бляшки – налобные украшения; 10, 14 – ножи; 12 – бляшка – нагрудное украшение; 15 – детали налобного и нагрудного украшений; 16 – накладка – нагрудное украшение; 17 – накладка – налобное украшение; 18 – наконечник копья; 19, 20 – кельты. 1, 4, 11 – погр. 108; 2 – погр. 80; 3 – погр. 170; 5 – погр. 98; 6, 9, 12, 14, 18, 19 – погр. 7; 7 – погр. 79; 8 – погр. 153; 10 – погр. 114; 13 – погр. 94; 15, 16 – погр. 124; 17 – погр. 128; 20 – погр. 12. 1, 2 – камень; 3 – 9, 11–20 – бронза; 10 – железно

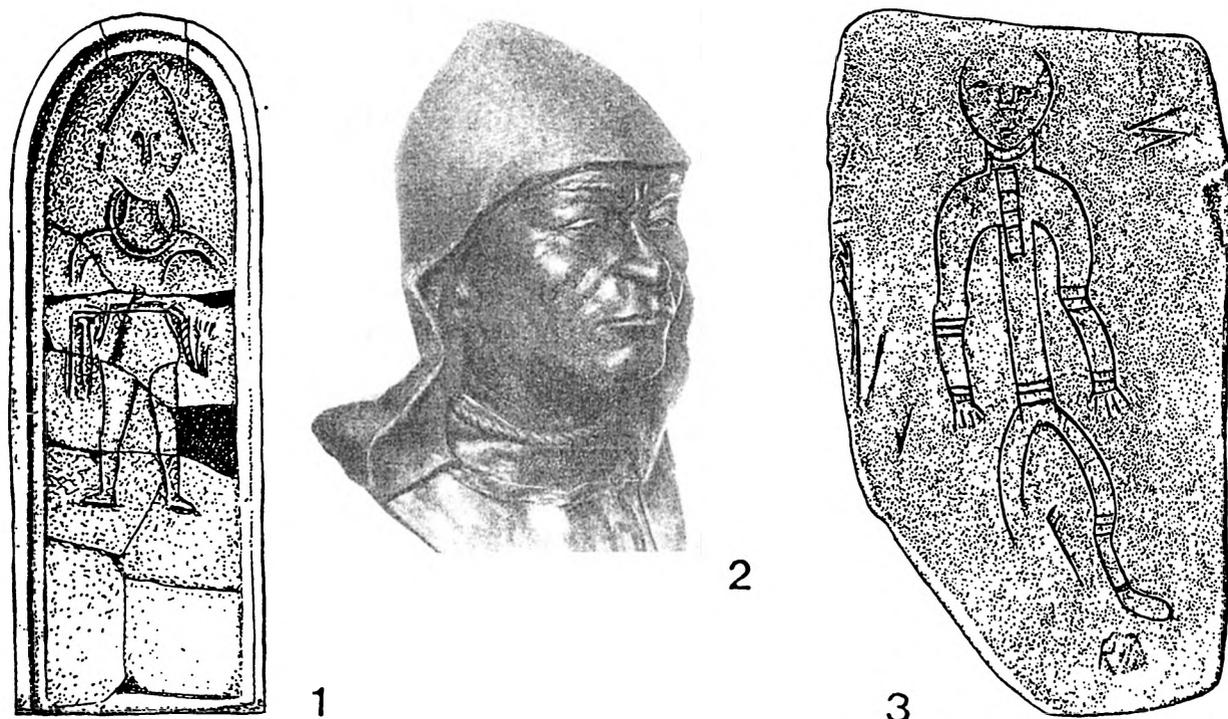

Рис. 83. 1, 3 – каменные стелы из Ананьинского могильника; 2 – реконструкция облика ананьинца по материалам Луговского могильника. Реконструкция выполнена М.М. Герасимовым

в грунт на 0,4–0,5 м, с остатками в них очагов-кошар мощностью 6–7 см. Вдоль стен остались следы от берестяных круглых коробов диаметром около 0,5 м, мощностью 15–18 см, по 7 в каждой постройке, в которых располагались зола, угли, пережженные кости. В одной линзе среди пепла найдены кусочки зубной эмали человека. С.Н. Коренюк предлагает два объяснения: либо это остатки поминальных жертв, либо остатки трупосожжений (там же, с. 39). Возле линз пепла, как и в обычных могилах с обрядом трупоположения (рис. 81–1), обнаружены целые глиняные сосуды (рис. 81–9–15) или их обломки, топоры-кельты (рис. 81–3; 82–19, 20), топоры-чеканы (рис. 81–2), наконечники копий (рис. 81–8; 82–18), железные (рис. 81–4; 82–10) и бронзовые (рис. 82–14) ножи, каменные (рис. 82–1) и бронзовые (рис. 82–9) наконечники стрел, каменные орудия (рис. 82–2), гривны (рис. 81–7), налобные (рис. 81–6; 82–6, 8,

11, 13, 17) и нагрудные (рис. 81–5; 82–12, 15, 16) украшения, пронизки (рис. 82–3, 4), различные бляшки (рис. 82–5, 7) и другие предметы.

По материалам ананьинских памятников можно представить одежду людей того времени и дополняющие ее элементы. Судя по изображению мужчины на одной из стел Ананьинского могильника (рис. 83–3), они носили узкие кафтаны, украшенные аппликациями или вышивкой, и штаны. Головные уборы украшали бронзовыми накладками и височными подвесками. На шею надевали ожерелье из пронизок или бронзовую гривну. Кафтан на талии скрепляли украшенным бронзовыми накладками, наконечником, подвесками-бляхами поясом.

Женщины носили налобные венчики, украшенные бронзовыми накладками и височными подвесками, на шею – ожерелья из бус, бронзовые гривны и различного типа бронзовые подвески. Одежду подпоясывали. Руки

уже тогда украшали браслетами и колечками. Более образно женскую одежду можно представить по материалам глиняной пластинки (рис. 84). Это длинная прямая одежда с рукавами (рис. 84–4), накидка типа плаща (рис. 84–3), платье, украшенное вышивкой и драпировкой (рис. 84–1), стянутое поясом (рис. 84–2, 7, 8), передники (рис. 84–8). Косу на спине пропускали под пояс (рис. 84–8).

Ананьинская глиняная посуда (рис. 85–89) имеет весьма характерные особенности: в тесте содержится хорошо заметная примесь толченой раковины; по форме – это круглодонные невысокие чаши, как правило, с четко профилированной верхней частью; поверхность хорошо заглажена, гладкая, иногда с заметным лощением. Характерны также размещение орнамента в верхней части сосуда, его горизонтальная зональность и преобладание в технике нанесения орнамента шнуровых отпечатков, оттисков гребенчатого штампа и ямок.

По наблюдениям Л.И. Ашихминой (1985а, с. 10–11), в удмуртском Прикамье в раннюю пору сосуда украшали по верхней части довольно сложными композициями из наклонных (рис. 85–3, 6, 8, 12, 13) и зигзагообразных линий (рис. 85–14, 15, 17), ромбов (рис. 85–17), треугольников (рис. 85–3, 12), елочек (рис. 85–1), решетки (рис. 85–11, 12, 16). Узоры выполнены преимущественно шнуровыми отпечатками, но были резные и гребенчатые оттиски. Постепенно орнаментация упрощалась, преобладающими стали узоры в виде многорядовых горизонтальных оттисков шнура, сочетающихся с горизонтальными рядами редких круглых ямок (рис. 86). В последующем число сосудов с оттисками шнура уменьшилось, но возросло количество посуды, украшенной ямками (рис. 86). Для ранних и поздних комплексов характерны гладкие шейки сосудов, в VII–V вв. до н. э. они дополнительно украшались налепами в виде валиков или воротничков (рис. 86–11, 13, 14, 17). На заключительной стадии развития культуры основная масса керамики весьма

скудно орнаментирована – только горизонтальный поясок из редких круглых ямок на шейке сосуда (рис. 87).

Для глиняной посуды вятского варианта характерна более разнообразная орнаментация. Здесь значительно больше, чем на камских, вариантов оттисков гребенчатого штампа: наклонные оттиски (рис. 88–2, 5, 8, 10; 89–6, 9, 11), горизонтальные пояски из отдельных отпечатков гребенки (рис. 88–2, 4, 9; 89–1, 8, 12), елочка (рис. 89–7, 8, 10, 12), «птичьи лапки» (рис. 88–9), спаренные ямки (рис. 89–5) и др. Особенностью вятской посуды является и слегка приостренный в нижней части воротничок (рис. 88–2, 9; 89–5, 8, 13), жемчужины-выпуклины (рис. 88–5, 11) на внутренней стороне сосуда. Однако, как и везде, ананьинской посуде присущи шнуровые и ямочные узоры (рис. 88, 89). Довольно многочисленны сосуды с ушками и отверстиями, а также со сквозными отверстиями под воротничком, предназначенные для подвешивания посуды.

На ананьинских памятниках, особенно могильниках, обнаружено огромное количество бронзовых изделий: предметов вооружения, орудий, украшений. С.В. Кузьминых, один из ведущих исследователей древних бронз на территории России, так оценивает это обстоятельство: «Ананьинская культурно-историческая общность (АКИО) занимает особое место в ряду металлоносных культур I тыс. до н. э. на территории нашей страны. По обилию цветного металла и его роли в жизни общества с ней может сравниться только известная тагарская культура Южной Сибири. Лишь у этих двух евразийских феноменов бронзовая индустрия не только не угасает с наступлением раннего железного века, а достигает поры наивысшего расцвета» (1983, с. 3). Им были проанализированы с помощью методов естественных наук, в том числе спектрального анализа, более 2000 бронзовых изделий ананьинской общности (1977, 1983). Выяснилось, что металлические изделия ананьинской общности были сделаны в трех технологических традициях: из чи-

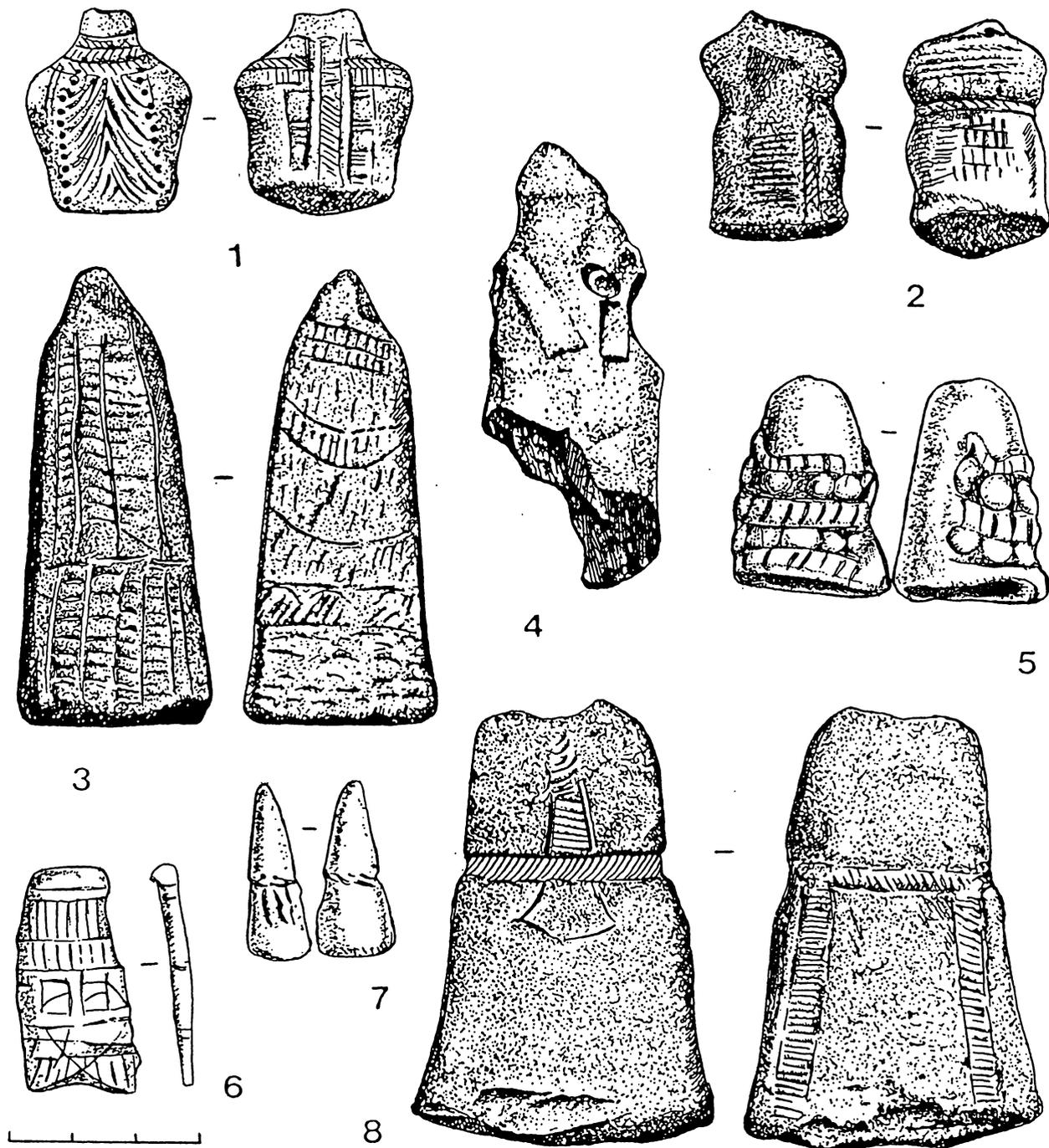

Рис. 84. Глиняные изображения женщины апальтинской общины.
 1-3, 8 - Юшковское городище; 4 - Конецгорское селище; 5-7 - Тарасовское I селище

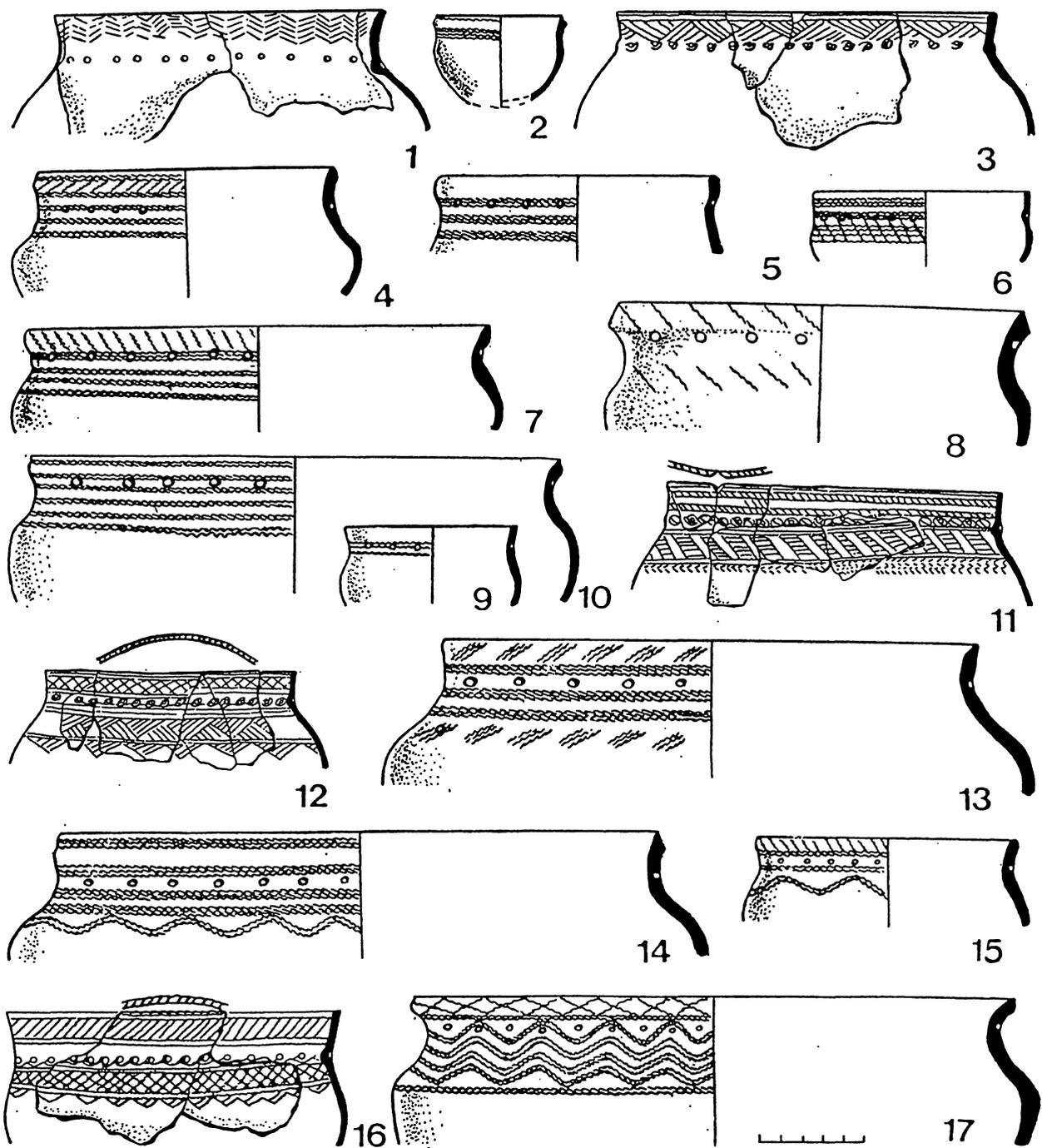

Рис. 85. Глиняная посуда памятников раннего этапа ананьинской общности удмуртского Прикамья. 1, 3, 11, 12, 16 – Зуево-Ключевское I; 2, 4–10, 13–15, 17 – Камешный Лог городища (по Л.И. Ашихминой)

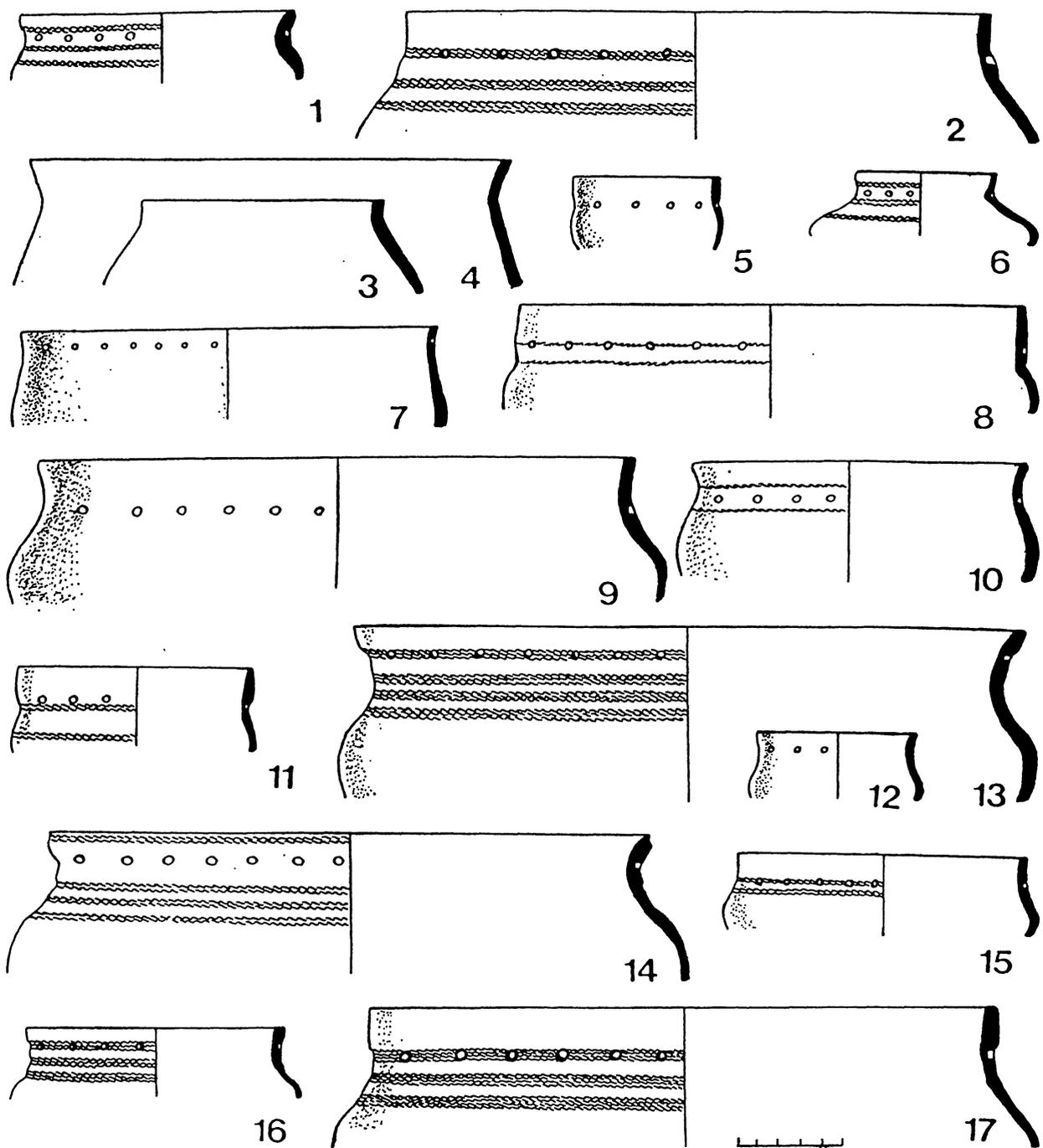

Рис. 86. Глиняная посуда памятников среднего этапа анапийской общности. Городище Камешный Лог (по Л.И. Ашихминой)

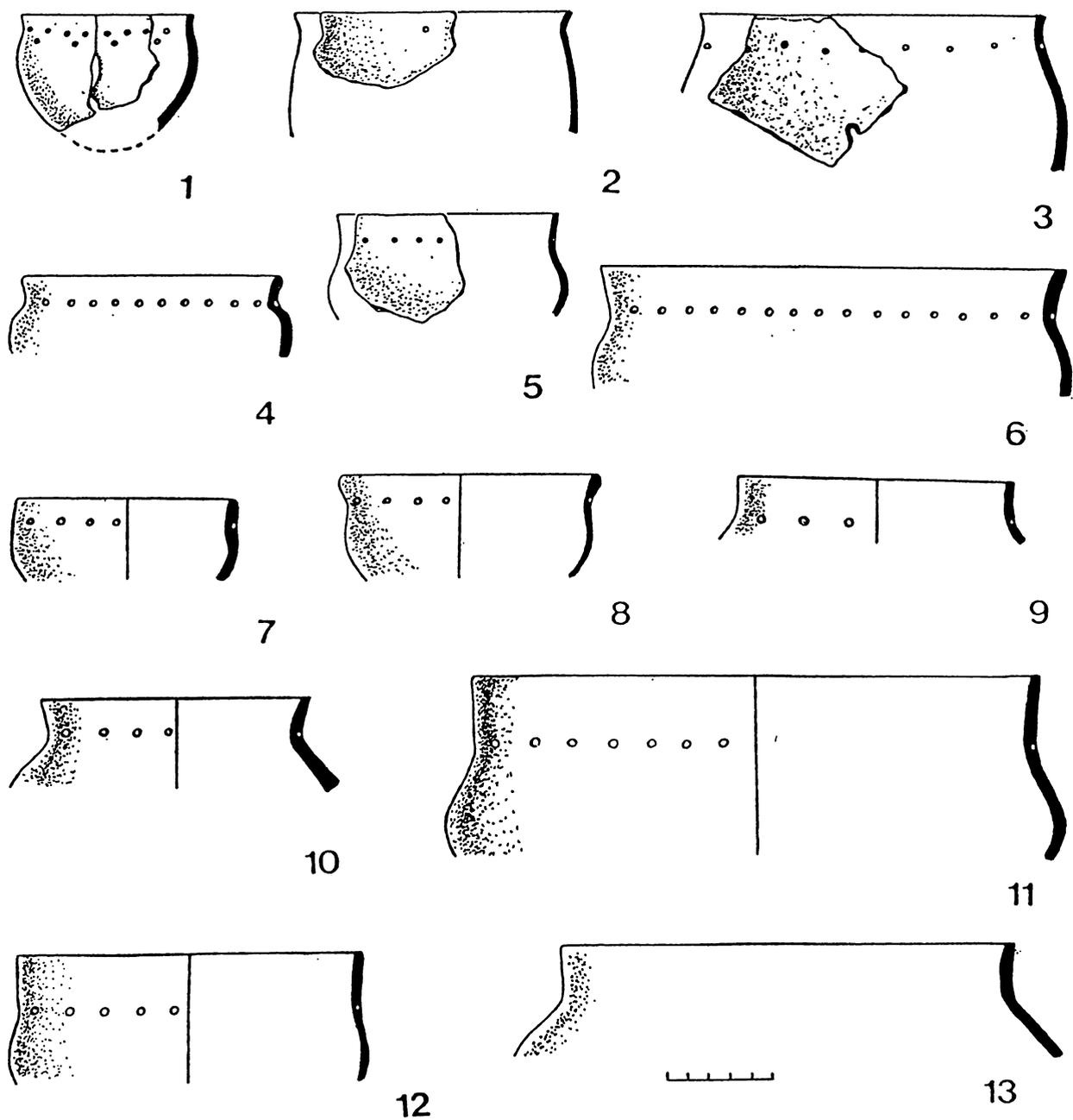

Рис. 87. Глиняная посуда памятников позднего этапа ананьинской общности удмуртского Прикамья.
 1-6 - Зуево-Ключевское I; 7-13 - Камешный Лог городища (по Л.И. Ашихминой)

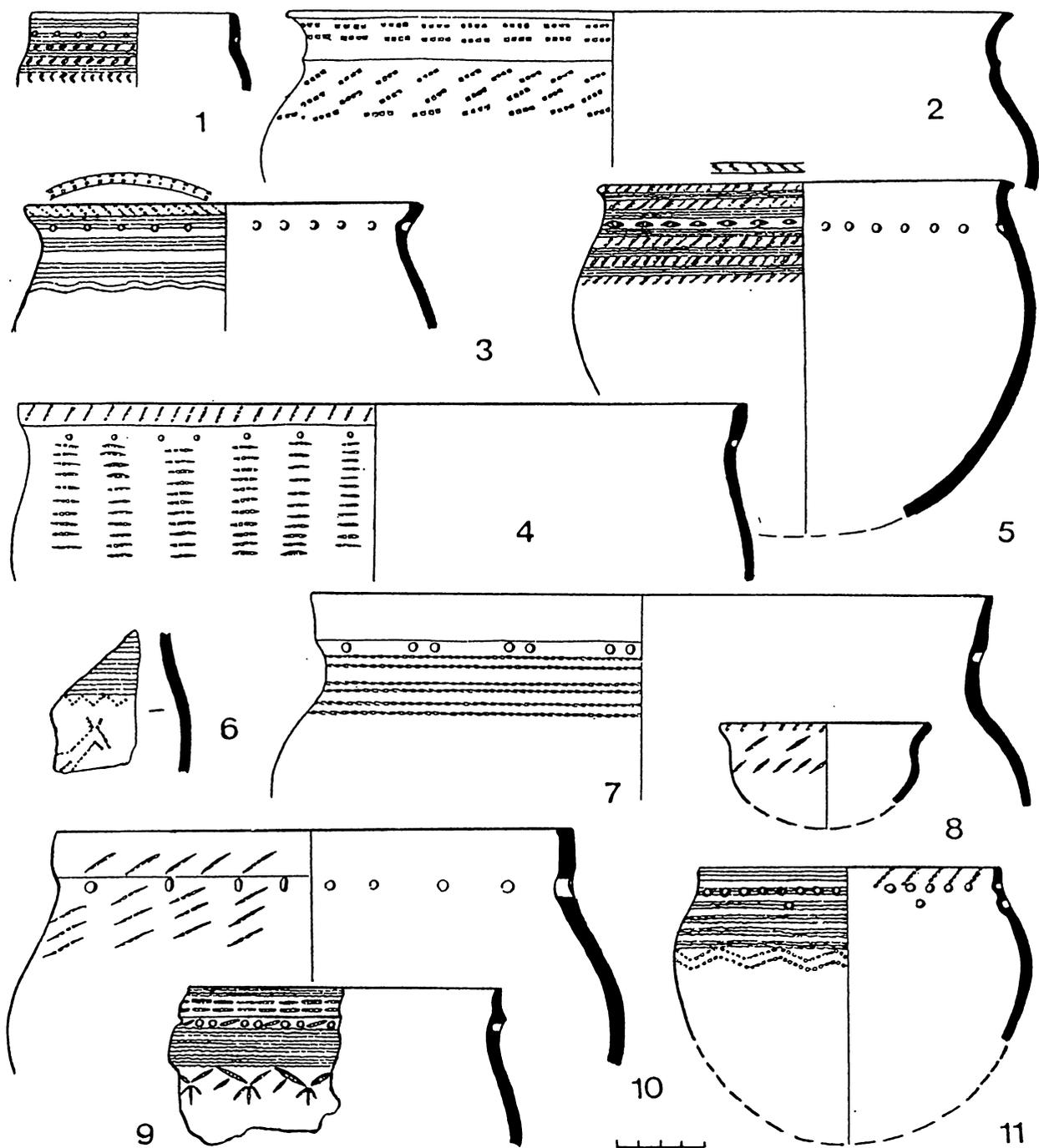

Рис. 88. Глиняная посуда вятского варианта апаньинской общности. Аргызское городище
(по Е.М. Черных и В.В. Ванчикову)

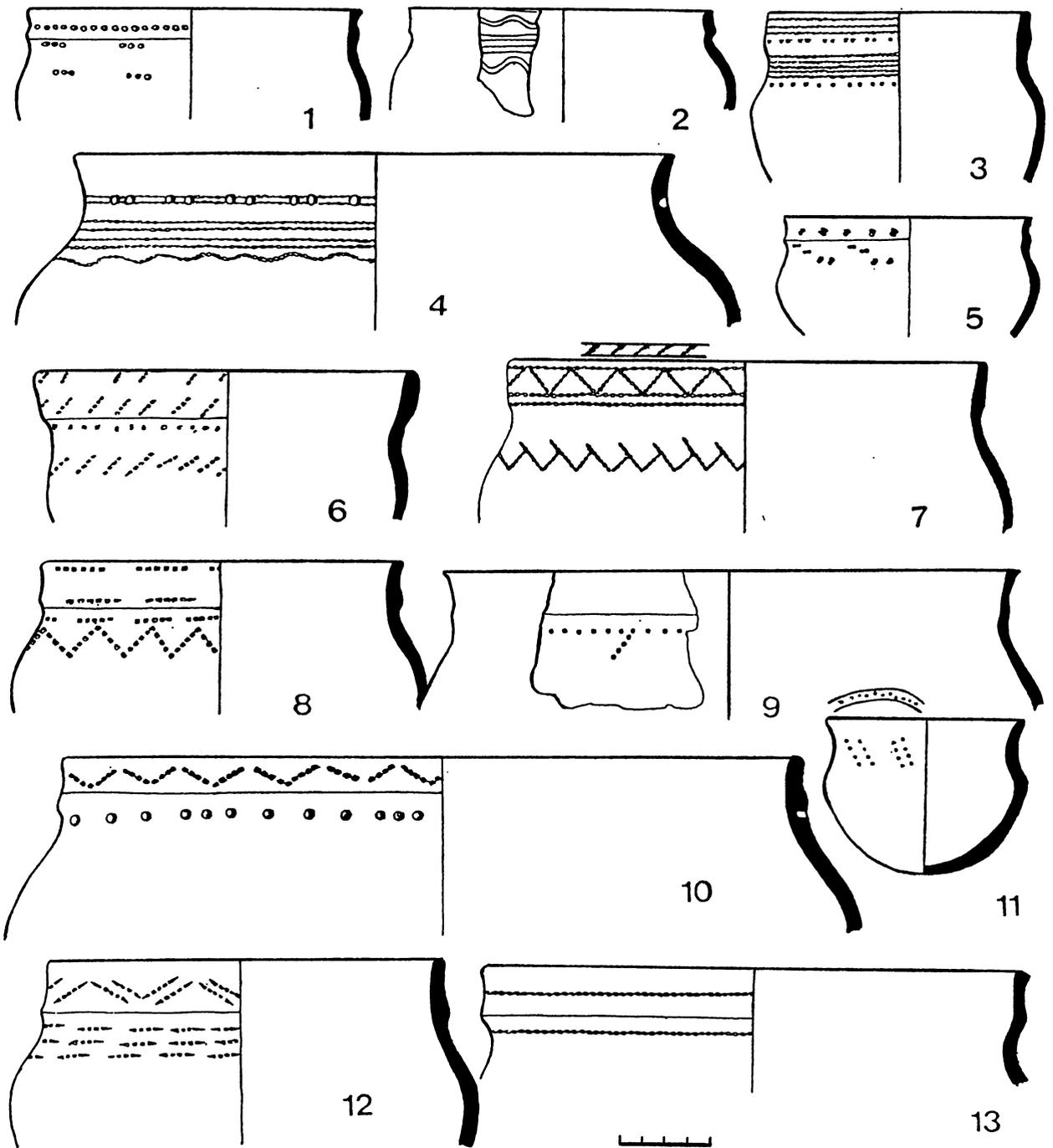

Рис. 89. Глиняная посуда городищ вятского варианта ананьинской общности.
 1, 5 – Никульчинское (по Л.Д. Макарову); 2, 4, 6, 10, 11 – Пижемское (по А.В. Збруевой);
 3, 7–9, 12, 13 – Кривоборское (по Н.А. Лецинской)

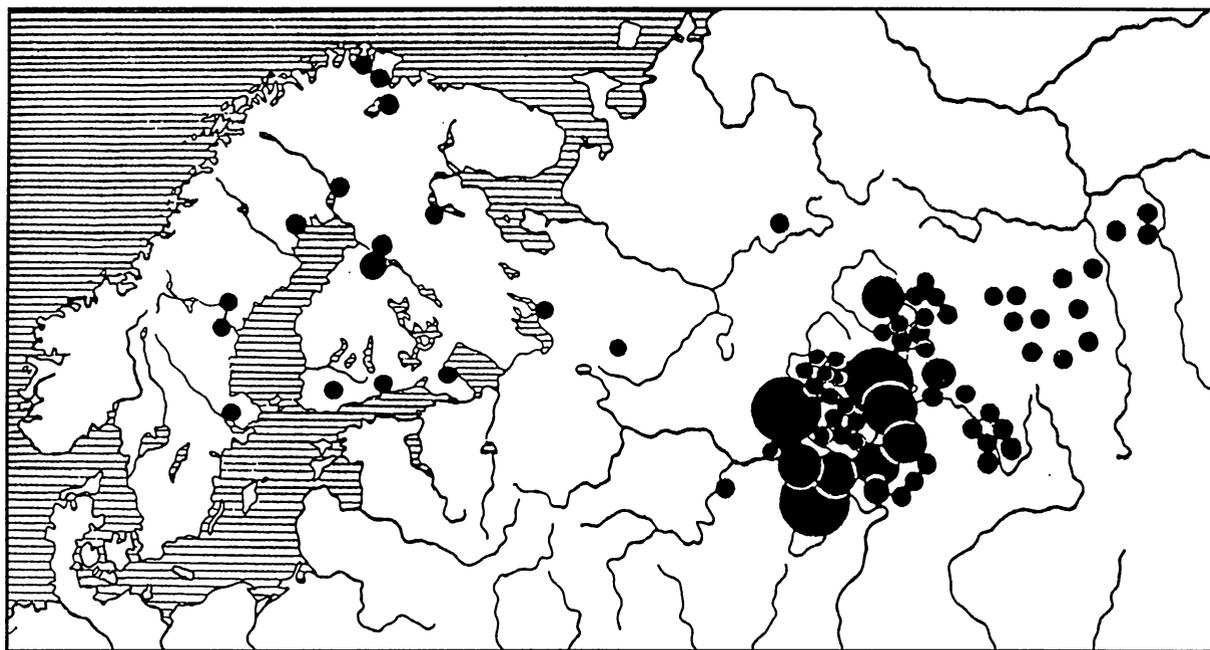

Рис. 90. Карта распространения кельтов ананьинского типа (по С.В. Кузьминых)

стой меди, сурьмяно-мышьяковистых сплавов и оловянистых бронз. Ананьинское бронзолитейное производство, как считает С.В. Кузьминых, сформировалось на основе приказанского металлургического центра. Собственная рудная база – пермские медистые песчаники – была второстепенной. Основная масса изделий изготовлена из привозного металла – сурьмяно-мышьяковистых сплавов и оловянистых бронз (1983, с. 170–171). В VIII–VII вв. до н. э. ананьинцы получали металл и образцы оружия с Кавказа. Однако ананьинский металлургический очаг производил изделия сугубо местных форм (кельты, наконечники копий, тесла, ножи, разнообразные украшения).

Ананьинский металлургический очаг функционировал в Волго-Камье в VIII–IV вв. до н. э. Он снабжал металлическими изделиями все Прикамье и прилегающее Поволжье. Ананьинские кельты встречаются в Западной Европе вплоть до Северной Швеции и Белого моря (рис. 90) (С.В. Кузьминых, 1983, с. 174, рис. 91). При этом далеко на западе встречались и формы для отливки ананьинских кель-

тов, что говорит о проникновении сюда не только изделий, но и ананьинских мастеров.

Уровень развития ананьинского металлообрабатывающего ремесла (многочисленность изделий, их широкий ассортимент и стандартизация, широкое территориальное распространение продукции) свидетельствует об изменении характера ремесла – выделении его в самостоятельную экономическую отрасль производства. Эти же явления указывают и на существование хорошо организованной торговли продукцией ремесла и металлом.

Производством бронзовых изделий занимались профессионально выделившиеся кузнецы-литейщики и их семьи, хотя С.В. Кузьминых считает, что литейщики не были кланово обособлены от прочих общинников. На каждом поселении они обеспечивали нужды общинной знати, торговли и сородичей.

Под влиянием степного населения у ананьинцев появились новые, более совершенные виды наступательного оружия: бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовые короткие мечи-акинаки, защитные доспехи; но-

вые способы управления конем. В значительной мере под воздействием степняков у ананьинцев сформировался своеобразный звериный стиль в оформлении костяных и бронзовых изделий, развивались и совершенствовались культы огня, солнца, коня (К.Ф. Смирнов, 1964, с. 271). В VI–IV вв. до н. э. ананьинцы установили тесные контакты с савроматами, саками, кочевниками Казахстана и Средней Азии. По мнению С.В. Кузьминых, характер связей ананьинцев и савроматов был более глубоким, чем обычный товарный обмен. Некоторые типы наконечников стрел, железных кинжалов и мечей, деталей конской сбруи, зеркал, изделий звериного стиля появились у ананьинцев через кочевников Южного Урала. Ананьинская металлургия подпитывалась оловом из рудного Алтая (1983, с. 178–179).

На рубеже V–IV вв. до н. э. вследствие прогресса в области производства железа в металлообработке произошел кардинальный скачок – бронза как основной материал была вытеснена из области изготовления орудий труда и оружия. В это время прекратилось производство характернейшего набора ананьинских предметов – кельтов, наконечников копий, кинжалов, чеканов, втоков и других вещей.

Антропологические материалы свидетельствуют о неоднородности населения ананьинской культурной общности. Наряду с ярко выраженным низколицым монголоидным типом (Луговской могильник – Т.А. Трофимова, 1941, 1968; Полянский II могильник – В.П. Алексеев, 1981) известны черепа европеоидного облика (Гулькинский, Байларский, Аккозинский и др. могильники – М.С. Акимова, 1968), а также смешанные группы, в которых наряду с монголоидным компонентом встречались и мезокранные европеоиды (Тетюшский – С.Г. Ефимова, 1981). Многими антропологами разделялось мнение о притоке монголоидного населения из Сибири на рубеже эпохи бронзы и железного века, однако археологические материалы заставляют относиться к этой гипотезе с некоторой осторожностью.

Вопрос о происхождении ананьина относился к разряду остро дискуссионных, что особенно проявилось на IV Уральском археологическом совещании (Труды УАС, 1967). Тогда были высказаны полярные суждения. Одна группа ученых (В.Ф. Генинг, О.Н. Бадер, В.П. Денисов) значительно преувеличивала роль западносибирского влияния в формировании ананьинской общности, другая (Е.А. и А.Х. Халиковы) – принижала. Спустя 30 с лишним лет новые материалы и исследования показали, что истина лежит посередине. В результате проведенных широких полевых работ в Зауралье и Западной Сибири на памятниках предананьинского времени выявлено, что о массовой миграции зауральских племен в Прикамье и о их мощном воздействии на формирующийся ананьинский этнос говорить не приходится (В.А. Борзунов, 1992, с. 103–104). Редкие группы зауральских мигрантов – населения гамаюнской культуры с их присваивающим хозяйством – не могли оказать серьезного влияния на прикамское население с его прогрессирующей производящей экономикой и развитой металлообработкой. Таким образом, можно уверенно говорить о возникновении ананьинской общности на основе развития местных культур эпохи бронзы без каких-либо серьезных включений извне.

Казанский исследователь В.Н. Марков, изучавший материалы вятского ананьина, пришел к интересному выводу: ананьинские памятники этого района возникли в результате проникновения сюда в VI в. до н. э. населения из Северного Приуралья (бассейн Печоры и Вычегды). Более того, он считает, что «имеющиеся материалы дают отрицательный ответ на вопрос о культурном единстве вятского населения ананьинского времени с волжским и камским» (1988а, с. 105). Однако позиция В.Н. Маркова весьма уязвима. Во-первых, на Вятке сейчас известно не менее 50 памятников бронзового века, часть которых подстилает раннеананьинские. Во-вторых, работами В.В. Ванчикова довольно чет-

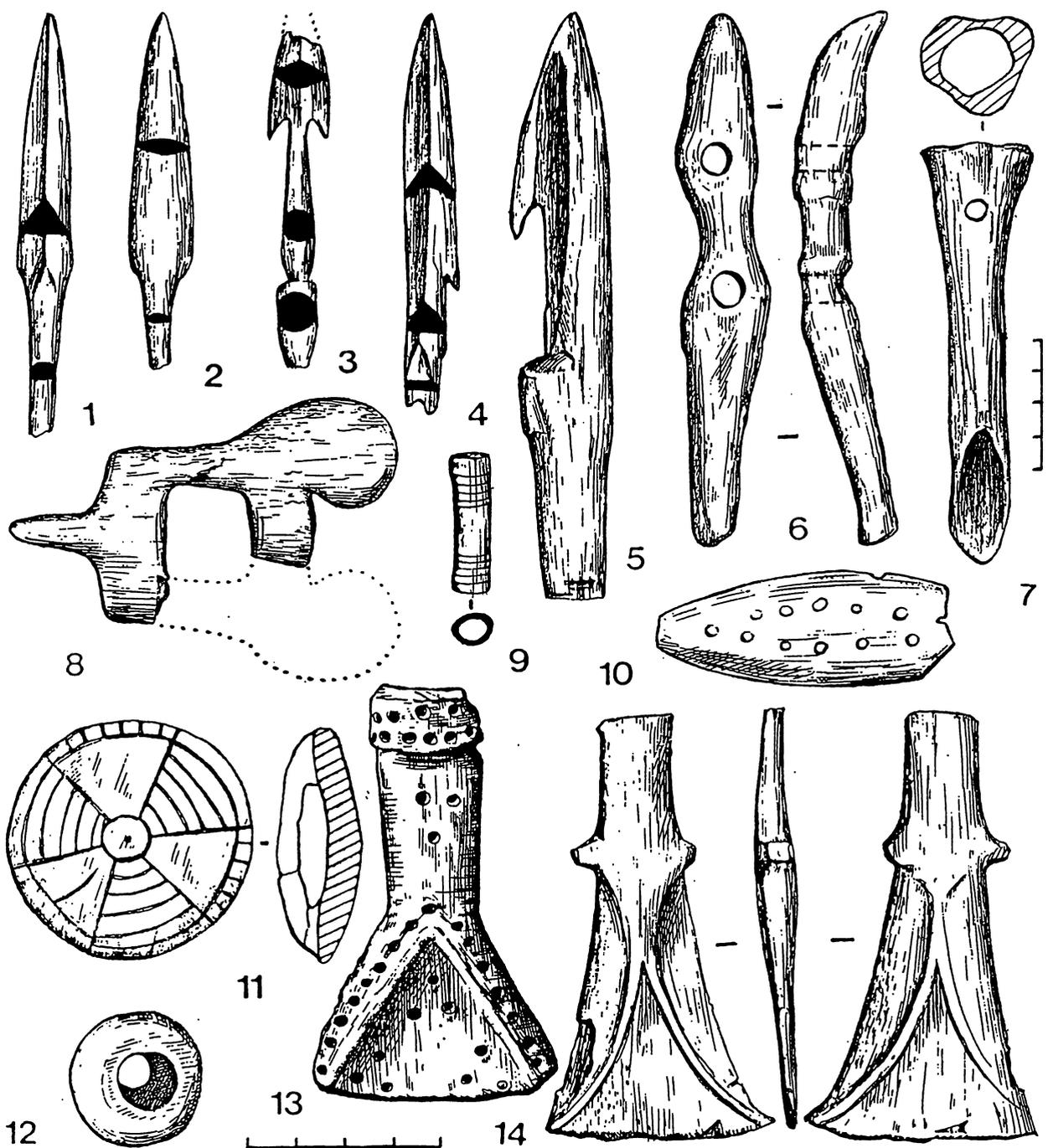

Рис. 91. Костяные изделия городищ вятского варианта ананьевской общности.
 1–4 – наконечники стрел; 5 – гарпун; 6 – псалий; 7 – наконечник палки-копалки; 8 – пряжка; 9 – пронизка;
 10 – пластина; 11 – пуговица; 12 – бусина; 13, 14 – лопаточки. 1–7 – Буйское (по Л.И. Ашихминой);
 8, 9, 13 – Пижемское; 9, 12 – Ройское; 14 – Аргыжское (по Е.М. Черных) городища

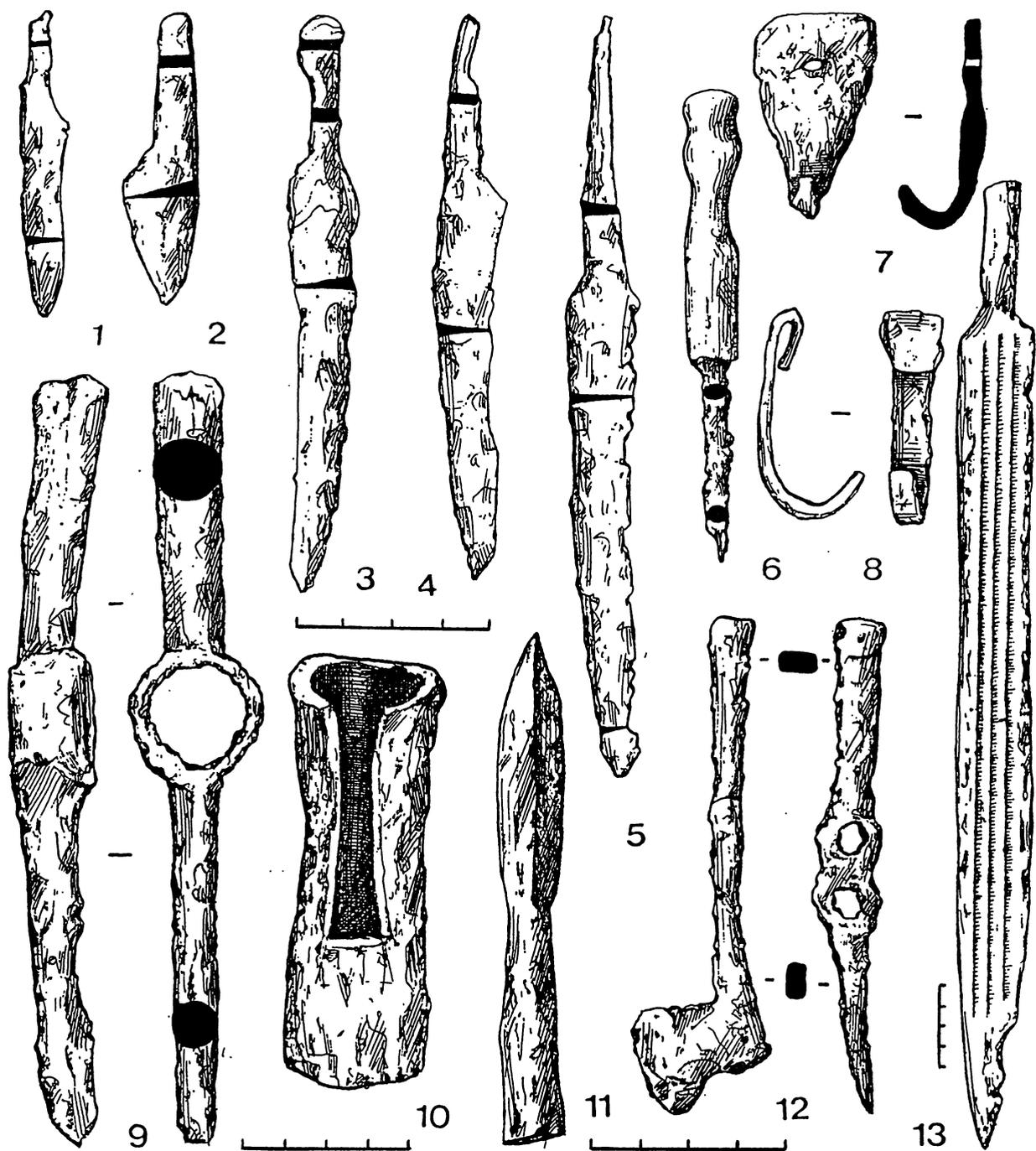

Рис. 92. Металлические изделия городищ вятского варианта ананьевской общности.
 1-5 - ножи; 6 - шило; 7, 8 - крючок; 9 - топор; 10 - мотыга; 11 - наконечник копья; 12 - псалий;
 13 - меч. 1, 4, 5, 8, 9 - Аргызское (по Е.М. Черных); 2, 6, 7, 12 - Буйское (по Л.И. Ашихминой);
 3, 10 - Кривоборское (по Н.А. Лещинской); 11, 13 - Ройское городища.
 1-5, 7-13 - железо; 6 - железо, кость

ко обозначен ранний стратиграфический горизонт ананьинской общности на Вятке, датируемый VIII–VI вв. до н. э. В-третьих, вряд ли население Северного Приуралья, жившее охотой и собирательством, где нет признаков избыточного перенаселения, без особых причин решило сменить географическую зону. И наконец, как справедливо отмечено В.А. Борзуновым, «северное приуральское население носителем таких культурных традиций, как скотоводство, градостроительство, металлические скифо-сарматские формы оружия и других изделий, изготовление изделий из кости в зверином стиле, примесь раковины в глиняных сосудах, шнуровая орнаментация, – несомненно, не являлось» (1992, с. 107).

Попытки отыскать хронологические лакуны в рассматриваемом регионе – удмуртском Прикамье и бассейне р. Вятки – между бронзовым веком и ананьинской культурой, а также между последней и чегандинской культурой (В.Н. Марков, 1988а, 1992, 1994), видимо, относятся к разряду научных заблуждений. Во всех этих областях линия преемственности материальной культуры в пределах бронзового и железного века присутствует.

Ананьинская культурная общность датируется, по мнению многих ученых, VIII–III вв. до н. э. (А.В. Збруева, 1952, с. 44; В.Ф. Генинг, В.Е. Стоянов, 1961; А.Д. Вечтомов, 1967; Л.И. Ашихмина, 1985, 1985а и др.). Вполне вызывает доверие периодизация памятников удмуртского Прикамья, предложенная Л.И. Ашихминой на основе тщательного типологического анализа больших керамических коллекций. Она делит культуру на 4 стадии: зуюво-ключевскую (VIII–VII вв. до н. э.), каракулинскую (VII–VI вв. до н. э.), каменноложскую (VI–V вв. до н. э.) и ныргындинскую (IV–III вв. до н. э.). Такое же деление для пермского варианта ананьино предлагает С.Н. Коренюк (1994, с. 21). Вопрос о периодизации вятского ананьино разрабатывается и В.В. Ванчиковым.

Ананьинское население имело развитое комплексное хозяйство. Не случайно, в течение

трех столетий – VIII–VI вв. – наблюдается демографический взрыв в Прикамье (площадь Зуево-Ключевского I городища увеличилась до 30000 кв. м). Это было обеспечено правильно спланированным хозяйством, где все отрасли дополняли друг друга.

Ананьинская общность – это первый этап, когда можно уверенно зафиксировать определенный уровень развития земледелия. Поселения располагались поблизости от плодородных пойм. Как считают многие ученые, наиболее ранней формой земледелия в условиях Прикамья могла стать только подсечно-огневая форма, при которой не требовалась вспашка земли, а лишь рыхление. Орудия рыхления в виде костяных наконечников палок-копалок обнаружены десятками. Они представляют собой полые трубчатые кости животных с заостренным концом и несколькими отверстиями для привязывания к деревянной палке (рис. 91–7). С помощью этого нехитрого приспособления рыхлили пал – золу, сгоревшие сучки, корни, заделывали в землю разбросанные семена. Известны и железные наконечники мотыг (рис. 92–10).

На ананьинских памятниках сохранилось не так много зерен злаков. При раскопках Луговской I стоянки были обнаружены зерна проса (А.В. Збруева, 1960), а Ананьинского могильника – семена конопли. На памятниках ананьинского времени находят железные серповидные ножи, предназначенные для сбора урожая. При переработке продуктов земледелия использовали каменные зернотерки, песты, терочники, во множестве встречающиеся на поселениях.

На городищах обнаружено такое количество костей животных, что А.А. Спицын назвал эти памятники «костеносными». Проведенное в течение многих десятилетий исследование этих костей делает характеристику ананьинского скотоводства весьма документированной (Е.Г. Андреева, 1967; А.Г. Петренко, 1984 и др.). Среди костяного материала преобладают (58–87%) кости домашних животных. Ананьинцы разводили

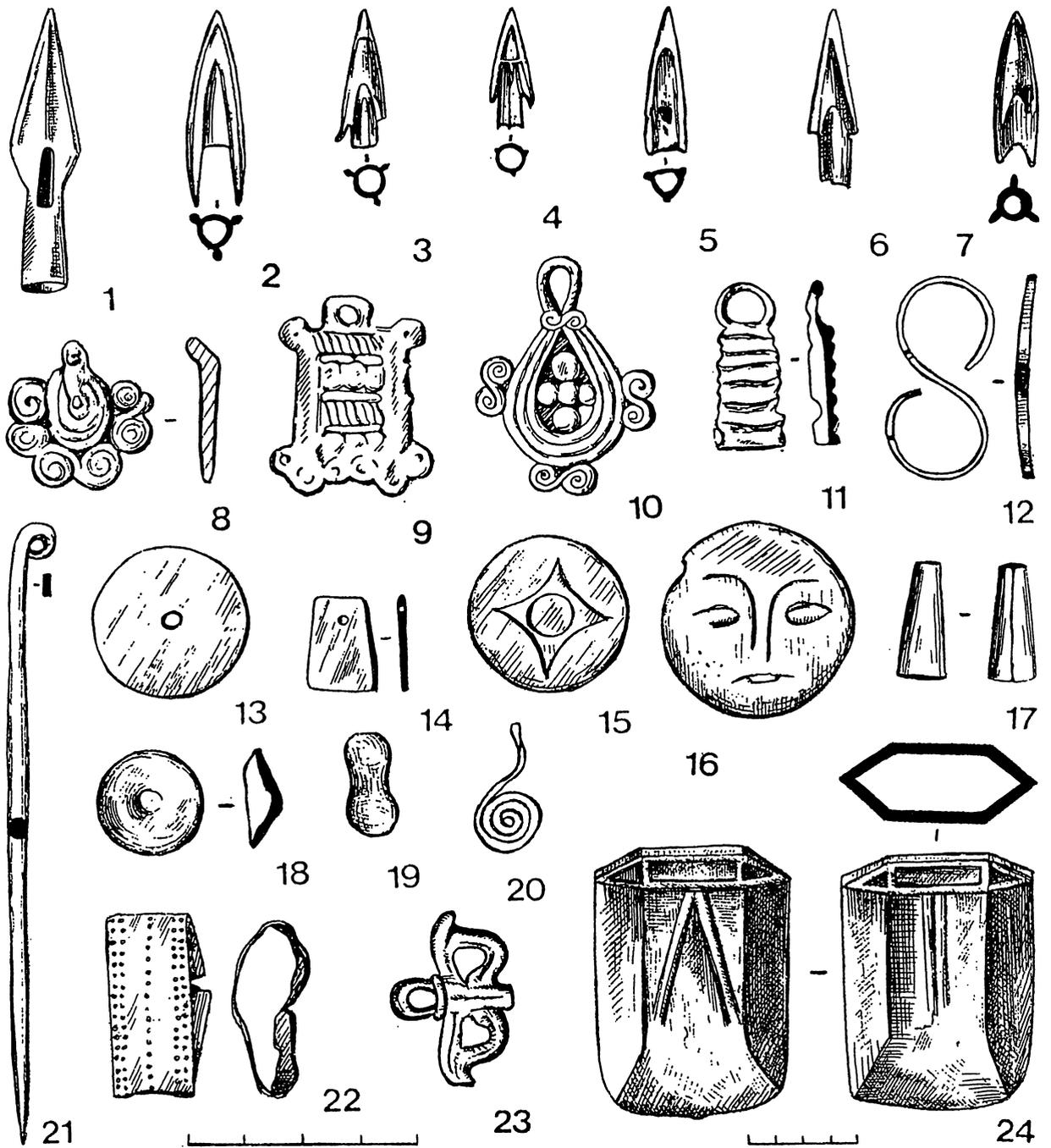

Рис. 93. Бронзовые изделия городиц вятского варианта ананитской общности.
 1-7 – наконечники стрел; 8-11, 23 – подвески; 12 – височная подвеска; 13-20, 22 – бляшки-накладки;
 21 – игла; 24 – кельт. 1, 15, 16, 19, 24 – Ройское; 2-5, 17, 20, 22 – Аргызское (по Е.М. Черных);
 6, 7, 18, 23 – Буйское (по Л.И. Ашихминой); 8 – Пижемское (по А.В. Збруевой);
 9-14, 21 – Никульчинское (9, 10, 13, 14 – по Л.Д. Макарову; 11, 12, 21 – по Л.П. Гуссаковскому) городища

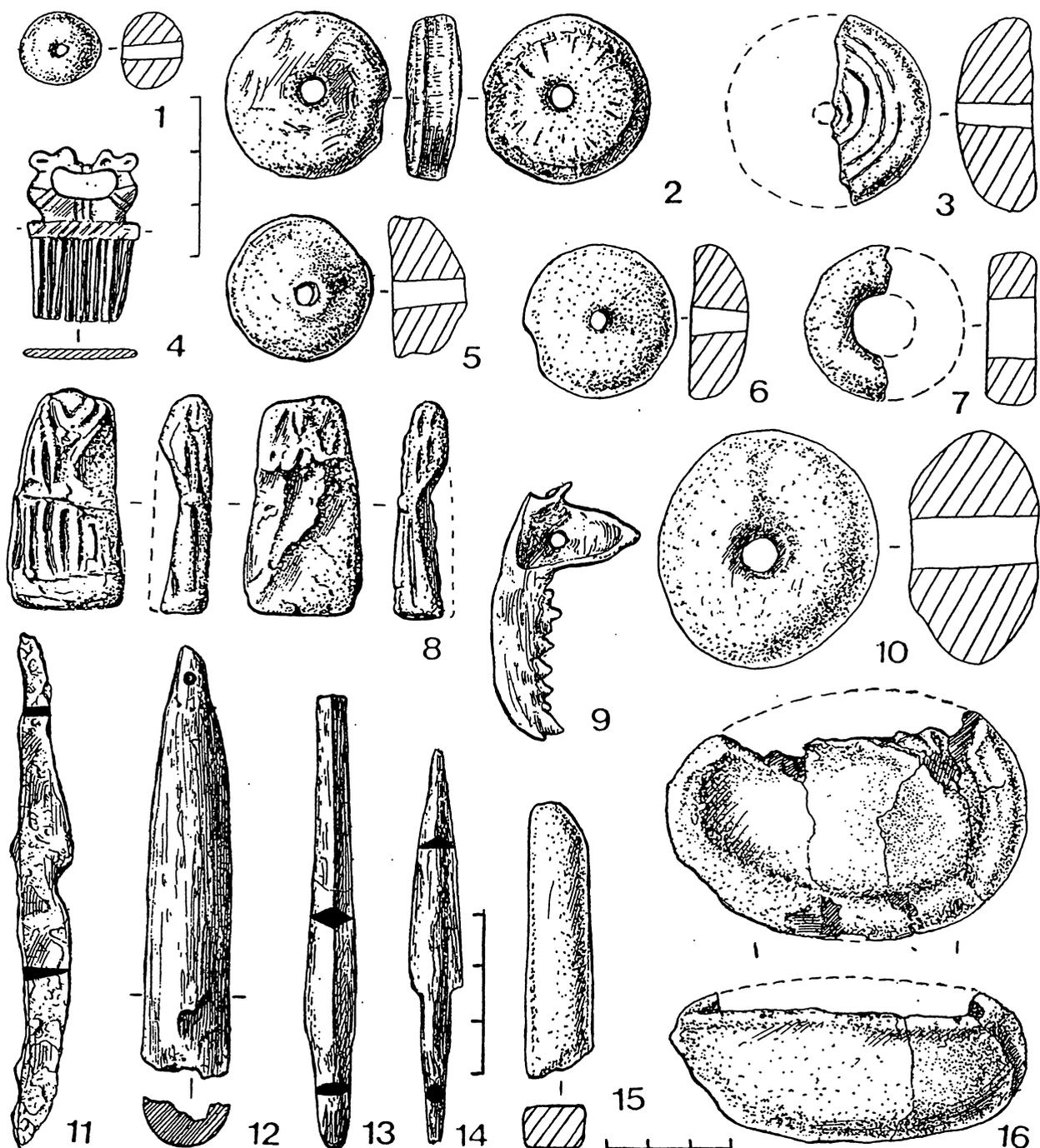

Рис. 94. Предметы анапийского времени с городища Каменный Лог.
 1 – бусина; 2, 3, 5–7 – пряслица; 4 – подвеска; 8 – фигурка эсепицы; 9 – амулет из челюсти куницы;
 10 – грузило; 11 – позис; 12 – обломок рукояти; 13, 14 – наконечники стрел; 15 – точило; 16 – тигель.
 1–3, 5–8, 16 – глина; 4 – бронза; 9, 12–14 – кость; 10, 15 – камень; 11 – железно

крупный рогатый скот, лошадей, свиней и мелкий рогатый скот. Соотношение отдельных видов на разных памятниках разное. Но чаще всего более многочисленны были крупный рогатый скот (около 30%) и лошади (30–40%). Третье место в стаде занимала свинья (20–30%) и четвертое – мелкий рогатый скот. Однако в некоторых поселениях (городища Сорочьи горы, Свиногорское, Буйское, Ройский Шихан, Алтен-Тау) свиньи преобладали над всем поголовьем скота, составляя более 50% всех домашних животных (О.Г. Богаткина, 1992, с. 129). Крупный рогатый скот ананьинцев был грацильным (тонкокостным), комолым, с высотой в холке у коров 108 см, у быков – 114 см, близким к мелким разновидностям скота у скифов (А.Г. Петренко, 1984, с. 139). Забивали коров чаще всего в возрасте 28 месяцев и старше, следовательно, разводили их в значительной мере и для получения молока. Лошади ананьинцев были довольно разнообразными, высота их в холке варьируется в пределах 122–143 см. Выносливая, низкорослая (высота в холке 112–128 см) лесная лошадь, распространенная в лесной зоне, использовалась как тягловая сила, давала продукты питания и сырье для одежды, бытового инвентаря, обуви, других хозяйственных нужд. Во многих случаях лошадей забивали в возрасте до двух лет, что указывает на разведение этого вида на мясо, так как именно к этому возрасту лошадь набирала нужный вес. Однако известны случаи (Буйское городище), когда возраст животных достигал 6–9 лет (А.Г. Петренко, 1984, с. 75), что может свидетельствовать о разведении кобылиц для получения молока, так как максимум молочности этого вида приходится на возраст 7–15 лет (П.А. Федотов, 1989, с. 170).

Свиньи были довольно крупными (высота в холке 83,3 см – О.Г. Богаткина, 1992, с. 136), большую их часть забивали в возрасте до года, когда кончался подножный корм (Е.Г. Андреева, 1967, с. 179). На зимовку оставляли только наиболее продуктивные особи для воспроизводства.

Менее всего был популярен мелкий рогатый скот. Но и его разводили весьма успешно. На Гремячанском поселении в бассейне р. Тулвы, расположенном совсем недалеко от Удмуртии, были собраны кости 15 коз и 80 овец. Овцы использовались для получения мяса, меховых шкур и шерсти. Поскольку среди овец было довольно много особей старше двух лет, вероятно, их разводили не столько для употребления в пищу, сколько для получения шерсти (Е.Г. Андреева, 1967, с. 180). Именно ананьинцы впервые в Прикамье научились делать ткани из шерсти. Пряслица на поселениях ананьинского времени – одна из массовых находок (рис. 94–2, 3, 5–7; 95).

Ананьинцы были и хорошими охотниками, умели добывать бобра, медведя, лисицу, куницу, соболя, белку, зайца, лоса, косулю, северного оленя, кабана. Преобладала охота на пушных зверей, среди которых явно превалировал бобр. Пушнина заготавливалась специально для обмена на оружие, украшения, металл. Охотились с помощью лука (рис. 93–23) и стрел (рис. 91–1–4; 94–13, 14), копий, рогатин, различных приспособлений и собаки. По данным А.Г. Петренко (1984, с. 112), на 18 ананьинских памятниках собрано 108 костей собак от 32 особей. Среди них были довольно крупные экземпляры узколобого типа, напоминающие современных северных лаек. На некоторых памятниках (например, городище Сорочьи горы) среди всех добытых зверей было больше всего медведей (О.Г. Богаткина, 1992, с. 138–140), которые давали и мясо, и шкуры и использовались при отправлении культовых обрядов. Исследовательница отмечает и более крупный тип добытых медведей, чем современные бурые медведи Карелии. Только при раскопках А.Д. Вечтомова на Гремячанском поселении-святылище были собраны кости 55 медведей (Е.Г. Андреева, 1967, табл. 4).

Охота велась на различную дичь: глухарей, уток, гусей, лебедей, тетеревов. На Гремячанском поселении найдены 472 кости от 92 особей всех этих видов, а также цапель и

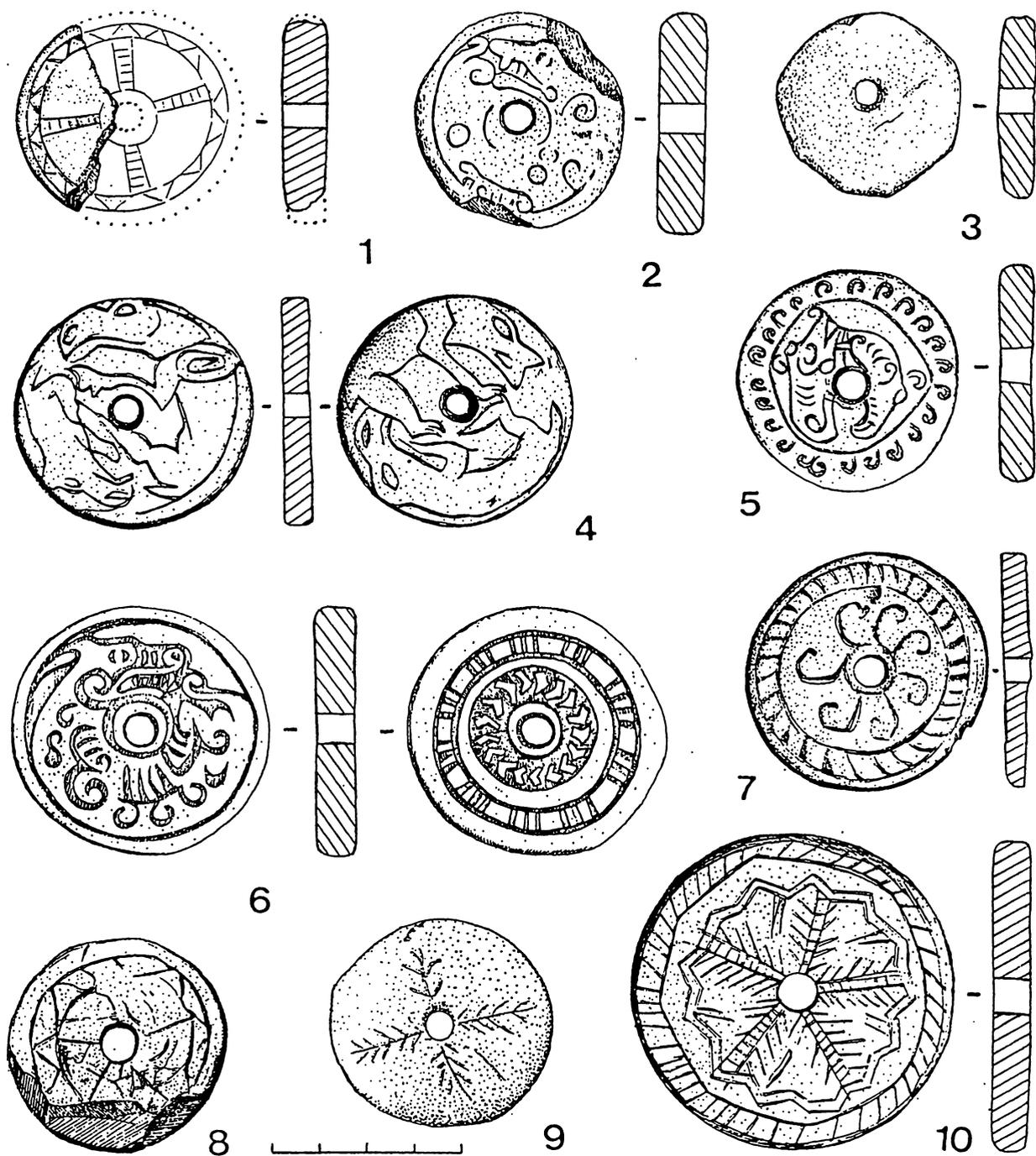

Рис. 95. Глиняные пряслица городищ вятского варианта ананьинской общности.
 1, 4, 7, 8, 10 – Аргызское (по Е.М. Черных); 2, 3, 5, 6, 9 – Буйское (по Л.И. Ашихминой) городища

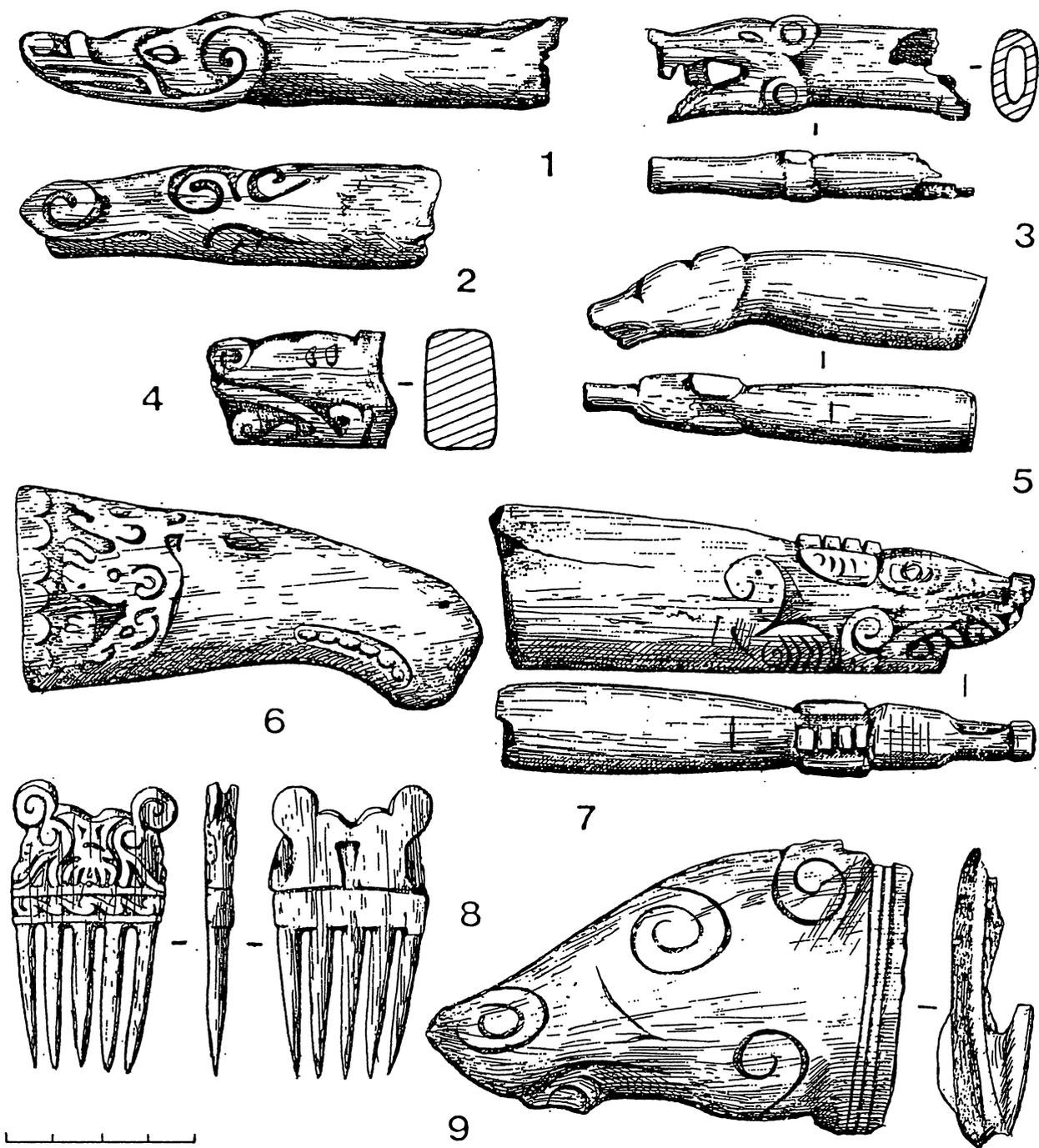

Рис. 96. Костяные изделия городищ вятского варианта ананьинской общности.
 1-7, 9 - рукояти; 8 - гребень. 1-5, 7, 8 - Буйское (по Л.И. Ашихминой); 6 - Пижемское (по А.В. Збруевой);
 9 - Кривоборское (по Н.А. Лецинской) городища

хищных птиц типа подорликов. Больше всего среди убитых птиц оказалось глухарей и уток (Е.Г. Андреева, 1967, с. 184).

Находки на поселениях чешуи, рыбьих позвонков, костяных гарпунов и медных рыболовных крючков убедительно свидетельствуют о рыболовстве. По данным ихтиологов, в Каме в то время ловили стерлядь, осетра, тайменя, белорыбицу, щуку, леща, голавля и другие виды рыб. На Осинском городище начала I тыс. н. э., расположенном в г. Оса Пермской области, найдены кости осетровых рыб: стерлядок длиной 40–60 см, весом 150–700 г, одной стерляди длиной 247 см, а весом свыше 30 кг, севрюги длиной 240 см и весом около 30 кг и осетра длиной 140 см и весом 15 кг (В.Ф. Генинг, В.А. Оборин, 1960, с. 166).

Формирование экономики, основанной на земледелии и скотоводстве, дающим возможность иметь стабильные запасы продуктов питания, подготовило основу для кардинального скачка в истории Прикамья. Это проявилось прежде всего в увеличении численности населения. Резко возросло число ананьинских поселений, увеличилась их площадь. Циклический характер земледелия и скотоводства, высвободивший часть времени жителей Прикамья от производства продуктов питания, способствовал развитию металлообработки, костерезного дела, искусства. Неудивительно, что именно в ананьинское время появились шедевры бронзолитейного производства, великолепные образцы костерезного дела: рукояти (рис. 96–1–7, 9) с изображениями волков, медведей, лосей, птиц, орнаментированные костяные лопаточки (рис. 91–13, 14), костяные гребни с изображением голов баранов (рис. 96–8). Ананьинский звериный стиль имеет свои характерные особенности – наряду с широко распространенными мотивами степного скифо-сибирского искусства (изображения оленя, пантеры, барса и др.) использовались и образы представителей лесной фауны (лося, медведя, волка, птиц). Особенно популярны изображения голов лосей (рис. 95–4, 6; 96–6), кошачьего хищника с чертами мед-

ведя (рис. 95–4), свернувшихся в кольцо хищников с медведе- и волкообразными чертами, медведя (рис. 96–4, 5, 9), волка (рис. 96–1–3, 7) и других животных (К.И. Корепанов, 1990, 1996).

Патриархальные отношения стали нормой. Мужчина занимался войной, всеми ведущими отраслями хозяйства: скотоводством, земледелием, охотой, рыболовством, поэтому женщины отошли как бы на второй план: их погребения значительно беднее мужских (А.В. Збруева, 1952, с. 147 и др.).

Многоотраслевая экономика способствовала накоплению избыточного, а затем и прибавочного продукта в виде скота, пушнины, металла, металлических изделий, оружия, дорогих украшений и других престижных ценностей. Накопленные богатства можно было отобрать силой. Грабеж давал возможность быстрого и легкого обогащения. Не случайно, что именно в ананьинское время появилось в Прикамье так много оружия и формы его все более совершенствовались. Эпизодические столкновения приняли характер массовых. Победители забирали все ценности: скот, оружие, металл, сокровища, рабов. Стала меняться психология древнего человека: грабеж, разбой – почетное занятие, мирный труд – ущербное дело для мужчины-воина. Реакцией на изменение характера межобщинных отношений было возникновение городищ как средства потенциальной обороны накопленных ценностей. Появление их на всей территории ананьинской общности, а не только на границе со степью свидетельствует о нестабильной обстановке внутри ананьинского общества, о стремлении родственных групп к переделу территорий и собственности.

Неспокойная обстановка вызвала к жизни институт вождей, которые выполняли несколько функций: прежде всего они, будучи военными предводителями, не только осуществляли военные операции, но и руководили разделом добычи. Одновременно они были и жрецами, и колдунами, магическими обрядами обеспечивая гармонию коллектива в при-

родном и социальном мире. В то же время они были организаторами и мирной, трудовой жизни общинников. О появлении вождей в ананьинском обществе свидетельствуют материалы погребальных памятников. Например, в одной из могил Зуевского могильника был найден богатый набор оружия: копье, боевой топор-чекан, наконечники стрел, в другой – наконечники стрел, копье, кинжал, топор-кельт. О существовании вождей говорит и появление особо ценных видов оружия – парадных секир, одна из которых найдена у с. Галаново Каракулинского района Удмуртии. Она представляла собой бронзовый топор, весом 460 г, с лезвием, обухом и отверстием для рукояти. Длина предмета составляла 18,5 см, ширина по втулке – 3,3 см, ширина лезвия – 3,7 см, ширина обуха – 3,3 см, его высота – 2,8 см, диаметр втулки – 2 см. Обух был выполнен в виде оскаленной морды волка, хорошо были обозначены пасть, клыки, прижатые к голове уши. Вздыбленная шерсть на гриве была подчеркнута линией зубчиков по верхней грани предмета. А на голове волка была изображена сова, с хорошо выраженными ушами, глазами, лохматой бородой, клювом-крючком, лапами. Художник сумел так составить композицию, что раздутые ноздри волка одновременно являлись округлыми, выступающими наружу ушами птицы, а уши зверя – подогнутыми птичьими лапами, охватывающими втулку топора.

Галановская секира – восьмая из известных науке ананьинских секир. По данным С.В. Кузьминых, 7 остальных ананьинских секир были найдены: на р. Пинеге, притоке Северной Двины (2 экз.), на территории Воткинского завода, под Сарапулом, на городище Кара-абыз в Башкирии, в окрестностях г. Юрюзань на Южном Урале и пос. Курган Чердынского района Пермской обл. На обухе большинства секир изображена голова волка с оскаленной пастью, а втулку завершала голова грифона. Ни одна из секир не похожа друг на друга, представляя оригинальное и уникальное изделие. По мнению

С.В. Кузьминых (1983, с. 145), секиры датируются VI–IV вв. до н. э. Таким образом, возраст галановской секиры – 2,5 тыс. лет. Она отличается от других тем, что у нее нет выступающей втулки, отсутствует изображение головы грифона, а морда волка искусно объединена с изображением совы. По мнению многих ученых, мотив зубастого хищника – волка – наиболее характерен для лесных ананьинцев и кочевников-савроматов.

Ананьинские секиры – это парадное оружие, использовавшееся предводителями дружин, военными вождями для подчеркивания и укрепления своей власти. Сочетание устрашающей оскаленной морды волка и спокойной мудрой совы убеждает в том, что галановская секира – атрибут сильной и мудрой власти. Известно, что в Древней Греции сова была символом углубленного познания и мудрости. Сова была посвящена Афине – богине мудрости и справедливой войны, которую называли «совоокой». Изображения сов чеканились даже на монетах.

Об институте вождей у ананьинцев свидетельствуют каменные стелы – надгробные камни, устанавливаемые в честь умершего на могильниках. На них изображены, как правило, мужчины с оружием и без него или только оружие. В Государственном историческом музее в Москве как одна из сенсационных находок хранится каменная известняковая стела – надгробный камень из Ананьинского могильника. На нем изображена фигура воина с поясом, коротким мечом-акинаком, гривной на шее и остроконечной шапкой на голове. Это изваяние почти полтора столетия использовалось археологами как аргумент существования института вождей у ананьинцев. Использовалось бы и далее, если бы не наблюдения молодого казанского исследователя В.Н. Маркова. В 1994 г. в одном из казанских научных сборников он опубликовал небольшую заметку о том, что всемирно известная ананьинская стела – искусная подделка (1994а, с. 88–93). Стела была приобретена профессором К.И. Невоструевым у

крестьянина д. Ананьино, расположенной в 1,5 км от Ананьинского могильника. В то время интерес к могильнику был очень большой. Все ученые, приезжавшие в д. Ананьино, не только осматривали и раскапывали этот памятник, но и покупали древние вещи у местного населения. Так, А.М. Тальгрэн в 1909 г. купил у крестьян 137 предметов. Этим ученые сами подталкивали местных крестьян к хищническим раскопкам могильника. Именно стремлением получить круглую сумму довольно простым путем и объясняет В.Н. Марков появление фальшивой стелы. Он считает, что подделка была выполнена довольно образованным человеком, знакомым с изображениями скифов. Он и нарисовал на камне скифского воина. Для правдоподобия стела была разбита на 10 кусков и помещена во двор неграмотного крестьянина, где ее и нашел профессор К.И. Невоструев.

В.Н. Марков обратил внимание на то, что ананьинская стела напоминала по виду и форме более поздние мусульманские надгробия, в отличие от настоящих ананьинских, которые были выполнены на природных валунах. Кроме того, на настоящих надгробиях был нанесен рельефный рисунок, а на этом он был прочерчен острым предметом, одежда воина подозрительно напоминала скифскую, да и ряд других деталей привел В.Н. Маркова к уверенности – да, это подделка!

В условиях постоянной военной опасности вожди приобретали все больший вес в обществе. От их искусства и удачливости зависело не только благополучие, но и сама жизнь сородичей. В случае опасности в качестве военной силы выступали все мужчины коллектива, но постепенно из них выделялись наиболее сильные и храбрые, составившие военную дружину вождей. Возникла своеобразная организация общества, получившая название «военная демократия». Это была еще демократия, так как в обсуждении наиболее важных вопросов принимали участие все члены коллектива (мужчины). Она еще предполагала некое равенство, так как все

члены военного похода имели равное право на свою долю добычи. Но фактического равенства уже не было: военный предводитель и его приближенные имели право на лучшую долю добычи, и никто им в этом не мог препятствовать. Грабительские войны, появившись как следствие накопления богатств, сыграли роль стимулятора для развития частной собственности и института государства. Грабительские войны привели к появлению еще одного фактора, который способствовал дальнейшему разложению первобытной общины, – появлению имущественного неравенства и связанного с ним рабства.

Материалы ананьинских могильников убедительно свидетельствуют об имущественном расслоении общества. А.В. Збруева по характеру и числу сопровождающего инвентаря выделила 7 групп захоронений мужчин. В наиболее богатых из них обнаружены наконечники копий и стрел, кельты, акинаки, украшения, кости животных, сосуды с пищей. Например, в мужском погребении 94 Зуевского могильника найдены глиняный сосуд, фрагменты золотого кольца, кельт, восемь бронзовых и десять костяных наконечников стрел, позолоченная железная бляшка, бронзовая гривна, железный наконечник копья, железный нож, пояс с 48 бронзовыми бляшками, двумя наконечниками и застежкой, тремя привесками и двумя бронзовыми спиральными пронизками (А.В. Збруева, 1952, с. 150). Могилы других групп значительно беднее. О социальной дифференциации ананьинского общества свидетельствуют и все более многообразные похоронные обряды.

Известны также как женские, так и мужские безынвентарные погребения, которые А.В. Збруева считала захоронениями рабов. Именно эти погребения часто имеют другую, не характерную для памятников ориентировку. Ананьинское общество стояло на такой стадии развития, когда оно могло, с одной стороны, прокормить значительный коллектив, а с другой – нуждалось в дополнительных рабочих руках для производства мате-

риальных благ. И такие возможности представлял институт рабства, возникновению которого способствовали приобретающие все больший размах войны и грабежи. Идею о существовании у ананьинцев патриархального рабства поддерживал и А.П. Смирнов (1970, с. 117–118). В том, что оно имело домашний характер, убеждают захоронения рабов не на отдельном, а на общеродовом кладбище. Вероятно, в это время рабы не противопоставлялись коллективу, а считались его членами, занимающими несколько приниженное положение. Видимо, не сразу оформилась идея применения труда рабов в хозяйстве. Вначале военнопленных приносили в жертву или просто убивали. Так, в очаге жилища 1 Луговской стоянки были найдены обожженные и расколотые черепа и кости 13 взрослых и 6 детей (А.В. Збруева, 1952, с. 157). В одной из женских могил Котловского могильника был найден амулет из черепной кости человека. Остатки человеческих жертвоприношений – груды человеческих костей, частично обожженных (трех мужчин, женщины и ребенка), найдены возле очага культовой постройки на Аргыжском городище на р. Вятке (Е.М. Черных, 1996, с. 91–93). Однако со временем применение рабского труда стало очевидно выгодным, и рабы стали использоваться в домашнем хозяйстве. По этнографическим источникам, первоначально они выполняли наиболее трудные домашние работы: носили воду, заготавливали дрова, готовили еду, кормили собак; жили вместе с хозяевами, ели за одним столом, могли жениться на свободных женщинах, участвовать в общественной и религиозной жизни. Рабство сначала не было пожизненным: проработав несколько лет на своих хозяев, раб либо отпускался домой, либо становился свободным членом коллектива.

Мировоззрение ананьинцев отличалось глубиной, сложностью и многокомпонентностью. Трехмерность мира (верхний – космический, средний – земной, нижний – подземный, подводный) в некоторой степени воплоща-

лась в идее существования мирового дерева. Изображение его в Приуралье впервые стало известно по костяной пластинке из Пепкинского кургана. В ананьинское время наблюдаются значительные вариации этого сюжета. По мнению Л.И. Ашихминой (1992), один из вариантов мирового дерева изображен на навершии костяного гребня, найденного на Буйском городище на р. Вятке (рис. 96–8). Дерево расположено посередине навершия, по обе стороны от него видны головы жертвенных лосей, обращенных в разные стороны. Завитки рогов животных символизируют солнце и его движение (1992, с. 4–6). В нижней части рисунка располагалась непрерывная волнообразная полоса, напоминающая бег времени на трипольских сосудах (Б.А. Рыбаков, 1981, с. 195). Образ мироздания в виде мирового дерева хорошо известен в религиозно-мифологической системе удмуртов, у которых в этом качестве использовались необычные по красоте и мощи экземпляры ели, березы и сосны (В.Е. Владыкин, 1994, с. 66–69).

Верхний таксономический ряд мировоззрения ананьинцев был представлен различными образами, среди которых особое место занимало солнце. Его изображение во множестве вариантов встречалось на ананьинских предметах: круглый диск с изображением лица (рис. 82–11, 93–16), круглые бляшки без рисунка (рис. 82–5, 6; 93–13, 18), круглые бляшки с концентрической окружностью, вписанным в нее ромбом и расположенным в его центре кружком (рис. 82–12, 93–15). Рисунки на круглых глиняных пряслицах, уже своей формой напоминающих солнце (рис. 94–2, 3, 5–7, 10; 95), подчеркивают солярную символику. В частности, крест в круге (рис. 95–1, 9), многолучевая розетка (рис. 95–8, 10) символизировали движение солнца по небосводу, розетка с однонаправленными загнутыми концами (рис. 95–7) – громовой знак. С культом солнца и плодородия связано и появление свастики – креста с загнутыми концами (рис. 82–17) – символа света и щедрости, хорошо известно-

го в древних религиях Индии, Китая, Египта. Изображения лося и волка (медведя?) (рис. 95–4) рассматриваются многими учеными как выражение бинарного годовичного цикла в календарной системе, где весенне-летний период обозначен образом волка (медведя?), а осенне-зимний – образом лося.

В среднем ряду хорошо просматриваются различные варианты представителей лесной фауны, культ которых стал складываться в мезолитическое время и изображения которых остаются популярными и у ананьинцев: лося (рис. 95–4, 96–6), медведя (рис. 95–4, 96–4, 5, 9), волка (рис. 95–2, 6, 96–1, 2, 3, 7). Возникнув в эпоху бронзы, продолжал развиваться и культ коня.

В нижнем таксономическом ряду располагались все подземные и подводные мифологические существа. Именно туда опускали умерших сородичей, которые уплывали в иной мир по реке. Там жили фантастические существа с хвостом и хоботом, напоминающие мамонтов (рис. 95–5). Спустя многие столетия отголоски этих представлений зафиксированы этнографами в языческих верованиях удмуртов и других финно-угорских народов (В.Е. Владыкин, 1994, с. 75–95).

В условиях нестабильной общественной обстановки важную роль играла культовая обрядность, которая должна была обеспечить гармонию человека с природой и обществом. На многих ананьинских поселениях (Зуевы Ключи I, Свиногорское, Заосиновское IV, Пижемское, Аргыжское) обнаружены остатки общепоселенческих культовых комплексов. Почти всегда они представлены кострищами, остатками столбов от идолов и большими скоплениями костей домашних животных. Довольно многочисленны следы индивидуальных жертвоприношений: антропоморфные изображения (рис. 84; 94–8) (культ женщины-прародительницы и хранительницы семейного очага), фигурки животных (культ животных), глиняные лепешки и соляные знаки на разных предметах (поклонение солнцу).

Все усложняющаяся экономическая, общественная, военная жизнь требовала более сложных культовых церемоний: жертвоприношений, обрядовых празднеств, молитв. В ананьинское время возникают уже не поселенческие, а общетерриториальные или племенные жертвенные места: Гремячанское, Юго-Камское, Гляденовское. Возникнув в ананьино как общепоселенческие жертвенные места, в гляденовское время они не использовались для жилья, а стали специализированными святилищами-костищами. Они имеют свою специфику: размещение на возвышенных площадках, мощный слой золы и угля, специальные жертвенники, скопления сырых и обожженных костей, обилие жертвенных чашечек, наконечников стрел, миниатюрных предметов – копий, изображений животных и птиц. При этом наблюдается специальное измельчение костей, связанное, очевидно, с особыми магическими действиями, призванными содействовать увеличению численности стада. Находки костей диких животных единичны. Однако на костищах обнаружено большое количество наконечников стрел (Гляденово – около 1000 экз., Юго-Камск – более 400), изображений человека (Гляденово – более 100), птиц (Гляденово – около 300), мух и пчел (Гляденово – 90), змей (Гляденово – около 60), собак (Гляденово – 460) и др. Если остатки костей домашних животных связаны, очевидно, с коллективными жертвоприношениями во время календарно-обрядовых праздников, совершаемых перед важнейшими этапами сельскохозяйственных работ, то наконечники стрел, votивные предметы и изображения, скорее всего, – индивидуальные подарки. И, поскольку охота к тому времени давно стала индивидуальной, вряд ли было случайным то обстоятельство, что большинство личных даров связано с охотой и бортничеством. Таким образом, костища представляли собой многофункциональные жертвенные места, где совершались как общинные, территориальные, межплеменные, так и индивидуальные обряды.

В ананьинских памятниках обнаружены около двух десятков костяных манков, изготовленных из полых трубочек длиной 2, 5–9 см и диаметром 1 см по внешнему кольцу и 0,3–0,5 см – по внутреннему. Они издают звук высокого свистящего тембра, близкий голоосу рябчика и других мелких лесных птиц. Манки могли применяться как на охоте для передачи охотничьих сигналов, так и в магических действиях (К.И. Корепанов, 1994, с. 53–55). В общепермский период широко использовались различные вариации духовых инструментов из ивовых прутьев, дудника и т. п., о чем свидетельствуют названия (чипсан), продольная флейта – узыгумы, известные у пермских народов (А.Н. Голубкова, 1989, с. 4–5). Начиная с ананьинского времени и до XVII–XVIII вв. широкое распространение у всех пермян получают различного типа колокольчики, бубенчики, шумящие подвески, которые создавали вокруг движущихся женщин музыкальную ауру. В шаманской атрибутике хорошо известны музыкальные инструменты типа бубна, которые, конечно, были известны и ананьинцам.

Ананьинская культурно-историческая общность, по мнению большинства ученых, – далекие общие предки пермских народов: удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян. Правда, существует и другое мнение. А.Х. Халиков рассматривал ее как нераспавшуюся общность финно-пермоязычных племен (1967, 1970), считая, что истоки ее находились в волосовской энеолитической общности (1967, с. 12–14). На основе волосово сложились, по его мнению, две культуры: поздняковская (западная финская группа) и приказанская (восточная). В раннем железном веке из поздняковской культуры развилась городецко-дьяковская общность с текстильной керамикой, а из приказанской – ананьинская. Эти культуры, просуществовав почти до рубежа нашей эры, представляли также развитие восточной и западной финноязычных групп (А.Х. Халиков, 1967, с. 35).

Эта точка зрения совершенно не учитывает существование самостоятельной линии

развития камского неолита, переросшего в энеолитические новоильинскую и гаринскую культуры, также эволюционировавшие в местные культуры бронзового периода – ерзовскую, луговскую, курмантау. Памятники гаринского типа, согласно гипотезе А.Х. Халикова, являют собой как бы тупиковое образование, которое не имело исторического продолжения. Однако связь гаринских памятников на верхней и средней Каме, нижней Белой и Вятке с позднебронзовыми, а затем и ананьинскими доказана многочисленными исследованиями, и игнорировать ее невозможно. Думается, что эти представления А.Х. Халикова об ананьине как неразделившихся поволжских финнах и пермяках были основаны на непонимании и недооценке самостоятельного генезиса культур Прикамья, стремления вывести все культуры раннего железного века из приустьевой части Камы. Кроме того, ошибка произошла еще и потому, что в это время появились материалы, указывающие на пьяноборский компонент в среднем Поволжье (Андреевские – П.Д. Степанов, 1964; и Писеральские – А.Х. Халиков, 1962 – курганы), и А.Х. Халиков предполагал непрерывность линии в Поволжье ананьино – пьяноборье. Однако исследования 70–80-х гг. показали, что ананьинские – памятники в устье Камы и в Поволжье исчезли на рубеже VI–V вв. до н. э. (А.Х. Халиков, 1977), не имели продолжения и, таким образом, в этом регионе преемственность ананьино-пьяноборье разорвана. Очевидно, материалы пьяноборского облика в Среднем Поволжье имели иное происхождение. Анализ археологических материалов показывает, что уже в эпоху энеолита началось разделение волжских финнов (волосовская общность) и пермян (гаринская общность), а в более позднее время эти тенденции усилились. В раннем железном веке разделение не просто четко оформилось, имело длительную историю, но эти общности стояли у начала дальнейшей дифференциации. Прикамские объединения рубежа нашей эры – пьяноборская и гляденовская

– это наглядно подтверждают. В Среднем Поволжье в VIII–VI вв. располагалась своеобразная контактная зона между пермянами (ананьинцами) и поволжскими финнами (носителями текстильной керамики). Принадлежность ананьинской общности древнепермским племенам на данном этапе археологического знания представляется бесспорной.

Состав древнепермской лексики, иллюстрирующей уровень общественно-экономических отношений, соответствует реконструкции, выполненной по археологическим материалам. О хорошо развитом земледелии свидетельствуют слова: *лемех, участок земли, межа, отбросы соломы, навоз, лебеда, сорная трава* и др. Скотоводческие традиции отражены общепермскими словами: *курица, цыпленок, корова, скот*. Люди этого времени ели *суп, сметану, хлеб*, пили *пиво* и могли отличать *вкусную еду от невкусной*. От собирательства сохранились названия растений, используемых в пищу: *борщевик, хмель* и др. Слова, связанные с одеждой или ее использованием, довольно многообразны: *подрубить, холст, рубашка, армяк, отвязать, развязать, сшить, шуба* и др. Общественные отношения проявились в таких терминах, как *оброк, соглашения, аренда, связать, князь*. Набор орудий, использовавшийся в древнепермскую эпоху, судя по лексике, был весьма разнообразным: *веревка, рукоятка, эсердишка, рычаг, плеть, кнут, пойс, пойсны, стручок, подпора, пешня, сыромятная козиса, полоска сыромятной козиси. Сталь, ковать, золото, серебро* говорят о металлообработке и металлах того времени. Много наименований в древнепермском языке связано с домостроением: *печка, каменка, деревня, дом, бревно, изба, насыпь, завалишка, угол в избе*. Очень важные сведения дает лексика, связанная с обозначением времени и счета: *завтра, утро, время, долго, вечер, во время праздника, десять, половина, тридцать, тысяча*. О существовании яркого, эмоционального, образного языка этого времени свидетельствуют

прилагательные: *стройный, прямой, быстрый, красный, готовый, чистый, прозрачный, бледный, светлый, жидкий, бедный, жалкий, острый, наточенный, мягкий, широкий, свежий, прохладный* и др. (Основы финно-угорского языкознания..., 1976, с. 216–217).

Особого внимания заслуживают древнепермские заимствования из иранских языков, мощным потоком вливавшиеся через ираноязычных скифов и сарматов, с которыми ананьинцы имели тесные контакты. Из иранских языков заимствованы слова, имеющие самое разное общественно-экономическое и бытовое значение: *сошник, мочало, уполовник, сталь, золото, курица, кол, теленок, самка крупного рогатого скота, корова, плеть, кнут, уголь, князь, скот, пойс, море, теплые края, сыромятная козиса, полоска сыромятной козиси, миска, железно, богатый* (там же, с. 218).

Интересно наблюдение В.В. Напольских, что в раннем железном веке завершается проникновение на северо-запад Восточной Европы носителей финских языков из районов Поволжья. Это согласуется с распространением там поволжско-приуральского металла и текстильной керамики (1990, 1997). Сдвиг этнических границ на северо-запад был обусловлен, по его мнению, ухудшением природно-климатических условий: похолоданием и увлажнением и связанным с этим кризисом скотоводческого хозяйства населения лесостепных территорий, активным и постоянным функционированием приуральского металлургического очага, большей приспособляемостью к изменившимся условиям населения лесной зоны. Все это обеспечило на рубеже II и I тыс. до н. э. превосходство в экономическом и этносоциальном «соревновании» племен и языков населения Приуралья и Прикамья, что привело в конечном счете к победе на севере европейской части России, севере восточной Прибалтики и Фенноскандии финских языков (В.В. Напольских, 1997, с. 196–197).

4.2. Пьяноборская общность – древнеудмуртское объединение III в. до н. э. – V в. н. э.

4.2.1. Изучение памятников

Не менее яркой эпохой, чем ананьинская, в истории Прикамья была последующая – пьяноборская. Климатические условия этого времени отличались изменчивостью. Если для последних веков до нашей эры были еще характерны похолодание и повышенная влажность, то на рубеже эр началось потепление и осадков выпадало несколько меньше (А.В. Шнитников, 1957, с. 268–271). Первые века нашей эры – начало периода, названного О.Н. Бадером (1960, с. 101) «ксеротермом II», так как в это время был отмечен более сухой и теплый климат. Граница степей и лесостепей сместилась к северу. Довольно далеко на севере Прикамья, возле с. Кочево (Коми-Пермяцкий национальный округ), на широте 59°6' Э.Э. Аникина обнаружила очаг реликтовой степной и лесостепной растительности из 44 видов (1960, с. 253). Подобные комплексы выявлены и в других местах Прикамья: возле с. Карагай на р. Обве (58°6'), на р. Чусовой, в Сылвенском и Тулвинском поречье (там же, с. 244–254). Предполагается, что столь нетипичные для современности остатки флоры могли сохраниться как реликты растительного покрова, образовавшегося в начале I тыс. н. э. в результате наступления засушливого и теплого климата.

Впервые название пьяноборская культура в среде археологов прозвучало в 1880 г., когда возле с. Пьяный Бор на севере Татарии была собрана коллекция из 287 уникальных древних вещей, доставленная помощником Елабужского исправника г. Пасынковым в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Коллекция произвела на ученых большое впечатление, и уже в 1881 г. здесь провел небольшие раскопки П.А. Пономарев (А.А. Спицын, 1901, с. 1). Выяснилось, что предметы происходят из могильника, располагающегося на высоком мысу над селом. В 1870-х гг. лес, росший на

могильнике, был вырублен. Сильные ветры выдували песок, обнажая находящиеся под ним костяки и вещи. В 1880-х гг. на могильнике побывали А.А. Спицын, И.Н. Смирнов, Ф.Д. Нефедов. По заключению А.А. Спицына, «богатый пьяноборский могильник до сих пор является главным представителем особого типа древностей, которому по всей справедливости и должно быть усвоено его имя. ... Совершенно ясно, что культура пьяноборского типа составляет непосредственное продолжение культуры Ананьинского могильника» (1901, с. 1–7). Так А.А. Спицын, обладая огромной эрудицией, оценил своеобразие этих вещей и их место в системе древностей Приуралья.

Почти в это же время были получены типологически близкие предметы из могильника Атамановы Кости в низовьях р. Вятки. Могильник был открыт в 1881 г. и исследован С.К. Кузнецовым, собравшим здесь большую эполетообразную застежку, несколько подвесок, застежек и другие изделия (там же, с. 8–9).

В 1892 г. при корчевании пней в «запасном лесу» возле д. Ныргында местный житель Емельян Балабухин нашел человеческий череп, кость руки и огромную эполетообразную застежку, которую местные власти переслали в Императорскую археологическую комиссию. Здесь побывал в 1898 г. А.А. Спицын и открыл два могильника пьяноборского типа – Ныргында I и II. Профессор Казанского университета этнограф И.Н. Смирнов обследовал в 1894 г. могильник Каменки у с. Мазунино, известный сейчас как Мазунинский (И.Н. Смирнов, 1896).

Памятники железного века Прикамья изучал в 20-х гг. XX в. А.В. Шмидт, который обратил внимание на неоднородность пьяноборских материалов и предложил их разделить. Памятники верхнего Прикамья он выделил в гляденовскую культуру, а среднего Прикамья – в пьяноборскую (А.В. Шмидт, 1928).

М.Г. Худяков опубликовал в 1933 г. материалы Ныргындиных I и II могильников по результатам раскопок А.А. Спицына, да-

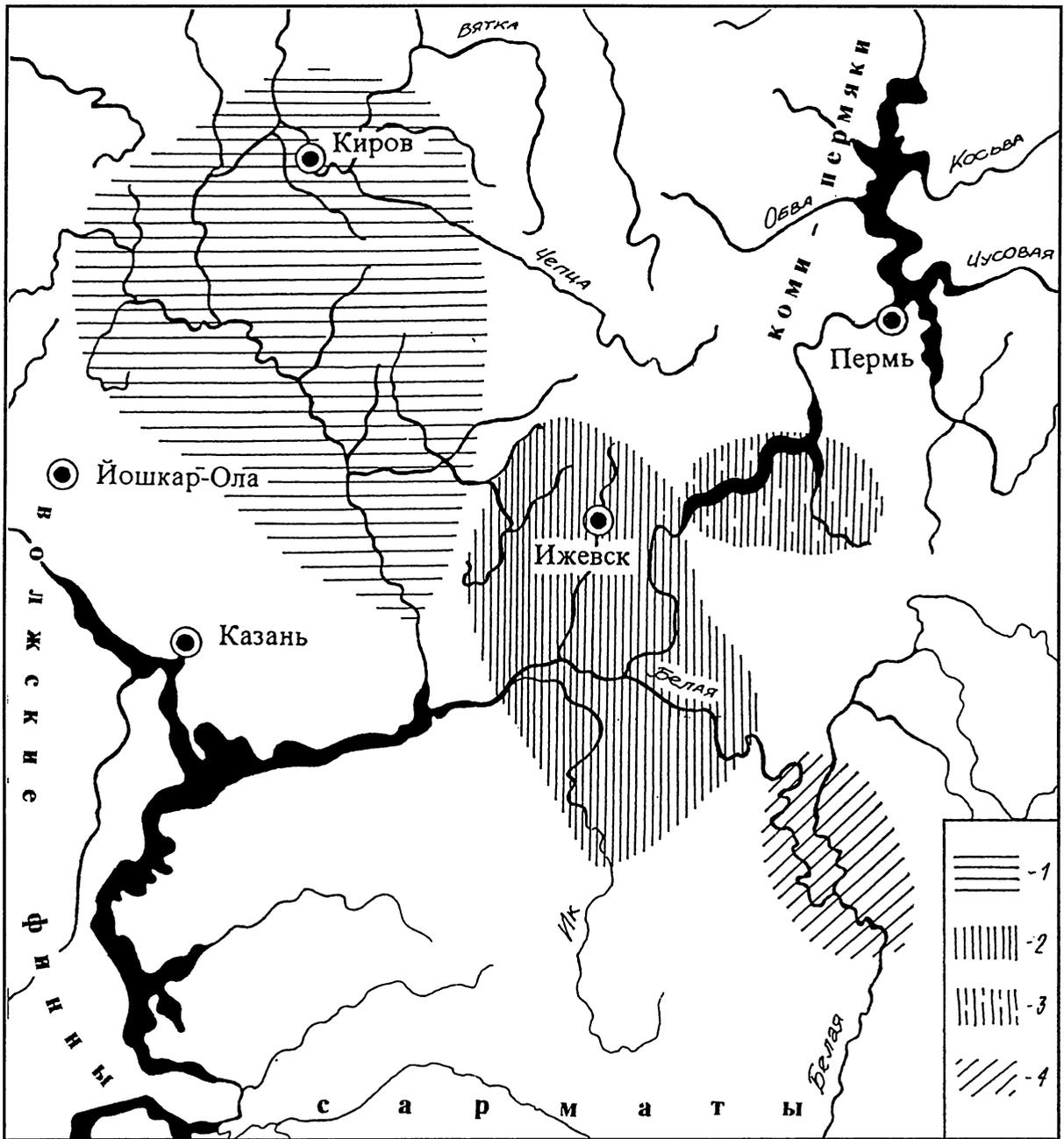

Рис. 97. Карта-схема культур пъяноборской общности.
 1 – худяковская; 2 – чегандииская; 3 – среднекамская (красноярская); 4 – кара-абызская

тировал пьяноборскую культуру II в. до н. э. – V в. н. э. и отнес к ней все памятники Прикамья этого времени, включая и памятники на р. Каме в верхнем ее течении.

Все известные материалы по пьяноборской культуре были обобщены в 1952 г. А.П. Смирновым, который определил время культуры III в. до н. э. – V в. н. э. и отнес к ней все древности Прикамья этого времени (1952).

Начиная с 50-х гг. в Прикамье проводят раскопки экспедиции многих научных центров: Башкирская, Удмуртская, Казанская и др. Были не только открыты, но и исследованы многие памятники пьяноборского времени. Особенно велик вклад в разработку этой проблематики В.Ф. Генинга. Под его руководством были раскопаны поселения (Чеганда I, Барановское) и могильники (Чеганда II, Ныргында II, Азелино, Суворово, Мазунино), что дало ему возможность создать собственную концепцию развития пьяноборской общности.

В своих первых работах В.Ф. Генинг, увлекшись яркостью памятников удмуртского Прикамья, счел пьяноборскими только памятники, размещенные здесь, и те, что располагались на небольшой территории, прилегающей к устью Белой (1962). Взгляды В.Ф. Генинга на эту проблему эволюционировали. К 1970 г. он признал, что удмуртское Прикамье лишь часть пьяноборского «айсберга», и выдвинул новое положение, согласно которому пьяноборской называлась вся послепалеолитическая эпоха, по сути, вернувшись к концепции А.П. Смирнова (В.Ф. Генинг, 1970). В пределах пьяноборской эпохи он предложил выделить 4 культуры (III в. до н. э. – II в. н. э.): *гляденовскую* (Верхнее Прикамье), *осицкую* (Средняя Кама), *чегандинскую* (удмуртское Прикамье) и *кара-абызскую* (Средняя Белая) (1970, с. 8; 1988, с. 29). От явно пьяноборского массива В.Ф. Генинг выделил памятники III–V вв. удмуртского Прикамья в особую мазунинскую культуру, датировав ее III–IX вв. (1967, с. 35), а также памятники III–V вв. бассейна р. Вятки, выделив их в азелинскую

культуру (1963). Однако эти предложения вызвали справедливую критику со стороны некоторых ученых (А.П. Смирнов, 1964, с. 244–246).

В 70–80-е гг. в связи с подготовкой ложа Нижнекамской ГЭС шло интенсивное накопление материалов пьяноборского времени казанскими (П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, А.Х. Халиков, Р.С. Габяшев, Р.Г. Фаттахов), башкирскими (С.М. Васюткин, Н.М. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, Ю.А. Морозов, В.А. Иванов, Г.И. Матвеева, Б.Б. Агеев, В.К. Калинин и др.), свердловскими (В.Ф. Генинг, В.В. Одинцов, Л.И. Ашихмина) и удмуртскими (Т.И. Останина, Р.Д. Голдина, Г.Н. Ключева, Т.К. Ютина) археологами. В целом разделяя основные положения В.Ф. Генинга, Т.И. Останина, обобщив материалы памятников мазунинского типа, обособила их от пьяноборских в самостоятельную мазунинскую культуру III–V вв. (1983).

Новые материалы предоставили возможность дать общую характеристику чегандинского варианта пьяноборской общности (Б.Б. Агеев, 1992), в которой в значительной степени уточнены лишь некоторые положения, выдвинутые В.Ф. Генингом. Б.Б. Агеев датировал культуру II в. до н. э. – III в. н. э., вернув ей прежнее название – пьяноборская.

Широкие исследования, проведенные Камско-Вятской археологической экспедицией на памятниках удмуртского Прикамья (Тарасово, Афонино, Ныргында II, Усть-Сарапулка и др.), северо-восточной Татарии (Икский могильник) и особенно Кировской области (Ошки, Первомайское, Худяки, Кордон и др.), позволили выдвинуть новую концепцию развития прикамских культур в послепалеолитическое время (Р.Д. Голдина, 1987, с. 10–15). Согласно ей, в конце своего существования огромная *пьяноборская* общность разделилась на две – *гляденовскую*, занимавшую территорию преимущественно Верхнего Прикамья, Средней и Верхней Вычегды и верховий Печоры, и *пьяноборскую* – Среднее и Нижнее Прикамье, низовья Белой и Вятку. Это раз-

деление свидетельствовало о распаде общепермской основы на две части: пракоми и праудмуртов. Принципиально новым было несколько положений. Гляденовская культурная общность уже не входила в состав пьяноборской, как считали М.Г. Худяков, А.П. Смирнов и В.Ф. Генинг, а занимала вполне самостоятельное положение. Пьяноборская общность включала в себя чегандинскую культуру (удмуртское Прикамье, прилегающую к нему часть Татари и низовья Белой), кара-абызскую (среднее течение р. Белой) и худяковскую (бассейн р. Вятки). Дата пьяноборской общности ограничена III в. до н. э. – V в. н. э. Работы последних лет в целом отражают правильность этой гипотезы.

Стремление выделить на прикамских материалах более дробные археологические культуры, делящиеся 2–3 столетия, представляется неоправданным. Например, В.Ф. Генингом были выделены для III–V вв. н. э. мазунинская культура в удмуртском Прикамье (1958, 1959, 1967), азелинская на Вятке, гаревская в пермском Прикамье (1988, рис. 1). Отделение этих культур от предшествующих искусственно. Оно связано с тогдашними представлениями В.Ф. Генинга о резкой смене культур Прикамья в III в. н. э. в результате притока сюда нового населения западно-сибирского происхождения (1959, с. 182–184, 201; 1967, с. 48–51). «Мазунинские племена, вторгшись в III в. на правобережье Камы в районы пьяноборского расселения, вытеснили последних на запад в низовья Камы, где мы находим их в азелинской культуре» (В.Ф. Генинг, 1959, с. 201). Однако спустя некоторое время, дальнейшая работа над материалом привела его к противоположному, как мне кажется, более правильному выводу. В 1972 г. он писал «... может быть, мазунинские племена также пришли в Прикамье из каких-либо других областей? Думаю, что нет. Это прикамское население, о чем свидетельствует целый ряд традиций в погребальном обряде... керамика... и антропологический тип населения, чрезвычайно близкий

пьяноборскому...» (1972, с. 240). Таким образом, оснований для резкого разграничения прикамских культур в III в. нет – приток нового населения не зафиксирован. Материальная культура удмуртского Прикамья плавно эволюционировала до V в. Поэтому никаких оснований для отделения памятников III–V вв. от предшествующих памятников пьяноборской эпохи не имеется. Лишь в V в. произошло значительное изменение этнической карты: во многих местах Прикамья появилось новое население, и этот факт хорошо подтверждается. Следовательно, поздний рубеж пьяноборской эпохи в Прикамье нужно проводить именно по V столетию. Культуры же III–V вв., выделенные В.Ф. Генингом, продолжали линию развития культур пьяноборского типа, представляя поздний этап их развития.

4.2.2. Чегандинская культура в удмуртском Прикамье

Памятники чегандинской археологической культуры расположены от устья р. Куваш до низовий Белой и по ее притокам, р. Ик, а также по камскому побережью от устья Ика на юге и до устья Малой Сарапулки на севере. В начале 70-х гг. самыми северными памятниками считались Сухаревское и Кухтинское городища в Каракулинском районе Удмуртии (В.Ф. Генинг, 1970, рис. 1). За последние годы большой куст чегандинских памятников выявлен в Сарапульском районе (Тарасовские могильник и селища, Афонинский, Усть-Сарапульский могильники, Момылевское городище и др.), и граница чегандинской культуры отодвинулась на север более чем на 40 км. Таким образом, протяженность культуры по Каме составляла около 130 км. На поздней стадии (мазунинской) развития чегандинской культуры были заселены и более северные районы: выше по правому берегу р. Камы, район современных Гольян (Чепанихинский могильник), бассейн р. Сивы (Нивский могильник), левобережье Камы – по р. Сайгатке (Сайгатский могильник), верховья Ижа

(Ижевский могильник) и его притоки (Покровский могильник), верховья Увы (городище Пек-Жикья), нижнее (Тураевский могильник) и среднее течение Тоймы (городище Старая Игра). Следует отметить, что на этой территории памятники располагаются не сплошным массивом, а группами: от единичных объектов до нескольких десятков.

Наиболее значительными из раскопанных памятников являются: на территории Башкирии – Камышлы-Тамакский (Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, 1968), Юлдашевский (А.Х. Пшеничнюк, 1986), Кушулевский III (Б.Б. Агеев, Н.А. Мажитов, 1985, 1986), Ново-Сасыкульский (С.М. Васюткин, В.К. Калинин, 1986) могильники и др.; на территории Татарии – Деуковский II (Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, А.Х. Халиков, 1972), Меллятамакский I (П.Н. Старостин, 1978), Икский (Л.И. Ашихмина, Г.Н. Клюева, 1984; О.В. Арматынская, 1988) могильники; в Удмуртии: Ныргында I и II (В.Ф. Генинг, В.В. Одинцов, 1968; Л.И. Ашихмина, В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина, 1970), Чеганда II (В.Ф. Генинг, 1971), Афонинский (О.П. Вотякова, Г.Н. Клюева и др., 1978, с. 162; Клюева Г.Н., Ютина Т.К., 1979, с. 180–181; Ютина Т.К., 1980, с. 182), Усть-Сарапульский (О.В. Арматынская, 1986), Ижевский (Т.И. Останина, 1984, 1990), Покровский (Т.И. Останина, 1992), Тарасовский и другие могильники.

Из поселений удмуртского Прикамья изучены городище Чеганда I (В.Ф. Генинг, 1971), Зуево-Ключевское I городище, Быргындинское V селище (Р.Д. Голдина, 1976), Быргындинское IV поселение (Г.Н. Клюева, 1984), Сосновское, Чужьяловское (Т.И. Останина, 1988), Постольское, Староигринское (Т.И. Останина, 1985) городища и другие памятники.

В настоящее время известно более 50 городищ чегандинской культуры. Слои этого времени часто располагаются на поселениях ананьинской общности, что указывает на их преемственность. Городища укреплялись обычно одной линией валов и рвов, но В.Ф. Генинг отмечал на некоторых памятниках вто-

рую линию укреплений (1970, табл. В). По площади городища делятся на две группы: с малой площадью (500–4000 кв. м) и незначительным культурным слоем – сторожевые городки, в которых жили небольшие гарнизоны, оповещавшие о приближении неприятеля; с большой площадью (5–30–40 тыс. кв. м) и довольно мощным культурным слоем (0,6–0,7 м), с остатками жилищ и хозяйственных построек – постоянно обитаемые крепости (рис. 98–1, 2). На позднем этапе культуры в связи с освоением мелких притоков городища появились и на рр. Сиве, Вале, Тойме и в других местах.

Вокруг городищ размещались неукрепленные поселки – селища площадью 4–10 тыс. кв. м. Мощность культурных слоев – 0,3–0,4 м. На поселениях чегандинской культуры (Чеганда I, Быргында V и др.) изучены наземные бревенчатые жилища площадью 40–55 кв. м (рис. 98–3, 4). Отапливались такие жилища простым очагом – кострищем, основание которого было обмазано глиной и, видимо, для сохранения тепла подсыпано речной галькой. Вдоль стен располагались нары-лежанки. Жилища стояли на расстоянии 10–15 м и образовывали улицы шириной 15–20 м. Между жилищами устраивались ямы-кладовки и летние очаги для приготовления пищи. Кроме жилых сооружений, на поселениях изучены и более значительные по площади, как считает Е.М. Черных, общественные постройки: дом площадью 121,5 кв. м на Сосновском городище, а на Постольском – площадью 118,4 кв. м (В.А. Иванов, Т.И. Останина, 1983, с. 116–120).

Поселения, как правило, связаны с могильниками. Сейчас раскопано более 40 могильников изучаемой культуры, на которых исследовано более 5000 захоронений. Из них наиболее крупные Тарасовский в Сарапульском районе Удмуртии (1879 могил), Ново-Сасыкульский в Бакалинском районе Башкирии (415 могил), Кушулевский III в Дюртюлинском районе Башкирии (324 могилы), Ныргында I (268 могил), II (308 могил), Чеганда II (224 могилы) в Каракулинском районе Удмуртии и др.

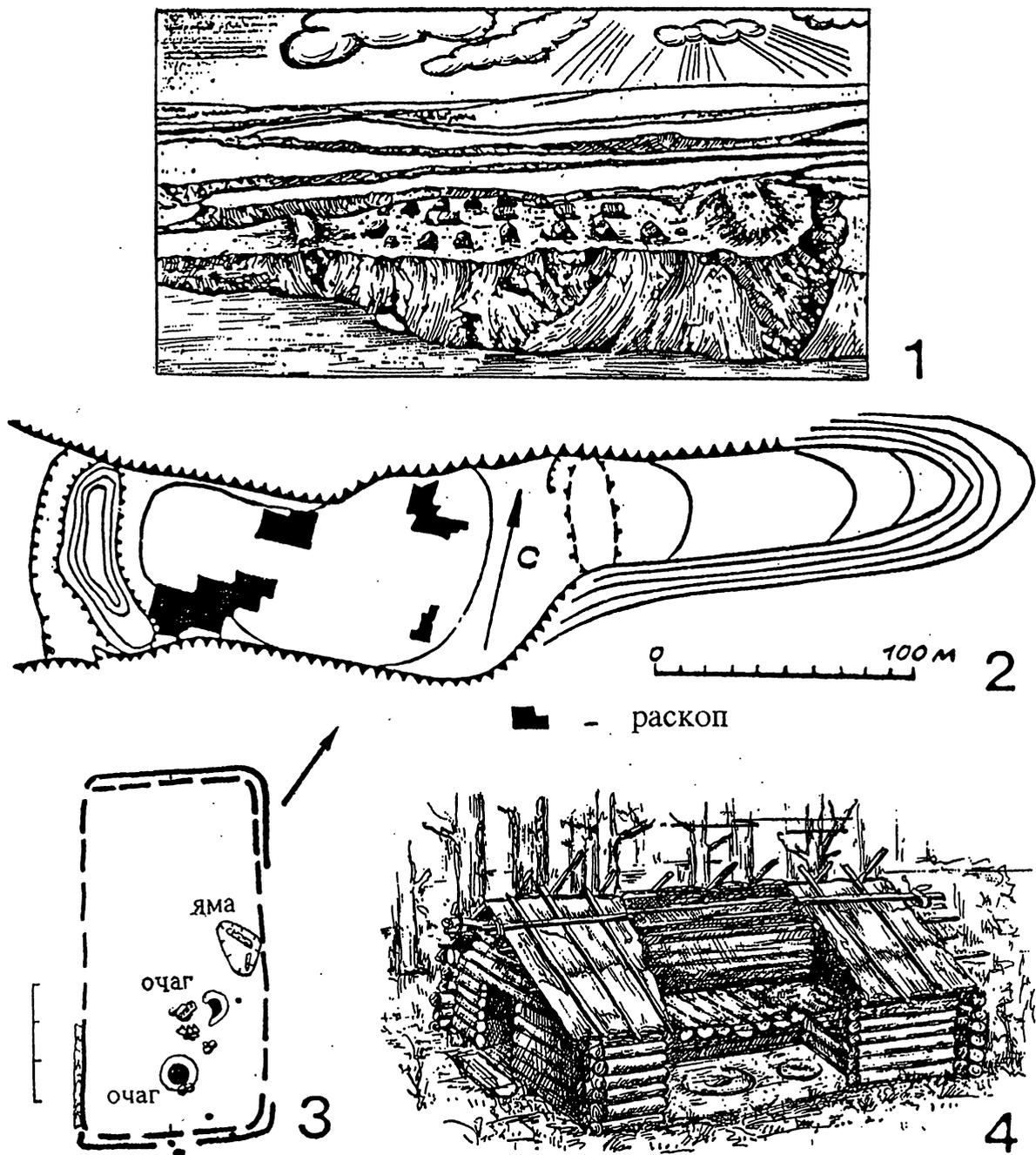

Рис. 98. Поселения чегандинской культуры.

1 – реконструкция поселка на городище Чеганда I (по В.Ф. Генцигу); 2 – план городища Чеганда I; 3 – план жилища VIII городища Чеганда I; 4 – реконструкция этого жилища (по Е.М. Черных)

Могильники располагаются обычно по берегам рек высотой 4–6 м, иногда 12–20 м, и были связаны с близлежащими поселениями. Число могил колеблется от 50 до 1900. Внешних признаков на поверхности они не имеют. В некоторых случаях на периферии памятника зафиксированы ямы с обломками керамики, костями животных, кострища, следы от столбов – остатки поминальных тризн (Ныргында I, Афонино, Чеганда II и др.). Остатки от этих же обрядов в виде разбитых глиняных сосудов встречались в засыпи некоторых могил.

Захоронения на площади памятника располагались в определенном порядке, образуя ряды, группы (рис. 99), разделенные свободным пространством или имеющие разную ориентировку. На Тарасовском могильнике самые ранние погребения (I–II вв. н. э.) находились на наиболее высокой точке мыса, которая больше всего пострадала при бурении скважины. Потом могильник «рос» в стороны и вниз, в сторону р. Камы. Пока это крупнейший раскопанный финно-угорский могильник для всей истории первобытности. К примеру, Старший Ахмыловский могильник раннего железного века, расположенный в Марийской Республике и исследованный А.Х. Халиковым и В.С. Патрушевым, считавшийся самым крупным, содержал 946 погребений, Танкеевский могильник IX–X вв. в Татарии – 881 захоронение.

В южном конце раскопа Тарасовского могильника выделяется довольно большое число рядов могил с различной ориентировкой. Вероятно, могильник был основан двумя разными группами населения (родами?), каждая из которых имела свою ориентировку. В одном ряду хоронили близких родственников – членов малой 3-поколенной семьи, а локальные группы рядов принадлежали, вероятно, членам патриархальной семьи. Стремление похоронить близких родственников поближе, приводило к тому, что некоторые ряды, особенно в более поздней северной части памятника, почти смыкаются.

Могилы имели прямоугольную форму, иногда «в ногах» они были несколько уже, чем «в голове». Размеры могил обычные – 180–230×50–80 см. Глубина их незначительна – 50–60 см. Хоронили умерших, как правило, в ящиках из досок, сверху тоже закрытых досками, но есть факты захоронений в деревянных долбленых колодах. Отмечено несколько случаев, когда верхнее перекрытие было обуглено. Видимо, над ним был разожжен поминальный очищающий костер. На могильнике Чеганда II выявлены два погребения с обожженными костяками. Очевидно, сожжение производилось прямо в могиле. Большинство захоронений совершено по обряду труположения, вытянуто на спине (рис. 100–1).

Основная масса погребений – индивидуальные, то есть в могиле похоронен один умерший. Но встречались и коллективные захоронения (до 8 умерших в одной яме). Обычно это останки погребенных одновременно мужчин, женщин и детей. В одном месте Тарасовского могильника наблюдалась концентрация таких коллективных погребений, что связано, видимо, с какой-то свирепствовавшей здесь болезнью. В двух случаях на Тарасовском могильнике отмечен странный обряд: у умерших была отрезана кисть левой руки и уложена справа от головы. Возможно, эти люди были замечены в воровстве и в назидание другим были подвергнуты такой экзекуции.

В погребении 15 Меллятамакского могильника на р. Ик в области грудной клетки мужчины-воина лежал череп еще одного человека (П.Н. Старостин, 1978, с. 129–131). В одной из могил Кушулевского III некрополя обнаружены 5 черепов (Б.Б. Агеев, Н.А. Мажитов, 1986, с. 75), три обезглавленных скелета зафиксированы в Ново-Сасыкульском могильнике.

Два обычая – укладывание пояса вдоль тела умершего и сопровождение захороненного набором украшений в коробочках, тусках или сосудах – широко распространились в III–V вв. н. э. Первые сведения о поясе,

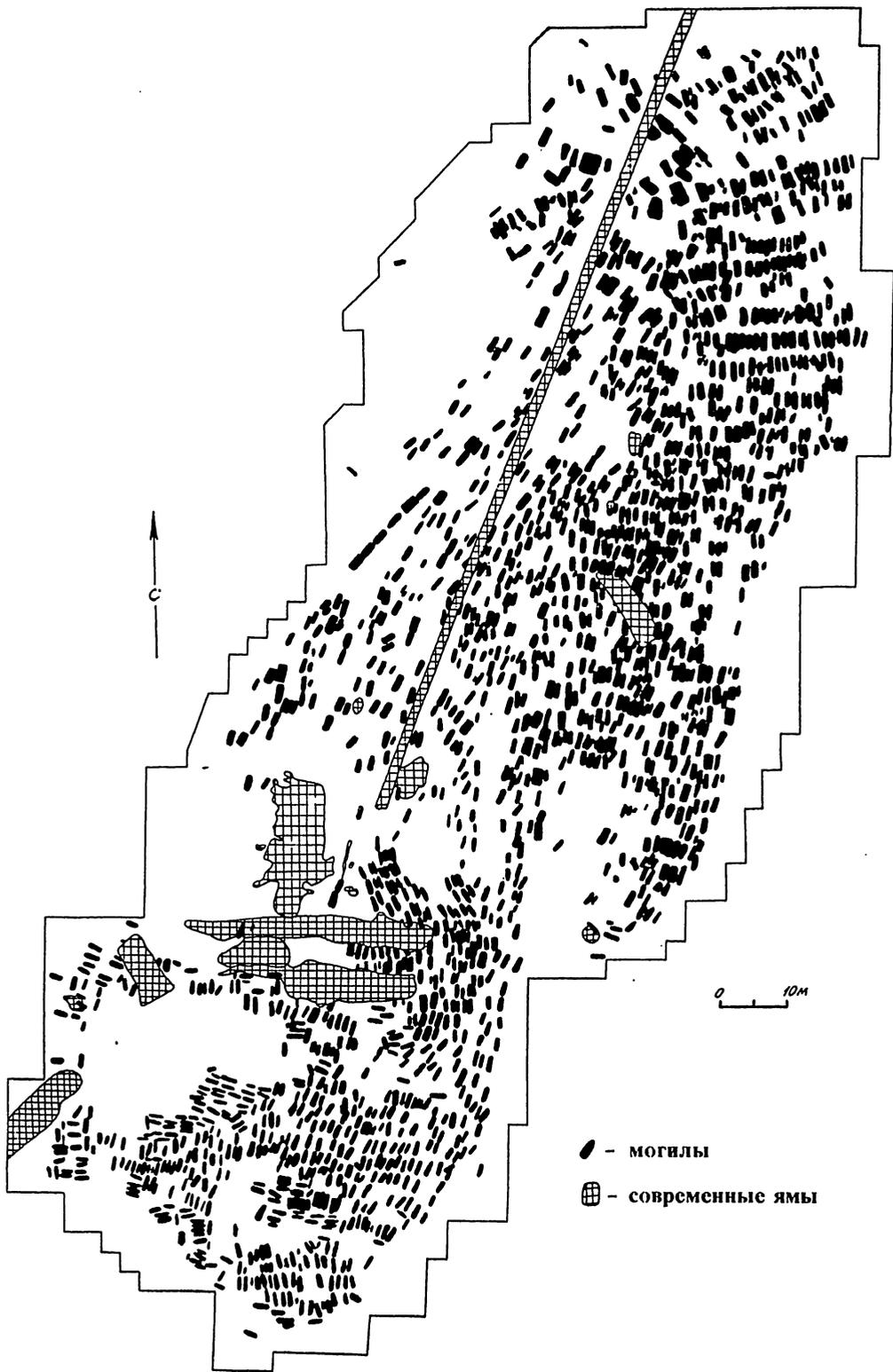

Рис. 99. План раскопа Тарасовского могильника I–V вв. н. э.

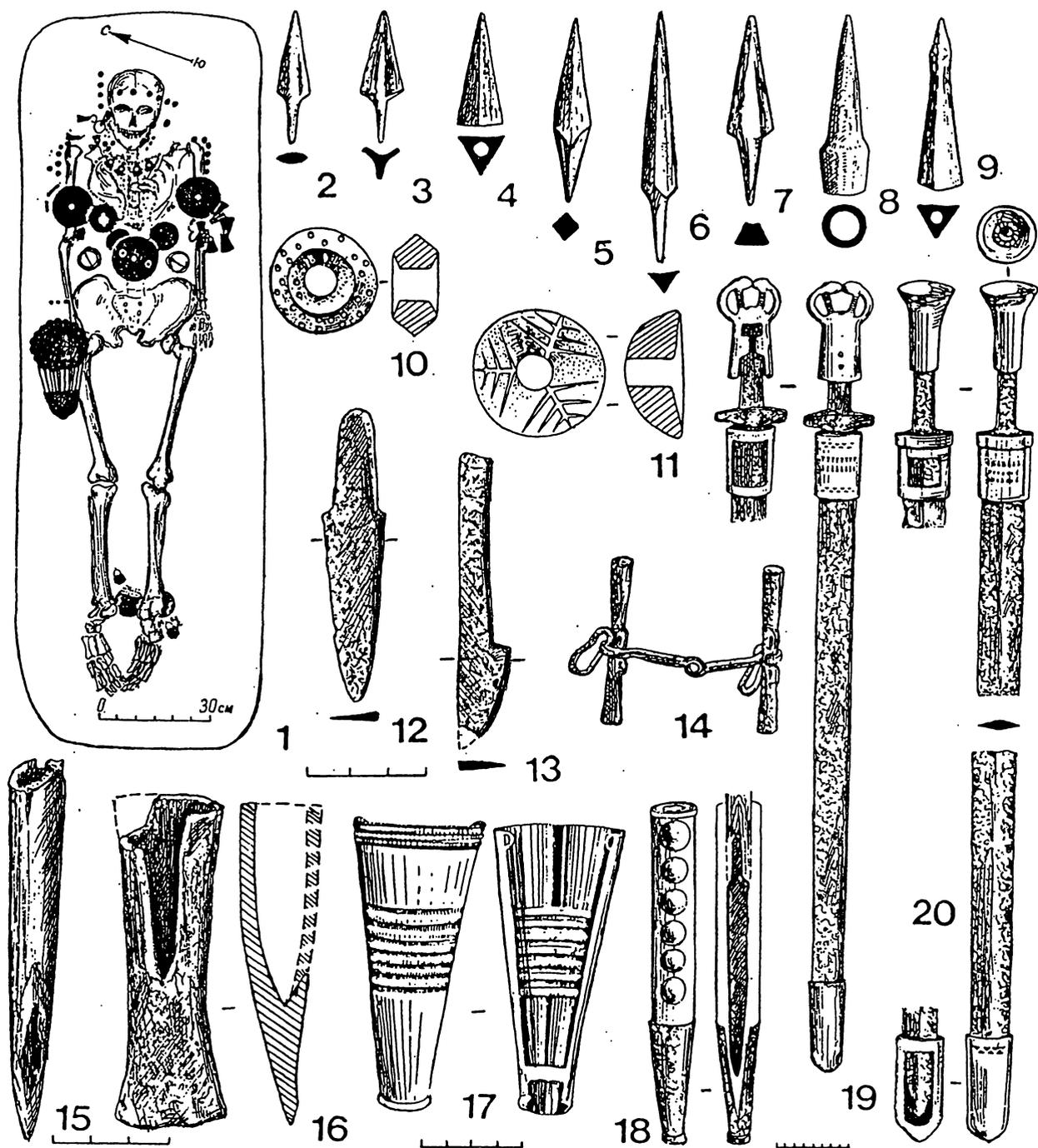

Рис. 100. Чегандинская культура.

1 – план погребения 15; 2–9 – наконечники стрел; 10, 11 – пряслица; 12, 13 – ножи; 14 – удила; 15 – наконечник мотыги; 16 – мотыга; 17, 18 – ножны; 19, 20 – мечи с навершием и наконечником ножен.
 1–6, 8, 14, 17–20 – могильник Чеганда II; 7, 9–13, 15, 16 – городище Чеганда I. 2, 4–9, 15 – кость; 3, 12–14, 16 – железно; 10, 11 – глина; 17, 18 – бронза; 19, 20 – железно, бронза

положенном вдоль тела погребенного, относятся к ананьинскому времени (А.В. Збруева, 1952, с. 40–41). Так же укладывали пояс в могилах кара-абызской культуры – в IV–II вв. до н. э. (А.Х. Пшеничнюк, 1973, с. 178). Аналогичные находки были сделаны на многих памятниках чегандинской культуры: Чеганда II (20 захоронений), Юлдашевском могильнике (6), Ныргында II (4), Афонинском (5), Ново-Сасыкульском (5 случаев) и на других памятниках (Б.Б. Агеев, 1992, с. 26). Этот обычай, зафиксированный в одной пятой части всех могил, явление весьма характерное для III–V вв. (О.В. Арматынская, 1991, с. 100).

Другой интересный обряд связан с помещением в могилу набора дополнительных украшений: браслетов, височных подвесок, гривен, ожерелий из бус и пронизок, а также мелких орудий: шильев, ножей. Они названы жертвенными комплексами не совсем удачно. Это, конечно, не жертвы, это – подарки умершей жене, невесте, мужу, сыну для загробной жизни. По современным представлениям правильнее было бы их назвать подарочными наборами. По наблюдениям А.Х. Пшеничнюка, этот обычай – класть кучкой некоторые дополнительные украшения в могилу – возник у кара-абызского населения в III–II вв. до н. э., а окончательно оформился к рубежу эр (1973, с. 178). Такие подарки отмечены и в могильниках чегандинской культуры: Кушулевском III, Ново-Сасыкульском, Старо-Киргизовском, Урманавском, Ныргында I, II, Афонинском и др. (Б.Б. Агеев, 1992, с. 25–26). В III–V вв. этот обряд стал особенно популярным. Почти 20% всех могил этого времени содержат подарочные наборы (О.В. Арматынская, 1991, с. 100). На отдельных памятниках этот показатель значительно выше среднего: на Мазунинском он равен 31,9%, на Тарасовском – 27,1%. Известны находки двух и трех наборов в одной могиле с числом вещей более 20. Подарочные наборы более всего характерны для женских могил, в мужских могилах они редки (4,3% – Т.И. Останина, 1983). Подобные на-

боры были распространены и в других финно-угорских культурах: худяковской, ванвиздинской, городецкой, ломоватовской и др. По мнению Т.В. Истоминой, жертвенные комплексы – подарочные наборы – особенность финских культур лесной полосы Европы (1982, с. 78–87).

В мужских могилах были найдены железные ножи (рис. 100–12, 13), костяные (рис. 100–2–9), бронзовые и железные наконечники стрел и копий, колчаные крючки, мечи (рис. 100–19, 20) или детали их оформления (рис. 100–17, 18), части конской упряжи, удила (рис. 100–14), каменные точила и тому подобное. Большинство мужчин, судя по материалам могильника, были пешими воинами и имели вооружение в виде копья или лука со стрелами. Но примерно пятую часть мужского населения составляли всадники. У них, кроме копья и лука со стрелами, могли быть еще топор или меч. Некоторые мужчины, видимо, занимавшие особо высокое положение в обществе, обладали кольчугой или защитным панцирем или шлемом.

Число вещей в женских могилах переходит иногда за 300. Характерный предмет женского костюма удмуртского Прикамья – эполетообразная застежка (рис. 101–27, 102–20), названная так по форме, застежка служила для скрепления поясного ремня. Эполетообразные застежки – визитные карточки древнеудмуртского населения, так как именно здесь древние мастера придумали такую форму застежки и делали ее в разных вариантах более тысячи лет (от III в. до н. э. до VII в. н. э.). Она состоит из круглого диска, как правило, орнаментированного, намертво прикрепленного к кожаному поясу и соединенного бронзовыми жгутами с треугольной пластиной, на обратной стороне которой находился бронзовый крючок. За него и зацепляли петлю, закрепленную на другом конце ремня. Ранние экземпляры эполетообразных застежек имеют длину 4,5 см, наиболее поздние – 35 см. К настоящему времени известно 190 экземпляров таких застежек, происходящих из 49 па-

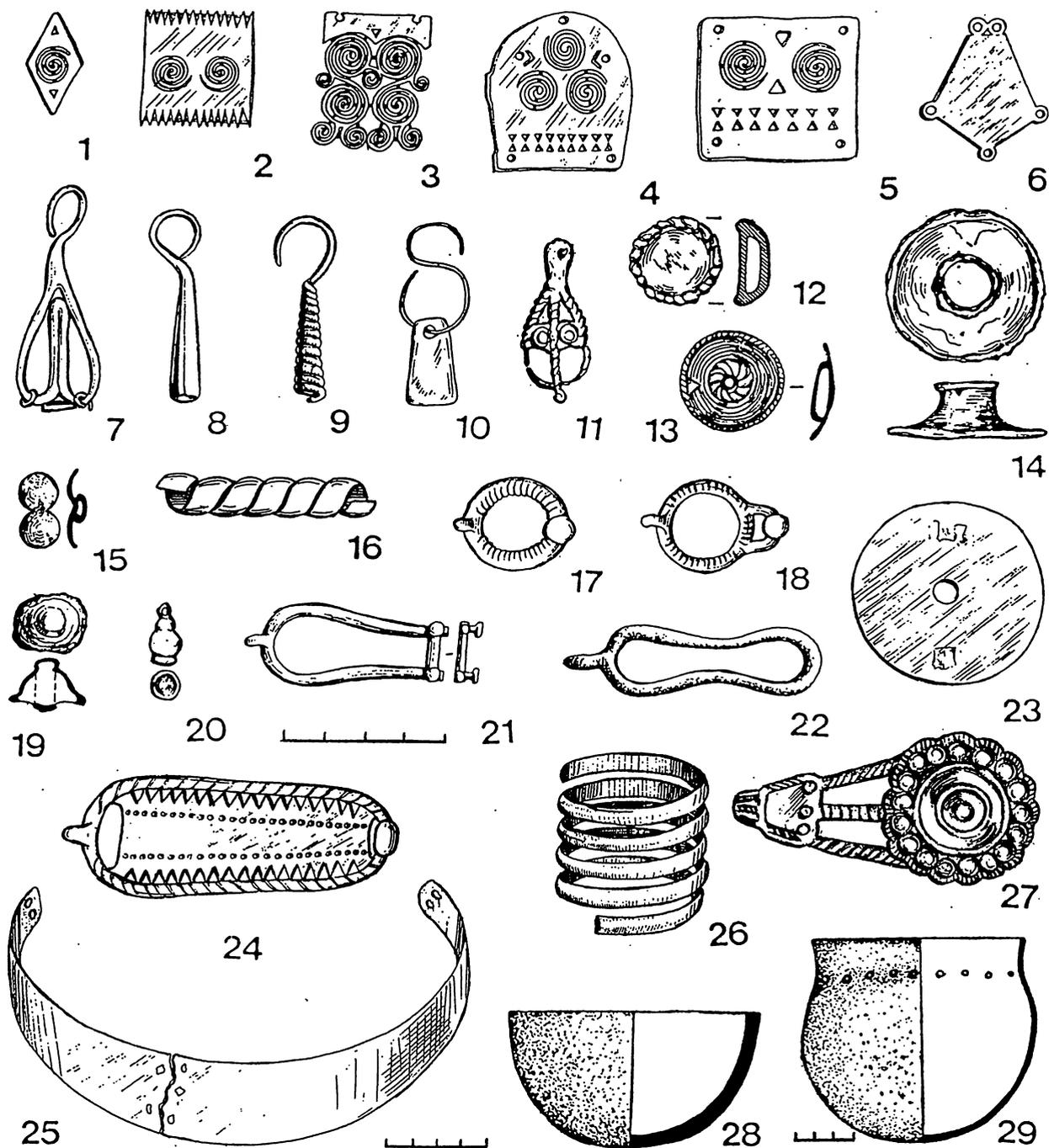

Рис. 101. Предметы иксской стадии чегандинской культуры (II-I вв. до н. э.).

1-5, 15 - накладки; 6, 20 - подвески; 7-11 - височные подвески; 12-14, 19, 23 - бляшки; 16 - произка;
 17, 18, 21, 22, 24 - застегивки с неподвижным крючком; 25 - кокошник; 26 - браслет;
 27 - эполетообразная застегивка; 28, 29 - сосуды. 1-9, 15-18, 21-26 - Чегандинский II;
 10-14, 19, 20, 28, 29 - Икский I; 27 - Нырғындынский II могильники. 1-27 - бронза; 28, 29 - глина

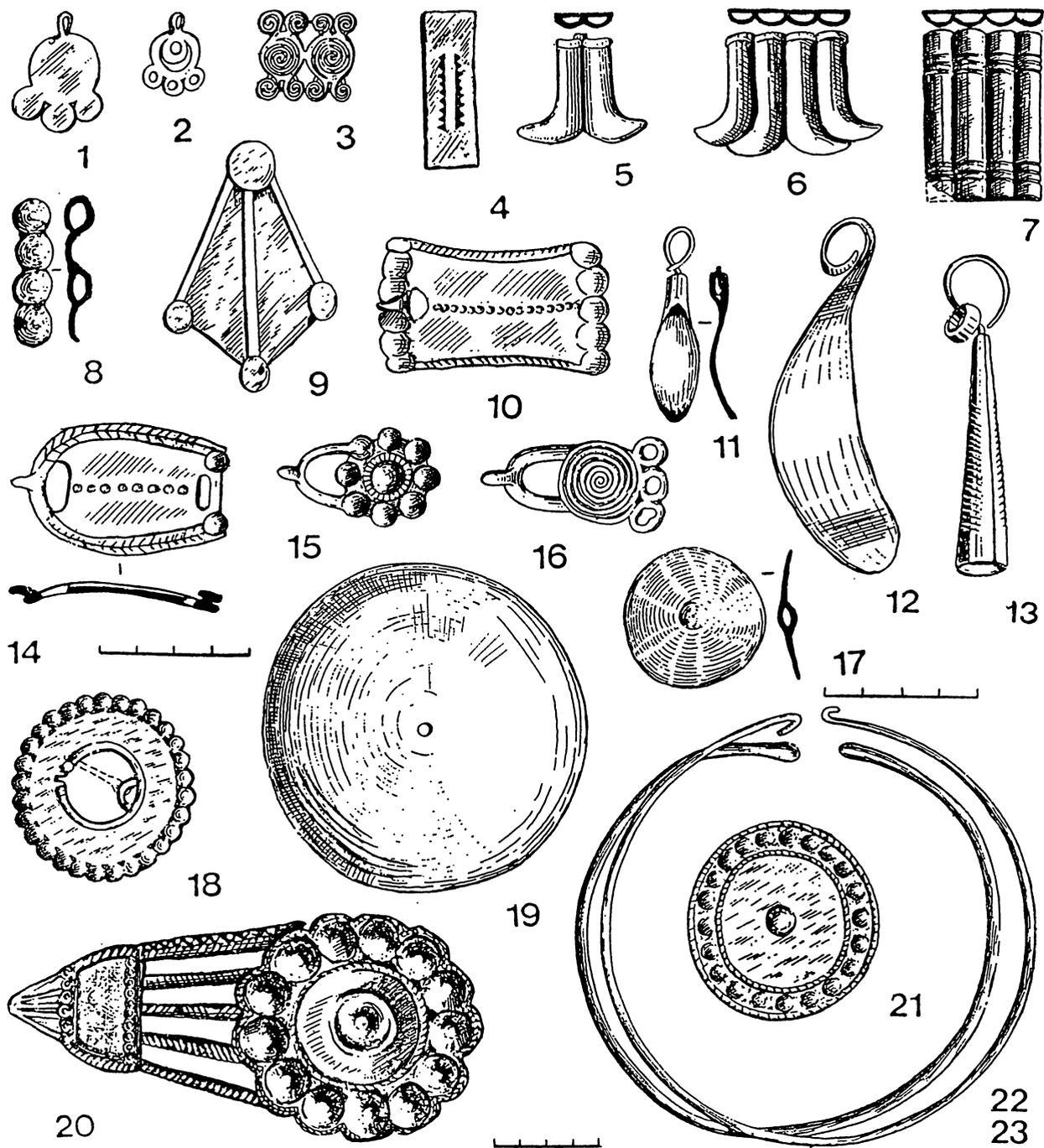

Рис. 102. Предметы афанасьевской стадии чегандинской культуры (I-II вв. н. э.).
 1, 2 – подвески; 3, 4, 8 – накладки; 5–7 – прощизки; 9 – подвеска; 10, 14–16 – застегивки с неподвижным крючком;
 11–13 – височные подвески; 17 – накладка; 18 – фибула; 19, 21 – нагрудная бляха;
 20 – эполетообразная застегивка; 22, 23 – гривны. 1–5, 8, 9, 11–13, 15–23 – Чеганда II;
 6, 7, 10 – Пьяноборский; 14 – Уялдык могильники. 1–12, 14–23 – бронза; 13 – бронза, стекло

мятников (Т.А. Лаптева, 1995). Типология и картографирование этих предметов показали, что они возникли в чегандинской культуре в III–II вв. до н. э., как на левом, так и на правом берегу Камы, получив дальнейшее развитие в первой половине I тыс. н. э. на правобережье Камы и на Вятке, а в середине и второй половине I тыс. н. э. они продолжали бытовать на Вятке и в Среднем Поволжье (там же, рис. 1).

Судя по материалам могильников, на голове чегандинские дамы носили платок, покрытый сверху повязкой из ткани, украшенной бронзовыми бляшками или бусами, или кокошником из тонких медных пластин (рис. 101–25, 104–1, 5, 7). В женских захоронениях встречались височные подвески. Они были похожи на конические трубицы или овальные пластины (рис. 101–7–11; 102–11–13). Височные подвески – предшественники современных сережек. Но поскольку они были очень массивны, то не вдевались в мочки ушей, а подвешивались к головному убору или надевались с помощью ремешков на ушную раковину (рис. 104–2, 3, 5–7). Женщины любили носить их даже не по одной, а по 2–3 с каждой стороны. Число их достигает иногда 12 экземпляров. Украшения шеи – гривны (рис. 102–22), ожерелья из бус, медных подвесок (рис. 102–1, 2) и бляшек. Руки украшали перстнями и браслетами (рис. 101–26), как бронзовыми, так и железными. Нижняя одежда в области груди была украшена нагрудниками различных вариантов (рис. 104–2), верхняя – крупными, круглыми бляхами (рис. 101–23; 102–19, 21; 104–1, 5–7). Медными накладками (рис. 101–1–6; 102–3–7) и бляшками (рис. 101–12, 13, 15, 19; 102–8, 17) расшивали нагрудники, края подола, низ и среднюю линию рукавов. Верхняя одежда подпоясывалась ремнем с различными вариантами застежек (рис. 101–17, 18, 21, 22, 24; 102–14–16, 20), а на груди скреплялась застежками-фибулами (рис. 102–18; 107). Кожаные сапожки, украшенные пронизками (рис. 101–16), бусами, бляшками, наклад-

ками (рис. 102–10), стягивались на щиколотке ремешками с бронзовыми застежками.

Антропологические материалы чегандинской культуры известны относительно неплохо (М.С. Акимова, 1961, 1968) и это дало возможность М.С. Акимовой сформулировать тезис о преемственности антропологических типов Прикамья от ананьинской общности через пьяноборскую (чегандинскую) к современным финноязычным и отчасти тюркоязычным народам Поволжья и Приуралья (1961, 1962, 1963, 1968). Формирование прикамского морфологического пласта с преобладанием европеоидных черт в основном завершилось в пьянобарскую эпоху – к концу I тысячелетия до н. э. (М.С. Акимова, 1968).

Глиняная посуда чегандинской культуры хорошо известна как по материалам могильников (рис. 105), так и поселений (рис. 106). Наиболее представительные серии происходят с городища Чеганда I, Ныргында II (В.Ф. Генинг, 1970, с. 84–88), Зуево-Ключевского I, а также Барановского I, Быргындинских IV (Г.Н. Ключева, 1984) и V (Р.Д. Голдина, 1976) селищ. Керамика позднего, мазунинского этапа чегандинской культуры хорошо известна по раскопкам Яромасского городища (О.А. Казанцева, 1987, с. 138–142), а также Постольского, Сосновского, Чужьяловского городищ (В.А. Иванов, Т.И. Останина, 1983, с. 120–123). Посуда из восьми могильников чегандинской культуры тщательно исследована О.А. Казанцевой (1996) с помощью технико-технологического анализа, который позволил дать многостороннюю ее характеристику, невозможную при визуальном изучении. Это пока единственный в Прикамье опыт столь многокомпонентного анализа древней керамики. Выяснилось, что для изготовления посуды использовалась местная природная ожелезненная глина высокой пластичности. В глину добавляли измельченные обломки раковин пресноводных моллюсков, шамот, сухую глину, кальцинированные кости. Чаще всего использовался в качестве примеси птичий помет. Этот рецепт суще-

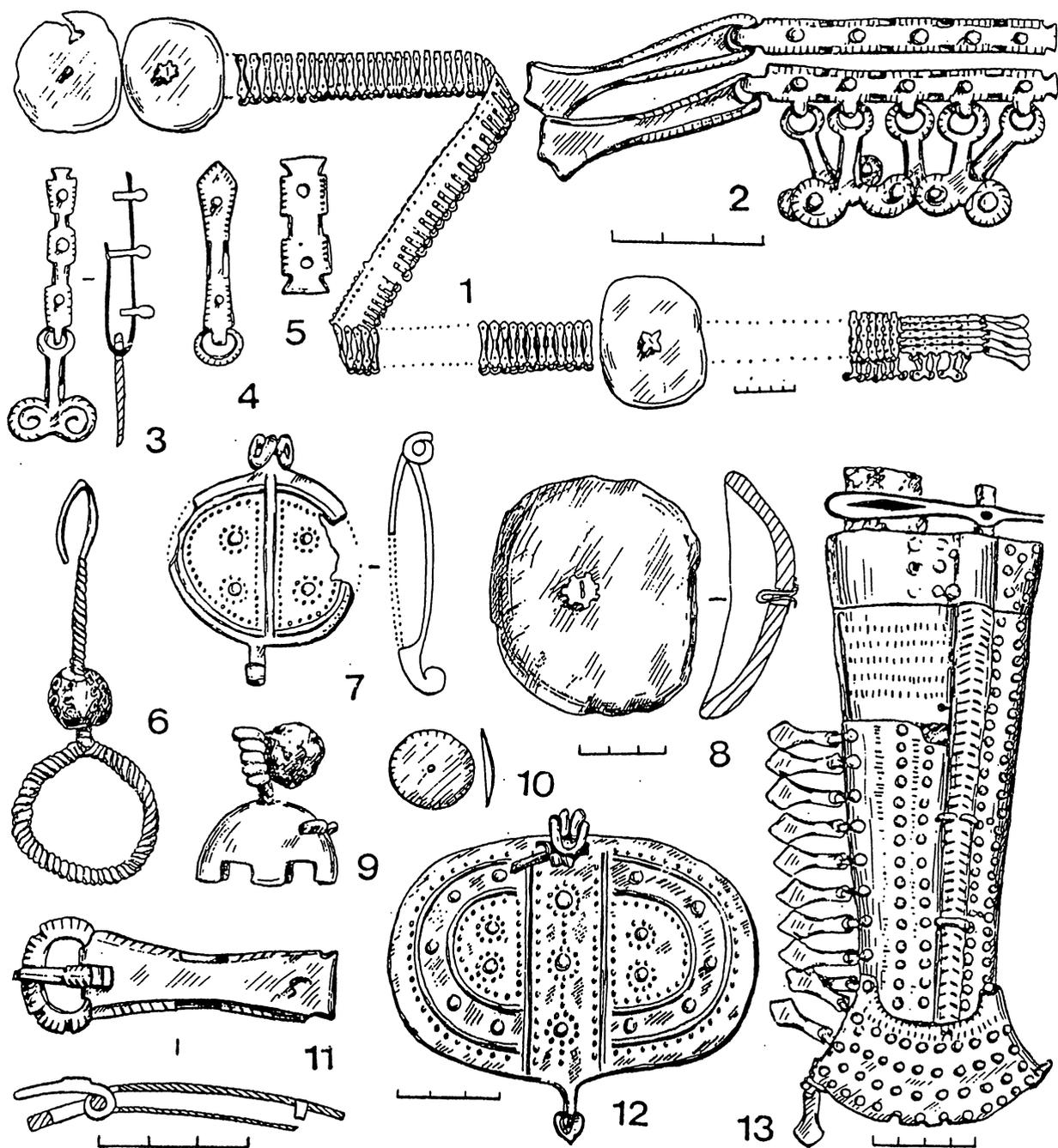

Рис. 103. Предметы мазунинской стадии чегандинской культуры из погребений Тарасовского могильника (III–V вв. н. э.).

1 – пояс с накладками, наконечником и бляхами; 2 – наконечник ремня; 3–5 – накладки;
 6 – височная подвеска; 7, 12 – фибулы; 8 – раковина-каури; 9 – проишка; 10 – бляшка; 11 – пряжка;
 13 – пошны. 1 – кожа, бронза, раковина; 2–5, 7, 9–12 – бронза; 6 – бронза, стекло; 8 – раковина, бронза;
 13 – дерево, бронза

Рис. 104. Реконструкции женского костюма и использования украшений по материалам памятников чегандинской культуры. Реконструкции выполнены В.Ф. Гешигом

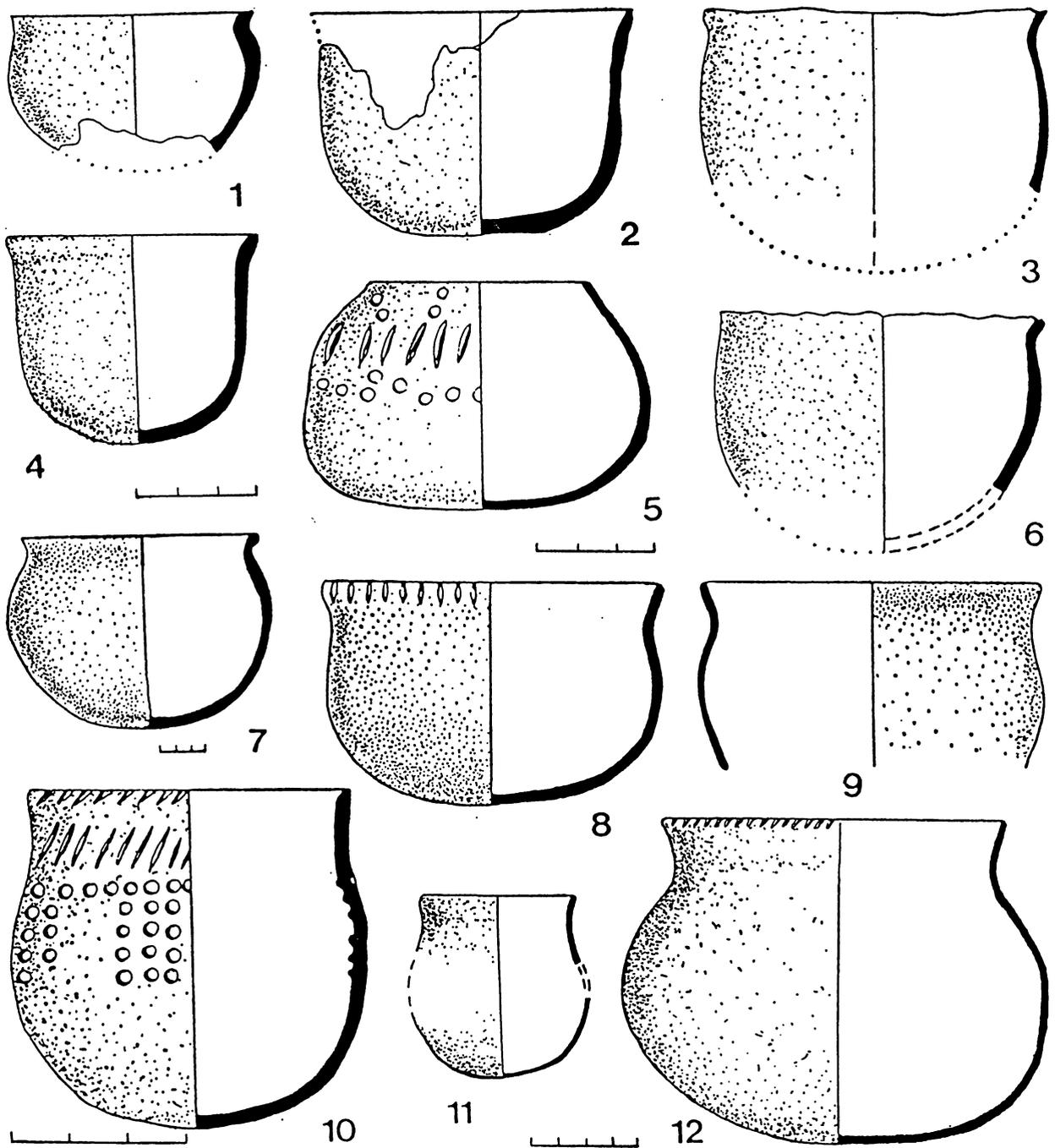

Рис. 105. Глиняная посуда мазунинского этапа чегаудинской культуры из погребений Тарасовского могильника (III–V вв. н. э.)

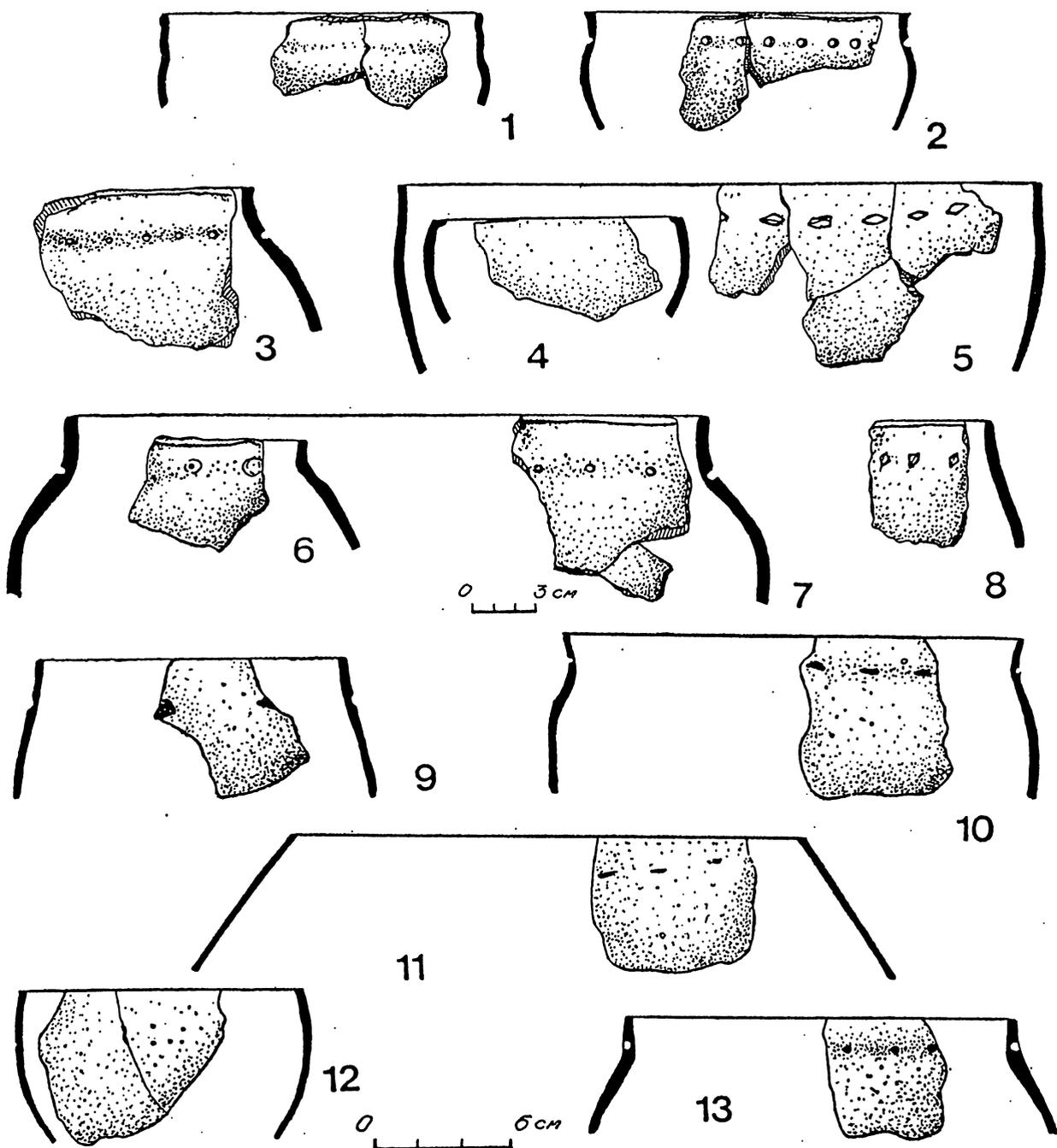

Рис. 106. Глиняная посуда поселений чегандинской культуры.
 1-8 - Быргындинское IV; 9-13 - Быргындинское V поселения

ствовал на протяжении всей первой половины I тыс. н. э. и, по-видимому, до и после этого времени. Кстати, это пока единственное свидетельство, что население разводило домашних птиц в Прикамье, ведь кости птиц, поскольку они очень мелкие, плохо сохраняются, да и с трудом извлекаются археологами из культурного слоя. Разводили скорее всего кур. О.А. Казанцевой зафиксированы и другие рецепты: «глина+птичий помет+сухая глина», «глина+раковина», «глина+птичий помет+шамот».

В результате исследования способов изготовления сосудов выявлены четыре основных технологии: 1 – изготовление днища и тела сосуда лоскутным налепом; 2 – изготовление днища лоскутным, а тела сосуда лоскутно-комковатым способом; 3 – изготовление донно-емкостного начина, а конструирование полого тела лоскутным налепом; 4 – создание донного монолитного начина при лоскутном налепе полого тела. Возможны и некоторые другие варианты технологических приемов.

Поверхность сосудов подвергалась механической обработке: заглаживанию, лощению, выбиванию, обвариванию для придания сосудам особой прочности.

По форме сосуды круглодонные с разной степенью профилированности верхней части (рис. 106–1–3, 6, 7, 10, 13) или без нее (рис. 106–4, 5, 8, 9, 11, 12). О.А. Казанцева считает, что по форме посуду можно разделить на три группы: средние (горшки), низкие (миски) и промежуточные (подражания горшкам или мискам) (1996, с. 15). Четких стандартов форм посуды не было, мастера действовали преимущественно интуитивно.

Орнаментирована посуда довольно скудно. Процент орнаментации колеблется от 38,5% посуды с могильников (О.А. Казанцева, 1996, с. 13) до 47,2%–60% сосудов с поселений (Г.Н. Клюева, 1984, с. 26; В.А. Иванов, Т.И. Останина, 1983, с. 120). В основном украшена шейка сосудов одним (рис. 106–2, 3, 5–11, 13) горизонтальным рядом редких круглых или ромбических ямок, реже оттисками

шнура, ногтей или гладкого штампа. В целом орнамент керамики чегандинской культуры может отражать фазу ремиссии после нарядной ананьинской перед новой – фазой расцвета орнаментальных композиций, которая наступит после VI в. н. э. Можно отметить, что в процессе развития культуры, от ее среднего этапа к позднему, орнамент сосудов тоже несколько усложнился: один ряд ямок сменился несколькими рядами и появились оттиски специального гладкого штампа.

Обжиг посуды – костровой, что проявилось в различной прокаленности стенок сосудов, а также пятнах разного цвета на их поверхности. По данным О.А. Казанцевой, посуда обожжена при температурах менее 470°C (1996, с. 19).

Таким образом, гончарное дело чегандинского времени находилось на стадии доремесленного гончарства, о чем свидетельствуют отсутствие гончарного круга, однородность и бедность форм, неразвитость технологических приемов, отсутствие специальных устройств для обжига керамики. Все эти признаки были присущи почти всем прикамским культурам до XIV–XV вв. н. э.

А.А. Спицын, первый отделив пьяноборские древности от других прикамских, датировал их V–VII вв. н. э. (Древности..., 1901, с. 7). Спустя 30 лет М.Г. Худяков, обобщив материалы Нырғындынских I и II могильников, датировал культуру II в. до н. э. – V в. н. э., разделив на три этапа: ранний – II–I вв. до н. э., средний – I–III вв. н. э. и поздний IV–V вв. н. э. (1933). Подобную точку зрения разделял и А.П. Смирнов (1949, с. 22). По мнению В.Ф. Генинга, чегандинская культура делится на 4 стадии: А – III–II вв. до н. э.; Б – I в. до н. э.; В – I в. н. э.; Г – II в. н. э., – и, таким образом, хронологические рубежи культуры – III в. до н. э. – II в. н. э. (1970, рис. 20). Начало культур эпохи переселения народов в Прикамье (азелинской, мазунинской, полумской и харинской) В.Ф. Генинг относил к III в. н. э. (1970, с. 90), а их конец – к V в. н. э. Правда, позднее хронологические оценки разных

культур по его схемам дифференцировались, в частности, азелинские комплексы он датировал III–IV вв., мазунинские – III–V вв., сомневаясь уже в III в., но, будучи уверен в IV в., харинские он отнес к V–VI вв., а полоумские – к первой половине VI в. (1979, с. 99–100 и схема).

Вопросами датировки и периодизации мазунинских древностей много занималась Т.И. Останина, которая рассматривает их как самостоятельную археологическую культуру III–V вв., разделенную на несколько стадий: 1-ю – III в., 2-ю – конец III – начало IV в., 3-ю – IV в., 4-ю – конец IV – начало V в. и 5-ю стадию – V в. н. э. (1983). Б.Б. Агеев, обобщив материалы по чегандинской культуре, накопленные к концу 80-х гг., датировал ее II в. до н. э. – III в. н. э., подразделяя на две стадии: раннюю (II в. до н. э. – I в. н. э.) и позднюю (II–III вв. н. э.). Мазунинские памятники, на его взгляд, образуют самостоятельную культуру и датируются IV–V вв. н. э. (1992, с. 79, 108). Р.Д. Голдина, анализируя памятники железного века Прикамья, пришла к выводу, что памятники пьяноборской общности, как в удмуртском Прикамье, так и на Вятке относятся к III в. до н. э. – V в. н. э. (1987, рис. 1).

Получив возможность изучать огромный археологический материал, накопленный более чем за 100 лет работы археологов на территории Прикамья, можно достаточно критично оценить точки зрения исследователей и отобрать наиболее аргументированные из них. Очевидно, в общих чертах следует признать правильной точку зрения на датировку пьяноборских древностей М.Г. Худякова и А.П. Смирнова – II в. до н. э. – V в. н. э. и деление их на три периода. Однако границы территории, рубежи периодов, количество памятников культуры с позиций современных исследований должны подвергнуться существенной корректировке. Начальная дата культуры может быть определена III–II вв. до н. э., а конечная – V в. н. э. – временем окончания функционирования многих памятников мазунинского типа.

Ранний этап культуры (III–I вв. до н. э.) достаточно четко обозначен стадиями А и Б, выделенными В.Ф. Генингом. Материалы этого времени хорошо известны по могильникам Чеганда II, Ныргында II, Икский (на правобережье Камы), а также Юлдашевский, Кушулевский III, Чиатавский, Камышлы-Тамакский, Уяндыкский I (на левом берегу р. Камы). Конец раннего этапа – рубеж эр – определен некоторыми изменениями в материальной культуре (В.Ф. Генинг, 1970, рис. 20). В это время заканчивает функционировать Икский могильник и основываются могильник Ныргында I и два самых крупных некрополя чегандинской культуры: Ново-Сасыкульский I–III вв. н. э. (415 захоронений) и Тарасовский I–V вв. н. э. (1879 могил). Поскольку наиболее четко в рамки раннего этапа укладываются материалы Икского могильника, предлагается назвать эту стадию икской. Попытка Б.Б. Агеева провести грань между первым и вторым этапами по концу I в. н. э. неубедительна, так как почти все могильники чегандинской культуры продолжали существовать и дальше – до II, III в., а иногда и позже. Использование лишь одного – Юлдашевского – могильника по датировке Б.Б. Агеева прекращается в начале II в. н. э. (1992, с. 74). Но, судя по плану раскопа этого памятника (А.Х. Пшеничнюк, 1986), найдена лишь его северная граница, и, вероятно, он существовал значительно дольше.

Средний этап культуры датируется I–II вв. н. э. Набор вещей этого времени достаточно выразителен (рис. 102). До конца периода продолжали использоваться могильники Чеганда II, Ныргында II, Чиатавский, Камышлы-Тамакский, Юлдашевский, Кушулевский III и др. Наиболее полно материалы этого этапа представлены в Афонинском могильнике, и, вероятно, будет правильным обозначить его как афонинский.

Заключительный этап развития чегандинской культуры – мазунинский – датируется, как показали исследования В.Ф. Генинга и Т.И. Останиной, III–V вв. н. э. Основываясь

на многочисленных новых материалах, следует признать генетическую связь чегандинского и мазунинского населения. Многие чегандинские памятники использовались в III в. и позже. Такие объекты известны как на левобережье Камы (Уяндык I, Ново-Сасыкульский могильники), так и на правобережье (Ныргында I, Афонино, Тарасово и др.). С этим обстоятельством – переходом чегандинских могильников в мазунинские – связана и попытка Б.Б. Агеева перенести границу между ними на конец III в., но в этом случае оказываются разорванными хронологически многие могильники III–V вв. (Бирский, Нивский, Мазунинский, Ижевский, Тарасовский и др.), а мазунинская культура оказывается датированной лишь IV–V вв. н. э. (1992, с. 108). Так мы скоро будем для каждого столетия выделять отдельную культуру!

Существование памятников длительного бытования (Тарасовский – I–V вв., Бирский – III–VII вв., Ижевский – III–V вв., Ныргында I – I–III вв. н. э.) убеждает в спокойном, плавном развитии материальной культуры местного населения до V в. н. э., и нет никаких оснований отделять мазунинские комплексы от чегандинских. Свообразие их (рис. 103) определяется хронологическими изменениями, воздействием соседей, но не сменой общественно-экономического уклада или населения. Тщательный анализ и сопоставление погребальных обрядов ананьинской, чегандинской культур и мазунинского типа, выполненный О.В. Арматинской, показал, что ананьинские и чегандинские могильники имеют коэффициент сходства 87,6%, а чегандинские и мазунинские – 91,8% (1991, рис. 3). Поэтому, признавая оригинальность материалов III–V вв., считаю возможным рассматривать их как характеризующие позднюю стадию чегандинской культуры. Существование же в это время могильников короткого периода бытования (Нивский, Мазунинский – III–IV вв., Чепанихинский – III в., Покровский, Усть-Сарапульский, Тураевский I – IV–V вв.) объясняется возросшей плотностью населения и ос-

воением новых территорий. Такие памятники известны не только в удмуртском Прикамье, но и в Башкирии (Ангасякский, Югомашевский, Старо-Кабановский и другие могильники). Таким образом, чегандинская культура Прикамья датируется III–II вв. до н. э. – V в. н. э. и проходит в своем развитии три этапа: ранний – III–I вв. до н. э., средний – I–II вв. н. э. и поздний – III–V вв. н. э.

4.2.3. Худяковская культура – вятский вариант пьяноборской общности

Памятники послеананьинского времени на р. Вятке стали известны почти одновременно с пьяноборскими могильниками. В 1877 г. был открыт в ее низовьях, а в 1881 г. исследован С.К. Кузнецовым могильник Атамановы Кости. Здесь были собраны несколько подвесок, застёжек, другие изделия и большая эполетообразная застёжка (С.К. Кузнецов, 1884).

Некоторые из вятских городищ, содержащих материал пьяноборского времени, были осмотрены в 1859 г. П.В. Алабиным (Никульчинское) (1865), в 80-е гг. XIX в. В.М. Малаховым (1882, 1882а), П.А. Пономаревым, А.А. Штукенбергом и почти все А.А. Спицыным (1881, 1887). В 20–30-е гг. были исследованы и могильники пьяноборского времени на р. Вятке: Сунцовский, Воробьевский (М.Г. Худяков, 1929), Вичмарский (там же; Е.И. Горюнова, 1934а), Азелинский (М.Г. Худяков, 1934), Мари-Луговской (Е.И. Горюнова, 1934) и др. Эти материалы и послужили той источниковой базой, на которой сложилась концепция М.Г. Худякова и А.П. Смирнова о пьяноборской эпохе Камско-Вятского края в рамках III в. до н. э. – V в. н. э.

В 50-х гг. в бассейне р. Вятки на памятниках изучаемого времени проводил исследование В.Ф. Генинг. Им были получены интересные материалы на Азелинском, Суворовском могильниках и Буйском городище (1963, 1979). В это же время А.Х. Халиков продолжал раскопки Мари-Луговского могильника (1962).

Эти новые яркие материалы позволили В.Ф. Генингу выдвинуть свою гипотезу о

судьбах постананьинского населения на Вятке: он считал, что вятские ананьинцы, оставив эту территорию, не имели здесь последователей, и долгое время – до III в. н. э., почти полтысячелетия – она оставалась безлюдной. В III в. н. э. в связи с продвижением в Прикамье западносибирских групп угорского происхождения, которые разгромили чегандинский союз в устье Белой, вятское побережье было заселено убежавшим от разгрома чегандинским населением. Спасшиеся чегандинские группы и основали здесь азелинскую культуру, которая просуществовала лишь три столетия – III–V вв. (В.Ф. Генинг, 1963, 1970). Накопленные в последние два десятилетия материалы как вятских, так и прикамских памятников не дают основания для подтверждения этой гипотезы. Во-первых, выявляется все больше памятников ананьинского и послеананьинского времени на Вятке, а, во-вторых, следов разгрома чегандинского союза не обнаружено. Более того, в удмуртском Прикамье естественная численность населения в IV–V вв. возросла вследствие дальнейшего развития производительных сил и стабильных жизненных условий, что подтверждается значительным количеством памятников этого времени.

Накопление источников пошло более быстрыми темпами в 70–90-е гг., так как на Вятке начали работать несколько экспедиций. В частности, в 1970–1979 гг. экспедицией Института археологии АН СССР под руководством С.В. Ошибкиной были проведены большие раскопки на могильнике Тюм-Тюм (1979).

В 1976 г. Л.А. Наговицыным (экспедиция УдНИИ) было исследовано несколько погребений на Городищенском могильнике (Л.А. Наговицын, В.А. Семенов, 1978). Наиболее существенный вклад в изучение памятников пьяноборского времени на Вятке был внесен Камско-Вятской экспедицией Удмуртского университета. Ее сотрудники провели широкомасштабные разведки в бассейне р. Вятки и выявили сотни новых археологических па-

мятников, в том числе и пьяноборского времени. Кроме того, были проведены крупные исследования на Никульчинском (Л.Д. Макаров, 1979, 1981 гг.), Буйском (Л.И. Ашихмина, 1976, 1978–1979 гг., Н.И. Леконцева, 1977), Аргыжском (Е.М. Черных, 1988–1989 гг.), Кривоборском (Н.А. Лещинская, 1987 г.) городищах, а также на Первомайском (Л.Д. Макаров, 1986–1987 гг., Р.Д. Голдина, 1988), Худяковском (Л.Д. Макаров, 1976, 1978 гг., Р.Д. Голдина, 1979–1980 гг.), Ошкинском (Н.А. Лещинская, 1986–1987 гг.), Кордон (Н.А. Лещинская, 1984) могильниках. Полученные материалы позволили утверждать, что вятское население обитало на этой территории без какого-либо перерыва: ананьинские памятники перерастали в последующие вплоть до начала II тыс. н. э. Памятники постананьинского времени на Вятке были выделены Р.Д. Голдиной в худяковскую культуру II в. до н. э. – V в. н. э. (1987, с. 13–14).

В.Ф. Генинг определял территорию азелинской культуры III–V вв. как Волго-Вятское междуречье от устья Вятки до р. Пижмы, отмечая концентрацию памятников на месте современных Уржумского и Малмыжского районов Кировской области (1963, с. 14). Пока трудно судить о том, входят ли в территорию худяковской культуры низовья Камы и прилегающая часть Поволжья. Это станет возможным лишь после полной публикации материалов памятников этого края. Сейчас же уверенно можно говорить, что худяковская культура располагалась на Вятке и ее притоках. Северная граница ее проходила несколько севернее устья р. Чепцы (Первомайский могильник), а южная по устью р. Казанки (могильник Кордон). При этом памятники отмечены как на крупных, так и мелких притоках Вятки.

К настоящему времени на пяти вятских городищах достоверно выявлен послеананьинский слой: Никульчинском, Кривоборском, Буйском, Ройском (Ройский шихан) и Аргыжском. На Буйском и Ройском вскрыта почти вся площадка. К пьяноборской эпохе на Буй-

ском городище Л.И. Ашихминой отнесены десять человеческих скелетов (среди них один ребенка), обнаруженные возле вала. У восьми костяков отсутствуют черепа (Л.И. Ашихмина, Е.М. Черных, 1989, с. 197–201). С этими же остатками связаны два клада. Один из них располагался в юго-восточной части памятника и состоял из бронзовых украшений: нагрудника, ажурных накладок, сдвоенных бляшек пьяноборского типа и железного кельта – и датирован Н.А. Лещинской II–III вв. н. э.

Другой клад найден в северо-западной части городища возле вала, в яме под очагом, в которой компактно лежали (рис. 107–2) 9 железных наконечников копий (рис. 107–7), 186 железных кельтов (рис. 107–3, 4, 6) и 5 бронзовых гривен (рис. 107–5). Западнее очага лежал костяк мужчины, захороненного вытянуто на спине, с вытянутой вдоль тела левой рукой и слегка согнутой в локте правой. Кисти рук, ног и таза раздроблены, череп отсутствует. Как предполагает Л.И. Ашихмина, скелет принадлежал кузнецу – владельцу вещей. Количество (186) и стандартность изделий свидетельствуют о массовом ремесленном производстве железных изделий. Подобная мотыга была найдена на городище Чеганда I. По мнению Л.И. Ашихминой, клад имеет широкую дату – IV–III вв. до н. э. – II–III вв. н. э., хотя автору предпочтительнее верхняя (Л.И. Ашихмина, 1987, с. 118).

Подобные находки обнаружены и на Аргыжском городище. В разных частях памятника располагались 5 групповых захоронений. На некоторых видны следы обугливания. Могильные ямы отсутствуют, в двух случаях скелеты без черепов, в одном – не было костей правой руки и обеих ступней. В одном случае двое умерших были уложены друг на друга головами в противоположные стороны с поднятыми к голове руками. Справа от них положили еще двух умерших, на боку, ногами друг к другу. В погребении 5 два подростка были уложены «валетом», один обезглавлен (Л.И. Ашихмина, Е.М. Черных, 1989). Сопровождающих вещей нет, лишь в погребении 1

слева от черепа лежал костяной наконечник стрелы, а в погребении 4 около левой бедренной кости – железный.

На городище обнаружен и клад. Как считает Е.М. Черных, предметы были скорее потеряны, чем зарыты. В числе их: бронзовая эполетообразная застежка, арочная шумящая подвеска, подвески и ожерелья из бус и бисера, бабочковидная фибула, кожаный ремень с бронзовыми накладками, две круглые бляхи, обломок височной подвески, железные удила, серп, стамеска, ложкарь. На всех этих памятниках собраны и, довольно большие, керамические коллекции, относящиеся к худяковской культуре.

Особое значение имеют исследования на Кривоборском городище в низовьях р. Чепцы, проведенные в 1987 г. Н.А. Лещинской. Здесь тоже была собрана весьма значительная коллекция керамического материала, которая В.В. Ванчиковым уверенно датирована III–I вв. до н. э. – рубежом н. э. (1995, с. 5), что позволяет, наконец, отбросить все сомнения относительно лакуны между ананьинскими и худяковскими древностями на Вятке. Думаю, что в дальнейшем этот материал будет все более и более накапливаться.

Глиняная посуда – лепная. Тесто содержит примесь песка, растительных остатков и мелко толченых раковин. Посуда в основном чашевидной формы со слабо- или непрофилированным верхом (рис. 108, 109). Орнамент скуден и выполнен в виде насечек по венчику (рис. 109–1, 3, 4, 12), либо в виде одного или нескольких рядов ямочных вдавлений по верхней части сосудов (рис. 108–2; 109–2–7, 11, 12, 18). Редко для украшения посуды использовали гребенчатый штамп (рис. 108–3, 4, 6; 109–14) или шнур (рис. 109–10, 17). В целом посуда напоминает чегандинскую.

Могильники худяковской культуры известны сравнительно неплохо. В разных местах вятского бассейна их изучено более десятка: Ошкинский, Первомайский, Худяковский, Городищенский, Азелинский, Суворовский, Воробьевский, Вичмарский, Атамановы Ко-

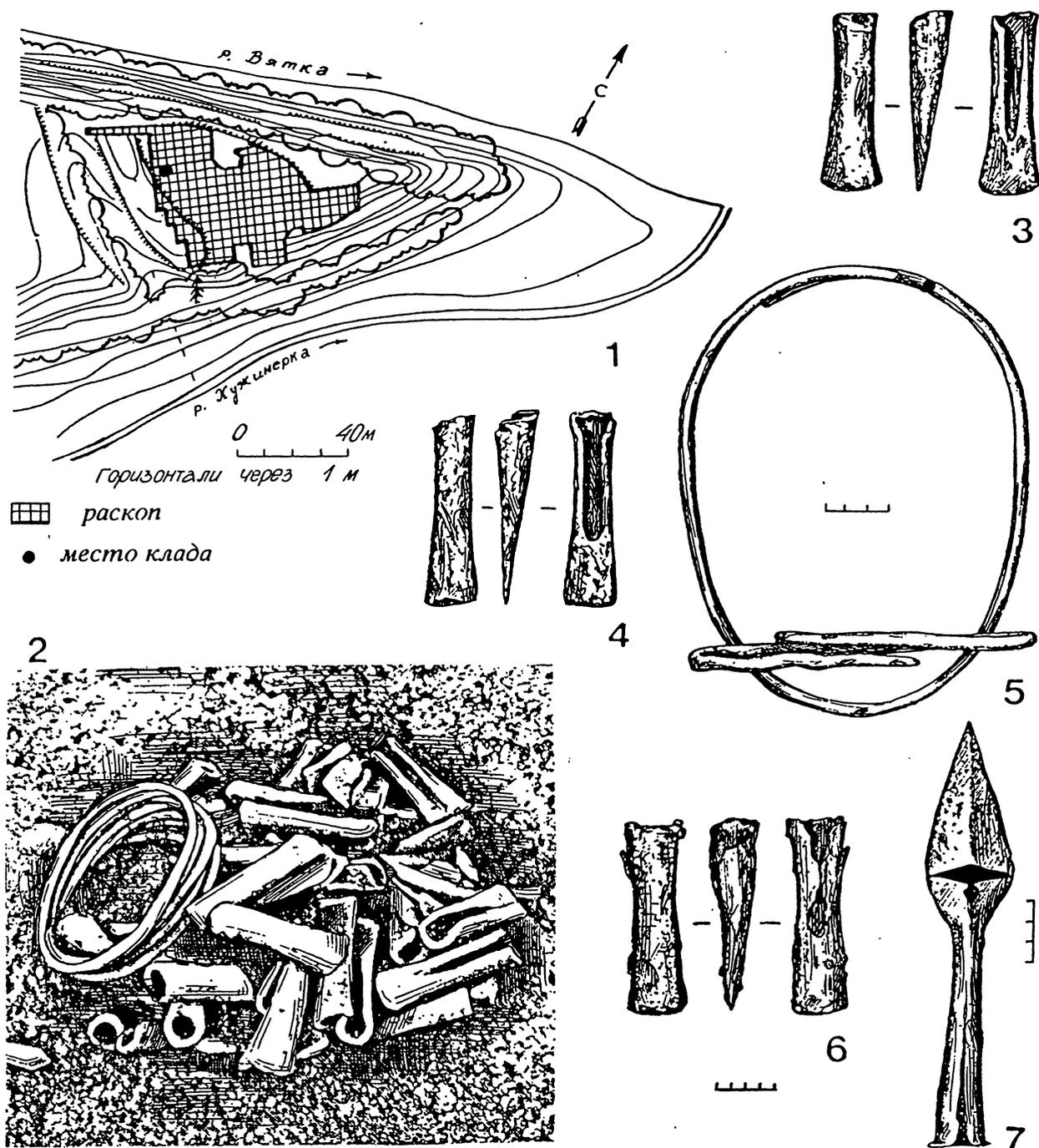

Рис. 107. Буйское городище.
 1 — топографический план; 2 — клад №2; 3, 4, 6 — кельты; 5 — гривна; 7 — наконечник копья.
 3, 4, 6, 7 — железо; 5 — бронза (по Л.И. Ашихминой)

сти, Тюм-Тюм, Уржумский, Кордон и др. Большинство памятников исследовано частично. Все они бескурганные, без следов могил на поверхности, расположены, как правило, на мысах коренного берега или низких надпойменных террасах (рис. 110–2). Могильники небольшие: от 30 (рис. 111–1) до 120 (рис. 110–3, 4) могил. Кроме того, площадки многих из них разрушены, и эти цифры весьма условны. Н.А. Лещинской отмечено рядовое и групповое расположение могил. При раскопках иногда зафиксированы надмогильные сооружения типа сруба. Захоронения чаще всего индивидуальные, но встречаются и коллективные (Азелино, Суворово, Тюм-Тюм). Зафиксированы и следы от столбиков от оградок (Худяки). Размеры могильных ям обычны для прикамских некрополей и соответствуют размерам умершего. Для могил худяковской культуры типичны неглубокие захоронения – 0,55 м (Н.А. Лещинская, 1995, с. 12). В отдельных случаях зафиксированы следы подстилки из бересты, войлока, рогажи, а также дощатые гробовища.

Основной способ захоронения – труположение (рис. 111–2–4). Умерших укладывали вытянуто на спине, руки вдоль тела или слегка согнуты, головой на север, реже – на юг. Украшения располагали так, как они использовались в костюме при жизни. Отмечен и обряд подарков умершим, которые складывали в I–III вв. н. э. в эполетообразную застежку, а с середины III в. – в берестяной короб с дном, покрытым тканью или мехом (там же, с. 14). В III–V вв. появился обряд трупосожжения, при котором кремация производилась на стороне, без вещей (Р.Д. Голдина, 1987а, с. 41–63; Н.А. Лещинская, 1987, с. 64–80). Затем остатки сожжения – кальцинированные кости, угли, золу, а также сопровождающий инвентарь – складывали в могилу по мере ее засыпки. Отмечены случаи неполной кремации: в некоторых могилах зафиксированы кусочки черепных костей, зубы, мелкие сырые кости.

На могильниках с биобрядностью (Худяки, Кордон) особенно проявился существовав-

ший у худяковцев культ огня – остатки погребальных костров в засыпи и на дне могил, возле них, а также сожженных покойных.

Как и в чегандинских, в худяковских могильниках очень много вещей, иногда до трех или четырех сотен. Среди них множество поясных и обувных застежек: сначала с неподвижным крючком (рис. 112–7, 9, 11, 16; 113–11, 12), позже – разные варианты пряжек (рис. 114–11, 12, 15–18; 115–1–3; 116–11, 16, 17, 18, 19; 117–6–9, 13). Как и в удмуртском Прикамье, весьма популярны были эполетообразные застежки (рис. 112–15; 116–14), различные варианты сюльгам (рис. 113–13, 14, 15; 115–9–10; 116–4, 6), подвесок (рис. 112–1–2; 113–4–6; 116–1; 117–11). У худяковского населения были весьма распространены подвески-коньки (рис. 113–17, 18; 116–9; 117–15). Изображения лошадей в галопе встречались и на бронзовых нагрудниках (рис. 113–16; 115–7). В бронзе старались изобразить представителей лесной фауны – медведей (рис. 113–1, 2), куницу (рис. 117–4).

Значительно раньше, чем в остальном Прикамье, на Вятке появились шумящие подвески (рис. 116–2; 117–1–3, 12, 14–16). Здесь сложился свой оригинальный стиль бронзового литья – высокохудожественный, с множеством мелких изящных деталей (рис. 113–17, 18; 117–1, 12, 14). Имелись и свои формы височных подвесок (рис. 112–12; 113–7–9; 114–6–8; 116–7), напоминающих чегандинские, но оригинальнее. Руки украшали браслетами (рис. 112–13, 14; 116–12, 13) и перстнями (рис. 116–8), шею – ожерельями из бус и подвесок (рис. 117–11) и гривнами (рис. 116–15; 117–18). Оригинальны специальные накладки-наколенники (рис. 114–19). Пожалуй, более близки чегандинским детали поясной гарнитуры: накладки (рис. 112–3, 4; 114–3, 4, 13, 14), некоторые типы пряжек (рис. 117–6–9) и наконечников ремней (рис. 117–5).

Накопленный к настоящему времени огромный материал из памятников постананьинского времени на Вятке, скрупулезно собранный и проанализированный с помощью

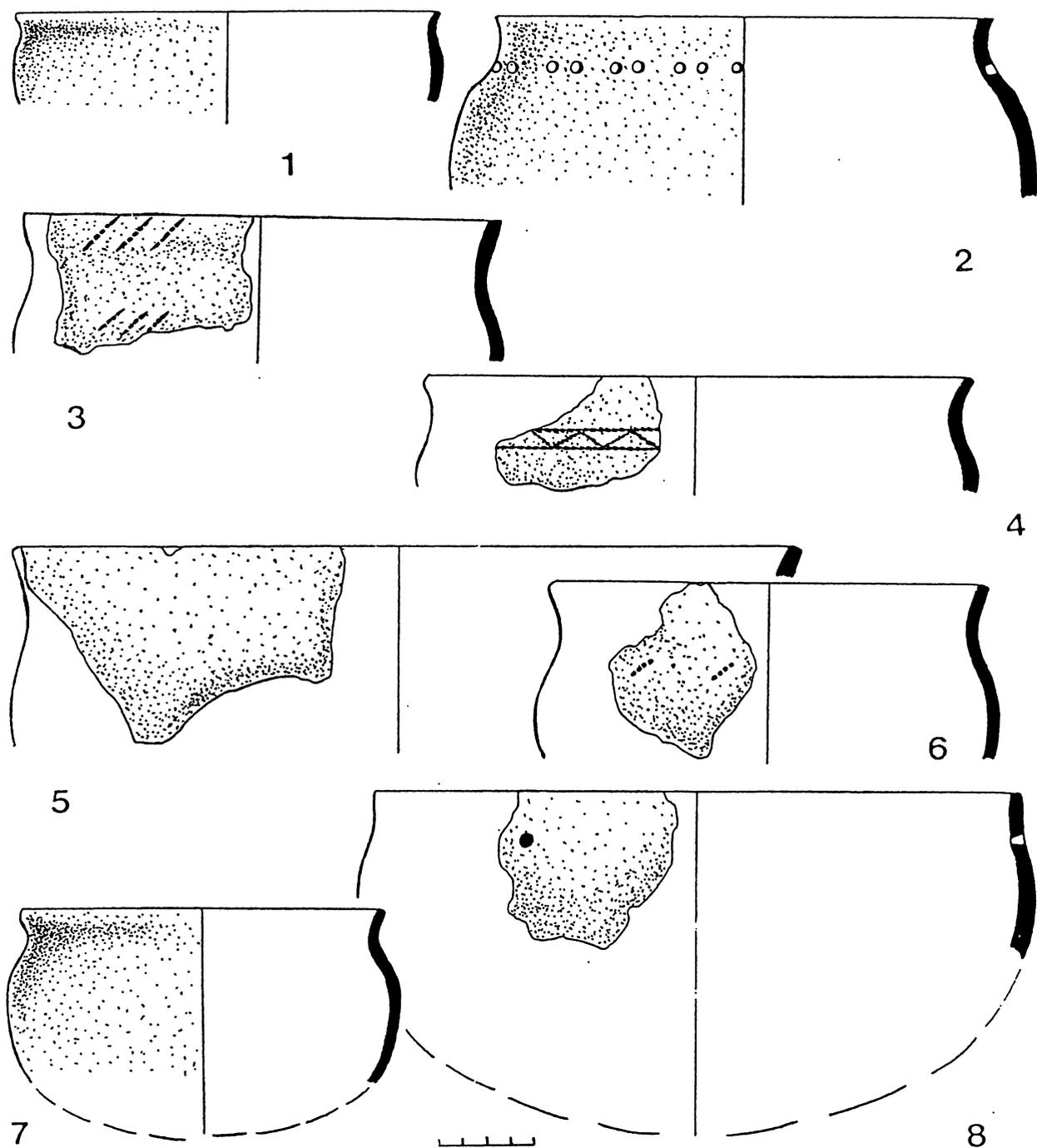

Рис. 108. Глиняная посуда худяковской культуры. Кривоборское городище (по В.В. Ванчикову)

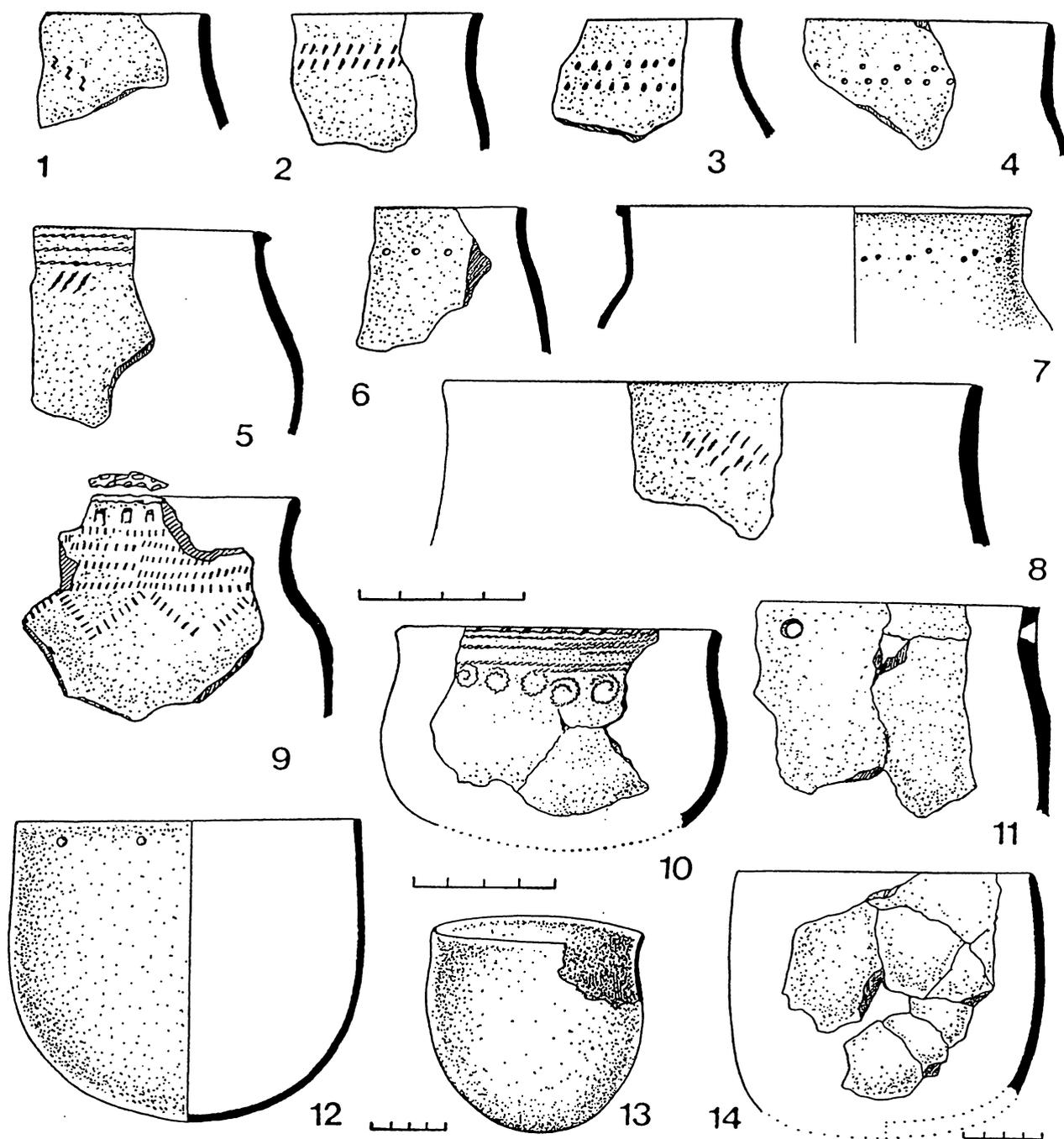

Рис. 109. Глиняная посуда худяковской культуры.
 1-8 - Буйское городище; 9-11 - Первомайский могильник; 12 - Худяковский могильник;
 13 - Кубашевское городище; 14 - могильник Кордои

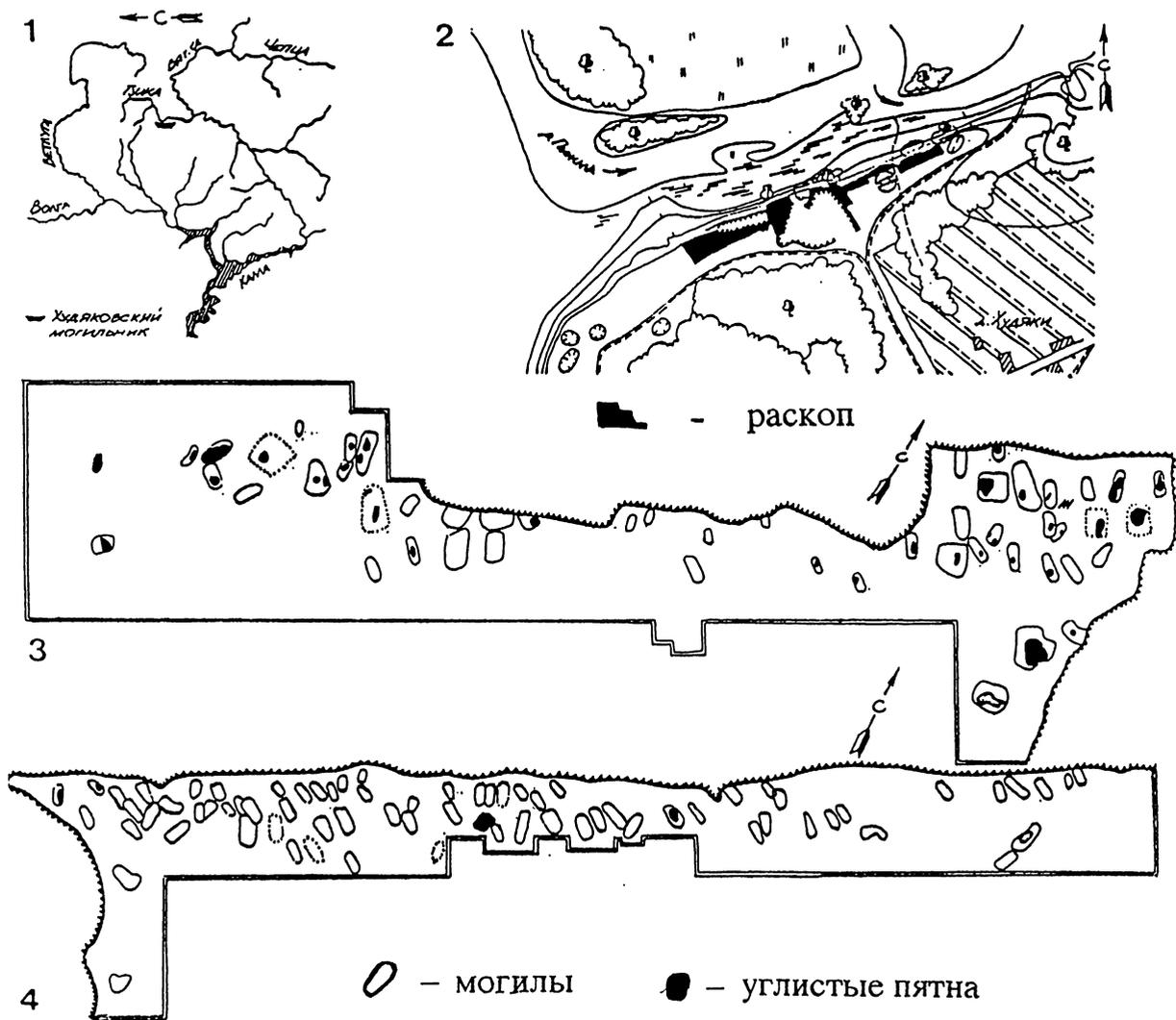

Рис. 110. Худяковский могильник.
1 — схема размещения; 2 — топографический план; 3, 4 — планы раскопов

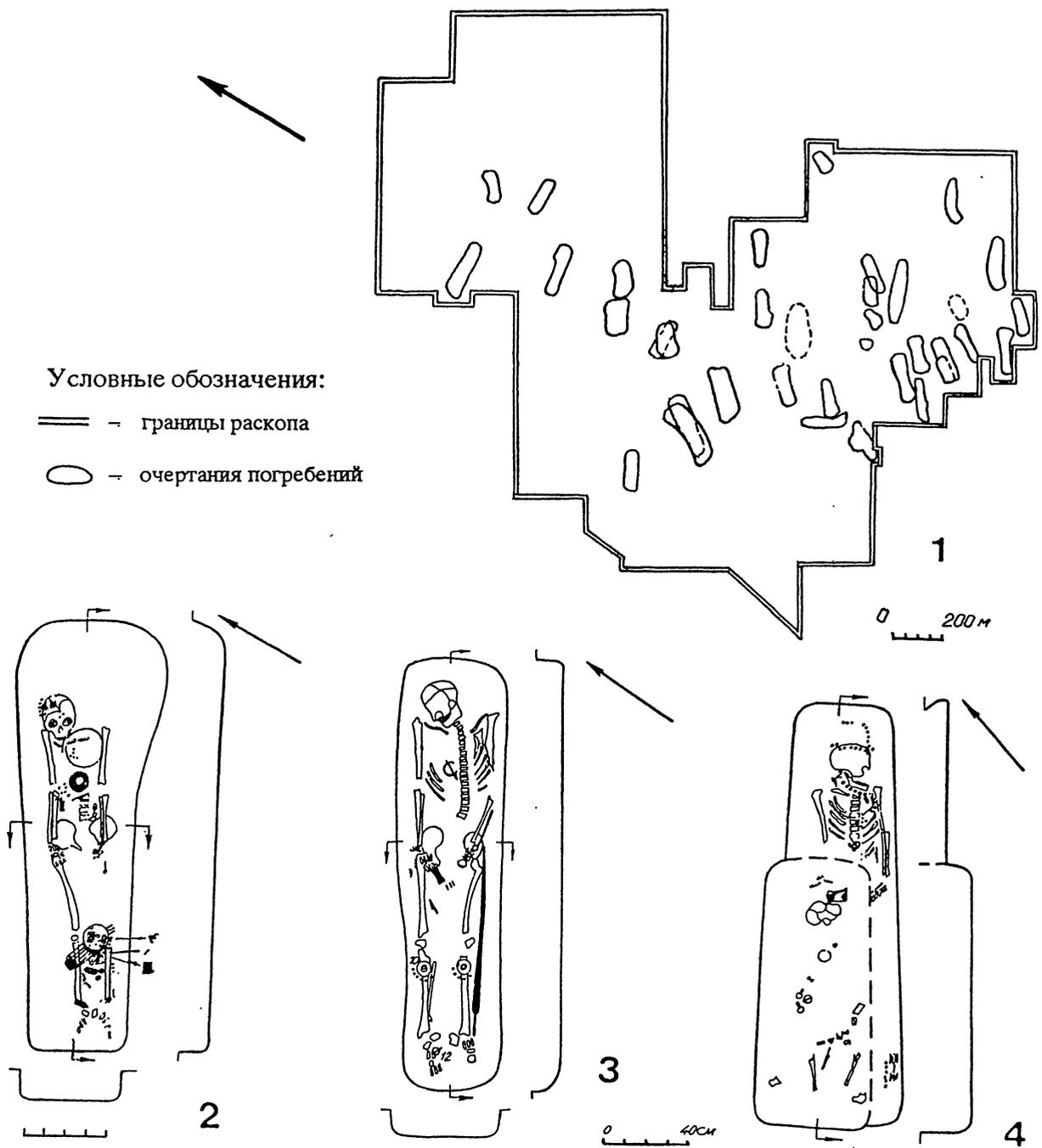

Рис. 111. Ошкинский могильник.
 1 – план раскопа; 2–4 – планы погребений 28, 27, 17 и 32 (по Н.А. Лецинской)

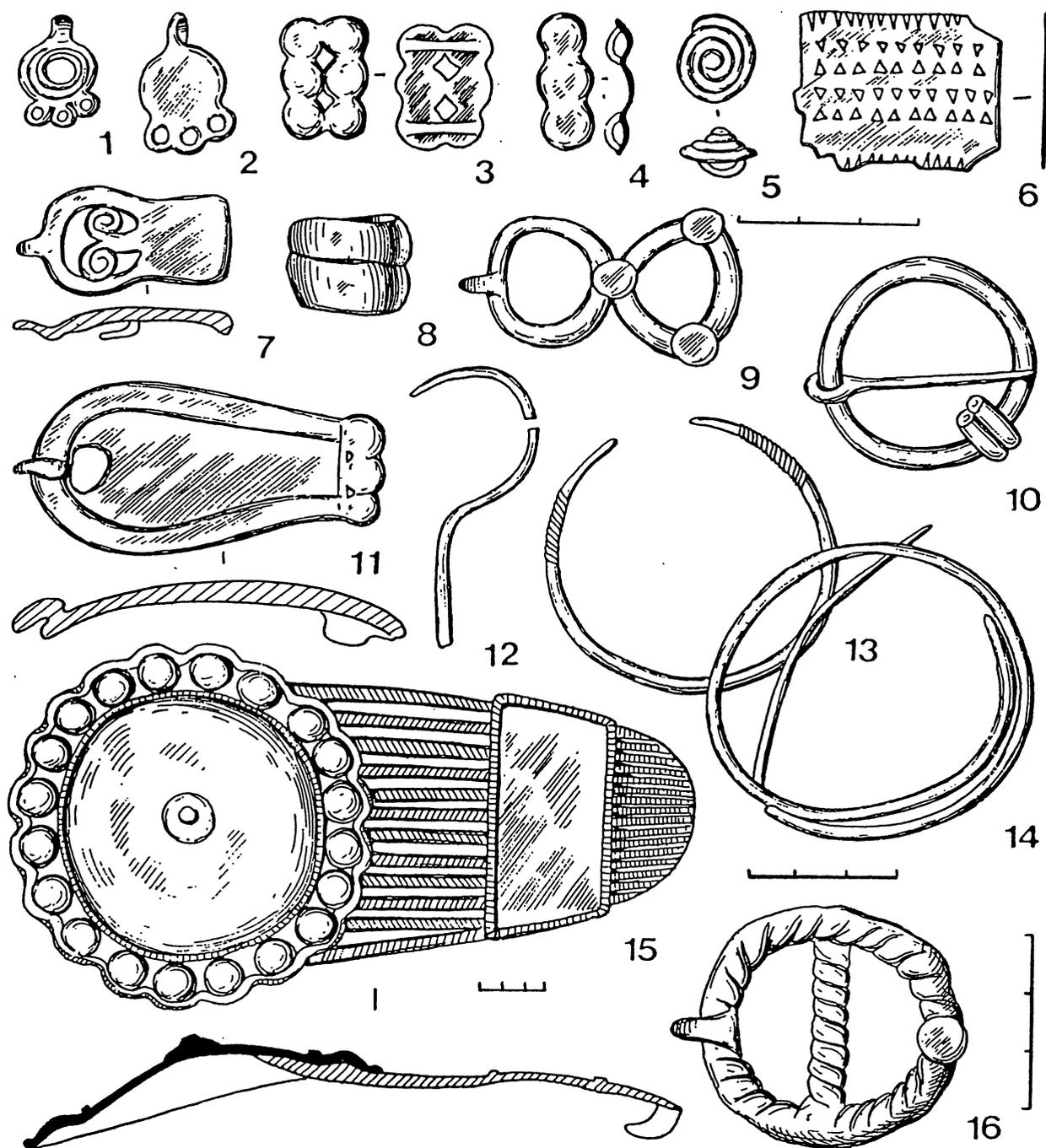

Рис. 112. Бронзовые украшения ошкинского этапа худяковской культуры (I-II вв. н. э.) (по Н.А. Лецинской).

1, 2 – подвески; 3–5 – бляшки; 6 – накладка; 7, 9, 11, 16 – застёжки; 8 – перстень; 10 – сольгама; 12 – височная подвеска; 13, 14 – браслеты; 15 – эполетообразная застёжка.

1–16 – бронза. 1–5, 7, 8, 10, 11, 13–16 – Ошкинский; 6, 9, 12 – Первомайский могильники

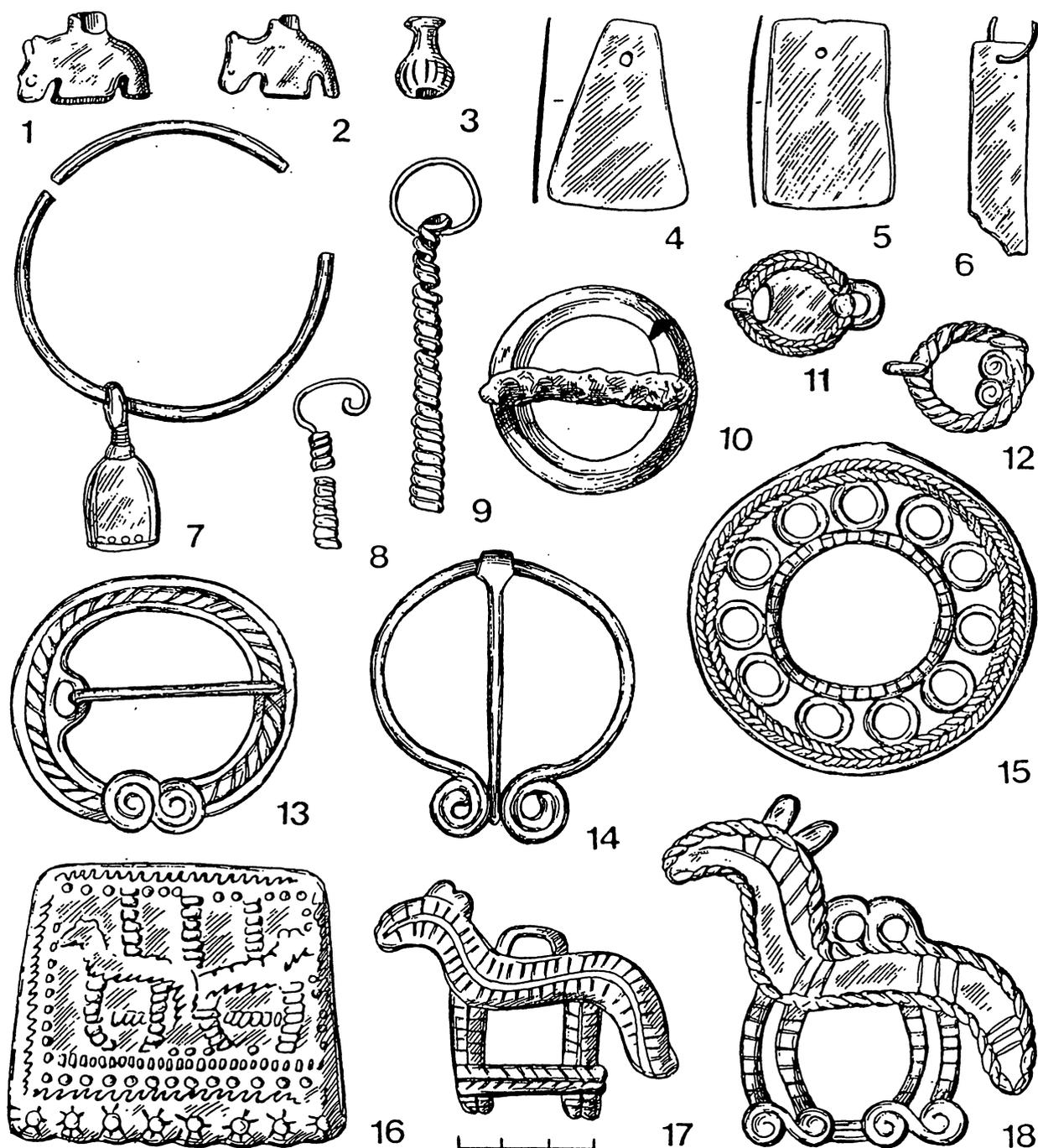

Рис. 113. Бронзовые украшения ошкинского этапа худяковской культуры
(вторая половина II – начало III в. н. э.) (по Н.А. Лецинской).

1-3 – прощизки; 4-6, 15, 17, 18 – подвески; 7 – браслет; 8, 9 – височные подвески; 10 – пряжка;
11, 12 – застёжки; 13, 14 – сьюльгамы; 16 – нагрудник. 1, 2, 7, 11, 15 – Первомайский;
3-6, 8-10, 12-14, 16-18 – Ошкинский могильники. 1-9, 11-18 – бронза; 10 – бронза, железо

современных методов Н.А. Лещинской, позволил ей не только обосновать рубежи худяковской культуры III в. до н. э. – V в. н. э., но и выделить мелкие, в пределах столетия, стадии развития этой культуры (1995а). Благодаря этой работе древности вятского края послеананьинского и средневекового времени стали эталонными для синхронных культур лесной полосы Евразии.

Худяковская культура, как и чегандинская, делится на три этапа. Ранний (III–I вв. до н. э.) пока выявлен слабо. Представлен керамическими комплексами и вещами Кривоборского, Буйского, Никульчинского городищ и несколькими погребениями Первомайского могильника. Возможное название раннего этапа до открытия крупного могильника этого времени – *первомайский*. Малое число материалов еще не повод, чтобы говорить о хронологической лакуне, ведь еще совсем недавно не были известны и материалы I–II вв. н. э.

Второй этап (I – начало III в. н. э.) выделен Н.А. Лещинской под названием *ошкинский* по Ошкинскому могильнику. К нему отнесены также некоторые погребения Первомайского, Худяковского, Городищенского, Воробьевского, Атамановы Кости, Кордон могильников (рис. 112, 113) (1995, с. 17). Материальная культура этого этапа несет на себе явный отпечаток преемственности с ананьинско-пьяноборской (эполетообразные застежки с неподвижным крючком, бляшки и др.).

Третья стадия – *азелинская* (III–V вв. н. э.) – хорошо представлена материалами Азелинского, Суворовского, Худяковского, Тюм-Тюм, Кордон и других могильников, а также Аргыжского и Буйского городищ. В это время оформился оригинальный костюмный комплекс азелинского типа с использованием кожаных поясов, украшенных трехсоставными пряжками с фасетированными пластинами, характерными накладками, длинными кистями-пронизьями, прикрепленными к поясу (рис. 118–4). Костюм дополняли большие бронзовые нагрудники (рис. 118–3), гривны, браслеты, оригинальные шапочки типа «та-

кья», сшитые из грубой шерсти и сплошь расшитые медными накладками, пронизками и бусами (рис. 118–1–3). Выявляется типологическая преемственность материалов всех этапов. Многие могильники функционировали без резкой смены погребального обряда, что подтверждает гипотезу о развитии вятского варианта пьяноборской общности без особых инокультурных воздействий.

4.2.4. Кара-абызская культура в северо-западной Башкирии

Один из вариантов пьяноборской общности, расположенный на р. Белой, известен как кара-абызская культура. Она занимала правобережье среднего течения р. Белой от г. Бирска на севере, до с. Табынского на юге. Отдельные находки известны за пределами очерченного региона. Впервые комплекс кара-абызского типа был выявлен В.В. Гольмстен в 1910–1912 гг. при раскопках Чёртова городища и могильника за его валом в г. Уфе (Р.Б. Ахмеров, 1952). В 1928 г. А.В. Шмидт, раскапывавший городище Кара-Абыз возле г. Благовещенска, подтвердил существование на р. Белой особой культуры, родственной ананьинской (1929). В 50–70-е гг. широкие раскопки на памятниках этого типа проводили Г.В. Юсупова, Т.Н. Троицкая и особенно А.Х. Пшеничнюк. Обобщил материалы А.Х. Пшеничнюк (1964, 1967, 1973).

Известно 23 кара-абызских памятника: 11 городищ, 5 селищ и 7 могильников. Наиболее изучены Биктимировские городище и два могильника, Охлебининские городище и могильник, Ново-Уфимский могильник и селище Курмантау.

Городища расположены на высоких мысах, укреплены земляным валом и рвом, иногда двумя (Кара-Абыз) или тремя (Биктимировское) рядами обороны. Вал Биктимировского II городища выложен с наружной стороны каменными плитами. Площади городищ колеблются от 5 до 50 тыс. кв. м. Охлебининское II городище поражает своей величиной – 250 тыс. кв. м. На городищах сохранился мощный (0,5–2,4 м)

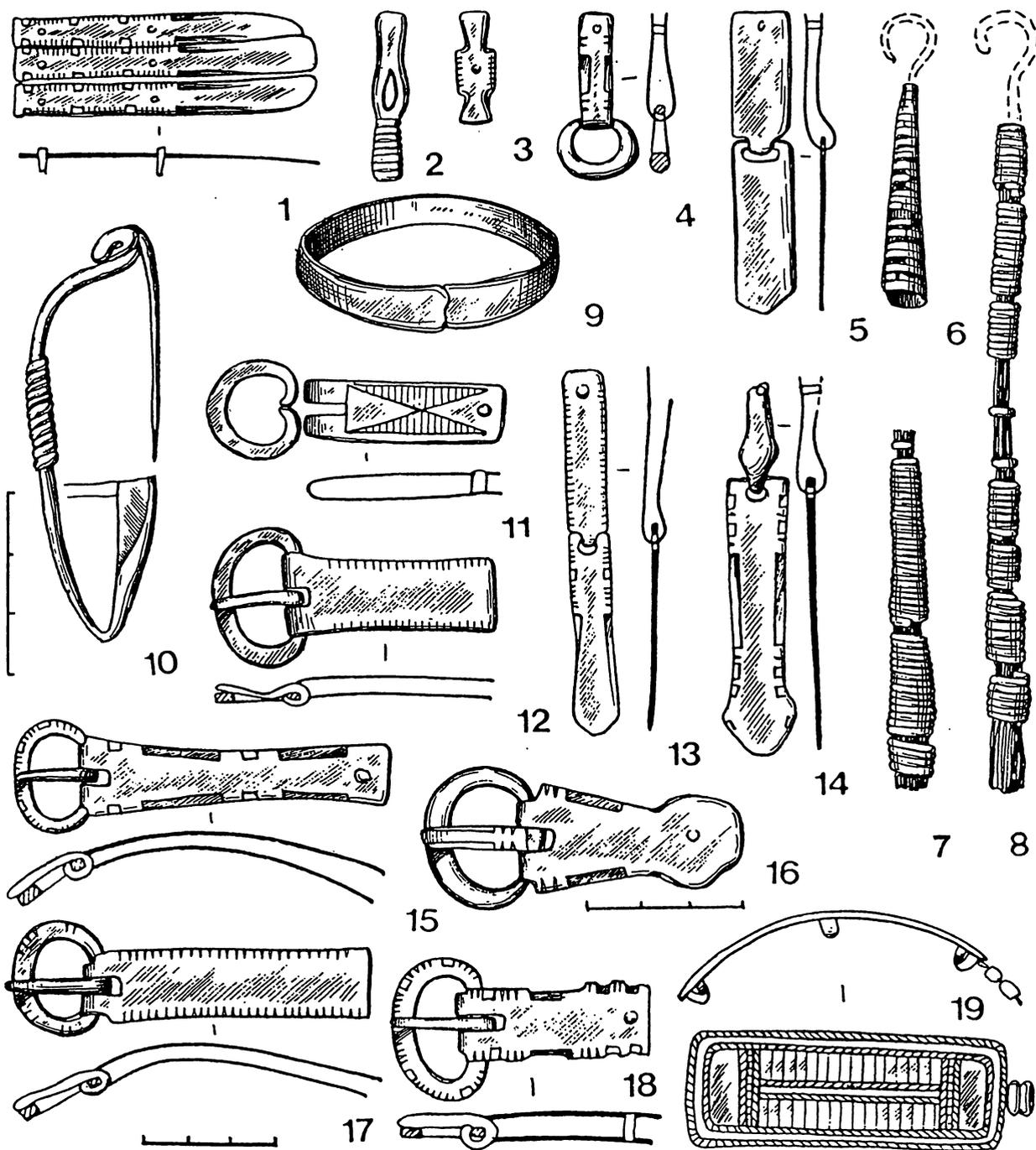

Рис. 114. Бронзовые украшения азелинского этапа худяковской культуры (III в. н. э.)
(по Н.А. Лецинской).

1 – накопечник ремня; 2 – подвеска-костылек; 3–5, 13, 14 – накладки; 6–8 – височные подвески; 9 – браслет;
10 – фибула; 11, 12, 15–18 – пряжки; 19 – накладка-наколенник. 1, 4, 7, 8, 11, 15, 16 – Худяковский;
2, 3, 5, 10, 12–14, 17, 18 – Ошкинский; 6, 9 – Кордон; 19 – Первомайский могильники.
1–5, 9–19 – бронза; 6–8 – бронза, дерево

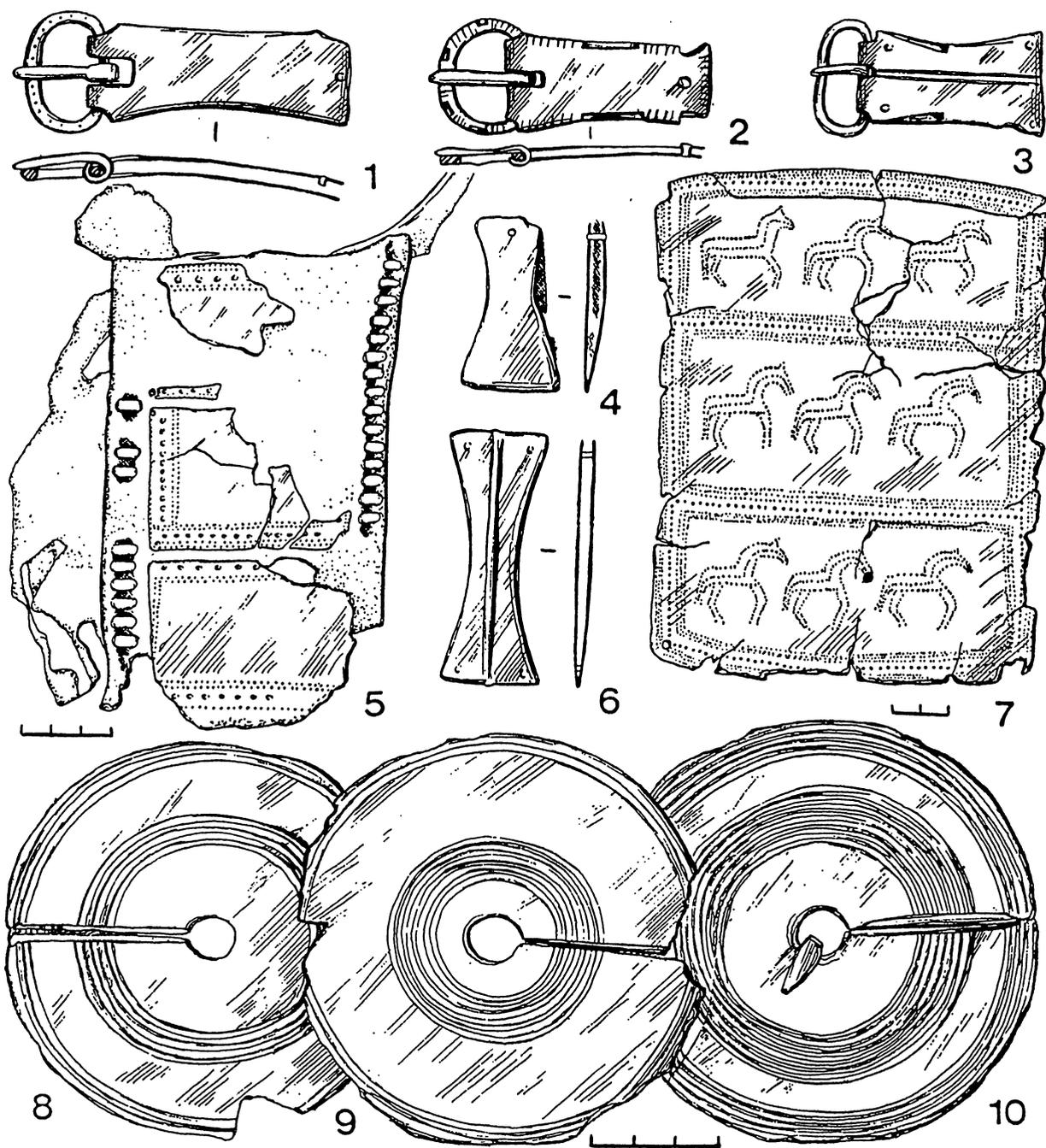

Рис. 115. Бронзовые украшения азелинского этапа худяковской культуры (III-IV вв. н. э.)
(по Н.А. Лецишской).

1-3 - пряжки; 4, 6 - наконечники ремней; 5, 7 - нагрудники; 8-10 - застёжки. 1, 7, 10 - Суворовский;
2 - Ошкитский; 3, 6 - Азелинский; 4 - Первомайский; 5, 9 - Худяковский; 8 - Мари-Луговской могильки.
1-3, 6-10 - бронза; 4 - бронза, кожа; 5 - бронза, кожа, ткань

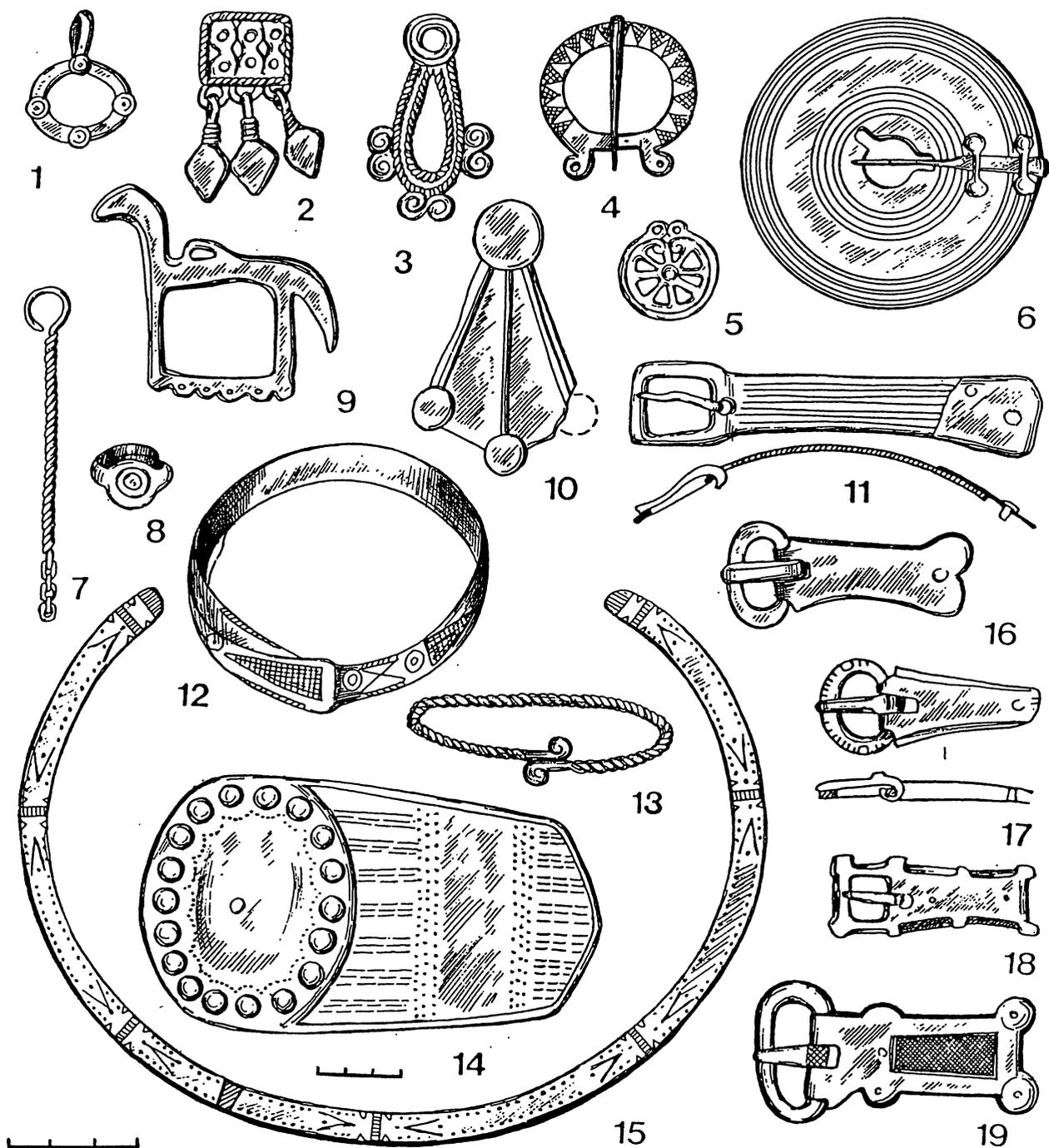

Рис. 116. Бронзовые украшения азелинского этапа худяковской культуры (IV в. н. э.)

(по Н.А. Лецинской).

1-3, 5, 9, 10 - подвески; 4 - стюльгама; 6 - застежка; 7 - височная подвеска; 8 - перстень; 11, 16-19 - пряжки;
 12, 13 - браслеты; 14 - фаллообразная застежка; 15 - гривна. 1, 5 - Тюм-Тюм;
 2, 6, 8, 9, 15, 18 - Суворовский; 3, 10 - Первомайский; 4, 7, 13, 14, 16 - Азелинский; 11, 12, 17 - Худяковский;
 19 - Мари-Луговской могильники

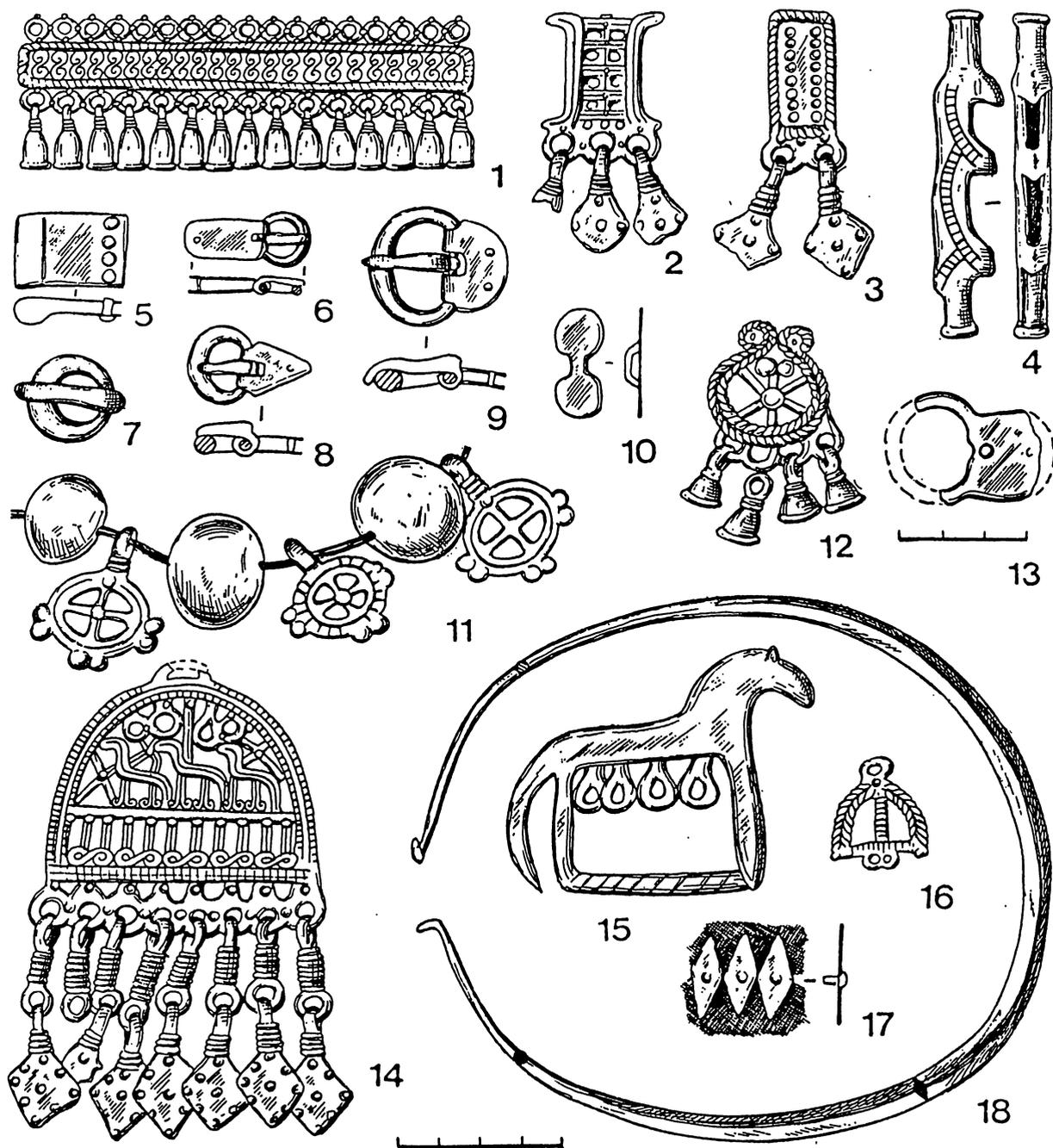

Рис. 117. Бронзовые украшения азелинского этапа худяковской культуры (V в. н. э.)
(по Н.А. Лецинской).

1-3, 12, 14-16 - подвески; 4 - прописка; 5 - наконечник ремня; 6-9, 13 - пряжки; 10, 17 - накладки;
11 - ожерелье из подвесок и бус; 18 - гривна. 1, 14 - Уржумский; 2, 4-9, 13, 18 - Первомайский;
3, 10-12, 15-17 - Тюм-Тюм могильники. 1-10, 12-16, 18 - бронза; 11, 17 - бронза, кожа

Рис. 118. Реконструкции эсенского костюма и использования украшений по материалам памятников азелинского этапа хуньковской культуры. Реконструкции выполнены В.Ф. Генингом

культурный слой, богатый остатками костей животных и фрагментами керамики. Селища расположены на низких террасах и отличаются слабым культурным слоем. Жилые сооружения пока не обнаружены.

Могильники бескурганые, за исключением ранних могил Шиповского некрополя, большие по числу захороненных, использовались на протяжении всей культуры. На Охлебининском могильнике выявлены случаи трех и даже четырех ярусов захоронений. Могильные ямы – простые, прямоугольные, довольно больших размеров, значительно превышающих размеры тела погребенных. На дне могил зафиксирована подстилка из луба или тонких дощечек. Около трети могил Охлебининского могильника обложены, чаще всего у дна, камнем. Покойных укладывали вытянуто на спине, ногами к реке, с вытянутыми, иногда подогнутыми ногами.

Инвентарь мужских и женских могил различается. В женских захоронениях встречаются различные варианты височных подвесок (рис. 119–8–11), ожерелья из бус, нагрудные и поясные подвески (рис. 119–19, 20), нагрудные бляхи (рис. 119–14), перстни (рис. 119–12). Очень популярны были различные пронизки и бляшки (рис. 119–13), украшавшие подол и рукава. Своеобразной деталью женского костюма были нагрудные подвески – «портупей» в виде двух кожаных ремней, украшенных бронзовыми обоймочками, круглыми бляхами и заканчивающиеся ажурными лировидными бляхами (рис. 119–2, 18). Не менее характерны широкие кожаные пояса с бронзовыми накладками (рис. 119–21). Иногда концы пояса снабжены большими круглыми бляхами (рис. 119–17). В качестве застежек использовались пряжки с неподвижным крючком (рис. 119–15–16). В ранних могилах пояса расположены вдоль погребенных, со II в. до н. э. умерших хоронили подпоясанными (А.Х. Пшеничнюк, 1973, с. 178).

В захоронениях мужчин обычны наконечники стрел (рис. 119–3–6) и копий, колчаные крючки, фрагменты поясов, реже – железные

мечи (рис. 119–23), иногда в ножнах (рис. 119–22), оселки, удила, проколки, костяные лопаточки.

Особенностью кара-абызского погребального обряда является также сопровождение умерших заупокойной пищей – мясом овцы или свиньи (берцовые или тазовые кости) и питьем или пищей в глиняных сосудах. В детских могилах находят кучки бараньих бабок – астрагалов (Археология Южного Урала..., с. 168).

Кара-абызская глиняная посуда – круглодонные, чашевидные сосуды с примесью раковины и песка в тесте, орнаментирована пояском ямок по шейке (рис. 120–1–8, 11), редко – оттисками гребенчатого штампа (рис. 120–7, 11) или шнура (рис. 120–8).

Кара-абызская культура, как считает А.Х. Пшеничнюк, сложилась на основе ананьинской с влиянием гафурийско-убаларских племен, которые оставили после себя горшковидную посуду с примесью талька и толченой раковины в тесте, с орнаментом в виде зигзагов, треугольников, сетки (рис. 120–10). Это население, по мнению одних ученых (К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, Н.А. Мажитов), – перешедшие к оседлости сарматы, по мнению других (В.Ф. Генинг, А.Х. Пшеничнюк), – угры.

Культура датирована А.Х. Пшеничнюком IV в. до н. э. – III в. н. э. и делится на 4 этапа: первый – IV–III вв. до н. э., второй – III–II вв. до н. э., третий – I в. до н. э. – II в. н. э., четвертый – конец II–III в. н. э. (1973, с. 170–175). Логично замечание В.Ф. Генинга по поводу раннего этапа этой культуры, который он предлагает отнести к ананьинской, а начало кара-абызской, как и других прикамских культур, относить к III–II вв. до н. э. (1988, с. 62–63).

Большинство ученых считают, что кара-абызское население наряду с чегандинским участвовало в формировании мазунинцев (А.Х. Пшеничнюк, 1973, с. 240–241).

Антропология кара-абызской культуры известна по материалам Биктимировского (М.С. Акимова, 1968), а также Охлебининского и Шиповского (С.Г. Ефимова, 1981) мо-

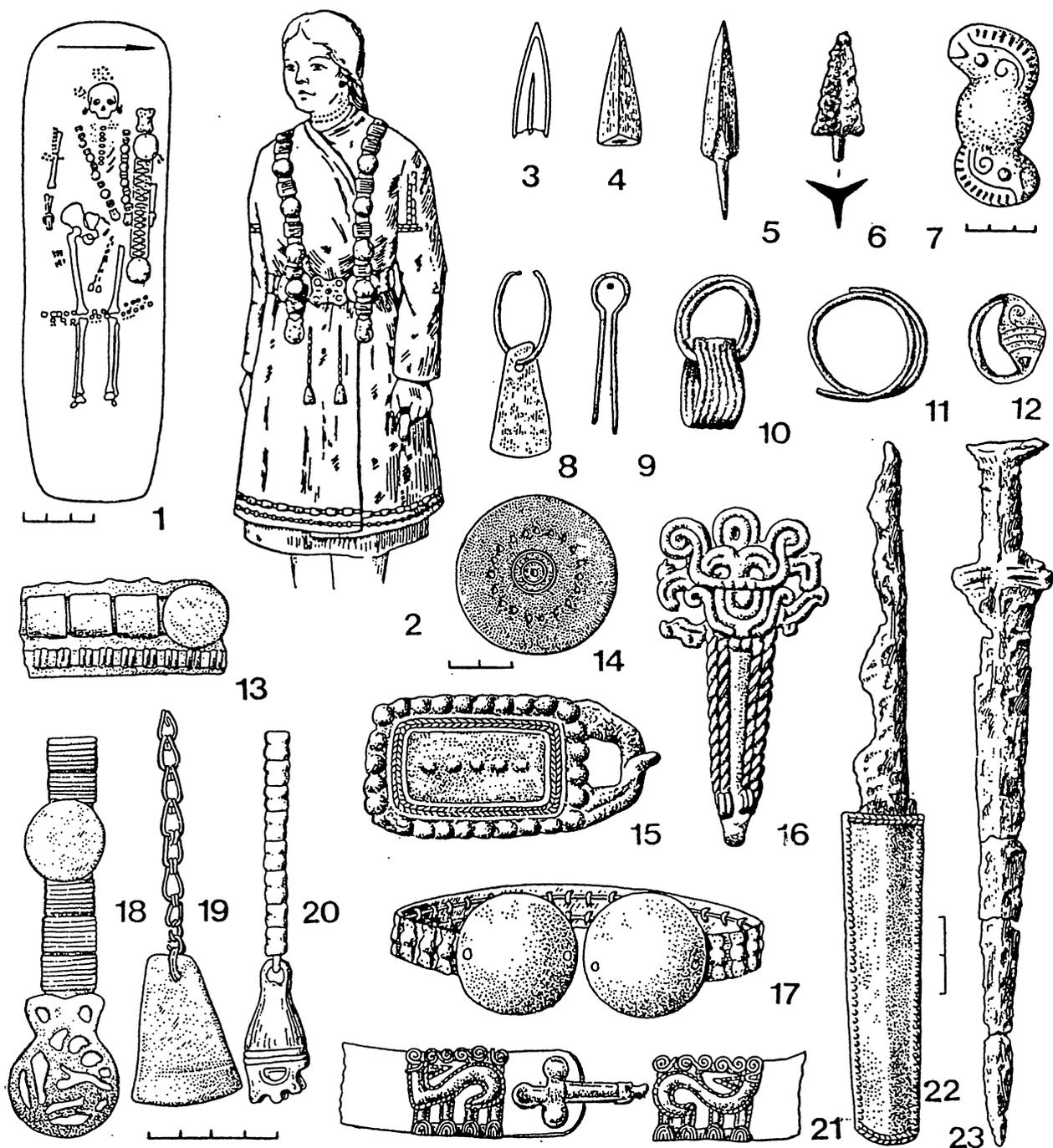

Рис. 119. Материалы могильников кара-абхазской культуры (по А.Х. Пишечникоу).

1 – план погр. 46 Биктимировского I могильника; 2 – реконструкция костюма погребенной эсепщины;
 3–6 – наконечники стрел; 7 – накладка; 8–11 – височные подвески; 12 – перстень; 13 – прошивки и накладка;
 14 – бляха; 15, 16 – застёжки с неподвижным крючком; 17–21 – кожаные пояса; 18–20 – подвески;
 22 – меч в ножнах; 23 – меч. 1, 10–13, 18–20 – Биктимировский I могильник;
 3–9, 15–17, 22 – Охлебнинский могильник; 14, 23 – Ново-Уфимский могильник; 21 – Уфимский могильник.
 3, 7–12, 14–16, 19, 20 – бронза; 4, 5 – кость; 6, 23 – эселезо; 13, 17, 18, 21 – бронза, кожа; 22 – эселезо, бронза

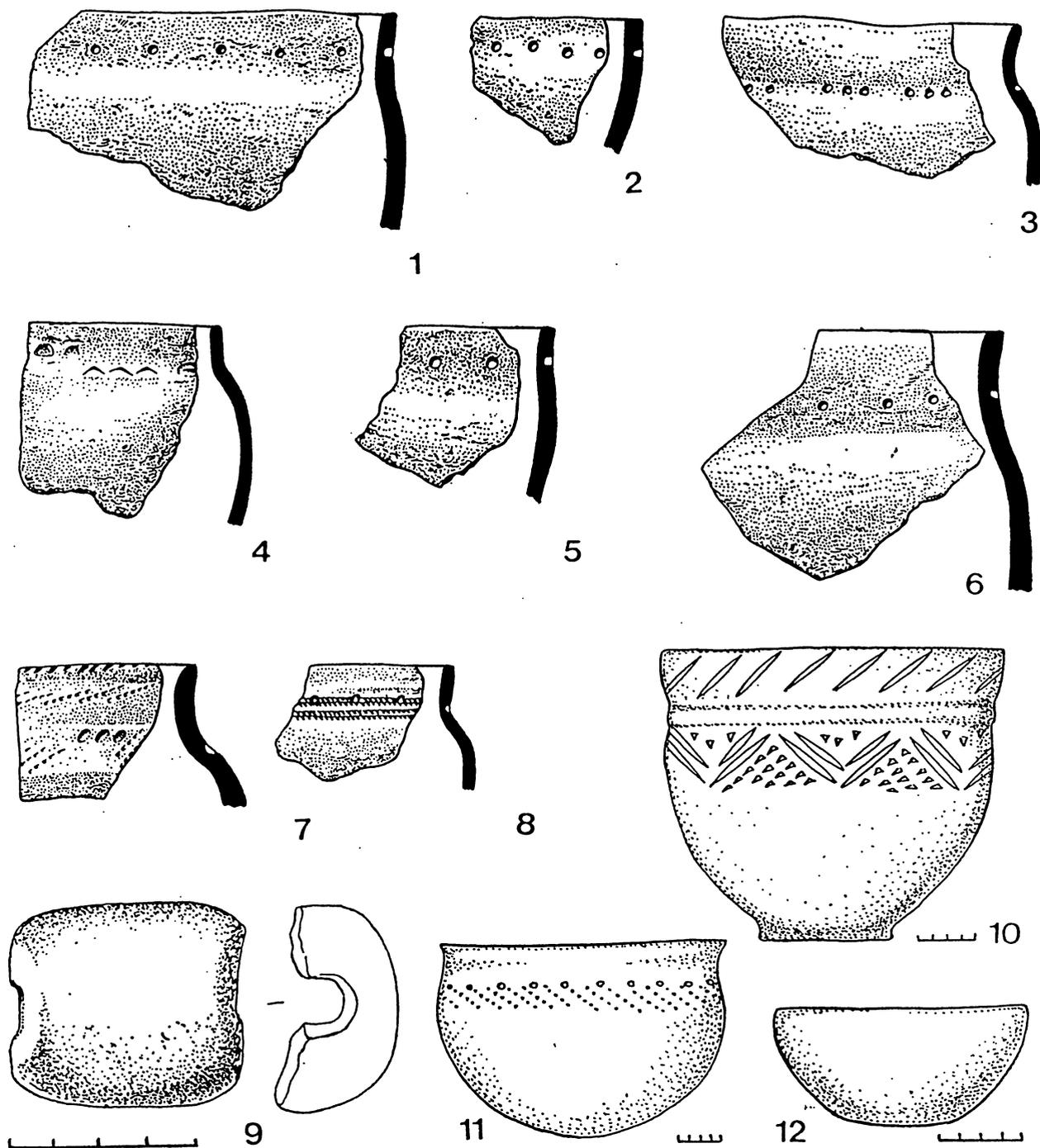

Рис. 120. Глиняные изделия кара-абызской культуры (по А.Х. Пиеничпоку).
1-8,10-12 – посуда; 9 – грузило

гильников. Серии в основном близки между собой, представляя мезокранные европеоидного облика черепа с небольшой монголоидной примесью (С.Г. Ефимова, 1991, с. 14). Анализ ананьинских, чегандинских и кара-абызских серий, предпринятый С.Г. Ефимовой (1991, рис. 2) наглядно показал как преемственность ананьинских и последующих – чегандинских и кара-абызских материалов, так и близость чегандинского и кара-абызского массивов.

4.2.5. Среднекамский вариант пьяноборской общности

До недавнего времени постананьинские памятники на р. Тулве (Осинский и Бардымский районы Пермской области) были предметом острых дискуссий археологов Прикамья. Автор раскопок основного памятника – Осинского городища В.Ф. Генинг с самого начала отстаивал мнение о выделении в этом районе самостоятельной осинской культуры III в. до н. э. – II в. н. э. (1959а, 1961). Это положение оспаривалось пермскими коллегами (В.А. Оборин, 1961, с. 56) и наиболее аргументированно Ю.А. Поляковым, который полагал, что осинские памятники – локальный, южный вариант гляденовской культуры (1967, с. 213–215). Однако В.Ф. Генинг считал эти аргументы неубедительными и продолжал настаивать на самостоятельности осинской культуры (1988, с. 180–200). Нынешнее состояние источников позволяет критически осмыслить материалы, концепции и предложить иную оценку послеананьинских памятников среднего Прикамья.

Памятники бассейна р. Тулвы стали известны науке не так давно. В 1950 г. в центре г. Осы при прокладке водопровода были выявлены довольно мощные (1,5 м) культурные напластования. Организованные В.Ф. Генингом в 1956 г. раскопки показали, что памятник представлял собой городище послеананьинского времени площадью 40 тыс. кв. м (В.Ф. Генинг, 1959а). В этом же году В.А. Оборин провел небольшие по объему работы на

нескольких поселениях неподалеку от Осинского: Мало-Никольских I, II городищах, Мало-Никольском III селище (О.Н. Бадер, 1960, с. 26) и Больше-Никольских I, II городищах (В.А. Оборин, 1961). По мнению В.Ф. Генинга, материалы этих памятников подобны осинским. Кроме перечисленных объектов, рядом располагались Туганаевское городище, Мало-Никольские I и II, Больше-Никольское и Туганаевское селища, а также Тишковские селища.

В 1957–1963 гг. на Гремячанском святилище проводил раскопки А.Д. Вечтомов, отметивший наряду с ананьинскими и присутствие более поздних материалов (А.Д. Вечтомов, 1967, с. 146). Еще одно городище III в. до н. э. – V в. н. э. – Пещерское было исследовано здесь же в 1969 г. Ю.А. Поляковым (1970, с. 139–140).

В результате интенсивных разведок в бассейне р. Тулвы Камской экспедиции Пермского университета (Ю.А. Поляков, 1956 г.; К.М. Русанова, 1962 г.; Н.Л. Щелокова, 1968 г.; С.Н. Коренюк, 1981–1982, 1992 г.; А.Ф. Мельничук, 1978 г.; А.А. Терехин, 1982 г.; А.Н. Лепихин, 1982–1983 гг.; В.П. Мокрушин, 1984, 1986 гг.; П.Е. Максимов, 1993 г.) и Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета (Н.А. Пивоварова, 1977 г.; О.А. Казанцева, 1986–1991 гг.) было выявлено значительное число новых памятников. О.А. Казанцева занималась весьма успешно раскопками некоторых из них: Бардымского I городища (1986–1988 гг.), Кудашевского (IV–V вв.) и Красноярского (I–V вв.) могильников (О.А. Казанцева, 1988, 1995).

Еще один интереснейший район постананьинской культуры расположен на противоположном правом берегу р. Камы возле с. Частые. Здесь в 1959–1960 гг., а также в 1974 г. Ю.А. Поляков частично раскапывал Махонинское городище (1962). Была получена весьма своеобразная коллекция вещей и керамики (рис. 122), анализируя которую, он не мог не отметить ее близость с пьяноборской (чегандинской) (Ю.А. Поляков, 1962, с. 94). Посуда имеет пьяноборские формы и орна-

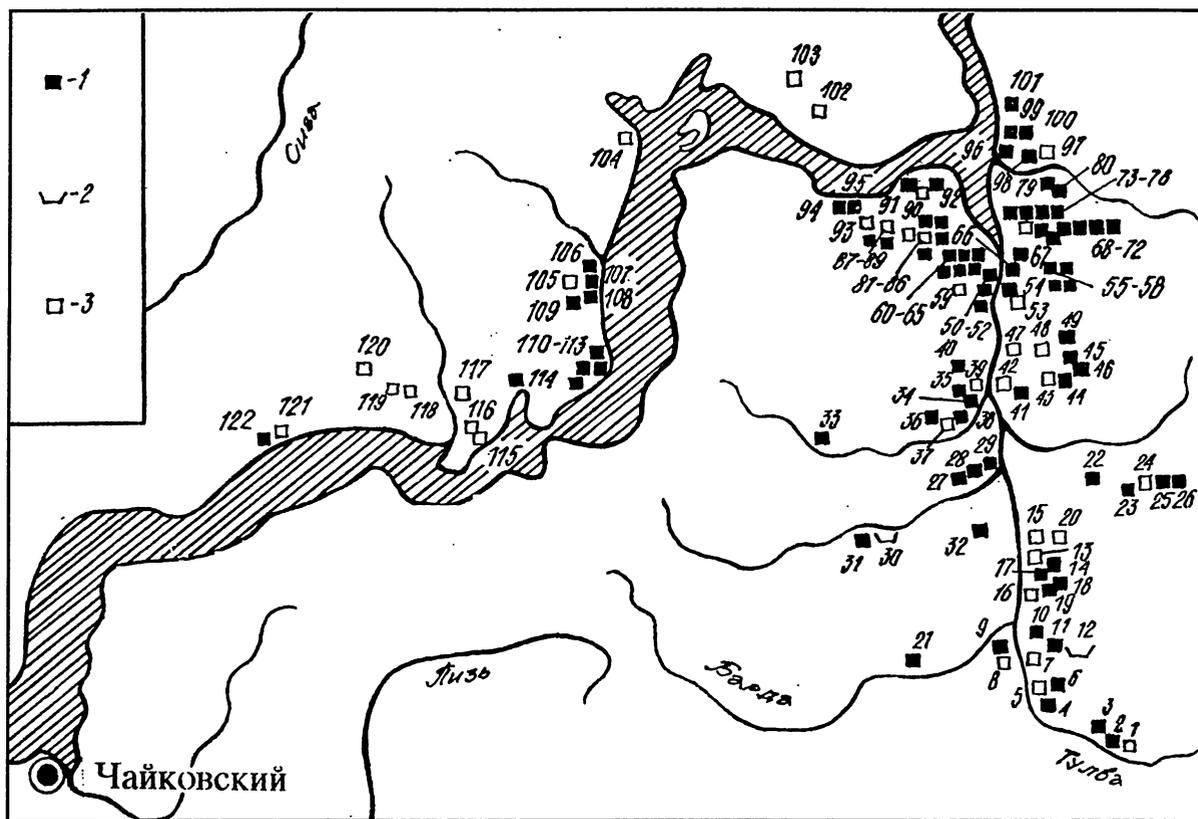

Рис. 121. Карта памятников среднекавказского (красноярского) варианта пьяноборской общности (по О.А. Казанцевой).

1 – поселение; 2 – могильник; 3 – городище. 1. Сарашинское городище; 2. Султанайское II селище; 3. Султанайское I селище; 4. Аклушинское I селище; 5. Аклушинское городище; 6. Аклушинское селище; 7. Красноярское II городище; 8. Красноярское I городище; 9. Красноярское III селище; 10. Красноярское I селище; 11. Красноярское II селище; 12. Красноярский могильник; 13. Бардымское III городище; 14. Бардымское селище; 15. Бардымское I городище; 16. Бардымское II городище; 17. Бардымское II селище; 18. Бардымское III селище; 19. Бардымское I селище; 20. Бардымское IV городище; 21. Бичуришское поселение; 22. Искирское селище; 23. Шармейское I селище; 24. Шармейское городище; 25. Шармейское II селище; 26. Шармейское III селище; 27. Куземьяровское II селище; 28. Куземьяровское селище; 29. Чувашаевское селище; 30. Кудашевский могильник; 31. Кудашевское селище; 32. Березняки, поселение; 33. Федорковское городище; 34. Елпачихинское I селище; 35. Елпачихинское II селище; 36. Елпачихинское III селище; 37. Елпачихинское городище; 38. Елпачиха, поселение; 39. Талая речка, городище; 40. Талая речка, селище; 41. Усть-Тунтор, селище; 42. Усть-Тунтор, городище; 43. Нижняя Чермода, городище; 44. Нижняя Чермода, селище; 45. Отрадное I, селище; 46. Отрадное II, селище; 47. Нижний Чекур, городище; 48. Верхняя Чермода I, городище; 49. Верхняя Чермода II, селище; 50. Крылово I, селище; 51. Крылово II, селище; 52. Крылово III, селище; 53. Пещеры, городище; 54. Александровка, селище; 55. Гремяча I, селище; 56. Гремяча II, селище; 57. Гремяча III, селище; 58. Гремяча, поселение; 59. Красный Яр, городище; 60. Петухово IX, селище; 61. Петухово XI, селище; 62. Петухово XII, селище; 63. Туганаево I, селище; 64. Туганаево II, селище; 65. Туганаево III, селище; 66. Мостовая, селище; 67. Ключ, селище; 68. Осока I, селище; 69. Осока II, селище; 70. Осока III, селище; 71. Потайной Ключ, селище; 72. Старое городище, селище; 73. Ирьяк, городище; 74. Ирьяк I, селище; 75. Ирьяк II, селище; 76. Ирьяк III, селище; 77. Большепольское селище; 78. Выцелка (Мышелка) I, селище; 79. Денисовка I, селище; 80. Денисовка II, селище; 81. Больше-Никольское I городище; 82. Больше-Никольское II городище; 83. Больше-Никольское I селище; 84. Больше-Никольское II селище; 85. Больше-Никольское III селище;

ментирована пояском ямок. Возле городища найдены четыре одновременных селища.

Недалеко от Махонинского городища располагалось городище Красная Горка, которое исследовал в 1959 г. В.Ф. Генинг. На раскопанной площади собраны мелкие фрагменты керамики и скопление 12–15 черепов свиней, бычков и коз (1959а, с. 210–213).

В 8–10 км от городища Красная Горка, вглубь от Камы, на ее мелких притоках находились Верх-Рождественское и Поздышкинское городища, раскопанные в 1957 г. под руководством В.А. Оборина (1964). Он отнес эти памятники к кругу поселений мазунинского типа на основании находок круглодонной керамики с примесью в тесте мелкотолченой раковины, растительных остатков, песка, с бедным орнаментом в виде ряда ямок под венчиком (1964, с. 132, 133). Как следует из краткого экскурса в историю изучения тулвинско-частинского варианта постананьинского времени, археологи уже обращали внимание на близость этих материалов материалам удмуртского Прикамья. А сейчас к этому добавились и новые аргументы: появились дополнительные керамические коллекции, подтверждающие большую близость этой группы населения к пьяноборской общности, нежели к гляденовской, и, кроме того, здесь открыт и исследован могильник чегандинско-мазунинского типа (О.А. Казанцева, 1988). Таким образом, появилась реальная возможность обсуждать гипотезу отнесения тулвинско-частинской группы к пьяноборской, а не гляденовской общности.

К настоящему времени в бассейне р. Тулвы и прилегающем правом берегу р. Камы

выявлено 122 послеананьинских памятника, из них 36 городищ, 84 селища и 2 могильника (рис. 121). Изучено 12 городищ этого района. Они располагаются как на мелких притоках Камы, так и на ее побережье. Площадь их колеблется от 1 до 7,5 тыс. кв. м (Пещерское, Красная Горка, Верхне-Рождественское, Поздышкинское, Махонинское и др.). Это скорее всего городища-убежища, так как мощность слоев на них невелика – 0,1–0,2 м. Однако известны городища и большей площадью: 12 (Больше-Никольское I) и 40–45 тыс. кв. м (Осинское, Мало-Никольское I). Мощность культурных слоев достигала 0,2–0,4 м, лишь у Осинского увеличивалась до 1,5–2 м.

Многие городища имели достаточно сложную систему обороны. Наряду с одной линией валов и рвов (Калиновское, Красная Горка, Пещерское, Больше-Никольское I, Осинское) есть системы в виде трех валов и рвов (Мало-Никольское I, Верхне-Рождественское, Поздышкинское).

Остатки жизнедеятельности, выявленные на городищах, не очень многочисленны. На Пещерском городище обнаружены хозяйственные ямы и очаги с глинобитной подушкой, галечниковой подсыпкой и ограждением из каменных плит. Подобные очаги были зафиксированы на Махонинском и Осинском городищах. Остатки жилищ обнаружены на Верх-Рождественском и Осинском городищах. Они были наземные, прямоугольные, площадью 60–65 кв. м, сложены из бревен в технике сруба, покрыты корьем шириной 12–15 см (В.Ф. Генинг, 1988, с. 183). На Поздышкинском городище зафиксированы остатки домницы, сложенной из плит песчаника. Поселен-

86. Больше-Никольское IV селище; 87. Мало-Никольское I городище; 88. Мало-Никольское I селище; 89. Мало-Никольское II селище; 90. Оса, городище; 91. Оса I, селище; 92. Оса II, селище; 93. Мало-Никольское, городище; 94. Пермьяково I, селище; 95. Пермьяково II, селище; 96. Горы II, селище; 97. Городище, городище; 98. Городище, селище; 99. Драчево, поселение; 100. Десятково, селище; 101. Нефтебаза, селище; 102. Заводчик, городище; 103. Верхне-Давыдовка, городище; 104. Ерзовка, городище; 105. Махони, городище; 106. Махони I, селище; 107. Махони II, селище; 108. Махони III, селище; 109. Махони IV, селище; 110. Змеевка I, селище; 111. Змеевка II, селище; 112. Змеевка III, селище; 113. Озерко, селище; 114. Соловьи, селище; 115. Красная Горка, городище; 116. Верхне-Раздорное городище; 117. Верх-Рождественское городище; 118. Север, городище; 119. Пьянка, городище; 120. Поздышка, городище; 121. Гамы, селище; 122. Бабка, городище

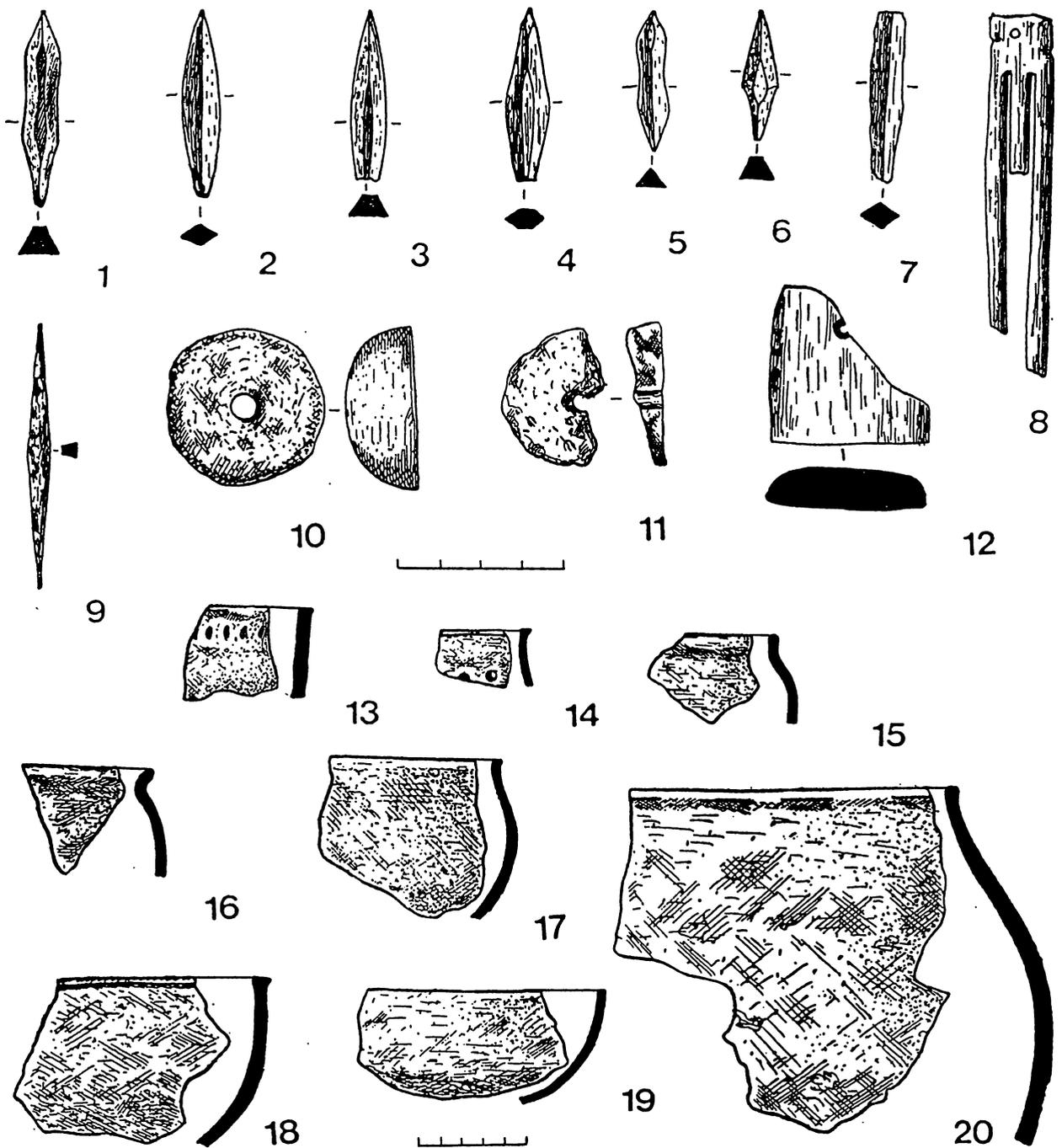

Рис. 122. Маховишское городище (по Ю.А. Полякову).

1-7 – наконечники стрел и их заготовки; 8 – обломок музыкального инструмента; 9 – шило;
 10, 11 – пряслица; 12 – обломок точильного камня; 13-20 – фрагменты керамики. 1-7 – кость; 8 – рог;
 9 – железзо; 10, 11, 13-20 – глина; 12 – камень

ческие материалы довольно скудны. Типичный набор происходит с Махонинского городища: костяные наконечники стрел (рис. 122–1–7), фрагмент музыкального инструмента из рога типа варган (рис. 122–8), железное шило (рис. 122–9), глиняные пряслица (рис. 122–10–11), обломок каменного точила (рис. 122–12) и фрагменты керамики (рис. 122–13–20).

Пока известен один могильник тулвинско-частинского района – Красноярский, исследованный О.А. Казанцевой. За три года раскопок (1987–1989 гг.) вскрыта площадь более 2 тыс. кв. м, на которой изучено 144 погребения. Могилы располагались рядами и группами с двумя типами ориентировки: широтной и меридиональной. Могилы неглубокие – до 45 см. В двух случаях зафиксирован глен от деревянной конструкции. Основной обряд – трупоположение, ногами к реке. Одна восьмая часть могил – безынвентарные, в седьмой части только железный нож. Встречались и погребальные дары (жертвенные комплексы) (11,4% всех могил) в виде бус и бронзовых украшений. В могиле 40 найдена железная коробочка диаметром 4 см, а в ней бронзовая шумящая подвеска, бусина, две подвески-медведя, ожерелье из 94 бусин и бронзовая бляшка. В состав подарочного набора из могилы 98 входили бронзовые пронизки, дрот, цепочки, стеклянный бисер, зерна злаков. В одной пятой части могил обнаружены глиняные сосуды (рис. 125). Детальное исследование керамики Красноярского могильника, выполненное О.А. Казанцевой (1996), показало, что по основным показателям она тождественна керамическим коллекциям чегандинских могильников. При сравнении глиняной посуды Красноярского могильника (рис. 125) и поселений, например, с посудой Махонинского городища (рис. 122–13–20) видна близость этих комплексов по форме, технологии изготовления и орнаменту.

Погребальный обряд, выявленный на Красноярском могильнике, во многом сходен с чегандинским и кара-абызским: трупоположение, наличие могил с противоположной ори-

ентировкой, погребальные подарочные наборы (жертвенные комплексы), довольно значительна группа могил, в которых находились только нож, глиняные сосуды с пищей и др.

Инвентарь могильника красноречиво свидетельствует о близости с чегандинскими древностями: различные варианты застежек с неподвижным крючком (рис. 123–2–4, 7, 8), эполетообразная застежка (рис. 123–21), круглые бляхи с орнаментом (рис. 123–23, 24), височные подвески со спиральновитым конусом (рис. 123–11, 19), накладки с характерным для пьяноборья орнаментом (рис. 123–10), подвески-лапки (рис. 123–22), медведки (рис. 123–18), двойные бронзовые ножны (рис. 123–25), многовитковые железные (рис. 124–6) и бронзовые (рис. 123–15) браслеты. Интересны две височные подвески из золота (рис. 123–12, 13). Подобные, и тоже золотые, найдены на Охлебининском могильнике в Башкирии (А.Х. Пшеничнюк, 1968, с. 70). Оригинальны бронзовый перстень (рис. 123–16), а также ожерелье из трех кожаных ремешков с надетыми на них бронзовыми круглыми пронизками-бусинами и прямоугольными пронизками с изображением двух медведей. Некоторые типы вещей, особенно железных (рис. 124), были широко распространены.

Могильник, как показали исследования О.А. Казанцевой, датируется I–V вв. н. э. и охватывает почти весь хронологический отрезок осинской культуры. Учитывая, что Осинское городище – памятник многослойный и не имеющий убедительных доказательств датировки слоя, тулвинско-частинскую культуру постананьинского времени следовало бы назвать красноярской по названию могильника.

Постананьинские памятники этого региона, без сомнения, местного происхождения, так как на многих из них присутствуют слои ананьинского времени (Осинское, Бардымское I, Мало-Никольские I, II, Больше-Никольское I городища и др.). Вопрос о культурной самостоятельности этих памятников, их отличии от гляденовских досконально изучен

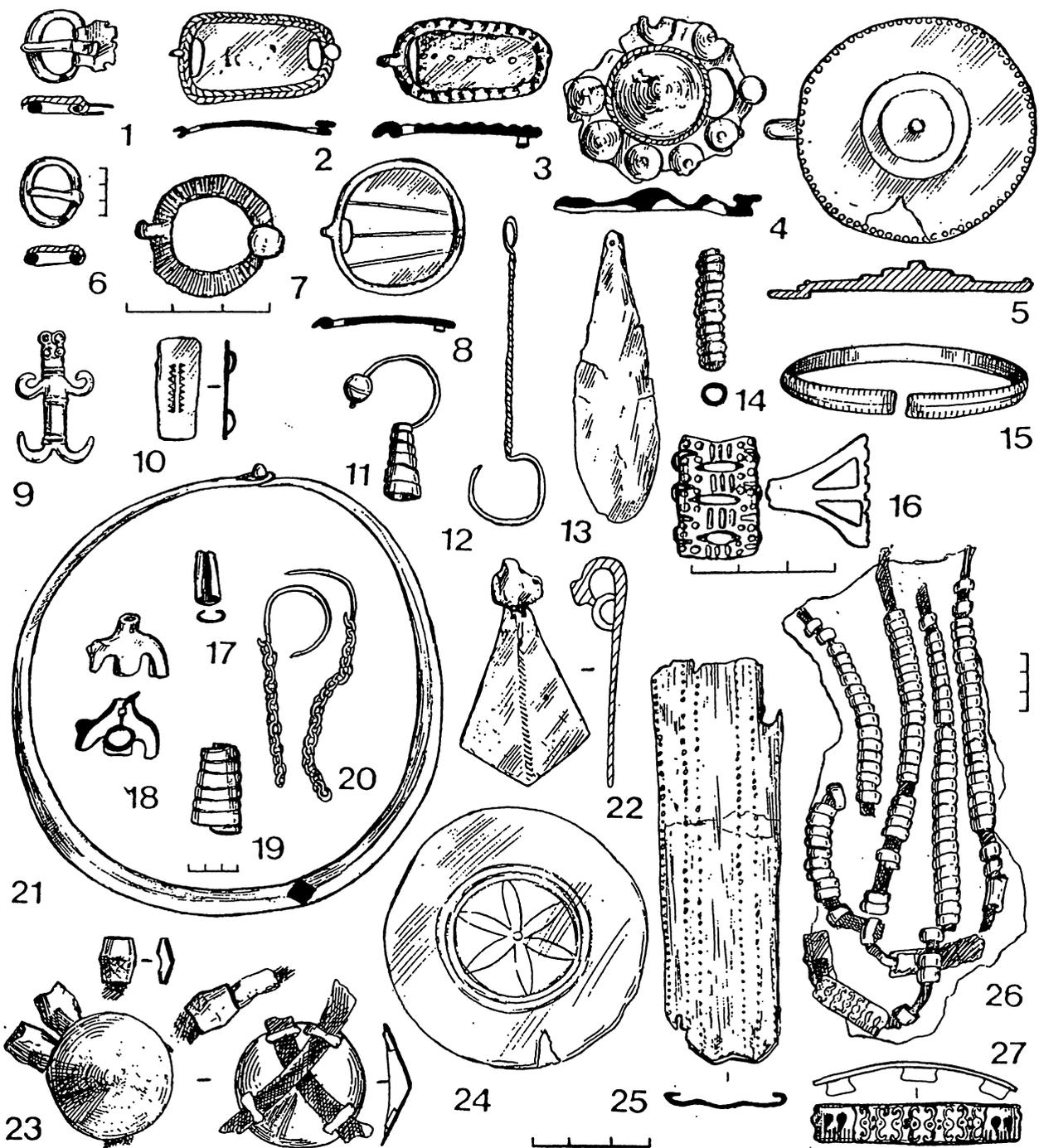

Рис. 123. Украшения Красноярского могильника (по О.А. Казанцевой).

1, 6 – пряжки; 2–5, 7, 8 – застёжки с неподвижным крючком; 9, 10 – накладки; 11–13 – височные подвески; 14, 17, 19 – прошивки; 15 – браслет; 16 – перстень; 18 – прошивка-медведь; 20, 22 – подвески; 21 – гривна; 23 – бляшка и прошивки от уздечки; 24 – бляха; 25 – позисы; 26 – ожерелье; 27 – его фрагмент.

1–11, 14–25, 27 – бронза; 12, 13 – золото; 26 – кожа, бронза

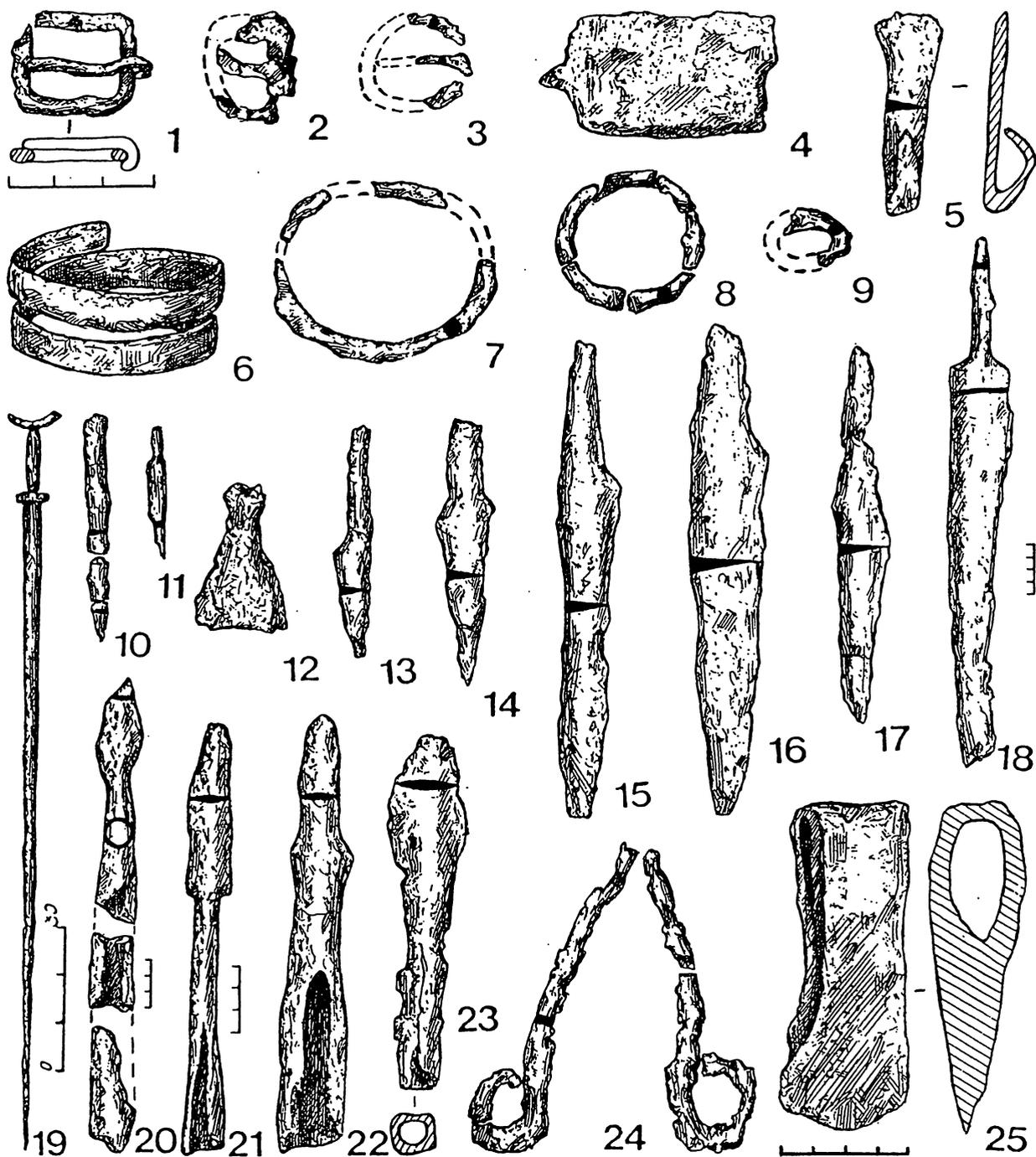

Рис. 124. Предметы из железа Красноярского могильника (по О.А. Казанцевой).
 1-3, 8 - пряжки; 4 - накладка; 5, 10, 13-17 - позиси; 6, 7 - браслеты; 8, 9 - кольца; 11 - шило;
 12 - предмет неясного назначения; 18, 19 - мечи; 20-23 - накопечники копий; 24 - удила; 25 - топор

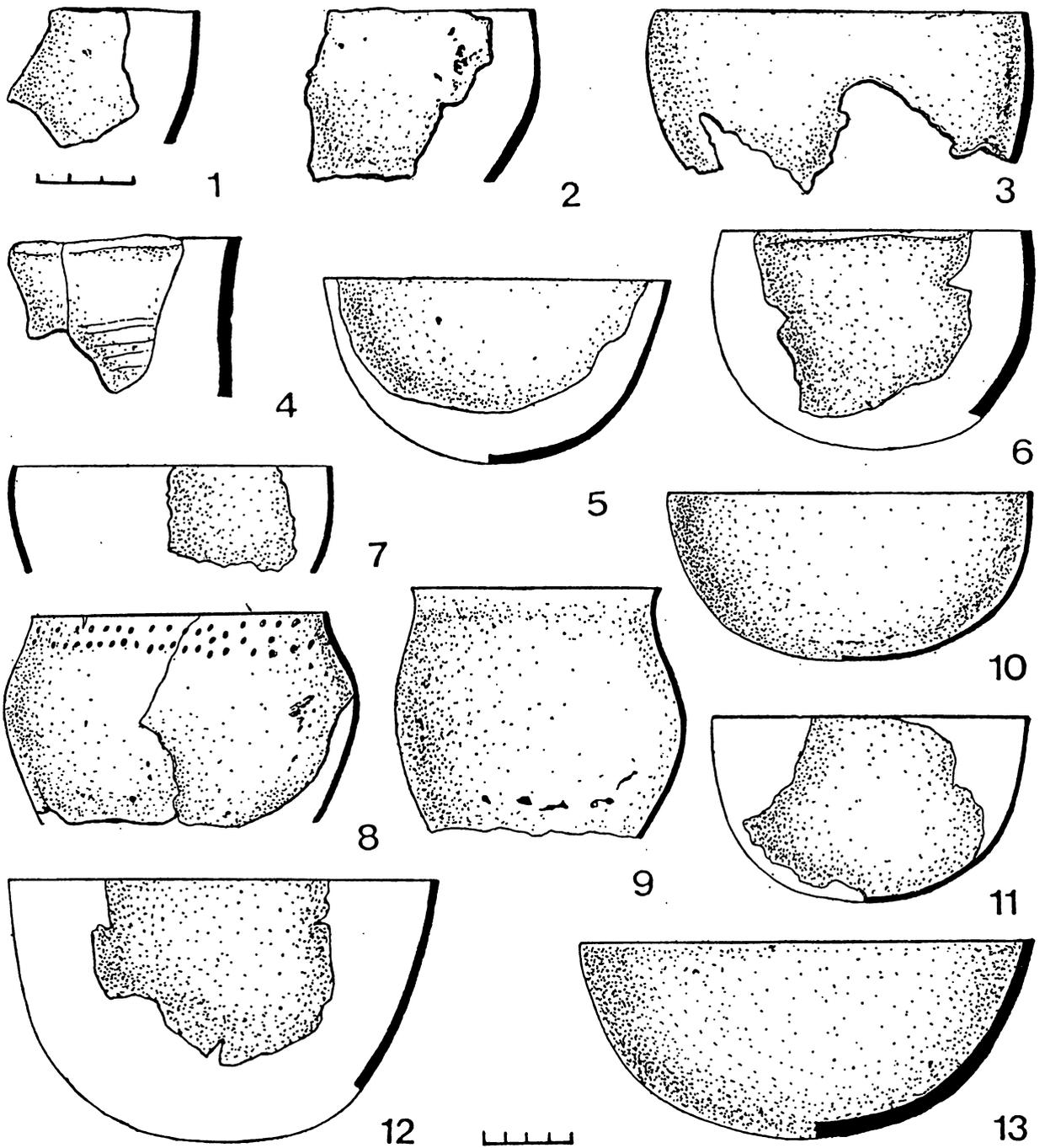

Рис. 125. Глиняная посуда Красноярского могильника (по О.А. Казанцевой)

В.Ф. Генингом (1988, с. 191–199). Другое дело, что он рассматривал их как образование, равное по сути гляденовской и чегандинской культурам. Однако новые материалы убедительно свидетельствуют, что эта группа памятников по всем признакам: территории, погребальному обряду, набору женских украшений, керамике, конструктивным особенностям домостроения – ближе к пьяноборской общности, нежели гляденовской и составляет, видимо, один из ее локальных вариантов наряду с чегандинской, кара-абызской и худяковской культурами.

4.2.6. Хозяйство и общественный строй

В начале пьяноборской эпохи произошли серьезные изменения в социально-экономическом развитии. На рубеже V–IV вв. до н. э., в конце ананьинского времени, железо заняло прочное положение в качестве единственного сырья для производства основных орудий труда и оружия, а из бронзы стали делать преимущественно украшения. В пьяноборское время производство железных изделий обособилось в самостоятельную отрасль хозяйства.

Изобретение и производство железа требовали еще более сложных навыков, чем бронзолитейное дело: необходимы были новые способы обогащения руд, особые сооружения для варки железа, опыт и знания для получения науглероженного железа, навыков кузнечного дела. Все это требовало квалификации и профессиональной специализации мастеров. Поэтому процессы, характеризующие отделение ремесла от остальных отраслей хозяйства все более усиливались. Металлообрабатывающее производство развивалось в этот период особенно быстрыми темпами и стало высокоспециализированным ремеслом.

На городище Чеганда I обнаружено несколько ям, которые В.Ф. Генингом расценивались как специальные приспособления для варки железа (1970, с. 99–100). В таких ямах могли одновременно сварить 1–2 кг железа. Объемы разового получения железа быстро нарастали: уже в IV–V вв. приуральские ма-

стера в домницах получали до 5 кг железа (В.Ф. Генинг, 1980, с. 131). В погребении 782 Тарасовского могильника найдена железная крица весом 5,2 кг.

Обособление ремесленников от остальных общинников проявилось не только в материалах поселений, но и могильников. В Азелинском некрополе III–IV вв. обнаружено погребение кузнеца, в котором наряду с обычными принадлежностями мужских захоронений: поясом, застежками, ножами, перстнями, уздечками – у ног погребенного располагался набор кузнечных и ювелирных инструментов: молоток, кузнечные клещи, напильник, шилья, ложкарь, или кочедык, наковаленка, ножи, резчики, огниво, точильные камни и мелкий инструмент. Особенно важным является наличие в Азелинском погребении кузнеца не только орудий труда, но и исходного сырья и готовой продукции (кольчуга, ральник, наконечник копья, коса). В условиях предшествующего родового общества готовая продукция мастера принадлежала общине и не могла быть помещена в могилу. Здесь картина иная – мастер являлся полным собственником не только орудий труда, но и сырья и готовой продукции. В могиле 88 Худяковского могильника на Средней Вятке наряду с ложкой для разлива металла найдено скопление различных вещей: железные ральник, удила, скобель, топор, а также бронзовые пряжки, браслет, фибулы, пояс с накладной застежкой, халцедоновый диск, височные подвески и другие предметы. В одном из женских погребений Суворовского могильника в изголовье обнаружен набор ювелирных инструментов, заготовки сырья и готовая продукция ремесленника по изготовлению женских украшений – еще одно из ярких свидетельств начавшейся глубокой специализации членов первобытной общины в отдельных видах производственной деятельности.

Специализированный характер металлообрабатывающего производства виден и по резко возросшему числу железных изделий. Если в могильниках ананьинского времени

предметы из железа редки и представлены застезками, ножами, редко – мечами, то в погребениях пьяноборской общности много разнообразных изделий из этого металла. Налажено было массовое производство из железа не только предметов вооружения, но и орудий труда. В одной из ям II–III вв. н. э., раскопанных на Буйском городище на р. Вятке, найдено 186 железных мотыг, 9 железных наконечников копий и 6 бронзовых гривен. Очевидно, далеко не случаен факт массового (186 экз.) производства железных мотыг. Это стало возможным только в условиях возросшей потребности в мотыгах – одного из ведущих орудий для обработки почвы при подсечно-огневой форме земледелия, начавшей развиваться в лесостепной и лесной зонах Урала. С распространением подсечно-огневой формы земледелия связаны находки железных мотыг в погребениях III–V вв. Кроме того, на некоторых памятниках встречаются железные наральники (в могиле кузнеца из Азелинского могильника).

По наблюдениям этнографов, подсека как наиболее древняя форма земледелия у народов Урала встречалась еще в конце XIX в. По сообщениям И.И. Лепехина, например, у коми-зырян озими располагались «среди огромных лесов, в которых они пространно вырубали места и, сожегши лес, на пепле сеют свой хлеб. Сих мест они не пашут, но, выжегши лес, прямо сеют и, заборонив, совершают посев» (1822, с. 210). При подсеке в первый год вырубали и просушивали лес, на второй год его сжигали и сеяли рожь, а на третий год снимали урожай. Корчевка пней и вспашка на участке не производились, семена высевались прямо в золу, которая являлась хорошим удобрением (В.Н. Белицер, 1958, с. 37). Подсеки давали обильные урожаи. Такие участки использовались на протяжении нескольких лет, затем забрасывались и использовались для других хозяйственных нужд (сенокос, выгон). Основным орудием для вырубки леса служил железный топор, который повсеместно распространился с II–V вв. Из орудий для

обработки зерна на поселениях встречались песты-терочки из крупных речных галек и каменные жернова. На Осинском городище в жилищах были собраны зерна полбы (3585 экз.), ячменя (1340), мягкой пшеницы (7) и овса (3 экз.) (В.Ф. Генинг, 1959а, с. 176).

Развитие земледельческого хозяйства косвенно отразилось в идеологии населения Урала: появились разнообразные большие и малые круглые бляхи в металлической пластинке, символизирующие, очевидно, солнечный диск.

Широкое распространение подсечно-огневой системы земледелия сыграло важнейшую роль в изменении географии расселения оседлого прикамского населения – начали осваиваться лесные пространства вдоль малых рек, практически была заселена вся территория Прикамья, пригодная для земледельческо-скотоводческого хозяйствования.

Видимо, с этого времени получает распространение дисперсное расселение жителей Камско-Вятского междуречья. Оно сохранилось и в более позднее время. Как отмечал А.А. Спицын, «жили вотяки прежде не деревнями, а одворицами: где кто расчистил кулигу, тот там и жил» (1893, с. 97).

В условиях лесной и лесостепной зон земледелие не могло полностью обеспечить население продуктами питания, поэтому хозяйство оставалось комплексным, при котором наряду с земледелием развивалось и пастушеское скотоводство в основном мясо-молочного направления, охота, рыболовство и собирательство. Соотношение лошадей и крупного рогатого скота в стаде было приблизительно одинаково, кроме того, разводили свиней, мелкий рогатый скот, птицу. С интенсивным развитием земледелия и необходимостью сохранить урожай зерна до весны связано появление у населения Приуралья именно в это время домашней кошки. Интересно, что существование кошки впервые отмечено на именьковских памятниках.

Дальнейшее совершенствование производящего хозяйства и в особенности развитие ремесла привели к увеличению избыточного

продукта, превращению его в прибавочный, то есть такой, который производился одним человеком, а присваивался другим. Регулярность получения прибавочного продукта создала реальные возможности для общественного разделения труда, эксплуатации и других явлений, приведших в результате к возникновению классового общества. Именно появление прибавочного продукта создало прочную основу для торговли. Прибавочный продукт не просто расширил сферу обмена, но и сделал его необходимым, потому что в условиях неразвитой внутриобщинной специализации большая часть излишков могла реализоваться только через торговлю для получения престижно значимых ценностей. С явлениями, свидетельствующими о дальнейшем развитии межобщинных отношений и регулярном обмене на пути к торговле, связаны обычаи гостеприимства, а также побратимства, хорошо известные по этнографическим материалам.

О развивающейся торговле свидетельствуют многочисленные украшения, серебряная утварь, привезенные из стран Средиземноморья и Востока. В погребениях III–V вв. Среднего Прикамья известны использовавшиеся в качестве украшений поясов раковины моллюсков из Индийского океана. Анализ бус Приуралья показал, что они были привезены с Кавказа, из Сирии, Египта и других стран.

Пути проникновения импорта на Урал различны. Из Северного Причерноморья через степи Дона и Поволжья, а также из Закавказья по Волге и Каме привозили, вероятно, серебряную утварь и монеты Византии, бусы Сирии, Египта, Кавказа. Предметы государств Средней и Передней Азии поступали на Урал, скорее всего, по сухопутному пути через степи Северного Казахстана, по рр. Урал, Белая и Кама.

Большое количество привозных предметов свидетельствует о налаженной, хорошо организованной торговле, что возможно только в развитом обществе, располагающем специализированным хозяйством и прибавочным

продуктом, достаточным для обмена. Расширяющаяся торговля диктовала и интенсивный поиск эквивалента участвующим в торговле товарам. Им могли быть ожерелья из медвежьих зубов, бусы, раковины каури, металлические слитки, скот, мед, воск и, конечно же, меха.

Материалы поселений Урала I тыс. н. э. убедительно свидетельствуют о развитии специализированной охоты на пушного зверя: соболя, куницу, белку, бобра. Кости пушных зверьков преобладают среди костей диких животных как на памятниках раннего железного века, так и I тыс. н. э. Среди наконечников стрел этого времени встречаются экземпляры с тупым концом, специально приспособленные для пушной охоты.

Использование пушнины в качестве основного эквивалента при торговых операциях, подтверждается употреблением термина *ур*, который у народов коми в старом денежном счете обозначал белку. Так, словом *копыы* – белка (удм.) называют копейку, а *копыдон* – стоимость белки – обозначают деньги.

Развитие производительных сил привело к сокращению основного производящего коллектива. Патриархальные семьи обособлялись от рода, самостоятельно вели свое хозяйство, хотя и жили в одном поселке с другими семьями, составляя первобытную соседскую общину, которая стала основной социально-экономической ячейкой общества. Для нее характерны общая территория, общинное землевладение, наличие общинных органов управления, совместные военные действия, некоторое идеологическое единство. Но отдельные патриархальные семьи, являясь сами по себе коллективными собственниками, выступали по отношению к другим семьям уже как частные собственники.

Для больших семей эпохи разложения первобытного общества характерны следующие черты: совместный труд и потребление; совместное владение средствами производства и другим имуществом; сохранение внутри семьи начал первобытного коллективизма;

включение в состав семейного коллектива неполноправных членов (рабов) (М. Ковалевский, 1939, с. 64).

Большая патриархальная семья состояла, как правило, из нескольких поколений ближайших родственников по отцовской линии. Численность такой семьи в Прикамье в пьаноборское время достигала 20–25 человек (В.Ф. Генинг, 1970, с. 117; Б.Б. Агеев, 1992, с. 95; Г.Н. Журавлева, 1995, с. 20–21), обитали они в домах площадью 50–80 кв. м. Остатки именно таких жилищ открыты на многочисленных поселениях рубежа и начала нашей эры в Приуралье.

Могильники этого времени нередко содержат захоронения членов одной общины и сравнительно невелики. В частности, на Мазунинском могильнике на Средней Каме изучено 70 могил, на Суворовском на Средней Вятке – 40, на Ошкинском – 31, на Азелинском – всего 20 могил. Вместе с тем иногда использовались и большие некрополи (200 и более могил – Чеганда II, Тарасово и др.) с обособленными отдельными группами или рядами захоронений, которые также можно рассматривать как места погребений отдельных патриархальных семей. Наряду с большими семьями существовали, вероятно, и их объединения – патронимии, группы родственных семей, поддерживавших хозяйственные, родственные и духовные связи (М.О. Косвен, 1963, с. 97). По данным Т.И. Останиной, на Ижевском могильнике хоронили своих родственников не менее семи патронимий (1991, с. 43–47).

Развитие производящих отраслей хозяйства создавало условия для уменьшения численности основного производственного коллектива, а это, в свою очередь, способствовало разделению семей и освоению глубинных территорий. В это время были освоены бассейны р. Иж (Карлутские городища и могильник), р. Сивы (Сосновское городище и др.), мелких притоков р. Валы (городище Пек-Жикъя) и другие районы.

Среди населения усилился процесс социальной стратификации: выделился слой военной верхушки – главного инициатора в

организации военных операций своих племен. Это еще один пример дальнейшего разделения труда – специализация отдельной группы населения на военном деле. Для племенной верхушки война стала профессией и главным источником средств существования. В археологическом материале процесс выделения военной аристократии хорошо отражен в материалах Тураевского могильника в Елабужском районе Татарии, датируемого концом IV – началом V в. н. э. Могильник представлял собой серию курганных насыпей, под которыми располагались захоронения военачальников с богатыми наборами оружия. В нескольких могилах были обнаружены останки убитых воинов (с отсеченной головой и т. п.). При них находилось большое количество различного оружия, преимущественно почетного: роскошно сделанные мечи, шлемы, кольчуги, щиты. Немало было здесь изделий из золота и серебра, почему большинство могил и оказались разграбленными еще в древности, несмотря на большую глубину захоронений – до 4 м. Хронологически время функционирования могильника следует непосредственно за разгромом алан гуннами в 370 г., и вполне возможно, что появление на Нижней Каме инородных племен связано именно с этими событиями, когда небольшая пришлая группа покорила мазунинское население в Нижнем Прикамье. Воинские захоронения выявлены и в Тарасовском, Нивском, Азелинском, Суворовском и других могильниках.

Судя по особой роли военного дела у населения Прикамья в этот период, можно заключить, что разложение первобытнообщинного строя шло в форме военной демократии. При этом выделившаяся военная верхушка сосредоточила в своих руках реальную власть, которая в дальнейшем превратилась в орудие господства и угнетения. Однако в период военной демократии органы управления, очевидно, еще не отделились от племенной организации. Значительную роль играло народное собрание, состоящее из всех

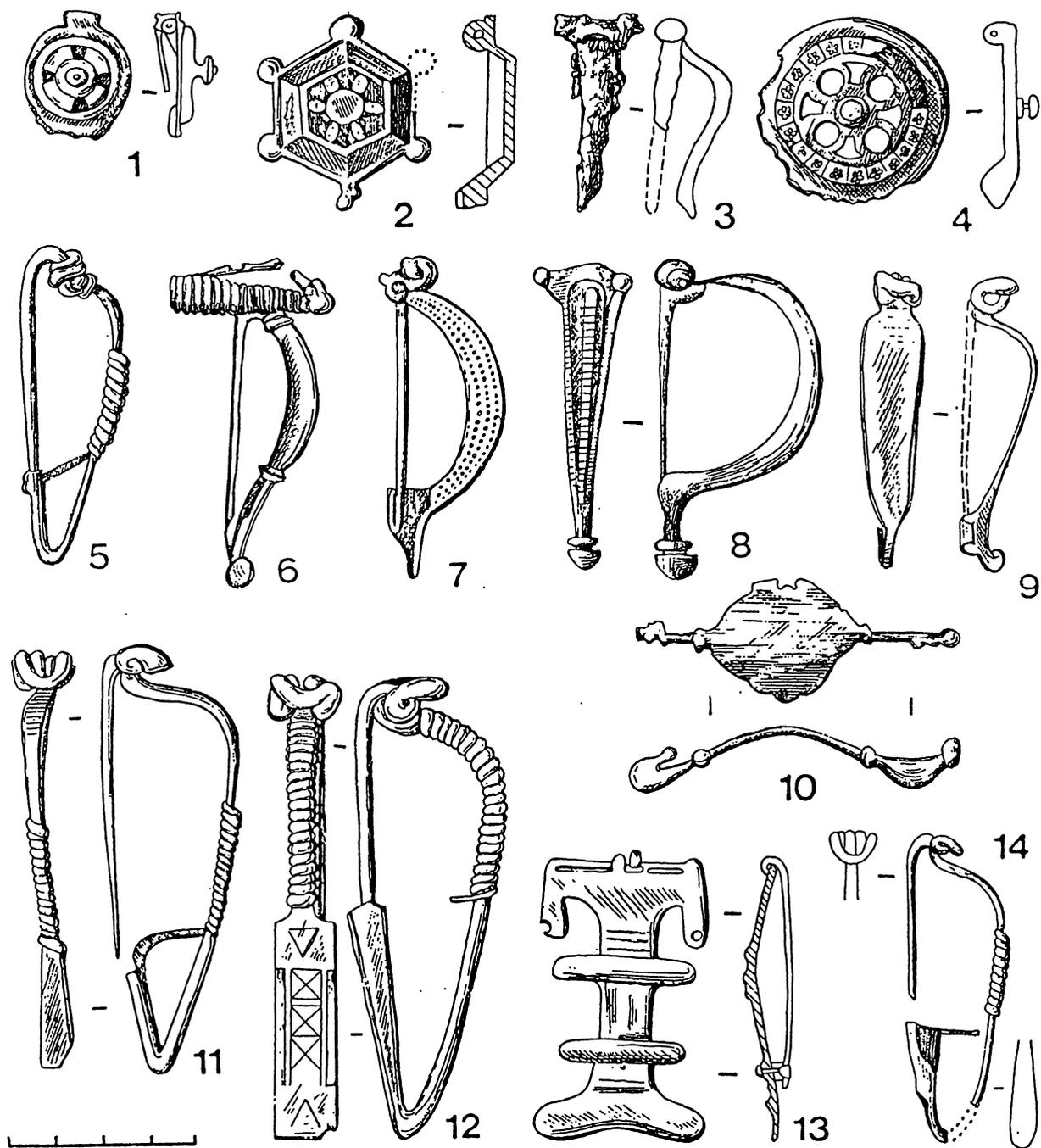

Рис. 126. Привозные фибулы Прикамья (I-V вв. н. э.).

1, 2, 4 – броши; 3 – арбалетовидная; 5, 11, 12, 14 – лучковые подвязные;
 6, 7, 10 – сильнопрофилированные причерноморских типов; 8 – типа «Авцисса»; 9 – листовидная;
 13 – перекладчатая. 1, 2, 5, 9, 11, 12 – Тарасовский; 3 – Тураевский; 4, 14 – Ошкитский;
 6, 10 – Ныргындинский I; 7 – Ныргындинский II; 8 – Сасыкульский; 13 – Покровский могильники.
 1, 2, 4–14 – бронза; 3 – железо

мужчин, способных носить оружие. Видимо, в случае военной опасности обязанность защиты населения лежала на всех членах семейных общин. Это подтверждается материалами могильников, где во многих мужских захоронениях встречаются предметы вооружения. Военная демократия как форма организации и управления обществом представляет собой заключительный этап первобытной истории, переходный к классовому обществу.

В условиях лесной зоны, когда производящие формы хозяйства развивались все-таки сравнительно медленными темпами и длительное время прожиточный минимум обеспечивался только комплексным характером хозяйства, долгое время сохранялись отдельные традиции родоплеменного строя и матриархата. Это выразилось в существовании племенных центров (Зуево-Ключевское, Осинское городища), крупных родовых могильников (Ижевский, Тарасовский, Ныргында I, II и др.), племенных жертвенных мест (Гляденовское, Усть-Туйское, Юго-Камское). Кроме того, пережитки матриархата отразились и в том, что женщине были предоставлены относительно равные права с мужчиной в социальной иерархии общества: женские захоронения часто сопровождаются обильными украшениями и орудиями труда.

4.2.7. Начало эпохи великого переселения народов в Прикамье

Памятники эпохи великого переселения народов в Прикамье (рис. 127) стали известны несколько позже, в самом конце XIX в. В 1895 г. на Качкинском курганном могильнике возле г. Перми произвел раскопки президент Французского национального общества древностей барон де Бай (Труды ПУАК, 1897, с. 12). В 1898–1899 гг. экспедицией во главе с председателем Пермской ученой архивной комиссии Н.Н. Новокрещенных раскопано несколько курганов Плехановского и Бродовского могильников на р. Сылве возле г. Кунгура (1901, с. 111–114, 141). Курганные могильники на самом севере Прикамья – воз-

ле с. Гайны – были открыты инспектором народных училищ Чердынского уезда В.Л. Борисовым и частично раскопаны в 1900–1902 гг. (ОАК за 1900 г., с. 87–89; за 1901 г., с. 115–116). Аналогичные памятники были открыты и в Уфе, где при освоении территории города было разрушено довольно много могил разного времени, в том числе и периода переселения народов (Р.Б. Ахмеров, 1970, рис. 3, верхний ряд).

В 20–40-е гг. раскопки памятников этого типа почти не велись, за исключением небольших работ А.В. Шмидта на Качкинском могильнике (1924 г.), О.Н. Бадера на могильнике Тюм-Тюм на р. Вятке (1929 г.), А.В. Збруевой – на Полуденском могильнике, расположенном несколько севернее г. Перми (1936 г.).

Интенсивное изучение этих памятников началось в 50–60-е гг. В частности, В.П. Денисов исследовал размытый Камским водохранилищем Большевисимский могильник. Экспедициями под руководством О.Н. Бадера были раскопаны курган Копчиковского могильника на р. Шакве, Р.Д. Голдиной – 2 кургана на Агафоновском (1968, с. 11–119), Г.А. Шокшуева – на Кляповском (1962, с. 107–115), В.А. Оборина – несколько курганов на могильниках Пыштайн (1968, с. 25–26) и Бродовский (1969). Но, пожалуй, наиболее результативными были исследования В.Ф. Генинга. Он организовал раскопки на многих курганных могильниках Прикамья: Суворовском и Азелинском (1963), Бурковском, Митинском, Чазевских I и II, Пеклаыбском I (В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина, 1973, с. 58–87), Качкинском (1959б, с. 196–209), Тураевском (1976, с. 55–108). Особенно важны были сведения о Бурковском, Митинском (Верхняя Кама), Суворовском, Азелинском (Вятка) и Тураевском (Средняя Кама) некрополях. Материалы этого времени были получены и в Башкирии, в частности с Дежневских курганов IV–V вв. н. э. (А.Х. Пшеничнюк, 1968а, с. 105–112).

Сведения о памятниках периода великого переселения народов накапливались в 70–90-е гг. в результате успешных раскопок и исследо-

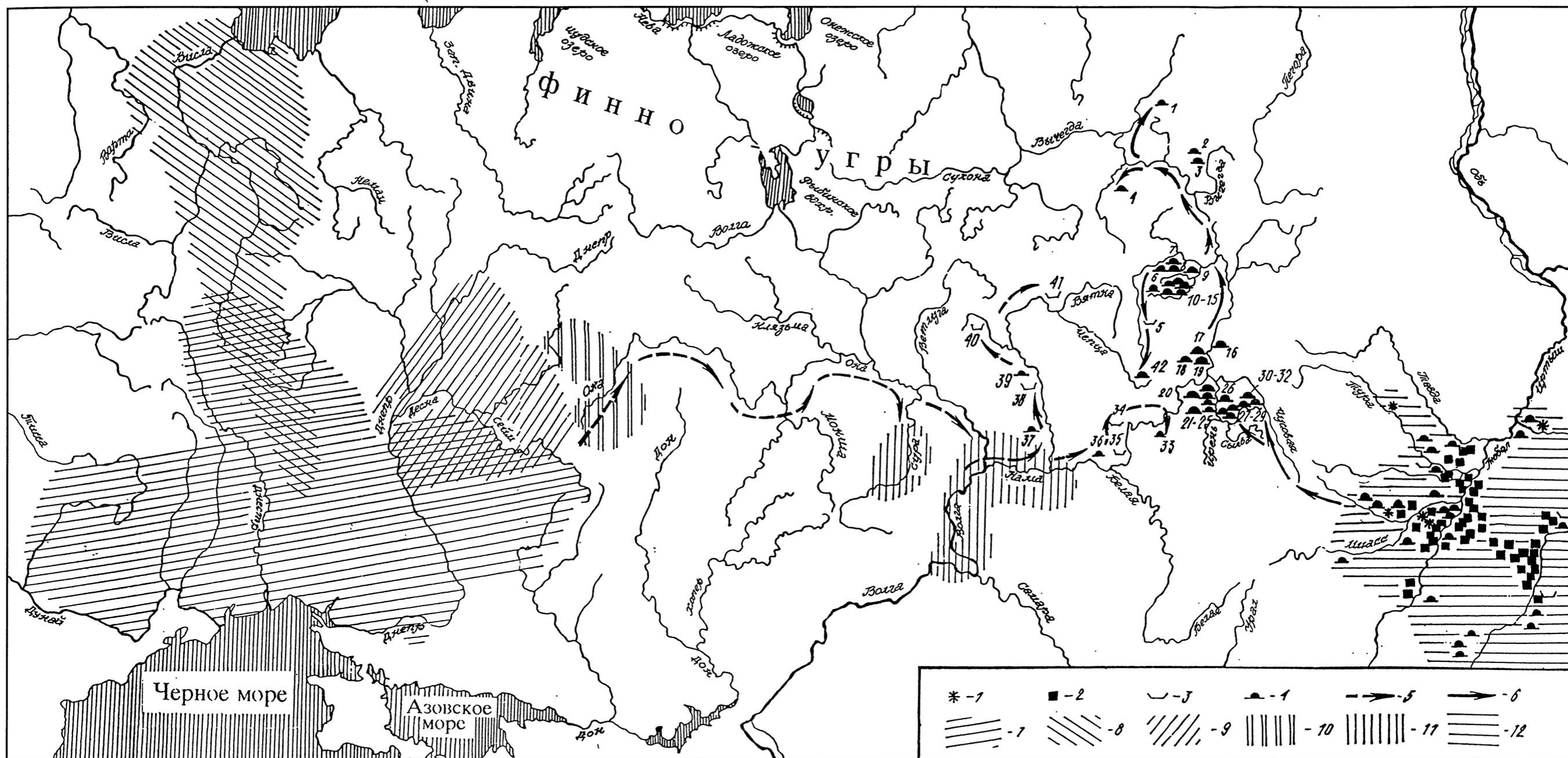

Рис. 127. Карта основных могильников Приуралья начала эпохи Великого переселения народов (III–VI вв. н. э.) и синхронных культур – истоков переселений.

1 – находки; 2 – поселение; 3 – могильник; 4 – курган; 5 – предполагаемое направление движения славян; 6 – предполагаемое направление движения угров; 7 – черняховская культура; 8 – вельбаркская культура; 9 – киевская культура; 10 – мощинская культура; 11 – именьковская культура (по Г.И. Матвеевой); 12 – восточный вариант саргатской культуры (по Л.Н. Коряковой). 1. Весляна I; 2. Борганголь; 3. Ювана-Яг; 4. Шойна-Яг; 5. Аверино; 6. Бурдаково I; 7. Пыштайн; 8. Харино; 9. Агафоново; 10. Бельково; 11. Митино; 12. Пекляб I; 13. Пекляб II; 14. Чазево I; 15. Чазево II; 16. Большие-Висим; 17. Полуденка; 18. Беклемиевка; 19. Бурково; 20. Качка; 21. Мокшино; 22. Салтанаиха; 23. Калашиново; 24. Заборье; 25. Озеро Дикое; 26. Курманаево; 27. Спасское; 28. Броды; 29. Плехаиово; 30. Верх-Сая; 31. Копчиково; 32. Кляпово; 33. Кудаш; 34. Нивский; 35. Тарасовский; 36. Тураевский; 37. Азелинский; 38. Тюм-Тюм; 39. Суворово; 40. Худяки; 41. Первомай; 42. Варни

вания могильников: Тюм-Тюм (С.В. Ошибкина, 1970–75, 1979 гг.); Первомайского – самого северного на р. Вятке (Л.Д. Макаров, 1989, с. 24); Худяковского на р. Пижме (Л.Д. Макаров, 1979, с. 185–186; Р.Д. Голдина, 1987, с. 41–63); Нивского в среднем Прикамье (Т.И. Останина, 1978, с. 92–117). Кроме того, были продолжены раскопки Бродовского могильника в бассейне Сылвы (Р.Д. Голдина, 1986, с. 47–98) и начаты раскопки Калашниковских курганов (Г.Т. Ленц и Ю.А. Поляков, 1982 г.). Большой объем работ был выполнен в этом же районе под руководством Н.В. Водолаго на Верх-Саинских курганах (Р.Д. Голдина, Н.В. Водолаго, 1990, с. 22–27). Открытие и исследование О.А. Казанцевой на левобережье Средней Камы Кудашевского могильника было несомненной удачей для понимания этих проблем (1995а, с. 210–211). При раскопках Аверинского могильника в верховьях р. Камы также были обнаружены комплексы харинского типа (Р.Д. Голдина, В.А. Кананин, 1989, с. 82–83). В последние годы курганный обряд захоронения зафиксирован А.Г. Ивановым на хорошо известном Варнинском могильнике в бассейне р. Чепцы. Камско-Вятская экспедиция продолжила раскопки бескурганной части Тураевского могильника, где было открыто 266 захоронений (Н.В. Водолаго и др., 1989, с. 47–50). В Башкирии в конце 60 – начале 70-х гг. С.М. Васюткиным изучены Салиховские курганы IV–V вв. н. э., также относящиеся к эпохе великого переселения народов (1986, с. 180–197).

Новый круг проблем периода великого переселения народов в Приуралье обозначился с открытием и исследованием курганных могильников харинского типа в Северном Приуралье: Веслянского на р. Выми (Э.А. Савельева, 1979, с. 91), а затем на вычегодских притоках: Боргангель и Ювана-яг на р. Нившере (Л.И. Ашихмина, 1988), Шойна-яг на Сыsole (И.О. Васкул, 1987, с. 6–7). Выявление этих памятников позволило констатировать проникновение лесостепного населения далеко на север. Таким образом, в Приура-

лье в последние десятилетия накоплена солидная источниковая база по эпохе великого переселения народов.

Великим переселением народов назван период с III по VII в. н. э., который характеризуется перемещением различных народов на довольно значительные расстояния, вызванным изменением климатических и физико-географических условий обитания, а также уровня общественно-экономического развития варварских обществ Европы. Примерно к концу IV в. в Северной Европе достигло максимума похолодание климата. Необычно холодные зимы отмечены в 366 и 370 гг. Самым холодным был V в. Письменные источники содержат сведения об очень морозных и продолжительных зимах 441–443 гг., которые отличались самыми низкими температурами за последние 2000 лет. В связи с этим резко повысились увлажненность почв, уровень вод в озерах и реках, многие поймы были затоплены, разрослись болота. На севере Европы уровень вод повысился настолько, что население было вынуждено покинуть часть поселений и перейти на другие места (В.В. Седов, 1994, с. 297). Ухудшение климата создало неблагоприятные условия для хозяйственной деятельности населения лесных и лесостепных областей. Плохие условия для жизни и производства, все большая ограниченность природных ресурсов, рост народонаселения – все это способствовало нарастанию тенденций к перемещению населения из северных в более южные широты.

Перемены климата совпали у многих варварских обществ Европы с разложением первобытнообщинных отношений и расцветом военной демократии. Социальное расслоение общества также толкало определенные слои к захвату не только новых земель, но и новых богатств, рабов, престижных ценностей.

Одним из наиболее крупных перемещений массы людей было движение готов из Польского Поморья на юго-восток – в районы Северного Причерноморья. Готы – германское племенное образование, жившее пер-

воначально в Скандинавии. Затем они переселились на южное побережье Балтийского моря и обосновались в устье Вислы (В.В. Седов, 1994, с. 222–223 и др.). В результате смещения здесь готов с аборигенным населением возникла оригинальная вельбаркская культура, население которой и стало перемещаться на юго-восток. Зафиксировано две волны вельбаркской миграции: первая – в середине II в., вторая – в середине III в. Переселяясь на юго-восток, вельбаркцы по мере движения присоединяли и негерманские племена, в частности население праславянской пшеворской культуры (там же, с. 225–229; Этнокультурная карта..., 1985, с. 73). В это время готы освоили Вольту, Подолию и достигли Днестровско-Дунайских земель. Вторая волна движения готов, начавшаяся в середине III в., характеризовалась взаимодействием вельбаркского и черняховского населения в Северо-Западном Причерноморье. Днестровско-Дунайские земли, прилегающие к Черному морю, и стали известны в письменных источниках как Готия (В.В. Седов, 1994, с. 229–231).

В последнее время появляется все больше фактов, заставляющих при анализе материалов Прикамья III–V вв. обращаться не только к восточным, южным, но и западным параллелям. Пожалуй, первым исследователем, всерьез заинтересовавшимся контактами Приуралья и славяно-германского мира, была Г.И. Матвеева, которая при анализе древностей именьковского типа Поволжья обратила внимание на их сходство с материалами пшеворской и зарубинецкой культур (1981, 1986 и др.). Ею не только доказана генетическая близость именьково и праславянских культур, но обозначены несколько волн славянского проникновения в Поволжье (Г.И. Матвеева, 1986, с. 158–171).

В.В. Седов отметил три волны проникновения славян в Поволжье из области расселения черняховской культуры (Северное Причерноморье). Первая волна – II–III вв. н. э., оставившая в Самарском Поволжье памят-

ники славянского типа, связана, по его мнению, с первой вельбаркской (готской) миграцией. Вторая волна – III–IV вв. – привела к возникновению в Поволжье памятников лбищенского типа, имеющих следы смешения черняховско-пшеворских древностей. Наконец, третья волна мигрантов-черняховцев, наиболее мощная, послужила основой для образования в Нижнем Прикамье и прилегающем Поволжье в конце IV в. именьковской культуры, просуществовавшей до рубежа VII–VIII вв. (В.В. Седов, 1994, с. 309–315).

Вероятно, с одной из этих волн, скорее всего второй, связано появление на Вятке и Средней Каме в III в. инородного населения, оставившего курганные могильники (Азелино, Суворово) и необычные воинские захоронения в Худяковском (погр. 88) и Нивском (погр. 80) могильниках. В.Ф. Генинг, исследовавший Азелинский и Суворовский могильники, считал их бескурганными (1963, с. 82–83). Но, судя по разряженности могил, их группировке по две-три могилы рядом, стремлении похоронить умершего поблизости, даже перекрывая предшествующие могилы (погр. 23, 26, 28 Суворово; погр. 13–15 Азелино и др.), можно предположить, что курганные насыпи, ограничивающие определенную площадь, все-таки были. Площадки могильников сейчас распаханы, и курганы, а также остатки канавок, видимо, уничтожены глубокой вспашкой.

На площади Азелинского могильника можно выделить 8 курганов: I – погр. 19, 20; II – 16–18; III – 12–15; IV – 1; V – 8, 9; VI – 10, 11; VII – 4, 5; VIII – 2, 3, 6, 7; на Суворовском 16: I – погр. 21, 22; II – 18–20; III – 24, 25, 31; IV – 11, 16; V – 9, 10; VI – 13; VII – 17; VIII – 6; IX – 1, 2; X – 4, 5; XI – 12, 14; XII – 29, 30; XIII – 23, 26–28; XIV – 15; XV – 7, 8; XVI – 3. Обращает на себя внимание и состав захороненных. На Суворовском могильнике из 31 погребенного 11 мужчин, 11 детей, в двух случаях пол неизвестен и лишь 6 женщин, а также 1 кенотаф. Такое соотношение указывает на необычность коллективов, оставивших эти мо-

гильники. Памятники отличаются от пермских большим содержанием предметов вооружения: не только наконечников стрел, копий, ножей, топоров, но и не известных здесь ранее шлемов, кольчуг, «кос». Только в 31 могиле Суворовского могильника собраны 3 шлема, 2 кольчуги (одна весом 13 кг), 4 меча, 9 топоров, 3 наконечника копий, 7 уздечек, 17 ножей и кинжалов, 119 наконечников стрел и «коса». На каждое мужское захоронение приходилось 13,5 единицы оружия (не считая ножей).

Обращает на себя внимание и присутствие на памятниках Прикамья некоторых не совсем обычных предметов. Речь идет о железных изделиях, интерпретированных В.Ф. Генингом как сельскохозяйственные орудия, – «косы» (рис. 128–21, 130–15, 133–5). Предпринятое С.Е. Перевошиковым специальное металлографическое исследование шести предметов подобного рода из Тураевского и трех из Тарасовского могильников показало, что пять экземпляров отковано в технике сварки высокоуглеродистой стали с менее углеродистой, при этом качественная сталь выходила на все три грани изделия. В дальнейшем предметы подверглись термообработке – закалке. Один предмет был откован из двух полос сырцово́й стали (С.Е. Перевошиков, 1997, с. 68). Металлографически были исследованы еще три таких орудия: два из V Рождественского и один их Усть-Брыскинского могильника. Два из них были откованы из сырцово́й стали, один впоследствии подвергнут закалке. Третье изделие было выполнено из пакетного металла, сваренного из чередующихся полос железа и сырцово́й стали (Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова и др., 1997, с. 138). Очевидно, следует согласиться с мнением С.Е. Перевошикова, что в данном случае мы имеем дело с особым видом, скорее всего, метательного вооружения, не известного ранее в Прикамье (С.Е. Перевошиков, 1997, с. 68).

Мечи, происходящие из могил азелинского типа, также отличаются некоторыми особенностями. Н.Н. Тереховой и Л.С. Розано-

вой проведено металлографическое исследование трех мечей из неопубликованных захоронений Тюм-Тюма, Усть-Брыскинского и Гремячинского могильников. Выяснилось, что мечи имеют не только стандартную форму, идентичную структуру, но и одинаковое качество металла. Они выполнены из твердой высококачественной стали с однородной структурой, цементной сеткой, избыточным цементом в виде игл, без каких-либо шлаковых включений. Исследовательницы убеждены, что мечи происходят из одного центра и являются продукцией высококвалифицированных мастеров (1997, с. 143).

Особый интерес представляет мужское захоронение 1 Азелинского могильника, где обнаружены наконечник копья, нож в ножнах, пояс с накладками и наконечником, перстень, железный крючок, кожаный кошелек, в ногах – уздечка, 3 железных и 13 костяных наконечников стрел, кольчуга, кривой нож для кожи, шилья, ложкарь, резцы, наковаленка, молоток, напильник, коса, кузнечные клещи, раковина каури, точило, костяной стержень, кремь, куски железа, сошник-наральник. Судя по инвентарю, погребение принадлежало воину-кузнецу.

В мужской могиле 30 Суворовского могильника (рис. 128–1) в изголовье располагался железный шлем (рис. 128–27), остатки уздечки (рис. 128–19), в области груди – гривна (рис. 128–25) и две сюльгамы, на тазовых костях – пояс с накладками, пряжкой и наконечником, на костях левой руки – браслет (рис. 128–24) и серебряный перстень, рядом меч (рис. 128–29) в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет, с рукоятью, украшенной халцедоновым диском. Рядом с мечом – уздечка и кинжал в ножнах. У стопы левой ноги найдены бронзовая пряжка, железный рыболовный крючок, 18 костяных (рис. 128–17) и 4 железных (рис. 128–15, 16, 18) наконечника стрел. В конце могилы – железные наконечник копья (рис. 128–28), топор (рис. 128–26) и «коса» (рис. 128–21).

Как мужские, так и женские захоронения сопровождалось многочисленным инвентарем –

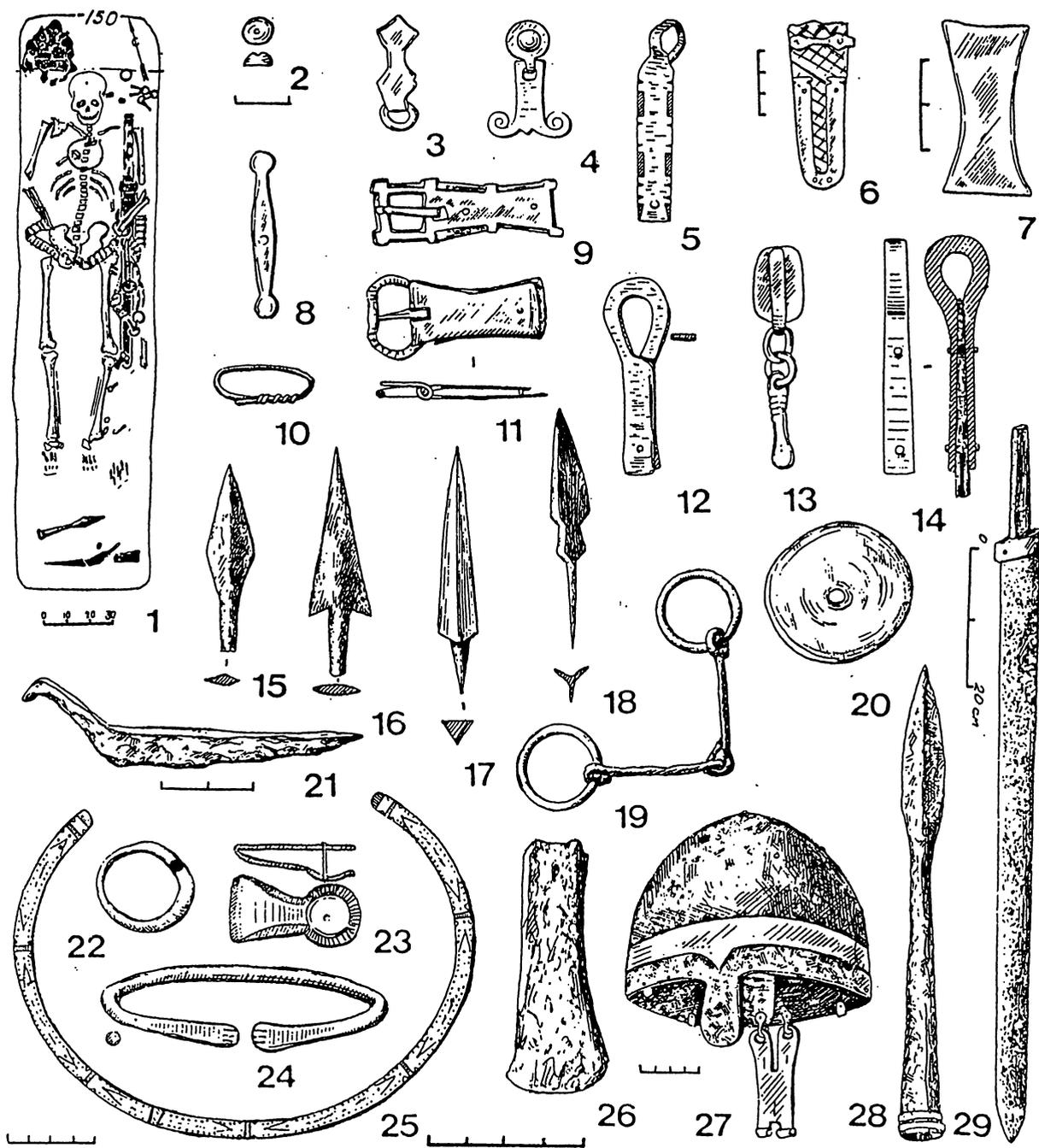

Рис. 128. Материалы погребения 30 Суворовского могильника (по В.Ф. Генингу).
 1 – план погребения; 2–4, 8, 13, 23 – накладки; 5, 12, 14 – трепзеля; 6, 7 – наконечники ремней; 9, 11 – пряжки;
 10 – перстень; 15–18 – наконечники стрел; 19 – удила; 20 – навершие меча; 21 – стригиль; 22 – кольцо;
 24 – браслет; 25 – гривна; 26 – топор; 27 – шлем; 28 – наконечник копья; 29 – меч.
 2–5, 7–9, 11–14, 22–25 – бронза; 6 – кожа, бронза; 10 – серебро; 15, 16, 18, 19, 21, 26, 28, 29 – железо;
 17 – кость; 20 – халцедон; 27 – железо, бронза

бронзовыми украшениями, что дает возможность надежно датировать эти комплексы. По данным Н.А. Лещинской, основная масса погребений Суворовского и Азелинского могильников относится к концу III–IV в. н. э. (1995, с. 91–92). В числе предметов, указывающих на III в., наконечники ремней из двух прямоугольных пластин с зауженной средней частью. Как показало исследование И.А. Бажана и И.О. Васкула, подобные наконечники, возникнув на территории Польского Поморья, распространились во II–III вв. в пшеворской, западно-балтской и вельбаркской культурах, откуда поступали в качестве импорта в лесную зону Восточной Европы (1988, с. 76–89). На эту же дату – вторую половину II – первую половину III в. – указывает и находка ажурного, каркасного шлема восточного происхождения в могиле 27 Суворовского могильника (А.М. Хазанов, 1971, с. 62–63). И.А. Бажан и О.А. Гей считают эти шлемы переходными от цельнометаллических монолитных античных к составным средневековым, называя их «сармато-парфянскими», и датируют второй половиной II – первой половиной III в. н. э. (1992, с. 115–122).

Судя по остальному инвентарю Суворовского и Азелинского могильников, вряд ли их можно отнести к столь ранней поре. Основная масса вещей датируется III–IV вв., но, поскольку с указанными фактами нельзя не считаться, вероятная датировка этих памятников – вторая половина III–IV в. и появление пришлого населения в Прикамье, оставившего Азелинский и Суворовский могильники, следует относить к этому же времени. Скорее всего, они связаны со второй волной вельбаркской (готской) миграции в Причерноморье и, как следствие, с миграцией пшеворско-черняховского населения в Поволжье, оставившего здесь памятники лбищенского типа. Связь этих памятников с вельбаркско-пшеворским регионом подтверждают наконечники ремней с зауженной серединой (рис. 128–7). Как справедливо замечено И.А. Бажаном и И.О. Васкулом (1988, с. 86, рис. 1), вряд ли

эти предметы пришли в Прикамье южным путем, от сармат, так как там такие варианты наконечников не известны. Обращает на себя внимание и необычный для Прикамья железный наральник, найденный в могиле 1 Азелинского могильника (В.Ф. Генинг, 1963, табл. XXIV–5). Подобные наральники хорошо известны по материалам памятников черняховской культуры (В.В. Седов, 1994, с. 81–4–7).

Возможно, небольшая группа этого населения, оторвавшись от вятской (Азелино, Суворово), прошла на север по р. Каме и оставила след недалеко от устья р. Сивы, правого притока р. Камы (Нивский могильник). Здесь Т.И. Останиной среди 172 захоронений обнаружены два погребения (10 и 80), содержавшие аналогичные суворовскому ажурные шлемы (1978, табл. VIII–5). Оба погребения воинские. В могиле 80, кроме шлема, были пояс с характерными накладками III в., колчаный крючок, железная рамчатая пряжка, нож и бабочковидная фибула (Т.И. Останина, 1978, с. 111–112). Из погребения 10 извлечены обломки меча, железный крючок, накладка, две трехсоставные железные пряжки. Судя по размещению этих могил среди остальных, содержавших типичный местный материал, а также по наличию в могиле 80 характерных вещей мазунинского типа: бабочковидной фибулы и поясных накладок (Т.И. Останина, 1978, табл. I–7–9; VII–5), – возможно, захоронения со шлемами принадлежали уже ассимилированным воинам либо местным мужчинам, добывшим эти необычные трофеи в бою с пришельцами. Т.И. Останина датирует эти погребения III–IV вв. (1978, табл. Б).

Аналогичная ситуация наблюдалась и на р. Вятке, где среди массы местных пермских захоронений Худяковского могильника обнаружено погребение, ничем не выделявшееся по похоронному обряду (могила 88), но содержавшее необычный инвентарь. В одном из концов могилы лежали железный конусовидный шлем, склепанный из прямоугольных и трапециевидных пластин (рис. 129–12), и ря-

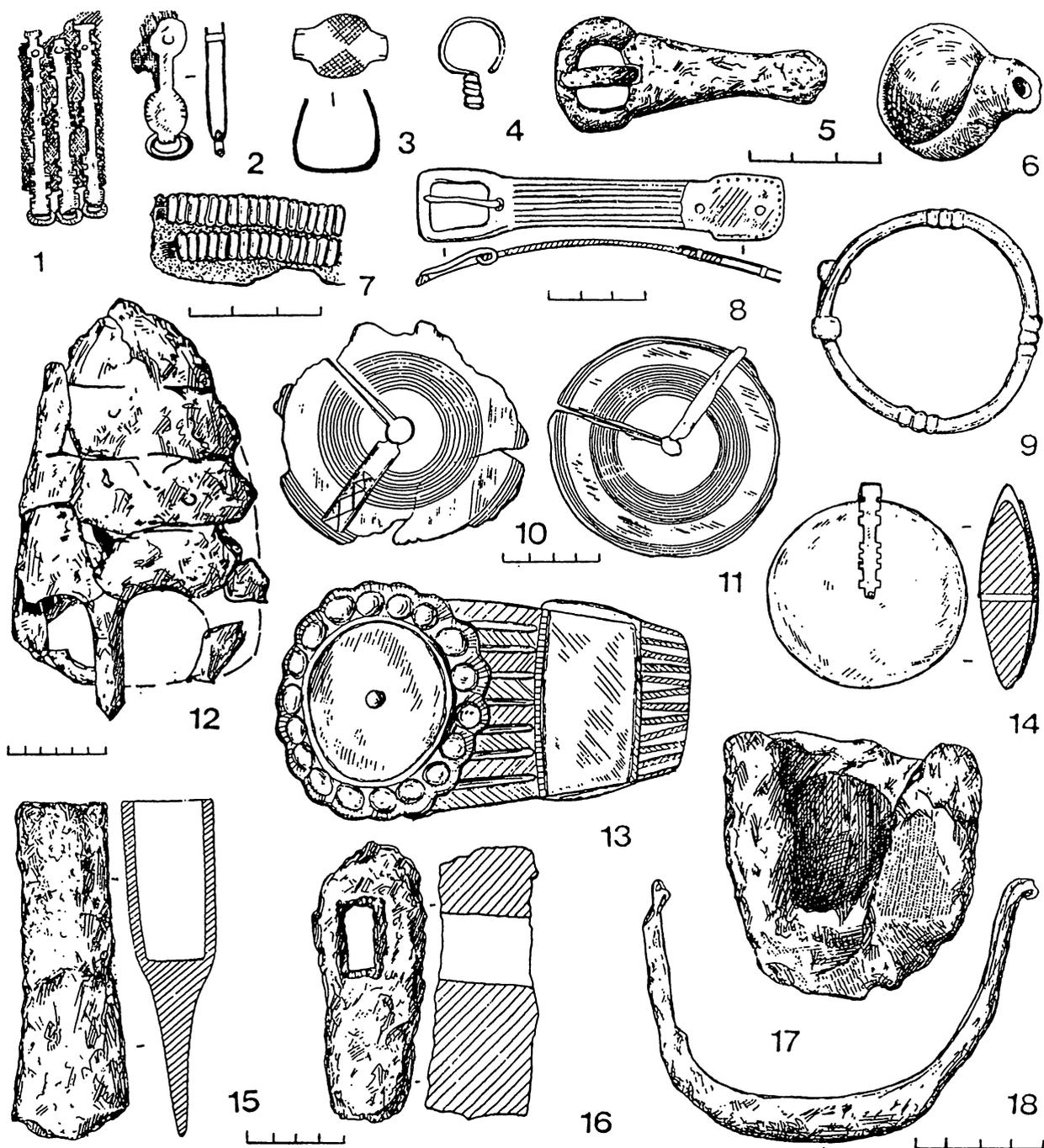

Рис. 129. Материалы погребения 88 Худяковского могильника.

1, 2 – накладки; 3 – перстень; 4 – височная подвеска; 5, 8 – пряжки; 6 – льячка; 7 – пронизки; 9 – браслет;
 10, 11 – сьюльгамы; 12 – шлем; 13 – эполтообразная застежка; 14 – подвеска; 15, 16 – топоры;
 17 – наконечник мотыги; 18 – скобель. 1, 7 – кожа, бронза; 2–4, 8–11, 13 – бронза; 5, 12, 15–18 – железо;
 6 – глина; 14 – халцедон, бронза

дом два скопления вещей. Один набор был уложен в плетеный берестяной туес, от которого сохранились слабые контуры. В нем находились меховая одежда, возможно, шапочка, украшенная бисером и бронзовыми пронизками (рис. 129–7), две фибулы (рис. 129–10, 11), бляха, височные подвески (рис. 129–4), перстень (рис. 129–3), эполетообразная застежка (рис. 129–13), под ней – халцедоновая подвеска (рис. 129–14) и свернутый кожаный пояс с накладками (рис. 129–1, 2). Второе скопление состояло из трех железных пряжек (рис. 129–5), втульчатого (рис. 129–15) и проушного (рис. 129–16) топоров, наконечника мотыги (рис. 129–17), ножа, удила, скобеля (рис. 129–18), глиняной льячки (рис. 129–6), бронзовых пронизок, браслета (рис. 129–9) и обувной пряжки (рис. 129–8). Скорее всего, это тоже могила местного воина-ремесленника, обладавшего шлемом импортного производства. Могила датируется III–IV вв. н. э.

Таким образом, мы располагаем весомыми доказательствами того, что в конце III – начале IV в. в Южном Прикамье – на р. Вятке, Средней Каме появилось пришлое население юго-западного происхождения. Возможно, эти группы имели смешанный готто-славянский облик и не столь уж фантастичными представляются сведения Иордана о том, что готская держава подчинила себе в середине IV в. н. э. племена мери, мордвы и чуди (Иордан, 1960, с. 89). Разумеется, вряд ли Прикамье входило в готскую державу, но в то же время это первое упоминание в письменных источниках финно-угорских племен имело под собой, видимо, реальную историческую основу – вооруженное вторжение небольшой группы готто-славян в Поволжье и Прикамье.

Второй поток инородных групп на юг Прикамья связан с несколько более поздним временем – концом IV–V в. К этому периоду относятся два курганных могильника – Тураевский и Кудашевский и некоторые погребения в бескурганых некрополях Тюм-Тюм, Первомайский и Тарасовский.

Тураевский могильник, расположенный на правобережье Камы, недалеко от устья Ижа, хорошо известен. Под руководством В.Ф. Генинга здесь раскопано 9 курганов с 15 могилами и 8 бескурганых погребений (1976, с. 55–108). Могильные ямы отличались глубиной и каменной кладкой в засыпи. Захоронения воинские (рис. 130–1), у двух погребенных отсутствовал череп, у третьего он лежал отдельно, в небольшом прикопе. Инвентарь могил красноречиво убеждает в том, что это захоронения ратников – в них обнаружено 8 мечей (рис. 130–19, 20), 11 ножей (рис. 130–17) и кинжалов, 8 наконечников копий (рис. 130–16), 2 шлема (рис. 130–18), 4 кольчуги, 5 топоров (рис. 130–12, 13), в трех могилах 10 удила (рис. 130–14), 7 «кос» (рис. 130–15) и множество бронзовых и серебряных пряжек (рис. 130–2–5), наконечники ремней (рис. 130–10, 11), пряжки-колечки (рис. 130–9), уздечные обоймы (рис. 130–8), подпружные железные пряжки (рис. 130–6), бусины из янтаря (рис. 130–7) и другие вещи. В.Ф. Генинг датировал исследованные курганы концом IV – первой половиной V в. н. э. (1976, с. 107–108).

В 1986–1990 гг. отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета под руководством Н.В. Водолаго была открыта и раскопана рядом с курганами бескурганная часть, содержащая 266 захоронений (рис. 130–1). На раскопанной площади хорошо видны остатки поисковых траншей В.Ф. Генинга 1970 г. Ни один край могильника раскопом Н.В. Водолаго не выявлен, очевидно, это достаточно крупный некрополь. Могилы располагались нечеткими рядами, взаимонарушений почти нет. Большинство захоронений индивидуальные, способ – труположение, вытянуто на спине. Антропологические определения, выполненные Г.В. Рыкушиной (г. Москва), показали следующий состав умерших: женщины – 52,4%, мужчины – 32,6%, дети – 15%.

В погребальном обряде прослеживаются черты, характерные для местного обряда III–V вв. н. э.: многочисленность сопровождаю-

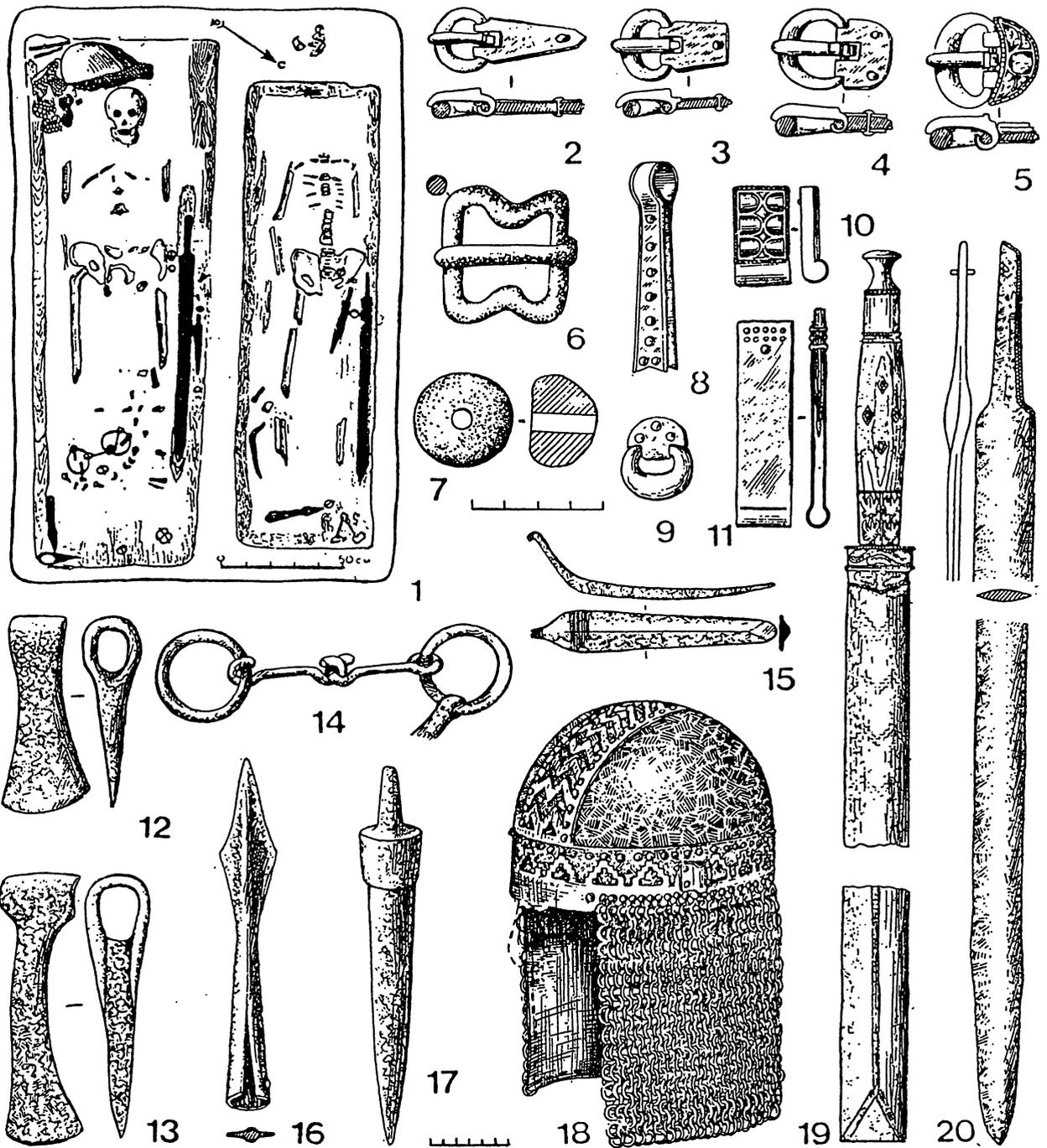

Рис. 130. Материалы Тураевского курганного могильника (по В.Ф. Генингу).

1 – план погребения 1 кургана VII; 2–6 – пряжки; 7 – бусина; 8 – трезеля; 9 – ремешная подвеска; 10, 11 – наконечники ремней; 12, 13 – топоры; 14 – удила; 15 – стригиль; 16 – наконечник копы; 17 – нож; 18 – шлем; 19, 20 – мечи. 2–4, 8, 11 – бронза; 5, 10 – бронза, золото, камень, стекло; 6, 12–17, 20 – железо; 7 – янтарь; 9 – бронза, золото; 18 – железо, серебро, кожа; 19 – железо, дерево, серебро, бронза, кожа

щего инвентаря (90% всех могил), присутствие погребальных даров, положение пояса вдоль умершего (рис. 131–2). Инвентарь имеет характернейшие признаки местной культуры: это различные накладки местных типов (рис. 131–3–6, 16); подвески: круглые (рис. 131–7, 8), коньки (рис. 131–10), уточки (рис. 131–11), лапки (рис. 131–13), височные подвески с напускной бусиной (рис. 131–19), пронизки-трубочки (рис. 131–12), гривны (рис. 131–20), фибулы местных форм (рис. 131–22, 23). Пояса украшены бронзовыми пряжками (рис. 131–17) и наконечниками (рис. 131–18).

Глиняная посуда также представлена местными типами – чашевидные сосуды с примесью в тесте птичьего помета, шамота, сухой глины (О.А. Казанцева, 1996, с. 10), с прямой шейкой (рис. 131–24) или без нее (рис. 131–21), почти не имеющие орнамента или украшенные по шейке горизонтальными рядами редких ямок (рис. 131–24).

Бескурганые захоронения Тураевского могильника, судя по инвентарю, можно датировать более ранним временем, чем курганы, и отнести в основной своей части к IV в. Но, вероятно, на могильнике есть еще не раскопанные захоронения как более раннего, так и более позднего времени.

Курганы оставило пришлое население, которое было похоронено на местном кладбище с соблюдением некоторых деталей своих обрядов: сооружение курганов, каменных выкладок, но ориентировка и типы могильных ям совпадают с основной ориентировкой и типом могил автохтонного населения.

Памятник, близкий Тураевскому и по времени, и по характеру захоронений, – Кудашевский могильник – открыт и исследован недавно О.А. Казанцевой. Объект расположен в среднем течении одного из мелких левых притоков р. Тулвы, довольно далеко от Камы, поблизости от многочисленных поселений локального района пьяноборской общности. На могильнике выявлены как курганные (4), так и бескурганые (30) могилы, относящиеся к одному времени. Большинство

захоронений мужские, воинские, лишь одно – женское. Многочисленны предметы вооружения: пять шлемов, три кольчуги, панцирь, восемь топоров (рис. 132–11), семь мечей (рис. 132–13), пятнадцать «кос», в одном погребении их найдено пять, в другом – шесть (О.А. Казанцева, 1995, с. 210–211). Кроме того, обнаружено несколько серебряных рукоятей мечей (рис. 132–5) и халцедоновый диск, украшающий рукоять (рис. 132–2). В большом количестве найдены бронзовые трехсоставные пряжки (рис. 132–3), подвески (рис. 132–10), пронизки (рис. 132–8), бронзовый дрот (рис. 132–7). Оригинальны полихромная бусина (рис. 132–4), янтарные подвески (рис. 132–9) и нагрудник из бисера (рис. 132–12). Курганы, воинское снаряжение и его атрибуты явно свидетельствуют о пришлом характере населения, оставившего Кудашевский могильник, а вот глиняная посуда мало чем отличалась от керамики местных пермских племен (рис. 132–6), что свидетельствует, видимо, о начавшемся процессе ассимиляции. Автор раскопок датирует памятник концом IV – началом V в. н. э. (О.А. Казанцева, 1995, с. 211).

На Тарасовском могильнике I–V вв. н. э., расположенном на правом берегу Камы, напротив устья р. Буй, в результате раскопок 1980–1997 гг. исследовано 1879 погребений. Среди обычных могил с местным пермским инвентарем обнаружено несколько захоронений с престижным защитным снаряжением, выделяющим эти погребения среди остальных. В частности, в четырех погребениях (№ 6, 782, 1685, 1784) обнаружены шлемы, панцирь, кольчуга, мечи, наконечники копий, «косы», в двух могилах – топоры (5 и 6 экз.). Например, в погребении 1784 были найдены меч в деревянных ножнах, с деревянной рукоятью и навершием из зеленого стекла, железный нож, уздечка с бронзовыми накладками (рис. 133–6), двумя бронзовыми пряжками и железными удилами. Рядом лежала бронзовая пряжка (рис. 133–4) и наконечник ремня (рис. 133–3). В ногах обнаружены железная кольчуга, шесть железных топоров (рис. 133–

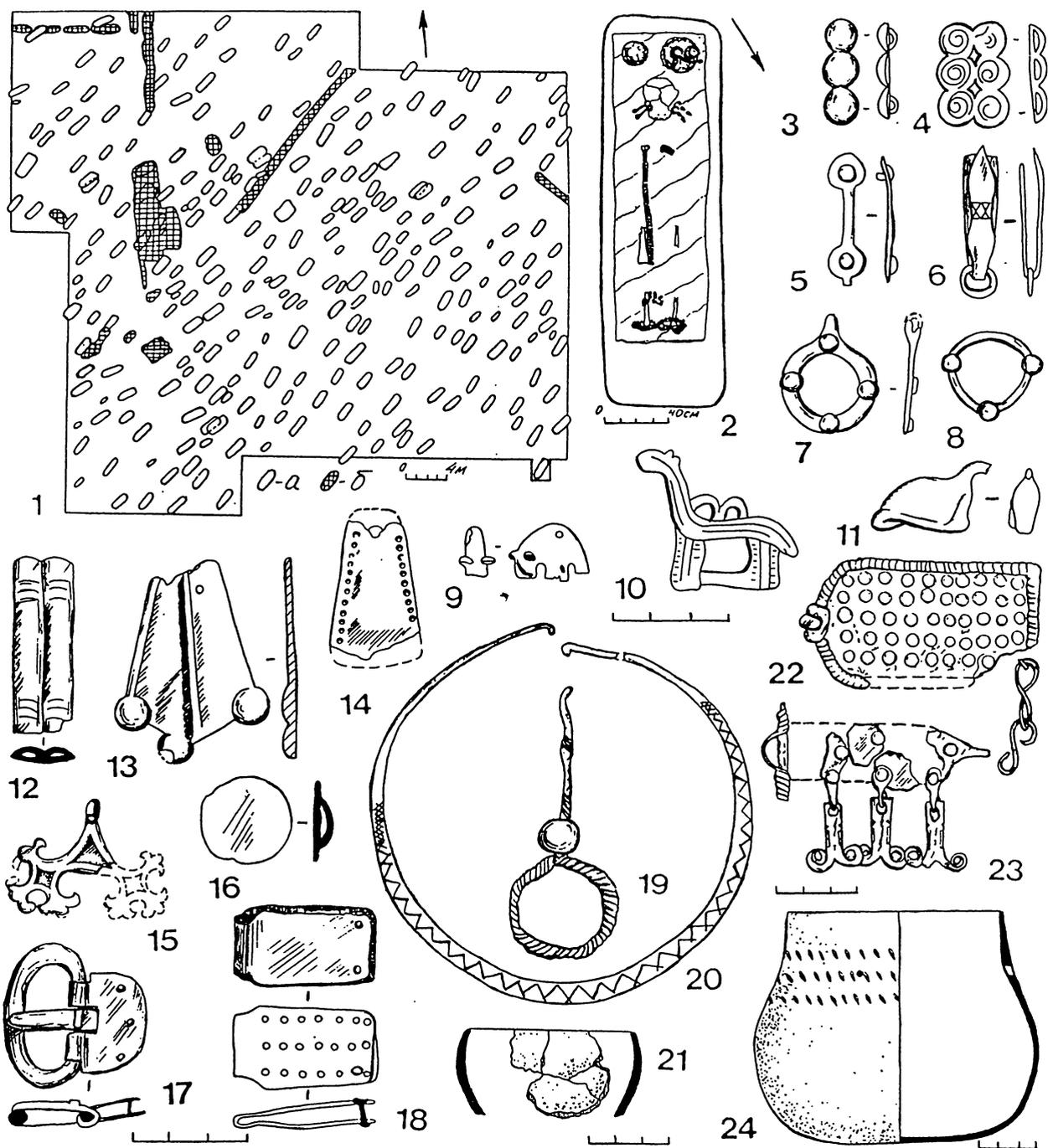

Рис. 131. Материалы бескурганной части Тураевского могильника.

1 — план раскопа: а — могила, б — разведочная траншея; 2 — план погребения 102; 3–6, 16 — накладки; 7, 8, 19 — височные подвески; 9 — проиизка-медведь; 10, 13–15 — подвески; 11 — проиизка-уточка; 12 — проиизка; 17 — пряжка; 18 — наконечник ремня; 20 — гривна; 21, 24 — сосуды; 22, 23 — фибулы. 3–18, 20, 23 — бронза; 19 — бронза, стекло; 21, 24 — глина; 22 — бронза, железо

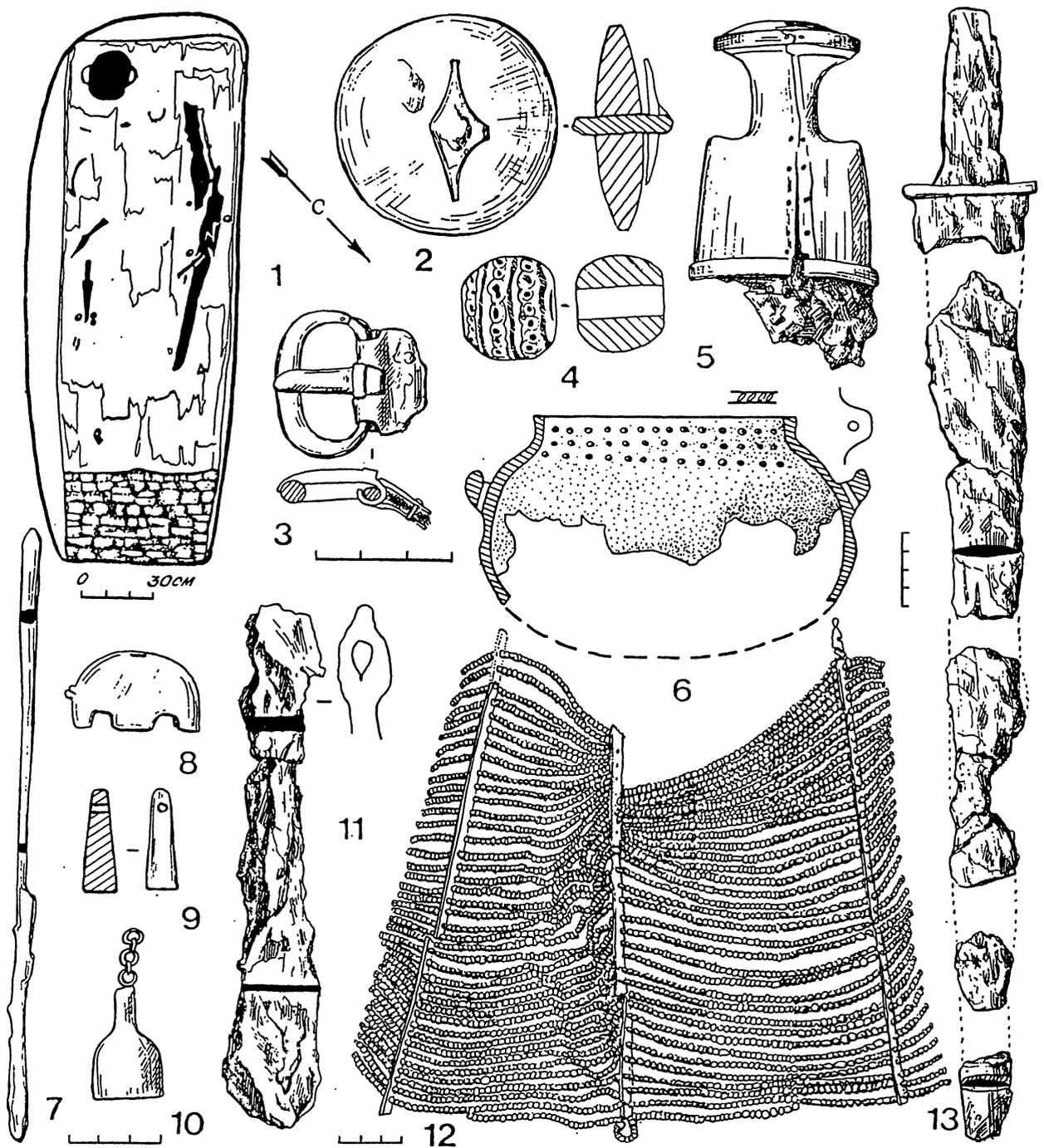

Рис. 132. Материалы Кудашевского могильника (по О.А. Казанцевой).

1 – план погребения б; 2, 5 – наконечники мечей; 3 – пряжка; 4 – бусина; 6 – сосуд; 7 – прут;
 8 – проишка-медведь; 9, 10 – подвески; 11 – топор; 12 – нагрудное украшение из бисера; 13 – меч.
 2–4 – погр. 8; 5, 13 – погр. 6; 6–10 – погр. 14; 11 – погр. 25; 12 – к. 1 погр. 2. 2 – халцедон, бронза;
 3, 7, 8, 10 – бронза; 4 – стекло; 5 – серебро, железзо; 6 – глина; 9 – янтарь; 11, 13 – железзо; 12 – стекло, бронза

7, 8), наконечник копья (рис. 133–9), железная «коса» (рис. 133–5), а также пряжки (рис. 133–2) и наконечники от обуви. В изголовье умершего располагался шлем (рис. 133–10) – сфероконический, сварной, с внешней стороны покрытый тонкой серебряной фольгой. Вдоль диаметральных осей, перекрещиваясь на вершине под прямым углом, шлем украшали две узкие полоски золотой фольги, каждая из которых прикреплена к корпусу двумя рядами бронзовых заклепок с полусферическими головками. Такой же двойной ряд заклепок проходит по нижнему краю шлема, и нижний ряд их крепит край кожаного подшлемника. Шлем снабжен бармицей кольчужного плетения с диаметром колец 10–15 мм. Погребения с предметами дорогой воинской экипировки располагаются в наиболее поздней части могильника.

Подобные следы внедрения пришлых групп зафиксированы и на р. Вятке. В частности, на одном из самых северных могильников азелинского этапа худяковской культуры – Первомайском – также обнаружено захоронение воина со шлемом, наконечником копья, мечом, топором, удилами. Интереснейшее захоронение выявлено С.В. Ошибкиной на могильнике Тюм-Тюм, где в могиле 94 обнаружено захоронение двух мужчин, покрытых мягким, видимо, кожаным покрывалом. В ногах погребенных лежал завернутый в луб сверток, в котором находились меч, три топора, три наконечника копья, скобель, уздечка, халцедоновый диск и другие вещи. Сверху располагались два бронзовых котла. Второе скопление погребальных даров представляло прямоугольник, выложенный одиннадцатью длинными железными боевыми топорами, внутри которого лежали пояс с накладками, бисер и бусы, орудия труда. Сверху все было покрыто конской сбруей и бронзовым котлом. Третий погребальный набор располагался слева от одного из погребенных и состоял из женского головного убора, подвески-конька и трех разбитых халцедоновых дисков. Еще два разбитых диска лежали сверху на

покрывале. Около каждого погребенного найдено много личного оружия (С.В. Ошибкина, 1979, с. 76).

Все отмеченные в этом разделе погребения отличаются несколько большими размерами могильных ям и их значительной глубиной. Преобладающая часть их мужские, воинские. Как показали исследования тарасовских и кудашевских скелетов, проведенные Г.В. Рыкушиной, среди них есть скелеты довольно юных людей – Тарасово, погр. 6 – 17–20 лет, Тарасово, погр. 782 – 18–20 лет, Кудашево, погр. 12, 15 – 20–25 лет. Обращает на себя внимание обилие дорогостоящего оружия: мечей, топоров (до 6 экз.), копий, «кос» (до 6 экз.).

Учитывая, что описанные могилы содержат не только близкие типы наступательного оружия, но и значительное число защитных доспехов, не имеющих прототипов в местном материале, – шлемов, кольчуг, панцирей, можно предполагать, что исходным районом этих погребений ратников был один и появились они в Прикамье одновременно.

Вопрос о времени притока этой группы населения в Прикамье в определенной степени решен предшествующими исследователями. В.Ф. Генинг датировал Тураевские курганы концом IV – первой половиной V в. н. э. (1976, с. 97–108). К этому же времени относит Кудашевский могильник и О.А. Казанцева (1995, с. 211). По данным Н.А. Лещинской, в V в. оставлены погребение 9 Первомайского могильника и могила 36 Тюм-Тюма с оружием и шлемом (1995, с. 92). Вряд ли есть серьезные основания пересматривать эту дату. К уже известным аргументам добавим еще: близость инкрустированных пряжки и наконечника ремня из Тураева (рис. 130–5, 10) подобным предметам из Муслимова, датированным И.П. Засецкой концом IV – первой половиной V в. (1994, табл. 43–3, 4, с. 130); золотое навершие меча из этого комплекса (И.П. Засецкая, 1994, табл. 43–10), подобные варианты которого, правда, выполненные из серебра, в нескольких экземплярах встречены в

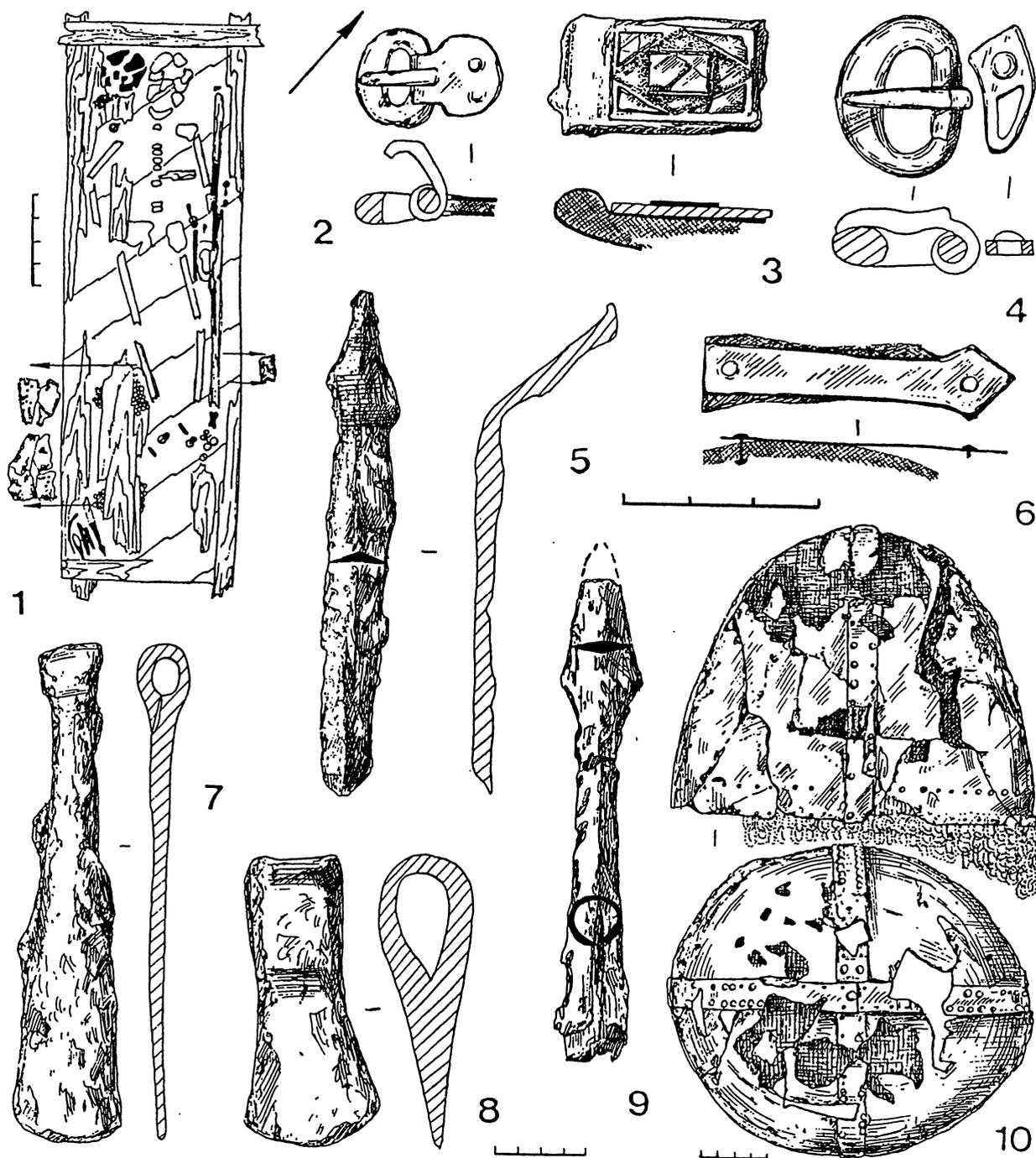

Рис. 133. Материалы погребения 1784 Тарасовского могильника.

1 – план могилы 1784; 2, 4 – пряжки; 3, 6 – наконечники ремня; 5 – стригиль; 7, 8 – топоры; 9 – наконечник копья; 10 – шлем. 2, 4 – бронза; 3 – бронза, стекло; 5, 7–9 – железно; 6 – кожан, бронза; 10 – кожан, железно, серебро, золото

Кудашевском (рис. 132–5) и Тураевском (рис. 130–19) могильниках; аналогичность железного шлема полусферической формы с нащечниками и наносником, склепанного из прямоугольных и трапециевидных пластин, из погребения 6 Тарасовского могильника шлему, найденному в комплексе у с. Концешты в Румынии, датируемом И.П. Засецкой первой половиной V в. (1994, табл. 20–4). Кстати, исходной формой этого типа шлемов были, видимо, шлемы римских легионеров (Археология Венгрии..., рис. 80). На конец IV – начало V в. указывает и наконечник ремня, украшенный перегородчатой инкрустацией из темно-красного стекла. Подобным образом орнаментированы и знаменитые поясные детали из керченских склепов конца IV – первой половины V в. (И.П. Засецкая, 1979, рис. 3–66).

Что касается истоков пришлого населения, то здесь у исследователей нет единого мнения. Уже при публикации материалов Тураевских курганов В.Ф. Генинг связал памятник, на основании находки в погребении 1 кургана III плоскодонного неорнаментированного горшка, с именьковской культурой (1976, с. 108), и, таким образом, исследование проблем происхождения Тураевского населения неотделимо от выяснения истоков именьково. Анализируя материалы Тураевских курганов, В.Ф. Генинг неоднократно говорил об их сибирском происхождении и связывал их и именьковскую культуру с тюрками (1961а, с. 334–336; 1972, с. 292–295). Эту же точку зрения разделяли А.Х. Халиков (1971, с. 16) и П.Н. Старостин (1967, с. 31). Однако последний обращал внимание и на финно-угорский компонент в составе именьково. Довольно значительна группа ученых, утверждавших городецкое происхождение именьково (Н.Ф. Калинин, 1951; А.П. Смирнов, 1952, 1965; А.М. Ефимова, 1962 и др.). Были и приверженцы угорской принадлежности этой культуры (П.Д. Степанов, 1964, с. 144–147). Однако в последние годы наиболее аргументированной представляется гипотеза Г.И. Матвеевой о славянс-

ких корнях именьковской культуры (Г.И. Матвеева, 1981, с. 52–73; 1986, с. 158–171). Кроме характерного глиняного сосуда с присущими особенностями именьковской керамики из Тураевского кургана есть еще одна категория вещей, указывающая на западное происхождение, – это некоторые типы подвесок. Среди множества вариантов местных форм в бескурганной части Тураевского могильника найдены две подвески явно нездешнего производства, это трапециевидная подвеска, украшенная по краю в характерной манере чеканки с изнаночной стороны (рис. 131–14) и подвеска-лунница с фигурными концами, оформленными трилистниками и гнездами для эмали (рис. 131–15). Первая из них имеет аналоги в именьковских (Г.И. Матвеева, 1981, рис. 14–5, 6) и зарубинецких (Ю.В. Кухаренко, 1964, табл. 17–1–3) материалах, вторая – в киевских (Е.А. Горюнов, 1981, рис. 12–1–3, 10–13; Этнокультурная карта..., рис. 10–33, 40, 42) и вельбаркских (Этнокультурная карта..., рис. 12–15). Скорее всего, именно с миграцией черняховско-вельбаркского населения в конце IV в. в низовья Камы и прилегающее Поволжье связано появление Тураевских, Кудашевских курганов и некоторых других памятников Прикамья. Причиной этой третьей миграции черняховцев в Приуралье, вероятно, явилось гуннское нашествие на Восточную Европу.

Обращает на себя внимание близость древностей азелинско-суворовского типа и тураевско-кудашевских. В обеих группах, хотя и разделенных временным интервалом, встречались близкие вещи, не характерные для Прикамья. Это прежде всего метательное оружие, названное В.Ф. Генингом «косы». Оно известно как в Суворовском могильнике (рис. 128–21), так и в Тураевском (рис. 130–15) и Тарасовском (рис. 133–5) могильниках. Халцедоновые диски, использовавшиеся в качестве наверший мечей или в нагрудных украшениях также найдены в Азелинском, Худяковском (рис. 129–14), Суворовском (рис. 128–20), также и в Кудашевском (рис. 132–

2) могильниках. Вызывают интерес и находки в обеих группах могильников странных железных предметов, напоминающих проушные топоры, однако отличающихся длинным (до 23 см) и узким телом и необычно узким (0,8–2,1 см) проухом (рис. 132–11, 133–7). Число их в одной могиле достигает 11. Судя по их форме – длинное тело и очень узкое отверстие для рукояти, – вряд ли они представляли собой боевое оружие. К тому же эта категория предметов была изготовлена из металла мягкой закалки (Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова и др., 1997, с. 144). Замечательное наблюдение было сделано Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой, которые обратили внимание на сходство по форме этих предметов Прикамья с железными секировидными гривнами, служившими единицей обмена в Норвегии и Чехословакии, где они встречались на памятниках VIII–IX вв. сотнями экземпляров. Отдельные находки отмечены в Польше и Швеции. Истоки этой традиции восходят к римскому времени (Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова и др., 1997, с. 149). Видимо, и в Прикамье аналогичные предметы использовались как полуфабрикат при торговле. Подобные изделия в количестве 26 штук найдены на Щербетском I селище именьковской культуры (П.Н. Старостин, Л.С. Хомутова, 1981, с. 209).

Следует отметить также и близость технологий кузнечного производства черняховской, азелинской и именьковской культур, выявленную Н.Н. Тереховой и Л.С. Розановой (1997, с. 146–148, 154–155), что может быть объяснено также общностью происхождения населения, оставившего памятники этих типов.

Появившись в Поволжье, именьковцы заняли довольно большую территорию: от среднего течения р. Суры на западе до р. Вятки на востоке и от р. Камы на севере до Самарской Луки на юге. Их памятники известны до конца VII в., когда именьковцы были разгромлены кочевниками-булгарами.

Однако не следует игнорировать и контакты южных пермян с сарматами Поволжья. В частности, население мазунинского

этапа чегандинской культуры, видимо, поддерживало довольно тесные отношения с сарматами, так как у сармат Поволжья встречались фибулы мазунинского типа (А.С. Скрипкин, 1984, рис. 12–36). Кроме того, по мнению М.Г. Мошковой, именно мазунинское и бахмутинское население изготовляло и поставляло сарматам Поволжья и Приуралья некоторые типы пружинных фибул с высоким массивным приемником с завитком на конце и пластинчатой спинкой треугольной, ромбической или круглой формы, лучковые фибулы с раскованным прямоугольным окончанием спинки, украшенным резным орнаментом, а также витые гривны (Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время..., с. 201, табл. 82–101, 102, 106; А.С. Скрипкин, 1984, рис. 12–29, 32, 33, 35).

Другим районом Прикамья, испытывавшим воздействие несколько иных явлений великого переселения народов, было Северное Прикамье и прилегающие к нему области. Здесь не ощущается проникновения в среду местных племен инородного населения до конца IV в., так как район этот весьма далек от волго-днепровских путей и Северной и Центральной Европы, где великое переселение народов началось значительно раньше. Область Северного Прикамья вошла в орбиту переселения народов в связи с движением кочевников-гуннов из Центральной Азии по степям Сибири, Нижнего Поволжья в Восточную Европу. По свидетельствам письменных источников, гунны были воинственны и жестоки. Они нападали на встречающиеся на их пути народы, многих убивали, оставшихся присоединяли и заставляли двигаться вместе с ними на запад. Около 370 г. неисчислимые орды гуннов и присоединенных ими народов перешли Волгу, разгромив поздних сарматов (алан). Они заняли Приазовье, Крым, разграбили Боспорское царство. В 375 г. гунны вторглись в пределы готского объединения в Северо-Западном Причерноморье и разбили готов. Вождь готов Германарих покончил с собой. В 378–445 гг. гунны создали племен-

ной союз с центром в Северном Причерноморье. В 420 г. гунны захватили Паннонию, в 434 г. осадили Константинополь. Дальнейшая их история связана с Западной Европой.

Сталкиваясь с гуннами, некоторые группы степного и лесостепного населения пытались скрыться от них в новых, более глухих и, как правило, более северных районах, обретая новую родину. Одна из таких групп появилась в Кунгурской лесостепи в конце IV в. и принадлежала преимущественно угорскому населению саргатской культуры лесостепного Зауралья. Памятники саргатской культуры IV в. до н. э. – IV в. н. э. концентрируются в лесостепях Западной Сибири, в бассейнах Иртыша, Ишима и Тобола (Л.Н. Корякова, 1988).

Западный вариант саргатской общности, занимавшей бассейн Тобола, расположен недалеко от Уральского хребта. Истоки левобережных притоков Тобола – Исети, Пышмы очень близко подходят к истокам Чусовой и Сылвы, пересекающим Уральские горы в широтном направлении и во все времена являющимися наиболее легким путем из Сибири в Приуралье. Перейдя под давлением гуннов Уральские горы, саргатцы оставили в Прикамье несколько скоплений памятников (рис. 127): 1) в устье р. Шаквы, правого притока р. Сылвы (Броды, Спас, Плеханово); 2) в низовьях р. Сылвы (у оз. Дикого, Заборье, Калашниково, Курманаево); 3) в среднем течении р. Шаквы (Копчиково, Кляпово, Верх-Сая); 4) на левобережье р. Камы, южнее современного г. Перми (Качка, Салтанаиха, Мокино); 5) на правобережье р. Камы, севернее г. Перми (Полуденка, Беклемишево, Бурково, Б. Висим). Эти группы близки по особенностям погребального обряда, инвентарю и керамике.

Наиболее ранним из этих памятников (конец IV–V в. н. э.) является Бродовский курганный могильник возле г. Кунгура. Здесь в раскопках 1978–1979 гг. были исследованы остатки 107 погребенных эпохи великого переселения народов: 46 мужчин, 30 женщин, 9 детей, а в 22 случаях пол захороненных не был определен. Инвентаря в могилах очень

мало, в 23 нет никаких вещей. Основная масса захоронений мужские, воинские. Из украшений встречались только бронзовые пряжки и наконечники ремней, в 6 погребениях найдены мечи, в 9 – наконечники стрел, в одном – костяная накладка от лука, в 7 могилах – железные удила, почти во всех – железные ножи. Женщин было меньше одной третьей части всего населения, а дети составляли лишь одну двенадцатую часть. Значительное число женщин и детей, видимо, не перенесли длительного путешествия.

Изолированность группы, оставившей Бродовские курганы, подтверждается и распространенным здесь заболеванием, при котором поражались костные ткани, они размягчались, образовывались отверстия в черепах, а также происходили самопроизвольные переломы конечностей. Эта болезнь хорошо известна современной медицине и называется миеломной. Она поражала чаще всего мужчин. Следы этой болезни зафиксированы на нескольких скелетах из Бродов (заключение Р.М. Фаттахова).

Это было лесостепное скотоводческое население с развитым культом коня. В могилах найдены бронзовые подвески-коньки. В мужских захоронениях обнаружены остатки уздечек. Судя по костям животных, сохранившимся в курганных насыпях и канавках, бродовцы разводили лошадей (63,6% всех костей), крупный (27,3%) и мелкий рогатый скот (9,1%). Отсутствие костей свиньи косвенно свидетельствует о длительном путешествии бродовцев – свинья не переносит таких перекочевков, а население Прикамья умело разводить свиней уже во II тыс. до н. э. Кстати, саргатцы свиноводством и не занимались (Л.Н. Корякова, 1988, с. 143–144).

Появившись в Прикамье, саргатцы невольно вступили в конфронтацию с жившим здесь местным пермским гляденовским населением. Сначала это были далеко не мирные отношения, о чем свидетельствуют случаи насильственной смерти (братская могила 7 молодых воинов, несколько погребенных,

убитых стрелами и т. д. в Бродовских курганах). Однако со временем были найдены иные контакты с местным населением. Скорее всего, потребность в женах заставила пришлых людей искать пути мирного сосуществования. В результате взаимодействия саргатского пришлого и местного пермского населения здесь сложилась оригинальная неволинская культура. Не исключено, что в составе мигрантов были небольшие группы позднесарматского населения, обитавшего в III–IV вв. преимущественно в верховьях р. Белой, хотя отдельные памятники известны и на р. Уфе.

В.Ф. Генинг, уделивший много внимания ситуации в Прикамье времен переселения народов, считал, что миграция лесостепных угорских групп из Зауралья имела место в III в. н. э. (1959, с. 182–189). Остается отдать должное интуиции этого исследователя. Несмотря на почти полное отсутствие материалов памятников лесостепного Зауралья, он верно обозначил направление движения и этническую оценку пришлых групп. Однако время миграции определено не совсем точно. Как видно по материалам Бродовского могильника, это произошло не в III в., а на рубеже IV–V вв. н. э. (Р.Д. Голдина, 1991, табл. 1).

Следующая волна передвижения пришлых групп, возможно, уже частично ассимилированных (курганый обряд еще сохранился, но керамика и украшения уже несут явные следы воздействия гляденовского населения), отразилась в появлении в Северном Прикамье двух групп курганов: первой – собственно на р. Каме (Харино, Пыштайн, Бурдаково, Агафоново), второй – на р. Лолог, притоке р. Косы, левом притоке р. Камы (Митино, Пеклаыб I, II, Чазево I, II, Бельково) (В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина, 1973). Движение осуществлялось вверх по р. Каме. Судя по инвентарю,

это событие произошло в середине V в. К концу V в. следует относить появление курганов еще севернее – на территории современной Республики Коми (Весляна I, Борганъель, Ювана-яг, Шойна-яг). Здесь выделяются три локальных района размещения пришельцев: верховья Выми (Весляна I), бассейны Нившеры (Борганъель и Ювана-яг) и Сысолы (Шойна-яг). Л.И. Ашихминой (1988, с. 18), вслед за В.А. Обориным (1969), обозначены три возможных пути движения на Вычегду: 1) по р. Колве и ее притокам; 2) по Южной Кельтме на Северную Кельтму, приток р. Вычегды; 3) по р. Весляне на р. Вочь и на р. Вычегду.

К концу V в. харинско-гляденовское (ломоватовское) население достигло верховьев р. Камы (Аверино) (Р.Д. Голдина, В.А. Кананин, 1989, рис. 67), а также верховьев р. Чепцы (Полом, Варни) (Р.Д. Голдина, 1995, рис. 3), еще сохранив в некоторых случаях традиции сооружать небольшие насыпи, окруженные канавками, и инвентарь с ярко выраженным трансформированным харинским обликом.

Итак, несмотря на отдаленность Прикамья от степной зоны, где совершались основные события великого переселения народов, эта область также оказалась в силу своего географического положения и связи с одной из основных водных артерий – Волгой – вовлеченной в перемещения племен. Фиксируется по меньшей мере три волны миграций в Прикамье. Две осуществились преимущественно прото-славянскими группами, первая – в III в., вторая – в конце IV в. в южные районы Прикамья и на Вятку и третья волна в Северное Прикамье угорским населением (саргатская культура Зауралья) также в конце IV в. Появление здесь нового населения, бесспорно, дало новый мощный импульс прогрессу пермских народов.

ГЛАВА V

ДРЕВНЕУДМУРТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VI–XIV ВВ.)

5.1. Южная Удмуртия в эпоху средневековья (VI–XIV вв.)

Средневековым древностям Южной Удмуртии повезло меньше, чем ананьинским или пьяноборским. Целенаправленно их стали изучать значительно позже, так как из-за своей специфики – менее выразительные, да и более рассеянные по территории – они не сразу обратили на себя внимание, хотя впервые стали объектом изучения еще до революции 1917 г. В 1882 г. Г.Н. Потаниным были проведены небольшие раскопки на Верхнеутчанском городище и осмотрены Варзиятчинские городища на юге Удмуртии (1882, с. 308–311). Городища по рр. Иж и Тойма обследовал в конце 80-х гг. А.А. Спицын и отметил их вотское (удмуртское) происхождение (1889, с. 1–38). В 1893–1894 гг. Ф.Д. Нефедов провел небольшие раскопки на Нырғындинском I (Ола-Курук, Ильнешском) городище и осмотрел несколько памятников в бассейне р. Тоймы (1899, с. 42–75). Благодаря Л.И. Беркутову в начале XX в. наряду с ананьинским и пьяноборским пополнялся и средневековый материал (1914, с. 35–89). В 1936 г. на юге Удмуртии организовал разведочные работы А.П. Смирнов и пришел к выводу, что эта территория была мало заселена и ее освоение относится лишь к X–XII вв. (1941, с. 110).

Существенно пополнился список известных средневековых объектов в 1954–1957 гг. в связи с работой Удмуртской экспедиции,

руководимой В.Ф. Генингом (1958, с. 25 и др.). Важные данные были получены В.А. Семеновым в результате раскопок в Алнашском районе Удмуртии Петропавловского могильника VI–VII вв. Он открыл также несколько новых поселений этого же времени (1976, с. 3–50).

60–70-е гг. – время интенсивного изучения средневековых объектов Южной Удмуртии. Довольно значительные материалы получены на городище Чеганда I (В.Ф. Генинг, 1967а, с. 141–163), Быргындинском II (Л.И. Ашихмина, 1977, с. 160–161), Зуево-Ключевском II (Р.Д. Голдина, 1976, с. 86–89) и других памятниках. Большие исследовательские работы проведены Т.И. Останиной на средневековых городищах, Кузубаевском I, Староигринском, Постольском, Сосновском и др. (1978, с. 192; 1979, с. 194–195; 1980, с. 163–164; 1983, с. 170; 1988, с. 190).

В 70-х гг. исследования начала Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского университета под руководством Р.Д. Голдиной. Коллективом этой экспедиции в Южной Удмуртии было организовано более 30 разведочных маршрутов, что способствовало результативным раскопкам. В 1976 г. Р.Д. Голдиной было изучено жертвенное место Чумойтло (1987а, с. 84–106), в 1987–1988 гг. О.В.Армаатынской – Тураевский II могильник первой половины II тыс. н. э. Но наиболее значительные результаты получены Т.К. Ютиной, целенаправленно изучавшей средневековые памятники Южной Уд-

муртии. Под ее руководством раскопаны Верхнеутчанское, Благодатское I, Варалинское, Варзи-Пельгинское городища и другие памятники (1983, с. 181–182; 1984, с. 53–66; 1986, с. 163–164; 1987, с. 219).

Верхнеутчанская культура (VI–IX вв.) располагалась в южной части Камско-Вятского междуречья, включая бассейны правобережных притоков р. Камы: Сивы, Ижа, Тоймы, а также верховья р. Валы – притока р. Кильмези. Выделена и исследована в 80–90-е гг. Т.К. Ютиной (Т.К. Ютина, 1984а, с. 71–94; 1985, с. 174; 1987а, с. 109–111; 1990, с. 123–127; 1994, с.). Известно около 100 памятников этого времени. Среди них более 30 неукрепленных поселений – селищ, которые занимали обычно невысокие мысы. Площадь их весьма вариативна: 250 – 6000 кв. м. Селища группировались вокруг городищ, которые располагались, как правило, на предшествующих ананьинско-чегандинских. Мощность культурных слоев – 0,1–1,5 м. Среди городищ Т.К. Ютиной выделены административные центры, убежища, сторожевые крепости.

Городище на одном из правобережных притоков р. Тоймы у с. Верхний Утчан Алнашского района Удмуртии, давшее название выделенной культуре, исследовано Т.К. Ютиной (1984, с. 53–66). Обнаружены остатки наземных сооружений, зольники, хозяйственные ямы и остатки металлургического производства: шлаки, литейная форма (рис. 134–20), пинцет (рис. 134–9), тигель (рис. 134–18) и льячка для разлива металла (рис. 134–17). Среди находок – бусы (рис. 134–1–3), пряжка (рис. 134–5), подвеска (рис. 134–7), накладка (рис. 134–8), кольчужное кольцо (рис. 134–4), наконечники стрел из кости (рис. 134–10, 14), глиняные пряслица (рис. 134–15, 16), железное шило (рис. 134–22), рыболовные крючки (рис. 134–23, 24), ножи (рис. 134–25–27) и другие вещи. Интересный материал, свидетельствующий об оригинальном бронзолитейном производстве, был собран Т.К. Ютиной при раскопках Благодатского I городища (рис. 135).

Из могильников верхнеутчанской культуры пока исследован лишь один – Петропавловский (В.А. Семенов, 1976, с. 3–50). Он находится на высокой террасе р. Голошурминки, правого притока р. Ижа в д. Петропавловке Алнашского района Удмуртии. Здесь исследовано 28 захоронений VI–VII вв. Могилы располагались нечеткими рядами и группами (рис. 136–2). Ориентировка могильных ям двух видов – широтная и меридиональная. Глубина ям небольшая – 0,38–0,76 м. Размеры их соответствуют размерам погребенных людей. Зафиксированы два обряда погребения: трупоположение в гробовище, вытянуто на спине (17 захоронений) и трупосожжение на стороне, без вещей, причем остатки праха ссыпали в гроб и довольно компактной массой (9 случаев). Украшения и сопровождающий инвентарь бросали в могилу по мере ее засыпания. Характер находок от способа захоронения не зависел.

На Петропавловском некрополе собрано большое число поясной гарнитуры: пряжек (рис. 137–1, 5, 23), различных вариантов геральдических накладок (рис. 137–6–19), наконечников ремней (рис. 137–24–26). Встречались также сердоликовые и стеклянные бусы (рис. 136–5–11), височные подвески (рис. 136–12, 17, 20, 21), нагрудные подвески (рис. 136–19), пронизки (рис. 136–14–16), шейные гривны (рис. 136–18, 22), различные бляшки (рис. 137–20, 21, 27–29), фибулы (рис. 137–22) и другие вещи. Многочисленны железные предметы: наконечники стрел (рис. 138–1–5), удила (рис. 138–8, 10), шило (рис. 138–11), ложкарь (рис. 138–12), скобели (рис. 138–13, 14), серпы (рис. 138–15, 16), наконечники копий (рис. 138–17, 18). Несмотря на достаточно разнообразный погребальный инвентарь, шесть могил оказались без вещей. При этом в двух из них умершие были погребены по способу трупоположения, в четырех – трупосожжения.

Из единичных находок верхнеутчанской культуры интерес представляет бронзовая культовая пластина размером 10×18,2 см

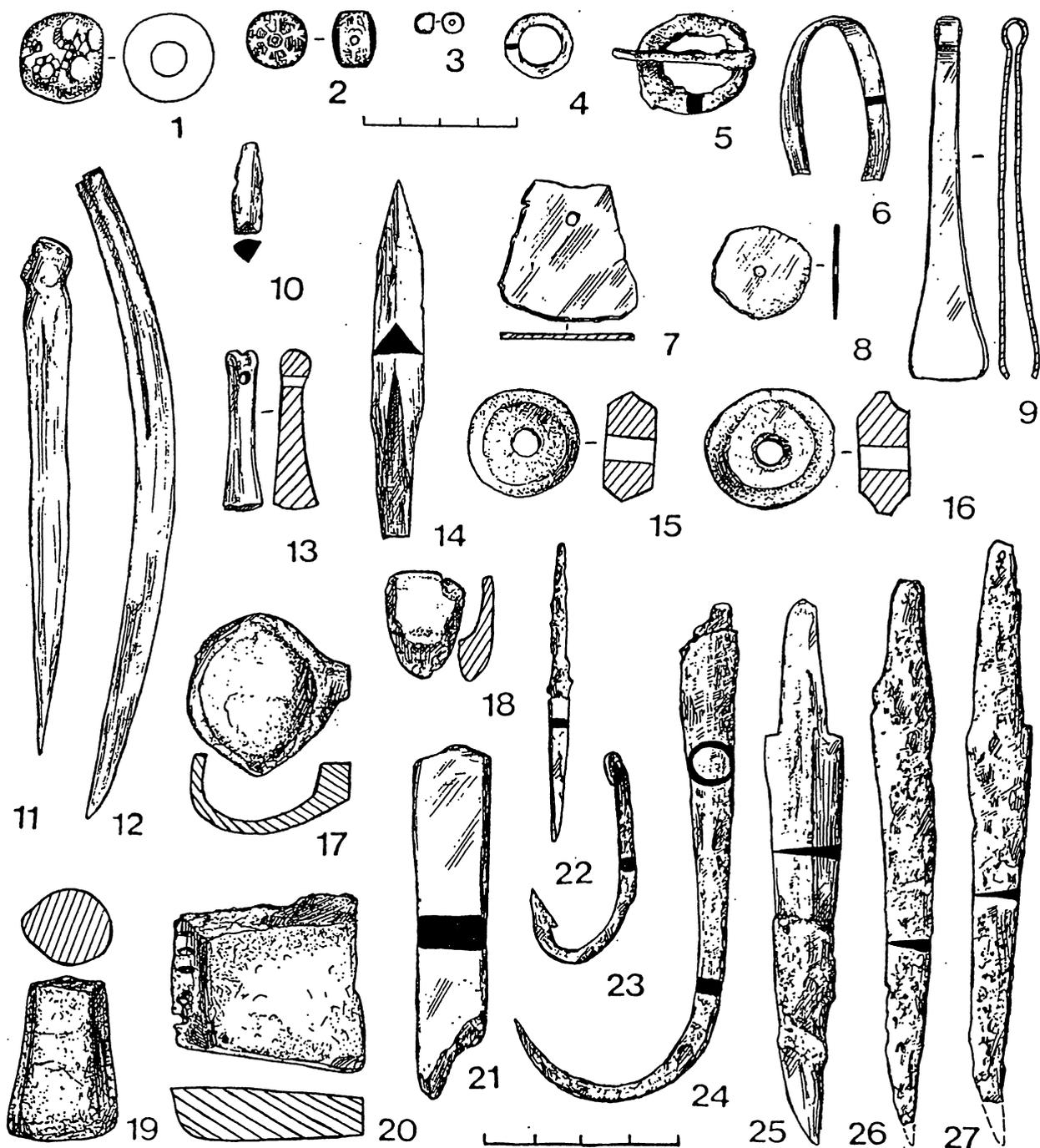

Рис. 134. Материалы Верхнеутчаинского городища (по Т.К. Ютиной).
 1-3 - бусы; 4 - кольчужное кольцо; 5 - пряжка; 6 - обойма; 7, 13 - подвески; 8 - накладка; 9 - иглолка;
 10, 14 - наконечники стрел; 11, 12 - острия; 15, 16 - пряслица; 17 - льячка; 18 - тигель; 19 - пест;
 20 - литейная форма; 21 - точило; 22 - иголка; 23, 24 - рыболовные крючки; 25-27 - ножи. 1, 3 - стекло;
 2 - сердолик; 4, 5, 22-27 - железо; 6-9 - бронза; 10-14 - кость; 15-18 - глина; 19-21 - камень

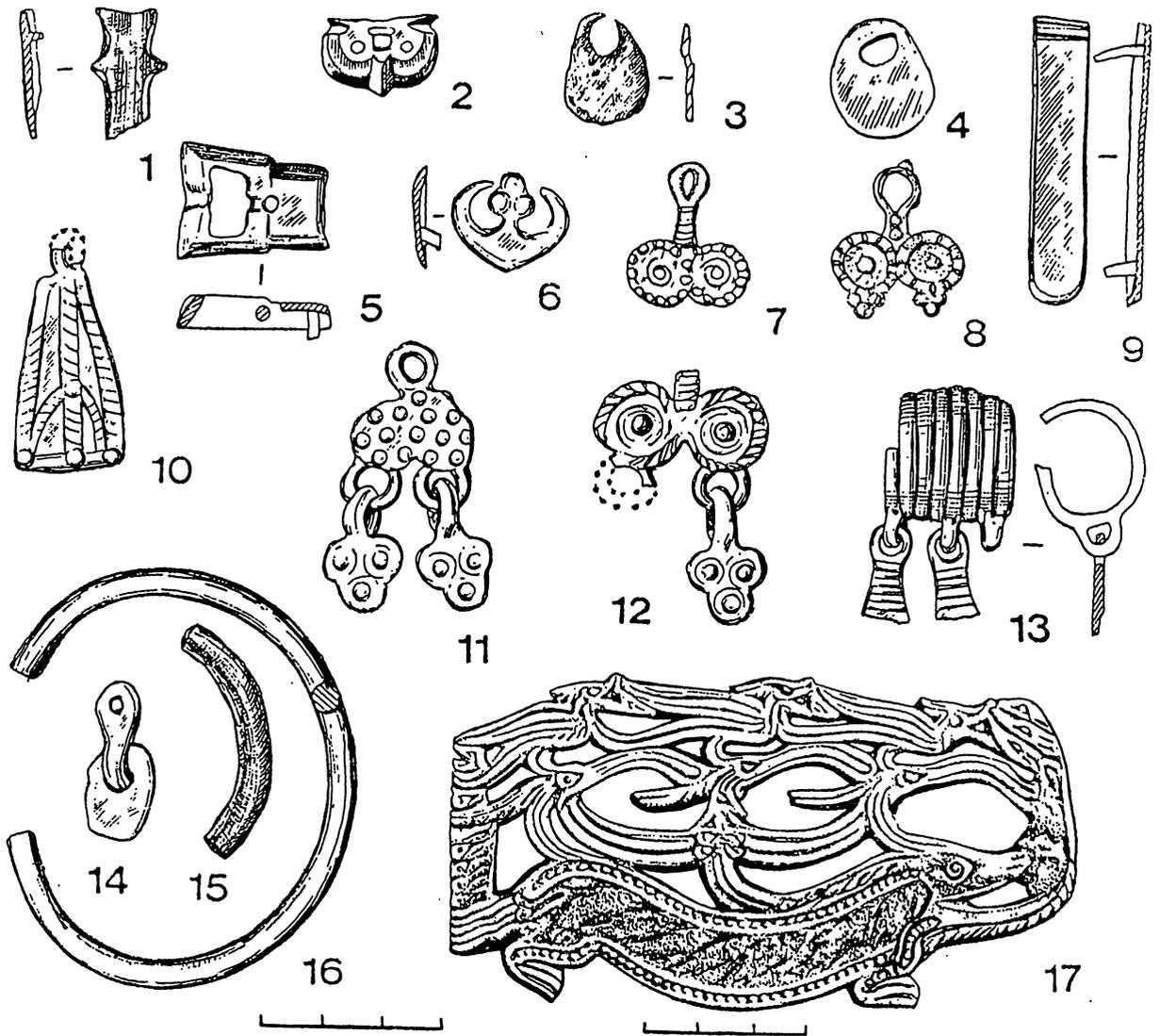

Рис. 135. Бронзовые изделия верхнеутчанской культуры.
 1, 2, 6, 9 – накладки; 3, 4, 7, 8, 10–12, 14 – подвески; 5 – пряжка; 13 – перстень; 15, 16 – браслеты;
 17 – культовая пластина. 1–16 – Благодатское I городище (по Т.К. Ютиной);
 17 – Нырғындинская находка (по А.А. Спицыну)

Рис. 136. Материалы Петропавловского могильника (по В.А. Семенову).
 1 – топографическая схема; 2 – план раскопа; 3 – план погребения 12; 4 – план погребения 4;
 5–11 – бусы; 12, 17, 20, 21 – височные подвески; 13 – цепедержатель; 14–16 – проишки;
 18, 22 – обломки гривен; 19 – подвеска. 5–8 – сердолик; 9–11 – стекло; 12–22 – бронза

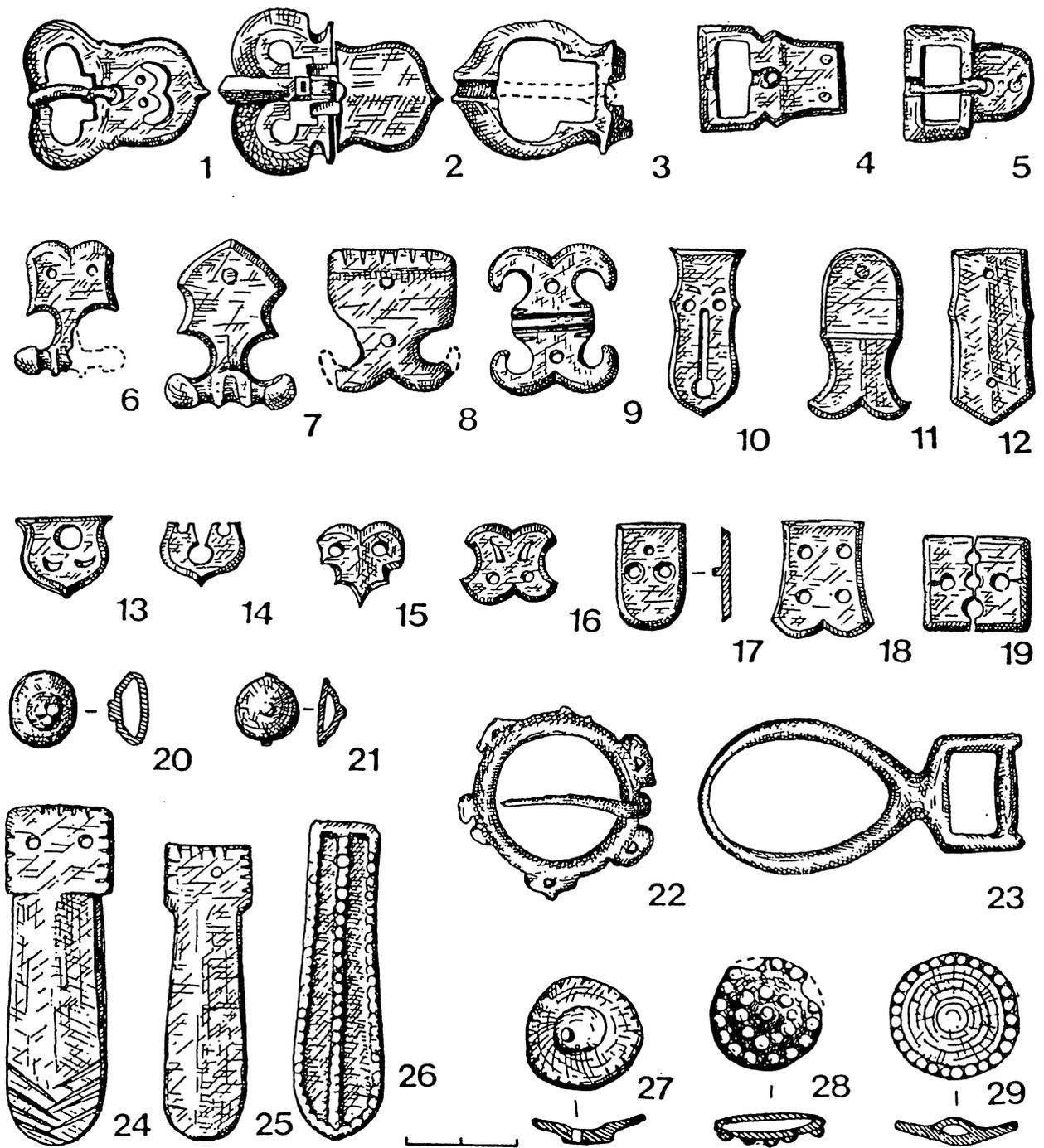

Рис. 137. Бронзовые изделия Петропавловского могильника (по В.А. Семенову).
 1-5, 23 - пряжки; 6-19 - накладки; 20, 21, 27-29 - бляшки; 22 - фибула; 24-26 - наконечники ремней

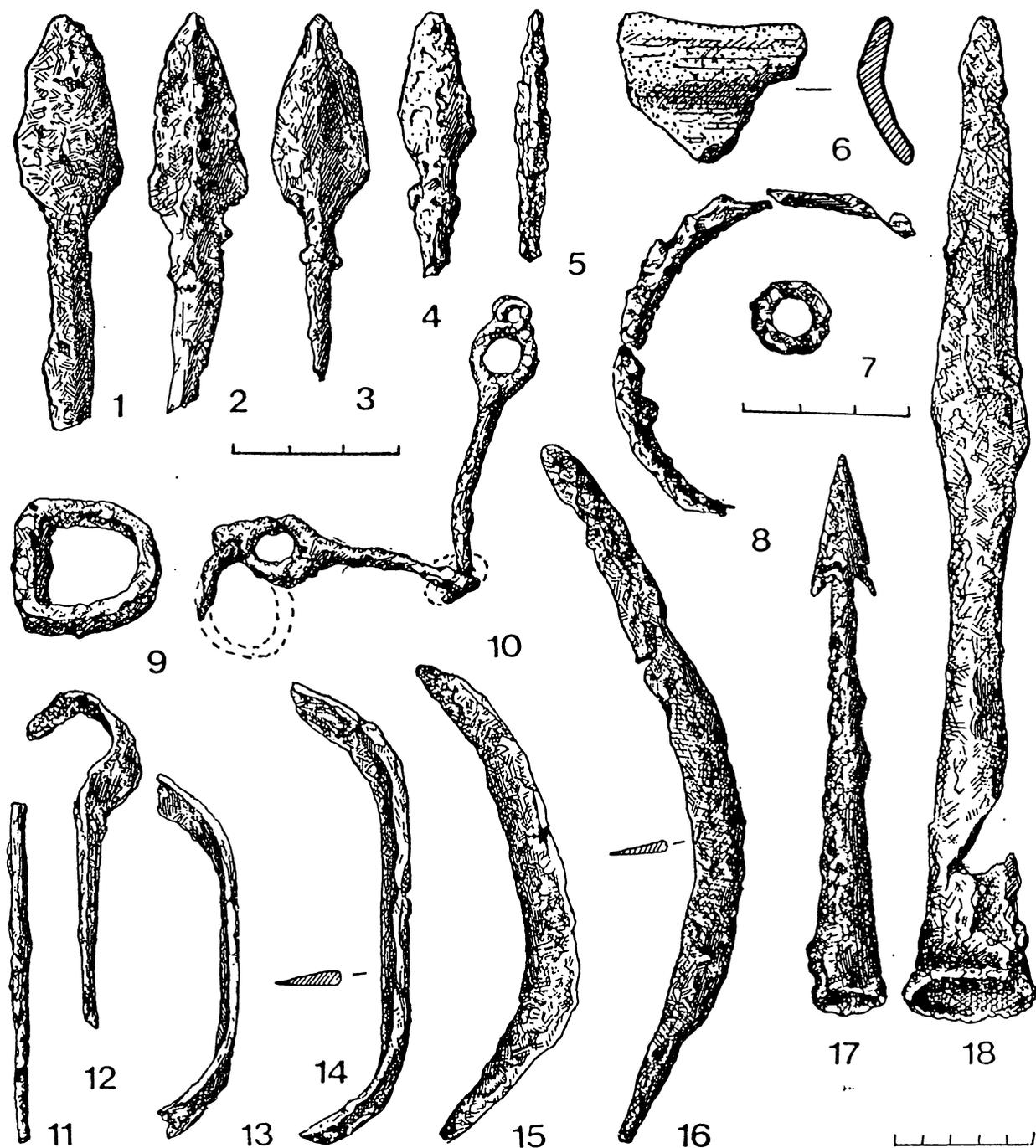

Рис. 138. Железные и глиняные изделия Петропавловского могильника (по В.А. Семенову).
 1-5 - наконечники стрел; 6 - фрагмент сосуда; 7 - кольчужное кольцо; 8 - обломок псалии;
 9 - зажимное кольцо; 10 - удила; 11 - шило; 12 - лоскарь; 13, 14 - скобель; 15, 16 - серпы;
 17, 18 - наконечники копий. 1-5, 7-18 - железо; 6 - глина

(рис. 135–17), найденная А.А. Спицыным в 1898 г. возле д. Ныргында. А.А. Спицын написал о ней: «великолепная поделка... огромный весьма типичный ящер, длинный, изогнутый, с коротким пушистым хвостом и короткими лапами, на сильно вывернутой нижней челюсти и на шее – волоса, верхняя челюсть иззубрена. По туловищу семь рыб для обозначения водного существа. Сульде (человеко-лось) со сложенными вперед ногами также очень типичен: крылья длинные, трехперые с глазками. Из головы сульде, головы и крестца ящера выступают длинные головы лося с выступающими из них фигурами кричащих птиц; у голов лося перистые уши и подбородки, у птиц перистые бока и уши. Отдельные головы: две человеческие и 11 звериных, группами и в одиночку» (1906, с. 52). Эта пластина представляет собой один из выдающихся образцов пермского звериного стиля, расцвет которого падает на эпоху раннего средневековья. С точки зрения художественной композиция совершенна, мастер не только воплотил в бронзе сложные многофигурные элементы, но и живо передал стремительность движения, полета всех составляющих его фигур. Ныргындинский ящер датируется VI–VIII вв.

На верхнеутчанских памятниках Т.К. Ютиной выделено несколько комплексов глиняной посуды (1994, с. 9–10). Собственно верхнеутчанский, местный, обязанный происхождением чегандинско-мазунинскому тип керамики имеет преимущественно характерную, довольно низкую округлодонную чашевидную форму с разными вариантами оформления горловины: профилированную открытую и закрытую, а также непрофилированную прямостенную (рис. 139–1–13, 15; 140). Глиняное тесто этой посуды содержит традиционно камские примеси: толченую речную раковину, шамот, растительные остатки в разных сочетаниях. Однако поверхность их не так тщательно заглаживалась, как в ананьинско-чегандинское время. Орнамент нанесен по верхнему срезу горловины сосудов в

виде насечек или одного, или нескольких рядов вдавлений различной формы по шейке. Около 40% посуды не орнаментировано.

На памятниках Южной Удмуртии второй половины I тыс. н. э. встречается и посуда бахмутинского типа (рис. 141), распространенного в основном на территории Башкирии. Она представляла собой круглодонные округлобокие сосуды с оформленной горловиной, содержащие в глиняном тесте примесь песка или мелкого галечника, сплошь украшенные редкими, чаще круглой формы, ямочками. Появление их на правобережье р. Камы – результат начавшегося давления на удмуртское население бельского бассейна турбаслинских и романовских групп, появившихся там в VI в. Бахмутинцы, поселяясь на правобережье р. Камы, попадали в родственную среду и жили совместно с верхнеутчанцами на одних поселениях.

Наряду с местными типами керамики на верхнеутчанских памятниках найдены и инородные. Среди них довольно многочислен именьковский. По данным П.Н. Старостина, именьковское население заняло устье Камы и прилегающее Поволжье, дойдя до правобережья р. Камы до устья р. Вятки (1967, табл. 1). Т.К. Ютина выявила в Южной Удмуртии, преимущественно на камском побережье и в бассейне Тоймы, 14 пунктов с находками именьковской керамики, что отражает процесс прямого внедрения этого иноязычного населения в древнеудмуртскую среду. Наиболее значительная коллекция именьковской посуды происходит с Благодатского I городища в Алнашском районе Удмуртии. Именьковская посуда – это плоскодонные сосуды с раздутым туловом, профилированной горловиной, почти не имеющие орнамента или украшенные насечками по венчику (рис. 142). Глиняное тесто содержит примесь шамота или песка. Наряду с посудой грубой выделки встречаются тонкостенные горшки с хорошо заглаженной поверхностью.

Именьковское население и его предшественники, оставившие славкинский и лби-

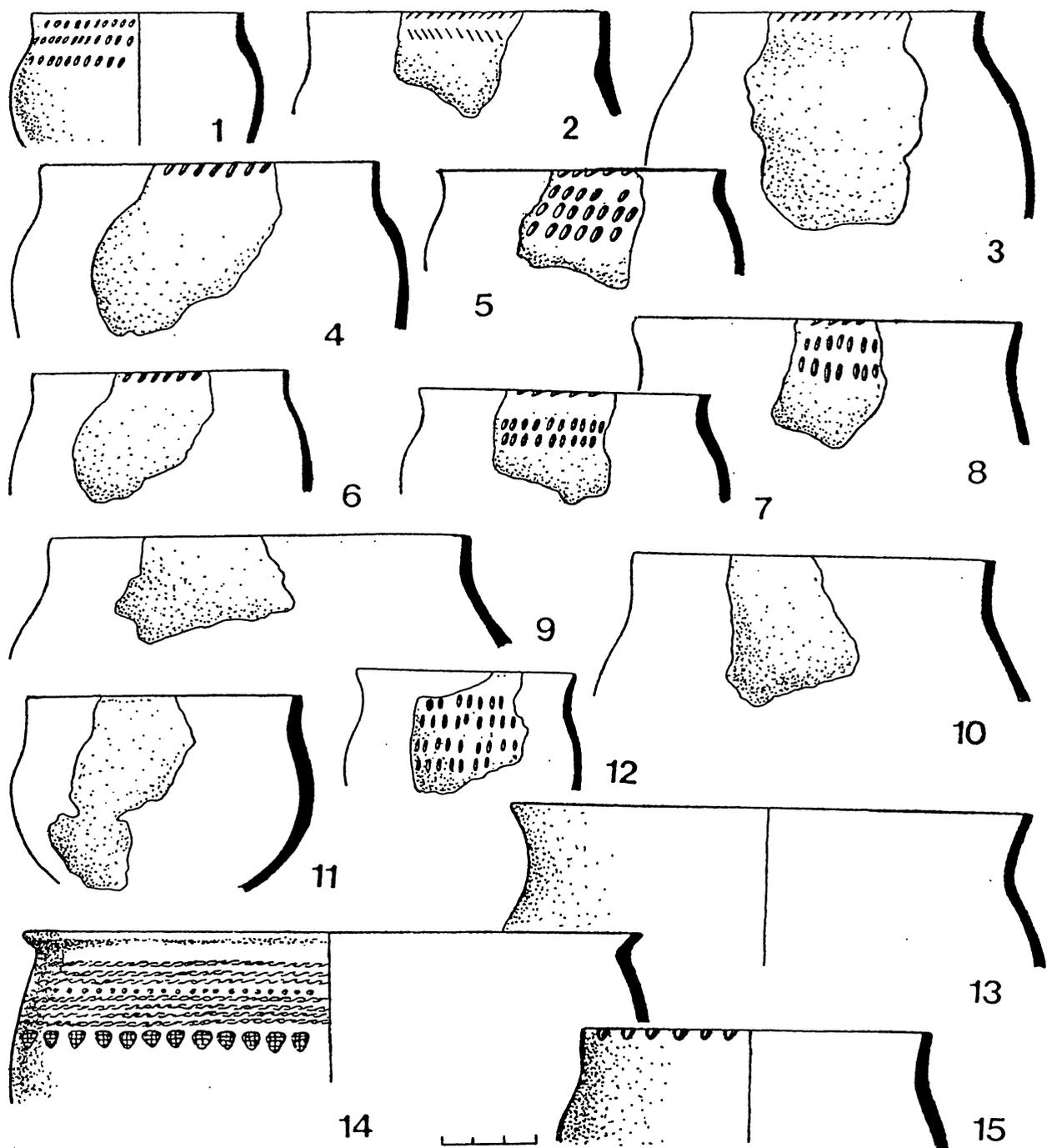

Рис. 139. Глиняная посуда городищ верхнеутчанской культуры.
 1–5 – Чужьяловское; 6–8 – Сосновское; 9–12 – Постольское;
 13–15 – Староигринское городища (по Т.И. Остапной)

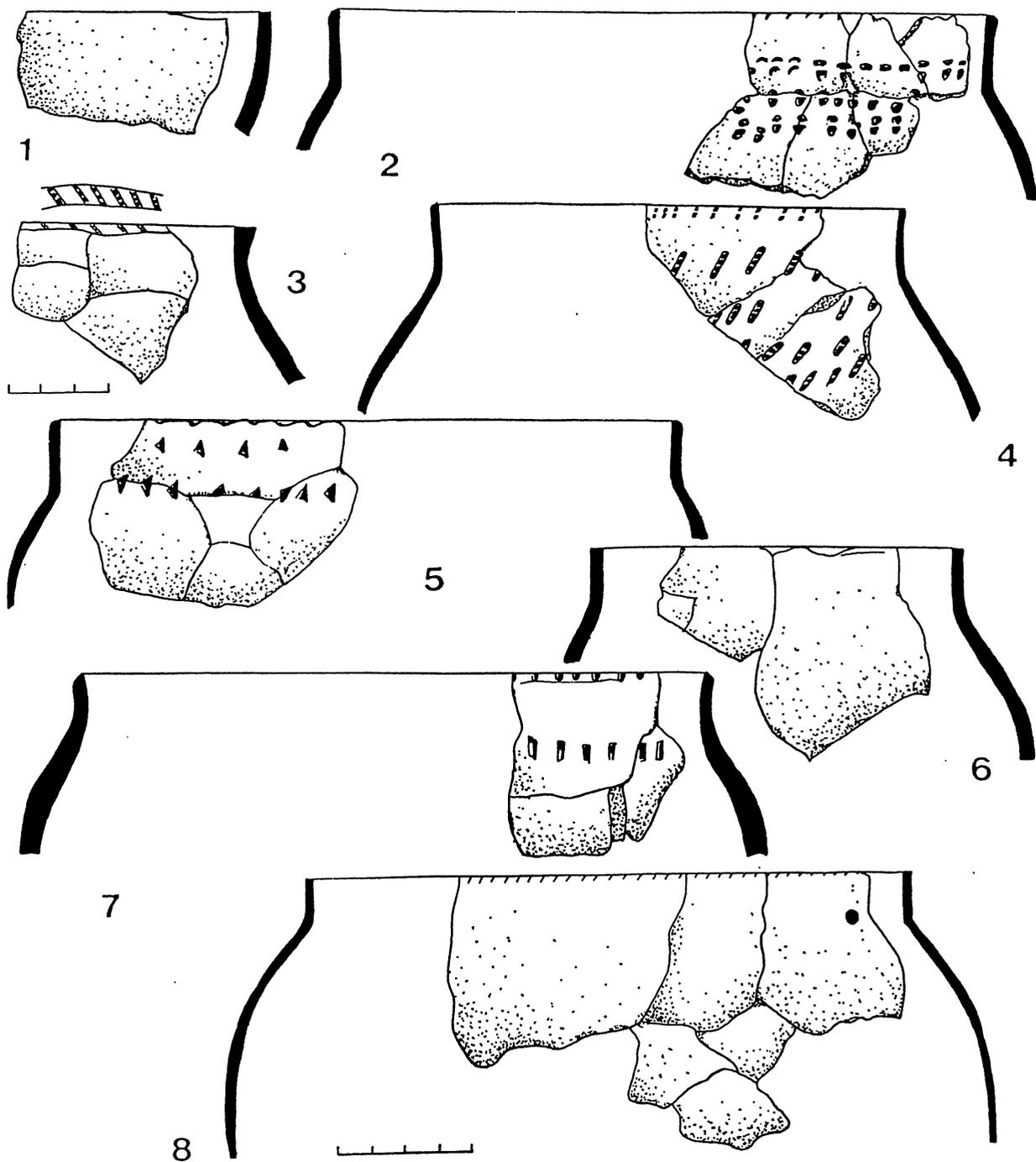

Рис. 140. Глиняная посуда верхнеутчанского типа Верхнеутчанского городища (по Т.К. Ютиной)

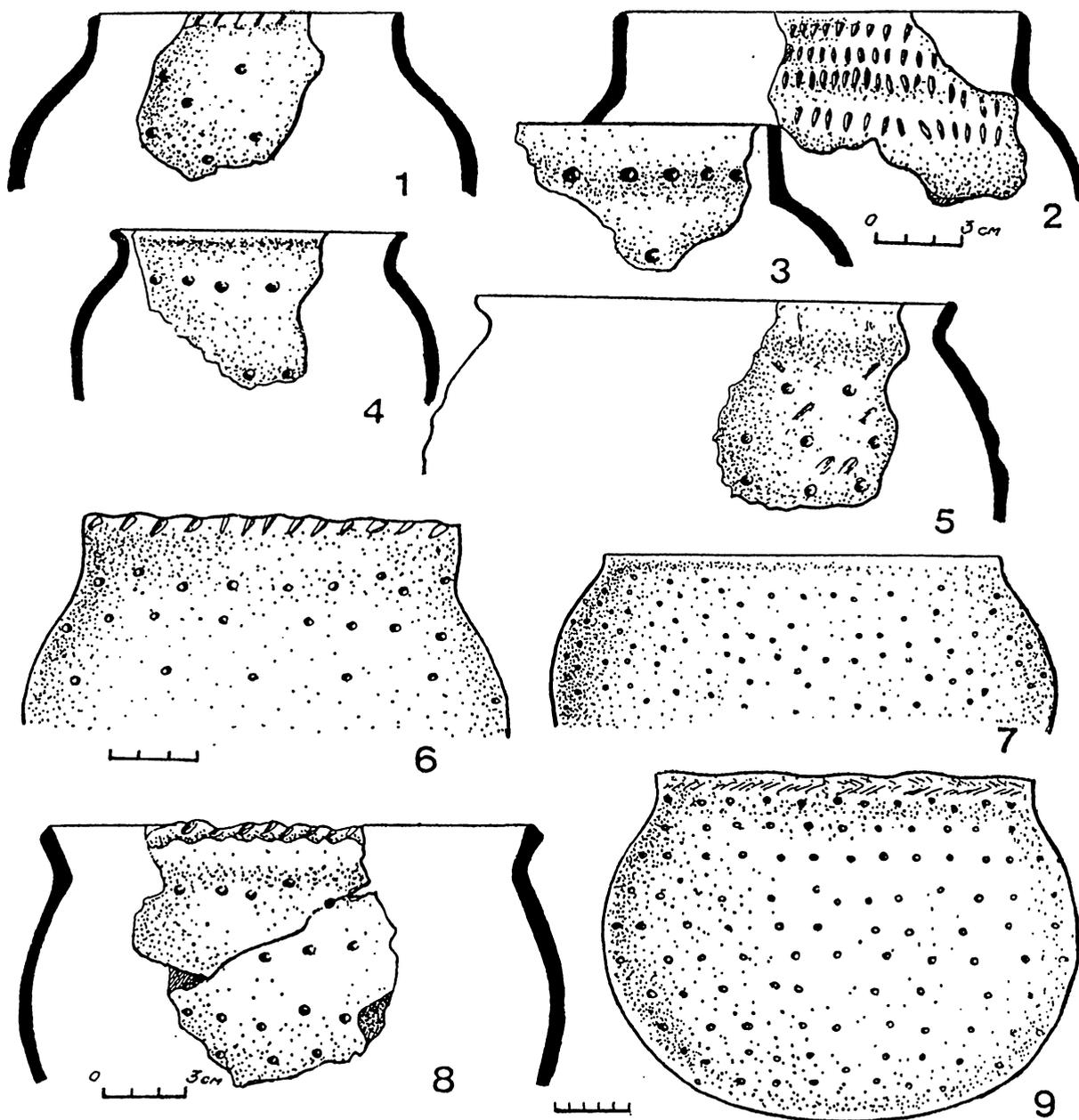

Рис. 141. Глиняная посуда бахмутинского типа городиц верхнеутчанской культуры.
 1, 3-5, 7 - Чезаида I (по В.Ф. Генцигу);
 2, 6, 8, 9 - Момьли (по Н.Л. Решетникову и И.Ю. Пастушенко) городица

шенский типы памятников в Поволжье, представляли собой наиболее крупный массив древних славян (рис. 143), который оказал мощное воздействие на пермян. У именьковцев были хорошо развиты железоделательное и бронзолитейное производства, а также животноводство. Они разводили новые, более крупные породы крупного рогатого скота южного происхождения, у них было очень популярно овцеводство, умели разводить верблюдов и домашних кошек (А.Г. Петренко, 1984, с. 140). Особенно прогрессивным, нежели у финно-угорского населения, было пашенное земледелие: на поселениях, кроме сошников, часто находят косы-горбуши, серпы, мотыги, лесорубные топоры. Из культур возделывали пшеницу, просо, рожь, овес, полбу, ячмень, горох. Не случайны поэтому на пермских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья именьковского времени массовые находки кос, серпов, мотыг (клад из 186 мотыг на Буйском городище и др.). Пребывание именьковцев отразилось и в языке пермян: В.В. Напольских нашел в пермских языках заимствования из диалектов позднеславянского и считает возможным соотносить их носителей с населением именьковской культуры (В.В. Напольских, 1996, с. 197–206). Эту же идею развивал и Р.Ш. Насибуллин (1992, с. 76–79).

Следующей инородной группой населения, привнесшей на верхнеутчанские поселения очень своеобразную посуду, было угорское население кушнаренокского типа. Керамика отличается тщательной выделкой, хорошей заглаженностью поверхности, тонкостенностью, своеобразной формой – шаровидным или несколько вытянутым туловом, высоким, прямым горлом. Орнамент покрывает верхнюю половину сосуда и состоит из нескольких тонких горизонтальных линий, перемежающихся зонами с вертикальным узором в виде наклонных оттисков гребенчатого и фигурного штампов, елочки, зигзагов (рис. 143). Посуда настолько оригинальна, что даже небольшие фрагменты позволяют ее идентифи-

цировать достаточно точно. Проанализировав этот тип керамики, найденный на 9 памятниках правобережья Камы, Благодатском I городище (около 400 фрагментов), Кузубаевском I, Чеганда I городищах, Луговском, Петропавловском могильниках, Верхнеутчанских городище и селище, Варзятчинском I городище и селище, О.А. Казанцева и Т.К. Ютина (1986, с. 110–129) пришли к выводу, что эта посуда дополняла местную, верхнеутчанскую. Кроме того, картографирование кушнаренокской посуды (там же, рис. 1) показало, что носители ее, заняв преимущественно левобережье Белой, расселились и на юго-восточной периферии верхнеутчанской культуры. На правом берегу р. Белой, как и в Нижнем Прикамье, кушнаренокские памятники единичны.

В последние годы пришлый характер кушнаренокцев никем не оспаривается. Большинство исследователей видят их истоки в лесостепной части Зауралья и Западной Сибири, где известны памятники этого же времени, оставленные потчевашским и молчановским населением (рис. 144), которое связывают с древними уграми. Причиной их переселения в Приуралье, в частности В.А. Могильников, считает нестабильную обстановку из-за набегов воинов первого тюркского каганата (1988, с. 27). Время прихода кушнаренокцев в Приуралье – рубеж VI–VII вв. Кушнаренокцы, пройдя по Южному Уралу, поднялись по р. Белой до Нижней Камы и здесь были остановлены именьковским и пермским населением. Смешанные материалы верхнеутчанских поселений показывают, что кушнаренокцы и южные пермяне довольно интенсивно контактировали.

По мнению В.А. Иванова (1988, с. 61), в середине VIII в. имела место еще одна волна западносибирского угорского населения, известного под названием караякуповского. Исходный их район – та же зауральская лесостепь. Они прошли через Южный Урал и были вынуждены остановиться в предгорных и горно-лесных районах Южного Приуралья,

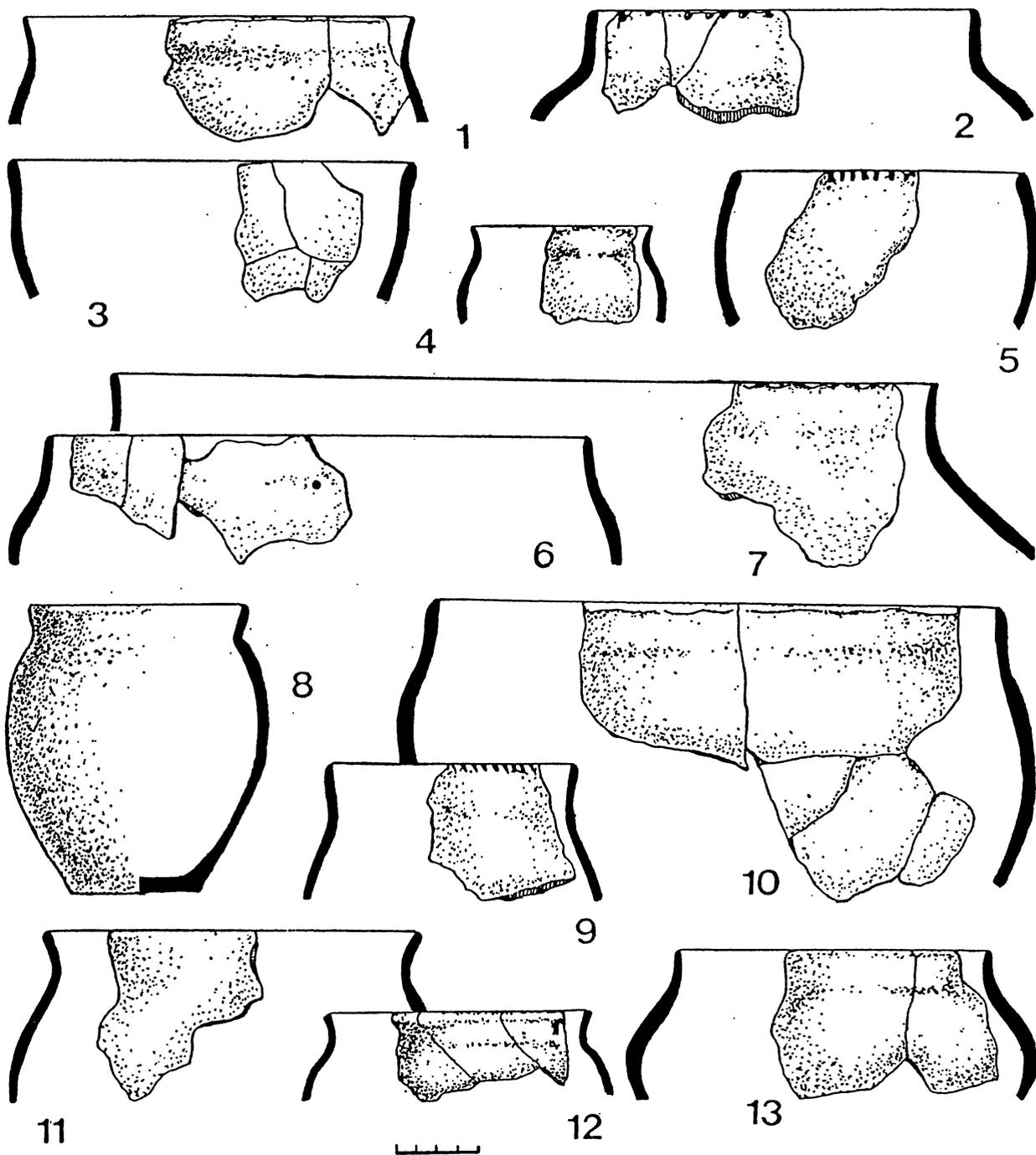

Рис. 142. Глиняная посуда именьковского типа Благодатского I городища (по Т.К. Ютиной)

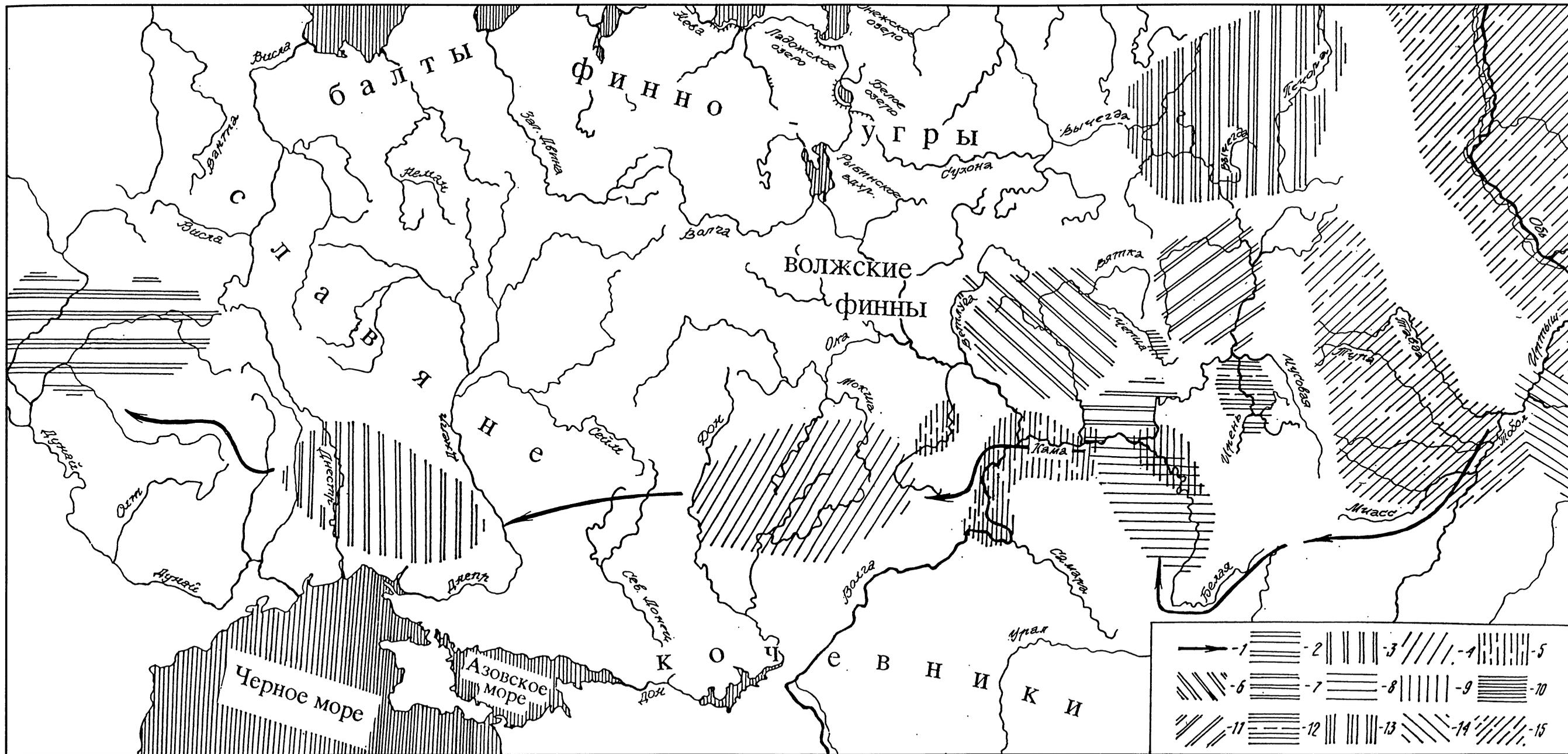

Рис. 143. Расселение финно-пермских народов в VI–IX вв. и схема движения угров (венгров) из Западной Сибири в Европу.

1 – направления движения народов; 2 – современное расселение венгров; 3 – Этелькузе (венгры) (по Е.А. и А.Х. Халиковым); 4 – Леведия (по Е.А. и А.Х. Халиковым); 5 – именьковская культура (славяне); 6 – еманаевская культура (удмурты); 7 – верхнеутчанская культура (удмурты); 8 – кушнарниковская культура (угры); 9 – бахмутинская культура (удмурты); 10 – полумская культура (удмурты, коми-пермяки); 11 – ломоватовская культура (коми-пермяки); 12 – неволинская культура (коми-пермяки, угры); 13 – вавиздинская культура (коми-зыряне); 14 – потчевашская культура (угры); 15 – другие угорские культуры

где и оставили памятники этого типа. Постепенно кушнаренковско-караякуповское население просачивалось по левобережью и в низовья Камы, но путь ему преградили сначала именьковцы, а затем и булгары, занявшие их территорию.

Однако некоторые следы пребывания здесь угров все-таки сохранились. В 1974–1975, 1978 гг. возле с. Большие Тиганы недалеко от устья на левом берегу р. Камы Е.А. Халиковой был исследован бескурганый могильник, состоящий из 56 могил (Е.А. Chalikova, А.Н. Chalikov, 1981, с. 3–132). Среди них обнаружено несколько богатых мужских воинских захоронений (рис. 145–2, 5), вокруг которых группировались остальные: женские (рис. 145–1, 3, 4) и небогатые мужские. Кроме многочисленных украшений, поясной гарнитуры, орудий труда, конской сбруи, найдены и богатые наборы оружия: мечи, сабли в серебряной оправе. Примечательно, что глиняная посуда этих погребений относилась к характерному кушнаренковско-караякуповскому типу. Часть умерших сопровождается лошадиными головами, а иногда вместе со шкурой (сохранились череп, кости ног, хвостовые позвонки). Памятник датирован концом VIII–IX в. (Е.А. Халикова, 1976, с. 178).

В результате сопоставления материалов этого могильника и венгерских «эпохи завоевания родины», проведенного Е.А. Халиковой, установлена их близость и доказано, что Большетиганский могильник является не просто угорским, но древневенгерским (1976, с. 158–178; 1976а, с. 141–156). Таким образом, и население кушнаренковско-караякуповской культуры представляет собой далеких родственников современных венгров.

По антропологическим данным Большетиганский могильник занимает обособленное место. Однако, антропологи отмечают сходство черепов X в. с территории Венгрии с саргатскими и раннебулгарскими материалами (Больше-Тарханский и Кайбельский могильники) (С.Г. Ефимова, 1991, с. 64).

Вероятно, появление в Поволжье в конце VII – середине VIII в. воинственных тюркоязычных булгар и начавшееся соперничество за земли с древними венграми-кушнаренковцами послужили причиной миграции последних на юго-запад в местность Леvedию, находящуюся вблизи Хазарии, а затем в Ателькузу (рис. 144). Около 896 г. для венгров началась «эпоха завоевания родины», они закрепились на современной территории в Паннонии. Видимо, не все угры ушли из Приуралья, так как известны отдельные находки кушнаренковских сосудов и погребений, датированных IX–X вв. (Е.П. Казаков, 1981, с. 131–133). Да и собственно Большетиганский могильник принадлежал, видимо, одной из оставшихся в Прикамье групп. Они довольно долго сохраняли свой язык, о чем говорят свидетельства венгерского монаха-доминиканца Юлиана, предпринявшего путешествие в 1235–1236 гг. с целью найти своих соплеменников на далекой родине. Он нашел их в двух днях пути от большого булгарского города (С.А. Аннинский, 1940, с. 81). Оставшиеся в Приуралье венгерские группы, скорее всего, вошли в состав формирующегося Булгарского государства.

Контакты пермян с протовенграми отразились и в языке. И в венгерском, и в пермских языках имеется некоторое число общих слов: *хлеб, порог, двери, серебро*, а также зафиксированы интересные совпадения в морфологии и фонетике языков (Основы финно-угорского языкознания..., 1976, с. 99; П. Хайду, 1985, с. 194).

Появившиеся на рубеже VII–VIII вв. в Нижнем Прикамье и прилегающем Поволжье тюркоязычные булгары разрушили многие именьковские поселения. Ранее кочевники – булгары жили в степях Подонья, Приазовья и Крыма, где в VII в. они создали могущественное племенное объединение – Великую Булгарию. Однако со смертью булгарского князя Кубрата Великая Булгария распалась. Часть булгар во главе с Аспарухом ушла на Дунай, другая – откочевала в Среднее По-

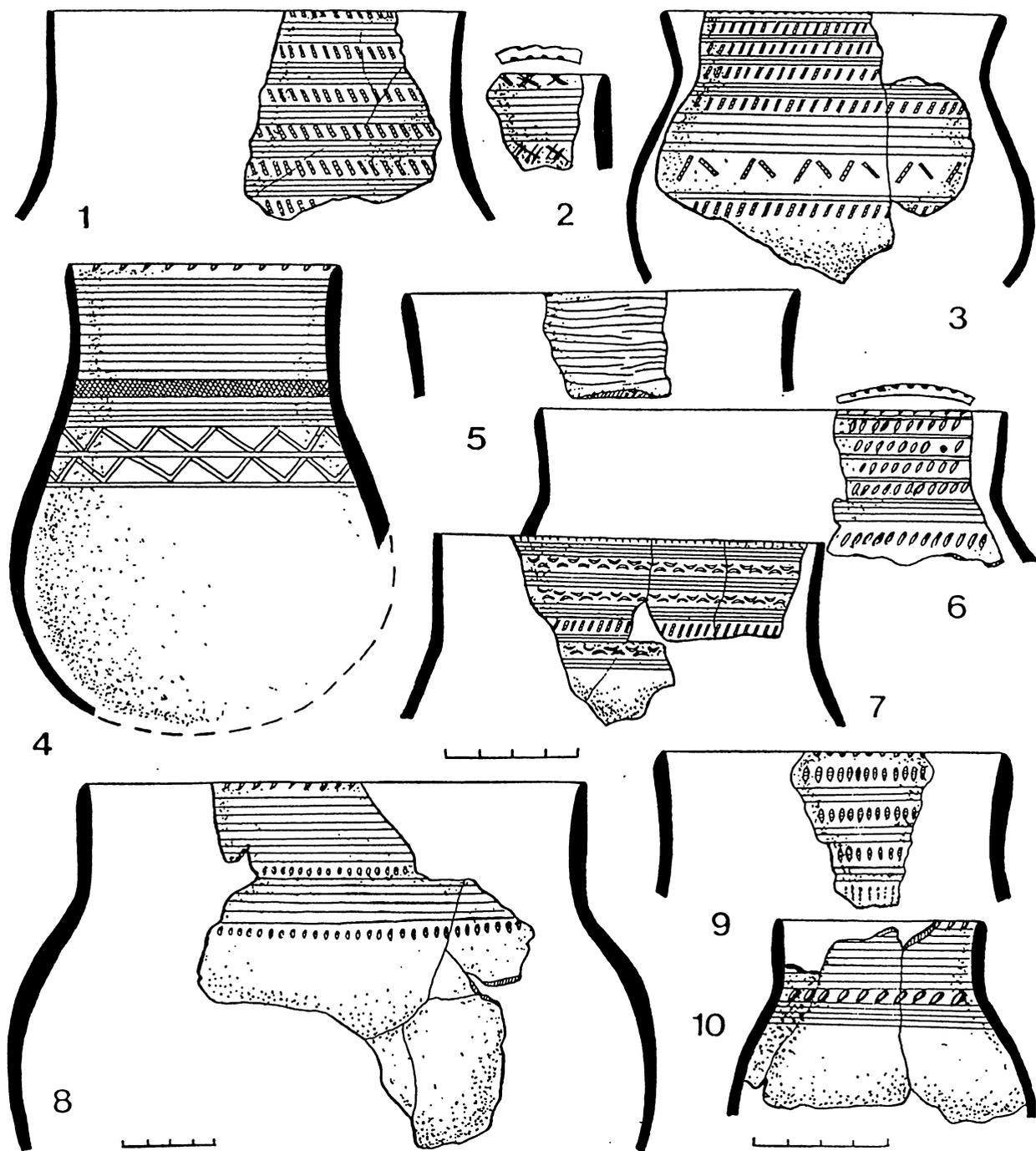

Рис. 144. Глиняная посуда кушаренковского типа Благодатского I городища
 (по О.А. Казанцевой, Т.К. Ютиной).
 1, 3, 4, 7, 9 – VI–VIII вв.; 2, 5, 6, 8, 10 – IX–XI вв.

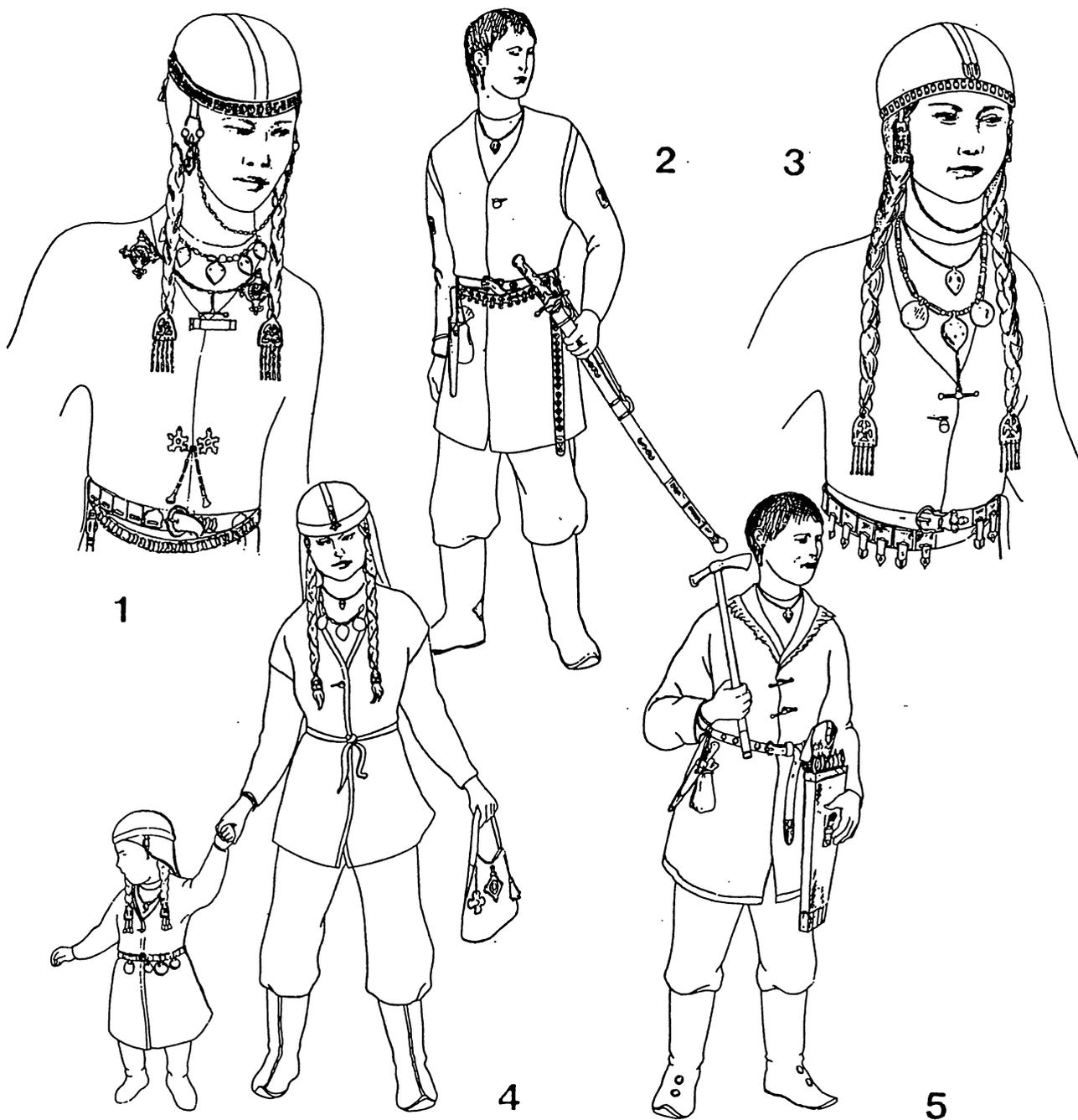

Рис. 145. Реконструкции костюмов и использования украшений по материалам Большие тиганского могильника. Реконструкции выполнены Е.А. и А.Х. Халиковыми

волжье (В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков, 1964, с. 110–131). Здесь болгары вынуждены были отвоевывать новую родину у именьковцев. Территория их расселения почти полностью совпадает с ареалом расселения именьковской культуры. Жители ее были частью уничтожены, а частью вынуждены уйти в Поднепровье на свои исторические места, где они в последующем оставили памятники волынцевской культуры (И.Б. Васильев, Г.И. Матвеева, 1986, с. 162; В.В. Седов, 1994, с. 315). Возможно, появление именьковского населения на правом берегу Камы между рр. Вятка и Белая было связано именно с их разгромом булгарами и относится к рубежу VII–VIII вв. Часть именьковцев была ассимилирована булгарами. Как отмечает В.В. Седов, вряд ли случайным является то обстоятельство, что восточные источники последних столетий I тыс. н. э. называли волжских болгар славянами (1994, с. 315).

На рубеже IX–X вв. в Среднем Поволжье сложилось государство Волжская Булгария. В этнической консолидации болгарского населения на основе тюркского языка огромную роль сыграли как социально-экономические (развитие земледелия, скотоводства, ремесел, процессы классообразования), так и идеологические факторы (принятие исламства, арабская письменность). В состав Волжской Булгарии вошли и довольно значительные группы пермского населения ломоватово-неволинско-поломского типа. В некоторых районах приуральское население по численности не уступало болгарскому (Е.П. Казаков, 1993, с. 38).

Современное состояние изученности археологических источников как Волжской Булгарии, так и Приуралья таково, что возможно определение исходных территорий пермского населения, переселившегося в низовья р. Камы и прилегающее Поволжье. Следы самых ранних переселенцев с севера в Волжскую Булгарию фиксируются во второй половине VIII–IX вв. Это впускное погребение кургана №8 Хрящевского могильника в

Ульяновской области, в котором найден сосуд ломоватовского облика (Т.А. Хлебникова, 1984, с. 47–49, рис. 5–6). Поток выходцев из Верхнего Прикамья усилился во второй половине IX в. Об этом свидетельствует выделенная Т.А. Хлебниковой керамика V группы, которая представляла собой круглодонные чаши с раковинной примесью, украшенные отпечатками шнура в сочетании с оттисками гребенки и округлыми вдавлениями. Ближайшие аналогии эта посуда имеет в Деменковском могильнике и других памятниках ломоватовской культуры (там же, с. 69–70).

Другие истоки имела глиняная посуда группы VI, которую Е.П. Казаков и Т.А. Хлебникова связывали с поломско-раннечепецкими памятниками (Е.П. Казаков, 1971, с. 129; Т.А. Хлебникова, 1984, с. 70–73). Эта посуда низких пропорций содержит в тесте шамот и толченую раковину, украшена оттисками шнура и решетчатым штампом. Близость к поломско-чепецкой у этой посуды очень велика, практически на уровне тождества. Посуда такого типа известна на Танкеевском и Тетюшском могильниках. Вероятно, именно с этим перемещением населения на Волгу связано запустение верхнечепецких группировок и выпадение некоторых кладов на Чепце во второй половине IX в. Возможно, с этим же процессом связан уход поломского населения с насиженных мест – верховьев р. Чепцы и освоение им ее среднего течения.

Большой интерес представляет собой еще одна группа керамики болгарских памятников, обозначенная Т.А. Хлебниковой как группа VII (1984, с. 106–112). Она представляла собой круглодонную ручной выделки посуду, с раковинной примесью, с цилиндрической горловиной, украшенную по ней густым поясом оттисков шнура в виде «косичек», дополненного оттисками гребчатого штампа. Дата этой посуды в болгарских памятниках – X–XI вв. Т.А. Хлебникова полагает, что эта посуда продолжает керамические традиции ломоватовской и неволинской культур Сылвенско-Иренского поречья

(Р.Д. Голдина, Н.В. Водолаго, 1990). Возможно, одной из причин массового исчезновения неволинских памятников в IX в. и был уход неволинцев в Среднее Поволжье. Вряд ли это переселение как с Верхней Камы и Чепцы, так и с Кунгурской лесостепи было добровольным. Скорее всего, кочевники-булгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания и предприняли несколько попыток переселения пермского населения: сначала с южной части ломоватовской культуры (вторая половина VIII в.), затем повторная волна с этой же территории и с побережья р. Чепцы (вторая половина IX в.), из Кунгурской лесостепи (IX в.). Во всяком случае, по убеждению Т.А. Хлебниковой, верхнекамское (в широком смысле) население с его оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством сыграло немалую роль в формировании традиций оседлости у болгарского населения (1984, с. 73). Участие пермского населения в формировании государства болгар на Волге подтверждено и антропологами. В частности, С.Г. Ефимовой среди болгарских серий выявлены два основных массива: донско-приазовский ранних болгар и прикамско-приуральский, так называемая «танкеевская группировка» (1991, с. 44–45).

Процессы тесного взаимодействия болгар и пермян нашли отражение и в языке. В удмуртском языке учеными обнаружено довольно много заимствований из болгарского, которые касаются преимущественно сельскохозяйственного производства (серп, сноп, зерно, орудие для сучивания зерен на току, копна, редька, лук), животноводства (коза, цыпленок, седло, хлев), ткачества (прялка, бердо, цевка, челнок, прядь в веревке), предметов быта (лукошко, берестяная коробка, армяк), семьи и общества (сноха, неродной член семьи, хозяин, царь) и другие (Wichmann, 1903; И.В. Тараканов, 1993, с. 25).

Языковое обогащение было обоюдным. В чувашском языке также появились пермские слова (плетушка, кузов, стул, выжимать,

олень, лось и др.) (Основы финно-угорского языкознания..., 1976, с. 219–220).

Вопрос о распространении болгаризмов в пермских языках очень важен для решения проблемы о времени распада пермского единства – отделения удмуртов от коми. Известно, что в удмуртском языке сохранилось до 200 заимствований из болгаро-чувашского языка, в то время как в коми языках их не более 30 и это служило основанием для гипотезы Ю. Вихманна, поддержанной многими другими лингвистами о позднем времени (не ранее VIII в. н. э.) распада пермской языковой семьи в результате отделения коми от коми-удмуртской общности и миграции их на север (Y. Wichmann, 1903). Р.Ш. Насибуллин (1992, с. 81, 85–93) предложил иное объяснение ситуации с болгаризмами в пермских языках. Он считает, что болгаризмы проникали в древнекоми диалекты опосредованно через древнеудмуртские диалекты пермского языка. Уже в XI–XII вв. в Коми крае явственно ощущалось русское присутствие и культурное влияние, которое препятствовало усвоению болгаризмов с юга, предлагая собственные понятия для обозначения новых явлений. Таким образом, Р.Ш. Насибуллину удалось доказать отсутствие прямой связи между состоянием и локализацией болгаризмов в пермских языках и временем распада пермской общности.

Начиная с X в. ситуацию в Камско-Вятском междуречье определяли несколько противоборствующих сил – Булгарское и Русское государства, кочевники башкирских степей, поэтому есть смысл период X–XIV вв. выделить в самостоятельный хронологический этап.

Первая половина этого периода характеризуется расцветом Булгарского государства. В это время возникли крупные города: Булгар, Биляр, Сувар и др. Столицей государства стал город Булгар. Булгарские монеты чеканились как в Булгаре, так и в Суваре. Высокоразвитое ремесленное производство позволило булгарам вести оживленную тор-

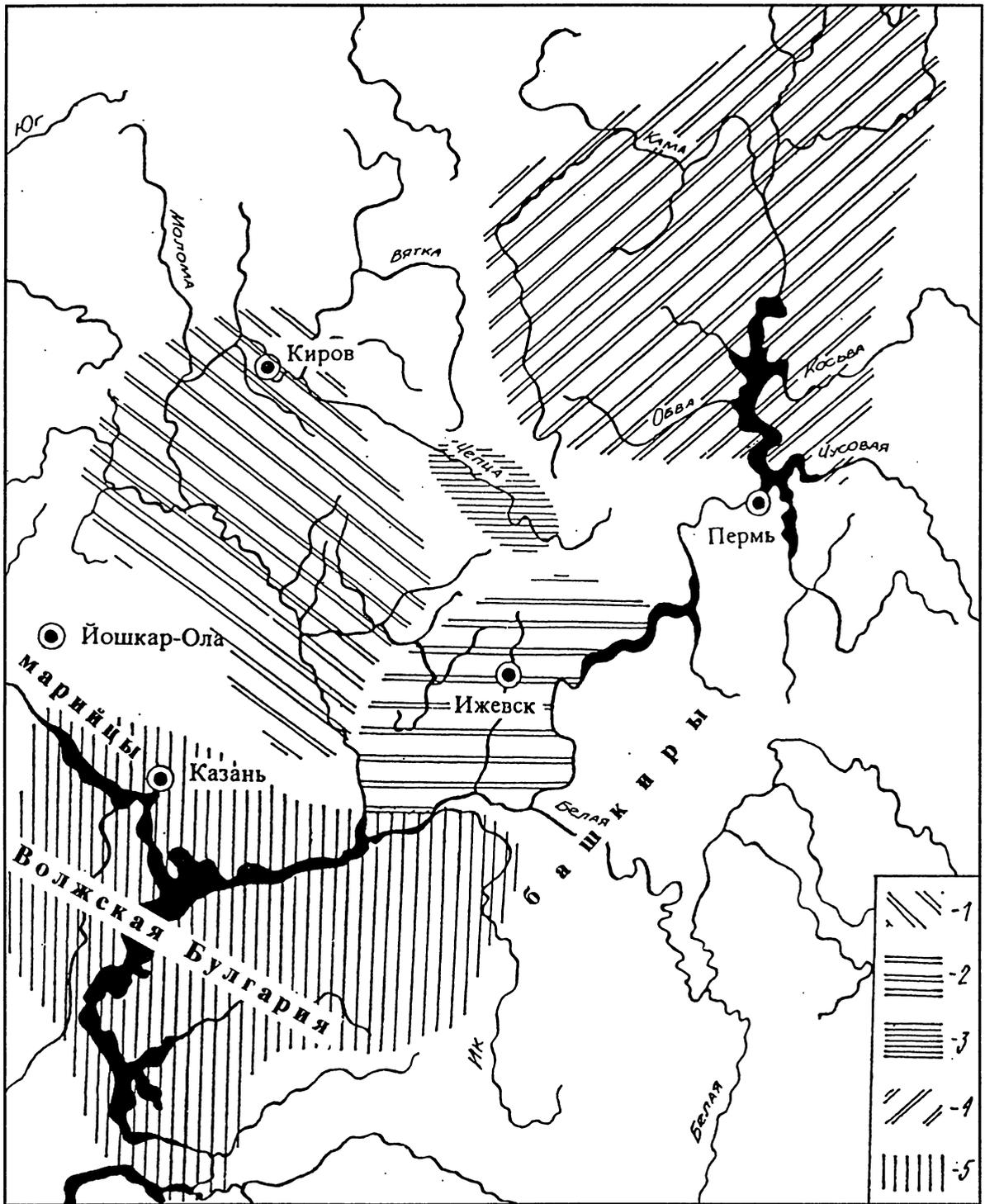

Рис. 146. Карта-схема культур X – начала XIII в. Прикамья.

1 – кочергинская (удмурты); 2 – чумойтлинская (удмурты); 3 – чепецкая (удмурты, коми-пермяки);
 4 – родановская (коми-пермяки); 5 – Волжская Булгария

говлю с окружающими народами, в том числе и с пермянами. Наиболее значительным было воздействие болгар на население Пермского Прикамья, где в XI – начале XIII в., возможно, на некоторых поселениях даже постоянно обитало болгарское население. На Рождественском городище на р. Обве до 35% всей глиняной посуды составляла болгарская керамика. Вероятно, здесь располагалась торговая фактория болгар (А.М. Белавин, 1991, с. 9–10). Однако на других памятниках Верхнего Прикамья болгарская посуда встречалась значительно реже, а на средневековых поселениях на р. Чепце (Иднакар, Гурьякар) она составляла менее 2% (М.Г. Иванова, 1990, с. 47).

Однако во второй половине этого периода в результате неудачного соперничества с Русью болгары потеряли контроль над значительной частью Волжского торгового пути, что вызвало их особую активность на Камском торговом направлении (Е.П. Казаков, 1993, с. 39). В это время продолжались торговые, политические и другие контакты болгар с пермянами и волжскими финнами.

В 30-е гг. XIII в. разразилось драматическое событие – вторжение в Поволжье монголов, которые разрушили не только многие русские поселения, но и Булгарское государство. В 1236 г. был взят и сожжен г. Булгар. В ходе последующих походов были разорены и уже не возродились многие болгарские города. Оставшееся население покинуло разгромленные городские центры. Центральная часть Волжской Булгарии опустела, а население бежало на ее бывшие окраины и сопредельные территории (К.А. Руденко, 1993, с. 37; Е.П. Казаков, 1993, с. 39). Волжская Булгария была включена в состав Золотой Орды.

Несмотря на то, что археологические памятники Южной Удмуртии X–XIV вв. изучены пока недостаточно, их своеобразие позволяет говорить об особой чумойтлинской культуре (рис. 146). Население использовало старые укрепленные крепости, возведенные еще в предшествующие эпохи (Благodatское I, Каменный Лог, Котловское I, Елабужское).

Строительство новых прекратилось. Очевидно, население нашло иные способы защиты от неприятеля, например, сокрытие в глухом лесу, в неизвестных избушках – схронах, так как при совершенствовании способов осады земляные валы с деревянными заборами не спасали от врагов. На старых городищах размещали металлообрабатывающие мастерские, предполагая, видимо, что духи предков старого поселения помогут в этом сложном деле. Остатки такой избушки с кусками руды, шлаками, молотом-дробильником, готовыми изделиями – железными серпом, ножом – были обнаружены на небольшой площадочке Зуево-Ключевского II городища, ограниченного неглубокой канавой, в Каракулинском районе Удмуртии (Р.Д. Голдина, 1976, с. 86–89).

Утрата традиции сооружения укрепленных городищ привела к рассредоточению селищ по мелким рекам. Они уже не были связаны с городищами, поэтому обнаружить их трудно. Постоянная угроза нападения – приток нового населения: угры, славяне, болгары, кочевники-тюрки – заставляла население искать более укромные места и уходить подальше от русел даже небольших рек. На Дубровском селище IX–XIII вв. в бассейне р. Валы А.П. Смирновым исследована землянка площадью 20 кв. м и глубиной котлована 0,5 м, в которой обнаружены фрагменты глиняной посуды и железный нож (1937, с. 183). На Можгинском селище XII–XIV вв. А.П. Смирновым собраны обломки лепной керамики городищенского типа, а также несколько фрагментов золотоордынской посуды (там же, с. 179). Среди находок на Быргындинском IV селище найдены железные удила, бронзовая арочная шумящая подвеска с тремя умбонами в центре (рис. 150–1) и железная игла. Интерес представляют и другие изделия, найденные на разных памятниках чумойтлинской культуры, зооморфные подвески (рис. 150–2, 3, 5, 8), подвески-лапки (рис. 150–9), змеевик (рис. 150–10), круглые шумящие подвески (рис. 150–7), булава (рис. 150–4), железные наконечники стрел (рис. 150–11–14).

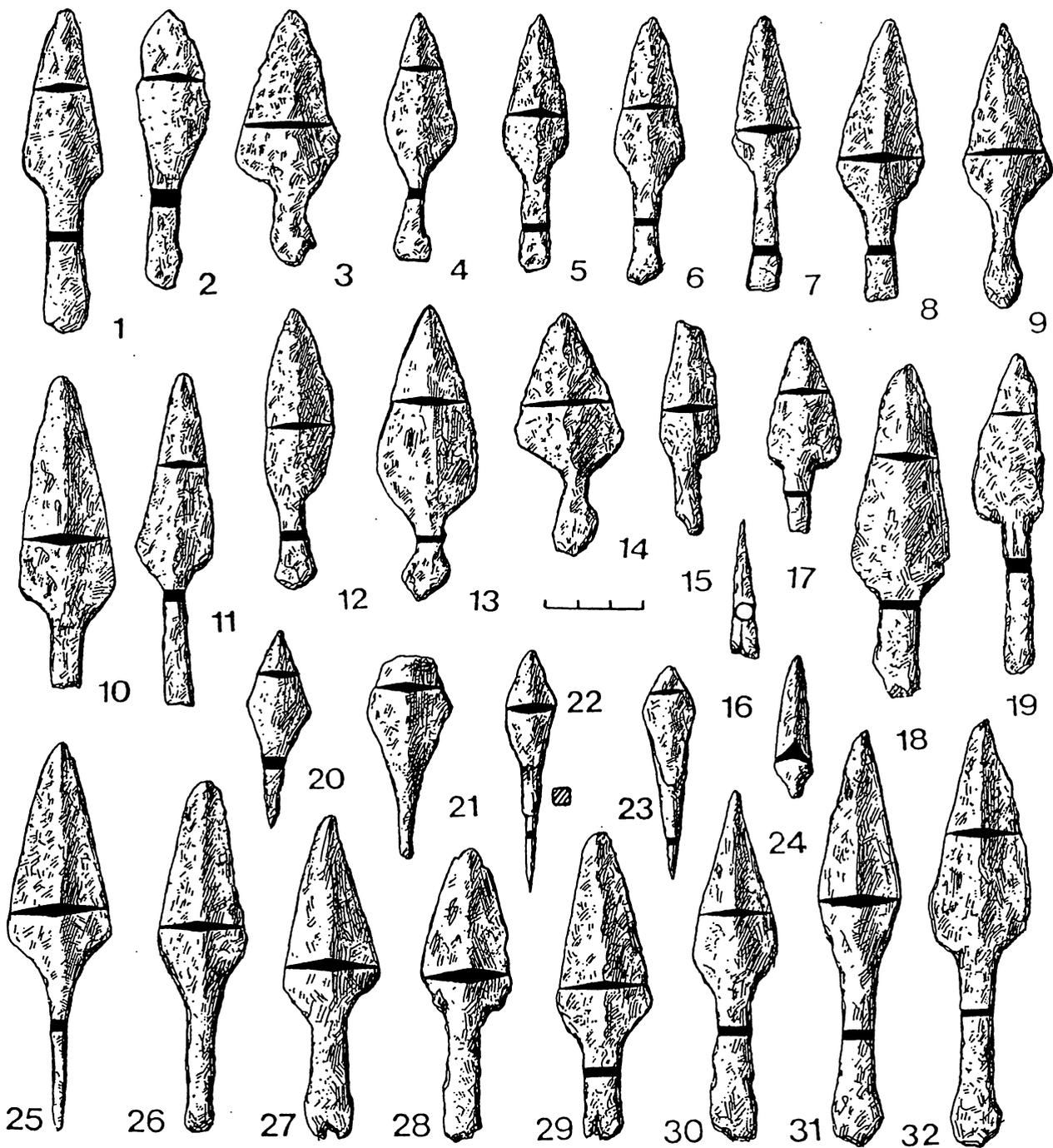

Рис. 147. Железные наконечники стрел эсертвенного места Чумойтло

Одним из ярких памятников Южной Удмуртии является жертвенное место Чумойтло, возле г. Можги, давшее название культуре. Оно было обнаружено в 1974 г. Р.Г. Кабириным и исследовано в 1976 г. Р.Д. Голдиной (1987а, с. 84–106). Памятник расположен в живописном месте, на возвышенности левого берега р. Валы. Исследованная площадь составила 470 кв. м. Слой жертвенного места представлял собой темную, сильно гумусированную супесь, насыщенную расколотыми сырыми и кальцинированными костями животных. Наибольшая мощность его (до 0,55 м) зафиксирована на возвышенной части мыса. В центре слоя, содержащего сырые кости, обнаружены остатки культовой бревенчатой прямоугольной постройки с тамбуром площадью около 10 кв. м, неоднократно отремонтированной. В ней обнаружены следы нескольких кострищ, на которых сжигались части туш жертвенных животных.

Среди 3 тысяч собранных кальцинированных костей, по определению А.Г. Петренко, преобладали кости лося (52,4%), северного оленя (31%), немногочисленны кости бобров (7,1%), медведей (7,1%), косуль (2,4%). Сожжение жертвенных животных иногда производилось вне постройки, так как на площади раскопа встречались отдельные кострища, очаги из плит песчаника, зольники.

Во время молений некоторые части жертвенных животных варили и съедали, о чем можно судить по сильно раздробленным костям, оставленным на жертвенном месте. Возможно, какие-то части, например челюсти, просто оставляли в качестве подарка богам. В результате вокруг домика образовалось сплошное месиво из костей; ребра, челюсти, трубчатые кости, лопатки, копыта были разбросаны без всякого порядка. Из 60 тысяч сырых, не обожженных костей А.Г. Петренко определила кости лося (72,48%), северного оленя (16%), бобра (3,1%), медведя (2,25%). Немногочисленны кости косули, барсука, лисы, куницы, свиньи, лошади, мелкого и крупного рогатого скота.

В слое сырых костей встречались фрагменты керамики от разбитых сосудов, а также наконечник копья, костяные предметы быта, несколько украшений, костяные наконечники стрел и заготовки. Но особенно много было железных наконечников стрел – полуфабрикатов (рис. 147–1–14, 17, 18, 25–32). На одном участке обнаружено их скопление из 33 экземпляров. Судя по составу костей жертвенных животных (незначительное число от домашних и преобладающее от промысловых), по характерным подаркам духам (наконечники стрел), это было жертвенное место охотников, которые с помощью молений, колдовства, магических обрядов хотели увеличить охотничью добычу, закрепить ее успех.

Некоторые весьма слабые следы этих культов зафиксированы этнографами. Так, Д.К. Зеленин, ссылаясь на К. Сатрапинского, пишет о празднике 29 июня, когда удмурты вечером и ночью совершали моление с жертвоприношением быка. Рыбаки и охотники клали в это время в воршудный короб «кто рыбку, кто белку, кто гусиного пуху, пера, березовых листков, прося у бога удачи, всяк в своем промысле» (1980, с. 120).

Более ясные остатки охотничьей обрядности отмечены у коми, для которых охота длительное время являлась важным источником существования. Например, по данным В.Н. Белицер, коми поклонялись лесному человеку, лесному хозяину, лесовику, лешему и приносили ему жертвы в виде убитой дичи чаще всего перед сезонной охотой. В случае удачной охоты для закрепления успехов проводились соответствующие моления, а если добывали ценного зверя, то ему оказывали особое почтение (1958, с. 320).

Локчимские охотники при удачной охоте устраивали праздничный ужин, снятую шкурку вывешивали на самом видном месте, а тушку соболя или куницы хоронили в неглубокой яме, выкопанной в пепле костра. О добытом звере отзывались только доброжелательно, подчеркивалось, что ужин варится в честь «почетного гостя», которого

перед началом трапезы «приглашали» к столу. Во многих случаях охотничьи магические обряды выражались в расчленении туши жертвенного животного, совместной трапезе, сжигании некоторых частей туши (Н.Д. Конаков, 1985, с. 86; В.Н. Белицер, 1958, с. 324).

Охотничьи обряды, как показали раскопки жертвенного места Чумойтло, несмотря на длительные земледельческие и животноводческие традиции, сохранялись в южной Удмуртии долгое время.

Керамический материал чумойтлинской культуры отражает происходившие в ней культурные процессы. Наряду с посудой, продолжавшей местные традиции ананьинско-пьяноборской посуды, было еще несколько вариантов: слабопрофилированная с ямками (рис. 148–3), цилиндрической с шнуровой орнаментацией (рис. 148–1, 2, 4, 5) и чашевидная, скудно орнаментированная (рис. 148–6–9).

Особый интерес представляет оригинальная группа керамики ручной выделки с округлым туловом и преимущественно цилиндрическим или слегка закрытым горлом (рис. 148–1, 2, 4, 5; 149–14–17), содержащая в тесте примесь толченой раковины. Ее горловина украшена довольно плотным поясом из горизонтальных оттисков шнура, расположенных таким образом, что две парные линии имели противоположное направление, образуя своеобразные «косички». У основания шнурового пояса размещены различные варианты узоров, выполненных гребенчатым штампом. Эта посуда впервые была выделена Т.А. Хлебниковой по материалам болгарских памятников – Танкеевского могильника, Алексеевского городища и Остолоповского селища (1974, с. 65), обозначена как VII группа домонгольского комплекса и датирована X–XI вв., хотя использовалась в несколько трансформированном виде до начала XIII в. (Т.А. Хлебникова, 1984, с. 106–112). Т.А. Хлебникова считает, что эта посуда появилась в результате взаимодействия носителей неволинской и ломоватовской культур и принадлежит пермскому этносу.

Е.П. Казаков первоначально считал, что эта посуда сложилась в результате контактов кушнаренковского и верхнекамского населения (1971, с. 127, 128). В последующих работах он выдвинул гипотезу зауральского происхождения этой керамики (1978, с. 83–93; 1986, с. 67–75; 1987, с. 25–33; 1989, с. 38–42). Исходный вариант исследователь видит в посуде петрогромского типа, обнаруженного на памятниках горно-лесного Зауралья. В настоящее время в верховьях Исети и Туры известны только временные стоянки, места металлургического производства и жертвенные комплексы, на которых встречалась наряду с другой петрогромская посуда, но практически не известны поселения, где это население проживало (В.Д. Викторова, В.М. Морозов, 1993, с. 186). Классический петрогромский тип мало похож на прикамскую цилиндрическую посуду – это чашевидные сосуды с примесью талька в тесте, со слабораздутым туловом, без шаровидного абриса, орнамент представлен не только отпечатками шнура без «косичек», но и резной сеткой, оттисками гребенчатого штампа и некоторых вариантов фигурных штампов (рис. 149–1–6). Значительно ближе к цилиндрической южноудмуртской посуде как по форме, так и по орнаментации погребальная посуда неволинской культуры конца IV–IX в. Кунгурской лесостепи (рис. 149–7–13).

Исследователи петрогромских древностей, В.Д. Викторова и В.М. Морозов довольно скептически оценивают родство петрогромской и прикамской цилиндрической керамики, подчеркивая близость последней к ломоватовской посуде Верхнего Прикамья (1993, с. 191). Вызывает также интерес и вопрос о времени существования петрогромской посуды. В.Д. Викторова и В.М. Морозов типологически относят эту керамику ко второй половине I тыс. н. э. (1993, с. 186–188). В.А. Могильников датирует ее X–XIII вв. (Финно-угры и балты..., с. 179), и, таким образом, речь может идти не о преемственности типов, а об их одновременном существо-

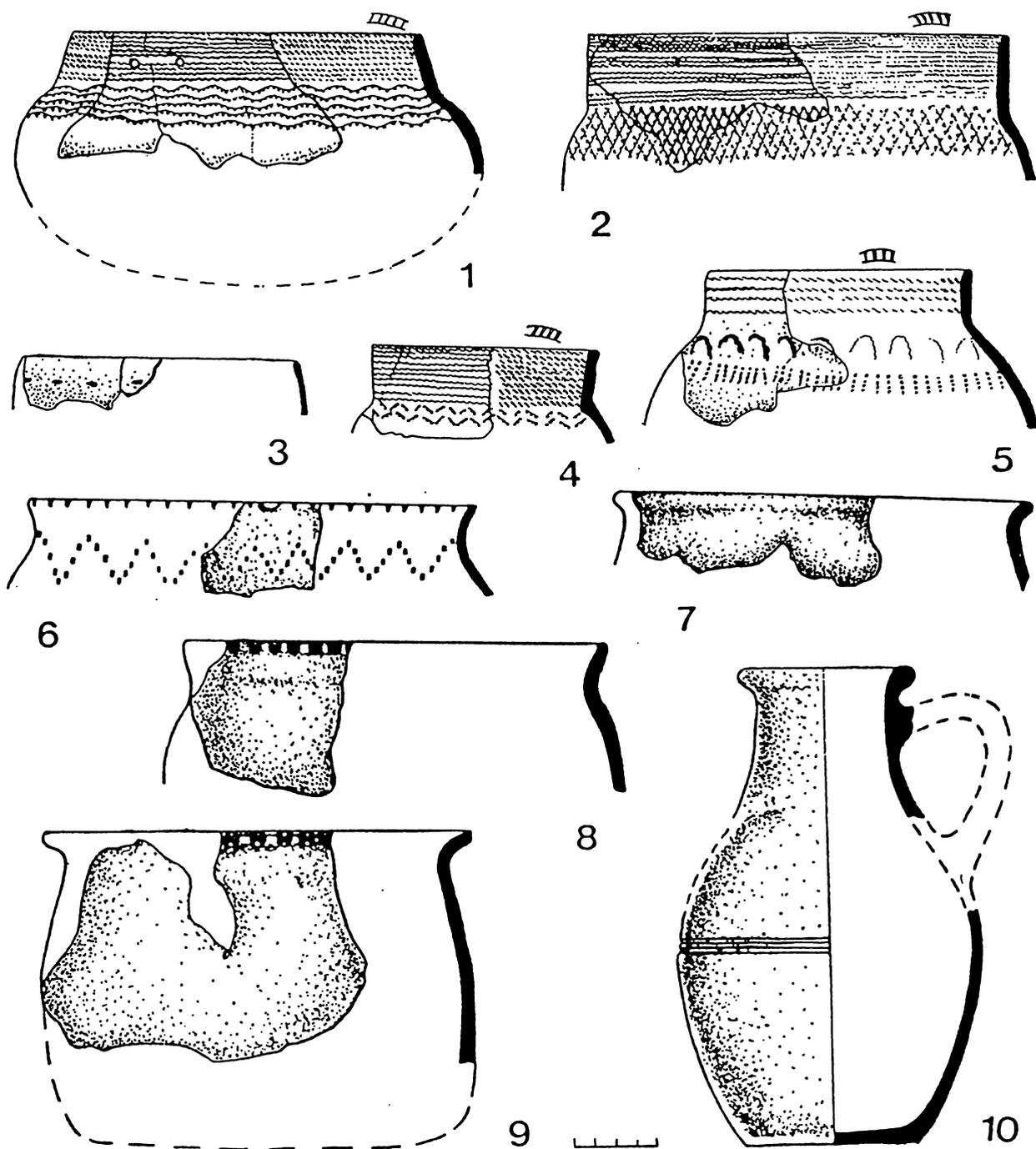

Рис. 148. Глиняная посуда жертвенного места Чумойтло

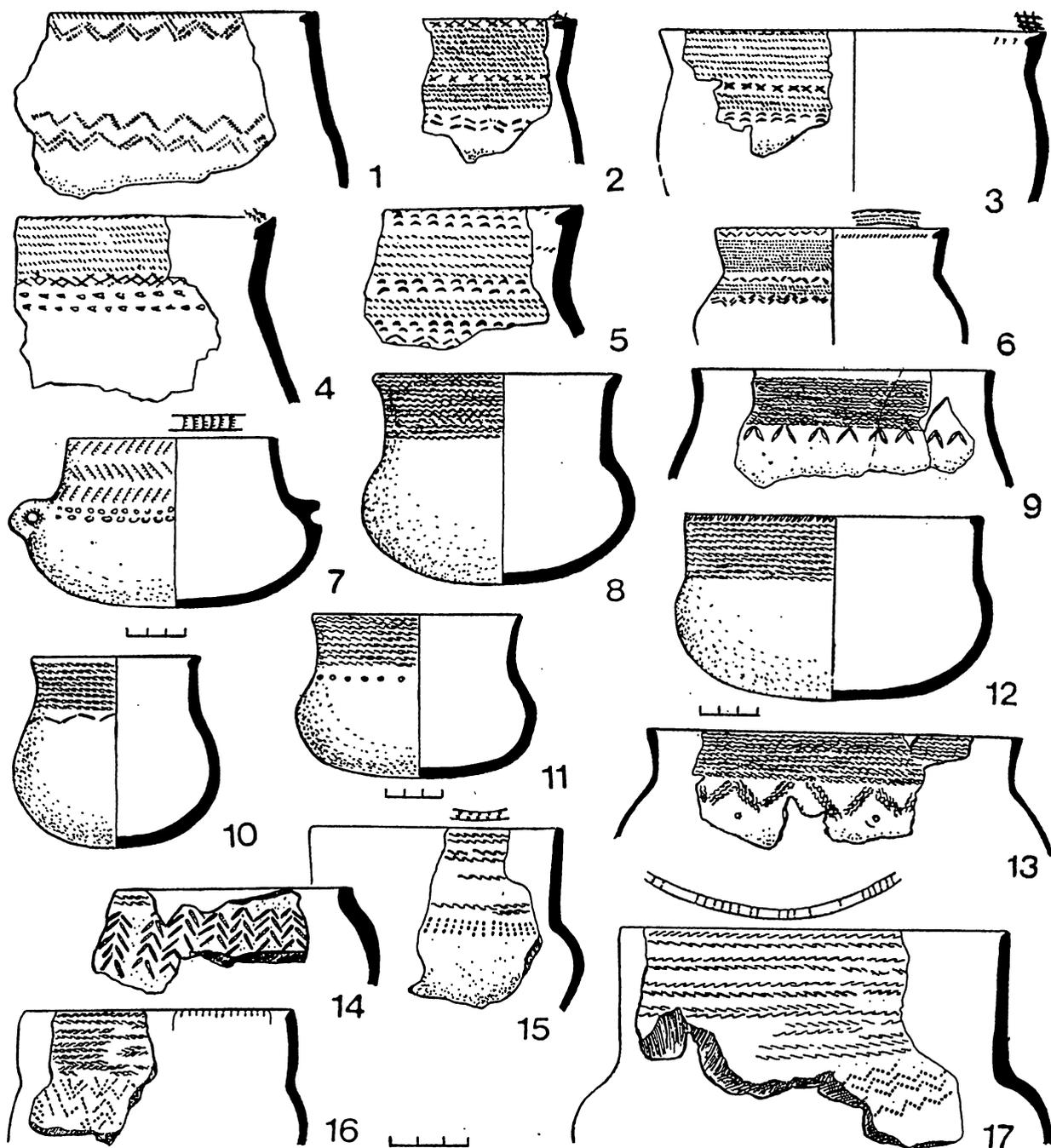

Рис. 149. Глиняная посуда средневековых памятников Прикамья и Урала.
 1–6 – Петрогром (по В.Д. Викторовой и В.М. Морозову); 7–13 – Невелинский могильник
 (по Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго); 14–17 – городище Каменный Лог (по Л.И. Ашихминой)

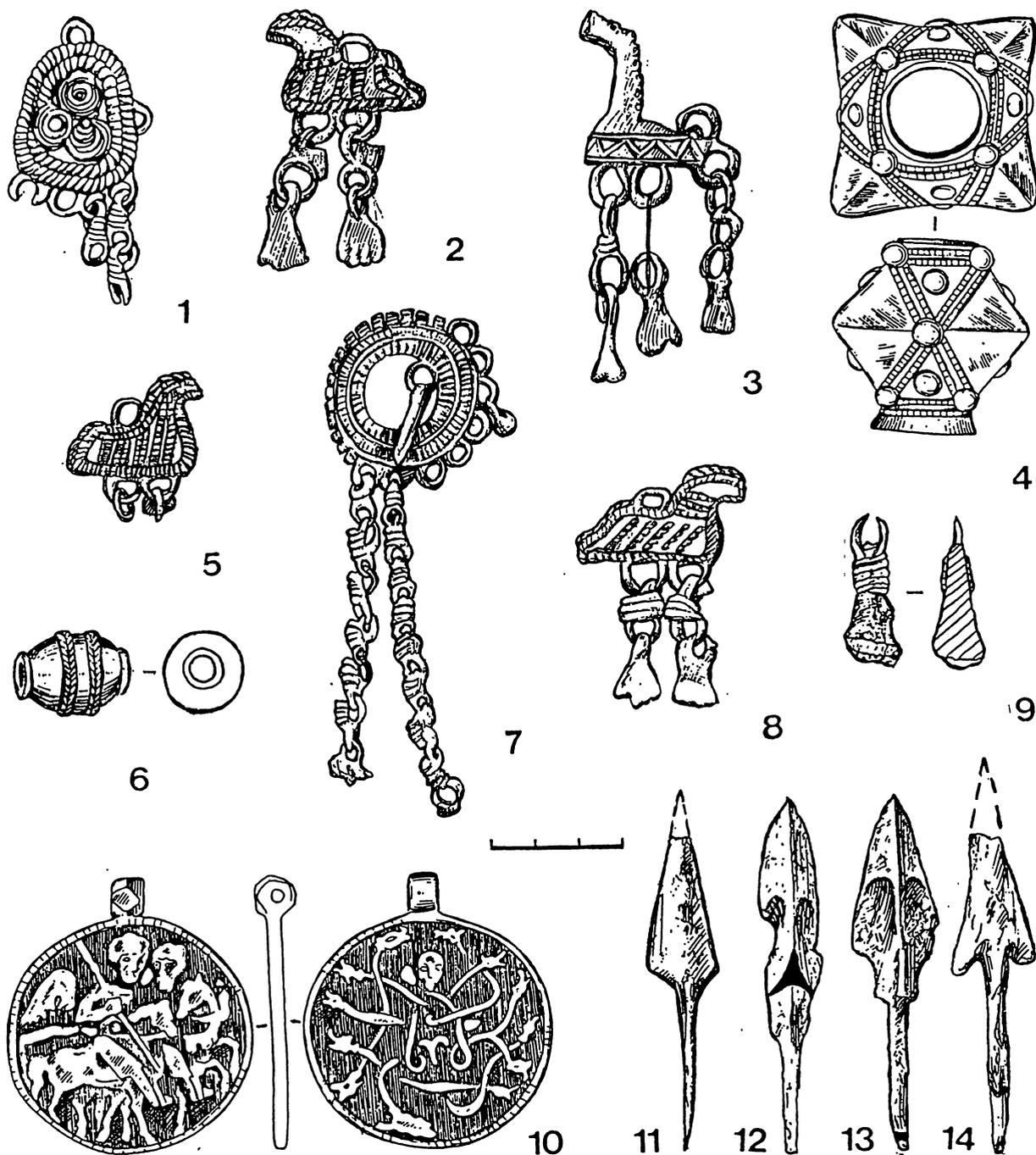

Рис. 150. Металлические изделия чумойтлинской культуры (по Т.К. Ютиной).

1-3, 5, 7-9 - подвески; 4 - булава; 6 - прописка; 10 - подвеска-змеевик; 11-14 - наконечники стрел.

1 - Быргиндиское IV селище; 2, 3, 5-8 - Котловский могильник; 4 - Ильнешское городище;

9 - Зуевская находка; 10 - Малопургинская находка; 11, 14 - Апаньинские находки;

12, 13 - Благодатское I городище. 1-5, 7-10 - бронза; 6 - серебро; 11-14 - железо

вании. Учитывая все эти обстоятельства – отсутствие четко обозначенной территории проживания носителей петрогромского типа керамики, размытость ее характеристик, отсутствие чистых петрогромских памятников, неопределенность даты и нечеткость, и даже отсутствие типологического сходства между петрогромской и цилиндрической прикамской посудой, – на современном уровне археологического знания нельзя считать доказанным происхождение прикамской посуды этого типа от петрогромской и называть ее постпетрогромской. Это лишь дезориентирует непосвященного читателя.

Среди чумойтлинской керамики в небольших количествах присутствуют и раннебулгарские сосуды – результат торговых контактов с Волжской Булгарией (рис. 148–10). Судя по археологическим материалам, в Южной Удмуртии X–XV вв. не было постоянных булгарских поселений, лишь в XVI – начале XVII в. здесь появились первые очень немногочисленные татарские селения (Р.Г. Фахрутдинов, 1975, рис. 3). Чумойтлинская культура генетически связана с населением, оставившим памятники XVII–XVIII вв. на территории Удмуртии. В настоящее время в Удмуртии известно более 80 могильников XVII–XIX вв. (И.Г. Шапран, 1984, с. 120–133; Н.И. Шутова, 1987, 1990), о которых хорошо осведомлено современное местное население. Около 50 из них находятся в Южной Удмуртии. Эти могильники характеризуются общностью черт, которые следует рассматривать как проявление этнического своеобразия древнеудмуртской материальной культуры. Картографирование могильников показало их полное совпадение с ареалом распространения удмуртского населения в начале XVIII в. Почти все могильники XVII–XIX вв. соответствуют удмуртским поселениям, существовавшим в начале XVIII в., и отмечены в переписи 1716 г. (М.В. Гришкина, 1976, с. 124–133).

Таким образом, генетическая преемственность ананьинской, чегандинской, верхнеут-

чанской, чумойтлинской и удмуртской культур несомненна. Своеобразие этого района, сформировавшееся на протяжении столетий, проявилось и в других аспектах культуры южных удмуртов. В частности, на этой территории был в XIX–XX вв. распространен своеобразный костюмный комплекс, в котором, как считают этнографы, наряду с типично удмуртскими особенностями проявляются черты воздействия тюркской культуры. Традиционная женская рубашка южных удмуртов была туникообразной, спинка и перед ее шились из одного полотна, перегнутого в плечах, бока оформлены двумя скошенными клиньями, рукава широкие с клиньями, чуть сужены к кистям. Вдоль грудного разреза нашит нагрудник из полос фабричной ткани. Под платье одевали апплицированный из кусочков разноцветной ткани съемный нагрудник – мурешет. Наиболее ранние рубашки сшиты из белой домотканины с небольшой вышивкой на груди. Низ рубашки был оформлен оборкой шириной 15–20 см и узорной полосой выборного ткачества. В конце XIX в. появились новые элементы оформления рубашки – кокетка, вторая оборка, более широкая оборка, стоячий воротник, манжеты и т. д. Появление второй оборки, увеличение ее ширины – проявление весьма ощутимого тюркского влияния (С.Х. Лебедева, М.Г. Атаманов, 1987, с. 117). Даже в вышивке южных удмуртов явственно прослеживается тюркское влияние. Для нее, как и у татар, и башкир, характерны свободные несчетные швы – тамбурный шов, стебельчатый и особый декоративный прием, получивший название у специалистов «свободный козлик». У тюркских же народов были распространены типичные для вышивки южных удмуртов многоцветье и растительный орнамент (Н.С. Королева, 1979, с. 34–42).

Этнографические материалы свидетельствуют, что женщины этого края носили высокий конусообразный головной убор – айшон, поверх которого накидывали платок – покрывало. Некоторые украшения имеют глубокие

истоки, восходя к археологическим материалам. Конические височные подвески известные в чегандинской культуре в несколько ином варианте, встречаются на девичьих налобных повязках южных удмуртов (укотуг или тугоко), оригинальные прически южных удмуртов (чучырет) и по форме, и по способу навивки похожи на спирально-витые височные подвески ананьинско-чегандинского времени, только выполненные из бронзы (В.Ф. Генинг, 1970, с. 198–199). Для костюма южных удмуртов характерно красочное многоцветье костюма, в отличие от северных удмуртов, у которых в костюме преобладают спокойные тона, преимущественно сочетание трех цветов – белого, красного и черного.

В Южной Удмуртии отмечены и особые черты в домостроении и оформлении интерьера жилища, которые также связаны прежде всего с многовековыми контактами с тюркским миром – булгарами, позже – татарами, башкирами. В южноудмуртской традиционной избе (корка) оформление печи с вмазанным котлом, наличие нар и другие детали указывают на тюркское влияние (К.М. Климов, 1984, с. 86). Широкие нары, покрытые кошами, были устроены вдоль всей передней стены дома, в красном углу размещался стол и массивные лавки. Присутствие в жилищах удмуртов двух организующих центров: красного угла и нар – придает им особое своеобразие (там же, с. 87). В красном углу, обычно правом, размещался стол и массивные лавки. В левом углу у передней стены – просторные нары в виде деревянного ящика для хранения постельных принадлежностей, покрытые коврами – шобретами, выполненными в технике переборного ткачества, с узором, покрывающим всю поверхность фона (там же, с. 88). Жилища дополнительно были украшены и декоративными полотенцами, которые вешали в проемах окон и на матицу. Концы полотенца орнаментированы в браной, закладной и выборной технике тканья. По наблюдениям К.М. Климова, в полотенцах Южной Удмуртии геометрические узоры крупнее, силу-

эты фигур проработаны не так четко, отчето узор выглядит живописнее (1984, с. 88).

Длительные контакты южных удмуртов с тюркскими народами проявились и в особенностях их физического облика. По материалам К.Ю. Марк, южные удмурты Алнашского района более темноглазы и темноволосы, чем остальные, и по этому признаку близки тюркским народам Среднего Поволжья и Приуралья (1987, с. 39). Антрополог В.Г. Моисеев считает, что у южных удмуртов отсутствует существенный уральский антропологический компонент, столь характерный для северных удмуртов (1997, с. 21).

Особый исторический путь южных удмуртов проявился и в их идеологических представлениях. По мнению В.Е. Владыкина, в удмуртском пантеоне имеется огромное число заимствований, усвоенных через тюркское посредничество: Албасты, Акташ, Акшан, Бустурган, Обида, Убир, Шайтан, Пери, Алангасар и другие. Особенно был распространен у южных удмуртов культ Керемета, который проник, как считает В.Е. Владыкин, в удмуртскую среду с исламом и здесь слился с древним финно-угорским культом священной рощи (1994, с. 98–100, 104, 109–110). Эти явления хронологически могут быть отнесены ко времени не ранее принятия ислама в качестве официальной религии Булгарского государства, которое стало осуществлять свою экспансию в пермские земли.

Своеобразие культуры южных удмуртов проявляется и в языке. Территория ижских, верхневалинских, тойминских, умякских, кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия (Основы финно-угорского языкознания..., 1976, с. 104, 107; В.К. Кельмаков, 1987, карта 7) почти полностью совпадает с территорией верхнеутчанской и чумойтлинской культур. Интересно отметить и то, что именно в пределах южного наречия выявлен особый говор (д. Варклет-Бодья Агрызского района Татарстана), где еще сохранилась, восстановленная В.К. Кельмаковым архаичная система согласных в 28 единиц, полнос-

тью совпадающая с прапермской и утраченная абсолютным большинством удмуртских диалектов (В.К. Кельмаков, 1993, с. 45).

Глубокие исторические корни населения Южной Удмуртии подтверждаются и картиной расселения удмуртских родов (М.Г. Атаманов, 1982, с. 81–127). Именно здесь расселение удмуртов создает целостную картину размещения родовых групп, при котором множество небольших пунктов группируются вокруг родового гнезда – выл. На этой территории локализуются центры (выл) родов: Затча, Эгра, Уча, Шудья, Омга, Зумья, Бцдья, Пельга, Чабья, Салья, Какся, Можга, Жикья, Кибья (М.Г. Атаманов, 1982, с. 86–88). Некоторые из них, например род Пельга, не сохранили преданий о переселениях из далеких мест, в отличие от большинства, что очевидно свидетельствует об автохтонности этого объединения и длительной истории его обитания на этой территории (там же, с. 96). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что многие удмуртские роды сохранили предания о переселениях. Из кукморско-шошминского района переселились в междуречье Вятки и Камы представители 15 родов (Бцдья, Дцкья, Зумья, Какся, Кибья, Коньга, Кцпка, Куарса, Нцрья, Омга, Пышья, Сюра, Турья, Уча, Чабья). Слободской куст стал истоком для 10 родов (Бигра, Дурга, Дурга-Пцбья, Пцбья, Салья, Сюгра-Чабья, Удья, Чабья, Чипья, Чола). Из прикильмезского района в другие переселялись удмурты 13 родов (Вамья, Жикья, Затча, Какся, Можга, Мцнья, Нылга, Пудга, Тукля, Чудьза, Чунча, Юбера, Юсь). Из 28 родов, зафиксированных в Южной Удмуртии (М.Г. Атаманов, 1997, с. 78–79), лишь один – Пельга, стал источником расселения в другие земли. Одно из возможных объяснений этого – Южная Удмуртия была одним из наиболее стабильных, относительно спокойным районом, который был огражден от южных и западных соседей крупными реками – Вяткой и Камой. Современные материалы позволяют говорить о том, что южная группа представляет собой одну из древнейших в этногенезе удмуртского народа.

5.2. Восточные области расселения удмуртов в эпоху средневековья (VI–VII вв. н. э.)

На территории современной северо-западной Башкирии (междуречье Уфы и Белой) известно около 300 памятников со своеобразным обликом материальной культуры, названной в литературе бахмутинской по одноименному могильнику, где впервые были получены погребальные комплексы этого типа. Культура была выделена А.В. Шмидтом в 1929 г. (с. 16–23). Значительный вклад в ее изучение внесли А.П. Смирнов (1957, с. 54), В.Ф. Генинг (1972, с. 224–228, 242–247), С.М. Васюткин (1968), Г.И. Матвеева (1969), В.А. Иванов, Т.И. Останина (1983) и Н.А. Мажитов (1968; Археологическая карта Башкирии, 1976, с. 29–31).

Бахмутинская культура сложилась на основе кара-абызской и чегандинской культур предшествующей поры. Известно около 60 городищ, около 200 селищ и несколько могильников. Поселения сосредоточены в междуречье Белой и Буя, по течению как крупных, так и мелких рек. В.А. Иванов и Т.И. Останина зафиксировали значительную концентрацию селищ на мелких реках при городище, сооруженном в верховьях рек (1983, с. 105).

Большинство городищ относятся к типу мысовых, но есть и на отдельных возвышенностях (Барьязы, Тутагачское), размеры их площадок колеблются от 0,7 (Ново-Медведевское I) до 35 тыс. кв. м (Сарвихинское). У большей части поселений была одна линия обороны, но известны поселения с двумя (Тибельское, Варьяс, Казакларовское и др.) и более (Барьязы и др.) линиями обороны. Мощност культурного слоя не превышает 0,4 м. Раскопки проведены на Казакларовском I (В.А. Иванов, Т.И. Останина), Барьязы (В.А. Иванов) и Юмакаевском (Н.А. Мажитов, Г.И. Матвеева). На Казакларовском I городище раскопано наземное жилище площадью 36,5 кв. м и неотопливаемая хозяйственная постройка площадью 20,8 кв. м, на полу которой находилось большое число раз-

давленных сосудов. В качестве очагов использовались обычные кострища.

Могильники бескурганые, среди них наиболее изучены Бахмутинский и Бирский, занимают они большую площадь, плотно насыщенную могилами. Размеры могил определялись размерами умершего. Наиболее характерная глубина – 0,5–0,8 м. Погребения совершены по способу труположения, вытянуто на спине, головой на север. Захоронения индивидуальные, изредка коллективные. В бахмутинских могильниках вещи располагались так, как они использовались обычно в costume. Однако, как и в прикамских могильниках, довольно часто встречались погребальные дары: берестяные коробки с украшениями, а также кожаные пояса с накладками, уложенные вдоль погребенного.

Из погребального инвентаря чаще всего встречались предметы поясной гарнитуры (рис. 151–3–5), застежки-фибулы (рис. 151–6, 9, 10), височные (рис. 151–7, 8) и нагрудные (рис. 151–2, 11, 12, 13) подвески, зеркала (рис. 151–1) и пронизки-медведи (рис. 151–14). В мужских могилах обнаружены уздечки с удилами (рис. 149–15), железные серпы (рис. 149–16), наконечники стрел (рис. 149–17–20), скобели (рис. 149–21), топоры (рис. 149–22), мотыжки (рис. 149–23).

Оригинальна глиняная посуда бахмутинской культуры (рис. 152), представляющая собой круглодонные широкогорлые сосуды, сплошь орнаментированные по наружной поверхности беспорядочно располагающимися круглыми ямками. В качестве примеси к глиняному тесту использовался песок, дресва. Кроме того, известны и низкие открытые чаши без орнамента или украшенные горизонтальным рядом редких ямок по шейке и елочкообразным узором из насечек, по тулову.

Вопрос о времени бахмутинских памятников, несмотря на свою простоту, является одним из наиболее запутанных. А.В. Шмидт датировал известные ему памятники V–VII вв. (1929, с. 20–23), А.П. Смирнов – IV–VII вв. (1957, с. 54), Н.А. Мажитов – II–VII вв.

(1968, с. 9). В работах Г.И. Матвеевой (1969, с. 8, 12) и В.Ф. Генинга бахмутинские комплексы отнесены ко времени V–VI вв. (1972, с. 242–247). А.К. Амброз (1971б, с. 107, 110–112) и В.Б. Ковалевская (1972, с. 106, 107) бахмутинские материалы датировали IV–VII вв. В настоящее время Н.А. Мажитов относит их к V–VIII вв., а возможно, и более позднему времени (Археологическая карта Башкирии, 1976, с. 30). Судя по опубликованным материалам, бахмутинская культура в Башкирии вряд ли просуществовала дольше VII в.

Наличие на сопредельных, и даже на их территории, памятников иного типа – турбаслинских, романовских, кушнаренковских и других – свидетельствует о том, что бассейн р. Белой стал местом обитания разных народов зауральского, южноуральского и западно-сибирского происхождения. Постоянная близость населения инородного происхождения в конечном счете привела к оттоку бахмутинского населения из Башкирии и его ассимиляции другими группами. В результате восточная граница пермского массива сместилась на запад и стала проходить по Каме, являвшейся естественной преградой на пути массового притока кочевников. Антропологические материалы также свидетельствуют о смене антропологического типа на территории Башкирии во второй половине I тыс. н. э. и начале процесса формирования антропологических вариантов современных башкир. Истоки этого нового типа антропологи видят в среде тюркских кочевников Зауралья, Алтая и Казахстана (С.Г. Ефимова, 1991, с. 77–80). Однако включение в состав северо-западных башкир мощного пермского компонента хорошо проявляется в наличии здесь особой локальной группы, характеризующейся более низким и узким, среднепрофилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом (М.С. Акимова, 1968; Р.М. Юсупов, 1989; С.Г. Ефимова, 1991).

Учитывая, что бахмутинские памятники близки чегандинским и кара-абызским, почти никто не сомневается в принадлежности их

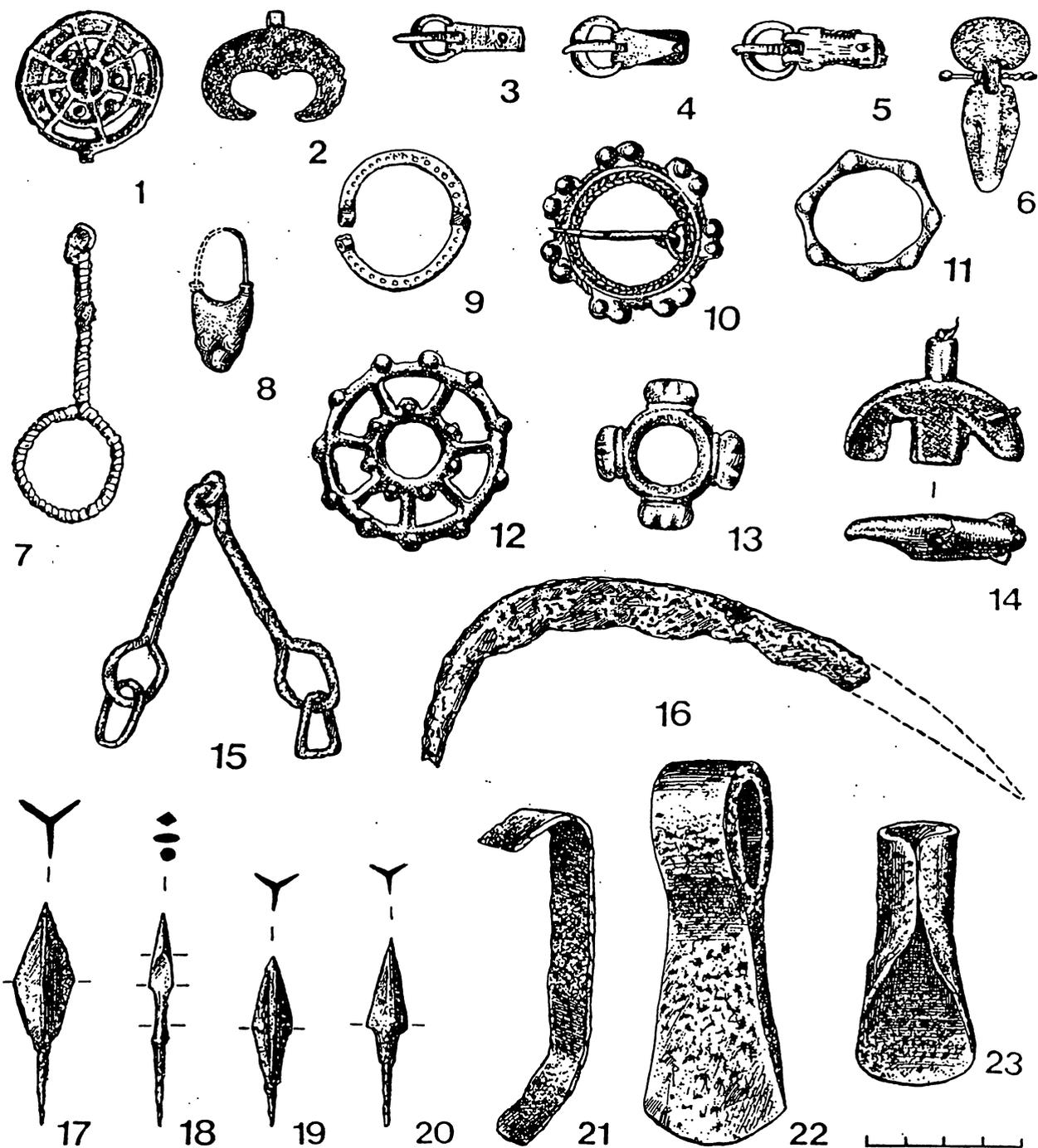

Рис. 151. Металлические изделия бахмутинской культуры (VI-VII вв.) (по Н.А. Мажитову).
 1 – зеркало; 2, 11–13 – подвески; 3–5 – пряжки; 6, 9 – фибулы; 7, 8 – височные подвески; 10 – сьюльгама;
 14 – произка-медведь; 15 – удила; 16 – серп; 17–20 – наконечники стрел; 21 – скобель; 22 – топор;
 23 – мотыга. 1 – Каратамакский; 2–23 – Бирский могильники. 1–14 – бронза; 15–23 – железо

пермянам. Мне кажется, что настало время уверенно отождествлять их не только с пермским населением, но и более конкретно – с древнеудмуртским.

Подобная судьба постигла, вероятно, и пермское население соседнего региона – бассейна р. Тулвы, так как памятники VI в. и более позднего времени здесь крайне редки. Вследствие беспокойной обстановки в VI в. оно было оставлено пермянами, частью ассимилированными, а частью переселившимися в более северные края.

5.3. Вятский край в эпоху средневековья (VI-XIII вв.)

Начало археологического изучения средневековых памятников бассейна р. Вятки, как ананьинских так и худяковских, связано с именем П.В. Алабина, который в 1859–1865 гг. осмотрел наиболее известные городища вятского края (Чижевское, Лебяжское, Ижевское и др.), некоторые из них даже раскапывал (Пижемское, Бурьгинское), а материалы их обобщил в «Заметках относительно древностей Вятского края» (1865, 54–58). Интерес к вятским археологическим памятникам в дальнейшем поддерживали П.А. Пономарев, проводивший небольшие раскопки на Аргыжском и Бурьгинском городищах, А.С. Лебедев, исследовавший Пижемское городище (1908, с. 448), П.И. Кротов, посетивший Бурьгинское, Ернурское, Ижевское, Кубашевское городища (1892) и др. Наибольший вклад в дело изучения вятского средневековья внес А.А. Спицын, который, будучи преподавателем Вятской женской гимназии, в конце 80 – начале 90-х гг. провел большие работы по обследованию и изучению памятников бассейна р. Вятки. Им были организованы раскопки Еманаевского, Ижевского, Скорняковского, Истобенского, Лебяжского, Загребинского могильников и обследованы многочисленные памятники. Полученные материалы стали документальной основой

для создания А.А. Спицыным исторического очерка о населении Вятского края (1893), где он не только охарактеризовал основные этапы древней истории, но и аргументировал положение о вятском происхождении удмуртского народа (там же, с. 93).

В конце 20-х гг. городища вятского бассейна обследовала антропологическая экспедиция МГУ под руководством Б.С. Жукова. Средневековые памятники в составе этой экспедиции изучал М.В. Талицкий. Им были проведены небольшие раскопки на Пижемском, Еманаевском, Ижевском, Шевнинском, Буйском городищах, Кочергинском могильнике и других памятниках (1940, с. 159–168).

В 1956–1958, 1961 гг. экспедиция Марийского научно-исследовательского института истории, языка и литературы под руководством Г.А. Архипова исследовала несколько средневековых городищ вятского бассейна: Чапаевское, Сабуяльское, Шевнинское, Кузнецовское, Ернурское, Бурьгинское, Кубашевское, Верхне-Регежское и другие, а также Юмские жертвенное место и могильник (Г.А. Архипов, 1962, с. 206–231; 1962а, с. 141–159). Средневековые материалы были выявлены Л.П. Гуссаковским при раскопках Вятского, Хлыновского и Никульчинского городищ. Наряду с древнерусскими остатками им были обнаружены и финно-угорские древности.

Быстрыми темпами средневековые материалы стали накапливаться с развертыванием работ на р. Вятке Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета. Было организовано большое число разведочных маршрутов, и, как следствие, появилась возможность получить добротные материалы при стационарных исследованиях. Раскапывались многие городища, содержавшие средневековые культурные слои, под руководством Л.Д. Макарова и Н.А. Лещинской – Еманаевское (Н.А. Лещинская, 1988, с. 79–107), Л.Д. Макарова – Никульчинское, Ковровское, Шабалинское, Котельничское, Хлыновское, Подчуршинское

(1980, с. 152–153; 1983, с. 158; 1983а, с. 156–157), Л.И. Ашихминой и Н.И. Леконцевой – Буйское (Л.И. Ашихмина, 1979, с. 155–156; Л.И. Ашихмина, 1987, с. 103–120; Л.И. Ашихмина, Е.М. Черных, 1989, с. 197–201), Н.П. Карповой (Девятовой) – Цекеевское (Н.П. Карпова, 1983, с. 152) и Е.М. Черных – Аргыжское (1989, с. 37–39; 1995, с. 6–7; 1996, с. 91–93). Важное значение имело исследование неукрепленных поселений: Л.Д. Макаровым – поселений Искра (1984, с. 94–119) и Никульчинского II (О.В. Арматынская и др., 1988, с. 151–152), Н.А. Лещинской – Вихаревского (1984, с. 41–43) и Балминского (1984, с. 39–41) селищ, Р.Д. Голдиной и Т.М. Гусенцовой – поселений Моторки II (1979, с. 33–102), Лобань I (они же, 1974, с. 143–144), Т.М. Гусенцовой и Н.И. Леконцевой – Ботыли IV (1978, с. 167; Н.И. Леконцева, 1979, с. 184), Н.П. Карповой (Девятовой) – Пайбулатовского и Коктыш II (1983, с. 152), Е.М. Черных – Слудки и Мелетского II. Интересные материалы были получены при раскопках Тат-Боярского могильника Р.Д. Голдиной и Н.А. Лещинской (Н.А. Лещинская, 1991, с. 61–64).

В эти же годы на р. Вятке И.И. Стефановой и М.Г. Ивановой был исследован Концовский могильник (И.И. Стефанова, 1982, с. 90–103; М.Г. Иванова, 1988, с. 4–24), М.Г. Ивановой проведены рекогносцировочные работы на Курчумском и Ошланском городищах, М.И. Трефц открыто захоронение XI в. на поселении Буй I.

На основе полученных материалов Н.А. Лещинская выполнила монографическое исследование о памятниках эпохи средневековья в бассейне р. Вятки (1995), в котором не просто описала все имеющиеся к этому времени материалы, но разработала их подробную хронологию, выяснила особенности материальной культуры, определила исторические судьбы населения этого края.

Памятники VI–IX вв. бассейна р. Вятки объединены в еманаевскую культуру. Название происходит от наиболее изученного Еманаевского городища. Культура, выделен-

ная Р.Д. Голдиной (1987, с. 22–23), занимала территорию нижней и средней Вятки с многочисленными право- и левобережными притоками, верховья рр. Б. и М. Кокшаги, верховья р. Ветлуги (рис. 144). Основой еманаевской культуры является худяковская.

К VI–IX вв. Н.А. Лещинской отнесено 13 городищ (1995, с. 9). Среди них особое место занимает Еманаевское городище на р. Пижме в Тужинском районе Кировской области. Памятник расположен на подтреугольном мысу коренной террасы высотой 10 м, имеет вал высотой 1,5 м и ров глубиной 1 м. Площадь поселения 1500 кв. м. Мощностъ культурного слоя на склонах достигает 1 м (Н.А. Лещинская, 1988, с. 80). На городище изучены два наземных сооружения прямоугольной формы площадью 96 и 100 кв. м. На их производственный характер указывают многочисленные шлаки, тигли, льячки, обломки глиняных сопел, различные инструменты: пробойники (рис. 153–9, 16), ножи (рис. 153–11–15), гвозди (рис. 153–8), ложкаръ (рис. 153–17), тесло (рис. 153–29) и различные готовые изделия: наконечники стрел (рис. 153–18–21), мотыга (рис. 153–23), втоки (рис. 153–24, 25), наконечники копий (рис. 153–26–28) и др.

Кроме того, на памятнике раскопано овальное в плане сооружение, площадью около 23 кв. м, углубленное в грунт на 1,8 м. Оно было поделено, скорее всего, на 2 части, отапливалось простыми кострищами. Наземная часть представляла собой столбовое, каркасное сооружение. По характеру находок Н.А. Лещинская предполагает не столько производственный, сколько жилой характер сооружения (1988, с. 82). Подобные особенности – мысовые, одна линия обороны, одна площадка, небольшие размеры – имеют и другие городища этого времени (Ижевское, Кривоборское, Чижевское, Подрельское, Ковровское и др.).

Селища немногочисленны, располагались они как на невысоких коренных берегах небольших рек (Слудка), так и на всхолмлениях в поймах рек (Коктыш II, Пайбулатово).

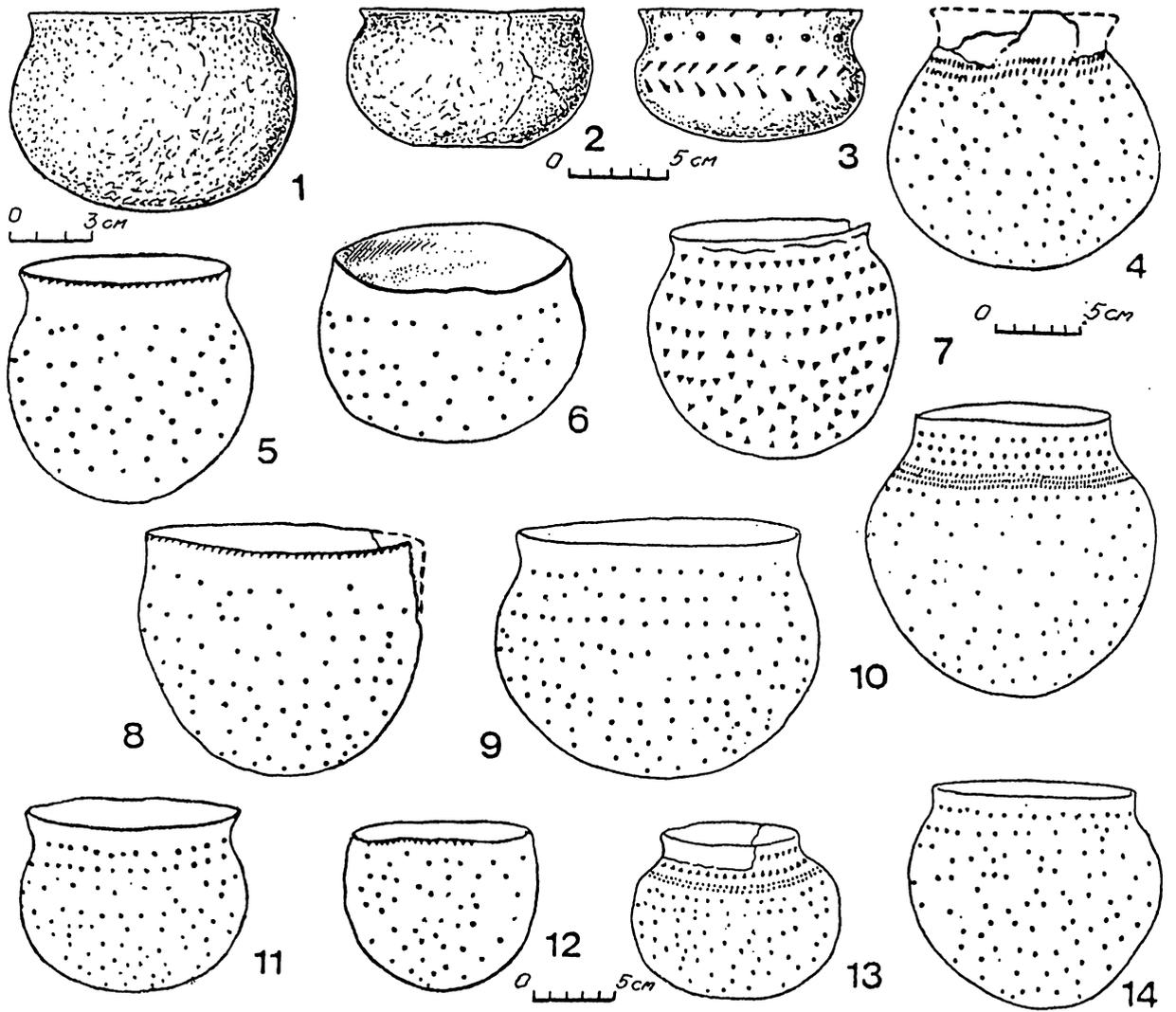

Рис. 152. Глиняная посуда бахмутинской культуры (по Н.А. Мазитову).
 1-3 - Каратамакский; 4-14 - Бирский могильники

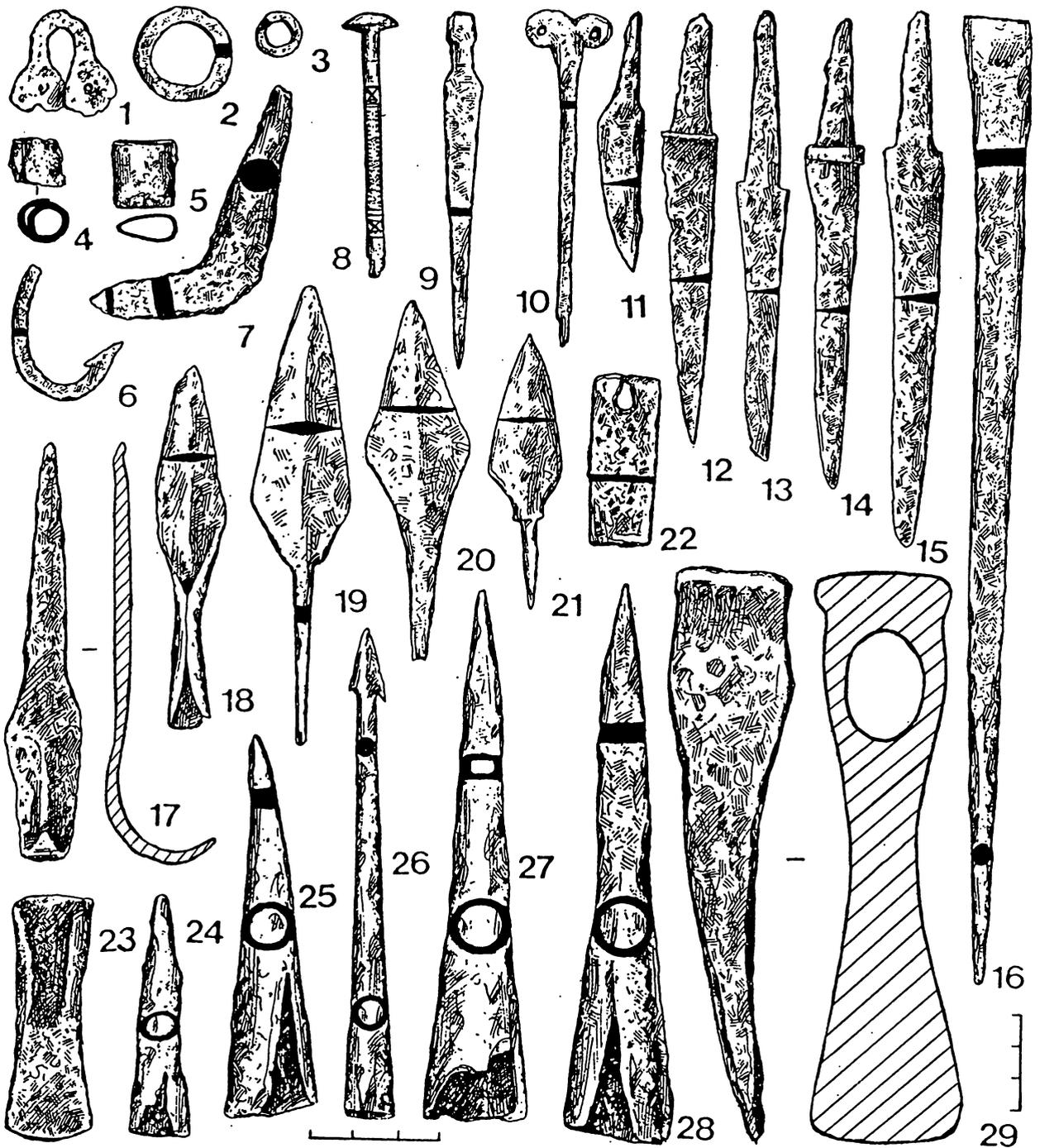

Рис. 153. Железные изделия Еманаевского городища (по Н.А. Лецинской).
 1 – ушко котелка; 2, 3 – кольца; 4, 5 – обоймы; 6 – рыболовный крючок; 7 – скоба; 8 – гвоздь;
 9, 16 – пробойники; 10 – булавка; 11–15 – ножи; 17 – ложкарь; 18–21 – наконечники стрел;
 22 – пластина; 23 – мотыга; 24, 25 – втоки; 26–28 – наконечники копий; 29 – тесло

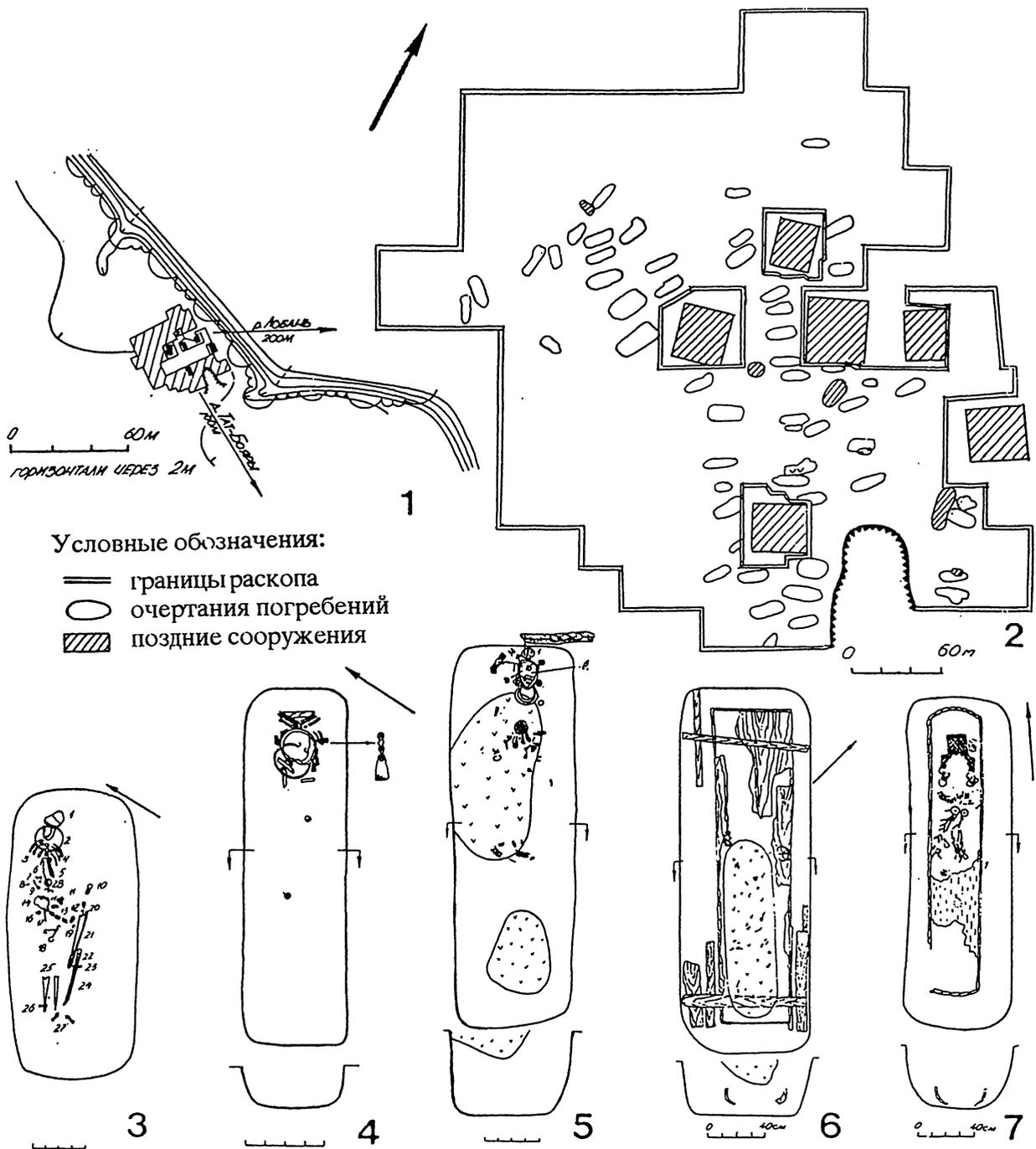

Рис. 154. Тат-Боярский могильник.
 1 — топографический план; 2 — план раскопа; 3–7 — планы погребений №№ 4, 52, 37, 53, 51

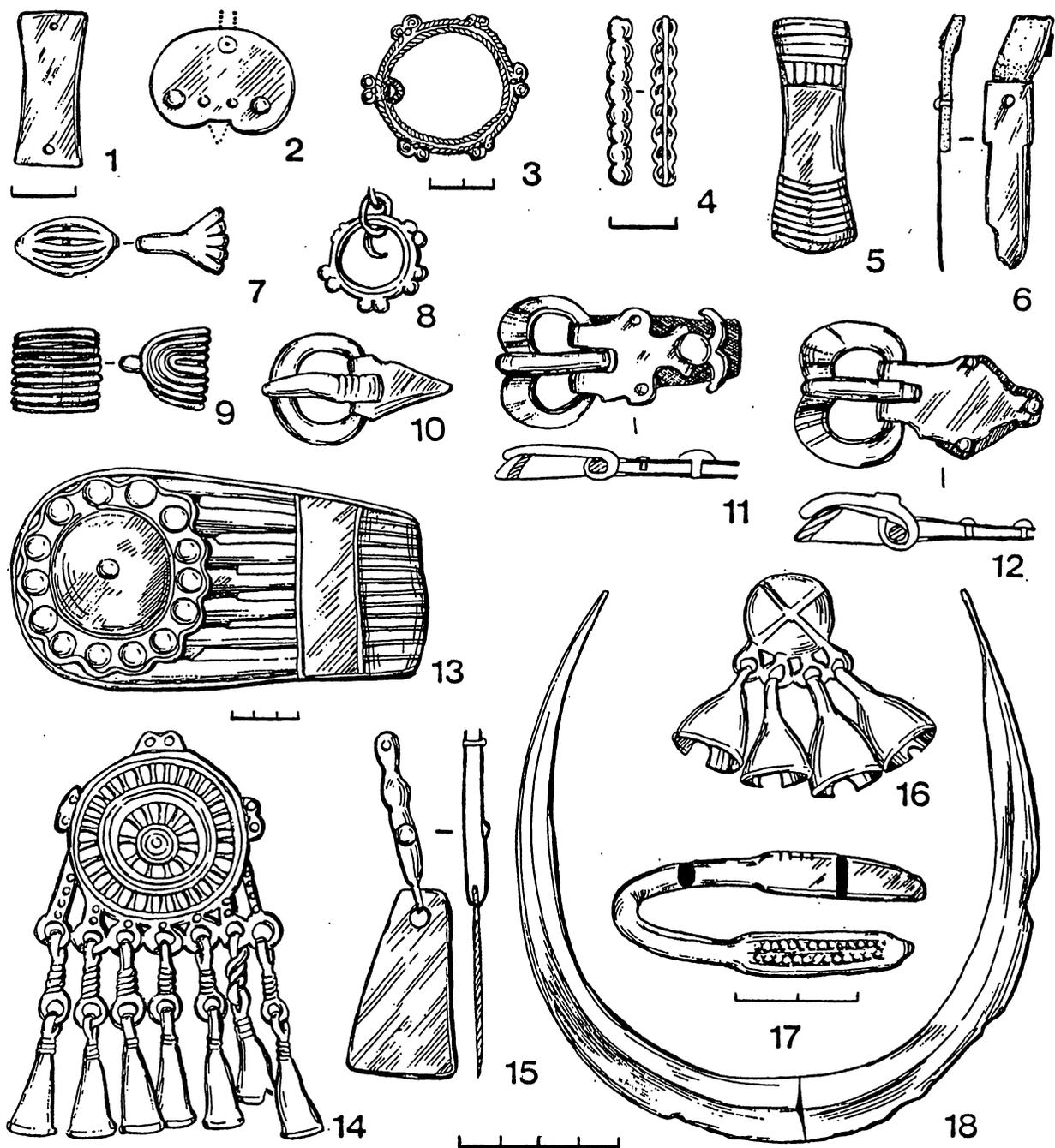

Рис. 155. Бронзовые украшения енаевской культуры (VI в.) (по Н.А. Лецинской).
 1, 4-6 - накладки; 2, 3, 8, 14-16 - подвески; 7, 9 - перстни; 10-12 - пряжки;
 13 - эполетообразная застёжка; 17 - браслет; 18 - гривна. 1-18 - Тат-Боярский могильник.
 1-5, 7-10, 12-18 - бронза; 6, 11 - бронза, кожа

Площадь их различна: от 1 до 6 тыс. кв. м. Культурный слой мощностью 0,1–0,4 м часто разрушен распашкой.

Могильники бескурганые, небольшие (30–55 захоронений). Погребения размещены рядами (Тат-Боярский – рис. 154–2; Концовский) или группами (Юмский). Могильные ямы имели прямоугольную форму, незначительную глубину – 0,8–1,3 м. Внутримогильная конструкция – дощатый гроб (рис. 154–6), реже – колода (рис. 154–7). В основном захоронения индивидуальные, выполнены по обряду трупоположения, вытянуто на спине, головой на север. Известны и случаи трупосожжения, при которых кальцинированные кости и вещи лежали беспорядочно в засыпи и на дне. Культ огня проявился и в устройстве при ингумации погребального костра, остатки которого сбрасывались в могилу по мере ее заполнения (рис. 154–5, 6). Вещи, как правило, располагались так, как использовались при жизни. Однако, как и в других финно-пермских культурах, отмечены случаи помещения в могилу погребальных даров (8,4% по Н.А. Лещинской). На Тат-Боярском могильнике в изголовье нескольких погребенных обнаружены специальные ниши с погребальными дарами в берестяных коробах, иногда выстланных шкурой или тканью. В боковой стенке могилы 33 Тат-Боярского некрополя был обнаружен берестяной короб, размерами 20×40 см, высотой 12 см с богатым подарочным набором, содержащим серебряный нагрудник на тканой, кожаной и деревянной основе (рис. 158–17), кожаный пояс с накладками (рис. 158–5, 6), пряжкой (рис. 158–8) и наконечником (рис. 158–15), 10 серебряных подвесок, кожаный кошелек с серебряной обкладкой, сложносоставная шумящая подвеска (рис. 158–18), какая-то одежда, от которой сохранились кусочки ткани, кожи, меха, украшенные бронзовыми пронизками. Под днищем зафиксированы многочисленные обломки тонких веточек. Интересно, что могила представляла собой, видимо, кенотаф, так как костей и вещей в ней не обнаружено.

В мужских могилах погребальные дары состояли из орудий труда: ложкарей, скобелей, серпов, шильев, конской упряжи, а также предметов вооружения. Довольно часто в могилах фиксировались следы подстилки из шкуры или меховой одежды. В четвертой части могил в засыпи обнаружены кальцинированные кости, зубы животных, обломки разбитых глиняных сосудов.

Н.А. Лещинской разработана детальная хронология еманаевской культуры (1995а, с. 88–127), позволяющая представить особенности материальной культуры каждого из столетий. Поясные накладки VI в. отражают традиции предшествующего времени: плоские битрапечиевидные, гладкие и орнаментированные (рис. 155–1, 5), многополучарные (рис. 155–4). Но есть новые элементы в оформлении накладок – подчеркнутый задний конец (рис. 155–6). В VI в. продолжали использовать эполетообразные застёжки (рис. 155–13), пластинчатые гривны с ребром (рис. 155–18) и трапечиевидные подвески (рис. 155–15). Бронзовые пряжки, как и в V в., трехсоставные, но задняя пластина стала маленькой, треугольной (рис. 155–10) или усложненной и орнаментированной (рис. 155–11, 12). Для пряжек характерно В-образное кольцо (рис. 155–11, 12). По-прежнему были популярны сьюльгамы (рис. 155–3), браслеты с орнаментированными концами (рис. 155–17), перстни (рис. 155–7, 9). Появились круглые солярные подвески (рис. 155–8), особый вариант лунниц (рис. 155–2), и более разнообразные шумящие подвески (рис. 155–14, 16).

Наиболее характерными предметами VII в. были весьма выразительные накладки поясов известного в литературе геральдического стиля (рис. 156–2–4, 6, 12, 13, 18–25; 157–16–18, 20). Пряжки этого времени цельнолитые с граненым или В-образным кольцом (рис. 156–27, 28; 157–24). Многочисленны различные варианты бляшек (рис. 156–8–11, 14). Появились круглые штампованные накладки (рис. 156–15), круглопроволочные гривны (рис. 156–17), пряжки-колечки (рис. 156–5).

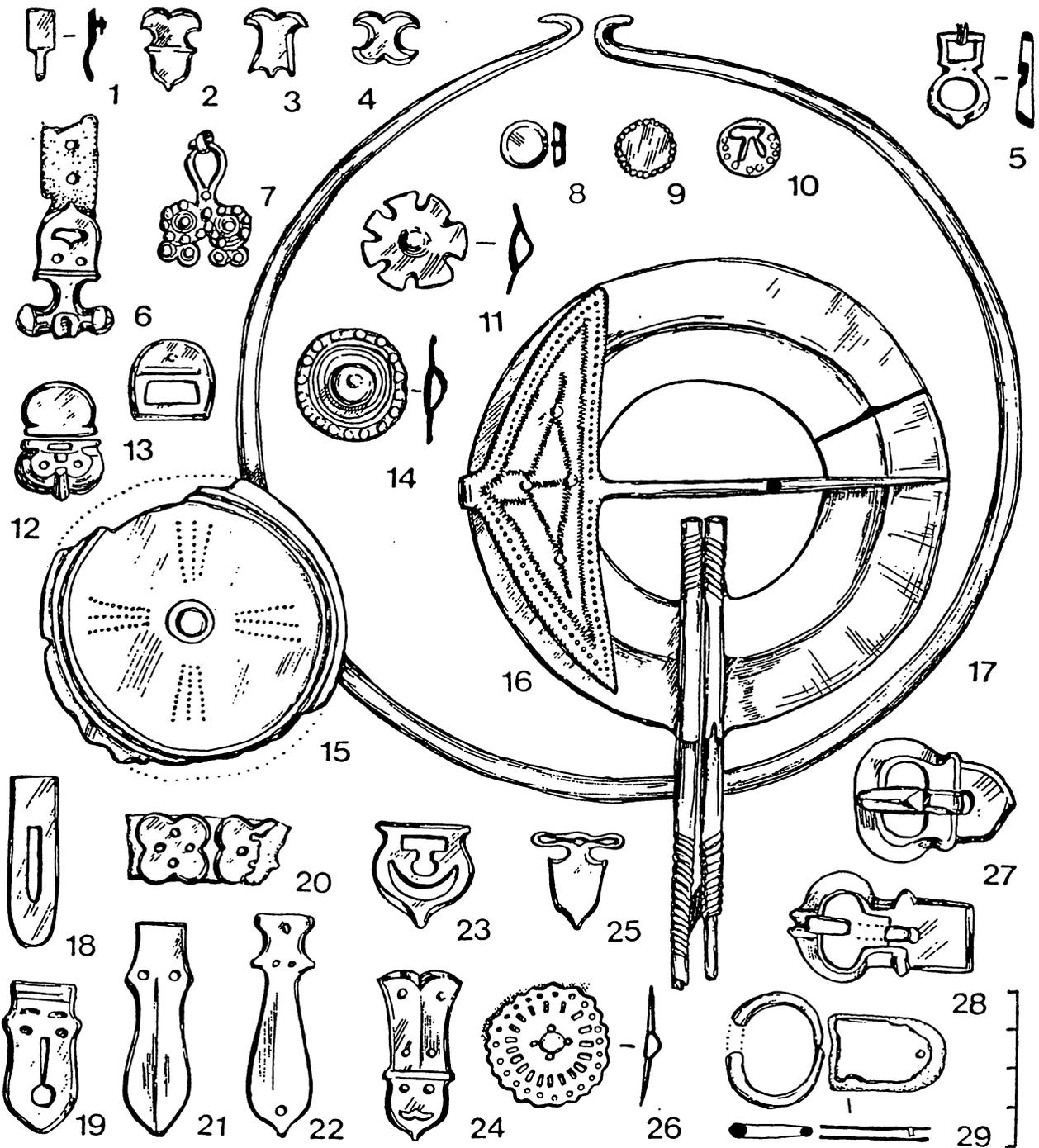

Рис. 156. Украшения еманавской культуры (VII в.) (по Н.А. Лецинской).

1-6, 8-10, 12, 13, 18-25 - накладки; 7, 26 - подвески; 11, 14, 15 - бляхи; 16 - застежка; 17 - гривна; 27-29 - пряжки. 1-29 - Тат-Боярский могильник. 1-5, 7-14, 17-19, 21-28 - бронза; 6, 20, 29 - бронза, кожа; 15, 16 - серебро

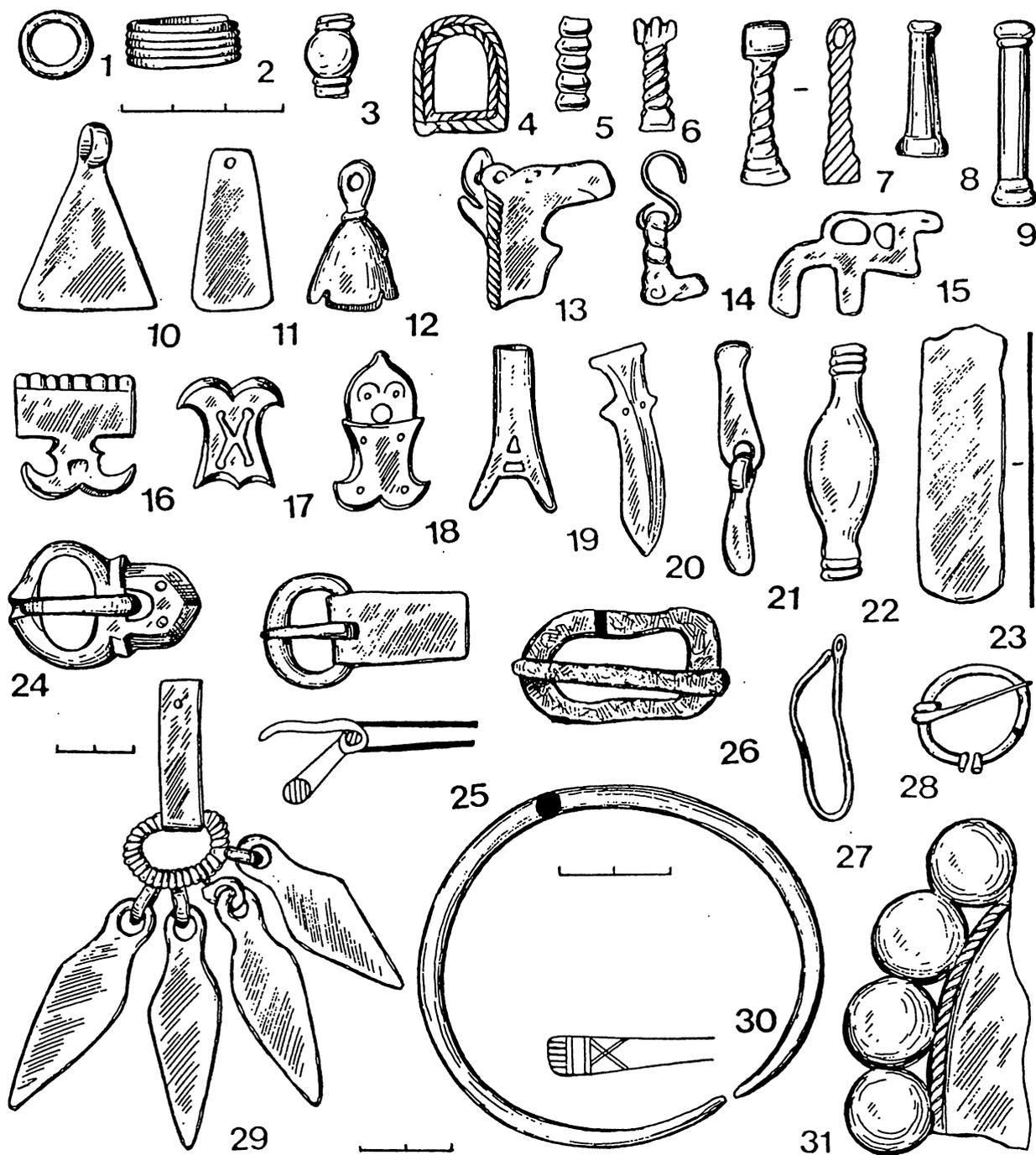

Рис. 157. Бронзовые и железные изделия Буйского городища (по Л.И. Ашихминой).
 1 – кольцо; 2 – перстень; 3, 5, 8, 9, 19, 22 – произки; 4, 6, 7, 10–15, 21, 29 – подвески;
 16–18, 20, 23 – накладки; 24–26 – пряжки; 27 – проволока; 28 – сьюльгама; 30 – браслет;
 31 – обломок эполетообразной застёжки. 1–25, 27–31 – бронза; 26 – железо

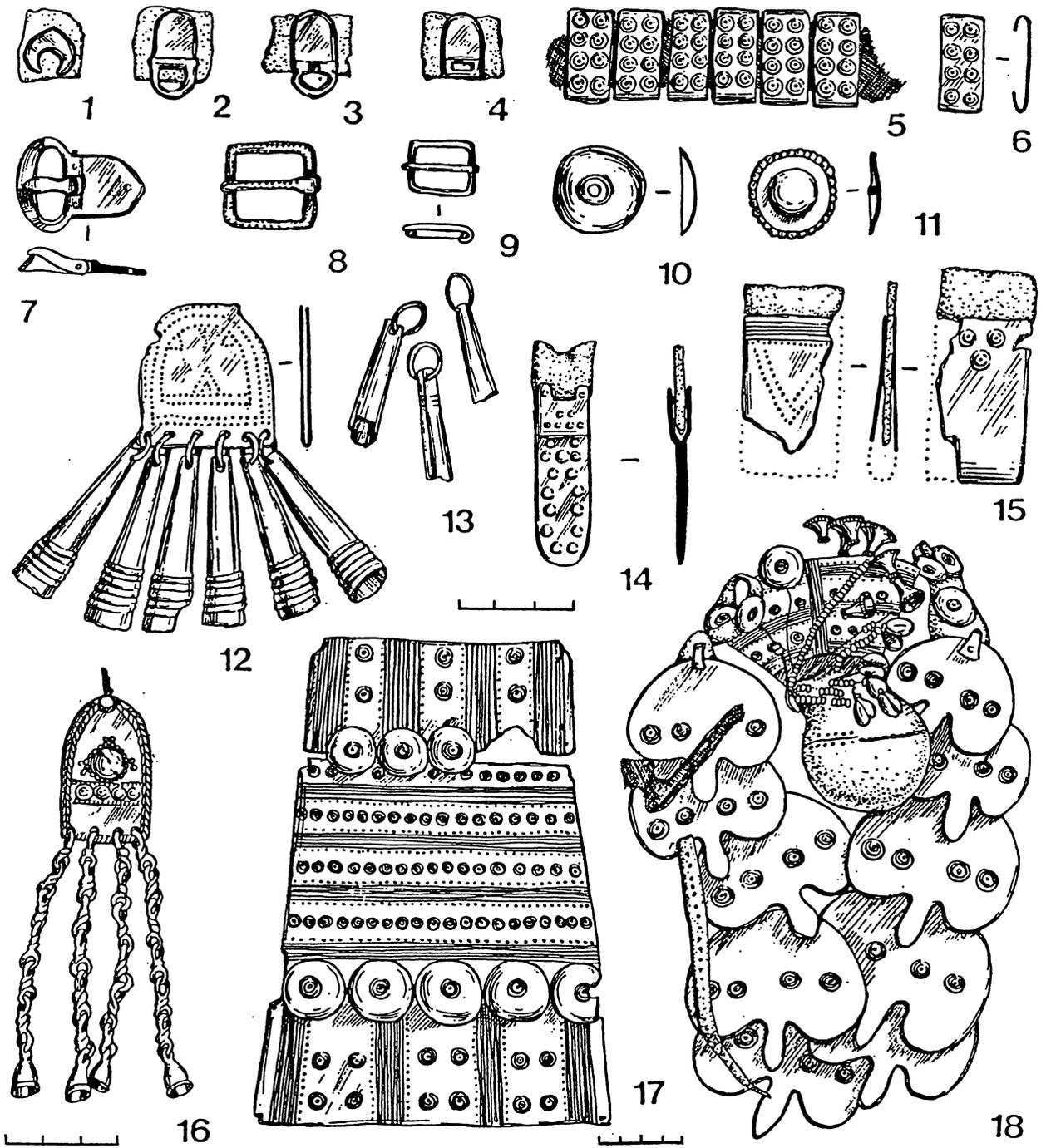

Рис. 158. Украшения еманавской культуры (VIII в.) (по Н.А. Лецинской).

1-6 - накладки; 7-9 - пряжки; 10, 11 - бляшки; 12, 13, 16 - подвески; 14, 15 - накопечники ремней;
17 - нагрудник; 18 - подвески-луницы, составная шумящая подвеска, кошелек.

1-18 - Тат-Боярский могильник. 1-4, 14, 15 - бронза, кожа; 5, 18 - серебро, бронза, кожа;
6, 10, 17 - серебро; 7-9, 11-13, 16 - бронза

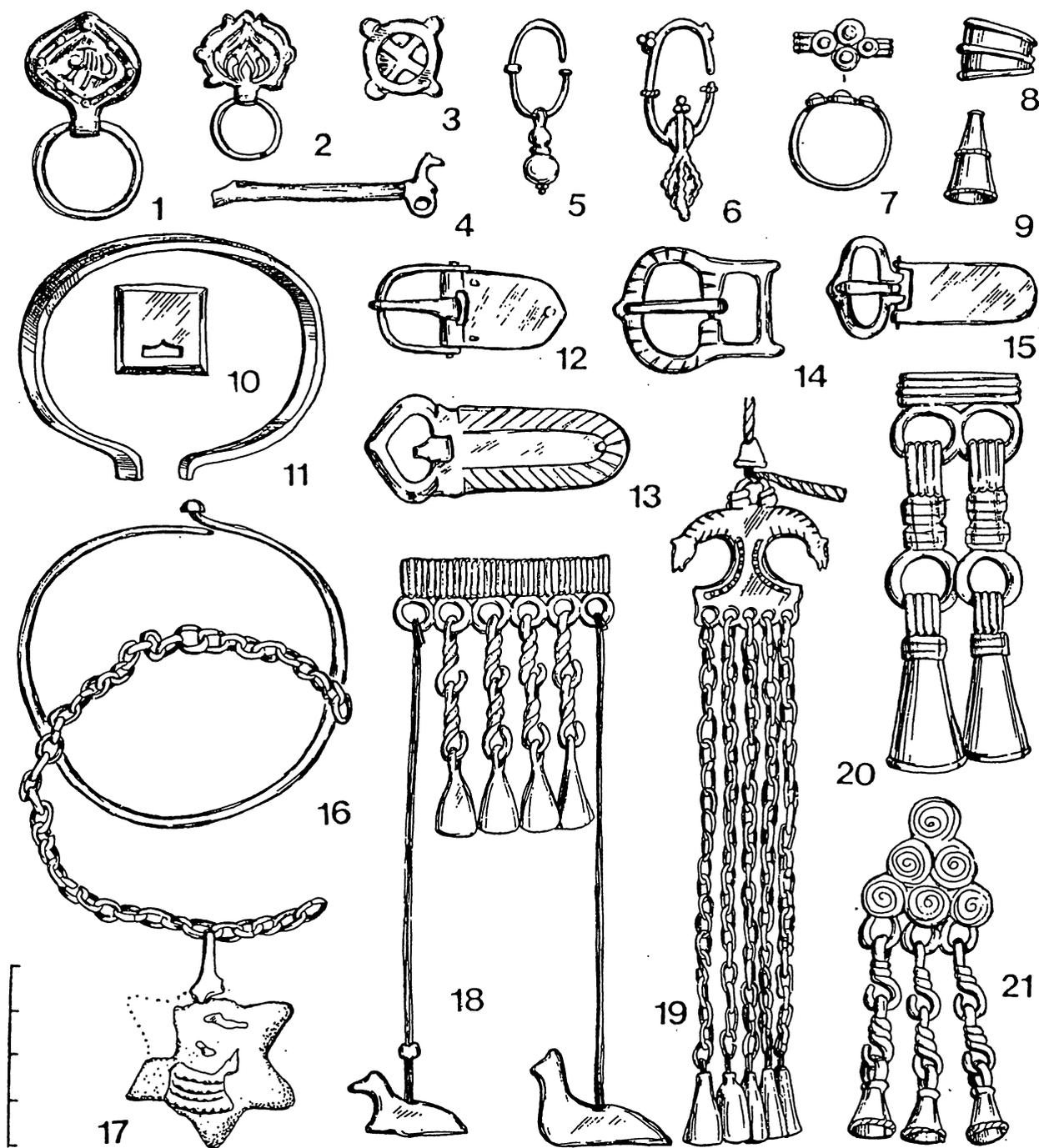

Рис. 159. Украшения еманевской культуры (IX в.) (по Н.А. Лецинской).
 1-3, 10 - накладки; 4, 9 - пропизки; 5, 6 - серьги; 7, 8 - перстни; 11 - браслет; 12-15 - пряжки;
 16 - височное кольцо; 17-21 - подвески. 1, 3, 4, 6, 12, 14, 17 - Кочергинский;
 2, 5, 8, 10, 13, 15, 16, 21 - Юмский; 7, 11, 18-20 - Веселовский; 9 - Черемисское кладбище могильники.
 1-3, 6-16, 18-21 - бронза; 4 - дерево, бронза; 5 - серебро; 17 - бронза, серебро

Найдена в единственном экземпляре мордовская фибула с «крылатой» иглой (рис. 156–16).

К VIII в. относятся серповидные (рис. 158–1), арочные с ушком (рис. 158–2–4), прямоугольные (рис. 158–5, 6), цельнолитые с треугольной пластиной (рис. 158–7) и рамчатые (рис. 158–8, 9) пряжки, двусоставные наконечники ремня (рис. 158–14). Используются орнаментированные наконечники из тонкой пластины (рис. 158–15), различные варианты арочных шумящих подвесок и привески к ним (рис. 158–12, 13, 16). Оригинальны орнаментированные серебряные лунницы (рис. 158–18) и серебряный нагрудник (рис. 158–17).

В IX в. были распространены, как и везде в Прикамье, накладки салтовского типа (рис. 159–1, 2), крестовидные (рис. 159–3) и прямоугольные с прорезью (рис. 159–10), височные подвески с привеской в виде полых шаров (рис. 159–5) и грозди (рис. 159–6). Появились новые типы перстней (рис. 159–7, 8), браслетов (рис. 159–11), круглопроволочных гривен (рис. 159–16), восьмеркообразных рамчатых (рис. 159–14), шарнирных (рис. 159–12, 15), орнаментированных цельнолитых (рис. 159–13) пряжек. В могилах этого времени встречались шестилучевые подвески (рис. 159–17), различные варианты шумящих подвесок (рис. 159–18–21).

Глиняная посуда еманаевской культуры хорошо известна по Еманаевскому городищу (Н.А. Лещинская, 1988) и Тат-Боярскому могильнику. В большинстве своем это лепная круглодонная посуда типа низких открытых чаш с разной степенью профилированности верхней части (рис. 160, 161). К концу существования культуры чаще встречались приземистые миски, иногда со слегка уплощенным дном (рис. 161–20). На пижемских городищах и памятниках в верховьях р. Кокшаги встречалась в небольшом количестве плоскодонная горшковидная посуда – результат контактов с волжскими финнами. В качестве примесей к тесту использовались толченая раковина, растительные остатки, шамот, песок. По наблюдениям Н.А. Лещинской, на

протяжении еманаевской культуры более предпочтительны в качестве добавок были растительные остатки и шамот (1995б, с. 11).

Значительная часть посуды не орнаментирована (рис. 160–14; 161–1–3, 5, 9, 11) или орнамент нанесен только по венчику (рис. 160–4, 9; 161–4, 6, 15), а также в виде одного или нескольких горизонтальных поясков из ямок по шейке (рис. 160–1–3, 6–8, 11; 161–8, 13). Гребенчатый штамп использовался редко (рис. 160–12, 15). В VIII в. появилась решетчато-шнуровая орнаментация (рис. 160–5, 13, 16; 161–10, 12, 14, 20) (Н.А. Лещинская, 1995б, рис. 11). Однако доля неорнаментированной посуды осталась значительной и все более увеличивалась в последующие этапы, а также по мере удаления от Вятки на юго-запад. Это вполне исторически объяснимо ослаблением влияния чепецкого населения – основного носителя решетчато-шнуровой посуды.

X век – рубеж в истории всего прикамского, в том числе и вятского, населения. Здесь возникли памятники позднего железного века – кочергинской культуры (рис. 146), преемственной с еманаевской. В это время еще функционировали: Никульчинское, Хлыновское, Ковровское, Вятское, Первомайское, Курчумское и другие городища. Однако многие, особенно юго-западные (например, Еманаевское, Ижевское) были заброшены.

Сохранились особенности устройства укрепленных поселков, типичные для предшествующего времени, – мысовые, одноплощадочные, с одной линией обороны, небольшие по размеру (1–3, 5 тыс. кв. м) площадки.

Культурные слои с материалом X–XIII вв. выявлены на поселениях Искра, Ботыли IV, Лобань I и др. На поселении Искра в среднем течении р. Вятки под слоем древнерусского селища Л.Д. Макаровым обнаружены остатки удмуртского поселения (1984, с. 94–119). Ко времени X–XIII вв. относятся 2 наземных бревенчатых сооружения небольшой площади (15–20 кв. м). Они отапливались открытыми кострищами, располагавшимися в центре или северном углу. В сооружениях и слое со-

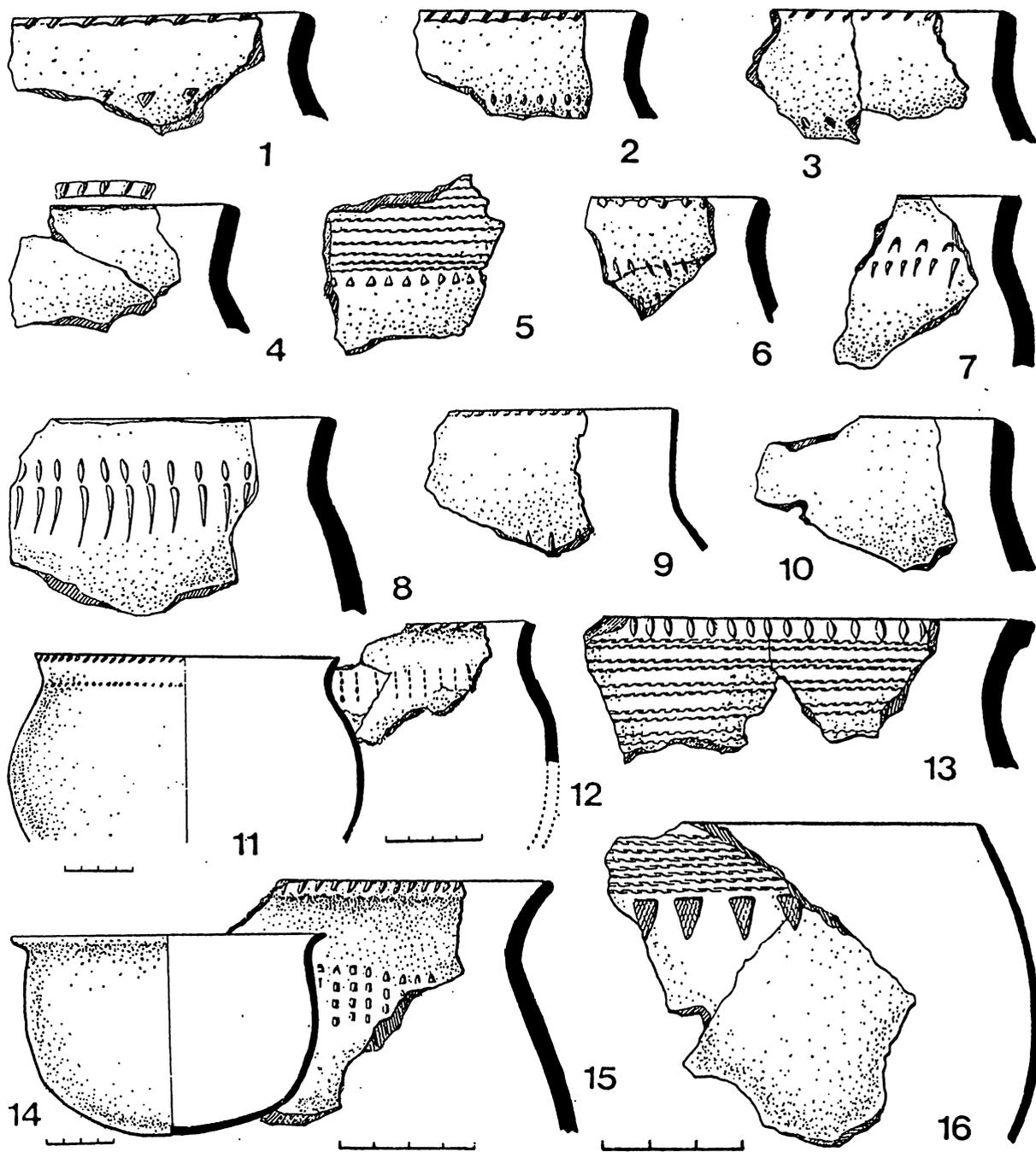

Рис. 160. Глиняная посуда Тат-Боярского могильника (по Н.А. Лецинской)

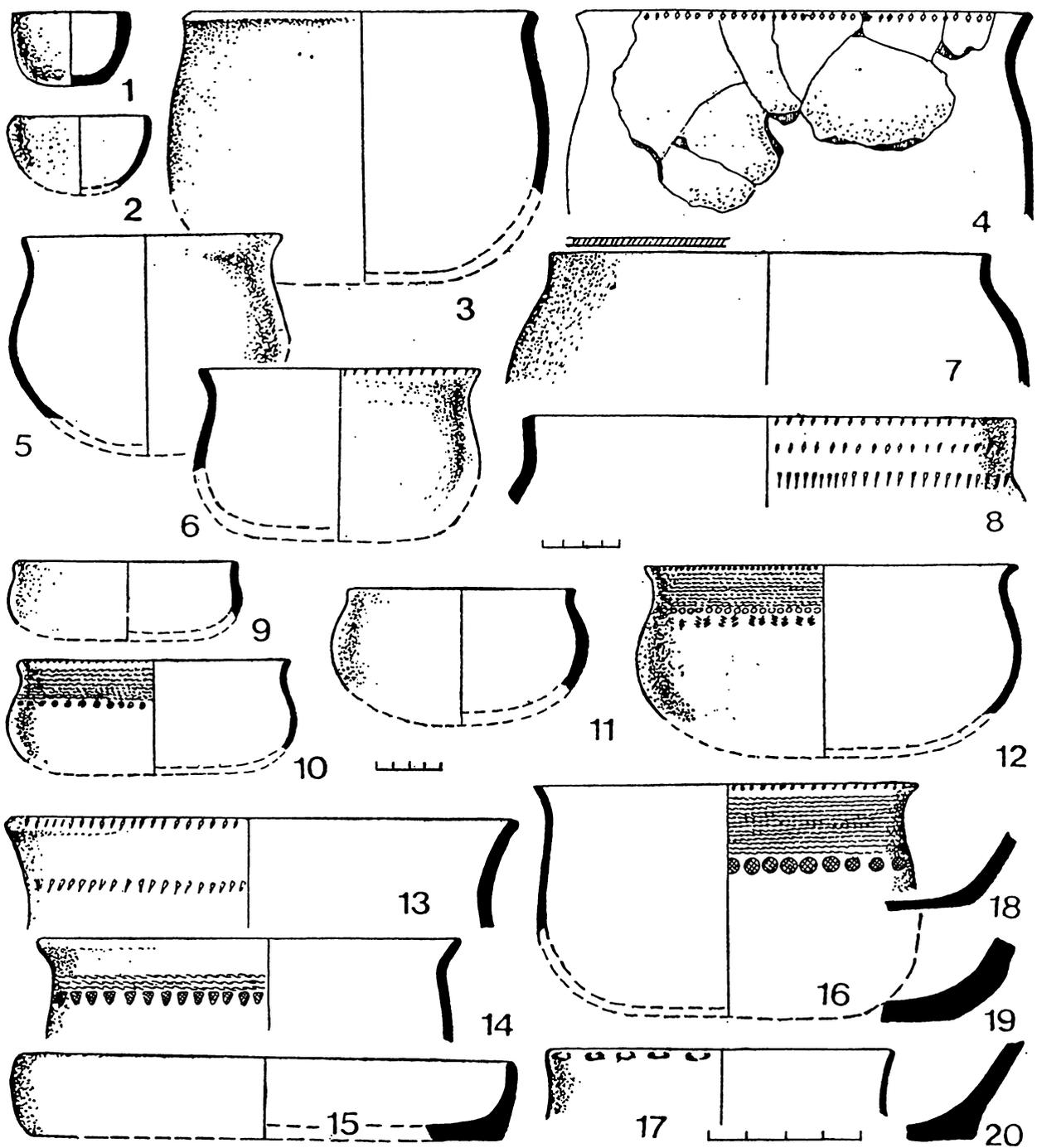

Рис. 161. Глиняная посуда Еманаевского городища (по Н.А. Лецинской)

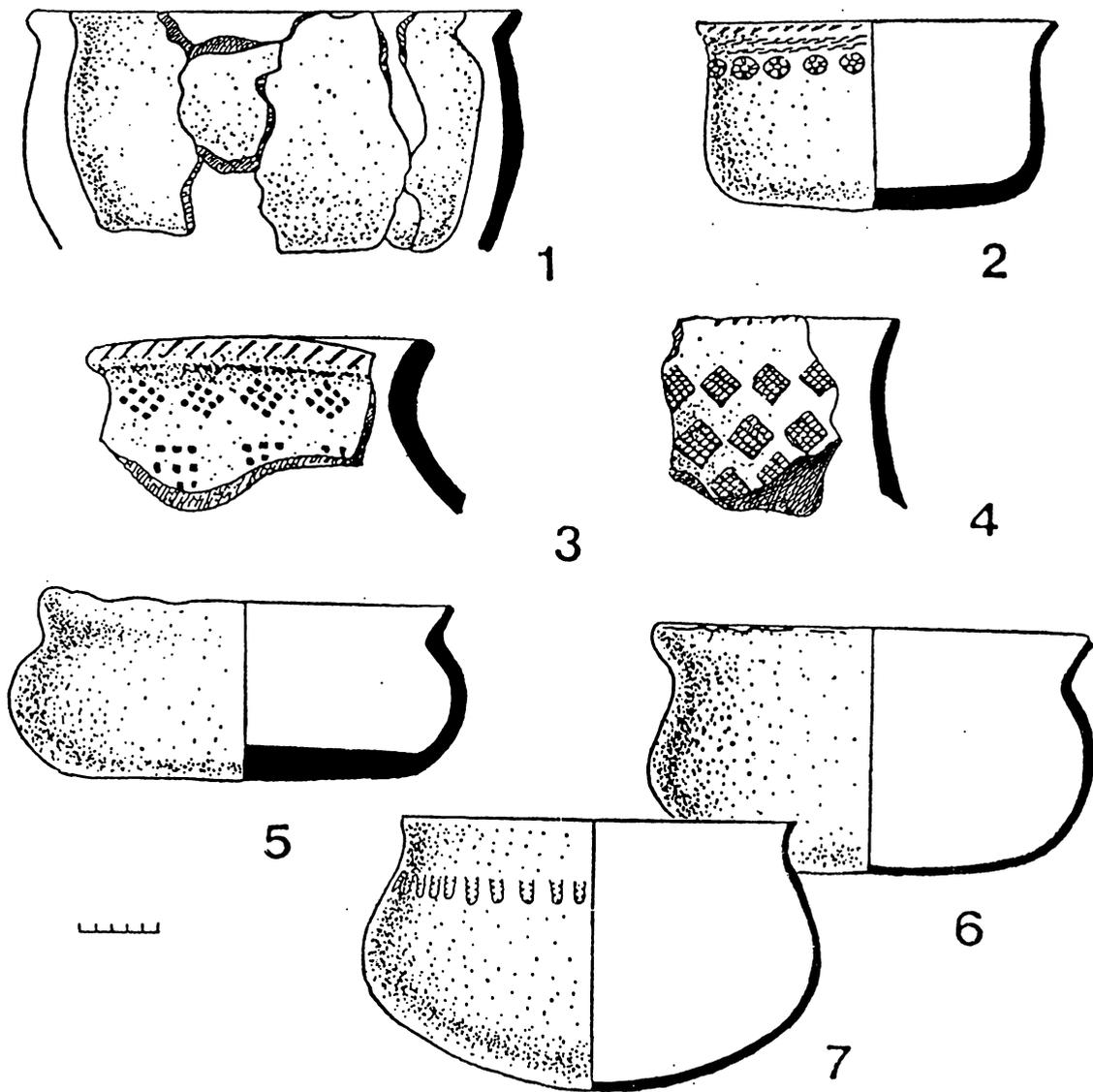
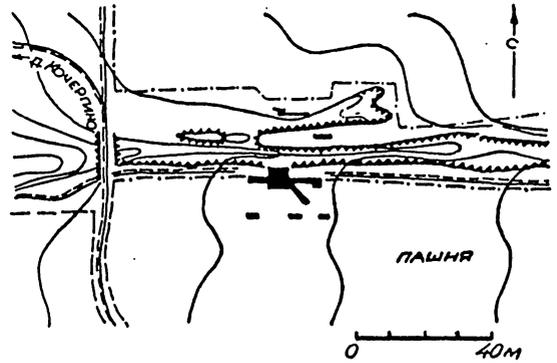
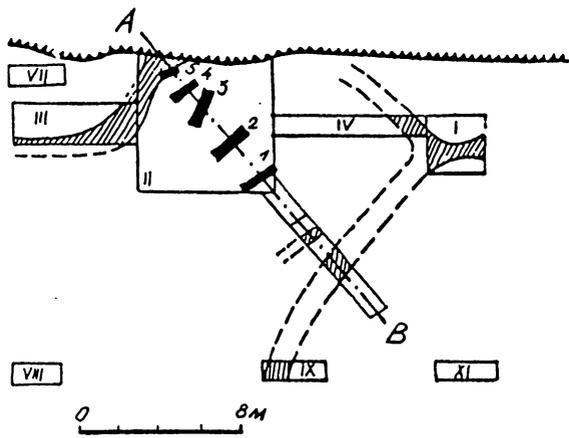
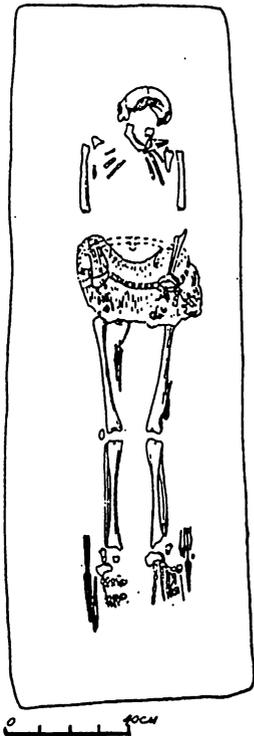

Рис. 162. Глиняная посуда кочергинской культуры (по Н.А. Лецинской).
 1 – поселение Ботыли IV; 2 – Еманьевское городище; 3 – Ошланское городище;
 4, 5 – поселение Искра; 6, 7 – Кочергинский могильник

1

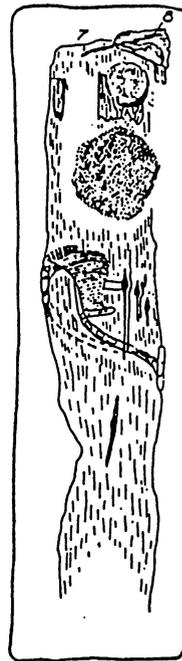
2

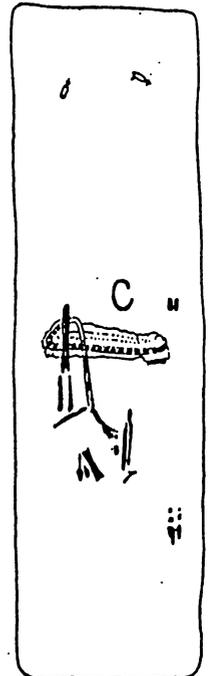
3

4

5

6

Рис. 163. Кочергинский могильник:
 1 – план раскопа; 2 – топографический план; 3–6 – планы погребений.
 3 – погр. 3; 4 – погр. 5; 5 – погр. 1; 6 – погр. 4

брана лепная керамика с примесью толченой раковины, шамота, песка в тесте, чашевидной формы без орнамента (рис. 162–5) или украшенная штампованным узором (рис. 162–4).

Кочергинская культура получила свое название от одноименного могильника IX–XI вв., расположенного в бассейне р. Пижмы. Кроме него, к этому времени относятся Юмский, Лопьяльский, Стрижевский могильники.

Они располагались на берегах рек, иногда на некотором возвышении. Относятся они к типу бескурганых. Особенностью некрополей этого времени является размещение их на берегах небольших речек, что выразительно указывает на характер расселения жителей этого времени. Могилы образуют ряды (рис. 163–1) или группы. Могильники очень небольшие: на Кочергинском раскопано 5, на Юмском – 9 захоронений. Могильные ямы имели прямоугольную форму и соответствовали размерам погребенного. Для этого времени характерны два обряда. На Кочергинском могильнике 3 захоронения совершены по обряду трупоположения, 2 – трупосождения, на Юмском 6 по первому, 3 – по второму способу.

При трупоположении умерших укладывали вытянуто на спине (рис. 163–3, 4), вещи располагали так, как они использовались в costume. При кремации в гроб укладывали одежду и вещи так, как обычно. Остатки праха ссыпали по мере заполнения могилы, или скоплениями на дне (рис. 163–5). На Юмском могильнике Г.А. Архипов, раскопав кремационную яму (1973, с. 16, рис. 13–4) размерами 3,0×2,5 м и глубиной 1,1 м, обнаружил мощные прокаленные участки и слой угля толщиной 0,45 м. В верхнем слое нашел перевернутый сосуд. В могиле 2 Юмского могильника в засыпи найдена бедренная кость лошади. Кроме того, отмечены захоронения одних погребальных даров. В этом случае одежда, украшения, орудия труда, оружие складывали в узел и закапывали на территории могильника (А.А. Спицын, 1893а, с. 103).

Известное среди памятников кочергинской культуры Ивкинское (Сарапульское, Юмское) жертвенное место, открытое в 1891 г. А.А. Спицыным, расположено на краю мыса невысокой террасы. В 1957 г. В.Ф. Генинг (раскопано 360 кв. м) исследовал здесь кострища, ямы, 11 скоплений костей животных, а также нашел 7 костяных и 2 железных наконечника стрел, точильные бруски, кости со следами обработки, сильно сточенную песчаниковую плиту и обломки лепной керамики (Г.А. Архипов, А.Х. Халиков, 1960, с. 108, 314).

По материалам могильников можно отметить особенности украшений кочергинской культуры: они несут на себе отпечаток культуры не только пермян, но и некоторого влияния волжских финнов, контакты с которыми осуществлялись, видимо, постоянно. В женском costume по-прежнему оставались популярными височные (рис. 164–12, 13; 165–10, 11; 166–6, 11, 12, 17), нагрудные (рис. 164–3, 20–22; 165–15, 17, 18; 166–5, 9, 10, 16, 18, 20) или обувные (рис. 164–8; 165–8) подвески, различные варианты браслетов (рис. 164–9–11, 16; 165–7; 166–19, 22), перстней (рис. 165–3; 166–7, 8, 13), сьюльгам (рис. 164–15; 166–15, 21) и гривен (рис. 164–15; 165–16). Поясную garnитуру составляли пряжки (рис. 164–1, 2; 165–1, 2; 166–14), накладки (рис. 164–5; 165–4–6; 166–1–4) и наконечники ремней (рис. 165–12, 14). Стали широко употребляться различные мелкие пронизки (рис. 164–6, 165–9, 166–20), бубенчики и колокольчики (рис. 164–4, 165–13, 166–20). Пока не удалось вычленить погребальные комплексы XII–XIII вв., но, судя по материалам поселений, они еще будут обнаружены.

Глиняная посуда этого времени представлена чашевидными формами со слабопрофилированной горловиной. Видна весьма ощутимая тенденция к чашам с уплощенным дном (рис. 162–2, 5, 6). В глиняном тесте чаще используется песок и шамот. Орнамент скуден – изредка оттиски решетчатого штампа (рис. 162–2–4), шнура (рис. 162–2) или гребчатого штампа (рис. 162–7).

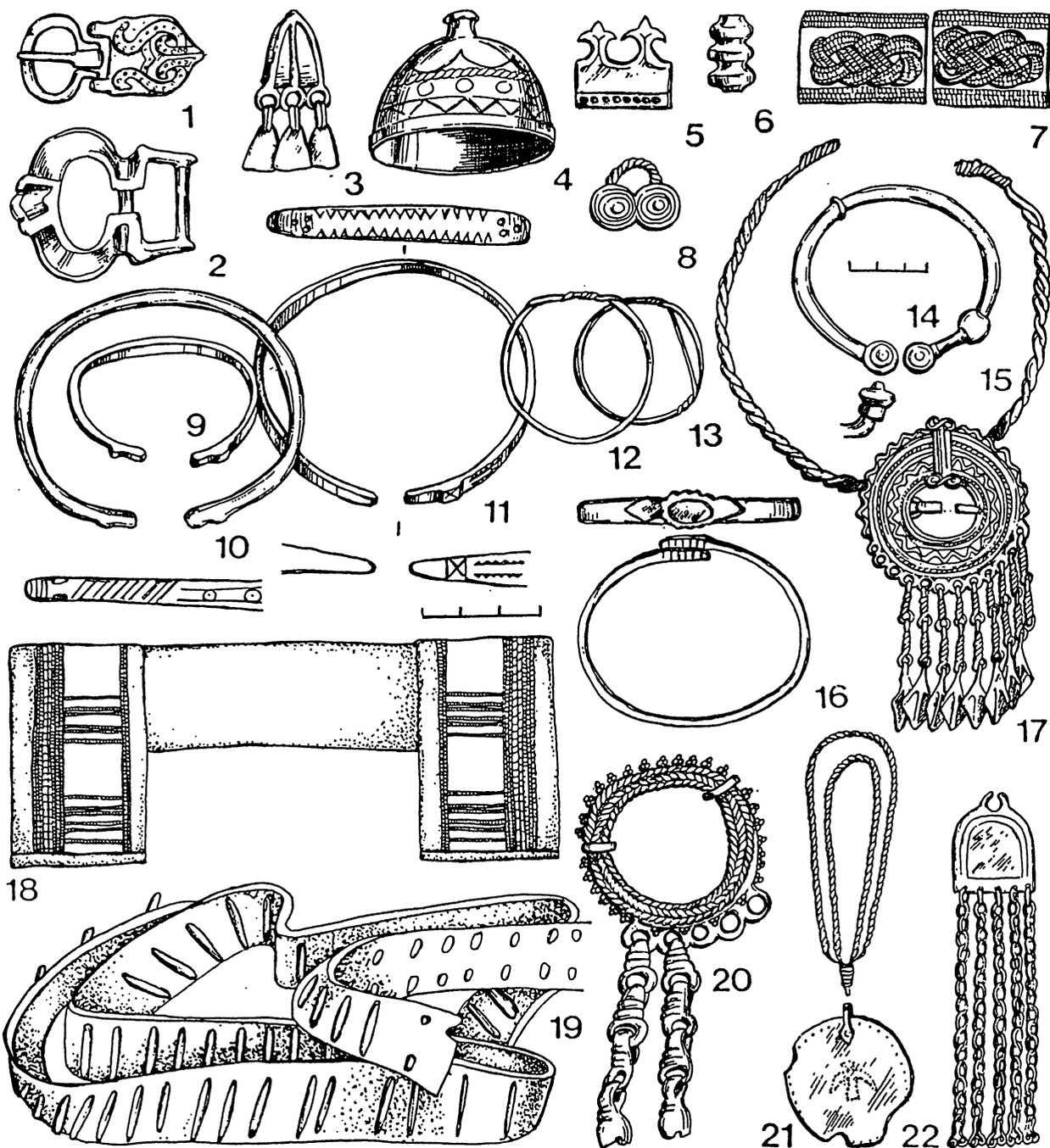

Рис. 164. Украшения кочергинской культуры (X в.) (по Н.А. Лецинской).

- 1, 2 – пряжки; 3, 8, 17, 20–22 – подвески; 4 – бубенчик; 5, 7 – накладки; 6 – проишка; 9–11, 16 – браслеты; 12, 13 – височные кольца; 14 – стюльгама; 15 – гривна; 18 – нагрудник; 19 – фрагмент пояса.
 1–3, 5–7, 9–15, 17–22 – Веселовский; 4 – Черемисское кладбище; 8 – Юмский; 16 – Кочергинский могильники.
 1–6, 8–15, 17, 20, 22 – бронза; 7 – серебро; 16 – бронза, стекло; 18 – кожа, серебро; 19 – кожа, бронза; 21 – бронза, серебро

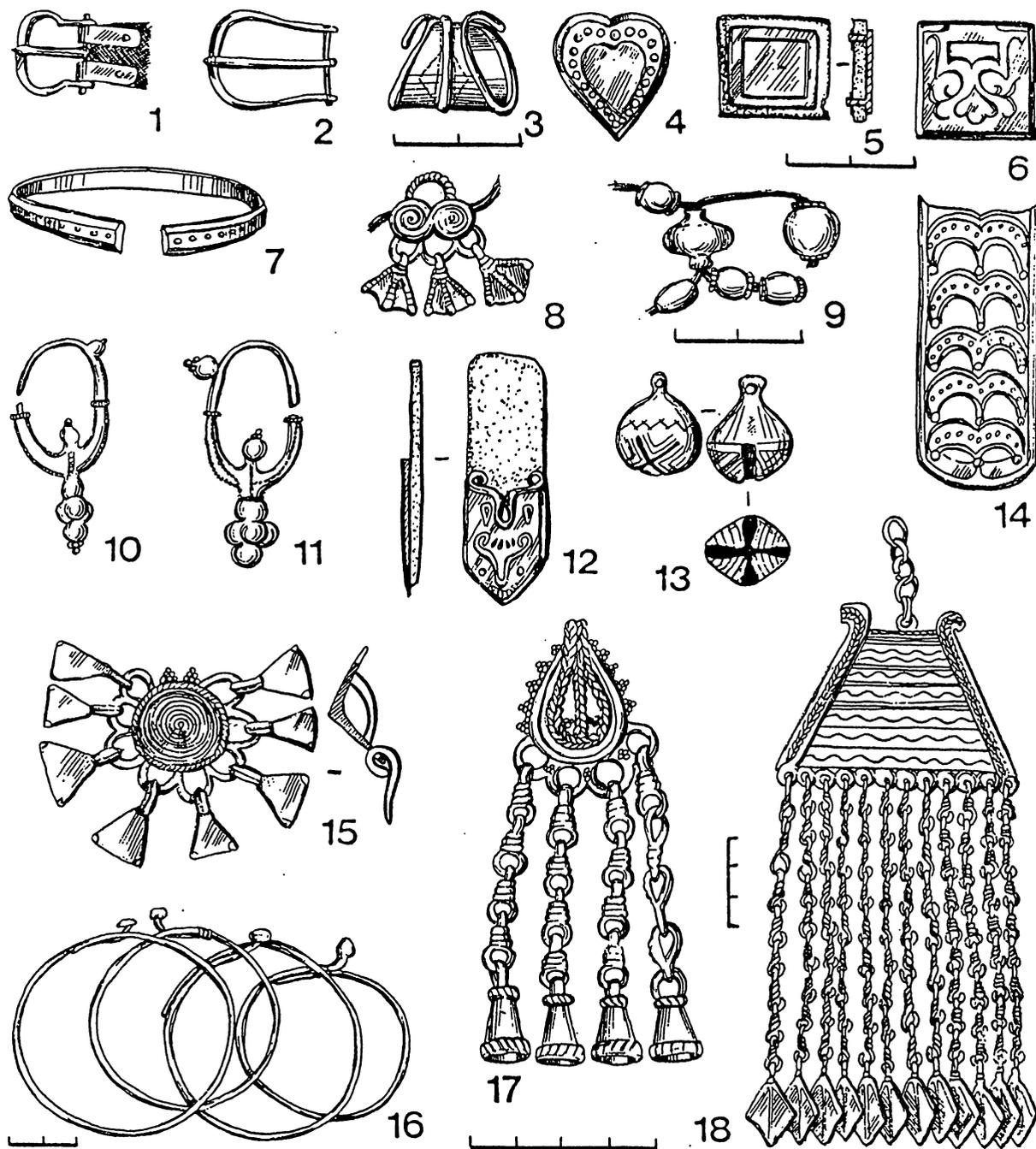

Рис. 165. Бронзовые украшения кочергинской культуры (IX–XI вв.) (по Н.А. Лецинской).
 1, 2 – пряжки; 3 – перстень; 4–6 – накладки; 7 – браслет; 8, 15, 17, 18 – подвески; 9 – произки;
 10, 11, 16 – височные подвески; 12, 14 – накопечники ремней; 13 – бубенчик.
 1, 5, 6, 13, 14, 16, 18 – Веселовский; 2, 10, 15 – Черемисское кладбище; 3, 4, 8, 9, 12, 17 – Юмский;
 7, 11 – Кочергинский могильники. 1, 5, 12 – бронза, кожа; 2–4, 6–11, 13–18 – бронза

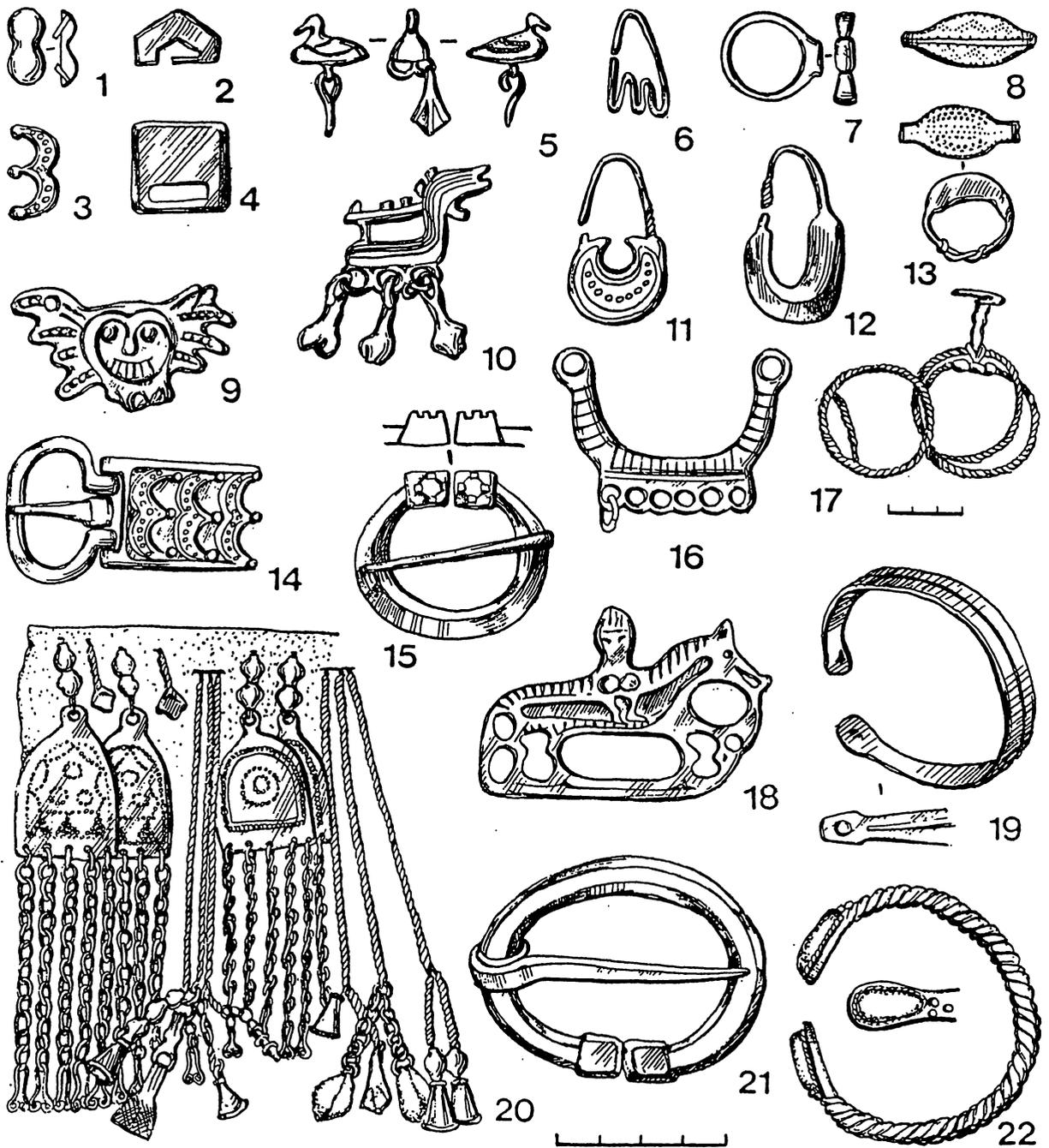

Рис. 166. Украшения кочергинской культуры (XI в.) (по Н.А. Лецинской).

1-4 - накладки; 5 - прошивка; 6, 11, 12, 17 - височные подвески; 7, 8, 13 - перстни; 9 - подвеска-амулет;
 10, 16, 18, 20 - подвески; 14 - пряжка; 15, 21 - фибулы; 19, 22 - браслеты. 1, 4, 11, 16 - Юмский;
 2, 3, 5-10, 12-15, 17-22 - Веселовский могильники. 1-5, 7-11, 13-19, 21 - бронза; 6, 12 - серебро;
 20 - бронза, кожа; 22 - серебро, стекло

До недавнего времени еманаевско-кочергинские памятники рассматривались как древнемарийские (Г.А. Архипов, 1973). Однако с накоплением материалов эта точка зрения представляется ошибочной. На существенные различия азелинцев и современных луговых мари по антропологическим данным указывала М.С. Акимова. Она считала, что связать современных левобережных марийцев с азелинским типом населения нельзя (М.С. Акимова, 1967, с. 101). Вместе с тем, М.С. Акимова неоднократно подчеркивала близость пьяноборско-азелинского антропологического типа и современных как северных, так и южных удмуртов (1968, с. 34–37, 93). Анализ лингвистических, этнографических, археологических данных привел этно-графа К.И. Козлову к выводу, что азелинцы были по языку пермянами, а не марийцами (1978, с. 45).

Преемственность материальной культуры, проявляющаяся в металлических украшениях и прежде всего в керамике, где хорошо представлена круглодонная чашевидная посуда от ананьинского времени до X–XIII вв., позволяет утверждать наличие в бассейне р. Вятки автохтонного пермского этнического массива. Несмотря на некоторое своеобразие материала кочергинской культуры, в целом ее связь с худяковской через еманаевскую несомненна, и, таким образом, кочергинское население представляет собой вариант удмуртской общности.

И.С. Галкин, анализируя топонимический материал, пришел к мысли, что территория Марийской АССР в начале н. э. была занята древнепермскими племенами (1976, с. 206–208). Это положение разделяет и лингвист Д.Е. Казанцев, который считает, что правобережье Средней и Нижней Вятки до середины II тыс. н. э. было заселено одной из удмуртских групп (1985, с. 93–100). Действительно, невозможно игнорировать распространение в Вятско-Ветлужском междуречье многочисленных топонимов, содержащих элемент *одо* (*одо* – марийское название удмуртов), которое от-

ражает старую форму первого компонента (*уд-*) в самоназвании удмуртов (*уд-мурт*). Вторая часть этого слова (*мурт*) восходит к индоиранскому *человек, смертный*. Первая часть этимологизируется различно: ‘всходы на лугах, зеленые побеги’ (К. Редеев, В.И. Лыткин); *одо* – племенное название удмуртов с неясной этимологией (П. Хайду); ‘окраина, пограничье’ (В.В. Напольских, С.К. Белых).

Этнотопонимы, содержащие элемент *одо*, как показал М.Г. Атаманов (рис. 5), хорошо известны в Вятско-Ветлужском междуречье, тяготея к левобережью Ветлуги, а также несколько севернее – в Костромской и Вологодской областях. Они представляют собой различные варианты названий с *одо* – жилище, деревня, гора, роща, река. По данным М.Г. Атаманова, на юго-западе Вятской губернии до прихода марийцев жили удмуртские роды объединения Калмез: Коньга, Копка, Омга, Докья, Турья, Сьолта (1982, с. 124). На левобережных притоках Пижмы зафиксирована целая серия городищ, называемых *одо-лемами* (удмуртское жилище, селище): Эрнурское, Кармановское, Шуйское, Кузнецовское и другие. На одном из них – Кузнецовском – по преданиям жил удмуртский князь Ядыгар. Легенды об *одо-лемах*, населении, жившем на них до прихода марийцев, о спорах марийских богатырей с удмуртскими из-за земель широко распространены в северо-восточных районах республики Марий Эл и юго-западных районах Кировской области (К.А. Четкарев, 1951, с. 162–164; В.А. Акцорин, 1980, с. 4–5). Эти легенды имели достаточные исторические основания, так как на рубеже I–II тыс. н. э. в бассейн Пижмы и Вятки начали проникать позднегородецкие (древнемарийские) племена, где они столкнулись с удмуртами и постепенно вытеснили их сначала на Вятку, а затем и на ее левобережные притоки. Толчком для переселения послужила, видимо, экспансия Булгарского государства в марийское Заволжье, в прибрежной части которого в X в. появляются первые

булгарские поселения (Отарское селище, Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина, 1993, с. 41). Вероятно длительная конфронтация этих двух родственных народов, марийского и удмуртского, а также примерно одинаковый уровень их социально-экономического развития и явились причиной недостаточно проявившихся языковых контактов этих народов. В марийском языке ученые отыскивали лишь 28 слов общепермского происхождения и 28 слов заимствований из удмуртского языка. Удмуртский же язык из марийской лексики усвоил лишь несколько слов: *серый, барсук, свекровь, лезть в драку, бить, чибис*. Следует отметить и локальный характер их распространения (Beregski, 1977, с. 57–77).

Западных удмуртов, живших на Пижме и ее притоках, А.А. Спицын относил к этнографической группе Калмез. Они, перейдя на левобережье р. Вятки, в частности на р. Кильмезь, пришли отнюдь не на свободные, а на уже занятые земли другими родами калмезов, издавна обитавшими в бассейне р. Кильмези (Р.Д. Голдина, Т.М. Гусенцова, 1979). Здесь жили роды Бия, Вамъя, Кцтъя, Можга, Съолта, Чунча, Юбера, Юсь, которые, в отличие от многих, не имеют преданий о переселениях. Сохранились легенды о том, что люди рода Шудья, придя с Вятки на правобережье р. Кильмезь (бывш. Рыбноватажская волость), столкнулись с калмезами, к которым сами не принадлежали (М.Г. Атаманов, 1982, с. 101–104). Поселившись, они основали здесь свой родовой центр. К 1710 г. удмурты рода Шудья широко расселились по южной и центральной Удмуртии, где по переписи зафиксировано уже 22 ойконима с этим именем. В первой половине II тыс. н. э. сюда переселились группы с Чепцы (Бигра) и с Нижней Вятки (Докья, Зумья, Копка, Норья, Омга, Уча) (М.Г. Атаманов, 1982, с. 122).

Этимология слова *калмез* довольно сложна. М.Г. Атаманов рассматривает *калмез* как сложное слово, где *кал* – *рыба* и *мэс* – *человек, мужчина, муж* (1988, с. 22). Иной вариант объяснения предлагает С.К. Белых: от уд-

муртского слова ‘кылемез’ – *остаток, остатки*, выдвигая при этом ряд существенных аргументов против этимологии М.Г. Атаманова (С.К. Белых, 1992, с. 64–68). Если вариант С.К. Белых верен, то, возможно, что этноним ‘калмез’ возник именно в период освоения р. Кильмезь удмуртским населением правобережья р. Вятки, куда переселились остатки некогда многочисленных жителей Вятско-Ветлужского междуречья.

Калмезы, представляя одну из крупных группировок удмуртского этноса сохранили в материальной культуре некоторые особенности, зафиксированные этнографами даже на рубеже XIX–XX вв. Судя по фрагментарным этнографическим материалам, женщины объединения Калмез носили головной убор – айшон, поверх которого надевался платок – покрывало. Рубашка туникообразного покрова была вышита на груди, рукавах и подоле. Впоследствии вышивка заменена аппликацией, белая рубашка – пестрядиной, появилась кокетка, верх рубашки стали шить чаще всего из красного цветастого ситца или кумача. Удмурты Ватка называют калмезов – «ходящие в красном» (С.Х. Лебедева, М.Г. Атаманов, 1987, с. 118). Язык же калмезов относится к срединным (переходным) говорам, которые обладают признаками как северного, так и южного наречий (В.К. Кельмаков, 1987, карта 7).

Интересна еще одна известная по историческим источникам группа удмуртов – завятская или арская. Существует довольно большой круг литературы, посвященной арским удмуртам. Дискуссионна этимологическая оценка слова *ар*. По мнению М. Жираи и В.К. Кельмакова, этот этноним происходит от тюркского корня *ар* (мужчина, муж) и представляет собой название удмуртов, используемое тюркоязычными народами (В.К. Кельмаков, 1970, с. 189–191; 1982, с. 128–134). М.Г. Атаманов считает, что этноним *ар* возник еще в добулгарское время и имеет истоком слово *арису*, которым обозначены два народа: *ар* (удмурты) и *ису* (вепсы) (1988,

с. 12). С.К. Белых, предпринявшим весьма аргументированную критику мнений предшественников, высказана еще одна гипотеза, согласно которой ар (удмурт) происходит от татарского ару (ары) – «та (противоположная) сторона реки, тот берег, заречье», через множественную форму – «жители той стороны реки». Потом этот термин был перенесен булгарами и их потомками – чувашами и татарами и на жителей этих земель – предков южных удмуртов (1996, с. 86–93). Как показали исследования М.Г. Атаманова, этнонимы Ар окружают современный ареал расселения удмуртов с юго-запада и юго-востока, достаточно ясно обозначая границы контактов удмуртов с татарами и башкирами (1988, с. 11).

Первые булгарские памятники (Полянское и Гремячкинское селища) на правом берегу приустьевой части Камы появились в начале домонгольского периода и существовали в X–XI вв. Этим же временем датируется Карташихинская находка топора. Ко времени X–XII вв. отнесены также Именьковские находки и клад, а также Янчиковская находка. Эти материалы позволяют говорить, что в X–XI вв. началось заселение булгарами правобережья Камы, но лишь его прибрежной полосы. Значительно больше памятников второй половины домонгольского периода – XII – первой половины XIII в. (Археологическая карта Татарской АССР, 1981, с. 18–19). Скорее всего, именно в это время начинается тесное соприкосновение булгар с марийским и удмуртским населением в Предкамье.

Монгольское нашествие трагически проявилось не только на основной территории Булгарского государства, но и его северной провинции – Закамье. В 1240 г. монголы провели опустошительный набег на удмуртские земли правобережья низовьев р. Камы и включили эти земли в состав Арской даруги, а население обложили ясаком. Видимо, за счет беженцев из центральных районов население Арской земли во второй половине XIII – начале XIV в. значительно увеличилось. Число открытых археологических памятников это-

го времени в Завятчье превысило 100. В золотоордынский период было освоено и среднее течение р. Казанки (Археологическая карта Татарской АССР, 1981, карта 5). В середине XIII в. возник Арск – административный центр Золотой Орды. Удмурты, жившие на территории Арской земли, после разгрома Волжской Булгарии подчинялись Золотой Орде, а с 1438 по 1556 г. ее политическому преемнику – Казанскому ханству. После падения Казани арские удмурты были присоединены к Русскому государству.

В связи с арскими удмуртами возникла еще одна проблема – проблема существования в окрестностях современного пос. Арска средневекового удельного княжества в составе Казанского ханства, которым правили удмуртские князья. Впервые эта идея была высказана М.Г. Худяковым (1920, с. 346–347; 1991, с. 55, 200), затем была развита М.В. Гришкиной и В.Е. Владыкиным (1982, с. 8, 18–20; М.В. Гришкина, 1994, с. 49–66), которые не сомневаются в существовании южно-удмуртского княжества, находившегося в вассальной зависимости от Казанского ханства и игравшего в его истории значительную роль. В столице этого княжества – Арском городище жил удмурт экзэй – удмуртский князь. Однако в последнее время появилось немало противников этой гипотезы, не без оснований указывающих на спорность ее доказательств. Например, С.К. Белых утверждает, что летописный материал недвусмысленно говорит об арских, как и каринских, князьях, как о татарах, а интерпретация Арского городища как удмуртского памятника сомнительна (1996, с. 87–88). Хотелось бы к этому добавить, что по археологическим материалам Арское городище отнесено казанскими учеными к булгаро-татарскому времени, при этом ими обращается внимание на сообщение о первом упоминании его в летописях под 1497 г. (Археологическая карта Татарской АССР, 1981, с. 60, № 207).

Бросается в глаза и мифический характер некоторых цифр, переходящих из издания в

издание без должного критического анализа. В частности, приводятся данные о числе защитников Арской крепости во время похода войск Ивана Грозного осенью 1552 г. – 15000 только одних бойцов (М.В. Гришкина, В.Е. Владыкин, 1982, с. 23; М.В. Гришкина, 1994, с. 35). Однако площадь Арского городища составляла всего 24000 кв. м и вместить такое количество людей крепость не могла. Даже если бы там не было никаких построек, на каждого из бойцов пришлось бы всего 1,6 кв. м. По подсчетам М.Г. Ивановой, на городище Иднакар, имевшем площадь 40000 кв. м, в пору его расцвета жило около 1000 человек (М.Г. Иванова, 1995, с. 75). Исходя из этих расчетов, численность населения Арского городка вряд ли превышала 600 человек, и, таким образом, цифра защитников завышена по меньшей мере в 25 раз. Вероятно, следует иметь в виду, что в пору формирования Русского централизованного государства для поднятия его авторитета военные подвиги русских войск намеренно преувеличивались как официальной, так и оппозиционной хроникой.

Независимо от решения вопроса о том, было ли в нижнем Завятчье удмуртское средневековое княжество, следует считать реальным существование в этом районе в эпоху средневековья удмуртского населения, потомки которого проживают сейчас по рр.Шошме и Ошторме на территории современных Балтасинского (30 населенных пунктов), Кукморского (27), Мамадышского (3) районов Татарии. Кроме того, удмурты живут в настоящее время в нескольких деревнях Мари-Турекского района республики Марий Эл и Вятско-Полянского, Малмыжского и Уржумского районов Кировской области. Здесь сохранилась до наших дней удмуртская топонимика (М.Г. Атаманов, 1982, с. 90, 116, 124). Огромный интерес представляет язык этого населения – кукморский и шошминский диалекты периферийно-южного наречия удмуртского языка, который сохранил в фонетическом строе, частично в лекси-

ке и морфологии, множество архаических черт. Именно на этом языке (казанском диалекте) была издана большая часть дореволюционной печатной продукции на удмуртском языке (В.К. Кельмаков, 1982, с. 128).

Своеобразие завятской (арской) группы удмуртов проявилось и в их материальной культуре позднейшего времени. В частности, этнографами обозначены основные особенности костюма арских удмуртов. Их рубашка была сшита из красно-черной мелкоклетчатой пестряди, по типу туники с оборкой в 10–15 см. Выше оборки пришивали несколько рядов атласных лент или фабричной тесьмы, рукава короткие до локтя (С.Х. Лебедева, М.Г. Атаманов, 1987, с. 117). Распашные кафтаны арских удмурток имеют также ряд особенностей – длинные ложные рукава, съемный воротник матросского типа, отложной воротник, украшенный вышивкой и аппликацией, оборка на подоле (там же, с. 127).

Особенности географического положения этих групп, длительное марийско-татарское воздействие определили этнографическое и языковое своеобразие этого этнического массива. Именно эти группы, для которых в результате интенсивного иноэтнического воздействия характерна ранняя этническая консолидация, дали начало многократным переселениям как в южные, так и в центральные районы Удмуртии (роды Зумья, Копка, Кибья, Докья, Чабья, Уча, Куарса, Бодья и др.), а также в причепецкие районы (роды Зумья, Уча и др.) (М.Г. Атаманов, 1982, с. 119, 122). Переселенцы с арской территории составили основу населения татышлинского, возможно, красноуфимского диалектов, а также вошли в состав бавлинских удмуртов (В.К. Кельмаков, 1982, с. 128).

Вероятно, с этой же территорией связана своим происхождением одна из этнографических групп Удмуртии – бесермяне, живущая сейчас в бассейне р. Чепцы. Их язык, в силу присутствия в нем признаков, сближающих его, с одной стороны, с северным, а с другой – с южными наречиями удмуртского языка, а

кроме того, обладающий отличительными особенностями и большим количеством собственных слов различного происхождения, образует особое наречие (Т.И. Тепляшина, 1970а; В.К. Кельмаков, 1987, с. 34–37).

Женский костюм бесермян по покрою, декоративному оформлению, украшениям из ракушек и монет представляет собой разновидность удмуртской одежды, но в некоторых деталях приближается к чувашскому (В.Н. Белицер, 1951, с. 100–106).

По данным дерматоглифики бесермяне отличаются от удмуртов более выраженной европеоидностью, обнаруживают значительное сходство с чувашами, мордвой, казанскими татарами. Интересно, что кожный рисунок женщин-бесермянок наиболее близок к особенностям переднеазиатской, каспийской локальных рас и расе среднеазиатского междуречья и не обнаруживает традиционного сходства с уральской и южносибирской расой (Н.А. Долинова, 1989, с. 121).

По мнению антрополога К.Ю. Марк, бесермяне, наряду с южными удмуртами Малопургинского района представляют собой одну из наиболее европеоидных групп удмуртов, индекс монголоидности у них составляет 26–34 (ср. у удмуртов 34–50 – К.Ю. Марк, 1987, с. 39), что определялось, по ее мнению, с влиянием южных европеоидов – индоевропейцев. По своему происхождению К. Марк связывает бесермян с южными удмуртами и не исключает также их контактов с угорскими племенами, относя это смешение к ананьинскому времени (там же, с. 47). Но, видимо, можно предполагать, что эти контакты бесермян имели место и в более позднее время, а именно во второй половине I тыс. н. э., когда южноудмуртские племена испытали довольно мощное воздействие болгарского населения. В частности, присутствие южного европеоидного компонента ощущается в антропологических материалах могильника Мыдлань шай, где черепа не только долихокранные, но и очень узколикие, при этом отличающиеся очень слабой монголоидной при-

месью (К.Ю. Марк, 1987, с. 46–47). Подобным же образом оценивает мыдланьшайскую серию и С.Г. Ефимова (1991, с. 64).

Предполагается, что родиной бесермян была территория Арской земли, где имел место тесный контакт болгар с удмуртами, которые могли усвоить от болгар некоторые черты материальной и духовной культуры и этноним бесермяне. В результате непрерывных военных действий в Предкамье в XIII–XVI вв. эта группа удмуртов переселилась на Чепцу, где стала известна через русские летописи как чуваша, или чуваша арская, а с XVI в. под самоназванием «бесермяне». Общая численность их по переписи 1678 г. в Каринской волости составляла около 1000 человек, в 1994 г. – около 4 тысяч (В.Е. Владыкин, 1971, с. 56–57; В.В. Напольских, 1997, с. 52–55).

Начало контактов удмуртов с татарами, говорящими на языках кыпчакской группы тюркских языков алтайской языковой семьи, относится к XIII в., когда монголо-татары, появившись в Поволжье, разгромили Булгарское государство. С того времени на протяжении золотоордынского периода (1236 г. – конец XIV в.), Казанского ханства (1438–1552 гг.) и до современности они не прекращались. В первоначальный период местом соприкосновения был район Арской земли, а с конца XIV в. – нижнее и среднее течение р. Чепцы, где расселились каринские и чепецкие татары – выходцы из Приказанья.

Согласно исследованиям И.В. Тараканова, татарские заимствования относятся к предметам домашнего хозяйства, одежде, животному миру, отдельным качествам человека, а также к действиям и состояниям. Татаризмы встречаются далеко не во всех диалектах удмуртского языка в равной степени. Наиболее ощутимо воздействие татарского языка на южное наречие, в особенности на его периферийные говоры, располагающиеся в Татарии, Башкирии и Пермской области. Именно в них из 1400 непроизводных основ – тюркизмов известна почти половина. Кроме того, в южно-периферийных говорах влияние

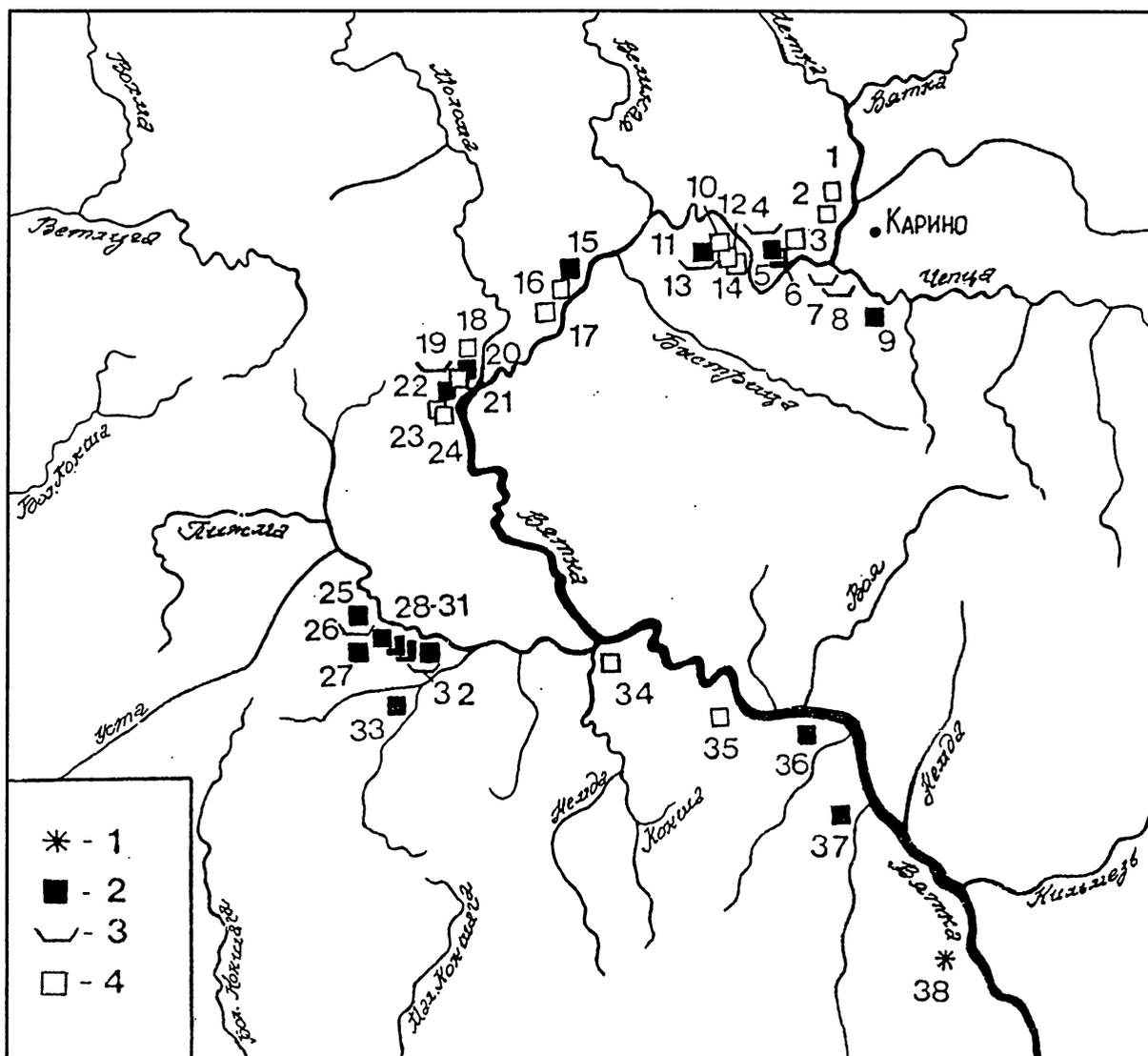

Рис. 168. Вятская земля в XII–XVII вв. (по Л.Д. Макарову).

1 – находки отдельных предметов; 2 – поселение; 3 – могильник; 4 – городище. 1. Слободское; 2. Подчуринское; 3. Никульчинское; 4. Никульчинский I; 5. Никульчинское II; 6. Никульчинское IV; 7. Усть-Чепецкий; 8. Северюхинская могила; 9. Кривоборское; 10. Вятское (Александровский сад им. Халтурина); 11, 12. Хлыновские городище и селище (догородской слой); 13. Хлыновский I (на месте Трифонового монастыря); 14. Чижевское; 15. Большеждановское; 16. Орловское; 17. Тороповское; 18–20. Шабалинские городище, поселение и могильник; 21. Ковровское; 22. Искра; 23. Котельничское; 24. Скорняковское; 25. Еманаевское I; 26. Еманаевский; 27, 28. Еманаевские IV и II; 29–31. Покста I–III; 32. Покста; 33. Грековское; 34. Пижемское; 35. Лебяжское; 36. Мысы IV; 37. Уржумское; 38. Орловские

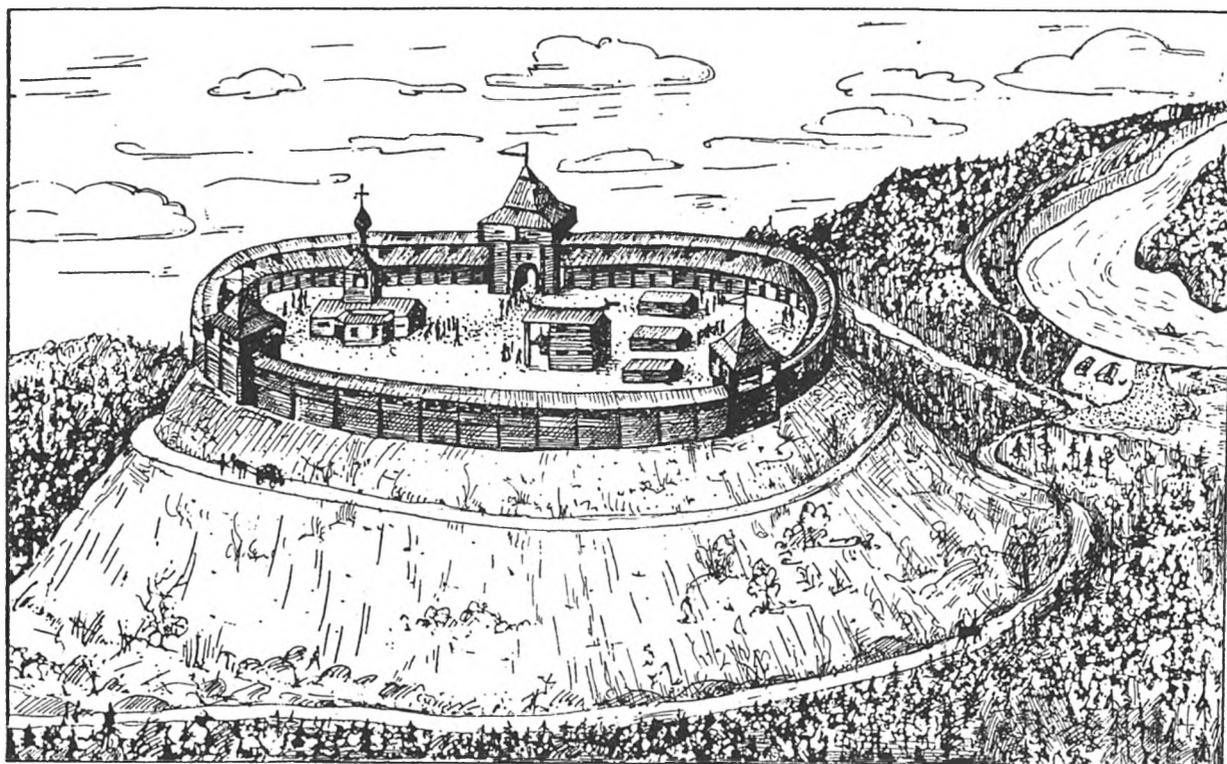

Рис. 169. Реконструкция русского Подчуршинского городка XIII–XIV вв. (по Л.Д. Макарову)

татарского языка ощущается как в лексике, так и в фонетике, морфологии, синтаксисе. В северных диалектах и срединных говорах тюркское влияние, по И.В. Тарakanову, ощущается лишь в лексике, а число заимствованных лексем едва достигает 100 (И.В. Тараканов, 1981, с. 52; 1982, с. 157–160; 1993, с. 24–26).

Первые контакты удмуртов с русскими на Вятке, как считает Л.Д. Макаров, относятся к X–XI вв. (1985, с. 12). Русских привлекали в Приуралье прежде всего пушнина – соболь, куницы, белки, а также полезные ископаемые. В XI–XII вв. в Северном Приуралье (рис. 167) появились новгородцы, они обложили данью Пермь, Печору и Югру и завязали с ними торговые отношения (В.А. Оборин, 1990, с. 62). С XII в. на Европейском Северо-Востоке возникли первые русские укрепленные погосты (Пожегское городище на р. Выми) – опорные пункты для систематического сбора дани, а также ремесленные,

торговые и административные центры Древней Руси (Э.А. Савельева, М.В. Кленов, 1992; Э.А. Савельева, 1993, с. 30–31).

О заселении бассейна р. Вятки русскими имеются достаточно достоверные письменные источники, в частности «Повесть о стране Вятской», где говорится, что в 1174 г. один из отрядов новгородцев двинулся на судах на Волгу и достиг Камы. Здесь ими был основан городок, где они обитали 7 лет. В 1181 г. один из отрядов новгородских людей поднялся по Каме до устья Чусовой, откуда сухим путем перешел к истокам Чепцы. Спускаясь по ней к устью, отряд «воевал вотяцкие жилища и окруженные валами». Войдя же в великую реку Вятку, отряд осадил чудской «Болванский городок» и 24 июля 1181 г. взял его, а на его месте основал город Никулицын (Повесть о стране Вятской, с. 28–34). Второй же отряд вошел в устье Вятки и шел вверх до черемисского городка Кокшарова, который

также был захвачен русскими (там же, с. 31). В другом месте летописец указал, что Кокшаров называется Котельничем (там же, с. 33).

Критический анализ «Повести о стране Вятской», начало которому было положено А.С. Верещагиным (1887, 1905) и А.А. Спицыным (1887), продолжавшийся в советское время (Н.А. Малеванов, 1962 и др.), выявил ее позднее происхождение – конец XVII – начало XVIII в. и компилятивность отдельных ее частей. Поэтому долгое время отношение к сведениям, содержащимся в этом источнике, было довольно скептическим. Большинство историков относили появление русских в вятском крае к XIII – началу XIV в. (П.Н. Луппов, 1901, с. 9; И.Н. Смирнов, 1890, с. 8–9 и др.), хотя были попытки датировать это явление более ранним временем – рубежом XII–XIII вв. (Л.П. Гуссаковский, 1962, с. 121), 20–30-ми гг. XIII в. (Г.В. Фотеев, 1978, с. 78).

Лишь с накоплением массового археологического материала, скуруплезно собираемого и анализируемого в последние 20 лет отрядами экспедиции Удмуртского университета под руководством Л.Д. Макарова, можно прояснить ситуацию и подтвердить достоверность некоторых сюжетов «Повести о стране Вятской». Раскопки Никульчинского городища и обследование окрестностей подтвердили появление русских на Вятке в конце XII в. Возле первого русского городка Никулицына возникла сельская округа, представленная не менее десятком неукрепленных поселений (рис. 168). Окраины первого локального района размещения русских были закрыты сторожевыми крепостями-городищами: с верховий – Подчуршинским (рис. 169), с низовий – Чижевским и Вятским, со стороны Чепцы – Кривоборским (Л.Д. Макаров, 1991, с. 142–143).

Что же касается второго сюжета о захвате марийского города Кокшарова, то Л.Д. Макаров считает, что он относится не к Котельничу, как считают многие историки, а скорее к Пижемскому городищу на р. Пижме, на котором, наряду с удмуртскими, об-

наружены и славянские вещи. Кроме того, в районе среднего течения реки известны 8 селищ и 2 могильника древнерусского времени (Л.Д. Макаров, 1995, с. 82). На Вятке, несколько ниже устья р. Пижмы, также обнаружены древнерусские материалы, что позволяет выделить особую пижемскую волость (Л.Д. Макаров, 1991, с. 143–144). По мнению Л.Д. Макарова, следует обозначить еще одну группировку русского населения, сформировавшуюся во второй половине XIII в. в устье р. Моломы возле г. Котельнича и защищенную с севера Орловским городищем, с юга – Котельничским и Скорняковским, а со стороны Моломы – Шабалинским. Вокруг них располагалась сеть селищ. Первоначальным центром этой волости было Ковровское городище (1995, с. 82).

На русских памятниках собрано довольно много различных вещей (рис. 170), относящихся как к раннему периоду (рубеж XII–XIII вв.), так и к более позднему. Судя по материалу, в заселении Вятки участвовало славянское население с Новгородчины и из Ростово-Суздальского княжества. В освоении Вятского края принимали участие не только городские и посадские слои, занимавшиеся строительством городов и крепостей, но и неорганизованные сельские жители (Л.Д. Макаров, 1995, с. 83). Хотя имеются свидетельства первоначального противоборства русских и местного населения – удмуртов из-за определенных территорий, в целом, поскольку расселение русских шло преимущественно в слабозаселенных районах Среднего Привятчья, оно было достаточно мирным (Л.Д. Макаров, 1993, с. 32).

Под угрозой монгольского вторжения в среднем течении р. Вятки в середине – второй половине XIII в. возникло независимое государство – Вятская земля, объединившее как пришлое (русское, финское и тюркское), так и местное удмуртское население (Л.Д. Макаров, 1993, с. 32). Появились совместные полиэтничные поселения. Для населения этого периода характерна этнокуль-

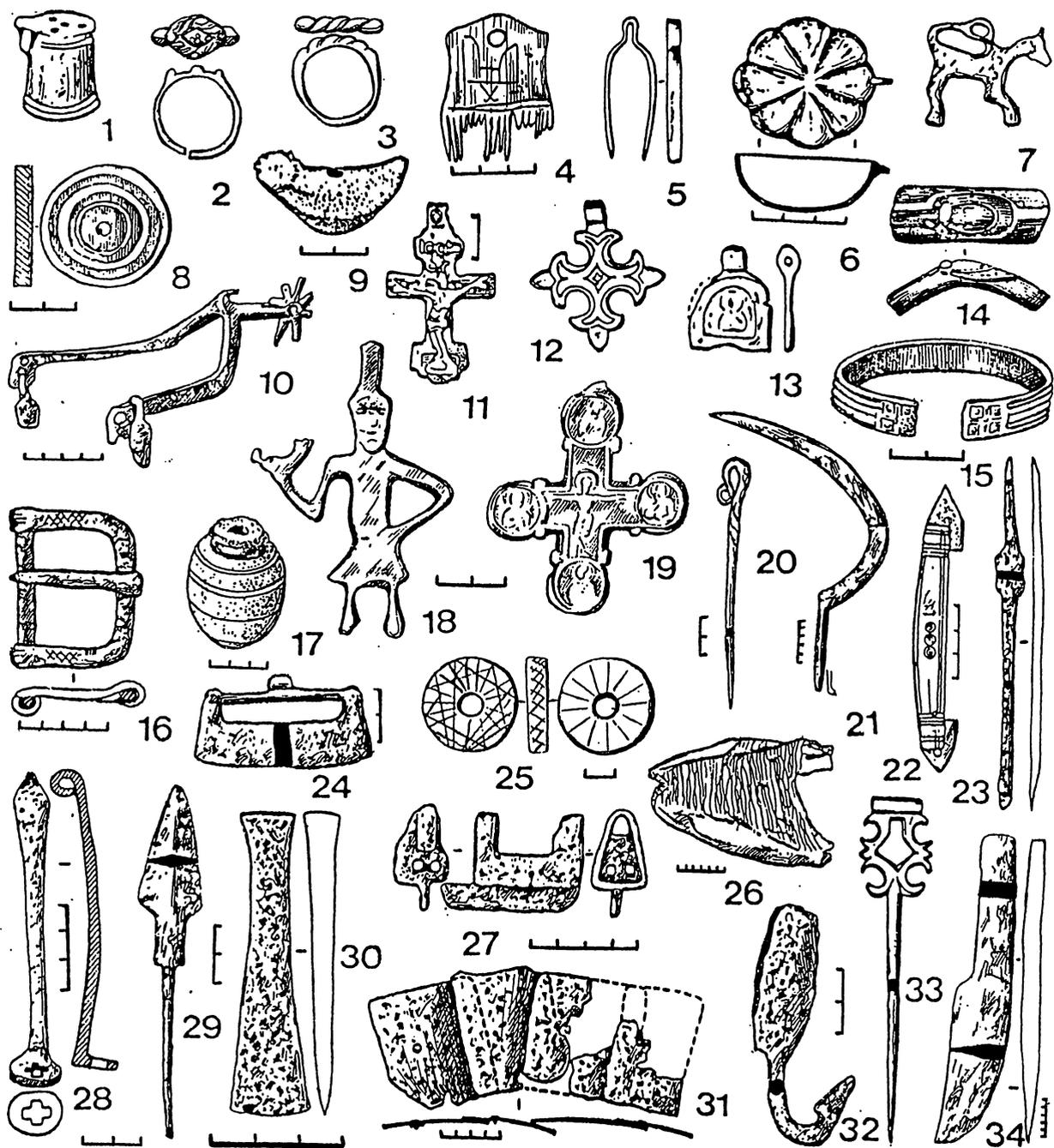

Рис. 170. Древнерусские находки на памятниках Камско-Вятского междуречья.

1 — шахматная фигурка-конь; 2, 3 — перстни; 4 — гребень; 5 — пинцет; 6 — кацея-кадилыница; 7, 18 — языческие подвески; 8 — игральная шашка; 9 — свистулька; 10 — шпора; 11, 12 — кресты-тельники; 13 — иконка; 14, 15 — браслеты; 16 — сбруйная пряжка; 17 — кистень; 19 — крест-эколпион; 20 — булавка-спица; 21 — серп; 22 — футляр расчески; 23 — лучковое сверло; 24 — кресало; 25 — пряслице; 26 — фрагмент обуви; 27 — замок; 28 — ключ; 29 — наконечник стрелы; 30 — зубило; 31 — фрагмент панцирного доспеха; 32 — рыболовная блесна; 33 — писало; 34 — чересло для плуга. 1, 5, 10, 12, 13, 16, 17, 20, 23, 24, 29–32 — Никульчинское

турная и религиозная терпимость, развиваемая демократическими традициями Вятской республики. Вместе с русской общинной верхушкой удмуртская феодализирующаяся знать стала еще в XIII в. основой вятского боярства (там же, с. 33). Главным городом Вятской земли был г. Хлынов (Вятка), который возник, согласно археологическим данным, в середине XIII в. Волости управлялись земскими воеводами, один из которых на время становился старшим. Воеводы имели всю полноту исполнительной власти и избирались из числа местных бояр (Л.Д. Макаров, 1995, с. 85). Находки металлических актов печатей подтверждают существование этого института. В частности, на Ковровском городище найдена печать-матрица с зеркальной надписью «Печать Григориева», датированная второй половиной XIII – началом XIV в. и принадлежавшая, видимо, земскому воеводе г. Котельнича Григорию.

Во время военной опасности создавалось народное ополчение из рядовых общинников, его возглавляли воины-профессионалы, жившие в крепостях. Находясь довольно близко от камского устья – места крупнейших исторических событий этого времени, Вятская земля часто становилась ареной военных действий. В ходе Батыева нашествия на Русь и Волжскую Булгарию разорению подверглись и русские, и удмуртские поселения на р. Вятке (А.С. Верещагин, 1906, с. 1–30). В 1374 г. Вятская земля была опустошена новгородскими ушкуйниками, а в 1391-м «царь Тохтамыш послал царевича своего, именем Бектута, на Вятку ратью. Он же шел, Вятку взял, а люди посече, а иных в полон поведе, мужи и жены и дети» (Симеоновская летопись..., с. 141). Постоянная военная угроза застав-

ляла совершенствовать оборонительные системы. Как считает Л.Д. Макаров, после погрома Бектута в г. Вятке были сооружены мощные земляные валы шириной не менее 13 м с высокими бревенчатыми срубными стенами и башнями (1995, с. 88–89).

Уклад жизни русских был близок характеру хозяйствования удмуртского населения. Основой экономики было сельское хозяйство – земледелие и скотоводство. Господствовали трехполье и двухполье. Наряду с традиционными для удмуртов культурами, русские привнесли озимую рожь, бобовые, капусту, в северные районы – репу, гречиху. Ручные жернова были вытеснены водяными мельницами, появились специальные зерносушилки – овины. Вместе с русскими распространились и новые более продуктивные породы скота, более совершенные приемы металлообработки. Гончарное дело (рис. 171) из домашнего производства превратилось в ремесло. Совершенствовались и другие виды ремесел: деревообрабатывающее, ювелирное, сапожное и др.

Духовная культура русского населения Вятской земли представляла симбиоз христианства (рис. 170–6, 11–13, 19) и языческих верований. Как и у финно-угров, у славян долгое время бытовали языческие обереги, имевшие глубокие исторические корни, – изображения птиц, коней (рис. 170–7), славянского языческого божка (рис. 170–18). Двоеверие основной массы населения проявилось и в появлении в XIV в. оригинальных предметов – «змеевиков», один из которых найден в Глазовском районе Удмуртии (Н.Г. Первухин, 1896, рис. 118), а второй – в Малопургинском (рис. 150–10). На лицевой стороне такого предмета изображены два святых хри-

городище (1, 24, 31, 32 – по Л.Д. Макарову; 5, 10, 13, 16, 17, 20, 23, 29, 30 – по Л.П. Гуссаковскому); 2, 3, 19, 21, 25, 34 – Подчуринское городище (по Л.Д. Макарову); 4, 7, 22, 28 – городище Иднакар (по М.Г. Ивановой); 6 – поселение Искра (по Л.Д. Макарову); 8, 14, 15, 18, 26 – Хлыновское городище (8, 15, 26 – по Л.П. Гуссаковскому; 14 – случайная находка; 18 – по А.А. Спицину); 9 – Вятское городище (по Л.П. Гуссаковскому); 11 – Орловское городище; 27 – Котельничское городище; 33 – Ковровское городище (Л.Д. Макарову). 1, 4, 8, 22 – кость; 2, 3, 5–7, 11–13, 15, 18, 19, 33 – бронза, медь; 9 – глина; 10, 20, 21, 23, 24, 27–32, 34 – железно; 14 – стекло; 16 – железно, серебро; 17 – кость, свинец; 25 – камень; 26 – кожа

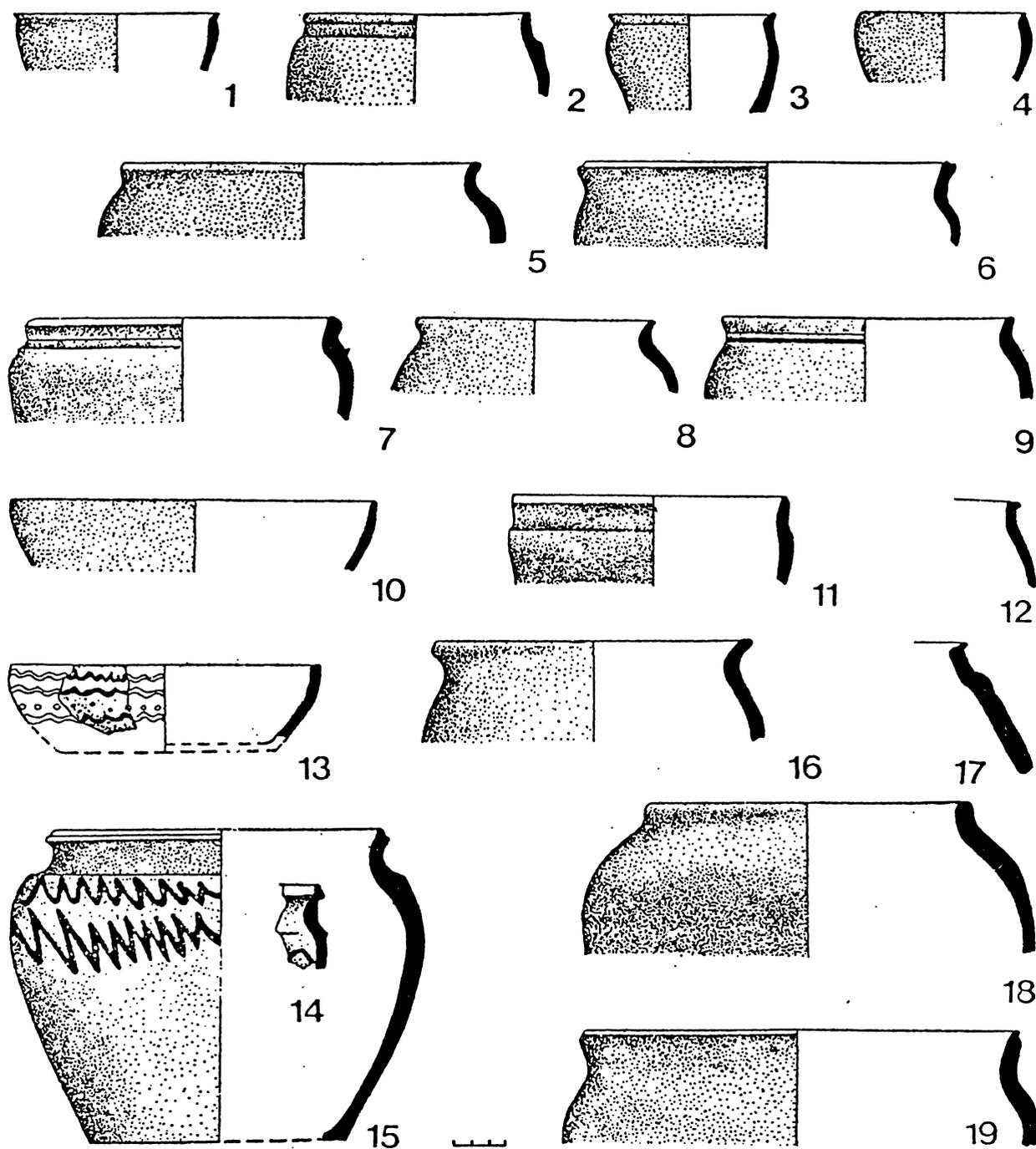

Рис. 171. Глиняная посуда из древнейших ярусов Хльбовского городища.
 1–12, 16–19 – лепная; 13 – круговая; 14, 15 – подправленная на круге (по Л.Д. Макарову)

стианских воина-всадника, а на оборотной – череп в обрамлении клубка змей – языческая традиция. В Вятской земле были люди, знающие грамоту, – найдены 3 металлических писала (рис. 170–33) и книжные застёжки (Л.Д. Макаров, 1995, с. 100). О развитии музыкальной культуры свидетельствуют находки сопели, свистулек (рис. 170–9), погремушек, колокольчиков. У горожан были популярны и настольные игры: шахматы (рис. 170–1), шашки (рис. 170–8), кости (Л.Д. Макаров, 1995, с. 100–101).

Численность русского населения в Вятском крае возросла во второй половине XIV в. с потоком беженцев из Нижегородского княжества, опустошенного набегами золотоордынских ханов (Л.Д. Макаров, 1985, с. 13). В конце XIV в. Вятская земля была вотчиной Нижегородского княжества, а в 1489-м она вошла в состав Московского государства. К моменту присоединения к Москве Вятская земля была своеобразной федерацией земель с русским, удмуртским, татарским, марийским населением (Л.Д. Макаров, 1991, с. 147–148). После падения Вятки ее феодальная верхушка (русские, удмурты, каринские татары) в 1490 г. были вывезены в Подмосковье, а потом часть из них участвовала в 1499 г. в походе на Югру (Л.Д. Макаров, 1993, с. 33).

В конце XV в. на Вятку переселилось довольно много выходцев из северо-русских земель, что отразилось в особенностях языка, фольклоре, топонимике, материальной культуре вятчан (Л.Д. Макаров, 1985, с. 13). Вместе с русскими людьми – вятчанами в состав Московского государства вошли и северные удмурты.

5.4. Бассейн р. Чепцы в эпоху средневековья (V–XIII вв.)

В верхнем и среднем течении р. Чепцы располагалась еще одна локальная группа памятников, известная в археологической литературе как поломско-чепецкая (поломская –

V–IX вв. и чепецкая – X–XIII вв.), также имеющая отношение к этнической истории удмуртского народа.

Начало изучению средневековых памятников бассейна р. Чепцы положил А.А. Спицын. В подготовленном им «Каталоге древностей Вятского края», изданном в 1881 г., на этой территории отмечены несколько городищ, курганов и удмуртских кладбищ (1881, с. 30–31). В 1889 г. на р. Чепце было известно уже 17 городищ (А.А. Спицын, 1889). Эти объекты исследователь датировал VII–X вв. и считал чудскими, близкими синхронным прикамским (1881, с. 18–38).

Особую ценность имеет труд смотрителя народных училищ Глазовского уезда Н.Г. Первухина (1850–1889 гг.), в котором он дал полную информацию о всех известных ему к тому времени городищах и могильниках (1896). Эта важная источниковая работа не потеряла своего значения и в наши дни. Остается лишь сожалеть, что значительное число вещей из коллекции Н.Г. Первухина не имеет точного адреса – конкретного памятника, где эта вещь была найдена.

Первые раскопки на памятниках поломской культуры были проведены в 1906–1908 гг. П.Г. Тарасовым и В.Д. Емельяновым, они исследовали могильники, городища и селища у с. Полом Кезского района Удмуртии (ОАК за 1906 г., с. 115, 116, 131; ОАК за 1907 г., с. 108; ОАК за 1908 г., с. 166, 167). Наиболее интересный материал был получен на Поломском I могильнике, где за 3 года было раскопано 178 погребений. Таким образом, как и во всем Прикамье, в бассейне р. Чепцы еще до Октябрьской революции начались работы местных энтузиастов по сбору сведений о древних памятниках. Важно, что эти данные были не только собраны, но и квалифицированно опубликованы (Н.Г. Первухин, 1896).

В конце 20-х гг. на севере Удмуртии московские исследователи А.П. Смирнов и С.Г. Матвеев провели большие стационарные исследования нескольких городищ (Иднакар, Дондыкар, Сабанчикар, Кушманское)

и могильников (Чемшай, Адамовский бигершай) (С.Г. Матвеев, 1929, с. 5–25; А.П. Смирнов, 1929, с. 26–61; 1937). Основная масса этих памятников была отнесена ими к X—XIII вв. А.П.Смирнов впервые попытался соотнести древние объекты чепецкого бассейна с памятниками предков удмуртского народа (А.П. Смирнов, 1952, с. 189–208, 231–249).

Значительный импульс получило изучение памятников бассейна р. Чепцы в 1957 г. с началом работ Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга. Большие разведочные работы были проведены в 1957, 1970–1972 гг. В.А. Семеновым (1976, с. 117–140), в 1960–1966 гг. Г.Т. Кондратьевой (Живаевой) (Г.Т. Кондратьева, В.Е. Стоянов, 1962, с. 100–103; Г.Т. Кондратьева, 1964, с. 232–233), в 1989 г. А.Г. Ивановым (1995, с. 106–124) и другими.

Начиная с середины 60-х гг. стационарно исследовались памятники полумско-чепецкого круга, в 1957–1958 гг. раскопано 86 захоронений VIII–IX вв. на могильнике Мыдланшай у д. Адам Глазовского района Удмуртии (В.Ф. Генинг, 1962), в 1959–1960 гг. продолжены раскопки Полумского II (Красная горка) могильника VIII–IX вв. (В.Е. Стоянов и Г.Т. Кондратьева, 1962, с. 105–106). В это же время активно изучались и поселения, в 1957 г. на Полумском I городище (Каравалес) VIII–IX вв. проводил раскопки В.Ф. Генинг, в 1972 г. – В.А. Семенов (В.Ф. Генинг, В.Е. Стоянов, 1961, с. 86–87; В.А. Семенов, 1979, с. 139–145). Полумское II городище (Гыршесшур) исследовали в 1959 г. В.Е. Стоянов, в 1972 г. – В.А. Семенов (В.Ф. Генинг, В.Е. Стоянов, 1961, с. 84–85; В.А. Семенов, 1979, с. 126–135). На Варнинском I городище (Карйыл) в 1963 г. Г.Т. Кондратьевой раскопаны фрагменты двух жилищ (1967, с. 151–152), а в 1970 г. В.А. Семеновым – остатки жилища с хозяйственными постройками и амбара VI–VIII вв. (1979, с. 135–139). Небольшие работы проведены Г.Т. Кондратьевой на Варнинском II (Гопулгурезь) городище, датируемом VI–IX вв. (Г.Т. Кондратьева, В.Е. Стоянов, 1962, с. 102–103).

Для понимания истории позднеполумского времени важны материалы городища Весьякар, исследованного в 1957 г. В.Ф. Генингом и В.А. Семеновым, в 1958 г. – В.А. Семеновым (В.А. Семенов, 1985, с. 48–77), в 1982 г. – М.Г. Ивановой. Памятник датируется IX–XII вв.

Стационарно раскапывались селище Амональный склад, где в 1972 г. В.А. Семенов обнаружил остатки амбара и двух сараев для скота (1979, с. 147–150), а также Тольенское I селище IX–X вв. в Кезском районе Удмуртии, где он же выявил остатки хозяйственных построек и собрал керамику с решетчато-шнуровым орнаментом, украшения и предметы быта.

Большим успехом в деле изучения памятников данного времени на р. Чепце следует считать открытие и исследование в 1970–1973 гг. В.А. Семеновым Варнинского могильника у д. Варни Дебесского района Удмуртии. На памятнике раскопана значительная площадь (864 кв. м), на которой располагались 304 могилы с 312 костяками. По материалам Варнинского могильника можно рассматривать и вопросы эволюции материальной культуры, так как он имеет широкую дату – V–X вв. Принципиально важным является открытие раннеполумских могил, предоставляющих важные сведения о происхождении полумского населения. Следует отметить и высокое качество выполненной В.А. Семеновым публикации материалов этого уникального памятника (1980).

Особый размах археологические исследования средневековых памятников на р. Чепце приобрели с развертыванием там с 1974 г. исследований экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка и литературы под руководством М.Г. Ивановой. Ею организованы многолетние раскопки на городище Иднакар X–XIII вв. (1985, с. 3–36; 1985а; 1988; 1995, с. 4–83), давшие огромный материал для выяснения особенностей памятников на этой территории. Ею же исследованы и другие поселения: Качкашурское селище VIII–XII вв. (1982в, с. 85–89),

городище Гурьякар (1982а, с. 3–26). Значительные раскопки проведены под ее руководством и на могильниках: Кузьминском XI–XIII вв., Маловенижском XI–XII вв., Солдырском чемшае IX–XII вв., Весьякарском бигершае IX–XII вв., Подборновском вужшае IX–XII вв. (1982б, с. 52–76; 1987а, с. 4–25; 1991а, с. 35–55; 1992, 184 с.; М.Г. Иванова, Н.И. Шутова, 1982, с. 77–84). Некрополи полемско-чепецкого круга изучались В.А. Семеновым: Кыпкинский XI–XII вв. (1979а, с. 69–86), Омутницкий VIII–XII вв. (1985, с. 92–118), Большесазановский XI–XII вв. (1979б, с. 107–114) и А.Г. Ивановым: Солдырский бигершай XIII вв. (1991, с. 47), Качкашурский X–XII вв. (1991а, с. 140–180) и др.

В результате многолетних археологических изысканий в бассейне р. Чепцы получены яркие, выразительные материалы, позволяющие объективно охарактеризовать средневековый период этого края.

К настоящему времени известно около 100 памятников полемской культуры (V–IX вв.): из них более 40 селищ, 33 городища, более 20 могильников и несколько местонахождений и кладов (рис. 172–1). Памятники полемского типа располагались преимущественно по правобережью верхнего течения р. Чепцы от с. Дебессы на востоке до с. Адам на западе (В.А. Семенов, 1982, с. 57). Протяженность территории с востока на запад – 120 км, с юга на север – около 80 км. Обращает на себя внимание то, что полемские памятники тяготеют к верховьям р. Камы, образуя группы на притоках, обращенных в камскую сторону. Можно выделить четыре локальных группы (рис. 172–1), четко отделяющиеся друг от друга: варнинскую (I) (верховья р. Чепцы), гыркесшурскую (II) (устье р. Лып), балезинскую (III) (устье р. Юнда) и наиболее многочисленную весьякарскую группу (IV) (варыжско-чепецкое междуречье). В последней группе некоторые памятники (Качкашурское селище и Омутницкий могильник) известны и на левом берегу р. Чепцы.

Отдельные памятники обнаружены за пределами выделенных групп: Староунтемское городище в верховьях р. Юс, Новогынское городище в верховьях р. Пызеп I, на Средней Убыти – Хомяковские городище и селище. Вероятно, вокруг этих единичных пока объектов будут со временем обнаружены новые памятники и число ранних локальных групп полемской культуры возрастет. Открытие Староунтемского и Новогынского городищ в верховьях р. Юс и Пызеп I косвенно указывает на направление первоначального освоения р. Чепцы – с верховьев р. Камы. Размещение же Хомяковских поселений на р. Убыти отражает стремление полемских племен к активному освоению среднего течения р. Чепцы.

Первые три группы: варнинская, гыркесшурская и, возможно, балезинская, скорее всего, возникли одновременно – в конце V в. и продолжали существовать до X в. включительно, четвертая – весьякарская группа – возникла в более позднее время – в VIII в. Благоприятные природные условия, разветвленная речная сеть способствовали увеличению численности населения. В каждой из групп известны основные категории памятников: городища, селища, могильники. Отсутствие селищ и могильников в балезинской группе – свидетельство несовершенства археологических разведок.

Наиболее активно процесс освоения среднего течения р. Чепцы шел в IX в., когда, по неясным пока обстоятельствам, полемское население, оставив на старых местах незначительную часть, в основной массе переселилось на запад и заняло здесь не только причепецкие берега, но побережье всех основных притоков (рис. 172–2). Центром на новой территории стала многочисленная чепецко-варыжская группа, где число только вновь основанных поселений достигло 16. Здесь продолжали функционировать возникшие в VIII в. Весьякарское и Заболотновское городища, но появились и новые селища (Солдырские I и II, Турайские I и II, Полемское и Подборновское). Варнинская и гыркесшурская

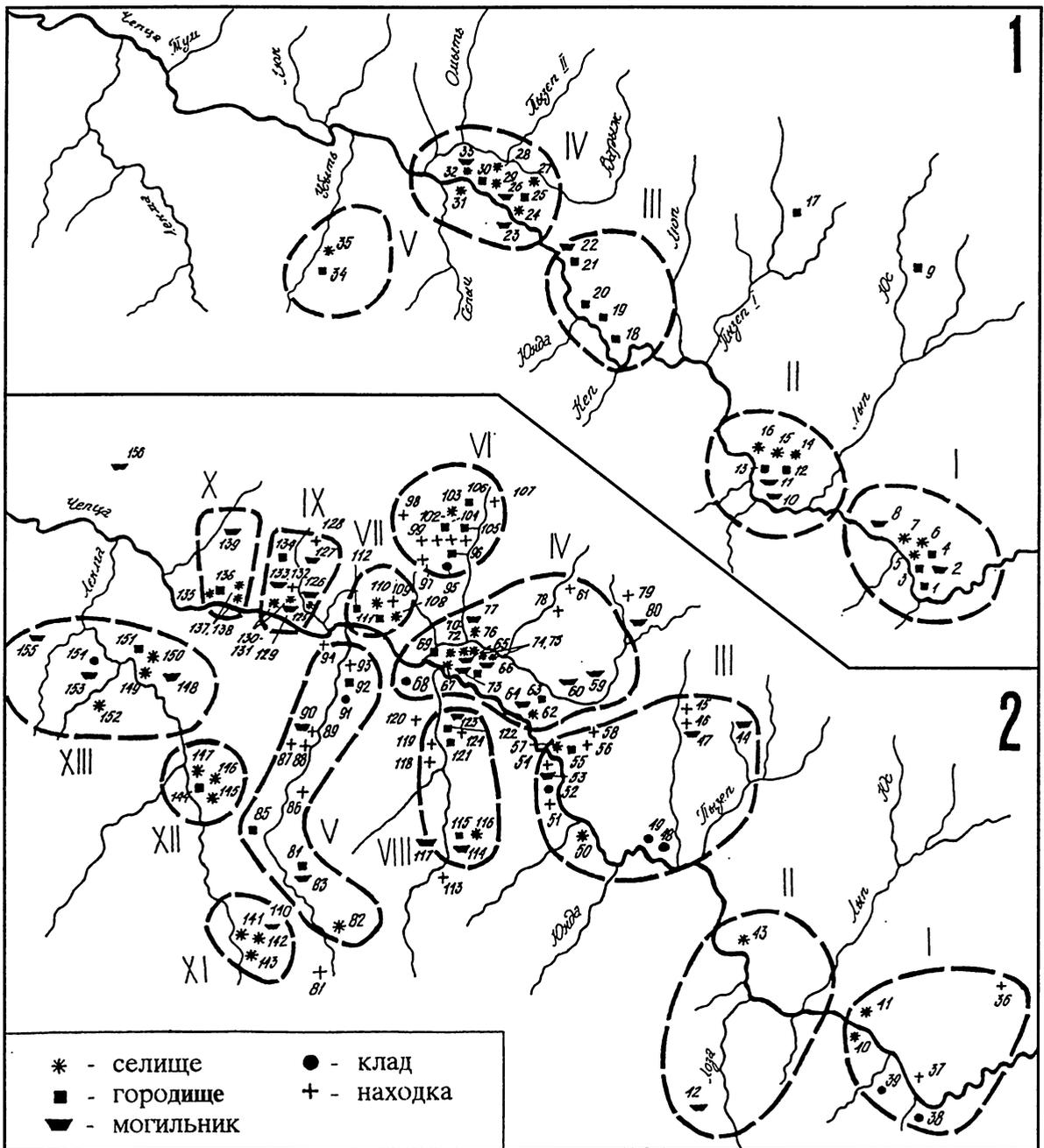

Рис. 172. Карта средневековых памятников бассейна реки Чепцы.

I – памятники полумской культуры, возникшие в VI–VIII вв. I – Варнинская группа; II – Гыркесиурская группа; III – Базезинская группа; IV – Весьякарская группа; V – Убытьская группа. 1. Байгурезьское городище (VIII–IX вв.); 2. Варнинский могильник (V–X вв.); 3. Варнинское II (Гопулгурезь) городище (V–IX вв.); 4. Варнинское I (Карыыл) городище (V–XIII вв.); 5. Варнинское III селище (V–VIII вв.); 6. Варнинское II селище (V–VIII вв.); 7. Варнинское I селище (V–VIII вв.); 8. Тольенский могильник (VIII–IX вв.); 9. Староунтемское (Ошаккар) городище (VI–VIII вв.); 10. Полумское II (Красная горка) могильник (VIII–IX вв.); 11. Полумский I могильник (V–XI вв.); 12. Полумское II (Гыркесиур) городище (VI–VIII вв.); 13. Полумское I (Каравалес) городище (VIII–IX вв.); 14. Гуртылты селище (VII–IX вв.); 15. Полумское II (Аммональный склад) селище (VIII–IX вв.); 16. Полумское I селище (V–IX вв.); 17. Новогыгинское городище

ице; 18. Карильское городище; 19. Буринское (Джусутемкар) городище; 20. Базезинское (Узякар) городище; 21. Гординское II городище (VIII–X вв.); 22. Гординский могильник (VIII–X вв.); 23. Омутницкий могильник (VIII–XII вв.); 24. Вельякарское селище (VIII–XII вв.); 25. Вельякарское городище (VIII–XII вв.); 26. Вельякарский (Бигершай) могильник (VIII–XII вв.); 27. Ванегуртское селище (VIII–IX вв.); 28. Кельдыковское селище (VIII–IX вв.); 29. Заболотновское (Гопулгурезь) селище (VIII–XII вв.); 30. Заболотновское (Садейкар) городище (VIII–XII вв.); 31. Качкашурское селище (VIII–XII вв.); 32. Адамское II селище (VIII–XII вв.); 33. Мыдланьшай могильник (VIII–IX вв.); 34. Хомяковское (Поркар) городище (VII–IX вв.); 35. Хомяковское селище (VII–IX вв.). 2 – Памятники чепецкой культуры, существовавшие в IX–XIII вв. I – Варнинская группа; II – Гыркешурская группа; III – Базезинская группа; IV – Вельякарская группа; V – Убытьская группа; VI – Дондинская группа; VII – Утемкарская группа; VIII – Сепычская группа; IX – Люмская группа; X – Кушманская группа; XI – Верхнелекминская группа; XII – Среднелекминская группа; XIII – Нижнелекминская группа. 36. Маломедлинская находка (IX в.); 37. Байгурезьская находка; 38. Богдановский клад (IX–X вв.); 39. Лесогуртский клад (IX в.); 40. Тольенское I селище (IX–XII вв.); 41. Тольенское II селище (IX–XII вв.); 42. Кушынский могильник (XIII–XV вв.); 43. Аммональный склад II селище (IX–XII вв.); 44. Дырпинский могильник (X–XII вв.); 45. Коршуновские находки (IX–X вв.); 46. Сазановская находка (X–XII вв.); 47. Большесазановский могильник (XI–XII вв.); 48. Седьярский клад (IX в.); 49. Буринский клад (XII–XIV вв.); 50. Базезинское селище (IX–XIII вв.); 51. Ягошурская находка (IX–X вв.); 52. Ягошурский клад (IX в.); 53. Ягошурский могильник (XIII в.); 54. Почтошурская находка (IX–X вв.); 55. Гординское I (Гурья-кар) городище (IX–XIII вв.); 56. Гординский камень (XIV в.); 57. Гординское (Издынь) селище (IX–XIII вв.); 58. Гординская находка (X–XIII вв.); 59. Карашурский могильник (IX–XII вв.); 60. Чиргинский могильник (XII–XIII вв.); 61. Макаровские находки (IX–X вв.); 62. Подборновское селище (IX–XII вв.); 63. Подборновское городище (IX–XII вв.); 64. Подборновский могильник (IX–XII вв.); 65. Адамовский бигершай могильник (X–XI вв.); 66. Солдырское II (Сабанчикар) городище (IX–XIII вв.); 67. Солдырский (Чемшай) могильник (IX–XIII вв.); 68. Солдырское II селище (IX–XIII вв.); 69. Солдырское I (Иднакар) городище (X–XIII вв.); 70. Солдырское III селище (X–XIII вв.); 71. Солдырское IV селище (X–XIII вв.); 72. Солдырское I селище (X–XIII вв.); 73. Солдырский (Бигершай) могильник (XIII в.); 74. Турайское I селище (IX–XII вв.); 75. Турайское II селище (IX–XII вв.); 76. Поломское селище (IX–XII вв.); 77. Квалярский могильник (IX–XV вв.); 78. Кортышевская находка (IX–X вв.); 79. Аверятская находка (IX–X вв.); 80. Большеварыжский могильник (IX–XII вв.); 81. Большепалкинская находка (IX–X вв.); 82. Удмуртский караул селище (IX–XIII вв.); 83. Маловенижский могильник (XI–XII вв.); 84. Маловенижское (Поркар) городище (IX–XII вв.); 85. Куняновское городище (IX–XII вв.); 86. Макишурская находка (IX–X вв.); 87. Тугбулатовская находка (IX–X вв.); 88. Малоключевская находка (IX–X вв.); 89. Кыпкинская находка (IX–X вв.); 90. Кыпкинский могильник (XI–XII вв.); 91. Чуринский клад (IX в.); 92. Извильское городище (IX–XII вв.); 93. Извильская находка (IX–X вв.); 94. Чемашурская находка (IX–X вв.); 95. Дондинский клад (X в.); 96. Дондыкарское городище (IX–XII вв.); 97. Вельгуртские находки (XII–XV вв.); 98. Дурановские находки (IX–X вв.); 99. Сораковские находки (IX–X вв.); 100. Симпаловская находка (IX–X вв.); 101. Шестнецкая находка (IX–X вв.); 102. Портяновские находки (IX–XII вв.); 103. Портяновское селище (IX–XII вв.); 104. Портяновское I городище (IX–XII вв.); 105. Портяновское II городище (IX–XII вв.); 106. Зуйкар городище; 107. Пудвайская находка (X–XII вв.); 108. Нижнебогатырское I селище (IX–XII вв.); 109. Богатырские находки (IX–X вв.); 110. Нижнебогатырское II селище (IX–XII вв.); 111. Богатырское (Утемкар) городище (X–XII вв.); 112. Краснослудское (Эбгакар) городище (X–XII вв.); 113. Саламатовская находка (XIV в.); 114. Сепычский могильник (IX–XII вв.); 115. Сепычское (Селтакар) городище (IX–XII вв.); 116. Гурдошурское селище (XII–XV вв.); 117. Тат-Парзинский могильник (X–XIII вв.); 118. Малолудошурские находки (IX–X вв.); 119. Лудошурские находки (IX–X вв.); 120. Польшинская находка (IX–X вв.); 121. Лудошурское II городище (IX–XII вв.); 122. Лудошурское I городище (IX–XII вв.); 123. Качкашурский (Лудошурский) могильник (X–XII вв.); 124. Качкашурские находки (IX–X вв.); 125. Печешурское селище (IX–XIII вв.); 126. Печешурский (Бигершай) могильник (XI–XIII вв.); 127. Люмский (Бигершай) могильник (IX–XV вв.); 128. Верх-Люмские находки (IX–X вв.); 129. Жабинский (Бигершай) могильник (IX–X вв.); 130. Жабинское I селище (XII–XV вв.); 131. Жабинское II селище (XII–XV вв.); 132. Жабинские находки (IX–X вв.); 133. Коповский (Бигершай) могильник (IX–XV вв.); 134. Комаровское (Чибинькар) городище (X–XII вв.); 135. Кушманское I селище (IX–XV вв.); 136. Кушманское (Учкакар) городище (IX–XIII вв.); 137. Кушманское II селище (IX–XV вв.); 138. Кушманское III селище (IX–XV вв.); 139. Тумский (Бигершай) могильник (IX–XII вв.); 140. Тьльысский могильник (IX–XII вв.); 141. Тьльысское I селище (IX–XII вв.); 142. Тьльысское II селище (IX–XII вв.); 143. Тьльысское III селище (IX–XII вв.); 144. Ежовское городище (IX–XII вв.); 145. Ежовское I селище (IX–XII вв.); 146. Ежовское II селище (IX–XII вв.); 147. Ежовское III селище (IX–XII вв.); 148. Меметовский могильник (IX–XII вв.); 149. Уканское I селище (IX–XV вв.); 150. Уканское II селище (IX–XV вв.); 151. Уканское городище (IX–XV вв.); 152. Старозянкинское селище (IX–XII вв.); 153. Старозянкинский могильник (IX–XII вв.); 154. Татъялудский клад (XIII–XIV вв.); 155. Тьмпальский (Бигершай) могильник (XII–XV вв.); 156. Кузьминский (Бигершай) могильник (XI–XIII вв.)

группы в IX в. были немногочисленны. Население продолжало использовать старые поселения, новые почти не возникали, хотя наблюдались попытки освоения левого берега р. Чепцы (Тольенское селище).

В IX в. на Средней Чепце возникло 9 новых локальных групп (рис. 168–2): Сепычская – в среднем и нижнем течениях р. Сепыч (V), Дондыкарская – в верховьях р. Омыти (VI), Утемкарская – на правом берегу р. Чепцы, в междуречье рр. Пышкец и Дондинка (VII), Убытская – в бассейне р. Убыти (VIII), Кушманская – на правом берегу р. Чепцы, в междуречье рр. Тум и Люм (IX) и Люмская – на р. Люм (X). Три обособленных группы выделены в бассейне р. Лекмы, в ее нижнем (XI), среднем (XII) и верхнем (XIII) течении.

Число памятников в группах невелико – от трех до шести. В некоторых группах (дондыкарской, утемкарской, убытской, среднелекминской, верхнелекминской) пока не обнаружены могильники, в других (верхнелекминской) пока не известны городища. В некоторых группах (кушманской), судя по числу могильников, пока еще выявлены не все селища. С открытием новых памятников границы отдельных групп будут уточнены, возможным станет выделение дополнительных кустов памятников. Обращает на себя внимание высокий (33,8) процент городищ в полемской культуре, причем в VI–VIII вв. он был еще выше (40,0%). Очевидно, при освоении бассейна р. Чепцы полемское население предпринимало соответствующие меры безопасности, укрепляя свои поселки. Такие явления, как нестабильность обстановки, угроза внешнего нападения, а иногда, видимо, и сами нападения, несколько возросли в IX в., на что косвенно указывают находки кладов ценной утвари и монет, соотносимые именно с периодом IX в.

На территории полемской культуры из 33 выявленных городищ к VI–VIII вв. относятся 14, а к IX в. и последующим – 19. Небольшое количество городищ зафиксировано в балезинской, весьякарской и дондыкарской группах.

Большинство городищ располагались на мысовидных холмах, образованных рекой и оврагом или двумя оврагами. Высота таких мысов различна, но часто достигает 24 (Гурьякар), 32 м (Весьякар) и более. Для городищ выбирались труднодоступные, защищенные естественными склонами места. При этом часто использовались естественные выступы террас, ее останцы (Комаровское). Достоверно известны лишь два городища, сооруженные на основном массиве террасы (Сепычское – Селтакар и Староунтемское – Ошаккар).

Форма площадок городищ определялась природной конфигурацией мысов. Наряду с вытянутыми узкими треугольными (Куняновское, Гординское I, Карильское) встречаются короткие треугольные площадки (Балезинское, Полемское I, Уканское, Хомяковское, Ежовское), широкие треугольные (Кушманское, Иднакар), языковидные (Зуйкар, Буринское, Полемское II, Заболотновское), близкие к прямоугольным (Комаровское, Богатырское), овальные (Весьякар) и др. Иногда, благодаря естественным условиям – останцу террасы, например, заключенному между двумя смыкающимися оврагами, – достаточно было соединить и углубить, верховья оврагов как площадка получала завершенный вид (Комаровское).

Основная масса городищ – одноплощадочные с одной линией обороны, валом и рвом. Известно лишь пять двухплощадочных памятников, у которых на небольшом расстоянии от первого вала и рва сооружена еще одна линия укреплений. Городище Гурьякар имело три площадки. Сохранившиеся валы и рвы пересекают обычно мыс в наиболее узком месте по прямой или слегка изогнутой линии. Лишь на Лудошурском I городище вал образовывал почти прямой угол, отчего форма площадки была трапециевидной. В сохранившихся случаях валы имели длину от 20 (Извильское) до 200 м (Лудошурское II). На Гординском I (Гурьякар) городище первый внутренний вал равнялся 30, второй – 70, а

третий – 90 м. Сохранившаяся высота валов – от одного (Хомяковское, Кушманское) до четырех (Балезинское, Новогиинское) метров. В некоторых случаях валы полностью разрушены распашкой (Староунтемское и др.). На городище Дондыкар вследствие распашки существование вала высотой 1,23 м было выявлено только в результате стационарных исследований.

В большинстве случаев валы представляли обычную земляную насыпь с частоколом по наиболее высокой части без каких-либо конструктивных особенностей. Так, при обследовании вала Варнинского I городища высотой 2 и шириной 11,5 м Г.Т. Кондратьева выяснила, что насыпь была земляная – из глины, с прослойками угля, золы и другого грунта разного цвета (Г.Т. Кондратьева, 1964а, с. 121). А.П. Смирнов, изучавший Дондыкарское городище, писал, что вал высотой 1,23 и шириной 5 м был насыпан из плотно утрамбованной красной глины и с внутренней стороны укреплен «деревянной стеной из горизонтальных восьмивершковых бревен, закрепленных вертикальными столбами» (1929, с. 27, табл. 11, рис. 2). Вал ограничивал площадку Дондыкарского городища лишь с напольной стороны, а края площадки вдоль оврагов были укреплены частоколом из круглых бревен диаметром 0,25–0,3 м. Остатки такого же тына – изгороди по краю площадки обнаружены А.П. Смирновым и на Кушманском городище (М.Г. Иванова, 1976, с. 93–94). По-видимому, эта деталь характерна для всех укрепленных городков бассейна р. Чепцы.

Рвы сохранились значительно хуже валов. На городище Весьякар видимый ров имел длину 52, ширину 3 и глубину 0,6 м (В.А. Семенов, 1985, с. 48). Площадка этого памятника, как считает В.А. Семенов, была дополнительно подсыпана, и на боковых склонах были искусственно оформлены небольшие выступы. Подобный срез отмечен и в мысовой части площадки. Аналогичные операции – подсыпку площадки и подрезку

склонов – Н.Г. Первухин отмечал на Буринском (Джутемкар) и Богатырском городищах (1896, с. 47–48, рис. 65–67). Подрезка оконечности мыса на высоту 3–12 м также характерна для многих городищ полемской культуры (Карильского, Варнинского II, Балезинского, Заболотновского, Портяновского II, Уканского) (Н.Г. Первухин, 1896, рис. 14, 15, 26, 27, 33, 45, 63, 100).

Мощность культурных остатков колеблется в пределах 0,15–1,8 м. Однако стационарные исследования показали, что в разных местах памятников мощность напластований зависела в значительной степени от наклона площадки городища. Так, на Весьякарском городище в северной части толщина культурного слоя составляла 0,15–0,2 м, у юго-западного склона – 1,0, юго-восточного – 1,8 м. Подобная картина выявлена и на городище Сабанчикар, где в центральной и восточной частях площадки мощность слоя составляла 0,1 м, а у западного склона – 1,0 м.

Площадь городищ колеблется от 2,4 до 40 тыс. кв. м. Наиболее часто (около 60%) встречаются небольшие городки площадью до 5 тыс. кв. м. Единственный памятник – Иднакар – имеет площадь 40 тыс. кв. м. В каждой территориальной группе зафиксирован административный центр – городище несколько большей площади, чем остальные. Все укрепленные поселения были обитаемы.

Из известных к настоящему времени селищ полемской культуры (более 40) одна треть возникла в VI–VIII вв., остальные в IX в. Число селищ в одной локальной группе иногда превышало 10. Большинство селищ приурочены к городищам, площадь их 6–12 тыс. кв. м. Мощности культурного слоя – 0,2–0,4 м.

Основные находки на поселениях обоих типов – обломки глиняной посуды, кости животных, предметы быта, украшения. На полемских поселениях исследованы остатки наземных бревенчатых срубных жилищ без фундамента со следами глинистой или гравийной подсыпки (В.А. Семенов, 1979, с. 119–157). Крыша – двускатная, сделана из луба.

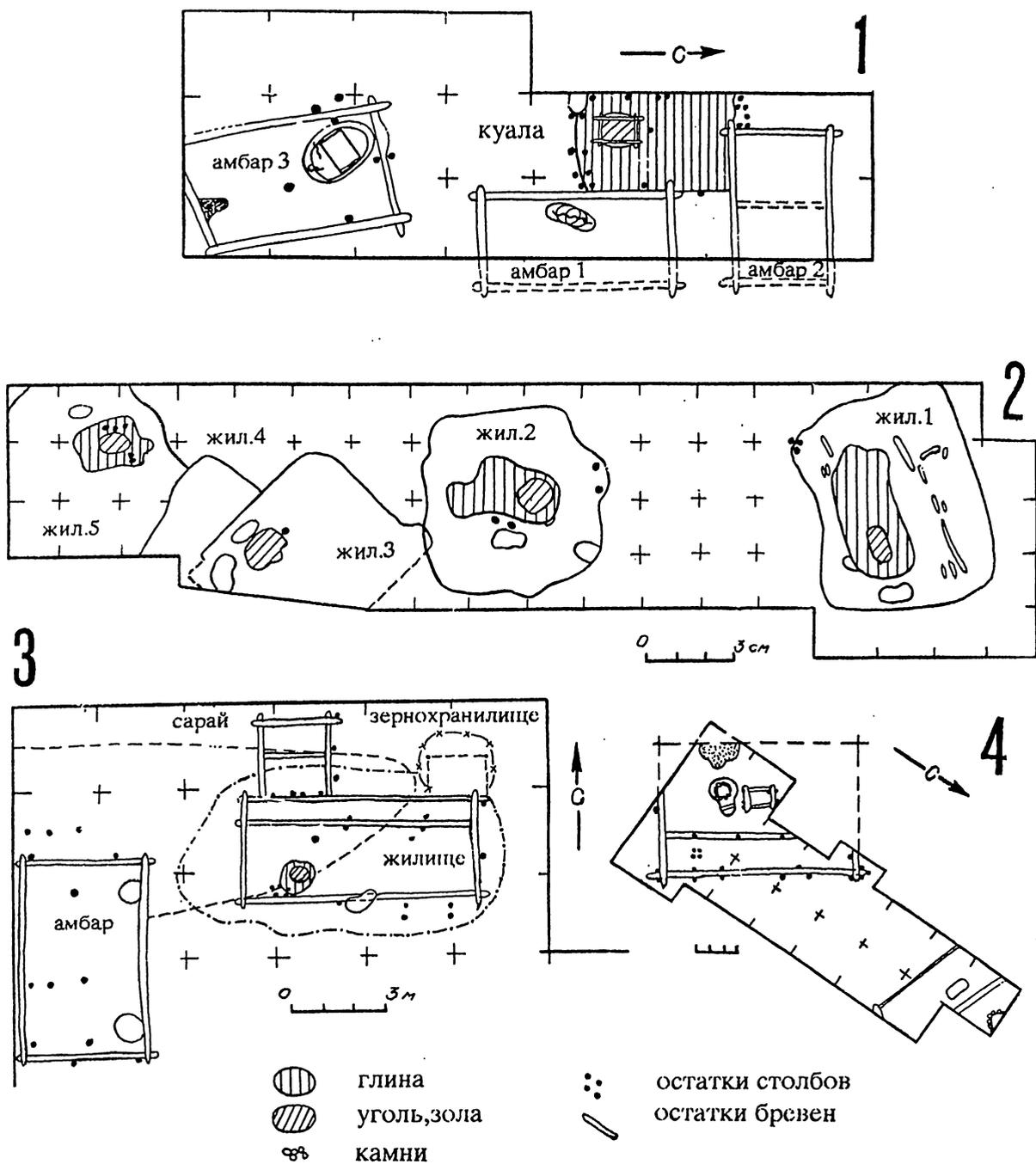

Рис. 173. Планы построек на городищах полемской культуры (по В.А. Семенову).
 1-2 – Полемское II (Гъркешур); 3 – Варшское I; 4 – Полемское I (Каравалес) городища

Очаги в ранних жилищах располагались на полу (рис. 173–2), в поздних появилось глинобитное основание и каменная кладка (рис. 173–4). В пределах жилищ были 1–3 хозяйственные ямы, иногда облицованные досками или берестой. Кроме жилищ исследованы амбары, сарай, хлева, культовые постройки (рис. 173–1, 3, 4). Поломские жилища имеют много общих черт с домостроительными традициями ананьинско-гляденовского населения (В.А. Семенов, 1979, с. 156–157).

На 7 исследованных могильниках поломской культуры изучено около тысячи захоронений. Некрополи поломской культуры занимали места с необычной топографией – это возвышенные площадки мысов (Тольен, Мыдланьшай, Весьякар) или их склоны (Варни). Как и везде в Прикамье, наблюдается приуроченность могильников к рекам. Все объекты расположены на берегах р. Чепцы и почти все в местах впадения в нее притоков (Тольен, Варни, Омутница). Могильники поломского времени находились поблизости от поселений, обычно на соседнем мысу. Как правило, расстояние между могильником и поселением не превышало 0,2–0,5 км.

Могильники поломской культуры занимают большие площади и содержат значительное число могил. Так, на Варнинском могильнике изучено 304 захоронения (рис. 174–1), на Поломском I – 178, на Мыдланьшае – 86 (рис. 177–1), Поломском II – 98, Тольенском – 122, Весьякарском – 19. При этом ни один из памятников не изучен до конца, и почти все они в различной степени разрушены.

Захоронения располагались рядами числом от 6 до 13, с высокой плотностью могил в рядах. Над погребениями устраивались надмогильные сооружения из дерева. Размеры могил зависят от пола погребенного, несколько больших размеров и глубже ямы на могильнике Мыдланьшай. Могилы имели прямоугольную форму, отвесные стенки и плоское дно. Изредка отмечены ниши с различными дарами умершему. Внутримогильные конструкции – дощатые гробы, берестяная под-

стилка или гробовище из луба. Захоронения преимущественно индивидуальные. Основной способ погребения – труположение, вытянуто на спине. Очень редки (1,3%) случаи трупосожжения – кости и угли ссыпаны на дно, вещи лежали беспорядочно. Ориентировка погребенных различна и зависит, вероятно, от принадлежности к различным группам населения. По материалам Варнинского могильника отмечена смена в период с V до IX в. западной ориентировки на восточную и появление в VIII в. могил с северной ориентировкой. Вещей в могилах много (89,5% всех могил содержит инвентарь). В женских захоронениях – это височные подвески, браслеты, перстни, пояса, ножи, шилья, в мужских – браслеты, пояса, ножи, конская упряжь, оружие.

Особенностью обряда поломского населения, как и других финно-угров, являлись погребальные дары (жертвенные комплексы), в которые входили отдельные вещи и их наборы. Чаще всего их составляли височные подвески, бусы, пояса и их детали, шилья, пряслица, ножи, браслеты, перстни и другие предметы. В 11 случаях эти остатки размещались в берестяных сосудах. Расположение погребальных даров различно: в изголовье, у ног, в области коленей, в нише, в засыпи могил. Топоры, ножи и наконечники стрел, обнаруженные в могиле вне гроба (Варни, погр. 170, 171), очевидно, были тоже погребальным даром.

Во многих могилах (57,9%) обнаружены как целые сосуды, так и их обломки. Наряду с глиняной посудой в погребениях встречались железные и бронзовые котелки, а также берестяные и деревянные сосуды. В нескольких случаях (8 могил Варнинского могильника) в сосудах найдены костяные и деревянные ложки. В сосудах ставили, очевидно, напутственную еду. Кроме посуды, клали и куски мяса: грудинку с ребрами или позвонками, тушки птиц. Чаще всего использовали мясо крупного рогатого скота, реже – лошадей, мелкого рогатого скота, сви-

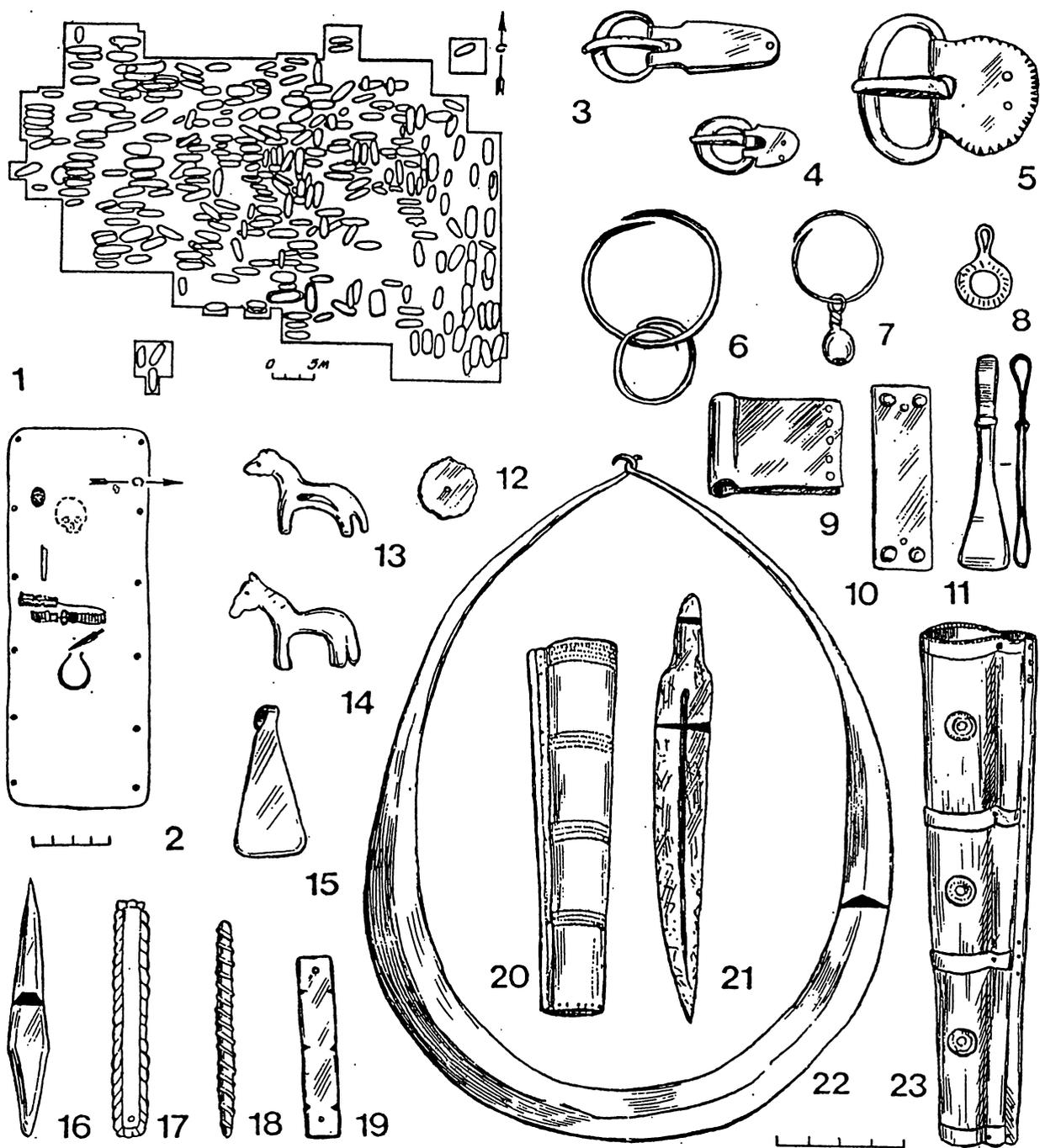

Рис. 174. Материалы гыркесиурской стадии поломской культуры (конец V–VI в. н. э.).
 1 – план раскопа; 2 – план могилы 130 Варшинского могильника; 3–5 – пряжки; 6, 7 – височные подвески;
 8, 15 – подвески; 9 – наконечник ремня; 10, 12, 17–19 – накладки; 11 – пицет; 13, 14 – проишжи;
 16 – наконечник стрелы; 20, 23 – позисы; 21 – позис; 22 – гривна. 1–23 – Варшинский могильник
 (по В.А. Семенову). 3–15, 17–19, 22 – бронза; 16 – кость; 20, 23 – бронза, дерево; 21 – железо

нши, лося. Костные остатки их найдены в 15,1% могил Варнинского и в 57% захоронений могильника Мыдланьшай.

Иной характер имели черепа, челюсти, зубы, кости конечностей лошадей и крупного рогатого скота, извлеченные из засыпи, реже со дна могилы. В этом случае они символизировали, вероятно, животное, должное возродиться и служить хозяину на том свете. Аналогично предназначение и диких животных, остатки которых обнаружены в могилах охотников на Мыдланьшае. В могиле 38 найдены два хвостовых позвонка лисицы, в засыпи могилы 54 – целый скелет лисицы, а в погребении 65 – два позвонка крупного медведя. Можно предположить, что это сделано с целью способствовать охотничьей удаче в загробном мире.

Наконец, третий вариант находок костей животных, отражающий поминальные тризны по умершим, выявлен вместе с разбитыми сосудами на площади некрополей вне могильных ям. В большинстве случаев их трудно увязать с конкретным захоронением, возможно, еще и потому, что эти обряды, как и сейчас, совершались в поминовение всех близких родственников. Лишь в единичных случаях можно приурочить остатки к конкретному захоронению. Так, возле могилы 12 Варнинского могильника исследована яма, в которой стоял глиняный сосуд с костяной ложкой внутри.

Среди памятников полумской культуры немногочисленны клады и случайные находки. Ягошурский клад обнаружен в 1867 г. при распашке поля у поч. Ягошурского Балезинского района Удмуртии в верховьях небольшого притока р. Чепцы – р. Юнды. Он состоял из кувшина, в котором лежали серебряный слиток весом 18 золотников и около 1500 дирхемов. Самые поздние из последних датируются 843–844 гг. Кувшин изготовлен в VIII в. в восточных районах Средней Азии (В.П. Даркевич, 1976, с. 8–9, 3). Клад был захоронен не ранее середины IX в.

В 1884 г. при пахоте близ д. Седьяр Балезинского же района на правом берегу р. Чеп-

цы найден серебряный кувшин VIII в. На ручке сосуда, частично поврежденного сохой, вырезана тюркская руническая надпись «За младшую дочь Герюнчу, невесту, подарок». В.П. Даркевич считает, что, судя по надписи и форме поддона, кувшин изготовлен на востоке Средней Азии (1976, с. 9, 4, табл. 20–5, 6).

Глазовский клад монет VIII в. был обнаружен в 1850 г. в 1 км от города. В составе клада – омейядский дирхем чеканки 739 г. н. э., а также 2 аббасидских дирхема, чеканенные в 780–781 гг. и в 784 г. (А.А. Спицын, 1893, с. 80; А. Марков, 1910, с. 7).

Особый интерес представляет Лесогуртский клад монет и вещей. В 1961 г. учащиеся Дебесской школы Н. Лекомцев и П. Трапезников обнаружили у д. Лесогурт на берегу р. Иримки, левого притока р. Чепцы, на глубине 0,1–0,3 м от поверхности клад монет и вещей. В состав клада входили 23 медных тонких прямоугольных пластины размерами 20–25×2,5×0,2 см, очевидно, заготовки, две сломанные серебряные гривны глазовского типа с колбочками на концах и серебряная шкатулка. Кроме того, здесь же найдены 139 монет. Из них, по определению С.А. Яниной, 6 экз. – Сасаниды, 2 экз. – Испахбеды, 22 экз. – Омейяды, 106 экз. – Аббасиды и 3 экз. – мелкие династии Африки. Самая ранняя монета – сасанидская (590 г. н. э.), самая поздняя – аббасидская (841–842 г. н. э.). Клад датируется второй половиной IX в. (Г.Т. Кондратьева, 1964, с. 233).

Интересно, что большинство кладов полумского времени находилось на левобережье р. Чепцы, лишь одна находка – Седьярская – была на правобережье. Все перечисленные клады могли быть закопаны, судя по их составу, не ранее IX в. Состав Лесогуртского клада указывает на более точную дату – вторую половину IX в. Скорее всего, выпадение этих кладов относится именно ко второй половине IX в. и связано с какими-то экстремальными событиями в этом регионе.

Обращает на себя внимание также и отсутствие в составе полумских кладов пред-

метов восточного импорта III–VII вв., столь многочисленного на Верхней Каме и в бассейне р. Сылвы. Это обстоятельство может быть объяснено появлением на р. Чепце населения в более позднее время, чем в указанных районах.

Случайные находки различных украшений представляют собой, скорее всего, сборы с интенсивно разрушающихся могильников или поселений. Очевидно, такого происхождения пластинчатый браслет, найденный возле д. Малая Медла (В.А. Семенов, 1976, с. 140), а также арочная подвеска с цепочками и привесками, обнаруженная в 1895 г. возле д. Макаровой Балезинского района УАССР (ОАК за 1895 г., с. 55–56).

Вопрос об обособлении самостоятельной полумской культуры был впервые поставлен В.Ф. Генингом в обобщающей работе по памятникам Удмуртии (1958, с. 92–102). Полумскую культуру, как считал исследователь, представляла группа памятников III–IX вв. в бассейне р. Чепцы. Опорными из них были Полумские могильники и поселения. В последующих работах В.Ф. Генинг период полумской культуры разделил на три этапа: гыркешурский (III–V вв.), каравалесский (VI–VIII вв.) и мыдланьшайский (VIII–IX вв.) (1962, с. 88; 1967а, с. 274).

Однако из-за отсутствия публикаций и детального обоснования В.Ф. Генингом датировок материалов полумских могильников возникли сомнения в их правильности и целесообразности обособления полумской культуры. Так, В.Б. Ковалевская, рассматривая в целом поясную гарнитуру с Полумского I могильника, изученного в 1906–1908 гг. П.Г. Тарасовым и В.Д. Емельяновым, датировала этот памятник концом VIII–X в. и пришла к выводу о обоснованности выделения полумской культуры в бассейне р. Чепцы (1969, с. 84–91).

Дальнейшее накопление материалов по средневековым памятникам на р. Чепце позволило признать правоту В.Ф. Генинга. Дата Полумского I могильника, предложен-

ная В.Б. Ковалевской, в свете современных исследований по средневековому Прикамью представляется чрезмерно суженной. Это произошло потому, что В.Б. Ковалевская определяла даты по процентному соотношению аналогов поясным деталям могильника в целом, без разделения его по комплексам.

Особое значение для разрешения этой проблемы имеют итоги раскопок Варнинского могильника, где в 1970–1973 гг. В.А. Семеновым изучено 304 захоронения с 312 погребенными (1980). Этот могильник использовался на протяжении всей полумской культуры, и даже в более позднее время, поэтому его материалы являются полноценным источником для обоснованного суждения о времени функционирования памятников полумского типа. Принципиально важным является открытие на этом памятнике ранних могил, что позволяет не только обсуждать дату возникновения полумской культуры, но и судить о ее истоках.

В.А. Семенов считает возможным датировать Варнинский могильник и полумскую культуру концом V – первой половиной IX в. Определив новые даты, но при этом сохранив названия, предложенные В.Ф. Генингом, он выделил в ее развитии 3 этапа: I – гыркешурский (конец V – первая половина VII в.) с разделением на две группы: 1-я – конец V – первая половина VI в., 2-я – вторая половина VI – первая половина VII в.; II этап – каравалесский (вторая половина VII – первая половина VIII в.) и III этап – мыдланьшайский (вторая половина VIII – первая половина IX в.). В.А. Семенов проделал также большую работу по выявлению предметов, относящихся к каждому из этапов, что нашло отражение в составленных им хронологических таблицах (1980, рис. 10, 11).

Общая схема развития полумского материала, предложенная В.А. Семеновым, существенных возражений не вызывает, однако некоторые принципиально важные моменты нуждаются в уточнениях. В частности, знакомство с тенденциями развития вещевых

комплексов средневекового Прикамья, а также поясной гарнитуры Восточной Европы привело к сомнению в правильности объединения в один хронологический пласт комплексов конца V – первой половины VII в. (гыркесшурская стадия по В.А. Семенову), так как предметы V–VI, с одной стороны, и конца VI–VII в. – с другой, хорошо разделяются стратиграфически и типологически.

Типологический, планиграфический (на Варнинском могильнике многочисленны случаи взаимоперекрывания могил) и культурно-стратиграфический анализ материалов, прежде всего Варнинского, а также других полумских (Мыдланьшай, Весьякар) могильников, дает основание выделить в полумских древностях 4 хронологические стадии.

Первая, самая ранняя стадия лучше всего представлена на Варнинском могильнике. К этому времени можно отнести 17 могил, локализованных в северной части раскопа. Среди наиболее характерных вещей ранней группы – крупные (рис. 174–5) и средних размеров (рис. 174–3, 4) трехсоставные пряжки, различные варианты прямоугольных (рис. 174–10, 17, 19) или круглых (рис. 174–12) накладок, крупные наконечники ремней из перегнутой пластины (рис. 174–9). В этих же комплексах встречаются височные подвески из двух крупных или мелких колец (рис. 174–6), а также с привеской-бубенчиком (рис. 174–7), кольцевидные (рис. 174–8) или трапециевидные (рис. 174–15) подвески, объемные изображения коня (рис. 174–14) и рыси (рис. 174–13), пластинчатые гривны с трехгранным сечением (рис. 174–22). Из предметов вооружения были популярны железные ножи с желобком вдоль лезвия (рис. 174–21) и ножнами, украшенными бронзовыми пластинами (рис. 174–20, 23), костяные наконечники стрел с трапециевидным сечением (рис. 174–16), из орудий труда – бронзовые щипчики (рис. 174–11).

Сравнение материала с инвентарем памятников эпохи великого переселения народов Прикамья показывает, что описываемые вещи более всего сходны с комплексами верх-

саинской стадии неволинской культуры (Р.Д. Голдина, 1991, рис. 3), а также митинской стадии ломоватовской культуры, датирующихся VI в. Однако, учитывая результаты последних исследований, проведенных на Варнинском могильнике А.Г. Ивановым, обнаружившим следы курганных канавок, а также инвентарь несколько более раннего облика*, возможно, начало полумской культуры следует относить к концу V в.

Ранний этап полумской культуры был назван В.Ф. Генингом и В.А. Семеновым гыркесшурским. На городище Гыркесшур (Поломское II) действительно довольно выразительна выборка раннеполумского времени, поэтому можно сохранить это название за ранней стадией полумских памятников, определив ее дату в пределах конца V–VI в. Особенностью ранних могил Варнинского некрополя является и западная ориентировка умерших, погребенных в прямоугольных ямах по способу трупоположения.

Вторая хронологическая группа представлена 23 захоронениями Варнинского могильника, сопровождающимися инвентарем геральдического облика. Подобные предметы хорошо известны на Поломском I могильнике (В.Б. Ковалевская, 1969, рис. 1–20–22, 31, 32; 2–4–7, 10, 11, 15, 28–30). Поскольку вещи с Варнинского могильника впервые образуют устойчивую многочисленную серию, мы предлагаем называть эту группу варнинской.

В состав этой группы входят различные варианты височных подвесок со свободно висящими привесками (рис. 175–1, 2, 15). Среди них оригинальны подвески с двумя орнаментированными овалами в основании (рис. 175–1), подобные известны в верхнеутчанской и еманевской культурах. В это время появилась целая серия цельнолитых пряжек, как правило, с В-образным кольцом и сердцевидной или прямоугольной пластиной (рис. 175–6, 7). В качестве архаизмов иногда встречаются трехсоставные пряжки, разнообразны

* Доклад, сделанный А.Г. Ивановым на научной конференции в УдГУ.

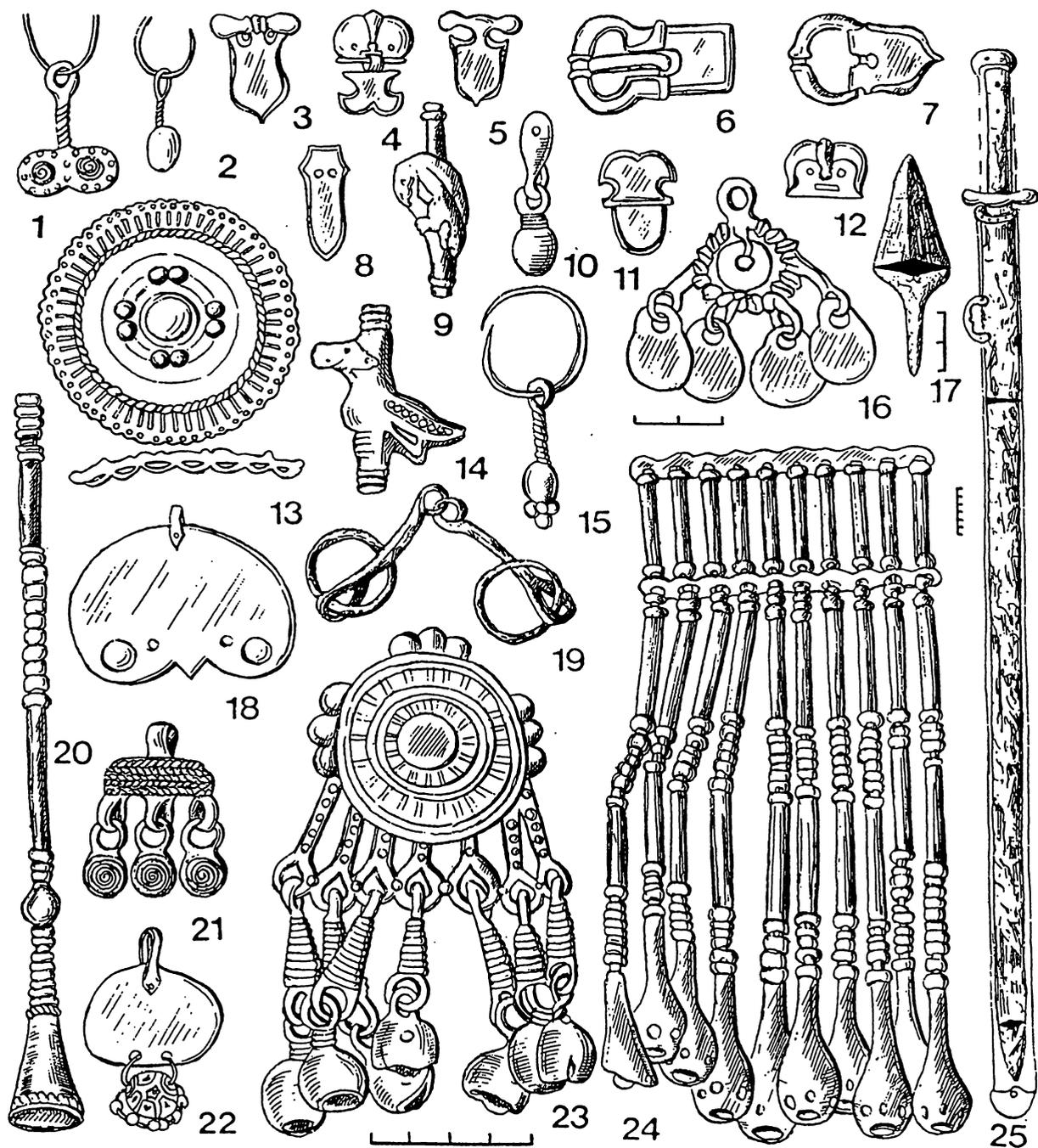

Рис. 175. Предметы варинской стадии полемской культуры (конец VI-VII в. н. э.).
 1, 2, 15 - височные подвески; 3-5, 8, 11, 12 - накладки; 6, 7 - пряжки; 9, 14, 20 - произки;
 10, 16, 18, 21-23 - подвески; 13 - бляха; 17 - наконечник стрелы; 19 - удила;
 24 - сложносоставная подвеска; 25 - палаш. 1-25 - Варинский могильник (по В.А. Семенову).
 1-16, 18, 20-24 - бронза; 17, 19 - железо; 25 - железо, бронза, дерево

поясные накладки и наконечники мечеобразных, геральдических и сопутствующих им форм (рис. 175–3–5, 8, 11, 12). В могилах этой группы зафиксированы трубчатые с вздутиями и конические пронизки (рис. 175–20). Характерны составные из множества пронизок шумящие подвески со своеобразными бутылчатými пронизками на концах (рис. 175–24). Преобладают с объемными пронизками предшествующей поры изображения клюющих птиц (рис. 175–9) и птиц со звериными головами (рис. 175–14). Для этого района характерны своеобразные варианты соляных блях (рис. 175–13), оригинальных лунниц (рис. 175–18, 22), шумящих подвесок с круглой (рис. 175–23), арочной (рис. 175–16) и пластинчатой (рис. 175–21) основой. В этой же группе встречаются двучастные шумящие привески (рис. 175–10). Из оружия в могилах этой группы обнаружены железные шилья, наконечники стрел (рис. 175–17), вытянутый наконечник копья с шипами, удила с крупными кольцами (рис. 175–19) и палаш (рис. 175–25).

Многие перечисленные типы вещей аналогичны предметам агафоновской стадии ломоватовской культуры (Р.Д. Голдина, 1979, рис. 1, 4, 5; 1985, с. 127–128), датирующейся последней четвертью VI–VII в., а также бартымской стадии неволинской культуры, относящейся к этому же времени (Р.Д. Голдина, 1991, с. 176–179, рис. 7). Учитывая эти обстоятельства, варнинскую стадию полемской культуры следует датировать концом VI–VII в. н. э. Могилы этого периода локализуются на Варнинском могильнике к западу от могил VI в. и характеризуются тем, что наряду с западной отмечена восточная ориентировка.

Следующая хронологическая группа представлена 74 могилами Варнинского могильника и 6 захоронениями Весьякарского могильника. Поскольку именно в VIII в. активно начала функционировать весьякарская группа памятников (городище, могильник и селище у д. Весьякар), предлагается назвать эту

стадию весьякарской. Вещи этого времени хорошо известны по Поломскому I и II, Гординскому, Омутницкому, Тольенскому могильникам. В это время возник ряд новых поселений: Адамское II, Качкашурское, Заболотновское, Кельдыковское, Ванегуртское, Аммональный склад селища и Байгурезьское, Карвалес и другие городища.

Из предметов этой стадии наиболее типичны височные подвески с полыми шаровидными (рис. 176–4, 28) или гроздевидными (рис. 176–3, 5) привесками. Появились новые типы цельнолитых пряжек с овальными (рис. 176–17, 18) или приостренными пластинами (рис. 176–20). Как архаизмы встречаются пряжки с В-образным кольцом. Среди поясных накладок распространены прямоугольные (рис. 176–7, 8, 15), ж-образные (рис. 176–12) тройчатки (рис. 176–19). В отличие от неволинских накладок следует отметить однообразие полемских прямоугольных накладок с изображением личины (рис. 176–1). В комплексы весьякарской стадии входят накладки и наконечники ремней, украшенные лозовым орнаментом (рис. 176–26). В поясной гарнитуре встречаются также гладкие (рис. 176–2) наконечники ремней.

Среди предметов весьякарской стадии много различных пронизок (рис. 176–6, 8), трапециевидных (рис. 176–21), ложек (рис. 176–10), коробочек (рис. 176–13), пластинчатых шумящих подвесок (рис. 176–35), костыльков (рис. 176–11). Из оригинальных предметов следует отметить ажурные трапециевидные шумящие подвески (рис. 176–34), сложносоставные шумящие подвески с арочной основой (рис. 176–38). Из предметов быта, орудий труда и оружия для этой стадии типичны кожаные и берестяные ножны с металлической оправой (рис. 176–36, 37), деревянные сосуды (рис. 176–29), удила с S-образными псалями (рис. 176–24), стремяна с плоским подножием и расплющенной петлей (рис. 176–27), листовидные (рис. 176–32, 33) и треугольные (рис. 176–31) наконечники копий, в это же время появились сабли (рис. 176–30).

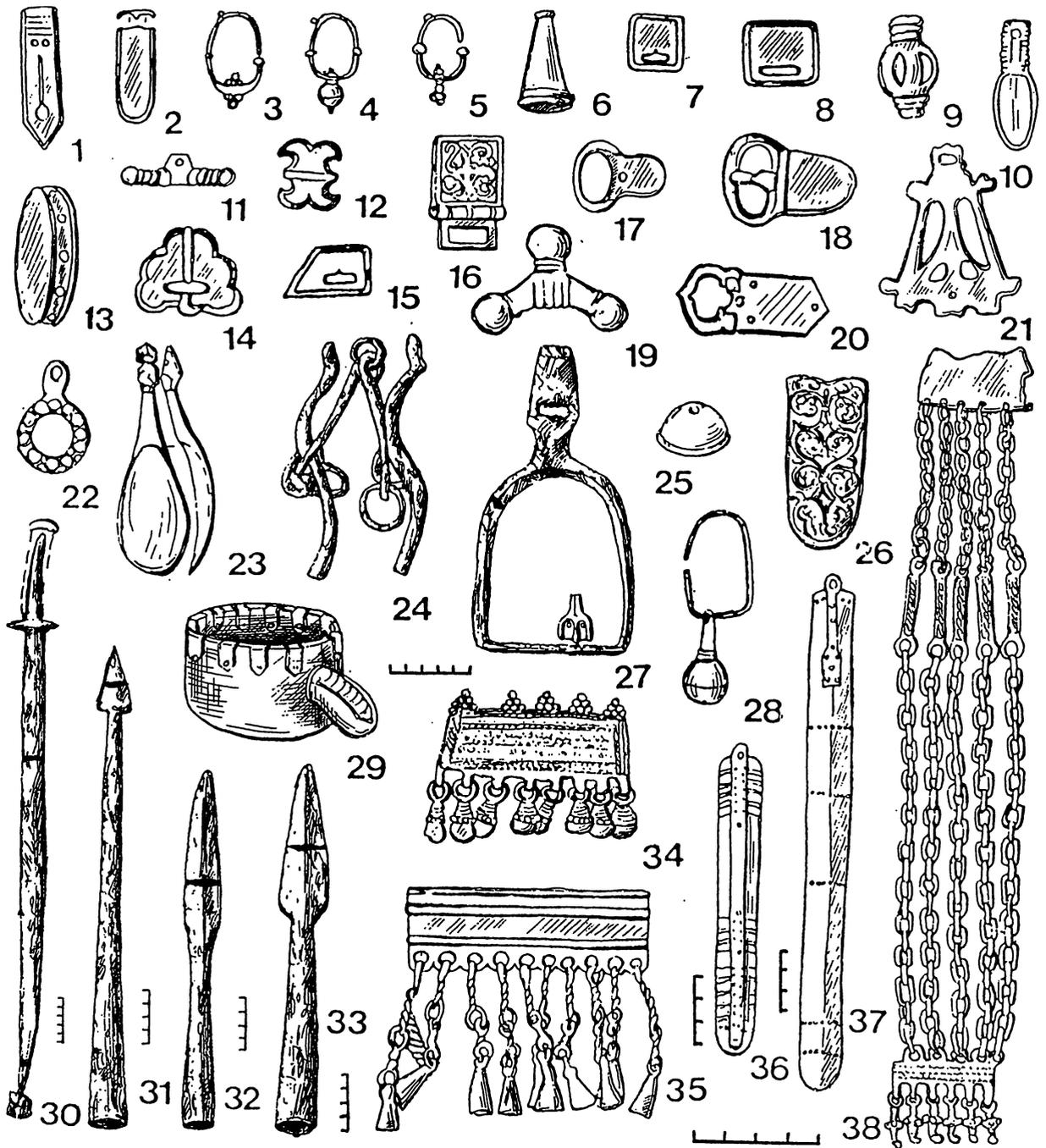

Рис. 176. Предметы везьякарской стадии поломской культуры (конец VII–VIII в.).

1, 7, 8, 12, 14–16, 19 – накладки; 2, 26 – накопечники ремней; 3–5, 28 – височные подвески; 6, 9, 25 – произки; 10, 11, 13, 21, 22, 34, 35, 38 – подвески; 17, 18, 20 – пряжки; 23 – лозесечка; 24 – удила; 27 – стремя; 29 – сосуд; 30 – сабля; 31–33 – накопечники копий; 36, 37 – поизны. 1–38 – Варшинский могильник (по В.А. Семенову).

1–22, 25, 26, 28, 34, 35, 38 – бронза; 23 – кость; 24, 27, 30–33 – железно; 29 – дерево, серебро; 36, 37 – дерево, кожа, бронза

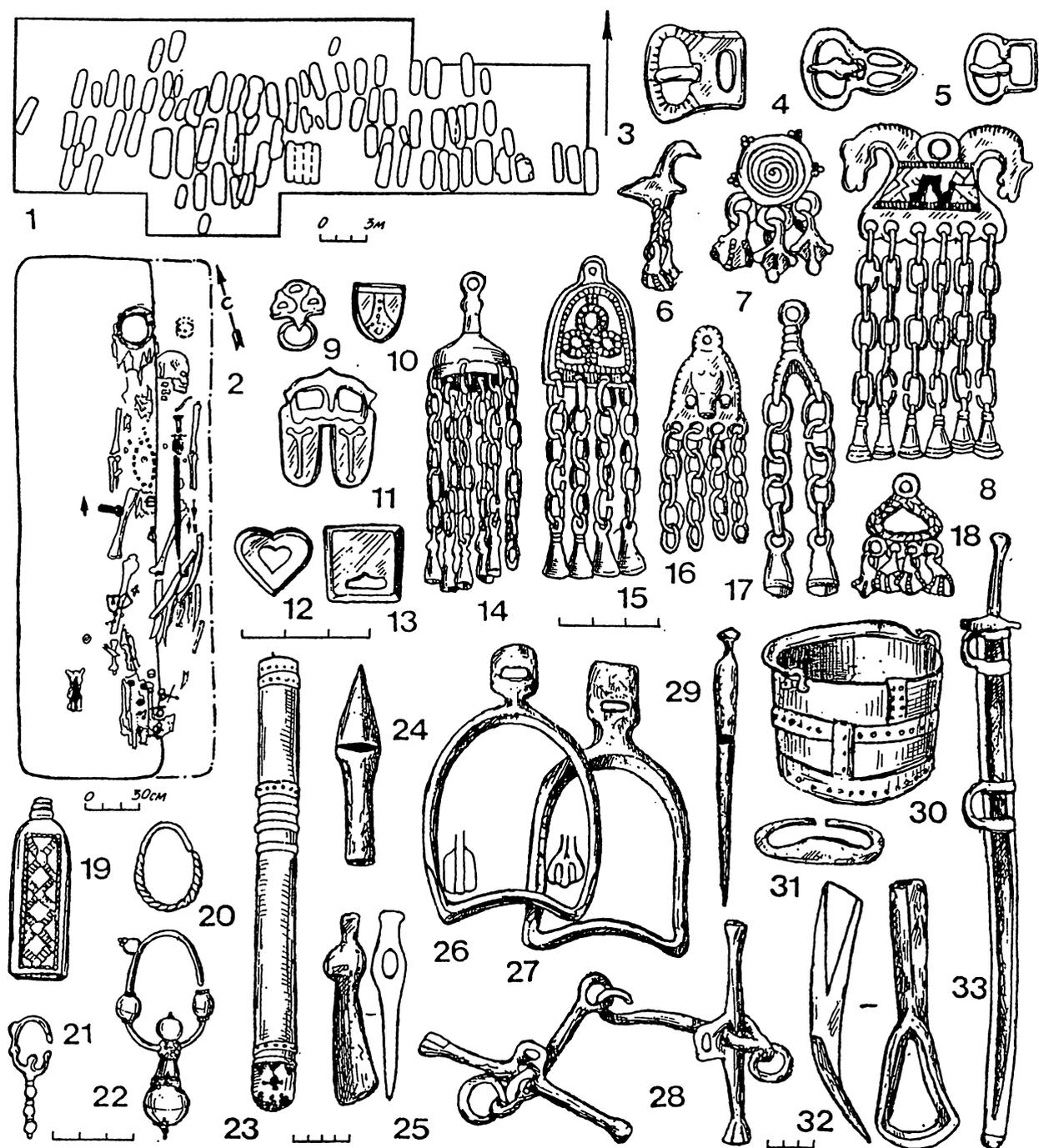

Рис. 177. Предметы мыдланьшайской стадии поломской культуры (конец VIII–IX в.).
 1 – план раскопа; 2 – план погр. 50 могильника Мыдланьшай; 3–5 – пряжки; 6–8, 14–18 – подвески;
 9–13 – накладки; 19 – проишка; 20–22 – височные подвески; 23 – позисты; 24 – накопечник стрелы;
 25 – топор; 26, 27 – стремепа; 28 – удила; 29 – штырь; 30 – котелок; 31 – кресало; 32 – ложечка;
 33 – сабля. 3–31 – Варшинский (по В.А. Семенову); 32, 33 – Мыдланьшай (по В.Ф. Генцигу) могильники.
 3–22 – бронза; 23 – дерево, козиса, бронза; 24–31 – железзо; 32 – кость; 33 – железзо, дерево

Многие предметы этой группы подобны вещам деменковской стадии ломоватовской культуры Верхнего Прикамья (Р.Д. Голдина, 1970, с. 90–91; 1979, рис. 1; 1985, с. 128–131; В.Ф. Генинг, 1979, с. 101–102), а также предметам неволинской стадии неволинской культуры (Р.Д. Голдина, 1991, рис. 8), датирующихся концом VII–VIII в. Дата материалов неволинского типа особых споров не вызывает. В.Б. Ковалевская датирует их последней четвертью VII – третьей четвертью VIII в., Ю.А. Краснов – VIII в. (В.Б. Ковалевская, Ю.А. Краснов, 1973, с. 286), А.К. Амброс – концом VII – первой половиной VIII в. (1973, с. 288, рис. 1, этап IV). В Пенджикенте детали поясов, близких неволинским, датированы по монетам серединой – 70-ми годами VIII в. (В.И. Распопова, 1979, рис. 3–1–4; 5–1–11). Очевидно, и весьякарская стадия полумской культуры должна относиться к концу VII–VIII в.

Среди вещей следующей стадии разнообразны височные подвески, многие из которых типологически близки подвескам предшествующего весьякарского времени (рис. 177–21, 22). Из принципиально новых типов следует выделить треугольные провололочные, с 14-гранником, витые (рис. 177–20). Изменился характер поясной гарнитуры, из накладок стали очень популярны щитовидные различных форм, с изображением личины, с кольцом, с изображением головок коней и другие (рис. 177–9–13), среди пряжек многочисленны восьмеркообразные (рис. 177–4, 5) и небольшие цельнолитые экземпляры (рис. 177–5). Наконечники ремней небольшие, гладкие или с геометрическим орнаментом. Стали очень популярными и различные варианты шумящих (рис. 177–6–8, 14–18) и плоских подвесок, костыльков. Типичны для этого времени флаконовидные привески (рис. 177–19), арочные с зернью накладки, ножны с медной обкладкой и зернью (рис. 177–23), калачевидные кресала (рис. 177–31), лопаточки-гладилки (рис. 177–32), стремена с вогнутым подножием (рис. 177–26, 27). Продолжали использо-

ваться различные типы наконечников стрел (рис. 177–24) и копий, штыри (рис. 177–29), боевые топоры (рис. 177–25), металлические сосуды (рис. 177–30), удила со стержневыми (рис. 177–28) и S-образными псалями, сабли (рис. 177–33).

Эта стадия названа В.Ф. Генингом мыдланьшайской по названию могильника, содержащего яркий и выразительный материал конца VIII–IX в. На могильнике собран довольно многочисленный монетный материал восточных династий конца VIII – начала IX в. (744–824 гг.) (С.А. Янина, 1962, с. 129–139). Учитывая, что пока в средневековых комплексах Верхнего Прикамья не удается выделить комплексы первой и второй половины IX в., мы считаем целесообразным, оставив за этой стадией прежнее название, датировать ее концом VIII–IX в. Кроме могильника Мыдланьшай, к этой стадии относятся более 100 захоронений Варнинского, а также некоторые комплексы Гординского, Весьякарского, Омутницкого, Тольенского могильников.

Необходимо отметить и то, что инвентарь мыдланьшайской стадии во многом похож и, очевидно, одновременен урынской стадии ломоватовской (Р.Д. Голдина, 1985, с. 131–133) и сухоложской стадии неволинской (Р.Д. Голдина, 1991, с. 181–182) культур, датирующихся концом VIII–IX в.

Одним из ярких показателей полумской культуры является глиняная посуда, известная как по материалам могильников (Весьякар – 17 экз., Варни – 281, Мыдланьшай – 25, Омутница – 146, Красная Горка – 30), так и поселений (Весьякар – 528 экз., Гурьякар – 114, Сабанчикар – 84, Дондыкар – 195, Кушманское – 87). Глиняное тесто содержит добавки толченой раковины, иногда растительных остатков, реже – песка. Посуда отличается низкими пропорциями, округлым дном, приземистостью (рис. 178, 179). Горшковидные формы не обнаружены.

Наиболее распространены чаши с округлым туловом, разными вариантами профи-

лировки верхней части и слегка уплощенным дном (рис. 178-3-10). Довольно много на поселениях чаш без шеек (рис. 178-1, 2, 6). Интересны прямостенные чаши с уплощенным дном и отогнутой невысокой шейкой (рис. 179-2). На могильниках чаще всего использовались округлобокие чаши с хорошо выраженной отогнутой шейкой (рис. 179-1, 3-12). Поселенческая посуда чаще (74,3%), чем погребальная (24,7-35,9%), украшена по венчику. Чаши украшены в основном насечками (рис. 178-7, 8; 179-11), оттисками гребенчатого штампа (рис. 178-2; 179-4) и защипами (рис. 178-5), реже ямками, отпечатками шнура, ногтей и фигурного штампа. Среди погребальной посуды, по сравнению с поселенческой, значительна (38,0-92,0%) доля сосудов, украшенных по шейке (14,6-42,6%). Широко использовались для украшения посуды, извлеченной из могильников, оттиски шнура (54,5-75,0%, рис. 179-4-7, 9, 10, 12), а также фигурных – треугольных, квадратных, ромбических – штампов (37,5-82,6%, рис. 179-3, 5-9, 11, 12). Орнамент шеек поселенческой посуды более разнообразен: чаще всего отмечены оттиски гребенчатого штампа (35,3-75,4%, рис. 178-1, 2, 4), дополненного шнуровыми (20,0-35,3%, рис. 178-9). Остальные элементы встречались реже. На сосудах Поломского I городища вторым элементом в узоре были ямки (20%), а городища Сабанчикар – резные линии (33,4%). Посуда с городищ Гурьякар и Дондыкар в основном орнаментирована оттисками шнура (38,8 и 36,4%) и фигурного штампа (20,9 и 26,3%). Таким образом, поселенческую посуду полемской культуры можно в целом охарактеризовать как гребенчато-шнуровую или шнурово-фигурноштампованную, а погребальную – как шнурово-фигурноштампованную.

Вопрос о заселении бассейна Чепцы впервые решал А.А. Спицын на основании типологического сходства вещей с побережий рр. Камы, Чепцы и Пижмы. Он считал, что эту территорию заселили выходцы с Верх-

ней Камы, а именно с ее притоков – Обвы и Иньвы, наиболее изученных тогда, а затем ими же был освоен и бассейн Вятки. Это событие произошло, по А.А. Спицыну, в период расцвета булгарской эпохи (VII-X вв. н. э.) (1889, с. 18). По мнению А.П. Смирнова, заселение бассейна Чепцы шло с Вятки и относилось ко времени не ранее IX в. (1952, с. 230-232). В.Ф. Генинг представил свой взгляд на эту проблему: бассейн Чепцы был заселен гляденовцами в III в. н. э. – выходцами из бассейна Тулвы, пришедшими сюда через р. Сиву и верховья р. Чепцы (1959, с. 197-200). В одной из своих последних работ В.Ф. Генинг датировал это событие второй половиной V – первой половиной VI в. н. э. (1980, с. 138-139) и по-прежнему считал одним из наиболее значительных компонентов, участвующих в сложении полемской культуры, население осинского варианта гляденовской культуры (1980, с. 146-147). Вторым компонентом, по представлениям В.Ф. Генинга, был «угро-самодийский», привнесший сюда посуду, украшенную отпечатками решетчатого штампа, а также некоторые костяные изделия. Появление «угро-самодийцев» на р. Чепце исследователь относил к середине VIII в. (В.Ф. Генинг, 1967, с. 275), а в последних работах – к концу V – началу VI в. (1980, с. 145).

Более обстоятельно вопрос о заселении бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья рассмотрен В.А. Семеновым. В свое время он разделял точку зрения В.Ф. Генинга о появлении ранних поселенцев на р. Чепце с территории осинского варианта гляденовской культуры, а также из Зауралья и Приобья (1967, с. 292-293). Работа над новым материалом привела к эволюции его взглядов. В конце 70-х гг. он писал об одновременном заселении в середине VI в. бассейна Чепцы верхнекамским (Варнинский могильник) и вятским (Концовский могильник) населением (1980, с. 64-67). В начале 80-х гг. В.А. Семенов опубликовал несколько работ по этому вопросу, в которых утверждал, что

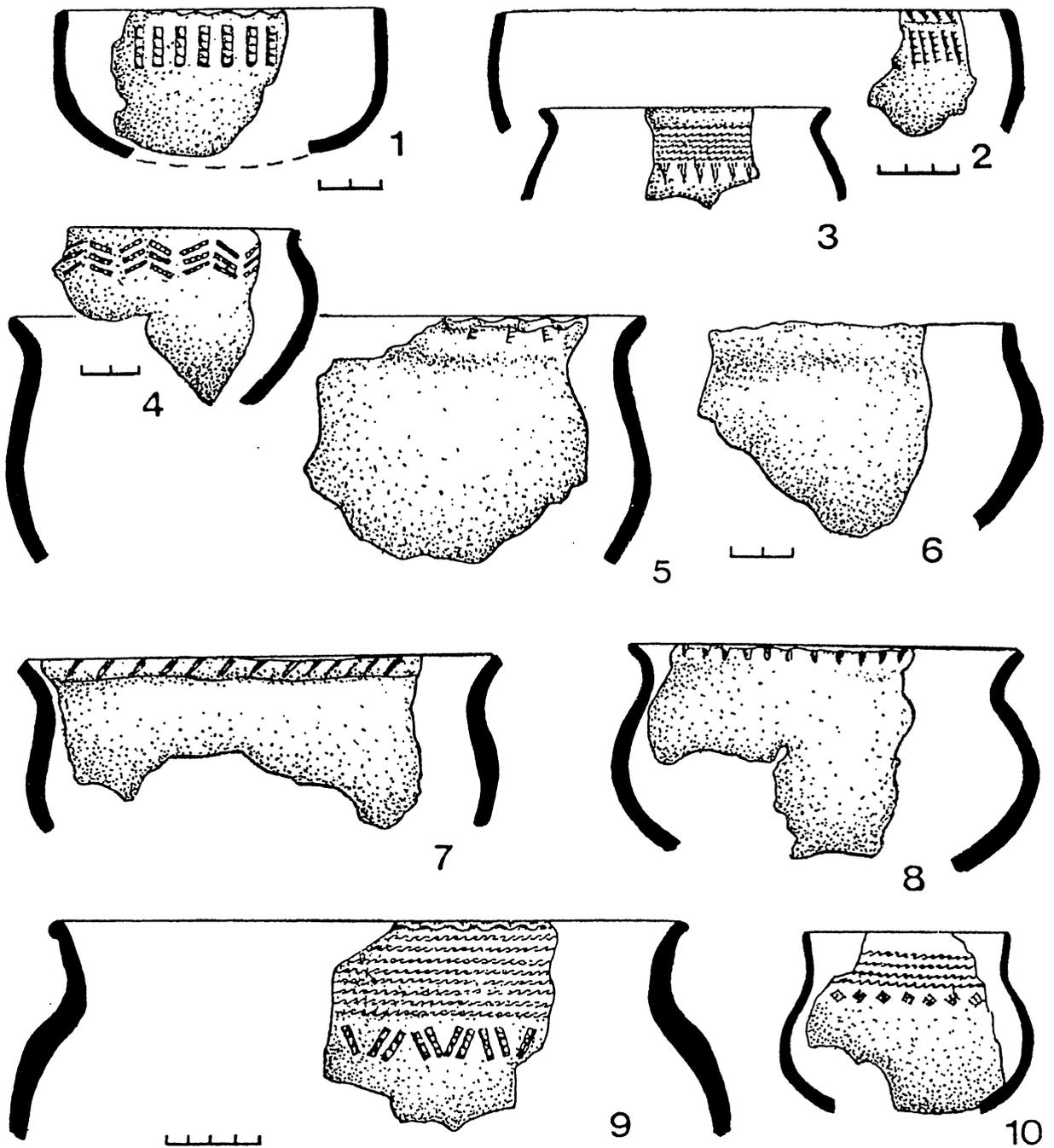

Рис. 178. Глиняная посуда полемской культуры городища Весьякар (по В.Ф. Генцигу и В.А.Семенову)

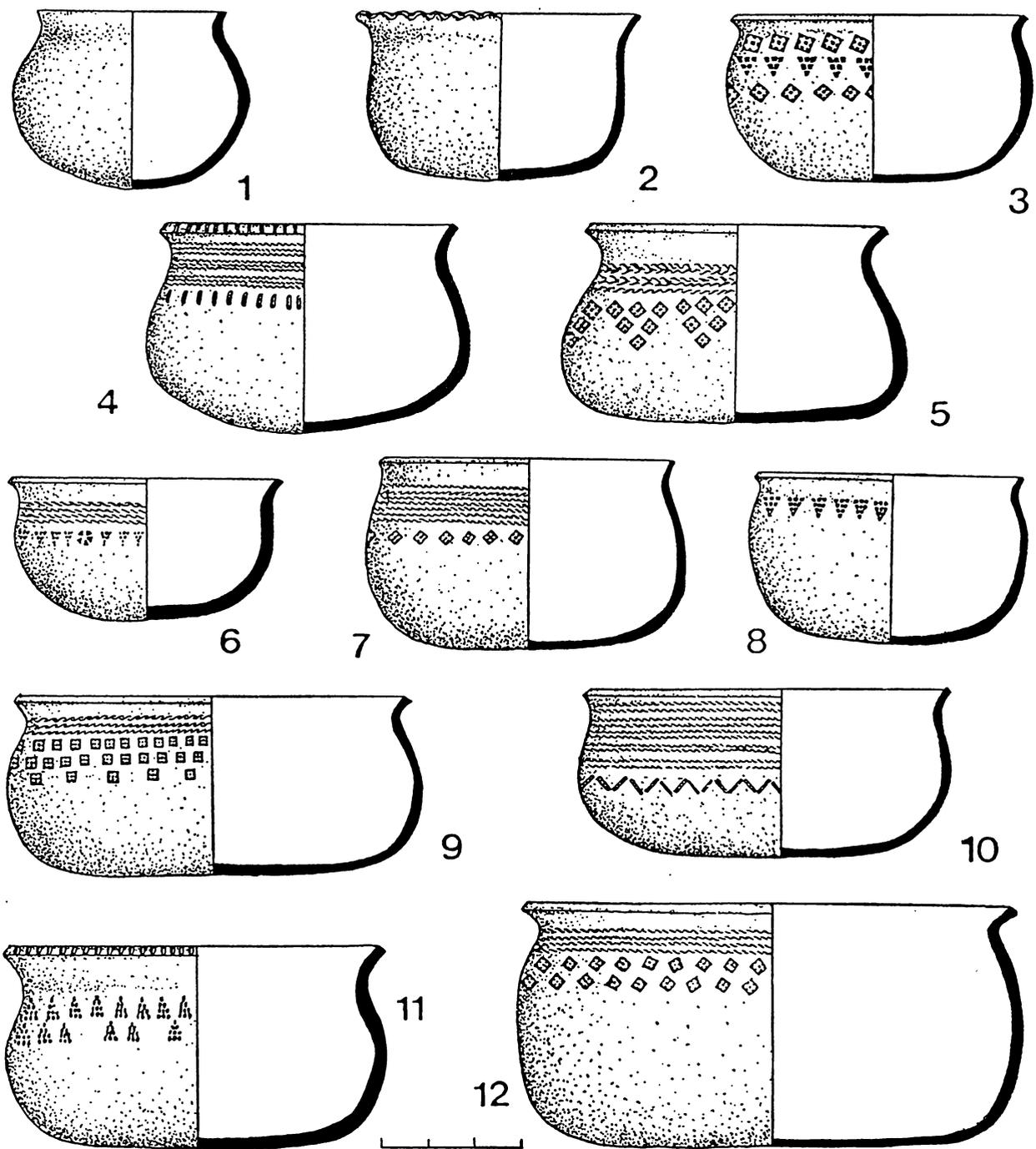

Рис. 179. Глиняная посуда полемской культуры могильника Мыдланьшай (по В.Ф. Гейнгу)

заселение территории полумской культуры состоялось не позднее конца V в. н. э. верхнекамским населением, скорее всего, выходцами из туйско-гаревской группы (Зародятское селище) (1982, с. 47–48). По его мнению, незначительную примесь к этому населению составляли группы мазунинско-азелинского облика с очень широкой локализацией – из Камско-Вятского региона (там же, с. 49–51). Вслед за В.Ф. Генингом этот исследователь вновь подтвердил мысль о появлении в верховьях р. Чепцы «угро-самодийского» населения во второй половине VIII – первой половине IX в. (В.А. Семенов, 1982, с. 55). В одной из своих работ недавнего времени (1989, с. 20–33) В.А. Семенов достаточно четко обозначил свой взгляд на многокомпонентность населения полумской культуры. По его мнению, в III–IV вв. бассейн р. Чепцы был заселен немногочисленными азелинскими группами (Городищенский могильник), которые в V–VI вв. смешались с верхнекамским населением ломоватовской культуры. На рубеже VIII–IX вв. в этот массив были включены какие-то группы «угро-самодийского» происхождения.

Что касается времени возникновения полумской культуры, то здесь, несмотря на разнообразие мнений, особых споров нет. Вероятно, по тем данным, которыми мы располагаем, это произошло во второй половине V в.

Несмотря на присутствие в низовьях р. Чепцы некоторого числа памятников более раннего ананьинско-худяковского времени (Кривоборское городище, Городищенский могильник и др.), вряд ли следует считать их принадлежащими прямым предкам носителей полумской культуры. Судя по размещению раннеполумских объектов в верховьях р. Чепцы, ранние поселенцы, создавшие здесь оригинальную культуру, появились не с территории р. Вятки, а из других близлежащих областей. Вряд ли это были осинцы, как считал В.Ф. Генинг, так как различия в материальной культуре весьма велики. Достаточ-

но лишь указать, что степень орнаментации керамики Осинского городища по шейке составляет лишь около 7% (В.Ф. Генинг, 1959, с. 186), в то время как на наиболее ранних Полумском I и II городищах она равна 31% и 78,4% соответственно (В.А. Семенов, 1967, с. 287–289).

По общему облику материальной культуры: характеру памятников, их размещению группами, топографическим особенностям, погребальному обряду, украшениям, бытовыми предметам, керамике – полумские памятники наиболее близки зюздинскому варианту ломоватовской культуры (Р.Д. Голдина, В.А. Кананин, 1989). Поскольку основные передвижения в это время в условиях глухих лесов и болотистых междуречий осуществлялись по руслам рек, небезынтересно отметить, что исток р. Камы находится в 3 км от верховий р. Юс, притока р. Лып, одного из левых притоков р. Чепцы. Именно на р. Юс известно одно из самых северных полумских городищ – Староунтемское. К сожалению, окрестности этого памятника должным образом не исследованы, и, вероятно, со временем здесь, как и в самых верховьях р. Камы, будет открыта еще одна локальная группа, связывающая зюздинский куст с основной территорией полумской культуры. Вероятно, ломоватовское население, заселив верховья р. Камы и постепенно спустившись по р. Каме к югу, нашло благодатный район – правобережье р. Чепцы, где основало один из локальных вариантов.

Связь полумского населения с ломоватовским подтверждается и антропологическими материалами. М.С. Акимова выделила среди полумских серий два типа, один из которых из Полумского могильника – мезокранный и широколицый – обнаруживает сходство с черепами из Деменковского могильника ломоватовской культуры (1968, с. 51). Второй тип, по М.С. Акимовой, представленный черепами из могильника Мыдланьшай – долихокранный и узколицый, – близок населению, оставившему азелинские могильники (там

же, с. 51–52). К. Марк также обращает внимание на двукомпонентность полемского населения. По ее данным, в мыдланьшайских черепаках, сходных с пьяноборско-азелинскими, особенности южных европеоидов выражены более отчетливо при весьма слабой монголоидной примеси (К.Ю. Марк, 1987, с. 46).

Наличие «угро-самодийского» компонента в полемской культуре, к проявлениям которого В.Ф. Генинг относил решетчатый орнамент на глиняной посуде и костяные лопаточки, сейчас представляется бездоказательным. К настоящему времени довольно хорошо известны угорские и самодийские древности как предшествующего, так и изучаемого времени (Финно-угры и балты в эпоху средневековья..., с. 163–235) и керамика ни одной из сибирских культур не имеет ничего общего с глиняной посудой полемской культуры. Они отличаются по всем признакам: форме, примесям, технике выделки, орнаментации. Керамика полемской культуры по этим же показателям имеет прикамское происхождение и надежную привязку как к предшествующим, так и последующим комплексам. Полемские мастера, имея столь богатые традиции в оформлении разнообразных вещей, в том числе и керамики, могли прийти к подобному решению, лишь несколько усложнив хорошо известный и применяемый уже тысячелетиями гребенчатый штамп. Да и штампы полемской культуры не так уж и сложны. Как правило, в полемской культуре использовали лишь два варианта штампа: треугольник и квадрат. Уже при украшении посуды эпохи бронзы в Прикамье мастера добивались эффекта заштрихованных треугольников (рис. 68–3, 5; 72–3, 5, 9; 73–16; 75–15), квадратов (рис. 73–15), ромбов (рис. 68–3, 9; 70–3; 74–13, 19) с помощью многократных оттисков гребенчатого штампа или прочерчивания. С упрощением орнаментации глиняной посуды решетчатый орнамент сохранялся на многочисленных бронзовых украшениях (рис. 114–11, 19; 116–12, 19; 128–6).

Первые попытки формирования решетчатого узора полемского типа хорошо просматриваются на одном из фрагментов средневековой керамики (Р.Д. Голдина, В.А. Кананин, 1989, рис. 38–12), найденном на Русиновском II селище, датируемом V–VI вв. и расположенном в Афанасьевском районе Кировской области. Здесь мастер, выполняя узор – заштрихованный ромб, по сути, уже нашел вариант, хорошо известный нам по полемской посуде, – ромб в технике решетчатого штампа, но сделал это с помощью обычного гребенчатого. Аналогичная попытка – изобразить ромб с помощью гребенчатого штампа – видна и на посуде с Аверинского II могильника (там же, рис. 42–6, 15). Дальнейший анализ этого явления предоставит, вероятно, новые факты. Для нас же важно, что попытки получить изображение ромба с помощью штампа имели место в Прикамье и в непосредственной близости от полемской культуры – в зюдинском крае и, вероятно, гончары, открыв для себя этот прием, сделали его очень популярным среди своих соплеменников, превратив в своего рода «визитную карточку» полемского населения.

Что же касается костяных и деревянных ложечек, которые В.Ф. Генинг считал атрибутом «угорско-самодийской» культуры, то вряд ли их появление связано с каким-то импульсом извне. Ведь прикамские костерезы еще в ананьинское время прекрасно владели техникой обработки кости, и несколько иные варианты лопаточек (рис. 91–13, 14) были известны в Прикамье еще в I тыс. до н. э. Видимо, потребность в этих предметах, связанная с общим прогрессом культуры быта, привела к широкому их распространению и производству не только в кости и дереве, но и бронзе. Учитывая местное происхождение как костяных лопаточек, так и фигурных штампов для украшения глиняной посуды, очевидно, на археологических материалах нет никаких оснований говорить об «угорско-самодийском» компоненте в полемской культуре.

Что касается попыток лингвистов найти следы обских угров в названиях удмуртских родов, то к ним также необходимо подходить с некоторой осторожностью. В частности, вслед за Т.И. Тепляшиной (1967, с. 3) М.Г. Атаманов видит истоки названий родов Эгра, Пурга, Можга в наименованиях фратрий обских угров «пор» и «мось» и в общем названии их «югра» (1988, с. 33, 36–37, 43–44). На фоне общего этимологического списка удмуртских родов, где явно видна привязка к местной фауне, этнически ориентированные названия кажутся нелогичными. Кроме того, род Пурга является самым многочисленным в Удмуртии – он представлен в 171 населенном пункте. Достаточно большими были и другие роды этой серии: Эгра – 56 деревень, Можга – 46. Трудно представить, чтобы столь крупные группы угорского происхождения, да еще и недавнего времени не оставили бы ощутимых следов в языке. Картографирование же расселения рода Пурга (М.Г. Атаманов, 1982, с. 100) и топонимов с апеллятивом «пор» (М.Г. Атаманов, 1997, с. 44) отчетливо показывает, что первые тяготеют к левобережью верховий р. Чепцы, а вторые – к ее среднему течению, западным границам Удмуртской Республики, а отнюдь не к территории полемской культуры. В местах же обитания рода Можга – верховья и среднее течение р. Валы (М.Г. Атаманов, 1982, с. 95) – топонимы угорского происхождения либо отсутствуют, либо единичны (он же, 1997, с. 44).

В целом же, как признает и сам М.Г. Атаманов, самодийские и угорские топонимы не образуют сколько-нибудь значительного пласта, а представляют редкие вкрапления в общую массу удмуртских названий (1988, с. 97). Да и эти единичные названия, связываемые М.Г. Атамановым с уграми и самодийцами (1988, с. 93–97), достаточно спорны. Например, название р. Лумпунь, этимологизируемое М.Г. Атамановым из селькупского, по мнению В.В. Напольских, имеет прапермское происхождение и переводится как *южский конец реки* (устное сообщение).

Таким образом, полемская культура представляла собой достаточно сложное образование, основу которого составляло автохтонное пермское население: преимущественно ломоватовское (коми-пермяцкое) и еманаевское (удмуртское).

В результате прогресса в производстве материальных благ население верхнего и среднего течения р. Чепцы перешло на новую ступень исторического развития, названную в археологии чепецкой культурой. Некоторые исследователи считают, что поскольку резких изменений в материальной культуре не наблюдается, то можно, не разделяя, относить полемскую и чепецкую культуры к одной – полемско-чепецкой (А.Г. Иванов, 1991, с. 84). Несмотря на преемственность памятников полемской и чепецкой культур, разграничение их имеет смысл, так как X в. – рубеж новых качественных преобразований в прикамском обществе, связанных как с прогрессом пермского общества, так и с влиянием внешних факторов – вновь созданного тюркоязычного Булгарского государства и набирающего силу Русского государства.

К настоящему времени в бассейне Чепцы известно более 120 памятников X–XIII вв.: 13 городищ, более 30 селищ, более 30 могильников, клады и случайные находки (М.Г. Иванова, 1979б, с. 115–149). Границы чепецкой культуры по сравнению с позднеполемским временем существенно не изменились, пожалуй, лишь увеличилась плотность заселения среднего Причепечья. Продолжали использоваться городища, возникшие в полемское время. Из них лучше всего изучено городище Иднакар возле г. Глазова (рис. 176) (М.Г. Иванова, 1985, с. 3–36; 1988; 1995, с. 4–55 и др.). Как показали многолетние раскопки, проведенные под руководством М.Г. Ивановой, первоначальная площадь, ограниченная валом и рвом, равнялась 10 тыс. кв. м, но уже в X в. она была расширена до 20 тыс. кв. м. В XI в. жители поселка возвели третью линию укреплений на расстоянии 130 м от второго вала. В это же время внутренний вал,

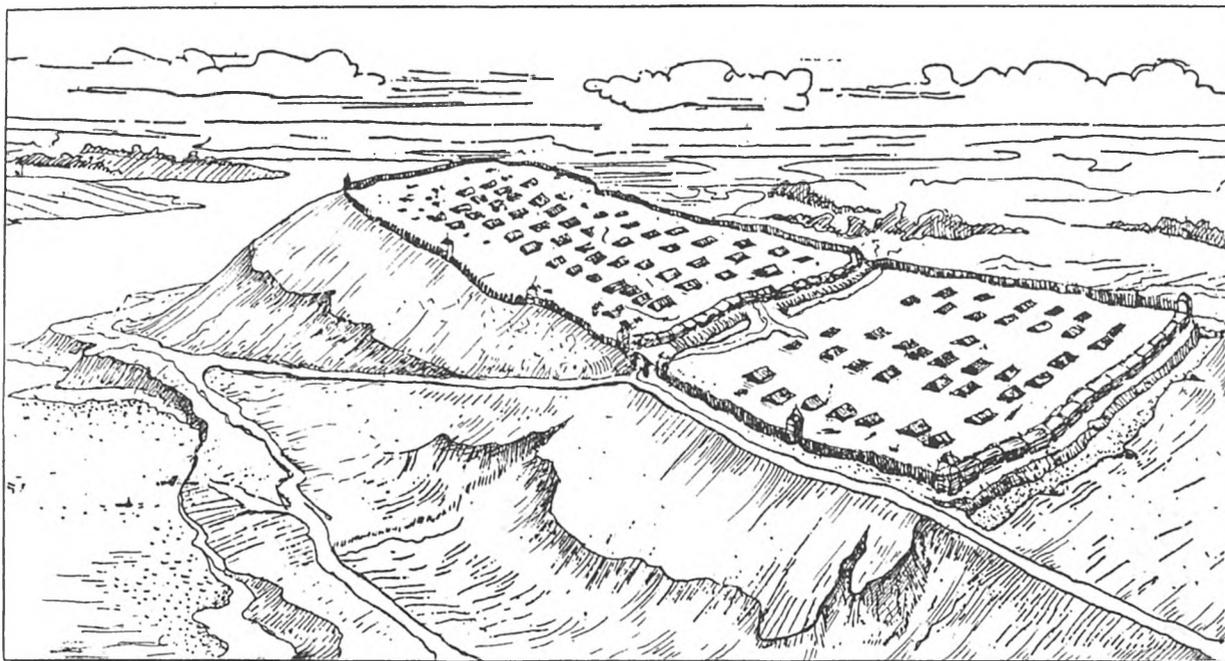

Рис. 180. Реконструкция городища Иднакар (по М.Г. Ивановой, Н.А. Быкову)

потерявший свое значение, был снесен, а площадь укрепленной части достигла 40 тыс. кв. м (рис. 180). Ширина валов – 14–19 м, их высота – около 10 м, ширина рвов достигала 10,5 м. Края площадки были огорожены частоколом. На площадке располагались жилые постройки шестью рядами параллельными склонам, вдоль склонов – хозяйственные и производственные сооружения. Городище Иднакар представляло собой административный, ремесленный и торговый центр чепецкой культуры.

Вокруг крупных городищ группировались селища на высоких террасах или их южных склонах. Большинство из них были распаханы и культурные слои сохранились плохо. По наблюдениям А.Г. Иванова, при устройстве селищ учитывались многие факторы: близость к воде, лугам, удобным для выпаса скота, к участкам, пригодным для вырубki леса и последующего использования для земледелия, соседство с укрепленными городками, защищающими в случае опасности, и т. д. (1995, с. 115–118). Селища изучены недостаточно.

Жилища, раскопанные на городище Иднакар, имели площадь 20–64 кв. м, центральная часть их была выстлана слоем глины, вокруг которой были положены доски. Нарылежанки шириной 1,8–2,0 м занимали почти половину всей площади (М.Г. Иванова, 1996, с. 18). Жилища отапливались одним или двумя очагами на глиняной подушке с каменным основанием. Для хранения запасов пищи служила яма-погреб возле очага или под одной из стен. На городище Дондыкар А.П. Смирновым изучены небольшие срубные дома площадью 25 кв. м с дощатым полом и открытым очагом на глиняной подушке (1952, с. 233).

Погребальные памятники (М.Г. Иванова, 1992; 1996, с. 13–14, 16–18) делятся на две группы. К ранней (X–XI вв.), расположенной в основном по правобережью р. Чепцы, отнесены поздняя часть Варнинского (В.А. Семенов, 1980), Омутницкий (В.А. Семенов, 1985, с. 92–118), Весьякарский (В.Ф. Генинг, 1979, с. 87–106), Подборновский (М.Г. Иванова, Н.И. Шутова, 1982, с. 77–84) и другие

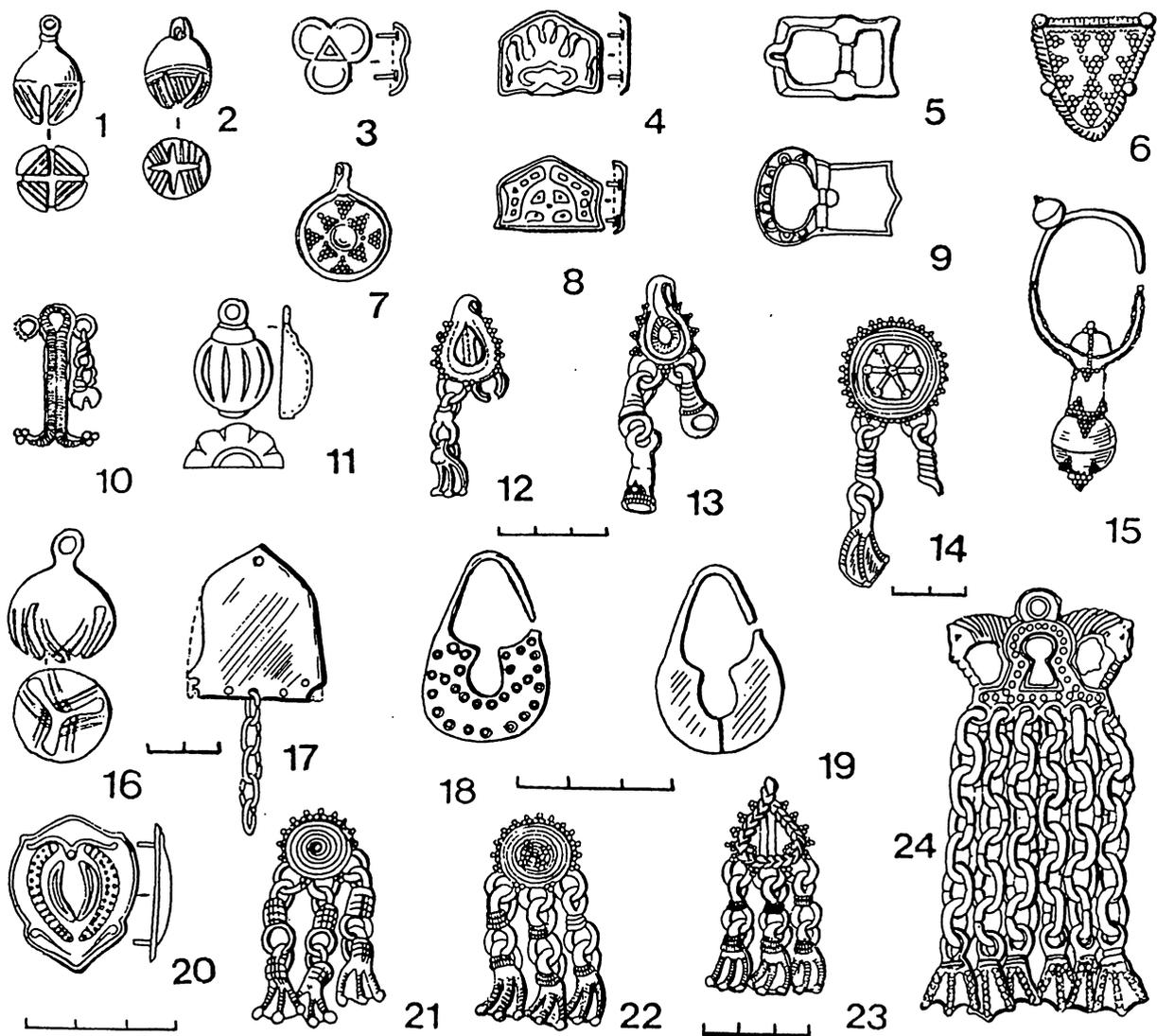

Рис. 181. Материалы Омутницкого могильника (по В.А. Семенову).

1, 2, 11 – подвески-бубенчики; 3, 4, 6, 8, 20 – накладки; 5, 9 – пряжки; 7, 10, 12–14, 16, 17, 21–24 – подвески; 15, 18, 19 – височные подвески. 1–14, 16, 17, 20–24 – бронза; 15, 18, 19 – серебро

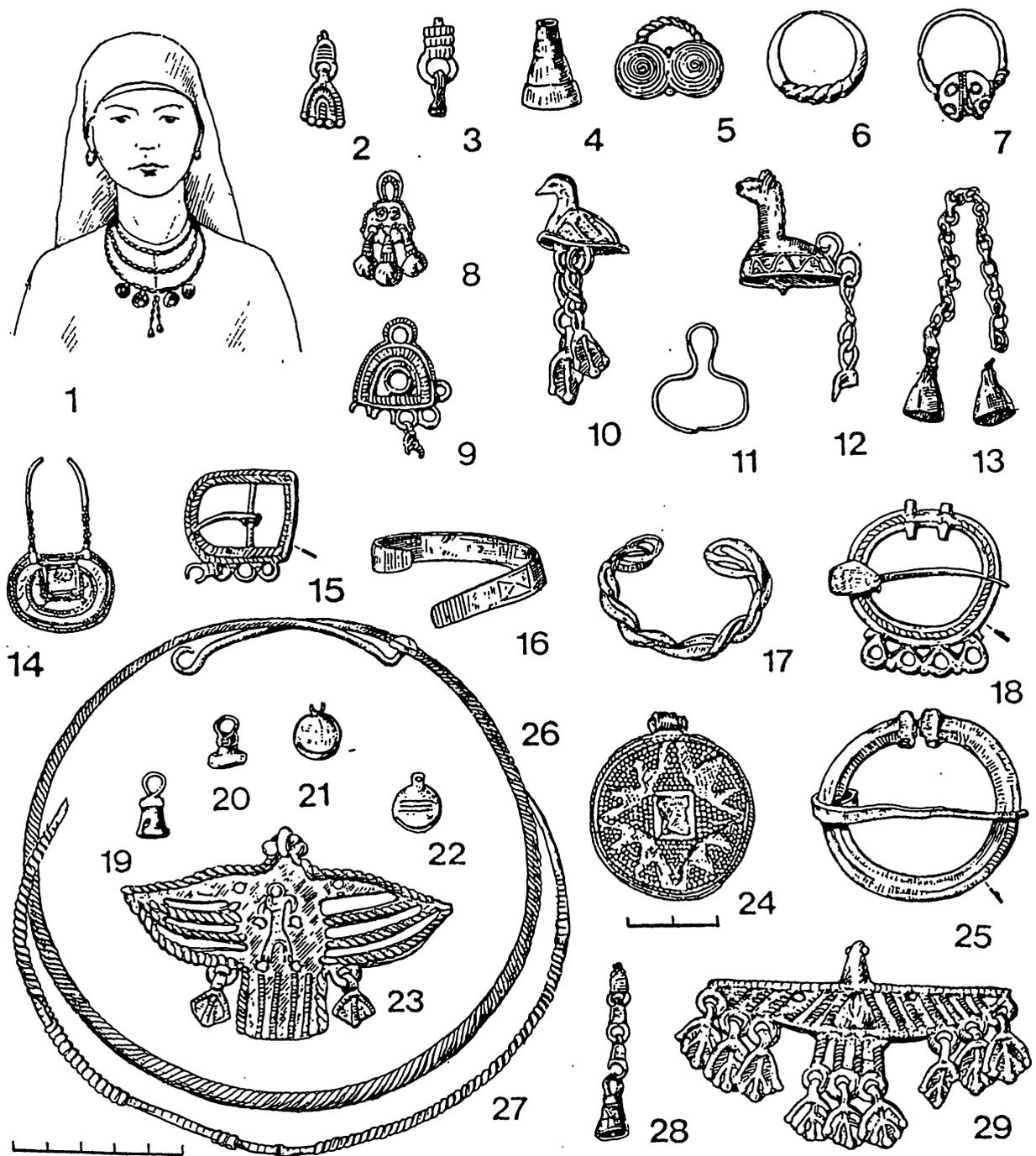

Рис. 182. Материалы Кузьминского и Чемшай могильников (по М.Г. Ивановой), Варнинского могильника (26) (по В.А. Семенову).

1 – реконструкция женского костюма по остаткам погр. 91; 2, 3 – привески-лапки; 4 – пронизка; 5, 8–10, 12, 13, 23, 24, 29 – подвески; 6, 7, 11, 14 – височные подвески; 15 – пряжка; 16, 17 – браслеты; 18, 25 – фибулы; 19–22, 28 – привески-бубенчики; 26, 27 – гривны. 2–13, 15–23, 25–29 – бронза; 14, 24 – серебро, стекло

могильники. Их особенностью является ярко выраженная преемственность с полемскими: погребальный обряд со всеми его элементами, выявленный на этих памятниках, близок полемскому; глиняная посуда – круглодонные сосуды с решетчато-шнуровой орнаментацией – также продолжает полемскую линию. Да и в женских украшениях (рис. 181) видны элементы преемственности: близки полемским височные подвески с полыми привесками (рис. 181–15), многочисленны шумящие подвески – коньковые (рис. 181–24), с круглой (рис. 181–14, 21, 22) или треугольной (рис. 181–12, 13, 23) основой, треугольные накладки, украшенные зернью (рис. 181–6), и другие вещи.

Поздняя группа некрополей (XI–XIII вв.) включает в себя Кузьминский (М.Г. Иванова, 1992), Маловенижский (М.Г. Иванова, 1982б, с. 52–76), Чиргинский, Печешурский, Кушьянский (Г.Т. Кондратьева, 1964, с. 232–236; 1967а, с. 103–117), Кыпкинский (В.А. Семенов, 1979, с. 69–86), Большесазановский (он же, 1979а, с. 107–114) и другие памятники. Известны объекты смешанного типа (Весьякарский, Качкашурский и Солдырский) на некогда густонаселенной территории солдырской группы чепецких памятников. Основная же масса поздних могильников располагалась на левобережье или на малонаселенных правых притоках р. Чепцы. Чепецкую культуру по материалам могильника можно довольно четко разделить на две стадии: раннюю – X–XI вв. и позднюю – конец XI–XIII в.

Большой интерес представляет погребальный обряд поздней стадии. Могильники бескурганые, погребения образуют нечеткие, сильно разреженные ряды. Захоронения индивидуальные, совершены в простых по конструкции ямах с отвесными стенками и плоским дном. Редко встречались ямы неправильных форм, уступы и ниши в них. Размеры могил обычны для Прикамья, глубина 20–60 см. Детские захоронения единичны. Погребенных укладывали головой в северном направлении. Известны случаи покрытия дна моги-

лы берестой, лубом, тканью, мехом, встречались и фрагменты дощатых гробовищ. В засыпи почти всех могил отмечены углистые пятна, иногда даже обугленные поляны. В 16 захоронениях Кузьминского могильника кости умерших были обожжены. В двух случаях зафиксирован обряд трупосожжения, при котором в могилах, наряду с кальцинированными и сырыми костями, углем и золой, обнаружен обычный и обожженный инвентарь. При ингумации погребенных укладывали вытянуто на спине, руки – вдоль тела. Почти во всех могилах (96,3%) были вещи: в женских – обычно различные украшения, которые использовались при жизни (рис. 182), в мужских – орудия труда, предметы быта и вооружения (рис. 183). В могилах встречались и погребальные дары. Как и на вятских могильниках, они часто были завернуты в ткань или помещены в берестяной сосуд и поставлены в изголовье. Состав комплексов – украшения, бусы, пряслица и другие вещи (М.Г. Иванова, 1992, с. 18–19). Между могилами выявлены остатки поминальных тризн – кострища, глиняные сосуды. Кости животных, столь характерные для могильников X–XI вв., здесь не обнаружены.

Погребальный инвентарь (рис. 182, 183) несет на себе следы воздействия болгарского, славянского и финского мира. Однако имеются некоторые типы вещей, отражающие локальное своеобразие: различные подвески и привески к ним (рис. 182–2–4, 8, 9, 13, 19–22, 28), восьмеркообразные височные подвески (рис. 182–11), шумящие подвески-птицы с распростертыми крыльями (рис. 182–23, 29) и др.

Ранее учеными предполагалось довольно значительное воздействие на чепецкое население болгарской культуры. Однако исследования М.Г. Ивановой показали, что это не совсем так. Булгарской керамики на чепецких городищах совсем немного: на Гурьякаре – 1,75%, Иднакаре – 1,62%. Здесь не найдены монеты болгарского чекана, многие типы украшений, считавшиеся ранее болгар-

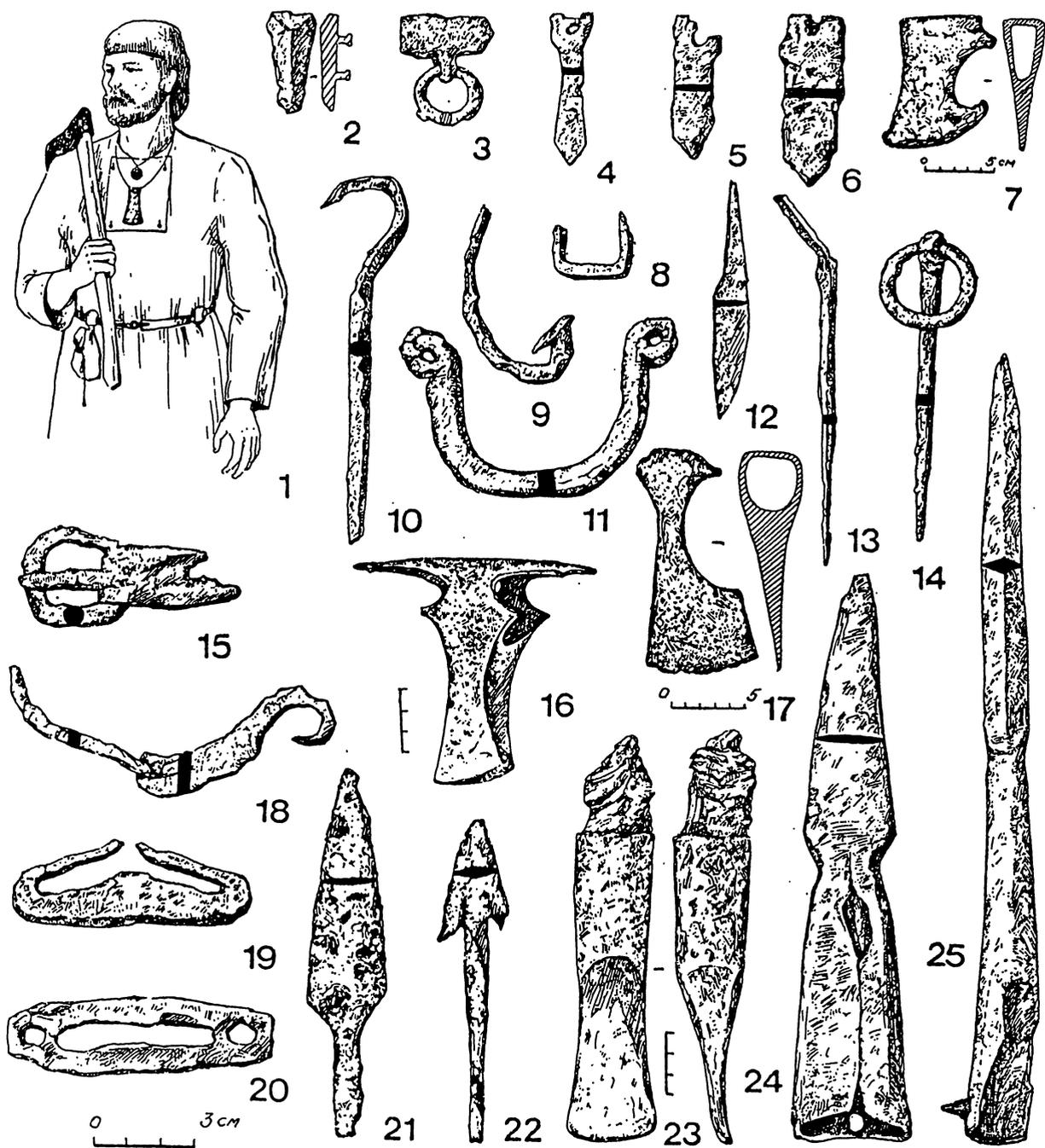

Рис. 183. Материалы Кузьминского могильника (по М.Г. Ивановой).

1 – реконструкция мужского костюма по остаткам погр. 5; 2–6 – накладки; 7, 17 – топоры; 8 – струг; 9 – рыболовный крючок; 10 – лоискарь; 11 – поясная скоба; 12, 13 – ножи; 14 – булава; 15 – пряжка; 16 – тесло; 18 – застёжка; 19, 20 – кресала; 21, 22 – наконечники стрел; 23 – топор-кельт; 24, 25 – наконечники копий. 2–25 – железо

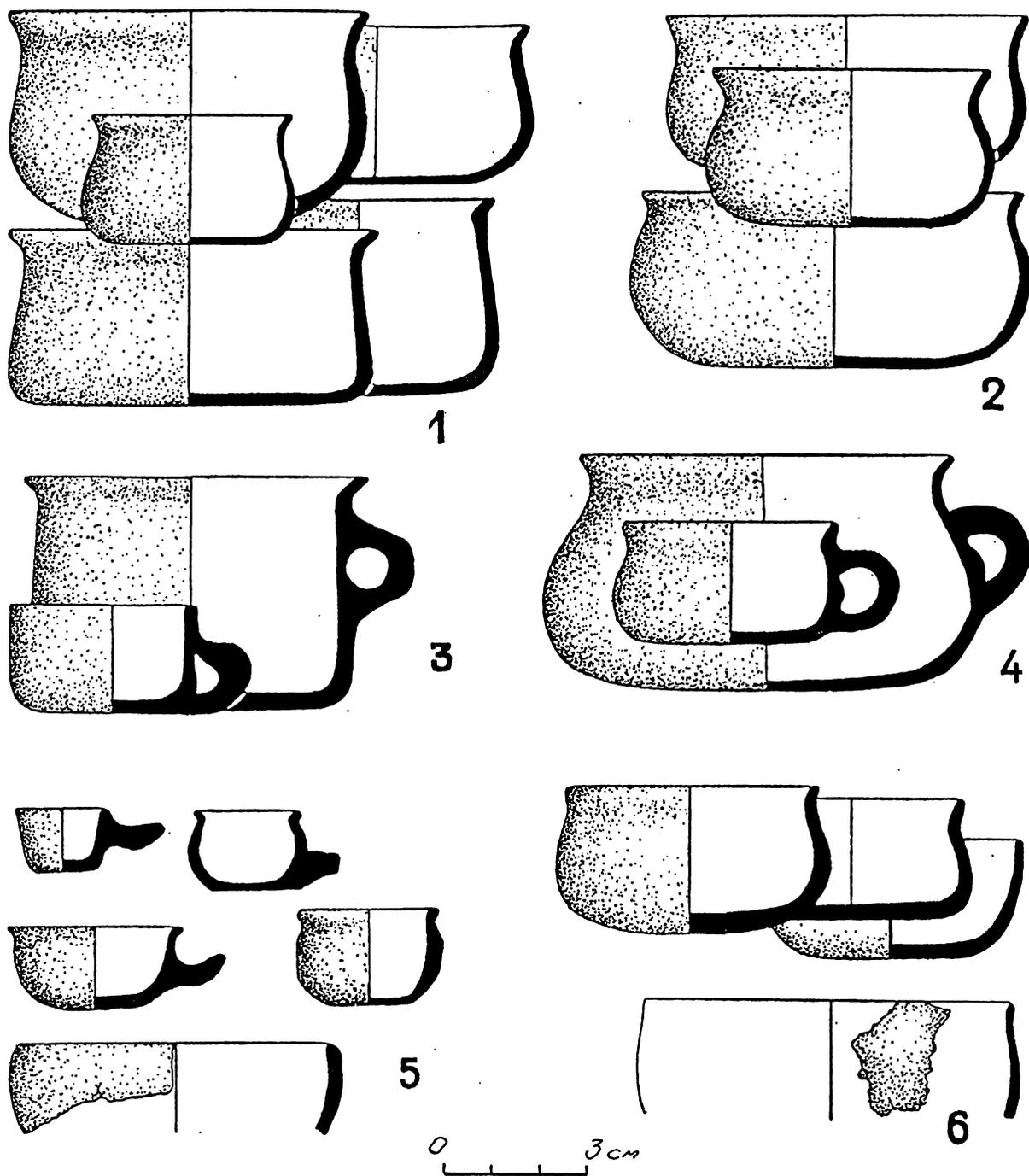

Рис. 184. Глиняная посуда могильника чепецкой культуры. Кузьминский могильник (XI–XIII вв.)
(по М.Г. Ивановой)

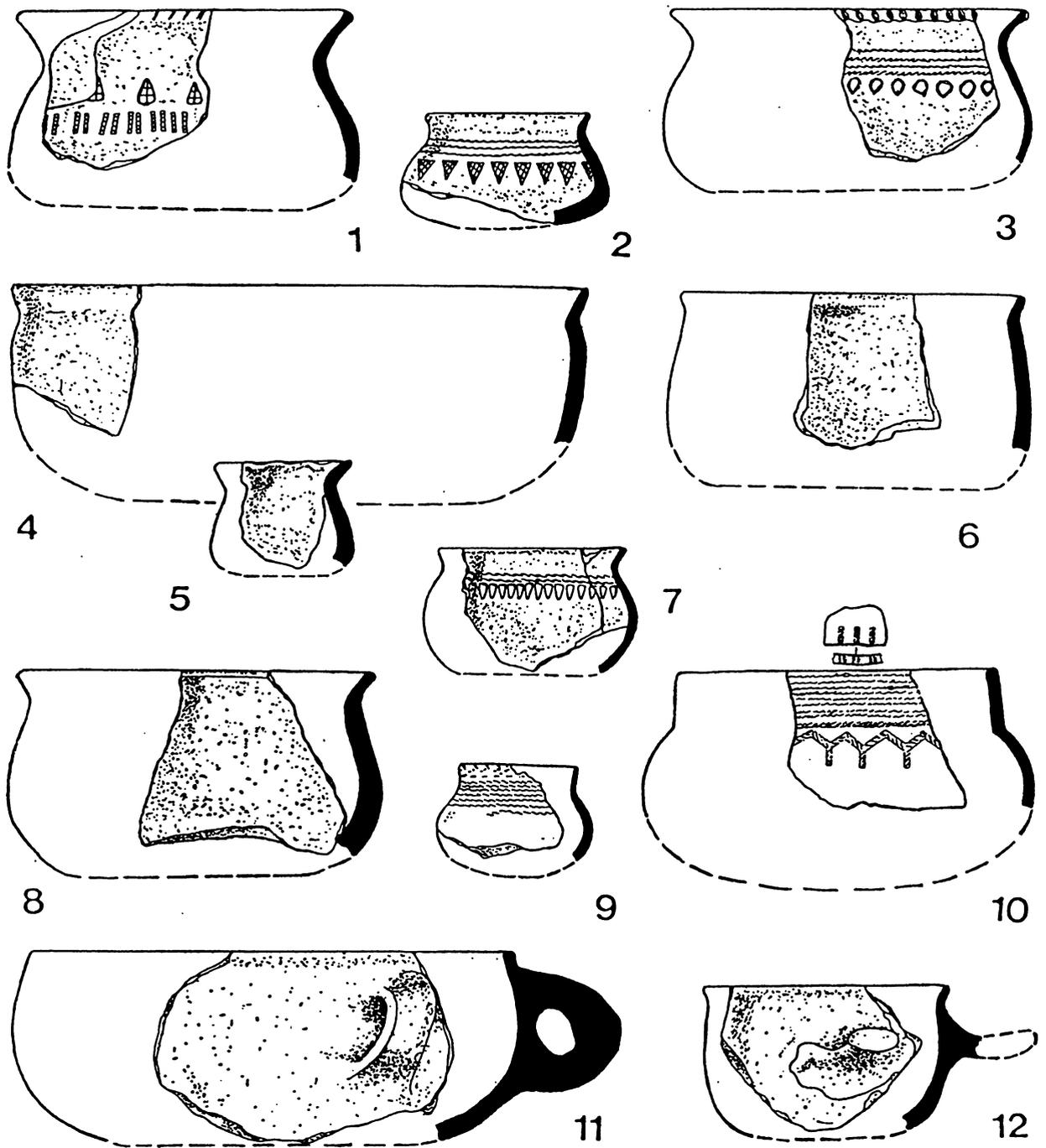

Рис. 185. Глиняная посуда чепецкой культуры. Городище Иднакар (по М.Г. Ивановой)

скими, производились на чепецких поселениях (М.Г. Иванова, 1990, с. 47–48).

С XI в. ощущаются следы контактов с Западной Европой. На могильнике Вельякарский бигершай найдены английский пенни короля Кнута (1015–1036 гг.) и саксонский денарий Ордульфа или Отто (1059–1071 гг.). На могильнике Чемшай также обнаружена германская монета XI–XII вв. плохой сохранности (М.Г. Иванова, 1990, с. 48).

В X–XI вв. на памятниках чепецкой культуры отмечены первые вещи славянского производства: футляры складных расчесок (рис. 170–22), двусторонние роговые гребни, овручские пряслица из розового шифера. Свидетельством контактов с древнерусским населением является и костяной гребень с Иднакара (рис. 170–4) с процарапанным знаком киевской династии Рюриковичей, скопированный, вероятно, здесь же с русского оригинала, а также еще один рисунок на другом гребне – знак в виде сложного креста, аналогичный клеймам на днищах глиняных сосудов из Смоленска и Орла-городка (А.О. Амелькин, 1987, с. 107–113).

В XII в. число предметов древнерусского производства увеличивается: бронзовые рубчатые перстни, кресты-тельники с выемчатой эмалью, крестовидные и некоторые зооморфные (рис. 170–7) подвески, плетеные браслеты, кресала, замки и ключи (рис. 170–28), ножи, некоторые орудия труда и оружие. Беспорным признаком проживания русских людей на Средней Чепце, как считает Л.Д. Макаров, являются обнаруженные на Иднакаре фрагменты горшков славянского облика с волнистым орнаментом, хотя и с несвойственными славянскому гончарству примесями – толченой раковины и навозом. В производстве изделий из черного металла отчетливо проявляется влияние новгородской металлообрабатывающей школы. Таким образом, на протяжении существования чепецкой культуры русское влияние все более нарастает.

Глиняная посуда могильников XI–XIII вв. существенно отличается от раннечепецкой

керамики. Она толстостенна, еще более приземиста (рис. 184), максимально расширена в придонной части. Довольно многочисленны сосуды с прямыми стенками и уплощенным дном, некоторые из них имеют ручки, глиняное тесто с примесью песка и мелко толченой раковины или без примесей, отсутствует орнамент. Как считает М.Г. Иванова, посуда такого типа появилась в бассейне Чепцы в XI в. в результате притока нового населения с трудно определяемыми истоками (1992, с. 71). Смена керамических комплексов в XI в. зафиксирована ею и на городище Иднакар (1992, с. 70), где слои X–XI вв. содержали еще керамику, орнаментированную в полемской традиции (рис. 185–1–3, 7, 9, 10), а в слоях XI–XIII вв. встречалась неорнаментированная посуда, иногда с ручками (рис. 185–4–6, 8, 11, 12).

Подобная керамика собрана на памятниках X–XIII вв. кочергинской культуры в бассейне р. Вятки: на поселениях Ботыли IV, Искра, Ошланском и Еманаевском городищах, Кочергинском могильнике (рис. 162) и в других местах. Поскольку эти памятники оставлены предками удмуртского народа, логично предположить, что появление такой керамики на р. Чепце отражает одну из волн проникновения вятских удмуртов в бассейн Чепцы, начавшуюся в результате появления на р. Вятке марийского и русского населения. Размещение пришлого компонента сначала на периферии полемско-чепецкого населения (Кузьминский бигершай, Кыпкинский, Маловенижский, Кушбинский II, Большесазановский и др.) также указывает на инородность этого населения по отношению к полемско-раннечепецкому. Сравнительно быстрое внедрение пришельцев в местную среду подтверждает наличие смешанных могильников (Вельякарский, Солдырский, Качкашурский), что свидетельствует, вероятно, об их этнической близости.

В XIII в. большинство чепецких памятников прекратило свое существование. Возможно, это связано с драматическими собы-

тиями, охватившими всю Восточную Европу, – нашествием монголов. Было взято штурмом и городище Иднакар. На городище собраны 503 костяных, 212 железных наконечника стрел, из них 87 наконечников XIII в. кочевнического типа. Чепецкие памятники почти не содержат достоверных материалов после XIII в. Сохранившаяся часть населения чепецкой культуры, скорее всего, вернулась на свою прежнюю родину – Верхокамье – зюздинский край пермской земли, где в XIII в. появились сходные с чепецкими памятники. Их сходство подтверждают аналогичный обряд погребения и керамика (Аверинский I могильник) (Р.Д. Голдина, В.А. Кананин, 1989, с. 38–40). Однако вполне вероятно, что отдельные группы чепецкого населения, изменив характер расселения и основав небольшие заимки в более отдаленных от р. Чепцы местах, сохранились на этой территории и позже, в XVI–XVII вв., участвовали в сложении причепецких удмуртов.

Возможно, именно с этими оставшимися группами связано присутствие в среднем течении р. Чепцы одной из групп удмуртского племени Калмез. Удмуртские предания говорят о том, что они некогда жили там и, как сообщает В.Е. Владыкин, оставили свою топонимику (Бадзым шур) (1970, с. 42). Наблюдения М.Г. Атаманова также рисуют картину локализации удмуртов-калмезов рода Тукля на левобережье р. Чепцы. После столкновения с Ватка часть рода Тукля ушла в район рр. Кильмези, Валы и Увы. Сохранившаяся часть рода на Чепце донесла легенды о конфликтах с Ватка из-за мест поселений.

М.Г. Иванова видит прямую связь между поломско-чепецкими памятниками и исторически известными северными удмуртами, считая именно причепецкие районы своеобразным ядром формирующейся этнической общности удмуртов (1996, с. 43). Накопленные к настоящему времени материалы не позволяют столь упрощенно трактовать генезис культуры северных удмуртов. В частности, обращает на себя внимание хронологический

разрыв между многочисленными памятниками чепецкой культуры (XIII в.) и исторически засвидетельствованным присутствием удмуртов на р. Чепце. Согласно переписи 1615 г., в среднем и нижнем течении р. Чепцы зафиксировано 6 удмуртских погостов, 11 деревень с полудеревней, 4 починка и 1 займище (Удмурты в XV–XVII вв., с. 205). Последующие переписи 1646 и 1678 гг. показывают увеличение численности населения за 63 года, количество деревень возросло в 4,5 раза, а крестьянских дворов в них – более чем в 7 раз. Эти данные убедительно говорят о том, что процесс освоения р. Чепцы удмуртами активно протекал в XVII в. и в более позднее время. Документы наглядно демонстрируют процесс переселения удмуртов из Слободского уезда в Каринскую и Верхочепецкую волости (Удмурты в XV–XVII вв., с. 205; М.Г. Атаманов, 1982, с. 117–118). Исходной территорией их было среднее и верхнее течение р. Вятки (бывш. Вятский, Слободской, Котельничский, Орловский, Шестаковский уезды) (М.Г. Атаманов, 1982, с. 109, 117). Анализ топонимов этого региона явственно указывает на присутствие здесь многочисленного удмуртского населения (М.Г. Атаманов, 1983, с. 115–125). В народных преданиях многократно зафиксированы факты переселения с Вятки на Чепцу представителей родов Бигра, Дурга, Кушья, Лекма, Писка, Побья, Сянья, Сюра, Чабья, Чола, Чипья. Само название этнической группы Ватка, возникнув, возможно, на р. Вятке, особенно укрепилось и распространилось у северных удмуртов, как противопоставление остальным, именно в процессе расселения их на Чепце: мы – Ватка, мы – с Вятки.

Одним из основных аргументов для соотнесения памятников чепецкой культуры с северными удмуртами являются фольклорные данные – легенды, героические предания о батырах дондинского круга, записанных в конце прошлого столетия Н.Г. Первухиным (1896, 1898). В них повествуется о том, что в далекие времена пришел на гору Солдырь бо-

гатырь Донды со своими сыновьями Идна и Гурья. Позже здесь у него родились сыновья Весья и Зуй. В бассейне р. Чепцы действительно есть деревни, в названиях которых сохранились имена богатырей: Дондыкар, Весьякар, Гурьякар, Зуйкар и др. Возле этих деревень располагаются археологические памятники – городища, которые местное население связывает с именами богатырей. Однако общеизвестным является факт, что при освоении новой территории пришлое население старается закрепить право на ее владение разными способами, в том числе и топонимической и эпической традицией, давая выдающимся местам рельефа свои названия и увязывая их со своими преданиями. Об этом свидетельствуют, прежде всего, названия населенных пунктов и рек на р. Чепце явно вятского происхождения: Балезинское, Бердыши, Пудем, Лужан, Лекма, Парзи, Бачурино, Чурино, Падера и др. (М.Г. Атаманов, 1982, с. 118). Видимо, некоторая метаморфоза произошла и с археологическими памятниками Чепцы. Поскольку они занимают выдающиеся объекты в рельефе местности, то во время освоения новой родины удмурты Ватка дали им свои названия и связали со своими эпическими героями. Подобные факты хорошо известны. При освоении тюркоязычным населением бассейна р. Белой многие археологические памятники предшествующей поры получили тюркские названия. Например, Старо-Нагаевское городище ананьинского времени было названо Тра-тау, Юлдашевское – Петер-тау, Юлдузское – Кала-тау и т. д. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в Пермском Прикамье, где ананьинские городища бассейна р. Мулянки получили тюркские названия: Алтен-Тау, Аджиль-Тау и др. Многие археологические памятники Прикамья русское население связывает с событиями российской истории, предполагая, что это крепости Е. Пугачева и его соратников. Ситуация с топонимами на р. Чепце также свидетельствует о ненадежности прямого сопоставления археологических памятников и

топонимов. В частности, именно в этом крае хорошо известны могильники, называемые местными жителями «бигершай» (татарские могильники) у д. Кузьмино, Тымпал, Тум, Жаба, Солдырь, Адам, Весьякар, Ягошур и др. (М.Г. Атаманов, 1985, с. 156; М.Г. Иванова, 1992, рис. 1). Однако произведенные раскопки этих памятников показали, что они ни по погребальному обряду, ни по инвентарю не отличаются от полемско-чепецких могильников (В.Ф. Генинг, 1979, с. 87–106; М.Г. Иванова, 1989, с. 11). И это еще раз показывает, что во многих случаях прямая связь между археологическими памятниками и устным народным творчеством может отсутствовать. Вряд ли можно говорить о преемственности населения городищ и близлежащих деревень (М.Г. Иванова, 1987а, с. 81). Ведь даже для Иднакарского комплекса есть факты, заставляющие сомневаться в прямом сопоставлении жителей д. Солдырь и Иднакара. Дело в том, что население д. Солдырь прямо на городище Иднакар хоронило своих умерших. Но, как известно из археологической и этнографической литературы, места могильников и поселений почти никогда не совпадают – тому много причин морального, психологического и гигиенического характера. Вряд ли выходцы с Иднакара стали хоронить своих сородичей на месте старого поселения. Скорее всего, это могли сделать люди, не имеющие местных истоков.

Обращает на себя внимание и несколько модернизированная характеристика богатырей дондинского цикла (Донды занимался, наряду с земледелием, промышленностью и торговлей), определенная противоречивость, касающаяся социального статуса богатырей и их быта (Идна – князь жил с женой в простой куале и каждый день ходил на охоту). Все эти обстоятельства заставляют полагать, что предания, связанные с богатырями дондинского круга, возникли во время освоения этого края удмуртами Ватка едва ли ранее XVII в.

Смешанный характер удмуртского этноса в районе р. Чепцы и ее относительно бо-

лее позднее заселение удмуртами, по сравнению с другими районами Удмуртии, подтверждаются и отсутствием здесь крупных родовых территорий и родовых центров (выл). Здесь редкие деревни носят воршудное имя, трудно отыскать пункт, где проживала бы одна воршудно-родовая группа (М.Г. Атаманов, 1982, с. 84–85). В то же время именно этот район стал относительно спокойным для последующего развития удмуртского этноса, так как он был далек от крупных водных артерий, по которым в условиях бездорожья в основном шло перемещение населения в эпоху средневековья. О стабильности ситуации после XVII в. свидетельствует то обстоятельство, что из 50 обитавших здесь родов лишь 8 стали источником последующих переселений.

Возможно, в состав северных удмуртов вошли и какие-то коми-пермяцкие группы, о чем свидетельствуют названия родов Чудна и Чудьза. Чудна – североудмуртский род, локализующийся в верхнем и среднем течении р. Чепцы. Род Чудьза расселен более широко, но древними центрами считают Понинскую волость Глазовского уезда (правобережье Средней Чепцы) и Рыбноватажскую волость (бассейн р. Лобань) (М.Г. Атаманов, 1980, с. 30). Как предполагает С.К. Белых, в период с конца XIV по начало XVI в. часть северных пермян – предков коми, сопротивлявшаяся крещению, восприняла от русских само название – чудь и переселилась на р. Чепцу, где, вступив во взаимодействие с северными удмуртами, вошла в состав консолидирующейся удмуртской народности в виде воршудно-родовых объединений Чудьза и Чудна (С.К. Белых, 1996а, с. 51).

Своеобразие северных удмуртов хорошо проявляется и по данным антропологии. Так, К.Ю. Марк считала, что для северных удмуртов (Кез, Дебесы, Балезино) характерны более светлые волосы, чем у других групп удмуртов (1987, с. 39). По наблюдениям Г.М. Давыдовой, именно в северных группах удмуртов: кезской, дебесской и игринской – выявлена древнеуральская антропологическая раса, со-

четающая европеоидные признаки, светлую окраску волос и глаз с монголоидными – уплощенность лица, узкий разрез глаз, большой наклон осей глаз, повышенная частота эпикантуса. Однако удмуртский вариант уральской расы отличается от других финно-угорских народов специфическими признаками строения носового отдела: более высоким переносьем, отсутствием понижения поперечного профиля спинки носа, а также более четко выраженными монголоидными особенностями строения глаз (Г.М. Давыдова, 1989, с. 124, 128; 1989а, с. 115).

Этнографические материалы, собранные и обобщенные В.Н. Белицер, С.Н. Виноградовым, С.Х. Лебедевой и М.Г. Атамановым, также хорошо демонстрируют особенности северного костюмного комплекса, как верхнечепецкого, так и нижнечепецкого. Традиционная женская рубаша изготовлена обычно из белой льняной, домашнего производства ткани, сшита по типу туники, с прямыми рукавами, без воротника, с овальным отверстием для головы, богато украшена вышивкой по рукавам. Рубашу носили в паре с распашным кафтаном (шортдэрем), также туникообразного покроя, с короткими ложными рукавами, с продольным разрезом на плече. В этой прорези был виден нарядно вышитый рукав рубашки. Кафтан имел прямоугольный отложной воротник. Для женского костюма была характерна комплектность, определенному типу кафтана соответствовал особый вариант рубашки. До замужества девушка готовила себе до 40 пар костюмов. Каждой паре женской одежды соответствовал свой вариант вышитого нагрудника (кабачи), представлявшего собой прямоугольник из ткани размером 0,2×0,4 м, сплошь расшитый шелковыми или шерстяными нитями. Он одевался на грудь, закрывая разрез ворота рубашки. У унинско-слободских удмуртов сохранились многочисленные названия узоров, в других группах уже утраченные. Большая часть их, как и названия родов, связана с названиями птиц или частей их тела (утка, ястреб, ути-

ное крыло, голубиный глаз, лебединое яйцо, воробьиный след и т. д.), а также с растительным миром (ель, макушка ели).

В вышивке северных удмуртов также проявились особые черты – очень тонкая техника шитья «счетная гладь», «косая стежка», «набор», разнообразные варианты шва «роспись», четко выраженный геометрический орнамент и преобладание терракотово-красной гаммы рисунка (Н.С. Королева, 1979, с. 28–34).

Молодые девушки на голове носили круглую шапочку – такью, расшитую монетами и бляшками, имевшую у нижнечепецких удмуртов множество вариантов, замужние женщины – головное вышитое полотенце, украшенное кисточками из лоскутков материи. В качестве украшений использовались бусы, ожерелья из бус и монет, черезплечные украшения из монет (С.Х. Лебедева, М.Г. Атаманов, 1987, с. 123–137).

По мнению В.Н. Белицер, народная одежда северных удмуртов наиболее полно отражает этнические особенности этого народа и несет на себе влияние соседних народов – мордвы, чувашей и особенно марийцев. Отдельные элементы (головные уборы, рубашка) были распространены также у некоторых южных групп коми-пермяков и коми-зырян (В.Н. Белицер, 1951, с. 80–81).

Своеобразие материальной культуры северных удмуртов проявилось и в домостроении, и в оформлении интерьера жилищ. Теплое жилище (корка) довольно четко делилось на зоны: печь, передний, как правило, левый угол со столом и лавками, у боковой стены кровать или нары. Глинобитная печь русского типа была поставлена, как правило, устьем к фасадной стене и дополнялась очагом на шестке с подвесным котлом. Почти треть избы в задней ее части занимали полати. Вдоль стен располагались широкие толстые лавки, как бы опоясывающие жилище. Лавки и пол застилали паласами. Над окнами вдоль стен крепились полки. Пространство перед печью было отделено от остальной части избы большим занавесом. Как и в рус-

ском жилище, в североудмуртском декоративно-смысловым центром был красный угол, где стоял стол, стул для хозяина. На стенах, украшая божницу, висели полотенца. Стол покрывали обычно скромной скатертью, в праздники – богато орнаментированной, выполненной в браной технике (К.М. Климов, 1984, с. 84).

В отличие от татар и башкир удмурты использовали для украшения своих жилищ преимущественно тканые изделия, редко прибегая к вышивке (К.М. Климов, 1984, с. 79). Широко применялись занавесы, пологи, коврики, покрывала. Особенно красивы были занавесы северных удмуртов, выполненные в технике браного ткачества, где основным элементом узора был ромб и его вариации. Важной деталью внутреннего убранства был полог для кровати, который северные удмурты шили из мелкорисунчатых или белых (свадебный вариант) тканей. Интересны и полотенца для украшения межоконного пространства и матицы, которые в североудмуртском варианте также имели свои черты: для них характерна трехчастная композиция (представление о трехчастном мироздании), четкость и соразмерность узора, чередование гладких, безузорных полос с узорными, выполненными в браной технике с рисунком различной ширины и орнамента (там же, с. 81–82).

Таким образом, северные удмурты представляют собой достаточно сложное образование, возникшее в результате многовековых контактов удмуртов, коми-пермяков, марийцев и болгар, испытавшее достаточно мощное русское воздействие.

5.5. Хозяйство и особенности общественного устройства

Развитие удмуртского этноса в эпоху средневековья протекало в сходных физико-географических условиях. Среднее течение р. Вятки и бассейн р. Чепцы располагались в южных пределах подзоны южной тайги лес-

ной зоны, а Нижняя Вятка и Средняя Кама, включая устье р. Белой – в подзоне смешанных лесов лесной зоны. Условия вполне благоприятны для развития многоотраслевого хозяйства, в котором важную роль стало играть земледелие. Своеобразным импульсом для совершенствования земледелия было соседство с именьковцами, которые, как известно, принесли в Прикамье развитое пашенное земледелие. Судя по археологическим материалам Южной Удмуртии, где зафиксировано 14 поселений с находками именьковской керамики, наблюдалось прямое внедрение именьковцев в удмуртскую среду. Это способствовало широкому и быстрейшему распространению прогрессивных навыков земледелия у пермян. Если в ананьинско-пьяноборскую эпоху достоверно были известны лишь полба-двузернянка, просо, ячмень и, возможно, конопля, то помимо этих культур именьковцы возделывали пшеницу, рожь, овес, горох (И.Б. Васильев, Г.И. Матвеева, 1986, с. 147). Вполне вероятно, что именно именьковцы принесли в Прикамье различные варианты пшеницы: мягкую, карликовую, твердую. Последняя в IX–X вв. была хорошо известна у славян, в частности, она найдена на Новотроицком городище в Сумской области (А.В. Кирьянов, 1967). Очевидно, не случайно на памятниках второй половины I тыс. н. э. Камско-Вятского междуречья частой находкой становятся орудия земледельческого труда – каменные зернотерки, жернова, железные серпы (Петропавловский могильник, Староигринское, Варалинское, Благодатское I и другие городища).

Большую роль в развитии земледелия в Прикамье сыграли болгары, которые использовали для формирования земледельческого сословия пермское население и его земледельческие традиции. Через посредничество болгар в Прикамье стали известны, возможно, гречиха, вика, лен, чечевица, семена которых найдены в небольшом количестве на болгарских поселениях (В.В. Туганаев, 1984, табл. 14). Булгарам были известны также яблони, виш-

ня и огурцы (В.В. Туганаев, 1976, с. 243). Вероятно, через болгар южные удмурты познакомились с такими культурами, как редька, репа, лук, яблоко, названия которых в пермских языках заимствованы из болгарского (Основы финно-угорского языкознания 1976, с. 219).

Аргументы В.В. Туганаева (1984, с. 63–64) убеждают в том, что у болгар господствовала переложная система земледелия, однако им же убедительно доказано, что эта система вряд ли была распространена севернее современного Закамского Татарстана (там же, с. 65).

Как показали исследования А.В. Прокопова (1983), наличие пашенного земледелия, имея глубокую историю, в исследуемый период получает весьма весомые доказательства. Деревянное рало стало оснащаться металлическим наконечником. Даже в причепецком крае, самом северном в ареале расселения удмуртов в IX–X вв., известно более 50 железных наконечников наральников для однорукоятчных прямогрязильных рал (М.Г. Иванова, 1996, с. 23).

Для уборки урожая использовались косы-горбуши, для размола зерна – ручные жернова. Зерна злаков собраны на городищах Дондыкар, Восьякар, Сабанчикар, Иднакар и Гурьякар. Состав культур типичен для Прикамья: полба-двузернянка, овес, яровая рожь (ярица), ячмень, реже встречались мягкая и карликовая пшеница, ячмень, репа, изредка – горох, чечевица, мак. Для производства тканей разводили лен и коноплю (В.В. Туганаев, Т.П. Ефимова, 1981, с. 561–564; они же, 1982, с. 104–109). Как указывают В.В. Туганаев и Т.П. Ефимова, земледельцы средневековой поры высевали смесь различных культур, что гарантировало пусть не высокий, но устойчивый урожай.

Основной формой земледелия была подсеčno-огневая с переходом в некоторых случаях к переложной. Палеоботанические образцы указывают на различную степень засоренности злаковых сборов (от 5 до 30%), что объяс-

няется, очевидно, посевами на землях разных сроков использования, а это, в свою очередь, указывает на появление довольно значительного фонда земель, расчищенных в разное время (В.В. Туганаев, Т.П. Ефимова, 1982, с. 108). С приходом русских были освоены трехпольная система земледелия, новое орудие вспашки – соха и новые культуры – озимая рожь, капуста, бобовые, гречиха. Появились специальные зерносушилки – овины, вместо ручных – водяные мельницы (В.А. Оборин, 1990а, с. 58).

Пашенное земледелие возможно только при развитом животноводстве, которое давало тягловую силу для обработки земли и необходимые удобрения. Кухонные остатки городищ чепецкого круга, изученные А.Г. Петренко (1984, с. 135, 168; 1991, с. 64–74) и О.Г. Богаткиной (1995), показали, что среди них почти половину (47,35%) составляют домашние животные. При этом большую часть стада составлял крупный рогатый скот (47,97%) и лошади (31,4%). Не очень популярны овцы и козы (14,45%), еще меньше было свиней (2,11%) и собак (4,01%). В общем мясном рационе жителей Иднакара доля говядины равнялась 62,8%, конины – 34,5% (О.Г. Богаткина, 1995а, с. 144).

Однако для разных областей соотношение домашних животных в стаде было различным. Так, на Еманаевском городище более половины стада (58,8%) составляли свиньи, значительно меньше (15,7%) разводили коров, почти поровну (по 11, 8%) лошадей и мелкий рогатый скот (Н.А. Лещинская, 1988, с. 104). Также популярным было свиноводство и в Южной Удмуртии, достигая около 30% на Верхнеутчанском (Т.К. Ютина, 1984, с. 57) и Благодарском I городище и даже 62,5% от всего домашнего стада на Варалинском городище.

Крупный рогатый скот с удмуртских памятников эпохи средневековья имел сходство со скотом раннего железного века и отличался низкорослостью (высота в холке 105–111 см), комолостью, реже – короткорогостью. У болгар этот скот был крупнее (А.Г. Петренко, 1991, с. 66; О.Г. Богаткина, 1995, с. 16). При-

мерно половину стада коров использовали на мясо, половину – для получения молока и приплода.

Как и в ананьинское время, разводили лошадей двух типов – низкорослую северную и высокорослую степную, которую приобретали в результате торговли. В целом специалисты отмечают увеличение среднего роста средневековых лошадей (высота в холке 136–144 см), что связано, очевидно, со стихийно зарождавшимся искусственным отбором популяции лошадей и довольно мощным притоком лошадей степного типа (А.Г. Петренко, 1991, с. 66–67; О.Г. Богаткина, 1995, с. 16–17).

Овцы средневековой поры имели высоту в холке 58–62 см и более всего соответствовали древнерусским лесным породам. Свиньи также принадлежали к лесному типу, известному на памятниках Древней Руси, высотой в холке были 70,5 см (О.Г. Богаткина, 1995, с. 16).

Охота продолжала играть важную роль в хозяйстве удмуртов в средние века. Более всего отстреливали лосей. Такая картина вырисовывается как из материала поселений (Иднакар, Еманаевское городище), так и жертвенного места Чумойтло, где обнаружены остатки 98 особей этого вида (Р.Д. Голдина, 1987а, табл. I, III). Охотились также на северного оленя, меньше – на косулю. Значительно упал удельный вес добытого медведя, что связано, очевидно, с сильным сокращением этого вида (О.Г. Богаткина, 1995а, с. 149). Особое развитие получила пушная охота на зайца, белку, лисицу, рысь, куницу, росомаху, барсука, волка. Но особенно интенсивно истребляли бобра. Только на городище Иднакар собраны кости 127 бобров (там же, табл. 1). Судя по сильной раздробленности костей, бобр был существенным дополнением к мясному рациону пермян эпохи средневековья. Отлов бобров был настолько интенсивен, что около 80% костей оставлено неполовозрелыми особями в возрасте 8–10 месяцев. Это повлияло на уменьшение численности популяции бобров и на их измельчание (О.Г. Богаткина, 1995, с. 11–12).

О значительности охоты в хозяйственной системе удмуртов в середине века свидетельствует и существование у них своеобразных специализированных охотничьих жертвенных мест даже в XI–XIII вв. (Чумойтло), несмотря на то, что производящие формы хозяйства прошли уже достаточно длительный путь развития.

Среди костей птиц зафиксированы кости домашней курицы, гуся, дикой утки, глухаря, тетерева, рябчика и других видов. О рыболовстве говорят находки костей рыб и чешуи, рыболовных крючков, блесен.

Несмотря на несомненные успехи в области средневековой финно-угорской археологии, исследование проблем устройства общества этого времени пока еще не может выйти из области гипотез и предположений. Характеристика этого аспекта исторического знания возможна лишь с привлечением данных об обществах широкого территориального фона, находящихся на этой же стадии развития, в том числе и обеспеченных письменными источниками.

Средневековое общество Прикамья в целом представляется как общество, в котором кровнородственные отношения довольно давно уступили место соседским. Существование с глубокой древности долговременных поселений, тяготеющих к поймам рек, богатых как плодородными почвами, так и прекрасными кормовыми угодьями, длительная история производящего хозяйства (достоверно с эпохи бронзы), освоение пашенного земледелия (не позже середины I тыс. н. э.), появление рал с железными наконечниками, переход к переложной системе земледелия на рубеже I и II тыс. н. э. – все эти обстоятельства сделали земледелие одной из ведущих отраслей хозяйства. Не случайно на городище Иднакар только на исследованной площади до 1982 г. (7,5% всей площади памятника) зерна злаков обнаружили в 15 объектах (В.В. Туганов, Т.П. Ефимова, 1982, с. 106–107). Дальнейшие исследования принесли десятки новых находок семян в ямах и жилищах.

К эпохе средневековья населением Прикамья было найдено оптимальное, примерно равное, соотношение домашних и диких животных, обеспечивающее коллектив необходимым количеством мяса, жира, шкур, поделочного материала, пушнины. Вариации соотношения отдельных видов животных у разных коллективов могли быть различными, но почти повсеместно отмечено к концу I тыс. н. э. некоторое преобладание крупного рогатого скота над разведением лошадей, что свидетельствует о формировании мясо-молочного направления в животноводстве. Успехи производящих отраслей экономики и охоты убедительно свидетельствуют о появлении в обществе немалого прибавочного продукта.

Таким образом, в VI–IX вв. в Прикамье сложился новый тип хозяйства, при котором земледелие гармонично сочеталось с животноводством и охотой. В обществе создавался такой объем прибавочного продукта, который составлял необходимую базу для расширенного воспроизводства. Этот продукт становился предметом обмена на ремесленные и другие изделия, а это, в свою очередь, способствовало развитию ремесла и торговли.

Одним из важных показателей в развитии ремесла является возникновение ремесленных поселений – качественно нового явления в социально-экономической жизни пермлян Приуралья.

Обособление производственных центров несомненно свидетельствует о том, что мастера – металлурги и кузнецы – уже выделились из общины и продукция ремесла была основным источником их существования. Именно в этом и заключается начало процесса, который в конечном итоге привел к сосредоточению ремесленного производства в городах, формированию экономических центров раннеклассовых обществ, многие из которых в дальнейшем стали центрами культурной и политической жизни. На территории ремесленных поселений продукция произво-

дилась в таких объемах и масштабах, что она могла удовлетворять потребности в этих изделиях не только своей округи, но и соседей.

Такие специализированные поселки ремесленников возникают уже в V–VI вв. в Верхнем Прикамье – Опутятское городище (В.Ф. Генинг, 1980). Необычайно интересный металлообрабатывающий центр исследован Л.Д. Макаровым и Н.А. Лещинской на Еманаевском городище (Н.А. Лещинская, 1988, с. 79–107). Здесь на небольшом мысочке, площадью 1500 кв. м, огороженном с напольной стороны валом и рвом, располагались 2 сооружения площадью каждое около 100 кв. м, содержавшие в большом количестве следы металлообработки: кострища, сырые и кальцинированные кости, куски глиняной обмазки, куски шлаков, 655 фрагментов, 67 целых глиняных льячек для разлива металла, 221 фрагмент и 29 целых тиглей для плавки металла, литейные формы, обломок глиняного сопла, готовые изделия – бронзовые украшения, железные наконечники стрел и дротиков, ножи, зубило, пробойники, ложкари и другие вещи. Все эти находки, насыщенность слоя ими не оставляют сомнения в том, что это специализированный центр по металлообработке удмуртского населения бассейна р. Вятки.

К X в. ремесленные поселения занимают большие площади. Так, поселок ремесленников городище Иднакар, основанный на рубеже IX–X вв. сначала имел площадь около 1 га, к концу X в. вырос до 2 га, а в XIII в. – до 4 га. На наиболее ранней мысовой части памятника исследовано более 40 жилых и производственных сооружений, располагающихся шестью параллельными рядами вдоль боковых склонов трапециевидного мыса. На площади 558 кв. м было обнаружено большое число очагов, ям и различных объектов, имеющих явно производственный характер, в которых найдено 573 железных предмета, из них 146 ножей, 38 наконечников стрел, 14 шильев, 10 клещей, 10 топоров, 7 наконечников копий, 6 долот, 8 кос-горбуш, 12 наконечни-

ков рал, 4 мотыги, 3 серпа, железные бруски-полуфабрикаты весом до 0,5 кг и другие изделия (М.Г. Иванова, 1988б, с. 89–118).

Металлографические исследования железных изделий городища Иднакар, проведенные В.И. Завьяловым, показали, что этот памятник представлял собой крупный ремесленный центр эпохи средневековья (Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова и др., 1997, с. 259). Здешние мастера пользовались собственным сырьем. Как писал Н.Г. Первухин, «вся северная половина Глазовского уезда весьма богата железняками, которые и поныне питают четыре довольно значительные чугуноплавильные и железоделательные заводы» (1896, с. 35). Судя по железным полуфабрикатам, кричный металл подвергался продолжительной и тщательной ковке (Н.Н. Терехова и др., 1997, с. 231). Прикамские мастера могли определять сорта металла: твердое высокофосфорное и мягкое железо. Около 75% исследованных предметов откованы целиком из стали или имели стальную рабочую часть. Кузнецами использовалась сталь разного качества: мягкая сталь применялась для цельносталевых поковок, полутвердая и твердая – для изготовления лезвий в сварных конструкциях (там же, с. 236).

Кузнецы высокопрофессионально владели многими приемами термической обработки черного металла: резкой и мягкой закалкой, закалкой с последующим высоким и низким отпуском, которые применялись целенаправленно при изготовлении особых вариантов орудий. Качество кузнечных операций, тщательная подготовка заготовок, соблюдение температурных режимов, сложившиеся оптимальные конструкции орудий, частое применение сырцово-стали, высокий процент орудий, закаленных в мягкой закалочной среде, – все это свидетельства высокого уровня железоделательного производства жителей городища Иднакар (В.И. Завьялов, 1987, с. 119–142; 1991, с. 56–63).

Интересны наблюдения В.И. Завьялова над производством железных ножей, найден-

ных на городище Иднакар. Исследователь считает, что внутри металлообрабатывающего ремесла шел процесс специализации – обособились от остальных мастера по производству лезвий – ножевники. В.И. Завьялов отмечает использование ими высококачественного сырья: сырцово-стали, специальной цементированной стали и, возможно, высокофосфорного железа (1985, с. 42). Большинство ножей Иднакара (65%) изготовлено в сложной технике трехслойного пакета, которая была освоена не позднее IX в. под влиянием северусского кузнечного ремесла. При этом предмет был сварен из трех полос: в центре – стальная, по бокам – железные. При затачивании ножа на лезвие всегда выходила сталь, поэтому такие изделия считаются высококачественными, хотя и трудоемкими в производстве. Кроме трехслойных, обнаружен и пятислойный нож, а также двухслойные, цельно-стальные (23%) и цельножелезные. По наблюдению Б.А. Колчина, такая сложная и трудоемкая техника, как трехслойный пакет, применялась при производстве ножей, когда ремесленник работал в основном на заказ для немногочисленных потребителей и не зависел от производительности своего труда (1959, с. 50–52.) При переходе к мелкотоварному производству русские ножевники в середине XII в. отказались от трехслойного пакета и перешли к торцовой и косо́й наварке, когда на железную основу в области лезвия навари́вался небольшой кусочек стали. Изготовление ножей мастерами Иднакара в технике трехслойного пакета в конце XII и XIII в. свидетельствует о продолжении производства железных изделий для нужд округи и некоторой застойности этого вида ремесла. Исследования В.И. Завьялова показали, что в начале II тыс. н. э. удмуртские мастера под непосредственным воздействием древнерусского металлообрабатывающего ремесла освоили наиболее прогрессивные технологии и успешно их применяли (Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова и др., 1997, с. 264). Л.С. Розанова определенно констатирует прямое внедрение в

пермскую среду русских ремесленников – носителей технологических знаний, которые и помогли формированию местной школы кузнецов (там же, с. 294). Присутствие русских на Иднакаре подтверждается и находками древнерусских вещей: костяного гребня со знаком Рюриковичей (рис. 170–4), футляра от расчески (рис. 170–22), ключей (рис. 170–28) и так называемой «славяноидной» керамики (Д.А. Салангин). Интерес представляет и сравнение иднакарских ножей с болгарскими (Муромский городок), показавшее полное расхождение в области технологии: трехслойный пакет болгарскими мастерами не применялся, но были популярны ножи с сваренными лезвиями (38%), торцовой и косо́й наваркой (28%) (В.И. Завьялов, 1985, с. 44–46). Для понимания процесса важно отметить, что кузнечное дело развивалось не только на городище Иднакар, но и на других близлежащих: Весьякар, Дондыкар, Кушманском и др.

В мастерских Иднакара изготавливали не только железные изделия, но и из цветного металла, о чем убедительно свидетельствуют находки 25 целых и 319 фрагментов глиняных тиглей, 3 льячек, 33 литейных форм, бронзовых заготовок-слитков и готовых украшений. Практически во всех исследованных сооружениях городища Иднакар обнаружены следы ремесленного производства.

Есть основания полагать, что в некоторых домах Иднакара жили мастера-ремесленники – костерезы. Например, в жилище III собраны многочисленные кости со следами обработки, спиленные и обрубленные куски рогов, готовые изделия – рукоять шила, манок, 14 проколов, 5 копоушек, 16 кочедыков. По последним данным, на раскопанной части городища Иднакар найдено 445 костяных копоушек, 78 гребней и 207 костяных ложек. Такого обилия костяных изделий на обычных поселениях, да и в погребальных памятниках чепецкой культуры нет. Например, на наиболее полно исследованном Кузьминском могильнике XI–XIII вв. в 274 погребениях най-

дено лишь 2 костяных предмета: гребень (погребение 34) и костылек (погребение 78) (М.Г. Иванова, 1992, рис. 45–3, 7). Это обстоятельство еще раз подчеркивает ремесленный характер костерезного производства Иднакара.

Становится понятным и не совсем обычный состав остатков лесной фауны городища Иднакар. Ведь среди костей диких животных основное место занимают кости бобров – 44,6% от числа особей и 54,6% от числа костей. Если же присовокупить к ним остатки других пушных зверьков – белок, лис, куниц, барсуков, то цифра будет еще выше – 58,9% от числа особей и 61,5% от числа костей (% вычитаны мной по О.Г. Богаткиной, 1995, табл. 1). Проведя несложные расчеты при соотношении площади, с которой получен костный материал (раскопы 1989–1991 гг.), и общей площади городища, можно, разумеется, приблизительно выяснить, что число бобров, найденных в прогнозе на городище Иднакар, составляло бы 1632 экз., белки – 154, лис – 205, куницы – 154, барсуков – 12. При этом следует учитывать, что во многих случаях пушных зверьков свеживали на месте охоты и на поселения приносили только шкурки. Например, чем раньше была снята шкурка с белки, тем легче было привести ее в товарный вид – удалить со шкурки кровоподтеки (О.Г. Богаткина, 1995, с. 146). Все это обилие пушных зверей, конечно, не было добыто жителями Иднакара, а получено ими в обмен на ремесленные изделия живших здесь мастеров. Видимо значительная часть пушнины, если не большая, поступала на городище уже в выделанном состоянии и поэтому количество пушнины, собираемой ремесленниками с округи, очень велико.

Поскольку общественный продукт, получаемый ремесленниками с округи за свою продукцию, как сама продукция, так и мастера, представляли огромную ценность и могли легко отчуждаться, поэтому понятно, что почти все крупные ремесленные центры были спрятаны за трудно преодолимыми оборони-

тельными системами (Еманаевское, Опутятское, Иднакар, Кушманское и др.).

Продукция ремесленных центров пользовалась спросом прежде всего у населения близлежащей округи. Часть изделий выполнялась небольшими партиями на заказ для конкретного потребителя. На городище Иднакар обнаружены 8 серебряных височных подвесок, связанных проволокой и обернутых берестой (М.Г. Иванова, 1985, рис. 13–5), а на городище Гурьякар – 9 серебряных гривен глазовского типа, также завернутых в кусок бересты (она же, 1982, с. 14). Но значительное число изделий расходилось не только среди окрестных жителей, но и довольно далеко от центра изготовления. Археологические материалы свидетельствуют о распространении пермских изделий далеко на запад. Бесспорным материальным свидетельством этих контактов в эпоху средневековья являются находки поясов неволинского типа, хорошо известных на памятниках Прикамья и, главным образом, бассейна р. Сылвы, одного из левобережных притоков р. Чусовой. Здесь на небольшой территории протяженностью около 100 км обнаружено и раскопано несколько могильников VI–IX вв., в женских захоронениях которых встречались пояса такого типа. Они представляли собой (рис. 188) кожаный пояс шириной 2–2,5 см, длиной до 70 см, украшенный на концах пряжкой, наконечником, кожаными привесками и многочисленными накладками различных форм.

В могилах неволинской культуры такие пояса обнаружены в захоронениях Неволлинского могильника (18 экз.), Бродовского (15), Горбунятского (2), Усть-Иргинского (1), Усть-Кишертского (1), Верх-Саинского (13) (рис. 189). Судя по многочисленности поясов, разнообразию их вариантов, находкам полных со всеми привесками экземпляров, эти предметы изготавливались именно здесь, в Сылвенском поречье. Такие пояса есть и на соседних территориях. В частности, на р. Чусовой, на могильнике Телячий Брод найден фрагмент аналогичного пояса (В.А. Оборин, 1973). До-

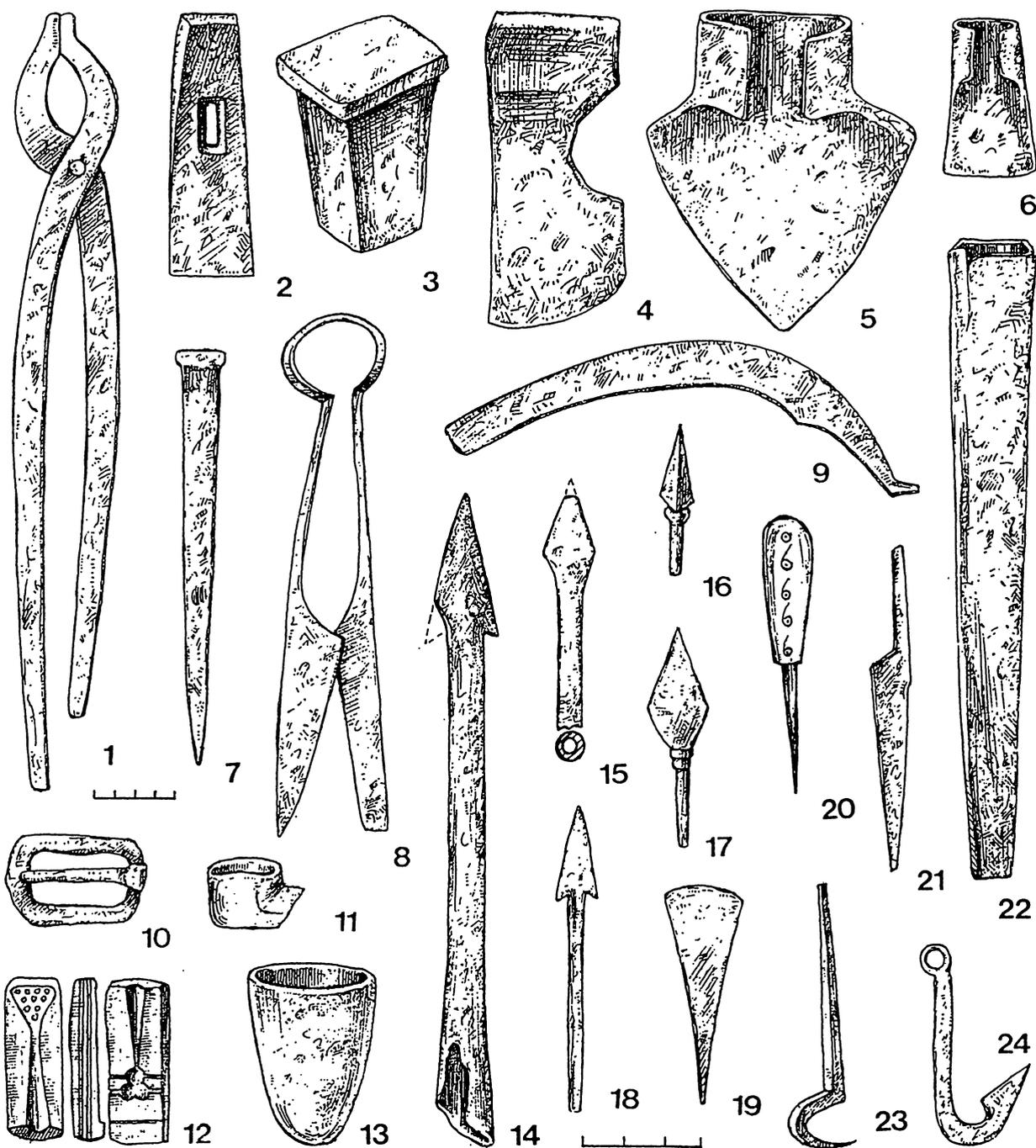

Рис. 186. Орудия труда и предметы вооружения городища Иднакар (по М.Г. Ивановой).
 1 – клещи; 2 – молоток; 3 – наковальня; 4 – топор; 5 – наконечник рала; 6 – мотыжка; 7 – зубило;
 8 – пинцеты; 9 – серп; 10 – пряжка; 11 – льячка; 12 – литейная форма; 13 – тигель; 14 – наконечник копья;
 15–19 – наконечники стрел; 20 – шило; 21 – нож; 22 – игольник; 23 – кочедык; 24 – рыболовный крючок.
 1–10, 14–19, 21–24 – железо; 11, 13 – глина; 12 – камень; 20 – железо, кость

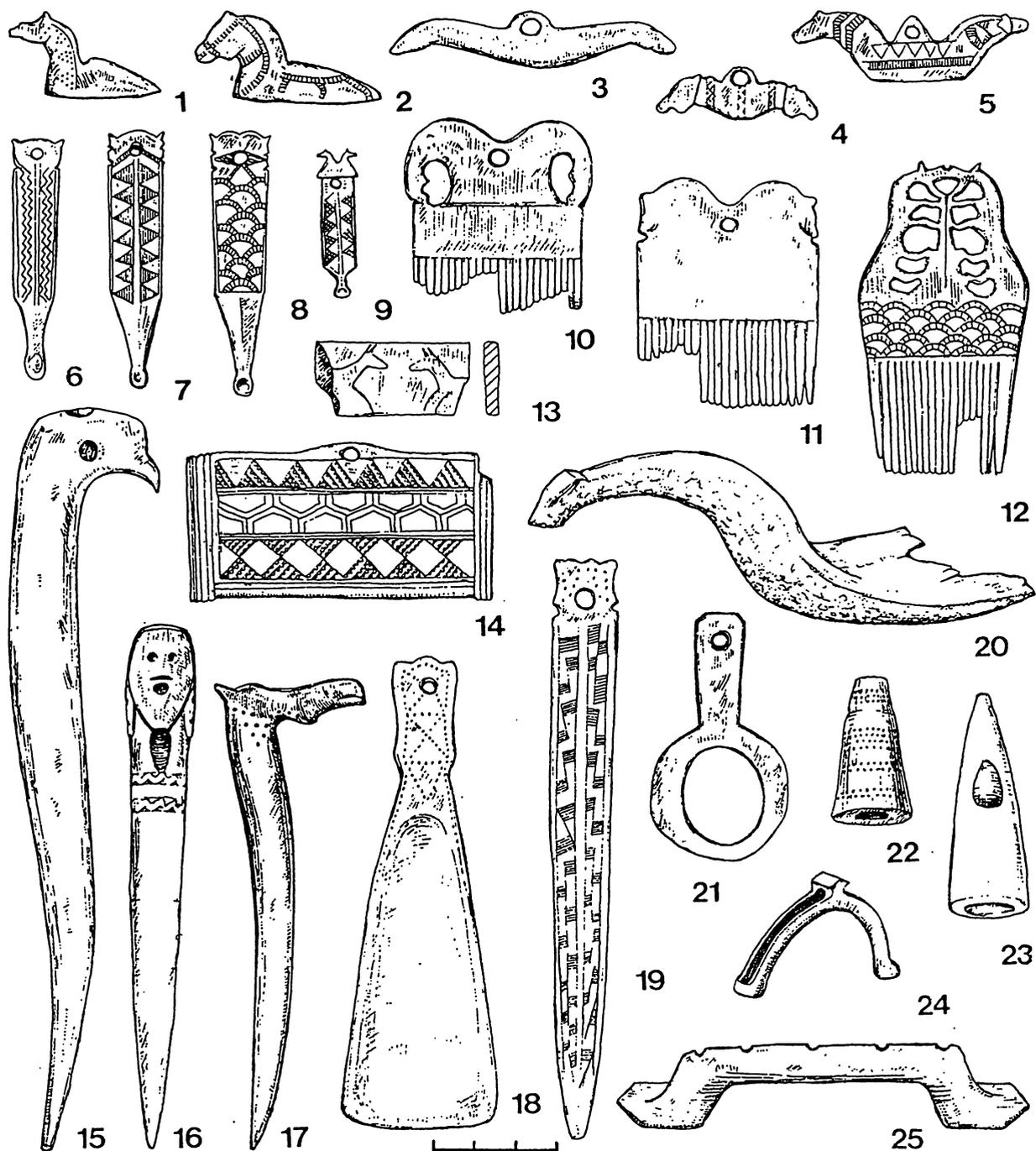

Рис. 187. Изделия из кости и рога городиц чепецкой культуры (по М.Г. Ивановой).
 1-5, 14 - подвески; 6-9 - копоушки; 10-12 - гребни; 13 - обломок пластины; 15-17, 19 - кочедык;
 18, 20 - лоски; 21, 24 - детали ткацкого станка; 22 - муфта; 23 - наконечник стрелы (?);
 25 - подставка для струн. 1-4, 6-9, 11-25 - городище Иднакар; 5, 10 - городище Гурьякар

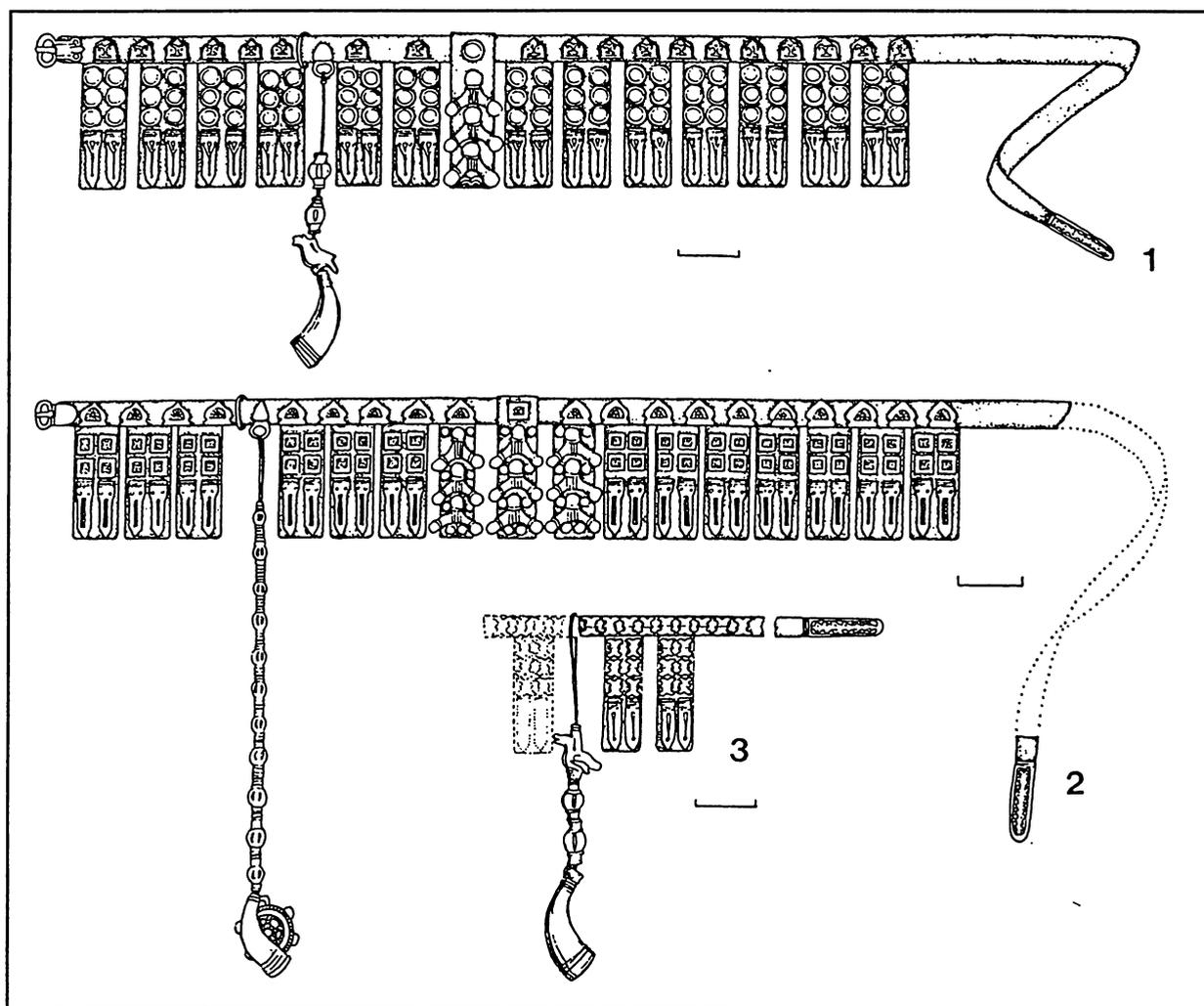

Рис. 188. Реконструкция поясов неволинского типа из Неволинского могильника:
1 – погр. 129, 2 – погр. 155, 3 – погр. 140

вольно много их в родственной неволинской культуре – ломоватовской, расположенной в Верхнем Прикамье. Здесь пояса найдены в Агафоновском I могильнике (3 случая), Аверинском II (1), Деменковском (2), Плесинском (1), Висимском (2), а также среди случайных находок в дд. Михалево, Русиново, Носково, Урье, Загарье. Детали подобных поясов хорошо известны и на памятниках полемской культуры в верховьях р. Чепцы: на Поломском I (4 случая), Варнинском (2), Чемшай могильниках. Таким образом, в целом на памятниках Верхнего и Среднего Прикамья было

найдено не менее 72 поясов неволинского типа. В качестве северной периферии распространения неволинских накладок в Приуралье можно считать находки на р. Вычегде (Тохтинское поселение, Усогорск III) и большеземельской тундре (жертвенное место Хэйбидя-Пэдар). В Сибири выявлены пока две находки такого рода в Могильницком могильнике и у Архиерейской Заимки близ Томска. Неволинские пояса в Прикамье датируются концом VII–VIII в. н. э.

Значительное скопление поясов неволинского типа зафиксировано на финском побе-

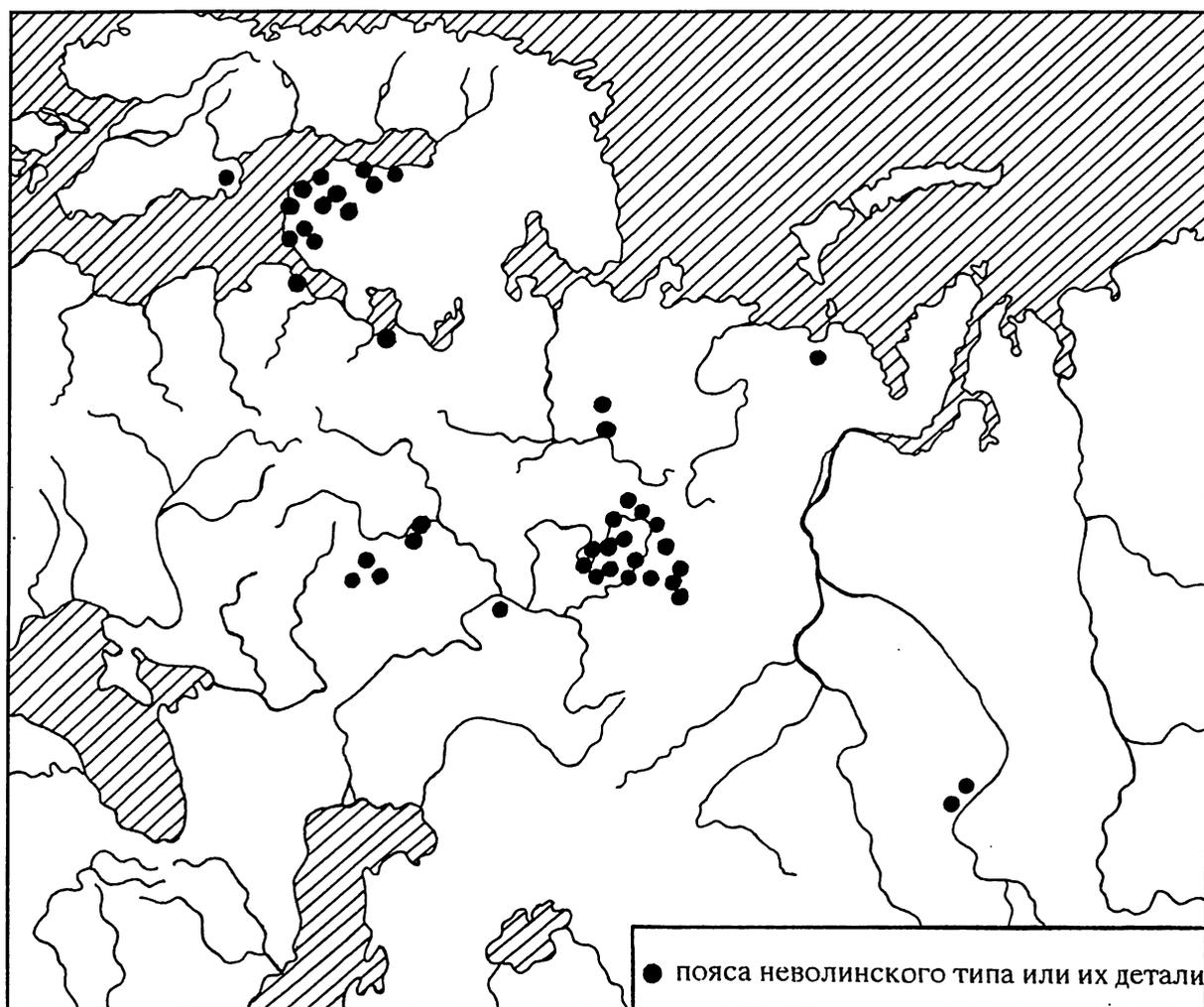

Рис. 189. Распространение поясов неволинского типа или их деталей

режье Балтийского моря (рис. 189), где в нескольких памятниках (Каавонтенккя, Питкясмяки, Юлиппя, Мюнянумми, Кирмукарму и Пеппиланмякки и др.) обнаружено 19 поясов. Аналогичный пояс обнаружен в королевском кургане в Уппсале в Швеции (К. Мейнандер, 1979; Ю. Каллмер, 1989, с. 22). находка пояса в королевском кургане в Уппсале, а также в составе уже не женских, как в Прикамье, а мужских могил в других местах в Финляндии доказывает высокую престижную стоимость этих предметов, выявленных в данном регионе. Здесь они дорого стоили не только потому, что были оригинальны и красивы, но и потому, что были привезены изда-

лека. Пояса этого типа датируются в Финляндии тем же временем, что и в Прикамье, около 700 г. н. э. (К. Мейнандер, 1979, с. 36). Очевидно, что столь значительное число неволинских поясов в Скандинавии могло появиться только в результате появления там пермских купцов – выходцев из Прикамья со своим товаром. С этих позиций получает объяснение и наличие в финском языке специального слова для обозначения коробейников, бродячих торговцев – «регті» (К. Мейнандер, 1979, с. 39). Время появления таких купцов-коробейников в Прибалтике, судя по неволинским поясам, может быть датировано рубежом VII–VIII вв. Путь, по которому

пермяне путешествовали в Прибалтику, косвенно обозначен находками в низовьях р. Оки (Хотимль и Муром). Вероятно, движение шло по Каме, Волге, Мологе, Мсте, Волхову или другим рекам, достигая Ладожского озера, а затем Финского залива (И.В. Дубов, 1989).

Вероятно, эти пермские торговцы принесли в Скандинавию в IX–X вв. некоторые типы восточных бус, которые известны в Восточной Европе, но отсутствуют в Западной. Среди этих типов – бусы, выполненные в технике миллефиори (тысяча цветов), с желто-красным глазком и темно- или светло-зелеными лучами. По мнению Й. Каллмера, они являются одними из самых ранних в Балтийском регионе из восточных бус. Именно этот тип был хорошо известен в Скандинавии, а также в Восточной Европе – в Подонье, Прикамье и на Кавказе. Подобный ареал распространения имели также круглые бусы, сделанные из палочки с последующим прокалыванием, фиолетового или синего цвета. Они появились в Скандинавии в то же время, что и миллефиори (Й. Каллмер, 1989, с. 27–29), но существовали несколько дольше, смешавшись с типами другого происхождения. Примерно в тех же границах, что аметистовые и миллефиори, укладывались сердоликовые сферические бусы, а также цилиндрические бусы с выступающими сине-белыми глазками. Картографирование разных типов восточных бус позволило Й. Каллмеру выделить 26 районов их распространения, обозначить в них характернейшие наборы бус. Эта операция снова подтвердила наличие целой серии восточных бус, которые были хорошо известны на Ближнем Востоке, Кавказе, на Волге, на Каме и в странах Скандинавии. Отсутствие их в странах Западной Европы убедительно указывало на их поступление через Восточную Европу (Й. Каллмер, 1991, рис. 4).

Приток этих типов восточных бус, как и неволинских поясов, в Скандинавию связан, по мнению Й. Каллмера, также с организацией торговли на дальние расстояния по лесной зоне Восточной Европы группами торгов-

цев с Востока (Й. Каллмер, 1989, с. 25). Под Востоком в этом случае понимались К. Мейландером три области: район Смоленска (Гнездово), Приладожье и Ярославское Поволжье (1979, с. 39–40). Наиболее предпочтительным, с его точки зрения, было Ярославское Поволжье. Й. Каллмер выдвигает в качестве источника два других района – Волго-Окское междуречье и Камский бассейн (1989, с. 34–35). Судя по локализации не только восточных бус, но и неволинских поясов, по-видимому, все-таки одними из первых торговцев со Скандинавией в конце VII–IX в. были пермяне с берегов Камы. Вероятно, они освоили в это время Волго-Балтийский торговый путь, который в конце VIII–IX в. превратился в полноводную трансевропейскую магистраль, снабжавшую Скандинавию восточным серебром.

Связи народов Прикамья с населением лесной зоны Восточной Европы продолжали развиваться и позже, о чем косвенно свидетельствует распространение у финно-угров лесной полосы Европы многочисленных металлических украшений, имеющих, скорее всего, пермское происхождение – коньковых, а также полых птицевидных шумящих подвесок, кресал с бронзовыми рукоятками, гривен «глазовского типа», характерных культовых предметов – всадница или всадник на змее. Исследование, предпринятое Н.А. Макаровым, показало, что некоторые прикамские изделия, в частности лунничные височные подвески (рис. 181–18, 19), появившиеся на территории Северной Руси (Приладожье) в первой половине XI в., были скопированы местными мастерами и послужили основой для новых вариантов подобных украшений (Н.А. Макаров, 1989, с. 60). Распространение этих вещей на запад из прикамского круга подтверждается и находками характерной камской посуды в Белозерье, Приладожье, Северной Двине, Верхнем и Среднем Поволжье, что объясняется исследователями торговыми и культурными контактами, а также внедрением небольших групп пермян в род-

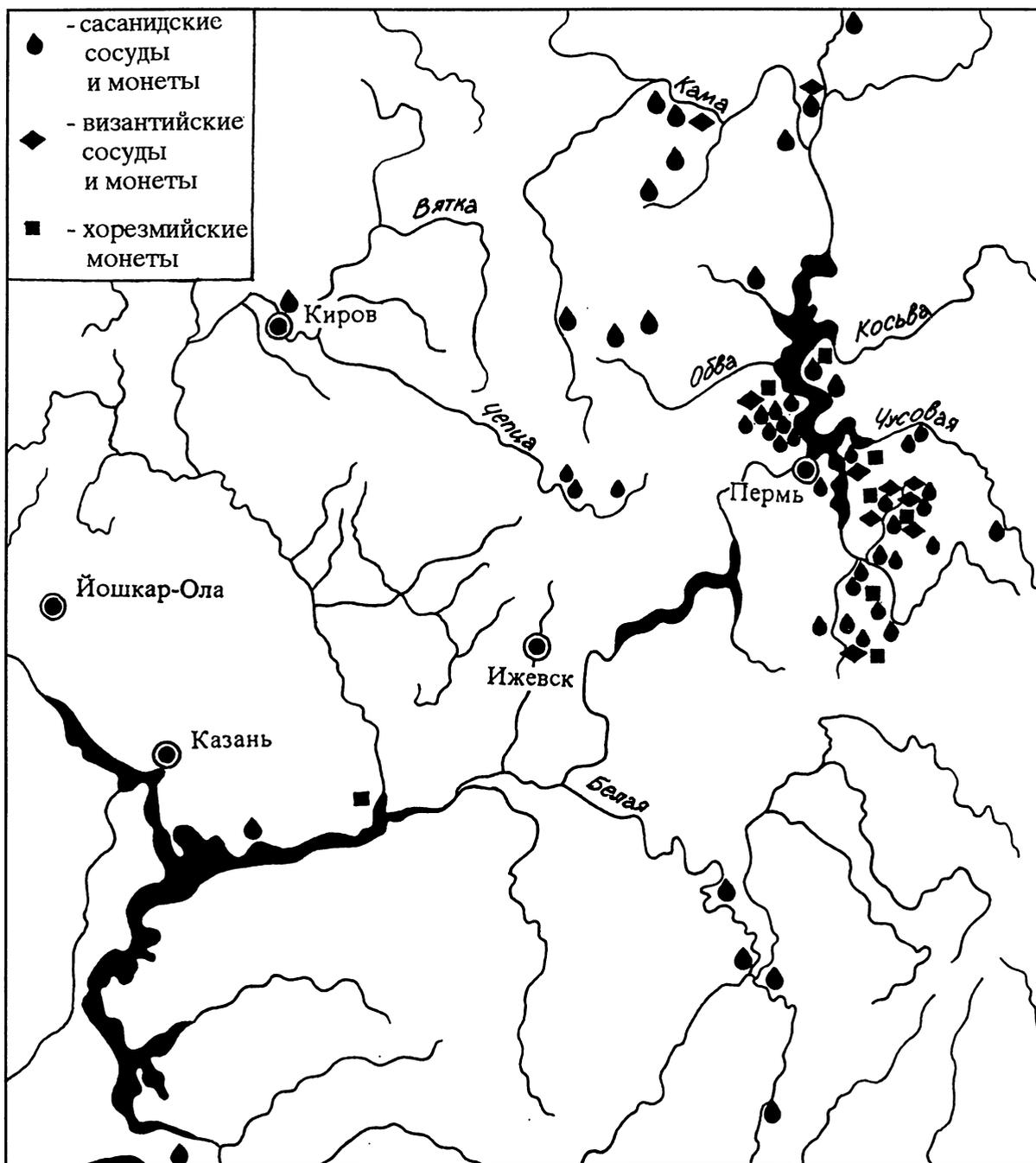

Рис. 190. Распространение сасанидского, византийского и хорезмийского импорта в Прикамье

ственную финскую среду (Н.А. Макаров, 1982; А.Е. Леонтьев, 1989; Е.А. Рябинин, 1989).

В эпоху средневековья в Прикамье продолжает нарастать южный импорт, получаемый преимущественно в обмен на меха, мед, воск. В числе привозных вещей по-прежнему многочисленны стеклянные и каменные бусы, поясная гарнитура, парадное оружие и другие вещи. Почти все они имеют южное – причерноморское, ближневосточное, среднеазиатское происхождение. Более всего поражает число находок парадной серебряной посуды и монет (рис. 190). В настоящее время в Прикамье известно 123 пункта, содержащих 187 серебряных сосудов. Они имеют различное происхождение: Византия, Иран, Средняя Азия, Хорезм и другие источники. Вероятно, огромное количество этих сосудов не сохранилось – не попало в руки исследователей и до сих пор используется местными жителями или было переплавлено древними мастерами. Кроме того в Прикамье найдено более 200 сасанидских драхм, около 300 византийских и около 20 хорезмийских монет. Довольно часто эти предметы в комплексах перемешаны. В окрестностях Бартымского селища в бассейне р. Сылвы в различные годы были найдены 3 хорезмийские чаши, сасанидские чаша и кубок, чаша «бактрийского круга» и византийское блюдо (О.Н. Бадер, 1948, 1949, 1952, 1954; О.Н. Бадер, А.П. Смирнов, 1954; В.Ю. Лещенко, 1976). В одном из сосудов (находка 1950 г.) были найдены 264 серебряных миллиаресия Ираклия и Ираклия Константина (610–641 гг.) (Л.Н. Казаманова, 1957). В шурфе на месте находки в этом же году были обнаружены еще 8 монет того же типа и ножка серебряного кубка, выпавшего в 1949 г. (О.Н. Бадер, А.П. Смирнов, 1954). Клад представляет собой уникальное явление уже по своей ценности (272 монеты). Кроме того, монеты были хорошего качества, принадлежали к монетам раннего выпуска (около 615 г.), 59 экземпляров коллекции было изготовлено одной парой штемпелей. Все это

дало основание Л.Н. Казамановой (1957 г.) утверждать, что он принадлежал к одному выпуску и не был разрознен обращением. Выпадение клада, видимо, было связано с разгромом Бартымского поселка в конце VII в., следы которого – могильник с погибшими людьми был обнаружен на площади селища (Р.Д. Голдина, Н.В. Водолаго, 1984).

Интересно, что на территорию неволинской культуры купцы привозили не только дорогой, компактный товар – монеты, серебряную посуду, бусы, но и объемные предметы – тарную посуду (амфоры, кувшины причерноморского производства) с маслом и вином. Таких находок к настоящему времени известно более 40.

Важно, что торговля в Прикамье была настолько хорошо организована, что из весьма отдаленных областей купцами сюда поставлялись крупные партии дорогих товаров. О том, что сюда приезжали торговцы с большими ценностями, свидетельствуют не только многочисленные клады, но и находка гири византийского купца, найденная на Верх-Саинском городище – административном центре, расположенном в 2-х км от Бартымских кладов и поселка.

С 70–80-х гг. VIII в. Прикамье, как и вся Восточная Европа, оказалось в сфере влияния интенсивной восточной торговли, в результате которой сюда поступали огромные собрания арабских дирхемов (В.Л. Янин, 1956, с. 84). К концу X в. вследствие истощения серебряных запасов в Средней Азии и серебряного кризиса в странах мусульманского Востока ввоз дирхемов в Европу заметно ослабел, а на рубеже X–XI вв. полностью прекратился (там же, с. 128 и сл.). Находки кладов серебряных сосудов восточного производства, арабских дирхемов и многочисленных гривен глазовского типа указывают, что эквивалентом при торговле в Прикамье, как внутренней, так и внешней, становится серебро. Накапливаемые общинами и семьями объемы серебра впечатляют. В 1867 г. возле д. Ягошур Балезинского района Удмуртии

при пахоте был найден серебряный кувшин, весом около 2 кг, выполненный мастерами в восточных районах Средней Азии (В.П. Даркевич, 1976, с. 8–9), в котором лежал слиток серебра весом 18 золотников (76,8 г.) и около 1500 серебряных дирхемов общим весом 10 фунтов (4 кг). Вес одного дирхема – 2,97 г. серебра. Судя по монетам, клад датирован серединой IX в. Общий вес найденного клада превышал 6 кг серебра.

Возле с. Редикор Чердынского района Пермской области в 1883 г. тоже был найден клад. В серебряном ведрке, сделанном также в восточных районах Средней Азии, лежали 34 серебряные гривны глазовского типа (В.П. Даркевич, 1976, с. 25). Гривны глазовского типа – это массивное шейное украшение, выполненное из серебряного прута, с перекрученной средней частью, гладкими концами и специальным узлом для застегивания: петлей на одном конце и граненым квадратным утолщением на другом (рис. 182). Если учесть, что наиболее часто встречающийся вес гривен глазовского типа составлял около 48 золотников (184,7 г.), то общий вес гривен Редикорского клада равнялся также более 6 кг серебра.

Вполне вероятно, что гривны глазовского типа в Прикамье, наравне с дирхемами, выступали в качестве самостоятельного эквивалента. По данным А.Г. Иванова (1997, с. 12), в бассейне р. Чепцы науке известно 176 гривен, происходящих из 51 места, на Верхней Каме – 130 из 29 пунктов, в Вятско-Ветлужском междуречье – 40 гривен из 15 местонахождений. Общее число гривен в Камско-Вятском междуречье составило 346 экземпляров. Общий вес их превышал 55 кг. Следует отметить, что некоторые из них были сделаны из бронзы, но большинство из серебра.

Косвенным свидетельством того, что гривны использовались как эквивалент при торговле, служит их примерно равный вес, а также факты их весьма широкого распространения. В частности, обломок такой гривны найден в составе клада из 2200 преиму-

щественно арабских монет в Балтийском море на о. Рюген недалеко от устья р. Одер (Й. Херрман, 1986, с. 80). Можно предположить, что арабские монеты, поступающие в Прикамье, переплавлялись местными мастерами в гривны, а также другие серебряные изделия, например, широко известные культовые пластины – всадник или всадница на коне, стоящие на змее. Массовое распространение этих изделий, как и гривен глазовского типа, падает на IX–X вв., когда наиболее мощным потоком шло в Восточную Европу арабское серебро. Как только этот поток прекратился, перестали изготавливаться и гривны глазовского типа, и пластины – всадники.

В исторической литературе имеются интересные сведения о стоимости тех или иных товаров в средние века. В IX–X вв. на рынках Востока можно было купить раба или рабыню за 100–500 дирхемов (М.Н. Федоров, 1972, с. 78). Близкая к этому цена была в североскандинавском регионе – 200–300 гр. (Й. Херрман, 1986, с. 80). По данным Й. Херрмана, в XI в. в прибалтийских округах меч или стремя стоили 125 гр. серебра, копье – 50, шпоры – 20, узда – 10, уздечная пряжка – 5, нож – 3 гр. серебра, или один дирхем. Одна стеклянная бусина равнялась 3 гр. серебра или шкурке одной куницы (Й. Херрман, 1986, с. 81).

Близкие цены называет и Ибн Фадлан: на Руси за 1 дирхем можно было купить одну зеленую стеклянную бусину (Путешествие Ахмеда Ибн Фадлана на р. Итиль..., 1992, с. 44). Интересно, что во всех средневековых могильниках Прикамья бусы – одна из массовых находок. Так, на Поломском могильнике в 59 захоронениях VIII–IX вв. собрано 7283 экз. бус (З.А. Львова, 1973, с. 83), на Омутницком могильнике IX–XI вв. из 64 могил происходит 2176 бусин (В.А. Семенов, 1985, с. 96). На Кузьминском могильнике XI–XIII вв. в 99 погребениях найдено 5605 бусин, а в женском захоронении 91 этого же памятника обнаружено даже 697 бусин (М.Г. Иванова, 1992, с. 46, 97). Поскольку все бусы при-

возные, эти цифры красноречиво говорят о масштабах торговли населения Прикамья в средние века.

Таким образом, археологические материалы убедительно свидетельствуют, что Прикамье представляло собой особый район лесной зоны Восточной Европы, где волею исторических обстоятельств население давно освоило торговые операции и располагало большим количеством престижных ценностей (бусы, украшения, оружие, серебряные сосуды, монеты), которые, наряду с продукцией собственных мастеров, мехами, воском, медом, невольниками, могли служить предметом торговли.

Появление столь значительного прибавочного продукта в виде престижных ценностей убедительно свидетельствует о существовании неких социальных групп, одна из которых организует, а другая осуществляет эту многоступенчатую торговлю. Скорее всего, роль первой брала на себя общинная верхушка, которая, обладая результатами торговли, активно создавала и систему перераспределения общественного продукта. Таким образом, торговля действовала как катализатор формирования этой надобщинной системы перераспределения прибавочного продукта. Вместе с тем, торговля была мощным фактором создания имущественного класса, особенно после IX в., в условиях постоянного контакта с уже сформировавшимися классовыми обществами – Волжской Булгарией и Русским государством. Поскольку торговля постоянно преумножала прибавочный продукт, общинная власть стремилась к монополизации и контролю над торговлей. Именно она стремилась к образованию особых профессиональных групп людей, занимающихся торговлей, и старалась контролировать их деятельность. Эти группы участвовали в перераспределении прибавочного продукта и также были фактором, способствующим разложению первобытнообщинных отношений (История первобытного общества, 1988, с. 216–218).

Логично было бы полагать, что общинная верхушка в Прикамье в условиях средневековья локализовалась на городищах, за укреплениями которых надежнее всего скрывать накопленные ценности. Попробуем взглянуть на эту проблему на материалах одного из микрорайонов чепецкой культуры.

На средней Чепце в окрестностях ремесленного центра – городища Иднакар располагались 4 селища, 2 могильника и еще одно городище – Сабанчикар (рис. 191). Все они расположены в пределах почти равнобедренного треугольника, образованного долинами р. Чепцы и ее правого притока – р. Пызеп. Ремесленный центр Иднакар занимал высокий мыс в самом устье р. Пызеп. На ее побережье, вверх по течению, обнаружены 3 селища: в 2 км Солдырское III селище, площадью 3,2 тыс. кв. м и мощностью культурного слоя 0,5 м; в 2,5 км – селище IV, площадью около 5,5 тыс. кв. м и незначительной мощностью культурных остатков; в 7,5 км от Иднакара – селище I, площадью 8 тыс. кв. м и мощностью слоя 0,8 м (А.Г. Иванов, 1995, с. 107–108). На склонах террасы р. Чепцы в 3 км от Иднакара размещалось Солдырское II селище площадью около 7 тыс. кв. м, а в 6 км от Иднакара – небольшое городище Сабанчикар (5,5 тыс. кв. м) и мощностью слоя до 1 м. Между городищем Сабанчикар, примерно в 1 км от него, и селищем II располагался могильник Чемшай.

Судя по материалам, в IX в., может быть, чуть раньше, сначала были освоены городище Сабанчикар, селище II и могильник Чемшай – один из самых богатых в крае, по мнению А.П. Смирнова (1952, с. 202). Все они просуществовали до конца чепецкой культуры. Судя по малой площади (5,5 тыс. кв. м) и достаточно большой (до 1 м) мощности культурного слоя, размещению рядом обслуживающих его поселения, селища и могильника, именно здесь и жила общинная верхушка. В X в. были воздвигнуты укрепления городища Иднакар – ремесленного общинного центра. Вряд ли общинная верхушка переме-

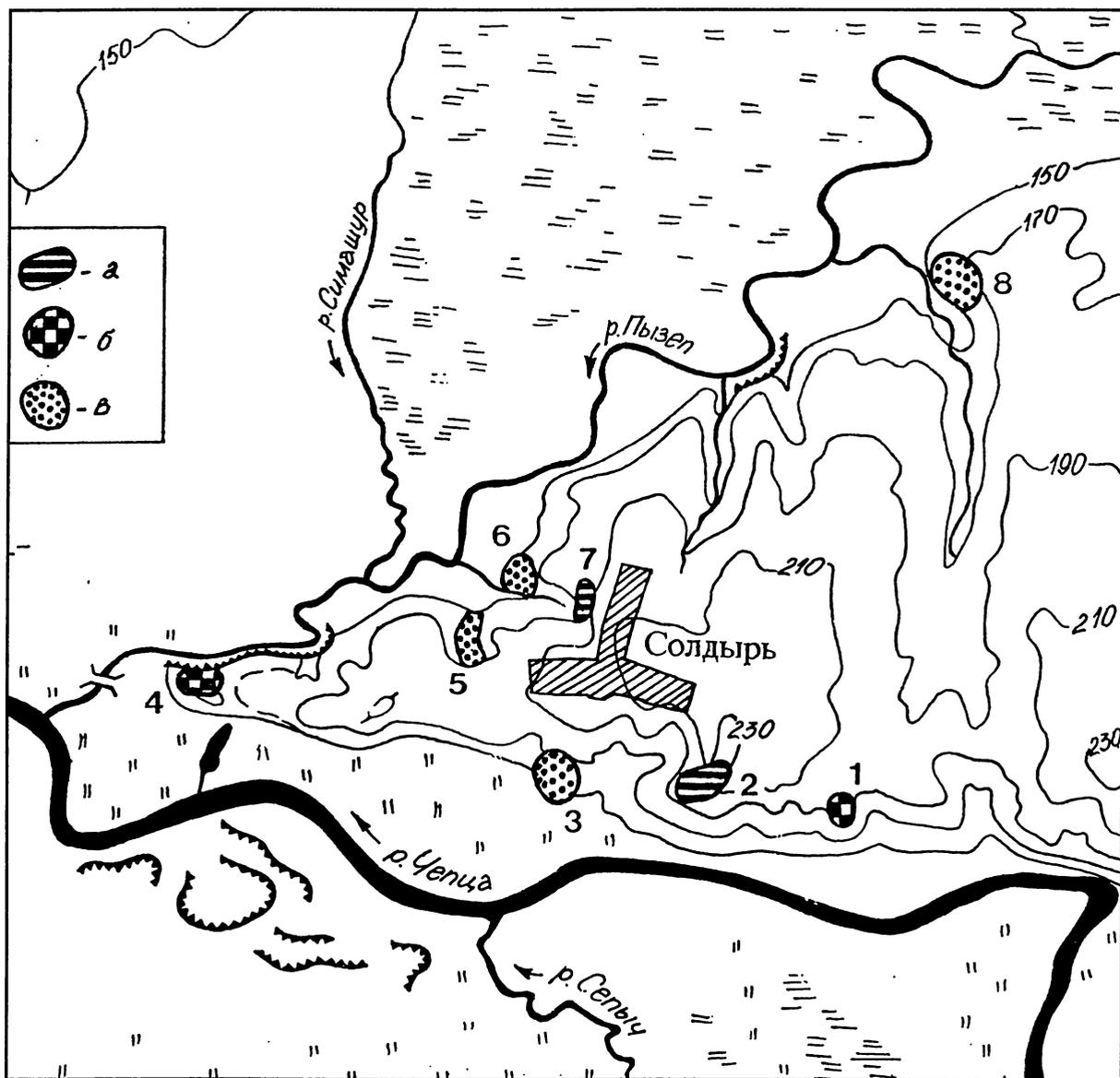

Рис. 191. Схема размещения средневековых памятников в окрестностях д. Солдырь
(Глазовский район Удмуртии (по А.Г. Иванову).

а – могильник, б – городище, в – селище. 1 – городище Сабанчикар; 2 – могильник Чемшай; 3 – селище II;
4 – городище Иднакар; 5 – селище III; 6 – селище IV; 7 – могильник Бигершай; 8 – селище I

стилась из Сабанчикара на Иднакар, оставив не только насиженное место, но и общинный могильник. Как показывают раскопанные сооружения Иднакара, пока нет оснований для вычленения среди остальных домов знати, которые бы отличались конструктивными особенностями и интерьером или инвентарем. Однако не исключено, что после раскопок всей площади Иднакара удастся выявить и жилища общинной знати.

Возможно, одновременно с Иднакаром, а может быть, и раньше (датировать селища трудно из-за скудости подъемного материала) стали функционировать три селища на р. Пызеп. Видимо не случайно селище I отделено от других почти пятикилометровой полосой, так как для обеспечения его многочисленного населения, оставившего культурный слой мощностью 0,8 м на площади 8 тыс. кв. м, требовалась значительная прожиточная база. В XIII в. на возвышенности в глубине террасы в 0,5 км от селища IV был основан могильник Солдырский бигершай. Вполне вероятно, что после раскопок пызепских селищ, скорее всего третьего и четвертого, удастся выявить комплексы и сооружения, относящиеся непосредственно к этому могильнику.

Процесс выделения общинной верхушки имеет глубокие исторические корни – уже для раннего железного века институт вождизма хорошо документирован. За полтора тысячелетия эта система все более совершенствовалась. Возникнув первоначально на плутократической основе, когда постепенно приобретали власть люди, занимавшиеся перераспределением общественного продукта и обладавшие определенными личными достоинствами, уже в ананьинское время верховная власть укреплялась за счет исполнения ею организационно-хозяйственных, военных и культовых функций.

Археологические материалы имеют ограниченные возможности для освещения этой проблемы, но немало интересных фактов содержит народный фольклор, особенно цикл

его героических преданий. В частности, в них содержатся многочисленные упоминания о вождях родов и общин (Донды, Бурсин Чунь-ыпи, Селты, Кужлю Бигра, Мардан, Тутой, Шудзя, Можга, Бия, Ядыгар, Ожмег и т.д.). Существует хорошо разработанная их номенклатура: «батыр» (богатырь), «төрө» (старейшина, вождь, предводитель), «эксэй» (князь, царь). Каждый из богатырей жил в своем городище (кар) с домочадцами и приближенными и владел определенной территорией. Важно, что вокруг вождя уже сформировалась группа соратников, помощников, дружинников, которые осуществляли, прежде всего, насильственные функции – собирали дань или участвовали в военных действиях. О том, что война продолжала оставаться одним из мощных рычагов отчуждения как необходимого, так и прибавочного продукта, свидетельствует существование и совершенствование защитных сооружений наиболее важных общинных объектов – ремесленных и административных центров, требующих огромных производственных затрат.

Героические предания удмуртов убедительно живописуют военные конфликты, возникающие из-за определенных территорий, которые разрешались противоборством конкретных героев и батыров. Это свидетельства не только сложной обстановки жизнедеятельности этноса, но и присутствия одного из важнейших факторов классовобразования. Военные конфликты способствовали выдвиганию на передний план исторической сцены наиболее ярких личностей, а также и наиболее сильных, крепких общин. Уцелевшие в военных столкновениях общины стремились к укреплению власти удачливых военных предводителей и представляющих их общин. Кроме того, военные конфликты увеличивали численность зависимого населения (данников, невольников) и величину прибавочного продукта.

В героических преданиях удмуртов отразился один из важнейших признаков процесса классовобразования – стремление социаль-

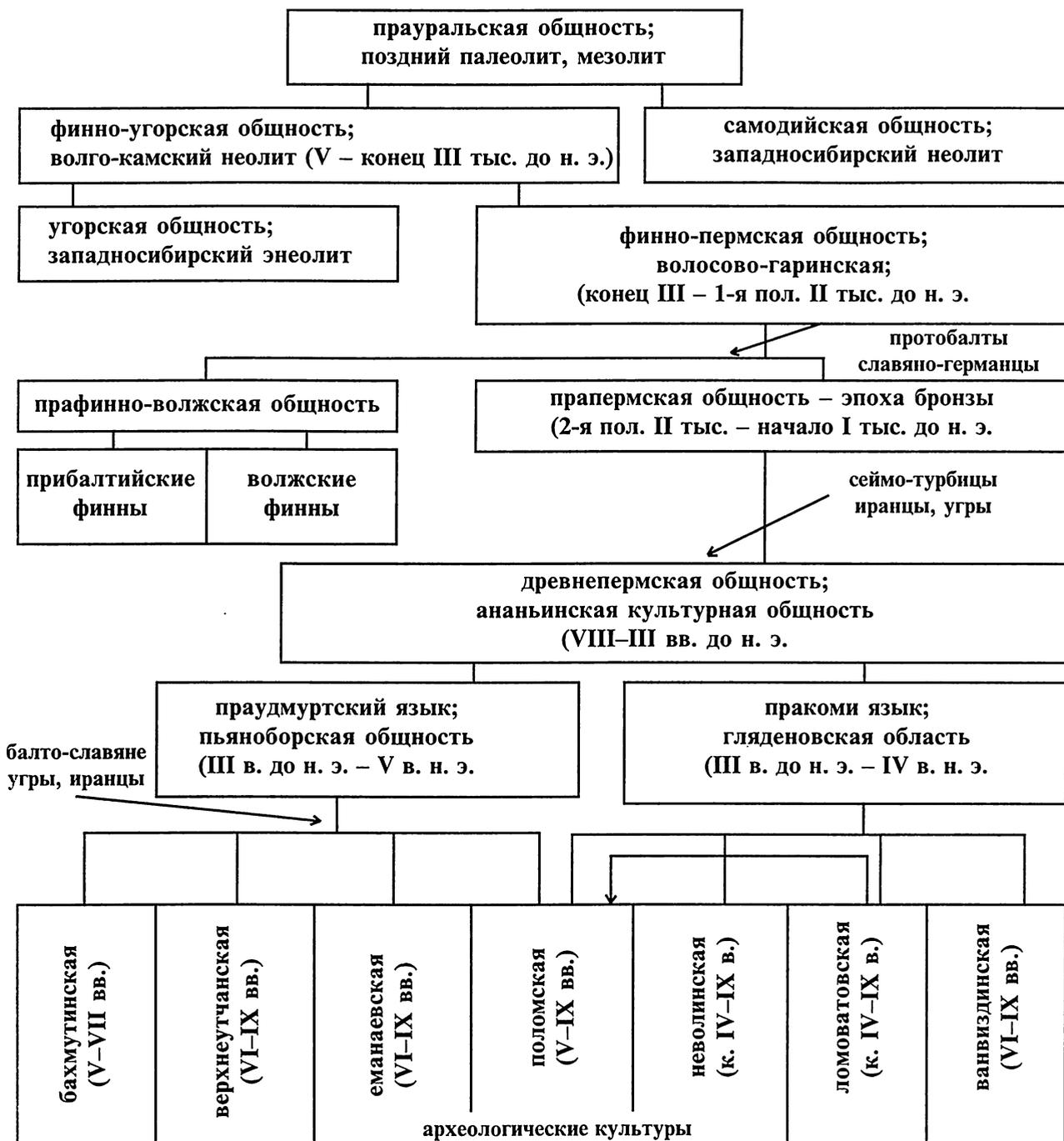

Рис. 192. Соотношение схемы развития уральской общности и археологических культур

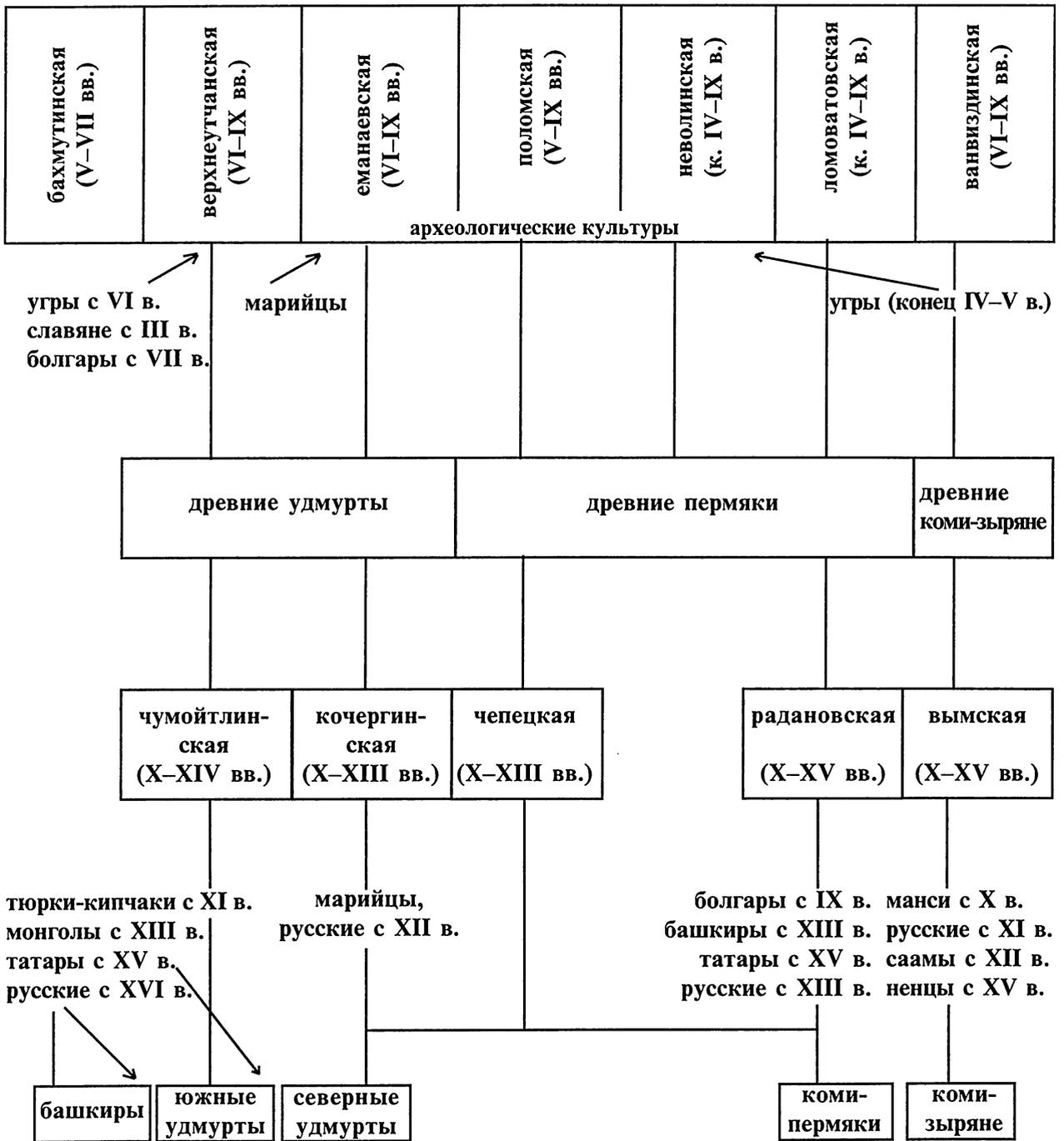

Рис. 192. Продолжение

ной верхушки передать свою власть по наследству. Так, богатырь Донды каждому из сыновей определил удел и место для постоянного жительства, где они построили себе «кар» – городище, гнездо. Свое родовое гнездо на горе Солдырь он оставил своему старшему сыну Идне, в чем проявилось сложившееся прямое наследование по мужской линии. Привлечение преданий для доказательств развивающихся явлений классообразования у удмуртов представляется вполне оправданным, так как существование этих преданий – бесспорный исторический факт. Сомнению подвергается лишь связь этих сказаний с конкретными археологическими объектами. Естественно, что выделившаяся социальная верхушка была заинтересована в закреплении своего положения в обществе, предпринимая для этого разнообразные действия. Одно из них – создание героических легенд, преданий, возвышающих действия определенных лиц и утверждающих их в особом статусе среди других общинников. Эпическая традиция в этом случае выступала как идеологическая система, способствующая укреплению власти вождей. Эту же цель преследовали и разнообразные культовые церемонии и их исполнители – служители культа.

Основной производственной ячейкой средневекового общества была семья. Это могла быть большая патриархальная семья, состоявшая из 2–3 поколений ближайших родственников по отцовской линии, в числе 10–15 человек. Она занимала жилище площадью 45–50 кв. м, раскопанное на городище Иднакар (М.Г. Иванова, 1995а, с. 68). Подобные сооружения хорошо известны на многих памятниках Прикамья. Особое значение имеют материалы городища Гыркесшур (раскопки В.Е. Стоянова и В.А. Семенова), дати-

рующегося VI–VIII вв., где исследована отдельная усадьба, в состав которой входили жилище площадью 40 кв. м (жилище I), два амбара, культовая постройка (рис. 173–1, 2). Это лишь один из примеров того, что во второй половине I тыс. н. э. произошло хозяйственное обособление патриархальной семьи. В это время уже широко распространены малые моногамные семьи численностью 5–8 человек, жившие в домах площадью 20–25 кв. м. Процесс обособления малых семей получил в эпоху средневековья особое развитие. Такие жилища известны на городищах Дондыкар, Иднакар, Еманаевском, селище Искра и других памятниках. Материалы могильников также указывают на значительное уменьшение численности основного производственного коллектива. На Петропавловском могильнике VI–VII вв. в Южной Удмуртии обнаружено лишь 28 захоронений, оставленных двумя семьями, на Кочергинском – 5, на Юмском – 9 погребений.

Уместно говорить и об обособлении собственности этих семей, ведь только на городище Иднакар зафиксировано около 30 знаков собственности (тамг, пусов) (О.В. Арматынская, 1995, рис. 1), что свидетельствует о жизненно важной традиции отмечать свою собственность особым способом.

Положение семей в средневековом обществе было далеко не одинаковым. Героические предания донесли до нас намеки на способы эксплуатации в удмуртском обществе: уплата дани вождям (Донды, Узьякарский князь), обработка его земли (Донды).

Таким образом, удмуртское общество эпохи средневековья характеризовалось многими особенностями, свидетельствующими о разложении первобытнообщинных отношений и формировании классов, но процесс этот в исследуемое время еще не достиг своего завершения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали многочисленные археологические материалы, Приуралье – одна из благоприятных для обитания областей ойкумены – было довольно плотно заселено человеком в весьма раннюю пору – в позднем палеолите. И с этого времени у людей не было причин покидать этот край. Более того, по мере увеличения численности человечества возрастала плотность населения и в Приуралье. Это наглядно подтверждается растущим от одной эпохи к другой числом археологических памятников. Если эпоха мезолита представлена в Приуралье десятками памятников, то неолитических объектов известно уже несколько сотен.

Позднепалеолитическое население Урала вело оседлый образ жизни, имело развитое охотничье-собирательское хозяйство, жило материнскими родовыми коллективами, умело строить теплые жилища, шить одежду из шкур, изготавливать орудия из камня и кости. Мир представлялся палеолитическому человеку одномерным, но появились свидетельства зарождения весьма сложной духовной жизни. Вероятно, уже в позднем палеолите оформились основные черты уральской этнической общности, характеризующейся особым антропологическим типом, своеобразным языком, материальной и духовной культурой.

В связи с изменением животного мира в эпоху мезолита загонная охота сменилась охотой с помощью лука и стрел на мелких и средних зверей: лося, северного оленя, косулю, кабана. Появилось первое прирученное животное – собака. Освоены средства пере-

движения – лыжи, сани, нарты. Развивались ранние формы религий: тотемизм, анимизм, магия, погребальный культ. В представлениях людей мир стал трехярусным: небесным, земным и подземно-подводным. На рубеже мезолита и неолита от уральской общности отделилась финно-угорская (рис. 192).

Эпоха неолита отмечена изменениями в производстве каменных орудий: появилось шлифование, пиление, сверление камня, использовались его мягкие породы, типы орудий стали более разнообразными. Особенно многочисленны орудия, связанные с деревообработкой. Люди научились изготавливать глиняную посуду, ткани из растительных волокон. Появились долговременные поселки, состоявшие из нескольких различных по форме и конструкции жилищ. Укрепилась материнская родовая община.

В эпоху энеолита особенно интенсивно развивалось рыболовство – в жилищах обнаружены скопления рыбьей чешуи и костей. Продолжали охотиться на зверей, дающих много мяса, но документирована и пушная охота, особенно на бобра. Люди научились строить большие дома, площадью до 165 кв. м, с хозяйственными сооружениями для хранения запасов. Жилища одного поселка были соединены крытыми переходами, образуя сложные архитектурные комплексы. Увеличилась плотность населения. На одном поселке одновременно могли жить до 500 человек. Энеолит – время расцвета материнской родовой общины.

На рубеже неолита и энеолита произошло разделение праугорского объединения (Зау-

ралье и Западная Сибирь) и прафинно-пермского (Приуралье). Последнее археологически представлено памятниками волосово-гаринской общности, но поскольку гаринская общность, располагавшаяся в Прикамье от устья р. Обвы на севере до устья р. Шошмы на юге, включая бассейн р. Вятки (рис. 38), характеризуется весьма своеобразными особенностями, видимо, уже в это время можно говорить о начавшемся отделении пермян от волжских финнов. Большое значение для прогресса пермян в эпоху энеолита имели прямые контакты с балановским (протобалто-славяно-германцы) и абашевским (ранние индоиранцы, арийцы) населением, принесшим в Вятско-Ветлужское междуречье и Прикамье навыки изготовления медных изделий и производящего хозяйства – скотоводства и земледелия.

В эпоху бронзы ареал расселения пермян несколько расширился (рис. 67): от р. Березовки до устья Камы и прилегающего Поволжья, включая низовья р. Белой и бассейн р. Вятки. На этой территории определены локальные районы: Верхнее и Среднее Прикамье (ерзовская культура), нижнее течение р. Белой (курмантау), побережье Камы между устьями рр. Белой и Вятки (луговская), Нижняя и Средняя Вятка (буйская) и Нижнее Прикамье и прилегающее Поволжье (приказанская). В это время развивалось комплексное хозяйство, производящие отрасли – скотоводство и земледелие – дополнялись охотой, рыболовством и собирательством. Осуществился переход к патриархату. Значительное влияние на пермян оказала миграция с Востока в XV–XVI вв. до н. э. сейминско-турбинского населения, которое владело более совершенной технологией бронзолитейного производства, имело более высокий уровень военного дела, средств передвижения и т. д. Велико было воздействие и лесостепного срубно-андроновского ираноязычного мира, что проявилось прежде всего в совершенствовании производящего хозяйства – земледелия и скотоводства, металлообра-

ботки и всадничества. В конце эпохи бронзы пермяне в бассейне р. Белой контактировали с угорским населением межовской культуры.

В раннем железном веке (ананьинская культурная общность) ареал расселения пермян остается неизменным (рис. 177). Лишь возросла плотность населения. Более густо было заселено Среднее Прикамье, освоен бассейн р. Тулвы. На основе культур эпохи бронзы возникли локальные варианты ананьинского времени: нижнекамский, среднекамский, бельский, вятский, верхнекамский. По невыясненным пока причинам, в VI в. до н. э. нижнекамская группа ананьинской общности прекратила существование и юго-западная граница пермского объединения сместилась по р. Каме примерно до устья р. Ик.

Железо способствовало прогрессу всех областей жизнедеятельности: земледелию, скотоводству, охоте, военному делу и т. п. Бронзолитейное производство достигло наивысшего расцвета. Продукция ананьинского металлургического очага (VIII–IV вв. до н. э.) известна от Швеции до Иртыша. Производством ее занимались выделившиеся профессионально кузнецы-литейщики. В IV в. до н. э. бронза была вытеснена железом из сферы производства орудий труда и оружия. Из нее стали делать только украшения.

В связи с совершенствованием всех отраслей экономики возросла численность населения и обогатилась духовная жизнь – сформировались основные черты местного звериного стиля. Появление значительного прибавочного продукта спровоцировало военные столкновения коллективов, развитие военного дела, появление городищ – средства потенциальной обороны накопленных ценностей. Развивался институт вождизма, социальное неравенство, появилось домашнее рабство. Все более усложнялась духовная жизнь: в ананьинское время известны как общепоселенческие, так и общетерриториальные жертвенные места. В VIII–VII вв. до н. э. отмечены связи с Кавказом, в VI–IV вв. до н. э. – с савроматами, саками, кочевниками Казахстана

и Средней Азии. Ананьинская общность – неразделившиеся предки удмуртов, коми-пермяков, коми-зырян.

В III в. до н. э. ананьинская общность распалась на две: гляденовскую (Верхнее Прикамье, Средняя и Верхняя Вычегда и верховья Печоры) – предки коми-зырян и коми-пермяков и пьяноборскую (Среднее и Нижнее Прикамье, Вятка, низовья Белой) – предки удмуртов. Пьяноборская общность делится на несколько локальных вариантов (рис. 97): чегандинский (удмуртское Прикамье, низовья Белой), худяковский (бассейн Вятки), карабызский (среднее течение р. Белой) и красноярский (бассейн р. Тулвы и прилегающее Среднее Прикамье). В пьяноборское время наблюдался неизменный прогресс пермского общества. Успешно развивалось хозяйство, торговля. Металлообработка не только обособилась в самостоятельный вид деятельности, но и превратилась в ремесло.

Во второй половине III – начале IV в. на р. Вятке и Средней Каме появилась довольно большая группа пришлого населения, скорее всего, балто-славянского или славянского происхождения. Вторая волна родственных с предшествующими групп зафиксирована здесь в конце IV – начале V в. Они принесли в Прикамье новые виды как наступательного, так и защитного вооружения, более развитое металлообрабатывающее производство, новые формы земледелия.

В эпоху раннего средневековья границы расселения удмуртского этноса оставались без изменений. Южная часть Камско-Вятского междуречья была занята населением верхнеутчанской культуры, низовья р. Белой – бахмутинской, Вятско-Ветлужское междуречье – еманаевской, а верховья р. Чепцы – полемской. Ранее всего изменилась ситуация в бельском бассейне, наиболее тесно связанном со степным миром. Именно здесь, вследствие постоянного притока инородных групп населения: турбаслинских, романовских, кушнаренковских и других, памятники бахмутинского типа после VII в. исчезают. Видимо,

часть удмуртского населения была ассимилирована, другие же группы перешли на правобережье р. Камы. Подобная судьба была и у пермского населения бассейна р. Тулвы, так как памятники после VI в. здесь редки.

Кроме местных типов керамики, на памятниках верхнеутчанской культуры известна посуда именьковского типа. Население именьковской культуры балто-славянского происхождения жило в конце IV–VII в. на побережье Камского устья и имело высокоразвитое металлургическое производство, новые породы скота и пашенное земледелие. Некоторые достижения именьковцев были освоены пермянами. Население верхнеутчанской культуры контактировало и с уграми (кушнаренковская культура), появившимися в бассейне р. Белой на рубеже VI–VII вв. и жившими в Прикамье до X в.

На рубеже VII–VIII вв. в Нижнем Прикамье и прилегающем Поволжье появились кочевники-булгары, которые разгромили именьковское население и заняли его территорию. В конце IX в. здесь сложилось государство Волжская Булгария, в состав которого также вошли довольно большие группы пермян (население ломоватовской, неволинской и полемской культур). Булгарское влияние ощутимо в животноводстве, земледелии, торговле, материальной и духовной жизни пермян. В 30-е гг. XIII в. государство булгар было разгромлено монголами, Волжская Булгария была включена в состав Золотой Орды.

Памятники X–XIV вв. Южной Удмуртии относятся к чумойтлинской археологической культуре, сложившейся на основе верхнеутчанской. В культуре южных удмуртов явно ощущается влияние тюркского мира, что проявляется в особенностях одежды, головных уборах, украшениях, домостроении, верованиях, языке (ижские, верхневалинские, тойминские, умякские, кырыкмасские говоры южноудмуртского наречия), физическом облике.

Удмуртские памятники VI–IX вв. на р. Вятке объединены в еманаевскую культуру, рас-

полагавшуюся как по левобережным ее притокам, так и по правобережным, вплоть до р. Ветлуги. В X в. она сменилась кочергинской культурой. Начиная с этого времени число удмуртских памятников в Вятско-Ветлужском междуречье все более сокращается и самые поздние из них едва доживают до XIII в. Постепенно эта территория была освоена марийцами, продвигавшимися на восток. Толчком для переселения послужила, видимо, экспансия в марийское Заволжье Булгарского государства. Западных удмуртов, живших по р. Пижме и ее притокам, называли Калмез. Перейдя на левобережье р. Вятки, возможно, они перенесли это название на одну из наиболее крупных рек – Кильмезь. Калмезы имели некоторые особенности в использовании одежды, а язык их относится к срединным (переходным) говорам, обладающим признаками как южного, так и северного наречий.

Реликтом некогда существовавшего крупного массива западных удмуртов являются арские удмурты, живущие в северо-восточной Татарии и на юго-востоке Кировской области. Они говорят на кукморском и шошминском диалекте периферийно-южного наречия удмуртского языка, имеют отличительные особенности в одежде и украшениях. Эта группа явилась исходной территорией для переселения удмуртов на северо-восток, в Южную Удмуртию, а также на восток и юго-восток.

Вероятно, отсюда же происходит этнографическая группа бесермян, живущая сейчас в бассейне р. Чепцы и говорящая на особом наречии удмуртского языка. Бесермянский костюм имеет черты, сближающие его с чувашским. Антропологический тип их отличается большей европеидностью, чем другие группы удмуртов. Возможно, бесермяне-удмурты на территории Арской земли усвоили от булгар некоторые особенности материальной и духовной культуры, а переселившись на р. Чепцу, сохранили их.

Начало контактов удмуртов с татарами, говорящими на языке кыпчакской группы

тюркских языков алтайской языковой семьи, относится к XIII–XV вв. – смене в Прикамье булгарского языка кыпчакским. Районом соприкосновения сначала был район Арской земли, а с конца XIV в. – нижнее и среднее течение р. Чепцы, где расселились каринские и чепецкие татары – выходцы из Приказанья. В Южной Удмуртии первые татарские поселения известны в XVI–XVII вв.

В Вятском районе в конце XII в. появились первые русские поселенцы. Здесь был основан русский городок Никулицын и образовалась сельская округа из неукрепленных поселков. В середине XIII в. на Вятке возникло независимое государство – Вятская земля, объединившее как пришлое (русское, татарское и финское), так и местное – удмуртское население и просуществовавшее до 1489 г. Русские принесли в этот край новые формы хозяйствования (трехполье), новые посевные культуры, более продуктивные породы скота, более совершенные приемы металлообработки, письменность, христианство и другие культурные достижения.

Бассейн р. Чепцы в каменном и медно-каменном веках был заселен слабо. В эпоху бронзы и раннем железном веке были освоены низовья этой реки. Основным районом обитания будущих северных удмуртов было среднее течение р. Вятки. В V в. н. э. ломоватовское население освоило сначала верховья, а затем и среднее течение р. Чепцы (поломская археологическая культура). В сложении ее участвовали и группы вятского населения (еманаевская культура). Во второй половине IX в. часть ломовского населения была насильственно перемещена на территорию проживания булгар в устье Камы, другая часть освоила новые районы в среднем течении р. Чепцы. На верхней Чепце продолжали жить немногочисленные оставшиеся ломовцы. В среднем течении р. Чепцы сложилась яркая и своеобразная чепецкая культура с центром на городище Иднакар. В XI в. на Чепцу начинают проникать довольно значительные группы вятского населения, принес-

шие сюда неорнаментированную посуду приземистых форм и биобрядность (труположение и трупосожжение). В XIII в. полемско-чепецкие памятники прекратили свое существование в результате вражеского нашествия (татаро-монголы, русские?). Сохранившаяся часть чепецкого населения, возможно, отошла на свою историческую родину – в верховья р. Камы (зюздинский край), часть, вероятно, освоив более глубинные районы, вошла позже в состав северных удмуртов. Освоение р. Чепцы удмуртами объединения Ватка продолжалось, видимо, наиболее активно в XVI–XVII вв. и позже.

В эпоху средневековья у удмуртов интенсивно развивалось земледелие в пашенной форме. Не позже IX в. даже на севере – в чепецком крае найдены железные наральники. Через именьковцев, позднее болгар и русских, стали известны новые культуры: пшеница, яровая и озимая рожь, овес, горох, гречиха, вика, лен, чечевица, редька, репа, лук, огурцы, яблоки, капуста. К концу I тыс. н. э. в животноводстве развивается мясо-молочное направление. В середине I тыс. н. э. возникли специализированные ремесленные поселки. Продукция ремесленников находила сбыт как среди своих общин, так и довольно дале-

ко от места производства – в Белозерье, Приладожье, Поволжье – до Финляндии и Швеции. В удмуртском обществе эпохи средневековья активно шли процессы имущественного расщепления, обособления соседской верхушки, формирования торговой и военной прослойки, оформления экономической самостоятельности малой моногамной семьи. Однако эти явления в изучаемое время не получили своего завершения.

Таким образом, удмуртский народ в Камско-Вятском междуречье имеет глубокие исторические корни. Границы его обитания менялись в соответствии с многообразными историческими обстоятельствами и процессами, проходившими в этом крае. На протяжении тысячелетий предки удмуртов взаимодействовали в разной форме с различными народами, воспринимая от них лучшие достижения человечества. Наиболее ощутимы контакты с иранцами, балтами, славянами, волжскими финнами, уграми, тюрками и другими этносами. Вместе с тем, многим поколениям удмуртов удалось сохранить неповторимый колорит материальной и духовной культуры своего народа, позволяющий отчетливо идентифицировать это оригинальное образование – удмуртский народ.

ANCIENT AND MIDDLED-AGED HISTORY OF THE UDMURT PEOPLE

By this particular time different branches of Humanities such as comparative historical linguistics, the study of folklore, ethnography, ethnology, anthropology, archeology and many others have achieved obvious good results in the sphere of ancient and middle-aged Udmurt people history studies. A complex approach to the problem permitting the usage of each discipline data, it is possible to work out a more objective old history, based on varied facts of different spheres of the knowledge.

The Udmurt people as well as some others belongs to the Ural language community. Their ancestors since the time immemorial have inhabited the Western Urals, occupying mostly the larger part of the Kama river basin.

For us it has become possible to watch the succession of material culture development starting

from the Stone Age up to Middle Ages in spite of a relative level of learning of different archaeological memorials (tombstones and cenataphs).

It goes without saying, the Udmurt disposition borders changed at different historical periods under the influence of various historical reasons.

As centuries went by, the Udmurt people came into contact with neighboring peoples, interacted with them, perceived their best achievements, sharing its own.

Contacts with the Iran people, the Balts, the Finnish people, the Slavs, the Ugros, the Turks and others influenced the material as well as the spiritual and cultural life to a greater extent.

Nevertheless, many generations of the Udmurts managed to conserve the unique colour of its people culture that helps to identify the original formation – the Udmurt people.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И., 1972. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М.
- Авенариус И.Г., Муратова М.В., Спасская И.И., 1978. Палеогеография Северной Евразии в позднем плейстоцене – голоцене и географический прогноз. М.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1985. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А., 1986. III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа.
- Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.
- Акимова М.С., 1961. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья // Вопросы антропологии. Вып. 7.
- Акимова М.С., 1961а. Антропологический состав населения пьяноборской культуры // Вопросы антропологии. Вып. 8.
- Акимова М.С., 1962. Краниологический очерк удмуртов // Вопросы антропологии. Вып. 10.
- Акимова М.С., 1962а. Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Поволжья // Тр. МАЭ. Т. 2. Йошкар-Ола.
- Акимова М.С., 1963. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.
- Акимова М.С., 1963. Черепа раннего средневековья с р. Вятки // Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Ижевск.
- Акимова М.С., 1964. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.
- Акимова М.С., 1967. Происхождение марийского народа по данным палеоантропологии // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Акимова М.С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.
- Акимова М.С., 1972. Значение данных дерматоглифики для изучения смешанных групп (на башкирском материале) // Человек. Эволюция и внутривидовая дифференциация. М.
- Акцорин В.А., 1980. Исторические легенды и предания о контакте марийцев с предками коми // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола.
- Алабин П.В., 1859. Ананьинский могильник // ВГВ. № 27–30. Вятка.
- Алабин П.В., 1860. Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // Вестник Императорского Русского Географического общества. Ч. 29, разд. 2, № 6. СПб.
- Алабин П.В., 1865. Заметки относительно древностей Вятского края // ВГВ. № 54–58. Вятка.
- Алексеев В.П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы. М.
- Алексеев В.П., 1981. К палеоантропологии ананьинской культуры // СЭ. № 4. М.
- Амброз А.К., 1971б. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. № 3. М.
- Амброз А.К., 1973. Рецензия // СА. № 2. М. Рец. на кн.: I. Erdelyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Graberfeld von Newolino. Budapest, 1969.
- Амелькин А.О., 1987. Знак на гребне с городища Иднакар (к вопросу о начальном периоде русско-удмуртских контактов) // Проблемы изучения древней истории Удмуртии.
- Андреева Е.Г., 1967. Животные Прикамья ананьинского времени по костным остаткам из археологических памятников // УЗ ПГУ. № 148. Пермь.
- Аникина Э.Э., 1960. Степные и лесостепные элементы бассейна р. Тулвы в зоне затопления и подтопления Воткинской ГЭС // УЗ ПГУ. Т. XII, вып. 1. Пермь.
- Аннинский С.А., 1940. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический архив. Т. III. М., Л.

- Арматинская О.В., 1986. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов.
- Арматинская О.В., 1991. Особенности погребальных традиций населения Камско-Бельского междуречья в эпоху железного века (конец IV в. до н. э. – V в. н. э.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.
- Арматинская О.В., 1995. Древние знаки собственности северных удмуртов // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.
- Арматинская О.В., Водолаго Н.В., Голдина Р.Д., Гусенцова Т.М., Казанцева О.А., Карпова Н.П., Киржнер Е.Э., Лещинская Н.А., Макаров Л.Д., 1988. Исследования Камско-Вятской экспедиции // АО-1986. М.
- Археология Венгрии (конец II тыс. до н. э. – I тыс. н. э.), 1986. М.
- Археологическая карта Башкирии, 1976. М.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье, 1981. М.
- Археологические памятники Центрального Закамья, 1988. Казань.
- Археология Южного Урала, 1992. Стерлитамак.
- Архипов Г.А., 1962. Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка // Уч. зап. ТГУ. Вып. 117. Тарту.
- Архипов Г.А., 1963. Удмурт нимъёс но инты нимъёс // Молот, № 4. Ижевск.
- Архипов Г.А., 1978. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск.
- Архипов Г.А., 1981. Среднеюринский говор I // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи. Ижевск.
- Архипов Г.А., 1982. Среднеюринский говор II // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск.
- Архипов Г.А., 1962. Городища I тысячелетия // Железный век Марийского края. Труды МАЭ. Т. 2. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А., 1962а. Ижевское городище // Вопросы истории, археологии Марийской АССР. Вып. XVII. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А., Халиков А.Х., 1960. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола.
- Атаманов М.Г., 1980. Микроэтнонимы удмуртов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск.
- Атаманов М.Г., 1982. Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Атаманов М.Г., 1983. Удмуртские топонимы бассейна Вятки // СФУ. № 2. Таллин.
- Атаманов М.Г., 1985. Названия археологических памятников и культовых мест Удмуртии // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск.
- Атаманов М.Г., 1987. Расселение удмуртов по данным этнотопонимики // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.
- Атаманов М.Г., 1988. Удмуртская ономастика. Ижевск.
- Атаманов М.Г., 1996. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов. Научн. доклад, предст. в качестве диссертации на соиск. уч. степ. д. ф. н. Йошкар-Ола.
- Атаманов М.Г., 1997. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск.
- Атаманов М.Г., Владыкин В.Е., 1985. Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX – начало XX в.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов.
- Ахмеров Р.Б., 1952. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. Вып. 48.
- Ахмеров Р.Б., 1970. Уфимские погребения IV–VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М.
- Ашихмина Л.И., 1977. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.
- Ашихмина Л.И., 1978. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар.
- Ашихмина Л.И., 1979. Раскопки Буйского городища // АО-1978. М.
- Ашихмина Л.И., 1985. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Ашихмина Л.И., 1985а. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Сыктывкар.
- Ашихмина Л.И., 1985б. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар.
- Ашихмина Л.И., 1987. Клад с Буйского городища // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск.
- Ашихмина Л.И., 1988. Погребальный обряд курганного могильника Борганъёл. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 191. Сыктывкар.
- Ашихмина Л.И., 1992. Реконструкция представлений о мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа. Сыктывкар.

- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1970. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО-1969. М.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1977. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.
- Ашихмина Л.И., Ключева Г.Н., 1984. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1986. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., 1989. К реконструкции исторических событий на средней Вятке в середине I тыс. н. э. // Актуальные проблемы методики западно-сибирской археологии. Новосибирск.
- Бадер О.Н., 1947. Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком // УЗ ПГУ. Т. V. Вып. 2. Пермь.
- Бадер О.Н., 1948. Каменный век на Урале // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов.
- Бадер О.Н., 1948а. Уникальный сасанидский сосуд из-под Кунгура // ВДИ. № 3.
- Бадер О.Н., 1949. Бартымская чаша // КСИИМК. Вып. 29. М.
- Бадер О.Н., 1950. К вопросу о балановской культуре // СЭ. № 1. М.
- Бадер О.Н., 1951. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой // МИА. № 22. М.
- Бадер О.Н., 1952. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье: (К последним находкам) // На Западном Урале. Молотов.
- Бадер О.Н., 1954. Камская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 55. М.
- Бадер О.Н., 1957. Камская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 70. М.
- Бадер О.Н., 1960. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала // МИА. № 79. М., Л.
- Бадер О.Н., 1961. Основные итоги и задачи изучения истории Урала в эпоху камня и бронзы // ВАУ. Вып. 1. Свердловск.
- Бадер О.Н., 1961а. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // ОКВАЭ. Вып. 2. М.
- Бадер О.Н., 1961б. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99. М.
- Бадер О.Н., 1961в. Балановская культура // СА. № 4.
- Бадер О.Н., 1963. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.
- Бадер О.Н., 1965. Каповая пещера. М.
- Бадер О.Н., 1966. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. № 126. М., Л.
- Бадер О.Н., 1967. Палеолит Урала и его значение для изучения древнейшего прошлого Евразии // V Урал. археол. совещ. Сыктывкар.
- Бадер О.Н., 1972. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Бадер О.Н., 1975. Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. № 172. Л.
- Бадер О.Н., 1976. Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев.
- Бадер О.Н., 1977. Северная палеолитическая и Окская экспедиция // АО-1976. М.
- Бадер О.Н., 1978. Сунгирь верхнепалеолитическая стоянка. М.
- Бадер О.Н., 1978а. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. Вып. 153. М.
- Бадер О.Н., Матюшин Г.Н., 1973. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // СА. № 4. М.
- Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.
- Бадер О.Н., Оборин В.А., 1960. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1955 и 1956 гг. // УЗ ПГУ. Т. XII, вып. 1. Пермь.
- Бадер О.Н., Смирнов А.П., 1954. «Серебро Закамское» первых веков н.э. // Тр.ГИМ. Вып. 13. М.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. В1-25. М.
- Бажан И.А., Васкул И.О., 1988. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тыс. н. э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар.
- Бажан И.А., Гей О.А., 1992. К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Белавин А.М., 1991. Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X–XIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Белицер В.Н., 1947. К вопросу о происхождении удмуртов. СЭ. № 4.
- Белицер В.Н., 1947а. К вопросу о происхождении бесермян. Труды ИЭ. Т. I.
- Белицер В.Н., 1951. Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу). М.
- Белицер В.Н., 1958. Очерки по этнографии народов коми // Труды Института этнографии. Т. XV. М.

- Белых С.К., 1992. Об этнониме «калмез». Вордском кыл, № 3. Ижевск.
- Белых С.К., 1996. Еще раз об этнониме «ар» // Финно-угроведение. № 3. Йошкар-Ола.
- Белых С.К., 1996а. Чудь в этнической истории пермских народов // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 1. Сыктывкар.
- Беркутов Л.А., 1914. Разведки и раскопки, проведенные по поручению Сарапульского земского музея. Сарапул.
- Бехтерев В.М., 1880. Вотяки, их история и современное состояние // Вестник Европы. № 8, 9.
- Богаевский П.М., 1888. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии при Дашковском музее. М.
- Богаткина О.Г., 1992. Остатки млекопитающих животных из раскопок городища Сорочьи горы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань.
- Богаткина О.Г., 1995. Позднеголоценовые млекопитающие Прикамья (анализ остеологических остатков). Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М.
- Богаткина О.Г., 1995а. Археозоологические исследования материалов городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.
- Большов С.В., 1991. Абашевские древности и некоторые проблемы эпохи бронзы лесной полосы Среднего Поволжья // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола.
- Большов С.В., 1994. Абашевская культура севера Среднего Поволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург.
- Борзунов В.А., 1997. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций. РА № 1. М.
- Борисов Т.К., 1932. Удмурт кыллюкам: Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск.
- Борисковский П.И., 1977. Возникновение человеческого общества // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л.
- Брюсов А.Я., 1940. История древней Карелии. М.
- Брюсов А.Я., 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
- Бубрих Д.В., 1948. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). Ижевск.
- Бузин В.С., 1990. Поселения и жилища волосоской культуры как источник социологической реконструкции // СА. № 3. М.
- Буров Г.М., 1965. Вычегодский край: Очерки древней истории. М.
- Буров Г.М., 1966. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. №1. М.
- Буров Г.М., 1967. Древний Синдор. М.
- Буров Г.М., 1973. Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны в Европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. № 172. М.
- Бушмакин С.К., 1968. Ассимиляция в средневосточных говорах удмуртского языка // СФУ. № 4. Таллин.
- Бушмакин С.К., 1969. Воршудные имена и удмуртская топонимия // Ономастика Поволжья. Вып. 1. Ульяновск.
- Бушмакин С.К., 1969. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // СФУ. № 1. Таллин.
- Бушмакин С.К., 1970. Воршудные имена – микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. М.
- Бушмакин С.К., 1971. Параллельно бытующие названия удмуртских населенных пунктов // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький.
- Бушмакин С.К., 1971. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Тарту.
- Ванчиков В.В., 1992. Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск.
- Ванчиков В.В., 1995. Кривоборское городище: основные этапы и итоги изучения // Усть-Чепца в прошлом и настоящем. Кирово-Чепецк.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев.
- Васильев И.Б., Габышев Р.С., 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков истории самарского Поволжья. Куйбышев.
- Васкул И.О., 1987. Исследования в бассейне р. Сысола // АО-1985. М.
- Васюткин С.М., 1968. Периодизация археологических памятников юго-западного Приуралья I – начала II тыс. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Васюткин С.М., 1986. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // СА. № 2. М.
- Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа.
- Вахрушева Л.В., 1978. Топонимия бассейна реки Иж Удмуртской АССР. Казань.
- Вахрушева Л.В., 1979. Топонимия бассейна Ижа Удмуртской АССР. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

- Вахрушева Л.В., 1980. К вопросу об историко-генетических группах топонимов бассейна реки Иж // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск.
- Вахрушева Л.В., 1983. Удмуртский топонимический пласт бассейна Ижа // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. Ижевск.
- Верещагин А.С., 1887. Два реферата, читанных в заседании VII Археологического съезда в Ярославле 17 августа 1887 г. Вятка.
- Верещагин А.С., 1905. Послесловие. Повесть о стране Вятской // Труды ВУАК 1905 г. Вып. III, отд. II. Вятка.
- Верещагин А.С., 1906. Суздальско-Нижегородские князья в истории древней Вятки // Труды ВУАК 1906 года. Вып. I, отд. III. Вятка.
- Верещагин В.А., 1977. Результаты петрографического исследования кремневого инвентаря памятников эпохи голоцена Камско-Вятского междуречья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.
- Верещагин В.А., 1985. Геоморфология и петрография археологических каменных находок Кировской области и Удмуртской АССР // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов.
- Верещагин Г.Е., 1886. Вотяки Сосновского края // Записки РГО. Т. XIV, вып. 2. СПб.
- Верещагин Г.Е., 1889. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. // Записки РГО. Т. XIV, вып. 3. СПб.
- Верещагин Г.Е., 1926. К вопросу о происхождении вотяков и их верований. Записки этнографа // Труды НОИВК. Вып. 2. Ижевск.
- Верещагина И.В., 1973. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // МАЕСВ. Вып. 5. Сыктывкар.
- Верещагина И.В., 1989. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Вечтомов А.Д., 1967. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ. № 148. Пермь.
- Вештомов А.И., 1908. История вятчан с 1181 по 1781 г. ИОАИЭ. Т. XXIV, вып. 1–2. Казань.
- Викторова В.Д., Морозов В.М., 1993. Среднее Зауралье в эпоху железного века // Кочевники казахстанских степей. Екатеринбург.
- Виноградов С.Н., 1973. Удмуртские народные узоры и значение их названий // Об удмуртском фольклоре и литературе. Вып. 1. Ижевск.
- Виноградов С.Н., 1974. Удмуртская одежда. Ижевск.
- Виноградов С.Н., 1976. Терминология удмуртских народных узоров // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. II. Л.
- Владыкин В.Е., 1969. Удмурты // Вопросы истории. № 11. М.
- Владыкин В.Е., 1970. К вопросу об этнических группах удмуртов // СЭ. № 3. М.
- Владыкин В.Е., 1971. Происхождение бесермян // Всесоюз. науч. сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований. Тбилиси.
- Владыкин В.Е., 1983. Удмуртские фольклорные источники в этногенетических исследованиях (к постановке проблемы) // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
- Владыкин В.Е., 1994. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск.
- Владыкин В.Е., Перевозчикова Т.Г., 1987. К семантике и эволюции некоторых образов удмуртской мифологии и фольклора (в связи с проблемами этногенеза и этнической истории) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.
- Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С., 1984. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск.
- Водолага Н.В., Коробейникова Т.А., Пастушенко И.Ю., 1989. Исследования средневековых могильников в Прикамье // АОУП. Сыктывкар.
- Волокитин А.В., 1987. Особенности индустрий мезолитических памятников Тоньд Нюр 5 и 7а на Средней Печоре // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- Волокитин А.В., Коноваленко Л.А., 1988. Новый мезолитический памятник Парч 3 на Вычегде // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар.
- Волокитин А.В., 1992. О мезолите Европейского Северо-Востока // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Волокитин А.В., 1995. Мезолит Приуралья: исследования и исследователи // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар.
- Вотякова О.П., Клюева Г.Н., Лещева Т.П., Пушкарева Т.С., 1978. Разведочные работы Камско-Вятской экспедиции в Удмуртской АССР // АО-1977. М.
- Выборнов А.А., 1984. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Выборнов А.А., 1992. Неолит Прикамья. Самара.

- Выборнов А.А., Королев А.И., 1995. Поселение Имерка IV в Примокшанье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.
- Вятские губернские ведомости. 1859. № 27, 30. Вятка.
- Габышев Р.С., 1976. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. Казань.
- Габышев Р.С., 1977. К вопросу о поселениях с накольчатой керамикой в Нижнем Прикамье // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Габышев Р.С., 1981. Итоги раскопок III Русско-Азиевской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.
- Габышев Р.С., 1982. Исследование памятников каменного века и эпохи раннего металла казанскими археологами в 1965–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань.
- Габышев Р.С., 1982. Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Габышев Р.С., Старостин П.Н., 1978. О памятниках волосовско-турбинского типа в Иско-Бельском междуречье // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола.
- Габышев Р.С., Старостин П.Н., 1978. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань.
- Гаврилов Б., 1880. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губ. Казань.
- Галкин И.С., 1976. Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР: Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Казань.
- Генинг В.Ф., 1959а. Осинское городище // ОКВАЭ. Вып. 1. Пермь.
- Генинг В.Ф., 1959б. Могильник Качка // ОКВАЭ. Вып. 1. Пермь.
- Генинг В.Ф., 1961. Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Вып. 1. Свердловск.
- Генинг В.Ф., 1961а. К вопросу о продвижении сибирского населения в западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Генинг В.Ф., 1962. Древнеудмуртский могильник Мыдланьшай // ВАУ. Вып. 3. Свердловск.
- Генинг В.Ф., 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Вып. 4. Свердловск.
- Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. Вып. 5. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1967. Этногенез удмуртов по данным археологии // ВФУЯ. Вып. IV. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1967а. Городище Чеганда I в мазунинское время // ВАУ. Вып. 7. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1967б. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. Вып. 7. Ижевск – Свердловск.
- Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып. 10. Свердловск.
- Генинг В.Ф., 1971. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть II // ВАУ. Вып. 11. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1972. Южное Приуралье в III–VII вв. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Генинг В.Ф., 1975. Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука.
- Генинг В.Ф., 1976. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения восначальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань.
- Генинг В.Ф., 1976а. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1979. Могильник чепецкой культуры у д. Весьякар (IX–XII вв.) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1979а. Могильник чепецкой культуры у д. Весьякар (IX–XII вв.) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1980. Опутятское городище - металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже н. э. М.
- Генинг В.Ф., 1989. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары Восточной Европы. Казань.
- Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И., 1984. Зуево-Ключевская стоянка // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар.

- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12. Свердловск.
- Генинг В.Ф., Оборин В.А., 1960. К вопросу о гляденовской культуре // УЗ ПГУ. Т. XII, вып. 1. Пермь.
- Генинг В.Ф., Одинцов В.В., 1969. Новые раскопки пьяноборского могильника Ныргында II // АО-1968. М.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. Вып. 1. Свердловск.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге. М.
- Герд К., 1918–1919. Легенды и предания Малмыжских вотяков // Известия Малмыжского исполкома. Малмыж.
- Герд К., 1926. К вопросу о происхождении вотяков. Удины и уды // Труды НОИВК. Вып. 2. Ижевск.
- Герд К., 1926а. Этнография вотяков после революции // Этнография. № 1–2. М., Л.
- Геродот, 1888. История. В переводе Мищенко. М.
- Голдина Р.Д., 1968. Агафоновский могильник на Верхней Каме // УЗ ПГУ. № 191. Пермь.
- Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып. 9. Свердловск.
- Голдина Р.Д., 1976. Исследования памятников Южной Удмуртии в 1969–1970 гг. // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., 1986. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1987. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.
- Голдина Р.Д., 1987а. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1987б. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск.
- Голдина Р.Д., 1995. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1984. Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., Гусенцова Т.М., 1974. Работы Лобанского отряда Камско-Вятской экспедиции // АО-1973. М.
- Голдина Р.Д., Гусенцова Т.М., 1979. Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.
- Голубкова А.Н., 1989. К вопросу о ранних этапах формирования музыкальной культуры удмуртов // Истоки искусства Удмуртии. Ижевск.
- Горбунов В.С., 1986. Абашевская культура южного Приуралья. Уфа.
- Гордеев Ф.И., 1967. Балтские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Городцов В.А., 1914. О находке близ ст. Сейма Моск.-Нижегородской ж.д. // Древности. Т. 24. М.
- Городцов В.А., 1916. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского Исторического музея за 1914 г. М.
- Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л.
- Горюнова Е.И., 1934. Мари-Луговской могильник и селище // ПИДО. М., Л.
- Горюнова Е.И., 1934а. Вичмарский могильник // ПИДО. М., Л.
- Григорьев Г.П., 1977. Палеолит Африки // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л.
- Гришкина М.В., 1976. Численность и расселение удмуртов в XVIII в. // Вопросы этнографии удмуртии. Ижевск.
- Гришкина М.В., 1994. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск.
- Гришкина М.В., Владыкин В.Е., 1982. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Гурина Н.Н., 1961. Древнейшая история северо-запада Европейской части СССР // МИА. № 87. М.
- Гусенцова Т.М., 1977. Новомултанское неолитическое поселение // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.
- Гусенцова Т.М., 1980. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Гусенцова Т.М., 1980а. Исследование памятников эпохи камня и бронзы в бассейне р. Вятки // АО-1979. М.

- Гусенцова Т.М., 1981. К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья // КСИА. Вып. 165. М.
- Гусенцова Т.М., 1981. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА. № 3. М.
- Гусенцова Т.М., 1993. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Гусенцова Т.М., Голдина Р.Д., 1977. Поселение Степинцы II – памятник мезолитического времени в бассейне р. Лобань // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.
- Гусенцова Т.М., Леконцева Н.И., 1978. Исследования в Нолинском районе Кировской области // АО-1977. М.
- Гусенцова Т.М., Сенникова Л.А., 1980. Многослойное поселение Лобань I // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю., 1986. Открытия археологов на Севере Европы // Наука и жизнь. № 1. М.
- Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю., 1987. О первоначальном заселении северо-востока Европы. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 172. Сыктывкар.
- Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю., 1989. Первоначальное освоение северо-востока Европейской части СССР // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита (по материалам Восточной Европы и США). Л.
- Гуссаковский Л.П., 1962. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области. ВАУ. Вып. 2. Свердловск.
- Давыдова Г.М., 1975. Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза // СЭ. № 6. М.
- Давыдова Г.М., 1989. Древнеуральский компонент в составе современных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Давыдова Г.М., 1989а. Антропология манси. М.
- Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока. М.
- Дебец Г.Ф., 1956. О принципах классификации человеческих рас // СЭ. № 4. М.
- Дебец Г.Ф., 1961. О путях заселения северной полосы Русской равнины и восточной Прибалтики // СЭ. № 6. М.
- Девятова (Карпова) Н.П., 1983. Исследования в бассейне Большой Кокшаги // АО-1981. М.
- Девятова Н.П., 1987. Поселение Акшубень II – памятник эпохи бронзы в бассейне р. Вятки // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск.
- Девятова Н.П., 1993. Некоторые аспекты изучения новоильинской культуры // Историческое познание: традиции и новации. Ижевск.
- Денисов В.П., 1958. Новые археологические памятники на р. Вятке // СА. № 3. М.
- Денисов В.П., 1960. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы // Из истории Урала. Свердловск.
- Денисов В.П., 1960. Хуторская неолитическая стоянка (Пермская область) // УЗ ПГУ. Т. 12. Вып. 1. Пермь.
- Денисов В.П., 1961. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье // ВАУ. Вып. 1. Свердловск.
- Денисов В.П., 1961. Кряжская неолитическая стоянка // ОКВАЭ. Вып. 2. М.
- Денисов В.П., 1967. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры. УЗ ПГУ. № 148. Пермь.
- Денисов В.П., Кузминых С.В., Черных Е.Н., 1988. Могилишки сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань.
- Денисов В.П., Павлов П.Ю., 1993. Заозерье – новый верхнепалеолитический памятник в низовьях реки Чусовой / Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар.
- Долинова Н.А., 1989. Дерматоглифика удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г., 1933 // Труды ГАИМК. Л.
- Дубов И.В., 1989. Великий Волжский путь. Л.
- Емельянов А.И., 1927. Грамматика вотяцкого языка. Л.
- Ефимова А.М., 1962. Городецкое селище и болгарское городище в с. Балымеры Татарской АССР. МИА. № 111. М.
- Ефимова С.Г., 1981. К краниологии Волго-Камья эпохи раннего железа // Вопросы антропологии. Вып. 67.
- Ефимова С.Г., 1991. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.
- Жуйков С.П., 1935. Удмурт АССР-ысь удмуртъёслэн интыен-интыен вераськемзэс возматон карта (Диалектологическая карта удмуртского языка УАССР). Свердловск.
- Журавлева Г.Н., 1995. Народонаселение Среднего Прикамья в пьноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Завьялов В.И., 1984. Результаты металлографического исследования предметов из черного металла с памятников ломоватовской и родановской культур // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Завьялов В.И., 1985. Ножи городища Иднакар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск.
- Завьялов В.И., 1987. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск.

- Завьялов В.И., 1991. Итоги и перспективы изучения кузнечного ремесла древних удмуртов // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск.
- Загребин А.Е., 1995. А.И. Шегрен – первый финский исследователь удмуртов // Вестник Удмуртского университета. № 5. Ижевск.
- Загуляева Б.Ш., 1978. Некоторые черты глагольных форм в прикильмезских говорах удмуртского языка // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск.
- Загуляева Б.Ш., 1980. Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // Fenno-ugristica: Труды по финно-угроведению. Вып. 6. Тарту.
- Загуляева Б.Ш., 1980а. Прикильмезские говоры удмуртского языка. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тарту.
- Замятин С.Н., 1961. Очерки по палеолиту. М., Л.
- Засецкая И.П., 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. Вып. 158. М.
- Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПб.
- Захаров В.Ю., 1997 // Вестник Удмуртского университета. № 2. Серия: Биологическое разнообразие Удмуртской Республики. Вып. 1. Фауна позвоночных: аннотированные списки.
- Збруева А.В., 1950. Памятники поздней бронзы в Прикамье // КСИИМК. Т. XXXII. М., Л.
- Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М.
- Збруева А.В., 1957. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры // СА. № 2. М.
- Збруева А.В., 1959. Стоянка имени М.И. Касьянова // Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Збруева А.В., 1960. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. № 80. М.
- Зверева Л.Е., 1979. О некоторых удмуртских гидротерминах // Вопросы финно-угроведения: Языкознание: Тез. докл. XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар.
- Зверева Л.Е., 1980. Микропонимия дер. Якшур // Микроэтнонимы удмуртов и отражение их в топонимии. Ижевск.
- Зверева Л.Е., 1982. Формирование русских топонимов в бассейне реки Валы // Ономастика европейского севера СССР. Мурманск.
- Зверева Л.Е., 1983. О четырех терминах в удмуртской микропонимии // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. Ижевск.
- Зеленин Д.К., 1980. Что такое «воршуд»? // Микроэтнонимы удмуртов и отражение их в топонимии. Ижевск.
- Зенкевич П.И., 1941. Характеристика восточных финнов // УЗ МГУ. Вып. 63. М.
- Зенкевич П.И., 1941а. Антропологические исследования в Удмуртской АССР // Краткие сообщения о научных работах НИИ и музея антропологии при МГУ за 1938–1939 гг. М.
- Зубаков В.А., Борзенкова И.И., 1983. Палеоклиматы позднего кайнозоя. Л.
- Иванов А.Г., 1991. Проблемы изучения этнокультурных связей северных удмуртов в эпоху средневековья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск.
- Иванов А.Г., 1991. Исследования в бассейне реки Чепцы // АОУП. Ижевск.
- Иванов А.Г., 1991а. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.
- Иванов А.Г., 1992. Историческая основа героических преданий удмуртов // История, историография и источниковедение Удмуртии. Ижевск.
- Иванов А.Г., 1995. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.
- Иванов А.Г., 1997. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука.
- Иванов В.А., 1988. Magna Hungaria – археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа.
- Иванов В.А., Останина Т.И., 1983. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) / Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа.
- Иванова М.Г., 1976. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1979б. Памятники чепецкой культуры (Материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1982. Городище Гурья-кар: Результаты исследований 1979 г. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.

- Иванова М.Г., 1982а. Маловенижский могильник // Там же.
- Иванова М.Г., 1982б. Качкашурское селище // Там же.
- Иванова М.Г., 1985. Городище Иднакар (результаты исследований 1975–1977 гг.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов.
- Иванова М.Г., 1985а. Чепецкие древности. Устинов.
- Иванова М.Г., 1987. Новые исследования на Солдырском могильнике Чемшай // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1987а. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.
- Иванова М.Г., 1987б. Некоторые проблемы этнокультурной истории удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1988. Иднакар. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1988а. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1988б. Производственные сооружения городища Иднакар // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1989. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1990. Этнокультурные связи северных удмуртов в эпоху средневековья // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь.
- Иванова М.Г., 1991. Погребальный обряд северных удмуртов в IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов в IX–XIII вв. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1995. Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1995а. Удмурты в начале II тысячелетия н.э. // Материалы по истории Удмуртии. Ижевск.
- Иванова М.Г., 1996. Удмурты в эпоху средневековья (по материалам бассейна р. Чепцы конца I – начала II тыс. н. э.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.
- Иванова М.Г., Шутова Н.И., 1982. Подборновский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Иессен А.А., 1948. Чусовская экспедиция 1942 г. // Сообщения ГЭ. Т. 5. Л.
- Иордан, 1960. О происхождении и деяниях готов. Вступительная статья, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. М.
- Истомина Т.В., 1982. Жертвенные комплексы средневековых могильников Приуралья как этнический определитель // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
- История первобытного общества, 1988. Эпоха классового образования. М.
- История удмуртской советской литературы, 1987. Ч. 1. Устинов.
- Казаков Е.П. 1971. О башкирско-приуральском компоненте в материальной культуре Волжской Болгарии // АЭБ. Т. IV. Уфа.
- Казаков Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.
- Казаков Е.П., 1978а. Подгорно-Байларский курганный могильник // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань.
- Казаков Е.П., 1978б. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Там же.
- Казаков Е.П., 1981. Кушнарниковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.
- Казаков Е.П., 1986. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.
- Казаков Е.П., 1987. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск.
- Казаков Е.П., 1989. О поломской керамике Волго-Камья // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Казаков Е.П., 1993. Волжские болгары и их соседи (об этапах и истоках этнокультурного взаимодействия) // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1. Ижевск.
- Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1972. Деуковский II могильник // ОНКАЭ. Вып. 1. М.
- Казаманова Л.Н., 1957. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. // Тр. ГИМ. Вып. 26. Ч. 2. М.
- Казанцев Д.Е., 1985. Формирование диалектов марийского языка. Йошкар-Ола.

- Казанцева О.А., 1987. Исследования Яромасского городища в бассейне р. Камы // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск.
- Казанцева О.А., 1988. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Казанцева О.А., 1995. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.
- Казанцева О.А., 1995а. Исследования в Бардымском районе Пермской области и в Алнашском районе Удмуртии // АО-1994. М.
- Казанцева О.А., 1996. Гончарная технология населения среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. (по данным некрополей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Казанцева О.А., Ютина Т.К., 1986. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. Устинов.
- Калинин Н.Ф., 1948. Казанская стоянка. Историко-археологический сборник. М.
- Калинин Н.Ф., 1951. Древнейшее население Татарии // История Татарской АССР. Т. 1. Казань.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье // МИА. № 42. М.
- Калинина И.В., 1979. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Исследования по археологии Евразии // АСЭ. № 20. Л.
- Калинина И.В., 1981. Неолит Прикамья – история изучения // Контакты и взаимодействия древних культур. Л.
- Калинина Л.И., 1967. О географическом термине тор и его вариантах // ВФУЯ. Вып. IV. Ижевск.
- Каменецкий И.С., 1970. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. № 2. М.
- Канивец В.И., 1964. Канинская пещера. М.
- Канивец В.И., 1976. Палеолит крайнего северо-востока Европы: бассейн Печоры. М.
- Канивец В.И., Лузгин В.Е., 1963. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине // МАЕСВ. Вып. 2. Сыктывкар.
- Кельмаков В.К., 1970. Происхождение и первое упоминание этнонима ар // Этнонимы. М.
- Кельмаков В.К., 1982. К истории удмуртов Правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Кельмаков В.К., 1990. Удмуртское языкознание между VI и VII Международными конгрессами финно-угроведов. Ижевск.
- Кельмаков В.К., 1993. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск.
- Кельмаков В.К., 1995. Удмуртское языкознание между VII и VIII Международными конгрессами финно-угроведов. Ижевск.
- Киנד Н.В., 1976. Палеоклиматы и природная среда голоцена // История биогеоценозов СССР в голоцене. М.
- Кириллова Л.Е., 1992. Микротопонимия в бассейне Валы. Ижевск.
- Кириянов А.В., 1967. Возникновение и развитие земледелия. М.
- Климов К.М., 1979. Удмуртское народное ткачество. Ижевск.
- Климов К.М., 1984. Традиции в убранстве удмуртского интерьера // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов. Ижевск.
- Климов К.М., 1988. Удмуртское народное искусство. Ижевск.
- Клюева Г.Н., 1984. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборского времени на Средней Каме // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск.
- Клюева Г.Н., Ютина Т.К., 1979. Исследования памятников железного века в Удмуртской и Татарской АССР // АО-1978. М.
- Ковалевская В.Б., 1969. К вопросу о «поломской культуре» // Древности Восточной Европы. МИА. № 169. М.
- Ковалевская В.Б., 1972. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А., 1973. Рецензия // СА, № 2. М. Рец. на кн.: I. Erdelyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Graberfeld von Newolino. Budapest, 1969.
- Ковалевский М., 1939. Очерки происхождения и развития семьи и собственности. М.
- Козинцев А.Г., 1988. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.
- Козлова К.И., 1978. Очерки этнической истории марийского народа. М.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. №65. М.
- Конаков Н.Д., 1985. Из жизни древних коми. Сыктывкар.
- Кондратьева Г.Т., 1964. Археологические и этнографические работы на р. Чепца // АЭБ. Т. 2. Уфа.
- Кондратьева Г.Т., 1964а. У истоков прошлого удмуртского народа // Край Удмуртский. Вып. 2. Ижевск.
- Кондратьева Г.Т., 1967. Некоторые древние городища северных районов Удмуртской АССР (к этногенезу северных удмуртов) // УЗ МОПИ. Т. 198, вып. 3. М.

- Кондратьева Г.Т., 1967а. Древнеудмуртский могильник у д. Чиргино // УЗ МОПИ. Т. 183, вып. 2. М.
- Кондратьева Г.Т., Стоянов В.Е., 1962. Археологические работы на р. Чепце // ВАУ. Вып. 2. Свердловск.
- Констэбл Дж., 1997. Неандертальцы // Антропология. Хрестоматия. М.
- Коренюк С.Н., 1994. Ананьинская культура южнотаежного Прикамья // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики северного Прикамья. Березники.
- Коренюк С.Н., 1996. Новый тип сооружений Першинского могильника // Святые места и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., 1985. Исследование памятников каменного века // АО-1983. М.
- Коренюк С.Н., Цыганов Ю.Ю., 1989. Новые исследования палеолитических памятников Пермского Прикамья // АОУП. Сыктывкар.
- Корепанов К.И., 1990. О факторах формирования ананьинского искусства звериного стиля // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь.
- Корепанов К.И., 1992. Космологическая идеограмма с символами воспроизводства социума на костяной «плитке» из Пепкинского кургана // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола.
- Корепанов К.И., 1994. К изучению музыкального творчества населения Волго-Камья эпохи раннего железа // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров.
- Корепанов К.И., 1996. Новые аспекты в изучении семантики искусства финно-угров среднего Поволжья и Прикамья эпохи железа (VIII в. до н. э. – IV в. н. э.) // VIII международный конгресс финно-угроведов. Ювяскюля.
- Королева Н.С., 1979. Удмуртская вышивка XIX–XX вв. // Проблемы развития профессионального и народного искусства Удмуртии. Ижевск.
- Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск.
- Косвен М.О., 1963. Семейная община и патронимия. М.
- Косинская Л.Л., 1988. Мезолит – ранняя бронза бассейна Нижней Вычегды. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Косинская Л.Л., 1988. Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар.
- Косинская Л.Л., Волокитин А.В., 1993. Типология мезолитических памятников Европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар.
- Косменко М.Г., 1971. Деуковская стоянка на р. Ик // КСИА. Вып. 12. М.
- Косменко М.Г., 1972. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. № 3. М.
- Косменко М.Г., 1977. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149. М.
- Кошурников В.С., 1879. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии // ИОАИЭ. Т. 2. Казань.
- Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1977. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. № 3. М.
- Крайнов Д.А., 1986. Спорные вопросы неолита центра Русской равнины // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург.
- Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- Кривошекова-Гантман А.С., 1973. Откуда эти названия? Пермь.
- Крижевская Л.Я., 1968. Неолит Южного Урала. Л.
- Кротов П.И., 1892. Древние поселения Яранского уезда // ИОАИЭ. Т. X, вып. 4–6. Казань.
- Крюкова Т.А., 1973. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск-Ленинград.
- Кузнецов С.К., 1884. Атамановы Кости // ИОАИЭ. Т. III. Казань.
- Кузьмина Е.Е., 1981. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.
- Кузьминых С.В., 1977. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. № 2. М.
- Кузьминых С.В., 1977. Бронзовые орудия и оружие в среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Кузьминых С.В., 1980. Первые анализы меди с энеолитических поселений бассейна р. Вятки // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1976. Анализы меди с поселений Нижнего Прикамья эпохи раннего металла // Из археологии Волго-Камья. Казань.
- Кухаренко Ю.В., 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Вып. Д1–19. М.
- Лаптева Т.А., 1995. Эполетообразные застежки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.
- Лебедев А.С., 1908. Пижемское городище // ИОАИЭ. Т. 22, вып. 6. Казань.
- Лебедева С.Х., Атаманов М.Г., 1987. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.

- Легенды и предания, 1941 // Записки УдНИИ. Вып. 10. Ижевск.
- Леконцева Н.И., 1979. Исследования Ботылинского IV поселения // АО-1978. М.
- Леонтьев А.Е., 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М.
- Лепехин И.И., 1822. Дневные записки путешествий по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб.
- Лещенко В.Ю., 1976. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М.
- Лещинская Н.А., 1984. Средневековые поселения на левобережье р. Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Лещинская Н.А., 1987. Новый раннесредневековый могильник в бассейне средней Вятки // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.
- Лещинская Н.А., 1988. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Лещинская Н.А., 1991. Исследования Тат-Боярского могильника // АОУП. Ижевск.
- Лещинская Н.А., 1995. Вятский бассейн в I – начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Ижевск.
- Лещинская Н.А., 1995а. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.
- Лещинская Н.А., 1995б. Вятский бассейн в I – начале II тыс. н. э. (по археологическим материалам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Лихачев А.Ф., 1891. Следы бронзового века в Казанской губ. // Труды VII археологического съезда в г. Ярославле. Т. II. М.
- Логинова Э.С., 1985. Мезолитические стоянки Средней Вычегды // Археологические памятники Северного Приуралья // МАЕСВ. Вып. 9. Сыктывкар.
- Лузгин В.Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.
- Лузгин В.Е., 1973. Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы (бассейн Средней Печоры) // МИА. № 179. М.
- Луппов П.Н., 1901. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. Вятка.
- Лыткин В.И., 1952. Древнепермский язык. (Монография о древнепермской письменности и памятниках коми языка.) М.
- Лыткин В.И., 1964. Исторический вокализм пермских языков. М.
- Лыткин В.И., Тепляшина Т.И., 1959. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки УдНИИ. Вып. 19. Ижевск.
- Львова З.А., 1973. Бусы I Поломского могильника // АС. Вып. 15. Л.
- Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1968. Камышлы-тамакский могильник // АЭБ. Т. 3. Уфа.
- Макаров Л.Д., 1979. Исследования в Кировской области // АО-1978. М.
- Макаров Л.Д., 1980. Исследование средневековых памятников на Средней Вятке // АО-1979. М.
- Макаров Л.Д., 1983. Исследования древнерусских памятников на Средней Вятке // АО-1981. М.
- Макаров Л.Д., 1983а. Исследования древнерусских памятников в Котельничском районе Кировской области // АО-1982. М.
- Макаров Л.Д., 1984. Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск.
- Макаров Л.Д., 1985. Вятская земля в эпоху средневековья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Макаров Л.Д., 1989. Археологические исследования в Кировской области // АОУП. Сыктывкар.
- Макаров Л.Д., 1991. Формирование территории Вятской земли в XII–XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск.
- Макаров Л.Д., 1993. Об особенностях славяно-финских контактов в XII–XVI вв. на территории Вятского края // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1. Ижевск.
- Макаров Л.Д., 1995. Славяно-русское заселение бассейна р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII–XVI вв. // Материалы по истории Удмуртии. Ижевск.
- Макаров Н.А., 1982. Камско-вычегодская керамика на Шексне // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Макаров Н.А., 1983. Чашевидные сосуды средневековых памятников Верхневолжско-Шекснинского района // КСИА. Вып. 175. М.
- Макаров Н.А., 1989. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Макаров Э.Ю., 1995. Палеолит Приуралья в свете новейших данных // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар.

- Макаров Э.Ю., 1995а. Из прошлого Пармы // Наш край. Вып. 7. Кудымкар.
- Малахов М.В., 1882. Вятские древности // ЖМНП. № 7.
- Малахов М.В., 1882а. К антропологии Вятского края / ИРГО. Т. 18.
- Малеванов Н.А., 1962. Неизвестный список повести «О стране Вятской» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XVIII. М., Л.
- Малиев Н.М., 1872. Об антропологической экскурсии летом 1871 года // Протоколы заседания Общества естествоиспытателей при Казанском университете за 1871–1872 гг. Протокол 27 заседания от 27.10.1871 г. Казань.
- Малиев Н.М., 1874. Материалы для антропологии восточного края России // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 4, № 2. Казань.
- Малиев Н.М., 1874а. Антропологический очерк вотяков // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 4, № 2. Казань.
- Малиев Н.М., 1875. Краткий отчет об экскурсии в Вятскую губернию для исследования вотяков в антропологическом отношении // Протоколы заседания Общества естествоиспытателей при Казанском университете за 1873–1874 гг. Протокол 52 заседания от 2.11.1873 г. Казань.
- Марк К.Ю., 1956. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- Марк К.Ю., 1964. Антропология волжских и пермских финно-угорских народов // Доклад на VII Международном конгрессе археологических и этнографических наук. М.
- Марк К.Ю., 1974. Соматологические материалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.
- Марк К.Ю., 1987. Антропология пермских народов в связи с вопросами их этногенеза // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.
- Марков А., 1910. Топография кладов восточных монет. СПб.
- Марков В.Н., 1988. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Марков В.Н., 1988а. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени / Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань.
- Марков В.Н., 1992. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань.
- Марков В.Н., 1994. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань.
- Марков В.Н., 1994а. Некоторые результаты исследования каменной стелы с изображением из Ананьинского могильника // Там же.
- Марков К.К., 1965. Типы страторайонов, главнейшие черты их развития в четвертичном периоде (гипотеза) // Четвертичный период и его история. М.
- Марр Н.Я., 1935. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык // Избранные работы. Т. 5. М., Л.
- Матвеев С.Г., 1929. Могильник Чем-Шай // НОИВК. Т. IV. М.
- Матвеева Г.И., 1969. Население лесной и лесостепной Башкирии в III–VIII вв. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Матвеева Г.И., 1981. О происхождении именовской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Матвеева Г.И., 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н. э. // Культуры Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Куйбышев.
- Матюшин Г.Н., 1976. Мезолит Южного Урала. М.
- Матюшин Г.Н., 1979. Некоторые вопросы первоначального заселения Урала и Сибири // КСИА. Вып. 157. М.
- Матюшенко В.И., Ложникова Г.В., 1969. Раскопки могильника у дер. Ростовка близ Омска в 1966–1969 гг. // Из истории Сибири. Вып. 2. Томск.
- Мезолит СССР, 1989. // Археология СССР. М.
- Мейнандер Карл Ф., 1979. Биармы // Финно-угры и славяне. Л.
- Мельничук А.Ф., 1990. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск.
- Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю., 1987. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Мельничук А.Ф., Пономарева Л.В., 1984. Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Миллер Г.Ф., 1791. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков с показанием их животноводчества, политического учреждения, телесных и душевных дарований. СПб.
- Мифы, легенды и сказки удмуртского народа, 1986. Устинов.

- Могильников В.А., 1988. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа.
- Моисеев В.Г., 1997. Краниологические особенности уралоязычных народов в связи с вопросами их происхождения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Наговицын Л.А., 1976. Новые памятники эпохи камня и бронзы в бассейне р. Вятки // Материалы из ранней истории населения Удмуртии. Ижевск.
- Наговицын Л.А., 1977. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М.
- Наговицын Л.А., 1978. Поселение эпохи раннего металла Аркуль III на Средней Вятке // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола.
- Наговицын Л.А., 1980. Из истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Наговицын Л.А., 1980а. Поселение Усть-Лудяна II // Там же.
- Наговицын Л.А., 1983. Энеолит бассейна р. Вятки. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Наговицын Л.А., 1984. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Наговицын Л.А., 1987. О хозяйстве населения Вятского края в эпоху энеолита // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Наговицын Л.А., 1987а. Поселения юртиковской культуры Усть-Лудяна II и Аркуль III на р. Вятке // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Наговицын Л.А., 1990. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск.
- Наговицын Л.А., Семенов В.А., 1978. Городищенский могильник III–IV вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск.
- Напольских В.В., 1990. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно-угорской предыстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Ижевск.
- Напольских В.В., 1991. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. V. Народы уральской языковой семьи. М.
- Напольских В.В., 1996. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н. э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар.
- Напольских В.В., 1997. Введение в историческую уралоистику. Ижевск.
- Насибуллин Р.Ш., 1972. Закамские говоры удмуртского языка. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М.
- Насибуллин Р.Ш., 1972а. Суффикс -lik в говорах удмуртов Закамья // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования (на материале разных систем). М.
- Насибуллин Р.Ш., 1972б. К вопросу о происхождении новых фонем (по материалам удмуртских диалектов) // ВСФУЯ. Саранск.
- Насибуллин Р.Ш., 1972в. Суффикс -ti в закамских говорах удмуртского языка // СФУ. № 3. Таллин.
- Насибуллин Р.Ш., 1973. Закамские говоры удмуртского языка. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту.
- Насибуллин Р.Ш., 1977. О некоторых особенностях вокализма канлинского говора // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск.
- Насибуллин Р.Ш., 1978. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск.
- Насибуллин Р.Ш., 1992. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордском кыл, № 2.
- Насибуллин Р.Ш., 1992а. К проблеме этнической принадлежности носителей имениковской археологической культуры // Вестник Удмуртского университета. № 6. Ижевск.
- Насибуллин Р.Ш., Дудоров В.Ю., 1992. Обратный словарь удмуртского языка. Ижевск.
- Невоструев К.И., 1871. Ананьинский могильник // Труды I Археологического съезда. Т. II. М.
- Немова В.К., 1985. Природные условия Южного Предуралья в эпоху бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа.
- Нефедов Ф.Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893–1894 гг. // МАВГР. Т. 3. М.
- Никитин В.В., 1979. О хозяйстве населения Марийского края в начале эпохи раннего металла // Из истории хозяйства населения Марийского края. Йошкар-Ола.
- Никитин В.В., 1988. Этнические процессы в Марийском Поволжье в древности (спорные вопросы) // Этногенез и этническая история марийцев. АЭМК. Вып. 14. Йошкар-Ола.

- Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края // Труды МАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С., 1990. Атлас археологических памятников Марийской АССР. Вып. 1. Йошкар-Ола.
- Никольская (Долинова) Н.А., 1974. Новые материалы по дерматоглифике финноязычных народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.
- Новокрещенных Н.Н., 1901. Археологические изыскания в западной части Пермской губернии // Тр. ПУАК. Т. 4. Пермь.
- Оборин В.А., 1961. Больше-Никольское I городище // ОКВАЭ. Вып. 2. М.
- Оборин В.А., 1964. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // АЭБ. Т. 2. Уфа.
- Оборин В.А., 1968. Краткий очерк работ КАЭ ПГУ в 1961–1966 гг. // УЗ ПГУ. № 191. Пермь.
- Оборин В.А., 1969. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М.
- Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9. Свердловск.
- Оборин В.А., 1972. Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков // Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. Пермь.
- Оборин В.А., 1990. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск.
- Оборин В.А., 1990а. Взаимодействие культур русского и местного населения Урала в XII–XVII вв. (по археологическим данным) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь.
- Обыденнов М.Ф., 1991. Поселения древних скотоводов южного Приуралья. Саратов.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара.
- Окладников А.П., Петрин В.П., 1983. Палеолитические рисунки Игнatieвской пещеры на Южном Урале // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск.
- Основы финно-угорского языкознания, 1974. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.
- Основы финно-угорского языкознания, 1976. Марийский, пермские и угорские языки. М.
- Останина Т.И., 1978. Экспедиция Удмуртского республиканского музея // АО-1977. М.
- Останина Т.И., 1979. Исследования Удмуртского республиканского музея // АО-1978. М.
- Останина Т.И., 1980. Работы Удмуртского республиканского музея // АО-1979. М.
- Останина Т.И., 1983. К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
- Останина Т.И., 1983. Мазунинская культура в Среднем Прикамье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Останина Т.И., 1983. Раскопки Староигринского городища // АО-1981. М.
- Останина Т.И., 1984. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, открытия, исследования. Ижевск.
- Останина Т.И., 1985. Городище – убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск.
- Останина Т.И., 1988. Городище IV–V вв. у д. Чужьялово Удмуртской АССР // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск.
- Останина Т.И., 1988. Раскопки около с. Кузубаево // АО-1986. М.
- Останина Т.И., 1990. Ижевский могильник. Погребальный обряд, социальная структура общества // Удмуртия: новые исследования. Ижевск.
- Останина Т.И., 1992. Покровский могильник IV–V вв. Ижевск.
- Островский Д.Н., 1873. Вотяки Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 4, вып. 1. Казань.
- Отчет о состоянии и деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1887 г., 1888 // ИОАИЭ. Т. VI, вып. 2. Казань.
- Отчеты археологической комиссии за 1895 г., 1897. СПб.
- Отчеты археологической комиссии за 1900 г., 1902. СПб.
- Отчеты археологической комиссии за 1901 г., 1903. СПб.
- Отчеты археологической комиссии за 1906 г., 1909. СПб.
- Отчеты археологической комиссии за 1907 г., 1910. СПб.
- Отчеты археологической комиссии за 1908 г., 1912. СПб.
- Ошибкина С.В., 1976. Поселение Юртик на Средней Вятке // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Ошибкина С.В., 1979. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. Вып. 158. М.

- Ошибкина С.В., 1980. Поселение Юртик. Результаты исследования // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Ошибкина С.В., 1984. Мезолит бассейна р. Вятки // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Павлов П.Ю., Мельничук А.Ф., 1985. Новое палеолитическое местонахождение в Среднем Прикамье // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар.
- Палеолит СССР, 1984. // Археология СССР. М.
- Паллас П.С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.
- Памятники истории и культуры Пермской области, 1996. Т. 1 (материалы к археологической карте Пермской области). Пермь.
- Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола.
- Патрушев В.С., 1986. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Йошкар-Ола.
- Патрушев В.С., 1989. Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X–VI вв. до н. э.) Автореф. дис. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Л.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.
- Первухин Н.Г., 1896. По следам Чуди // МАВГР. Вып. 2. СПб.
- Первухин Н.Г., 1888–1890. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка.
- Перевозищев С.Е., 1997. Еще раз о «косах-горбушах» // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях. Сарапул.
- Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П., 1982. История первобытного общества. М.
- Петренко А.Г., 1978. Фауна мезолитической стоянки Деуковская II // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань.
- Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М.
- Петренко А.Г., 1987. Первые следы появления домашних сельскохозяйственных животных в лесных районах Среднего Поволжья // Древности Среднего Поволжья. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола. Вып. 13.
- Петренко А.Г., 1991. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Прикамья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск.
- Пинт А.И., 1931. К истории удмуртского жилища // На удмуртские темы. УЗ НИИ народов Советского Востока. Вып. 2. М.
- Повесть о стране Вятской (Вятский летописец), 1905 // Труды ВУАК 1905 г. Вып. III, отд. II. Вятка.
- Полунина Н., Фролов А., 1993. Русские коллекционеры // Памятники отечества, № 29 (1–2, 1993). М.
- Поляков Ю.А., 1962. Махонинское городище // ВАУ. Вып. 2. Свердловск.
- Поляков Ю.А., 1967. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. № 148. Пермь.
- Поляков Ю.А., 1970. Исследование городищ гляденовской и пьяноборской культур // АО-1969. М.
- Потанин Н.Г., 1882. Городища близ деревень Утчан и Варзи-Ятчи (Елабужского уезда Вятской губернии) // Известия и ученые записки Казанского университета. Т. 18, № 3–4. Казань.
- Потанин Н.Г., 1884. У вотяков Елабужского уезда // ИОАИЭ. Т. 3. Казань.
- Пристли Реймонд, 1989. Антарктическая одиссея (Северная партия экспедиции Р. Скотта). Л.
- Прокопов А.В., 1983. Ранняя история земледелия в Прикамье // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
- Прокошев Н.А., 1934. Разведка на Чусовой // ПИДО. № 2.
- Прокошев Н.А., 1935. Район реки Чусовой // Известия ГАИМК. Вып. 109.
- Прокошев Н.А., 1936. Камская экспедиция 1935 г. // СА. № 1. М.,-Л.
- Прокошев Н.А., 1940. Некоторые итоги изучения позднеэнеолитических стоянок района устья р. Чусовой (1934–1937 гг.) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода.
- Прокошев Н.А., 1941. Археологические исследования в бассейне р. Камы // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.,-Л.
- Путешествие Ахмеда Ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама, 1992. М.
- Пшеничнюк А.Х., 1964. К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. Т. 2. Уфа.
- Пшеничнюк А.Х., 1967. О периодизации кара-абызских памятников // УЗ ПГУ. Вып. 148. Пермь.
- Пшеничнюк А.Х., 1968. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. 3. Уфа.
- Пшеничнюк А.Х., 1968а. Уфимский курганный могильник // Там же.
- Пшеничнюк А.Х., 1973. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V. Уфа.
- Пшеничнюк А.Х., 1986. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа.
- Распопова В.И., 1979. Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // КСИА. Вып. 158. М.

- Рогачев В.И., 1961. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы / Бюллетень КИЧП. № 18.
- Руденко К.А., 1993. Волжские булгары, финно-угры и славяне в Среднем Поволжье и Прикамье в XIII–XIV вв. (по данным археологии) // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1. Ижевск.
- Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
- Рыкушина Г.В., 1987. Одонтологическая характеристика северных и центральных удмуртов // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.
- Рычков П.И., 1762. Топография Оренбургская. Ч. I. СПб.
- Рычков Н.П., 1772. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 годах. Ч. II. СПб.
- Рябинин Е.А., 1989. Могильник и селище уд. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М.
- Савельева Э.А., 1971. Пермь Вычегодская. М.
- Савельева Э.А., 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского могильника // КСИА. Вып. 158. М.
- Савельева Э.А., 1984. Археология Коми АССР. Сыктывкар.
- Савельева Э.А., 1993. Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1. Ижевск.
- Савельева Э.А., 1995. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. Научный доклад на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. М.
- Савельева Э.А., Кленов М.В., 1992. Пожеское городище. Сыктывкар.
- Сальников К.В., 1954. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. № 4. М.
- Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Седов В.В., 1994. Славяне в древности. М.
- Семенов В.А., 1964. Удмуртский орнамент. Ижевск.
- Семенов В.А., 1967. Петропавловский могильник VI–VII вв. в Южной Удмуртии // ВАУ. Вып. 7. Свердловск.
- Семенов В.А., 1967а. Из истории удмуртского народного орнамента (III–XII вв.) // ВФУЯ. Вып. IV. Ижевск.
- Семенов В.А., 1976. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск.
- Семенов В.А., 1979. Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI – первой половине IX в. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Семенов В.А., 1979а. Кыпкинский могильник // Северные удмурты в начале II тыс. н. э. Ижевск.
- Семенов В.А., 1979б. Большесазановский могильник // Там же.
- Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск.
- Семенов В.А., 1982. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Семенов В.А., 1983. Истоки некоторых элементов удмуртского женского наряда по данным археологии // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов Удмуртской АССР. Ижевск.
- Семенов В.А., 1985. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск.
- Семенов В.А., 1989. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Сенникова Л.А., 1980. Поселение Этанцы II на средней Вятке // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Сенникова Л.А., 1994. Поселения эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки // Европейский север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар.
- Сенникова Л.А., 1995. Поселения и жилища эпохи поздней бронзы бассейна р. Вятки // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола.
- Сенникова Л.А., 1995а. Поселение Лобань III – памятник эпохи бронзы на средней Вятке // Европейский север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар.
- Сенникова Л.А., 1996. Климат в эпоху поздней бронзы и топография поселений // Кирово-Чепецкий район в прошлом и настоящем. Кирово-Чепецк.
- Серебренников Б.А., 1948. Историческая морфология пермских языков. М.
- Серебренников Б.А., 1960. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.
- Сериков Ю.Б., 1996. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой // РА. № 4. М.
- Симеоновская летопись, 1913 // ПСРЛ. Т. 18. СПб.
- Синюк А.Т., 1979. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж.
- Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.
- Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

- Смирнов А.П., 1929. Донды-Карское городище // Труды НОИВК. Вып. 4. М.
- Смирнов А.П., 1937. Памятники феодального строя среди удмуртов (IX–XIII вв.). Отчет археологической экспедиции по изучению р. Валы // Записки УдНИИ. Вып. 7. Ижевск.
- Смирнов А.П., 1941. Обследование р.Валы // Археологические исследования в РСФСР, 1934–1936 гг. М.;Л.
- Смирнов А.П., 1949. Могильники пьяноборской культуры // КСИИМК. Вып. XXV. М.
- Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М.;Л.
- Смирнов А.П., 1957. Железный век Башкирии // МИА. № 58.
- Смирнов А.П., 1961. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. № 95.
- Смирнов А.П., 1964а. К вопросу об археологической культуре // СА. № 4. М.
- Смирнов А.П., 1964. Генинг В.Ф. Азелинская культура. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Рецензия // СА. № 4. М.
- Смирнов А.П., 1970. Происхождение рабства // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
- Смирнов А.П., 1975. Возникновение производящего хозяйства и финно-угры // Congressus Quartus internationalis fenno-ugristarum. Budapest.
- Смирнов И.Н., 1890. Вотяки. Историко-этнографический очерк // ИОАИЭ. Т. VIII, вып. 2. Казань.
- Смирнов И.Н., 1896. Отчет о раскопках // ОАК за 1894 г. СПб.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы: Ранняя история и культура савроматов. М.
- Соловьев Б.С., 1987. Изучение памятников эпохи бронзы в Марийской АССР // Древности Волго-Вятского междуречья. АЭМК. Вып. 12. Йошкар-Ола.
- Соловьев Б.С., 1987а. Новые раскопки поселения Галанкина Гора // Древности Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 13. Йошкар-Ола.
- Соловьев Б.С., 1990. Поселение Нижняя Стрелка IV и некоторые вопросы балановско-волосовских контактов в Среднем Поволжье // Древности Поволжья. АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола.
- Соловьев Б.С., 1991. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье / Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. АЭМК. Вып. 19. Йошкар-Ола.
- Соловьев Б.С., 1994. Чирковская культура Среднего Поволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Спицын А.А., 1881. Каталог древностей Вятского края // КВГ на 1882 г. Вятка.
- Спицын А.А., 1887. Краткий отчет об археологической поездке по Вятской губернии летом 1887 г. // ВГВ. №89. Вятка.
- Спицын А.А., 1887. Один из источников по истории Вятского края. ИОАИЭ. Т. VI, вып. 2. Казань.
- Спицын А.А., 1888. К истории вятских инородцев // КВГ на 1889 г. Вятка.
- Спицын А.А., 1889. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края // КВГ на 1890 г. Вятка.
- Спицын А.А., 1889. Древнейшая судьба Вятской области // КВГ на 1890 г. Вятка.
- Спицын А.А., 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып. I. М.
- Спицын А.А., 1893а. Производство археологических раскопок // ОАК за 1891 г. СПб.
- Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб.
- Спицын А.А., 1906. Шаманские изображения // ЗОРСА РАО. Т. 8, вып. 1. СПб.
- Старков В.Ф., 1980. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.
- Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1-32. М.
- Старостин П.Н., 1978. Первый Меллятамакский могильник // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань.
- Старостин П.Н., Багаутдинов Р.Н., 1981. Иманлейская и Уразаевские стоянки эпохи бронзы // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.
- Старостин П.Н., Хомутова Л.С., 1981. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. № 3. М.
- Степанов П.Д., 1964. Андреевский курган // Труды Мордовского НИИ. Вып. XXVIII. Саранск.
- Степанов П.Д., 1964. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // АЭБ. Т. II. Уфа.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. // Археология СССР. М.
- Стефанова И.И., 1966. Черняницкая мезолитическая стоянка // СА. № 4. М.
- Стефанова И.И., 1967. Первые мезолитические памятники в бассейне р. Вятки // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар.
- Стефанова И.И., 1982. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Сто сказок удмуртского народа / Сост. Н. Кралина, 1961. Ижевск.
- Сыркина Л.М., Матющенко В.И., 1969. Раскопки поселения Самусь IV // Из истории Сибири. Вып. 2. Томск.
- Талицкий М.В., 1940. Кочергинский могильник // МИА. № 1. М., Л.

- Талицкий М.В., 1946. Палеолитическая стоянка Пещерный Лог // КСИИМК. Вып. 12. М.
- Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. М.
- Тараканов И.В., 1959. О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка // Уч. зап. ТГУ. Вып. 77. Тарту.
- Тараканов И.В., 1963. Звуковой состав и некоторые фонетико-морфологические особенности увинско-важожской группы говоров удмуртского языка // ESA. Т. 9. Таллин.
- Тараканов И.В., 1967. О некоторых фонетических процессах в диалектах удмуртского языка // СФУ. № 3. Таллин.
- Тараканов И.В., 1981. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Ижевск.
- Тараканов И.В., 1982. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Тараканов И.В., 1987. Удмуртско-тюркские языковые контакты: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Устинов.
- Тараканов И.В., 1987а. Удмуртская диалектология и история языка на современном этапе // Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск.
- Тараканов И.В., 1993. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (теория и словарь). Ижевск.
- Телегин Д.Я., 1973. Неолитические памятники Северной Украины // МИА. № 172. М.
- Теплоухов А.Е., 1880. О доисторических жертвенных местах // Записки УОЛЕ. Т. 6. Вып. 1. Екатеринбург.
- Тепляшина Т.И., 1961. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // Труды МарНИИ, XV: Вопросы языка, литературы и фольклора. Йошкар-Ола.
- Тепляшина Т.И., 1962. Удмуртский язык: Глазовский диалект. Бесермянский диалект. Слободской диалект. Тыловый диалект. Шошминский диалект // Вопросы финно-угорского языкознания. М., Л.
- Тепляшина Т.И., 1965. О названиях населенных пунктов Удмуртии в бассейне р. Чепцы // Тез. докл. Всесоюзной конференции по топонимике СССР. Л.
- Тепляшина Т.И., 1965а. Система гидронимии Удмуртской АССР, ее состав и особенности // Третья республиканская ономастическая конференция. Киев.
- Тепляшина Т.И., 1966. Удмуртский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.
- Тепляшина Т.И., 1967. К вопросу об этнониме пор // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Тепляшина Т.И., 1969. Еще раз о топоформанте -ым (-им) // Ономастика. М.
- Тепляшина Т.И., 1970. Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Записки УДНИИ. Вып. 21. Ижевск.
- Тепляшина Т.И., 1970а. Язык бесермян. М.
- Тепляшина Т.И., 1971. Топонимы на -кар и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян // Вопросы географии: Местные географические термины. М.
- Тепляшина Т.И., 1973. Заметки по верхнеижским говорам // Вопросы удмуртского языкознания, II. Ижевск.
- Тепляшина Т.И., Лыткин В.И., 1976. Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки. М.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.
- Токарев С.А., 1990. Ранние формы религии. М.
- Третьяков В.П., 1972. Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИИМК. № 131. М.
- Третьяков В.П., 1984. Энеолитические памятники в бассейне р. Вятки и гаринско-борская культура // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
- Третьяков В.П., 1987. Неолит междуречья Суры и Мокши // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13. Йошкар-Ола.
- Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев.
- Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., Л.
- Трефц М.И., 1985. Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке // СА. № 4. М.
- Трофимова Т.А., 1941. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры // УЗ МГУ. Вып. 63. М.
- Трофимова Т.А., 1954. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры // МИА. № 42. М.
- Труды IV Уральского археологического совещания. 1967 // УЗ ПГУ. № 148. Пермь.
- Туганаев В.В., 1976. Состав и характеристика культурных и сорных растений билярских полей // Исследования Великого города. М.
- Туганаев В.В., 1984. Агрофитоценозы современного земледелия и их история. М.
- Туганаев В.В., Ефимова Т.П., 1981. Палеоагроботанические исследования в бассейне р. Чепцы Удмуртской АССР (X–XIV вв. н. э.) // Ботанический журнал. Т. 66. № 4. Л.
- Туганаев В.В., Ефимова Т.П., 1982. Возделываемые культуры и их засорители // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Удмурты в XV–XVII вв., 1958. Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. П.Н. Луппов. Ижевск.

- Удмуртские народные сказки /Сост. А.Клабуков, 1948. Ижевск.
- Удмуртские народные сказки /Сост. Н.П.Кралина, 1976. Ижевск.
- Фаттахов Р.М., 1982. О состоянии антропологического решения проблемы происхождения удмуртского народа // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Федотов П.А., 1989. Коневодство. М.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. Археология СССР. М.
- Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.
- Формозов А.А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.
- Фотеев Г.В., 1978. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск.
- Фосс М.Е., 1952. Древнейшая история Европейской части СССР // МИА. № 29. М.
- Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Хайду П., 1985. Уральские языки и народы. М.
- Халиков А.Х., 1953. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье // КСИИМК. Вып. 50. М.
- Халиков А.Х., 1955. История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории населения среднего Поволжья и нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола.
- Халиков А.Х., 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола.
- Халиков А.Х., 1967. У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Халиков А.Х., 1970. Этническая принадлежность племен ананьинской общности // ВФУ. Вып. V. Йошкар-Ола.
- Халиков А.Х., 1971. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов. Казань.
- Халиков А.Х., 1973. Неолитические племена Среднего Поволжья // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. МИА, № 172. Л.
- Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.
- Халиков А.Х., 1980. Приказанская культура // САИ. Вып. В1–24. М.
- Халиков А.Х., 1985. Проблема этногенеза пермских финнов (оттиск доклада, прочитанного на VI Международном конгрессе финно-угроведов в г. Сыктывкаре). Казань.
- Халиков А.Х., 1986. Этнокультурная ситуация в Среднем Поволжье и Приуралье в эпоху неолита // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург.
- Халиков А.Х., 1991. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань.
- Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. Пепкинский курган. Абашевский человек // Тр. МАЭ. Т. III. Йошкар-Ола.
- Халикова Е.А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2. М.
- Халикова Е.А., 1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. № 3. М.
- Херрман Й., 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.
- Хлебникова Т.А., 1974. Некоторые итоги исследования болгарских памятников нижнего Прикамья // СА. № 1. М.
- Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М.
- Хлобыстин Л.П., 1972. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.
- Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.
- Хрисанфова Е.Н., Мажуга П.М., 1997. Эпоха двуногих человекообразных – австралопитеков // Антропология. Хрестоматия. М.
- Христоробова Л.С., 1978. Погребальный ритуал удмуртов // Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск.
- Худяков М.Г., 1920. Вотские родовые деления // ИОАИЭ. Т. XXX, вып. 3. Т. XXXI, вып. 1. Казань.
- Худяков М.Г., 1923. Очерк истории Казанского ханства. Казань.
- Худяков М.Г., 1929. Воробьевский и Вичмарский могильники // ИОАИЭ. Т. 34, вып. 3–4. Казань.
- Худяков М.Г., 1933. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.
- Худяков М.Г., 1934. Азелинский могильник // ПИДО. Вып. 7–8. М., Л.
- Худяков М.Г., 1986. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов.
- Чебоксаров Н.Н., 1952. К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы // Советская этнография. № 1. М.
- Чернецов В.Н., 1971. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4–12. Ч. 2. М.

- Чернов Г.А., 1951. Петрушинская стоянка на Средней Печоре // КСИИМК. Вып. 39. М.
- Чернов Г.А., 1954. Новые археологические находки в Большеземельской тундре // КСИИМК. Вып. 54. М.
- Чернов Г.А., 1978. Мезолитическая стоянка Сандибейю I // СА. № 2. М.
- Черных Е.М., 1988. Жилища Изранского поселения эпохи поздней бронзы // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Черных Е.М., 1989. Исследования в бассейне Средней Вятки // АОУП. Сыктывкар.
- Черных Е.М., 1995. О функциональной планировке Аргыжского городища // Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века. Казань.
- Черных Е.М., 1996. Культурный комплекс Аргыжского городища на р. Вятке // Святые места и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь.
- Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. № 132. М.
- Черных Е.Н., 1969. Основные черты древнейшей металлургии Урала и Поволжья // КСИА. Вып. 115. М.
- Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., Л.
- Черных Е.Н., 1972. Металл – человек – время. М.
- Черных Е.Н., 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.
- Черныш А.П., 1965. Ранний и средний палеолит Приднестровья. М.
- Четкарев К.А., 1951. Марийские предания о родо-племенных богатырях // Уз МарНИИ. Вып. IV. Йошкар-Ола.
- Шапран И.Г., 1984. Позднесредневековые могильники на территории Удмуртской АССР // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск.
- Шмидт А.В., 1928. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область // Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 7. Л.
- Шмидт А.В., 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук // Хозяйство Башкирии. № 8–9. Уфа.
- Шмидт А.В., 1940. Стоянка у станции Левшино // СА. № 5. М.
- Шнейдер Ю.В., Тихомирова Е.В., Жукова О.В., Лебедева И.А., Петрищев В.Н., Сигнеев В.И., Сыскова Н.Н., Шильникова И.Н., 1989. Антропологическое исследование удмуртского народа. Генетическая структура удмуртов по данным биохимических, иммунологических и физиологических маркеров генов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
- Шнитников А.В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки географического общества СССР. Т. 16, новая серия. М.:Л.
- Шокшув Г.А., 1962. Новый могильник харинского времени в бассейне р.Сылвы // ВАУ. Вып. 4. Свердловск.
- Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А., 1977. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА. № 1. М.
- Штерн Э.Ф., 1914. Бессарабская находка древностей в 1912 г. // МАР. Вып. 34. СПб.
- Штукенберг А.А., 1901. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // ИОАИЭ. Т. 17, вып. 4. Табл. 1–12, 27. Казань.
- Штукенберг А.А., Высоцкий Н.Ф., 1885. Каменный век в Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. XIV, вып. 5. Казань.
- Шутова Н.И., 1987. К истории изучения удмуртских погребальных памятников XVI–XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск.
- Шутова Н.И., 1990. Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск.
- Щербакова Т.И., 1994. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург.
- Эйхвальд Э.И., 1855. Чудские племена в России // Вестник естественных наук. № 7, 8, 10.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987. // Археология СССР. М.
- Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э., 1985. Киев.
- Юсупов Р.М., 1989. Краниология башкир. Л.
- Ютина Т.К., 1980. Раскопки Афонинского могильника // АО-1979. М.
- Ютина Т.К., 1983. Исследования в Южной Удмуртии // АО-1981 г. М.
- Ютина Т.К., 1984. Исследования 1980 г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 1. Ижевск.
- Ютина Т.К., 1984а. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск.
- Ютина Т.К., 1985. Этническая история древнего населения Южной Удмуртии в I тыс. н. э. (на англ. яз.) // VI междунар. конгр. финно-угроведов. Сыктывкар.

- Ютина Т.К., 1986. Исследования средневековых памятников в Прикамье // АО-1984 г. М.
- Ютина Т.К., 1987. Исследования Варалинского городища // АО-1985 г. М.
- Ютина Т.К., 1987а. Этническая история древнего населения Южной Удмуртии в I–II тыс. н. э. // XVII Всесоюз. финно-угорская конф. Ижевск.
- Ютина Т.К., 1990. Направление и характер культурных контактов населения Южной Удмуртии Среднего Прикамья в эпоху средневековья // *Congressus septimus internationalis finno-ugristarum / Sessiones sectionum*. Debrecen.
- Ютина Т.К., 1994. Археологические памятники VI–XIV вв. Южной Удмуртии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Яковлев И.В., 1920. Удмуртъяслэсь ог-огзылэсь мукет сямэн вераськон сямэс валэктысь книга. Казань.
- Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.
- Янина С.А., 1962. Куфические монеты из могильника Мыдланьшай // ВАУ. Вып. 3. Свердловск.
- Яшин Д.А., 1982. Некоторые художественные особенности удмуртских легенд // Об истоках удмуртской литературы. Ижевск.
- Яшин Д.А., 1983. Взгляды ученых на удмуртский эпос // Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора. Ижевск.
- Яшин Д.А., 1986. Мотив превращения в удмуртских народных сказаниях // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов.
- Яшин Д.А., 1986а. Опыт создания удмуртского эпоса (О рукописи М.Г. Худякова «Из народного эпоса вотяков...») // Проблемы этнической традиции удмуртского фольклора и литературы. Ижевск.
- Яшин Д.А., 1987. Легенда «Калмезские богатыри» (из публикации Б. Мункачи) // Венгерские ученые и пермская филология. Устинов.
- Яшин Д.А., 1987а. Соотношение фольклорного и авторского в эпосе М.Г. Худякова «Песнь об удмуртских батырах» // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Ч. 11. Устинов.
- Яшин Д.А., 1990. Локальный характер этнических традиций в фольклоре пермских народов // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск.
- Atlas Linguarum Europae (ALE). T. I, 1983. Assen.
- Atlas Linguarum Europae (ALE). T. II, 1986. Assen, Maastricht.
- Aminoff T.G., 1886. *Wotjakilaisia kielinäytteitä* // JSFOu, 1. Helsinki.
- Bereczki G., 1977. *Permi-czeremisiz Lexikalis kölcsönzések* // NyK, 79/1–2. Budapest.
- Callmer J., 1989. The beginning of the East-European trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eighth and ninth centuries A.D. // *Internationale Konferenz über das Frühmittelalter*. Szekszard.
- Callmer J., 1991. Beads as a criterion of shifting trade and exchange connections // *Studien zur Sachsenforschung*, №7. Hildesheim.
- Chalikova E.A., Chalikov A.H., 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural*. Budapest.
- Munkácsi B., 1896. *A votják nyelv szótára*. Budapest.
- Munkácsi B., 1887. *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest.
- Munkácsi B., 1952. *Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken*. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkacsi herausgegeben von D.R. Fuchs. Helsinki.
- Napolskikh V.V., 1993. *Uraliñ fish-names and original home* // *Ural-Altäische Jahrbücher*. Bd. 12. Wiesbaden.
- Setälä E.N., 1906. *Zur Herkunft und Chronologie der älteren germanischen Lehnwörter in den ostseefinnischen Sprachen* // JSFOu. Vol. 23. Helsinki.
- Tallgren A.M. 1915. *Ett viktigt forfund fran mellersta Russland* // SM. T. 22.
- Tallgren A.M. 1916. *Collection Zaoussailov au musee historique de Finlande a Helsingfors*. I. Catalogue raisonne de la collection de l'age du bronze. Helsingfors.
- Uotila T.E., 1933. *Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen*. Helsinki.
- Wichmann Y., 1893. *Wotjakische Sprachproben, I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche* // JSFOu, 11/1. Helsingfors.
- Wichmann Y., 1901. *Wotjakische Sprachproben, II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen* // JSFOu, 19/1. Helsingfors.
- Wichmann Y., 1903. *Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen*. JSFOu XXI. Helsinki.
- Wiedemann F., 1851. *Grammatik der wotjakischen Sprache*. Reval.
- Wiedemann F., 1858. *Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache* // *Bulletin de la Classe Historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St. Petersburg*. T. 15.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
АОУП – Археологические открытия Урала и Поволжья
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГВ – Вятские губернские ведомости
ВДИ – Вестник древней истории
ВСФУЯ – Всесоюзное совещание по финно-угорскому языкознанию
ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия
ВФУЯ – Вопросы финно-угорского языкознания
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА РАО – Записки отделения русской и славянской археологии Российского археологического общества
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРГО – Известия Российского географического общества
ИЭ – Институт этнографии Академии наук России
КАЭ – Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского государственного университета
КВТ – Календарь Вятской губернии
КИЧП – Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук России
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН – Казанский филиал Академии Наук
МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАР – Материалы по археологии России
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НИИ – Научно-исследовательский институт
НОИВК – Научное общество по изучению Вотского края
ОАК – Отчеты археологической комиссии
ОКВАЭ – Отчеты Камско (Воткинской) археологической экспедиции
ОНКАЭ – Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции
ПГУ – Пермский государственный университет
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ – Полный свод русских летописей
ПУАК – Пермская ученая архивная комиссия
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников
СПб – Санкт-Петербург
СФУ – Советское финно-угроведение
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Тартуский государственный университет
УАС – Уральское археологическое совещание
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УдНИИ – Удмуртский научно-исследовательский институт
УЗ МОПИ – Ученые записки Московского областного педагогического института
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
ESA – Emakeele seltsi aastaraamat. Tallinn
JSFOu – Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki
NyK – Nyelvtudományi Közlemények. Budapest
SM – Suomen Museo

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I. Возможности и вклад различных наук в изучение древней и средневековой истории удмуртского народа	7
1.1. Языкознание и этногенез удмуртов	7
1.2. Историки и этнографы о происхождении и древней истории удмуртов	12
1.3. Роль диалектологии в изучении истории удмуртского народа	15
1.4. Топонимика и ранняя история удмуртов	17
1.5. Фольклористика и мифология о древней истории удмуртов	20
1.6. Антропология и этногенез удмуртов	22
1.7. Археология и древняя история удмуртов	29
Глава II. Древнейшие этапы истории финно-угорского населения приуралья	34
2.1. Первоначальное заселение Урала древними людьми	34
2.2. Население Камско-Вятского междуречья в эпоху мезолита (VIII–VI тыс. до н. э.)	49
2.3. Камско-Вятское междуречье в эпоху неолита (V–III тыс. до н. э.)	66
Глава III. Население Камско-Вятского междуречья в эпоху раннего металла и бронзы	92
3.1. Эпоха энеолита в Камско-Вятском бассейне (конец III – середина II тыс. до н. э.)	92
3.2. Эпоха бронзы в Камско-Вятском междуречье (XV–IX вв. до н. э.)	141
Глава IV. Ранний железный век Камско-Вятского междуречья (VIII в. до н. э. – V в. н. э.)	161
4.1. Ананьинская культурно-историческая общность – древняя основа пермских народов (VIII–III вв. до н. э.)	161
4.2. Пьяноборская общность – древнеудмуртское объединение III в. до н. э. – V в. н. э.	200
4.2.1. Изучения памятников	200
4.2.2. Чегандинская культура в удмуртском Прикамье	203
4.2.3. Худяковская культура – вятский вариант пьяноборской общности	219
4.2.4. Кара-абызская культура в северо-западной Башкирии	230
4.2.5. Среднекамский вариант пьяноборской общности	239
4.2.6. Хозяйство и общественный строй	247
4.2.7. Начало эпохи великого переселения народов в Прикамье	252
Глава V. Древнеудмуртское население в эпоху средневековья (VI–XIV вв.)	270
5.1. Южная Удмуртия в эпоху средневековья (VI–XIV вв.)	270
5.2. Восточные области расселения удмуртов в эпоху средневековья (VI–VII вв. н. э.)	298

5.3. Вятский край в эпоху средневековья (VI–XIII вв.)	301
5.4. Бассейн р. Чепцы в эпоху средневековья (V–XIII вв.)	333
5.5. Хозяйство и особенности общественного устройства	368
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	389
ANCIENT AND MIDDLED-AGED HISTORY OF THE UDMURT PEOPLE	394
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	395
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	418

На обложке – вид на Зуевключевское I городище в Каракулинском районе Удмуртии

Научное издание

Голдина Римма Дмитриевна

**ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ
УДМУРТСКОГО НАРОДА**

Редактор *В.И. Бацекало*. Художники: *Л.И. Литина, И.Г. Маргасова, Н.Ф. Шишкина*.
Фотографии: *Р.Д. Голдина, Т.М. Гусенцова, А.Н. Демидов, Л.Д. Макаров*.
Технический редактор *С.И. Зянкина*. Корректор *Е.Ф. Осипова*.
Компьютерная подготовка: *В.Г. Базанова, Н.Р. Зянкина*.

Лицензия ЛР № 020411 от 16.02.1997 г. Сдано в производство 05.02.04.
Формат 84 × 108 ¹/₁₆. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 44,57 + вкл. Уч.-изд. л. 46,3+вкл. Заказ 6034. Тираж 1000 экз.

Издательский дом «Удмуртский университет»,
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.2.
E-mail: knigi@udm.ru. internet: <http://www.uni.udm.ru/pubhouse>.
Отпечатано с оригиналов заказчика на ГП «Ижевская республиканская типография»,
426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

**ГОЛДИНА
РИММА
ДМИТРИЕВНА**

Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии и истории первобытного общества, директор Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики.

Автор монографии «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» (Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985. 280 с.) и многих статей, один из авторов монографии «Средневековые памятники верховьев Камы» (Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. 216 с.); «Могильники неволинской культуры в Приуралье» (Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. 176 с.).

Область научных интересов – древняя и средневековая история народов Приуралья.